

Annotation

«Повесть о дупле» принадлежит к числу интереснейших произведений средневековой японской литературы эпохи Хэйан (794-1185). Автор ее неизвестен. Считается, что создание повести относится ко второй половине X века. «Повесть о дупле» — произведение крупной формы в двадцати главах, из произведений хэйанской литературы по объему она уступает только «Повести о Гэндзи» («Гэндзи-моноготари»). Сюжет «Повести о дупле» близок к буддийской житийной литературе: это описание жизни бодхисаттвы, возродившегося в Японии, чтобы указать людям Путь спасения. Бодхисаттва возрождается в облике отпрыска знатнейшего японского семейства. В часть 1 вошли главы I–XI. Оглавление

- [ПОВЕСТЬ О ДУПЛЕ \(УЦУХО-МОНОГАТАРИ\) часть 1](#)
- [ВВЕДЕНИЕ «ПОВЕСТЬ О ДУПЛЕ», ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПАМЯТНИК X ВЕКА](#)
- [Время создания. Жанр произведения](#)
- [Религиозно-философский роман. Тема музыки буддийского рая](#)
- [Мир заблуждений и страстей](#)
- [Генезис романа как литературного произведения](#)
- [Проблема авторства](#)
- [Этапы становления романа. Его стиль](#)
- [Глава I ТОСИКАГЭ](#)
- [Глава II ТАДАКОСО](#)
- [Глава III ГОСПОДИН ФУДЗИВАРА](#)
- [Глава IV У ОТРЕКШЕГОСЯ ОТ ПРЕСТОЛА ИМПЕРАТОРА САГА](#)
- [Глава V СЛИВА, ПОКРЫТАЯ ШАПКОЙ ЦВЕТОВ](#)
- [Глава VI ФУКИАГЭ \(Начало\)](#)
- [Глава VII ФУКИАГЭ \(Окончание\)](#)
- [Глава VIII ПОСЛАНЦЫ В ХРАМ КАМО](#)
- [Глава IX ПРАЗДНИК ХРИЗАНТЕМ](#)
- [Глава X АТЭМИЯ](#)
- [Глава XI РАННЯЯ ОСЕНЬ](#)
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)

- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)

- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)

- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)

- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)

- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)

- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)

- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)

- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)

- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)

- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)

- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)

- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)

- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)

- [512](#)
- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)
- [523](#)
- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)
- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)
- [538](#)
- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)
- [545](#)
- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)
- [549](#)
- [550](#)

- [551](#)
- [552](#)
- [553](#)
- [554](#)
- [555](#)
- [556](#)
- [557](#)
- [558](#)
- [559](#)
- [560](#)
- [561](#)
- [562](#)
- [563](#)
- [564](#)
- [565](#)
- [566](#)
- [567](#)
- [568](#)
- [569](#)
- [570](#)
- [571](#)
- [572](#)
- [573](#)
- [574](#)
- [575](#)
- [576](#)
- [577](#)
- [578](#)
- [579](#)
- [580](#)
- [581](#)
- [582](#)
- [583](#)
- [584](#)
- [585](#)
- [586](#)
- [587](#)
- [588](#)
- [589](#)

- [590](#)
- [591](#)
- [592](#)
- [593](#)
- [594](#)
- [595](#)
- [596](#)
- [597](#)
- [598](#)
- [599](#)
- [600](#)
- [601](#)
- [602](#)
- [603](#)
- [604](#)
- [605](#)
- [606](#)
- [607](#)
- [608](#)
- [609](#)
- [610](#)
- [611](#)
- [612](#)
- [613](#)
- [614](#)
- [615](#)
- [616](#)
- [617](#)
- [618](#)
- [619](#)
- [620](#)
- [621](#)
- [622](#)
- [623](#)
- [624](#)
- [625](#)
- [626](#)
- [627](#)
- [628](#)

- [629](#)
- [630](#)
- [631](#)
- [632](#)
- [633](#)
- [634](#)
- [635](#)
- [636](#)
- [637](#)
- [638](#)
- [639](#)
- [640](#)
- [641](#)
- [642](#)
- [643](#)
- [644](#)
- [645](#)
- [646](#)
- [647](#)
- [648](#)
- [649](#)
- [650](#)
- [651](#)
- [652](#)
- [653](#)
- [654](#)
- [655](#)
- [656](#)
- [657](#)
- [658](#)
- [659](#)
- [660](#)
- [661](#)
- [662](#)
- [663](#)
- [664](#)
- [665](#)
- [666](#)
- [667](#)

- [668](#)
- [669](#)
- [670](#)
- [671](#)
- [672](#)
- [673](#)
- [674](#)
- [675](#)
- [676](#)
- [677](#)
- [678](#)
- [679](#)
- [680](#)
- [681](#)
- [682](#)
- [683](#)
- [684](#)
- [685](#)
- [686](#)
- [687](#)
- [688](#)
- [689](#)
- [690](#)
- [691](#)
- [692](#)
- [693](#)
- [694](#)
- [695](#)
- [696](#)
- [697](#)
- [698](#)
- [699](#)
- [700](#)
- [701](#)
- [702](#)
- [703](#)
- [704](#)
- [705](#)
- [706](#)

- [707](#)
- [708](#)
- [709](#)
- [710](#)
- [711](#)
- [712](#)
- [713](#)
- [714](#)
- [715](#)
- [716](#)
- [717](#)
- [718](#)
- [719](#)
- [720](#)
- [721](#)
- [722](#)
- [723](#)
- [724](#)
- [725](#)
- [726](#)
- [727](#)
- [728](#)
- [729](#)
- [730](#)
- [731](#)
- [732](#)
- [733](#)
- [734](#)
- [735](#)
- [736](#)
- [737](#)
- [738](#)
- [739](#)
- [740](#)
- [741](#)
- [742](#)
- [743](#)
- [744](#)
- [745](#)

- [746](#)
 - [747](#)
 - [748](#)
 - [749](#)
 - [750](#)
 - [751](#)
-

ПОВЕСТЬ О ДУПЛЕ (УЦУХО- МОНОГАТАРИ) часть 1

(Перевод) Посвящается памяти Пабло Кальзаса и Йожефа Сигети

**ВВЕДЕНИЕ «ПОВЕСТЬ О ДУПЛЕ»,
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПАМЯТНИК X ВЕКА**

Время создания. Жанр произведения

Среди дошедших до нашего времени памятников японской литературы эпохи Хэйан (794-1185) «Повесть о дупле» («Уцухо-моногатари»), создание которой относится ко второй половине X в., принадлежит к числу наименее известных. Однако это одно из наиболее интересных произведений эпохи, и его изучение чрезвычайно важно для понимания развития японской литературы.

Эпоху Хэйан, названную так по наименованию столицы Хэйанкё (Столица мира и покоя, впоследствии — Киото), где и происходит действие «Повести о дупле», часто определяют как золотой век японской литературы и искусства. Наряду с литературой более или менее подражательной, создававшейся на китайском языке, в Японии культивировалась поэзия на родном языке, которая опиралась на древние формы и образы. Первая поэтическая антология «Собрание мириад листьев» («Манъёсю») была составлена в VIII в. В эпоху Хэйан национальная поэзия получила необычайное развитие. По приказу императора было создано восемь поэтических антологий (последняя уже за пределами эпохи, в 1201 г.). Об огромной роли поэзии в жизни аристократического общества можно судить на основании «Повести о дупле», содержащей около тысячи стихотворений (многие из них были впоследствии включены в императорские антологии.)

Национальная литература эпохи Хэйан не ограничивалась одними поэтическими формами. В X–XI вв. появились прозаические произведения, наиболее популярным жанром в прозе было моногатари (повествование). Основу ему положила «Повесть о Такэтори» («Такэтори-моногатари»), появившаяся в начале X в. К концу эпохи было создано около двухсот моногатари, но до нашего времени дошло не более двадцати. С точки зрения европейского литературоведения, японские моногатари не составляют однородного жанра, этот термин объединяет сочинения, различные по объему, форме и композиции. «Такэтори» и «Повесть об Отикубо» («Отикубо-моногатари», вторая половина X в.) представляют собой обработку сказочных сюжетов. Первое из них — рассказ о Лунной деве, которая за свои прегрешения должна провести некоторое время на земле. В «Такэтори» очень много заимствований из китайских и даже индийских литературных источников[1]. «Повесть об Отикубо» — это сказка о Золушке, но в японской версии она лишена фантастических

элементов: будущий муж героини узнает о ней от слуг, тайно навещает ее и затем увозит к себе. Персонажи «Повести об Отикубо» достаточно схематичны, они делятся на добрых и злых без каких бы то ни было нюансов. Обе повести небольшие по объему.

«Повесть об Исэ» («Исэ-моногатари») и «Повесть о Ямато» («Ямато-моногатари») принадлежат к особой разновидности жанра, который называется ута-моногатари (ута — песня, стихотворение). Обе книги представляют собой серию небольших отрывков, центральное место в которых занимает одно или несколько стихотворений. Прозаический текст, как правило, является необходимым комментарием к стихам. «Повесть об Исэ» приписывается знаменитому поэту IX в. Аривара Нарихира (825–880) [2], но произведение было, по-видимому, создано уже в X в. на основе стихотворений поэта, к которым неизвестный автор добавил прозаический текст. В «Повести о Ямато» (середина X в.) содержание более развернуто. Здесь, как и в «Исэ», во многих отрывках рассказывается об обстоятельствах сочинения стихотворений, но в книгу включены и легенды, небольшие новеллы, где прозаическая часть более содержательна, чем стихи.

К жанру моногатари относятся и сборники сэцува (небольшой рассказ, анекдот), содержание их могло быть как буддийским, так и светским. Они включают в себя жизнеописания знаменитых деятелей буддийской церкви, рассказы о чудесах, связанных с чтением сутр, которое избавляло от гибели, болезней и проч., истории воздаяний за грехи, а также светские истории из жизни выдающихся лиц. Первые сборники сэцува буддийского характера были написаны на китайском языке, затем подобные рассказы стали создаваться на японском. К последней группе принадлежит знаменитый сборник «Стародавние повести» («Кондзяку-моногатари», начало XII в.).

В эпоху Хэйан возник жанр дневника, которому положил начало «Дневник путешествия из Тоса» («Тоса-никки») Ки Цураюки (ок. 868–945 или 946), знаменитого поэта, причисленного к Тридцати шести гениям поэзии. В XI в. появилось первое произведение в жанре эссе, это — «Записки у изголовья» («Макура-но соси») Сэй-сёнагон.

На фоне этих произведений появление «Повести о дупле» не может не удивлять. Между нею и предшествующими или созданными в то же время произведениями — огромный разрыв. «Повесть о дупле» — это произведение философского содержания, с многочисленными персонажами, с большим количеством побочных линий, произведение, состоящее из двадцати глав и превосходящее по объему все написанное в

эпоху Хэйан, за исключением созданной в начале XI в. «Повести о Гэндзи» («Гэндзи-моноготари»). Сюжет «Повести о дупле» довольно сложен, многие персонажи чрезвычайно индивидуализированы, психологический анализ часто необычайно глубок. С достаточным основанием это сочинение, как и «Повесть о Гэндзи», можно назвать романом.

Религиозно-философский роман. Тема музыки буддийского рая

«Повесть о дупле» начинается с рассказа истории Киёвара Тосикагэ, его путешествия на запад, где он обучается музыке, звучащей в Чистой земле Западного мира, рае Будды Амитабхи. Возвратившись в Японию, он обучает этой музыке свою дочь, а она — своего сына, Накатада, который и является героем произведения. В юности он подпадает под чары красавицы Атэмия, девятой дочери Минамото Масаёри, и в числе многих влюбленных в нее страдает от равнодушия девицы. Она поступает на службу во дворец наследника престола, становится его любимой наложницей и рождает трех сыновей, старший из которых должен в свое время стать императором. Накатада же женится на старшей дочери императора, у него рождается дочь, Инумия, которую он (в последних главах романа) обучает музыке.

Японские литературоведы считают, что композиция «Повести» состоит из двух линий: первая — история Тосикагэ и Накатада, связанная с музыкой, вторая — Масаёри, Атэмия и эпизоды, рассказывающие о влюбленных в красавицу. Считается, что автору не удалось в композиции своего произведения убедительно соединить достаточно независимые друг от друга линии. Более того, нет единой точки зрения по поводу того, какую из двух тем считать главной[3].

Нам кажется, что японские литературоведы не придают должного значения тому факту, что Накатада является бодхисаттвой и что роман развивается как история его подвига. Эта тема заявлена в самом начале первой главы: Будда объявляет Тосикагэ, что один из небожителей, у которых сам Тосикагэ учился играть на кото, должен возродиться в образе его внука. Несколько раз автор повторяет, что Накатада — бодхисаттва. Было бы неверно считать «Повесть о дупле» волшебной сказкой, несмотря на чудеса, связанные с путешествием Тосикагэ на запад. Это дидактическое произведение религиозно-философского характера. Буддийские элементы играют в «Повести» большую роль. Небожительница, которая открывает Тосикагэ его судьбу, и семь ее сыновей суть буддийские божества, вынужденные покинуть небеса вследствие совершенных проступков. Буря, которая обрушивается на японские корабли, плывущие в Китай, является лишь одним из элементов замысла Будды. Небожительница уже посадила павлонию — дерево, ветку

которого должны срубить асуры; она и семь ее сыновей уже изгнаны с небес и ожидают появления Тосикагэ, чтобы обучить его музыке во искупление своих прегрешений. Все это приводит к осуществлению решения Будды: благодаря Тосикагэ музыка буддийского рая должна стать известной в Японии. Музыка в «Повести» носит религиозный характер. Это музыка буддийского рая, которая ведет к прозрению. Музыкальная тема в романе полностью подчинена теме деяний бодхисаттвы. Тосикагэ и Накатада явились в мир, чтобы указать японцам Путь к спасению. Если мы рассмотрим роман с этой точки зрения, его концепция предстанет предельно ясной: автор противопоставляет мир Будды и земной мир желаний, показывает незыблемость первого и эфемерность второго. И действительно, как пишет редактор и комментатор романа Коно Тама, вся слава Масаёри и Атэмия исчезает, как роса под лучами солнца, когда семья Накатада исполняет в финале романа музыку рая Чистой земли[4]. Слушая игру Инумия, Атэмия, мать будущего императора, достигшая вершины земных почестей, испытывает зависть к жене Накатада, родившей девочку[5]. Тема бодхисаттвы и тема Атэмия, которая символизирует тщетность суетных человеческих усилий, идет ли речь о попытках влюбленных в красавицу добиться ее руки или о честолюбивых замыслах Масаёри, достигшего вершины власти благодаря замужеству дочери и рождению внука, эти две тесно взаимосвязанные сюжетом темы и являются отражением концепции, лежащей в основе романа. В хэйанской литературе нет произведения, замысел и композиция которого были бы столь сложными. По сравнению с «Повестью о дупле» знаменитая «Повесть о Гэндзи» отличается гораздо большей простотой: развитие сюжета в ней основано на биографическом принципе и исключительно линейно.

Сама музыка в романе является выражением буддийского учения. В предпоследней главе Накатада, приступая к обучению дочери, излагает основы игры на кото. Девочка должна выучить различные произведения и научиться сочетать музыку с разнообразными явлениями природы. Обучение подчинено выражению в музыке основной буддийской идеи изменчивости всего сущего. Накатада говорит:

— Весной проникать мыслью в пение соловья в горы, окутанные легкой дымкой, в ароматы цветов. В начале лета думать о крике кукушки поздней ночью, о блеске утренней зари, о роще звезд, сияющих на небе. Осенью думать о дожде, о яркой луне в небесах, о насекомых, стрекочущих каждое на свой лад, о шуме ветра, о небе, виднеющемся сквозь багряные листья клена. Зимой — об изменчивых облаках, о птицах и зверях; глядя

при блеске утра на покрытый снегом сад, представлять себе высокие горные пики, ощущать течение воды в глубине чистых прудов. Глубоко чувствующим сердцем и высокой мыслью объять самые разнообразные вещи. Следя за их изменениями, познать изменчивость всего сущего. Задуматься, как выразить все это в звуках кото. И таким образом проникнуть, благодаря музыке, в суть тысячи вещей[6].

Буддийский характер музыки отчетливо проявляется в самом конце романа, в описании исполнения музыки Накатада, его матерью и дочерью. Когда мать заиграла на волшебном кото, «посыпался частый град, на небе неожиданно показались облака, звезды пришли в движение. Но небо не было устрашающим, облака были удивительно красивыми. Собравшиеся в передних покоях сидели очень тесно, и было очень душно и влажно, но вдруг повеяло прохладой. На душе у них стало легко, жизнь представилась им бесконечной. Казалось, в звуках музыки было сосредоточено все благоденствие, которое могло быть на свете. Госпожа продолжала играть в том же самом ладу. Звуки становились все чище и чище и поднимались к небу. Сердца слушающих сдавила печаль. В небесах загрохотал гром, земля содрогнулась. Музыку можно было слышать далеко вокруг, в горах и лесах. Звуки стали более скорбными, и все, кто внимал им, вдруг осознали, что нет ничего постоянного в мире, и залились горькими слезами»[7].

Музыка достигает императорского дворца. Слушая ее, император погружается в глубокую скорбь. Он размышляет о коловращении всего сущего, и слезы катятся по его щекам[8].

Эти эпизоды составляют философский итог романа. Музыка является подобием проповеди, наглядно являя идею непрочности земного существования.

Такая концепция музыки не является собственно японской, она распространилась в Японии вместе с буддийским учением. В «Сукхавати вьюха-сутра» («Дзёдо самбукё»), в сутрах, описывающих рай Чистой земли будды Амиабхи, говорится, что музыка слышна там постоянно. В небе сами по себе играют музыкальные инструменты; волны рек источают сладостные гармонии; ветер разносит до бесконечных миров звучание, исходящее от дерева Прозрения; поют райские птицы; позванивают колокола. Все эти звуки указывают Путь, они ведут к Прозрению, и слушающие их думают о Будде, о Законе и об Общине[9].

Условия обучения музыке в романе подчеркивают ее буддийский характер. Здесь автор прибегает к элементам житийной литературы. Никто из семьи Тосикагэ не уходит в монашество, но и сам Тосикагэ, и дочь его, и Накатада, и Инумия — все проходят период затворничества, в течение

которого они учатся музыке. Тосикагэ обучается музыке в неизвестной стране, где он не видит никого, кроме своих учителей. Чтобы передать свое искусство дочери, он поселяется в большом доме в малонаселенной части столицы. Накатада изучает музыку в лесу, живя вместе с матерью в дупле. Когда Накатада решает учить музыке свою дочь, он отвозит ее в старую усадьбу своего деда, где девочка живет в одиночестве, не видя никого, кроме своих учителей. В течение этого периода герои соблюдают строгий пост. Тосикагэ питается росой с цветов и инеем с листьев клена. Живя в лесу, его дочь и Накатада едят только фрукты и корни. Малолетняя Инумия, обучаясь музыке, ест только фрукты. Само уединение Накатада и его матери в старой усадьбе носит характер отшельничества. Оба они в конце романа говорят о своем желании уйти от мира, изучать сутры и посвятить себя служению Будде.

Таким образом, музыка Чистой земли Западного мира в романе не является феноменом эстетическим, ее слушание не ставит целью наслаждение красотой. Эта музыка имеет такую же чудодейственную силу, как святые мощи, как сутры, почитание которых было одним из важных элементов буддийской практики: чтение сутр защищало страну, избавляло от стихийных бедствий. Само исполнение музыки приравнивалось буддистами к религиозной практике. Предписывалось играть музыку во время служб и считалось, что благодаря исполнению музыки можно достичь прозрения[10].

Буддийское понимание музыки не исчерпывает, однако, всей сложности музыкальной концепции «Повести о дупле». Автор не мог пройти мимо проникшей из Китая скрупулезно разработанной философии музыки, которая в своих истоках связана с именем Конфуция (551–479 гг. до н. э.) и является одним из краеугольных камней конфуцианства.

Для конфуцианства музыка была средством управления народом. Конфуцианское учение о музыке основано на двух главных положениях. С одной стороны, она рассматривается как проявление человеческих эмоций: когда человек испытывает скорбь, радость или гнев, он неминуемо выражает их в звуках. С другой стороны, чувства формируются от контакта с внешними предметами и в соответствии с их характером. Неконтролируемые эмоции ведут к беспорядкам. Целью конфуцианства было создание «правильных» эмоций народа и с их помощью обеспечить мир и порядок в империи. Для этого необходимо создать «правильные» образцы, от которых зависят эти эмоции. Этими образцами стали церемонии и музыка.

Идея совершенной музыки (яюэ) является частью морально-

политического учения Конфуция, учения глубоко революционного для своего времени. В период распада родового строя Конфуций провозгласил идею государства, образованного по типу одной большой семьи, т. е. призывал к объединению Китая под властью одного правителя. Ритуал и музыка, формирующие чувства долга и верноподданничества, должны были обеспечить незыблемость новой социальной организации, и, с этой точки зрения, они были выражением нового типа мышления.

Идея совершенной музыки возникла, по-видимому, на основе наблюдений за магическими обрядами. Конфуцианцы установили связь между внешней формой этих обрядов и мировоззрением, в них выраженным, которое они называли эмоциями, и пришли к заключению, что форма обрядов не вторична, а первична по отношению к эмоциям, что именно форма их образует. Магические обряды часто бывали «дикими», оргиастическими; в рассказе об одном празднике, на котором присутствовал Конфуций, сообщается, что «все жители этой местности были как будто охвачены безумием»[11]. Конфуцианцы хотели искоренить эти «дикие» эмоции и заменить их умеренными, разумными, упорядоченными, эмоциями, необходимыми для создания государства, основанного на новых рационалистических началах. В «Книге установлений» («Лицзи») конфуцианский ритуал сравнивается с плотиной, что сдерживает человеческие чувства и воплощает разум, управляющий людьми и обществом[12].

Речь, таким образом, шла о формировании нового типа мышления. Но разработка вопросов, как и почему функционируют ритуал и музыка, была полностью определена нормами архаического мышления, того самого, которое конфуцианство старалось искоренить. За совершенной музыкой Конфуций видел ту же силу, что стояла за магическими обрядами. Воздействием этой силы на людей можно было управлять. Фигуру шамана или колдуна, выполняющего магический обряд, заменила в новом ритуале фигура ученого конфуцианца или просвещенного правителя, но само существо ритуала осталось тем же. Как колдун обращается к определенному духу и просит его выполнить что-то, так и ученый конфуцианец, совершая ритуал и исполняя музыку, добивается воздействия некоей силы на людей. В китайской музыкальной философии необходимо различать два значения понятий музыки и ритуала: как скрытой силы и как конкретного воплощения. Связь между этими феноменами целиком объясняется механизмом магического обряда. Если музыка, исполняемая в стране, правильна, тогда высшая музыка воздействует в нужном для общего порядка направлении, в стране царит

мир и народ спокоен; если же конкретная музыка извращена, тогда стоящая за ней сила действует в неблагоприятном направлении, в стране царят беспорядки и народ бунтует. Нетрудно разглядеть в этом положении механизм влияния на духов путем обряда, выполняемого шаманом или колдуном: в зависимости от того, правильно или неправильно выполняет колдун обряд, дух умиротворен или рассержен, исполняет обращаемые к нему просьбы или не только не исполняет их, но даже карает колдуна и народ.

В дальнейшем идеи о совершенной музыке, выраженные первоначально довольно туманно, были конкретизированы с помощью символов натурфилософии, а с другой стороны, с помощью архаических легенд и мифов. В натурфилософии была создана модель двенадцати трубок люй люй, которая поначалу никакого отношения к музыке не имела, являясь одним из абстрактных построений, символизирующих мировой порядок: вместе с системами светил (Солнце, Луна, пять планет), двадцати восемью зодиакальными созвездиями и календарем трубки люй люй явились выражением отношений Неба и Земли, Пяти первоэлементов (дерево, огонь, земля, металл и вода) и восьми направлений (т. е. частей света).

Двенадцать трубок были символами двенадцати месяцев, они были разделены на две группы, каждая из которых олицетворяла космические силы ИНЬ и ЯН. В сложной комбинации чисел, явившейся основой для определения размеров трубок, отражались нарастание мужской силы ян в период от первого месяца до шестого, затем ее убывание и нарастание женской силы инь. Трубки люй люй могли быть использованы и акустически: из них можно было извлечь двенадцать различных звуков, которые давали последовательность чистых квинт и кварт (или, при ином порядке ступеней, хроматический звукоряд). Пять последовательно взятых звуков люй люй образовывали гаммы, символизировавшие Пять планет (Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн), Пять первоэлементов, Пять цветов (желтый, красный, синий, белый, черный), Пять частей света (север, юг, запад, восток, центр). Эти гаммы со всеми сложными ассоциациями натурфилософского характера были положены в основу музыки, которая должна была быть выражением незыблемого порядка. В ходе дальнейшего развития музыкальной философии символической интерпретации подверглись и музыкальные инструменты, их ансамбль, использовавшийся в оркестре сакральной музыки, был трактован таким образом, что они образовывали картину полного годового круга, от прорастания до увядания растений.

Для иллюстрации своего тезиса о влиянии музыки на человека конфуцианцы прибегали к древним мифам и легендам. Эти легенды, связанные с архаической системой мышления, содержали многочисленные примеры магической власти музыки. Например, Хуба, легендарный музыкант, играя на струнном инструменте цинь, заставлял танцевать птиц и выпрыгивать из воды рыб[13]. На звуки напевов, исполняемых легендарным императором Юем, являлись удивительные твари и фениксы[14]. Когда Куй, министр другого легендарного императора, Шуня, играл на музыкальных инструментах, являлись духи предков, птицы поднимались в воздух и звери танцевали[15]. В подобных легендах конфуцианцы видели подтверждение своей концепции музыки. Так, в «Истории династии Хань» («Хань шу»), цитируя отрывок из «Книги Истории» («Шу цзин»), в котором рассказывается, как при ударах камня о камень (т. е. звуках литофона) звери принялись танцевать, автор вопрошает: «Если так реагируют звери, то что же сказать о людях?»[16] Существовали легенды и о влиянии музыки на природу: исполнение музыки могло нарушить естественную смену времен года, привести к потеплению климата или стихийным бедствиям. Символическая интерпретация музыкальных элементов в духе натурфилософии позволила в значительной степени модернизировать древние легенды и аргументировать связь между причиной и следствием явлений. Например, к наступлению весны ведет исполнение не просто музыки, а нот, символизирующих весенние месяцы, и т. д.:

Если весной настроить струну гун[17] в лад осени, то вся трава неминуемо завянет; если осенью настроить гун в лад весны, то все растения неминуемо расцветут; если летом настроить гун в лад зимы, неминуемо польет дождь; если зимой настроить гун в лад лета, неминуемо грянет гром[18].

Описание чудодейственной игры Ши Вэня из царства Чжэн, содержащееся в «Ле-цзы», основано на еще более детальном соответствии между музыкой и календарем:

Была весна, но он взял ноту наньлюй[19] на струне шан[20], и подул свежий ветер, созрели фрукты на деревьях и семена трав, и наступила осень. Он взял ноту цзячжун[21] на струне цзюэ[22], и тихо подул теплый ветер, зацвели травы и деревья. Наступило лето. Он взял ноту хуанчжун[23] на струне юй[24], пошел снег, и град покрыл землю, реки и пруды замерзли. Наступила зима. Он взял ноту жуйбинь[25] на струне чжи[26] — засияло солнце, и лед растаял. В конце концов он ударил по струне гун, добавил к ней звуки других струн, подул благодатный ветер,

высоко в небе показались облака, выпала благоуханная роса, и забили ключи[27].

Все различные элементы музыкальной теории и философии были обобщены в официальной историографической литературе в виде формулы, содержащейся, в частности, в «Истории династии Хань»:

Музыка — это то, чем святые приводили в движение Небо и Землю, прокладывали путь к божествам, успокаивали народ и создали [правильные] эмоции[28].

Весь этот сложный комплекс музыкальной философии проник в Японию. Заимствованная китайская музыка стала музыкой императорских церемоний и буддийских богослужений. Китайская теория составила основу музыкального профессионального образования. Но распространение музыкальной теории и философии не было ограничено профессиональными кругами. Положения китайской музыкальной философии проникли в литературу, написанную на японском языке, иногда без связи с музыкой. Формула, приведенная выше, часто воспроизводилась в Японии. В предисловии к антологии «Собрание старых и новых японских песен» («Кокин вака сю») Ки Цураюки пишет о песне:

Без всяких усилий движет она Небом и Землею; пленяет даже богов и демонов, незримых нашему глазу; утончает союз мужчин и женщин; смягчает сердца суровых воинов...[29]

Парадоксально, что Цураюки прилагает это определение не к заимствованной из Китая музыке, а к национальной поэзии, которая противопоставляется заимствованной культуре.

Указанная формула содержится и в «Собрании песен, красота которых поднимает пыль с балок» («Рёдзин хисё»):

С помощью песни движут Небом и Землею, успокаивают жестоких богов, управляют государством и добиваются счастья народа[30].

На цитате из «Истории династии Хань» основан и следующий отрывок из «Повести о Гэндзи», хотя вполне возможно здесь усмотреть непосредственное влияние «Повести о дупле»;

К изучению игры на кото нельзя относиться небрежно. Это искусство имеет многочисленные законы, и известно, что в давние времена те, кто изучил их настоящим образом, могли приводить в движение Небо и Землю, смягчать богов и ужасных демонов. Они знали, как согласовать со звуками кото звуки других инструментов, как превратить в радость глубокую печаль, как возвысить низкого человека до благородного. В те времена, когда это искусство начало распространяться в нашей земле, были люди, которые изучили все эти законы, они проводили много времени в

неизвестных странах и всеми силами души старались проникнуть в секреты мастерства. Но обучение было трудным. Однако когда они играли на кото, луна и звезды, блистающие в небе, приходили в движение, снег и град падали на землю, гром грохотал в облаках[31].

Положения китайской музыкальной теории и философии присутствуют в «Повести о дупле». В первой главе игра на кото семи небожителей и Тосикагэ привела к появлению перед ними Будды. Игра на волшебном кото дочери Тосикагэ в лесу спасла ее и жителей столицы от нашествия восточных варваров. В эпизоде соревнования между Накатада и Судзуси таинственные звуки раздались в облаках, как только Накатада заиграл на волшебном инструменте. Ветер разогнал облака, луна и звезды пришли в движение, загрохотал гром, на землю пал град. Накатада заиграл одну из пьес, которым его дед обучился в преддверии рая Чистой земли, и на землю спустились небожители[32]. Узнав о рождении дочери, Накатада начал играть на кото. Звуки были такими громкими, что казалось, будто звучит целый оркестр. Поднялся сильный ветер, и цвет неба изменился[33]. Во время праздника, посвященного окончанию обучения Инумия, дочь Тосикагэ играет на кото, настроив инструмент в лад осени (хё-дзё). Звезды пришли в движение, тяжелые облака покрыли небо, и воздух посвежел[34].

Музыка рая Чистой земли влияет на людей и на животных. В первой главе автор описывает, как на звуки музыки собираются со всех сторон обезьяны. Музыка является врачующей. Когда дочь Тосикагэ в день рождения внучки играет на кото, больные, слыша эти звуки, забывают о своих несчастьях и страданиях и мать новорожденной сразу же поднимается с постели[35]. В последней главе романа описывается исполнение музыки на волшебных инструментах во время праздника Танабата, в ночь встречи Ткачихи и Пастуха (звезд Веги и Альтаира). Звезды при этом смещаются, гремит гром, сверкает молния, на небе показываются причудливые облака[36]. В самом конце романа, когда дочь Тосикагэ начинает играть, в небе сверкает молния, грохочет гром, вода в прудах поднимается, земля колеблется. Потом ветер стихает. Слушая эти звуки, глупые становятся умными, злые добрыми и больные, долгое время прикованные к постели, выздоравливают. Глубокое чувство охватывает всех, и кажется, что плачут даже духи скал и деревьев[37].

Говоря о влиянии китайской музыкальной философии на японский роман, необходимо остановиться на характере самого музыкального инструмента кото (или кин). Это — китайский инструмент цинь, который занимает совершенно особое место среди прочих китайских инструментов[38]. Причины этому были чисто технические. Трубки люй

люй никогда в музыке практически не использовались, по их звукам лишь настраивались музыкальные инструменты. Струнные инструменты вообще легче настраивать, чем духовые. Кроме того, среди прочих струнных инструментов цинь был наиболее удобен для воспроизведения теоретической системы, на основе которой создавалась музыка. Количество его струн было ограничено пятью, они настраивались по пяти первым звукам люй люй (добавление впоследствии двух струн не нарушило этой системы: они настраивались в унисон с двумя из пяти). Цинь, таким образом, явился необходимым звеном между абстрактными акустическими моделями и их практическим воплощением в музыке. Музыкальные композиции, основанные на использовании пятиступенных гамм, создавались для этого инструмента. Прочие инструменты оркестра воспроизводили в унисон его звуки. Этот принцип композиции отражен, в частности, в цитированном отрывке из «Повести о Гэндзи»: «Они знали, как согласовывать со звуками кото звуки других инструментов».

Цинь, играющий столь важную роль в музыкальной практике, был впоследствии трактован в философско-символическом плане. Сама его конструкция символизировала вечную гармонию космоса. Его длина (три чи, шесть цуней и шесть фэней, что в общей сложности равнялось тремстам шестидесяти фэням, или около 10,5 см) уподоблялась тремстам шестидесяти дням года. Верхняя поверхность инструмента символизировала Небо, нижняя — Землю. Пять его струн были символами Пяти первоэлементов. Создание инструмента приписывалось легендарным правителям глубокой древности: первопредкам и культурным героям Фуси, Нюй-ва или образцу добродетели, императору Шуню. В моральном аспекте музыкальных концепций цинь трактовался как инструмент, внушающий людям законы добродетели и запрещающий злые деяния.

Итак, в «Повести о дупле» получили выражение две различные по происхождению музыкальные концепции. Музыка является одновременно путем, ведущим к прозрению, своего рода проповедью в звуках, и средством воздействия на живых существ и природу. В произведении проявляется синтез буддийских и конфуцианских положений, который характерен для идеологии эпохи Хэйан.

Остановимся на некоторых особенностях музыкальной практики в эпоху Хэйан. Исторические источники часто сообщают о тайных произведениях (хикёку). Множество музыкальных пьес было засекречено, что создало группу тайных произведений. Активно способствовало этому то обстоятельство, что музыка от учителя передавалась устно: нотная запись, хотя и существовала, была несовершенной, и музыкант, получив

ноты, не мог без помощи наставника выучить произведение. К тому же и ноты хранились в большой тайне. Обычно тайные произведения являлись пьесами для солирующих инструментов, и в частности для кото (такие произведения не раз упоминаются в «Повести о дупле»). Тайным произведением мог быть и вариант известной пьесы, отличающийся от распространенных версий какими-то особыми нюансами исполнения. Тайно передавалась не только музыка, но и хореография.

Передача таких произведений от одного лица к другому, т. е. посвящение в тайную традицию, свидетельствовала об узах глубокой дружбы между двумя музыкантами, которые давали клятву друг другу, что никто другой никогда не узнает этих произведений. Это часто приводило к полной утрате музыкальных пьес. В сборнике «Собрание старых и новых историй» («Кокон тёмондзю») рассказывается об одном из тайных произведений:

Среди придворных произведение «Этот конь» знали немногие. Старший государственный советник Фудзивара Ёсинобу[39] был однажды на церемонии сюсёэ[40] в храме Ходзёдзи. Он вошел в храм через южные ворота, а когда собрался уходить, направился к западным воротам, но замедлил шаги, остановился и начал петь это произведение. Ёсинобу заметил, что правый министр Фудзивара Тосииэ[41], бывший в то время офицером Личной императорской охраны, проходил мимо глинобитной стены, но, услышав эти звуки, остановился и, притаившись, стал слушать пение Ёсинобу. Видя, как он изумлен, и поняв, что он старается запомнить пьесу, Ёсинобу обучил его тут же, отбивая такт веером. Затем произведение передавалось в этой семье из поколения в поколение...

Когда правый министр Фудзивара Мунэтада учил этому произведению отрекшегося от престола императора Хорикава[42], он сказал, что одну версию император может передать тому, к кому он будет искренне расположен, но что второй версии Мунэтада обучит императора лишь в том случае, если он ее никому не будет передавать. Император согласился, и Мунэтада обучил его обеим версиям. После кончины отрекшегося от престола императора во втором году Кадз,[43] многие просили Мунэтада обучить их пьесе, но он всем отказывал. Проливая горькие слезы, он отвечал, что даже худшая версия должна храниться в тайне из-за клятвы, которую они с императором дали друг другу. Мунэтада обучил ей только хранителя печати Мунэёси, затем его сына, старшего советника министра Мунэиэ и его внука Мунэёси[44].

Монах-правитель Тайра Киёморн[45] приказал Мунэиэ передать тайну жрице храма Ицукусима[46]; тот был вынужден подчиниться и, обливаясь

горькими слезами, обучил жрицу худшей версии, но сначала взял с нее торжественную клятву, что никому другому она этой музыки не сообщит. Оно Ёсиката[47], узнав об этом, стал умолять жрицу научить его, но она ответила, что ничего об этом не знает. Рассказывали, что Мунэиэ обучил этому произведению Фудзивара Ёсимити[48].

Существовали и другие причины хранения в тайне музыкальных произведений. Японцы эпохи Хэйан любили в музыке оригинальность. Музыканты и танцовщики за выдающееся исполнение музыки обычно сразу же награждались ценными подарками, а кроме того, могли получить внеочередное повышение по службе, как об этом свидетельствуют и «Повесть о дупле», и «Повесть о Гэндзи»[49]. Поэтому аристократы стремились блеснуть перед аудиторией необыкновенным исполнением музыки или танца. В девятой главе «Повести о дупле» рассказывается, как Масаёри была поручена подготовка праздника по случаю шестидесятилетия императрицы. Он пригласил профессиональных танцовщиков, чтобы обучить танцам детей, которые должны были принять участие в торжестве. Но ему хотелось, чтобы двое его малолетних сыновей превзошли в танцах других мальчиков, и он вынудил известных музыкантов Накаёри и Юкимаса обучить их секретной традиции[50].

Что касается мистической музыки Чистой земли в «Повести о дупле», то для ее хранения в тайне существовали совершенно особые причины, вытекающие из магической концепции музыки.

Приведем рассказ об исполнении легендарным музыкантом Ши Куаном ноты цзюэ перед Пин-гуном, правителем княжества Цзинь в 558–532 гг. до н. э.:

Ши Куан исполнил перед цзиньским Пин-гуном чистую ноту чжи, и с юга прилетели две стаи по восемь черных журавлей[51] и сели на крышу галереи дома. Ши Куан исполнил ту же ноту во второй раз, и журавли выстроились в ряд. Когда он исполнил ту же ноту в третий раз, птицы, вытянув шеи, закричали и, расправив крылья, начали танцевать. Когда Ши Куан исполнил ноту гуи и ноту шан, в небе раздался гром. Пин-гун был в восхищении, все придворные были обрадованы. Пин-гун взял кубок, поднялся со своего места, приблизился к Ши Куану и провозгласил тост за его здоровье. Он вернулся на свое место и спросил:

— Может ли чистая нота чжи вызвать несчастье?

— Нет, несчастье может вызвать чистая нота цзюэ, — ответил Ши Куан.

— Можно ли нам услышать чистую ноту цзюэ? — спросил Пин-гун.

— Это невозможно, — сказал Ши Куан. — В древности император

Хуан-ди[52] вместо слона запряг в колесницу дракона. Бифан[53] сел рядом с императором и правил колесницей. Чи Ю[54] сел перед ними. Фэнбо[55] неся перед колесницей, считая все на своем пути, а Юй-ши[56] смывал все дождем. За колесницей бежали тигры и волки и ползли змеи. Все духи и божества собрались на вершине горы Тай[57], император исполнил чистую ноту цзюэ. Но в настоящее время добродетель правителей и принцев не столь сильна и ее недостаточно, чтобы позволить им слышать ноту цзюэ. Если вы ее услышите, вас ждет поражение.

— Я уже стар, — возразил на это Пин-гун, — и люблю слушать разные ноты. Я прошу тебя исполнить мое желание и взять ноту цзюэ.

Ши Куан не мог отказаться. Он ударил по струне, и на северо-западе показались облака. Он взял эту ноту второй раз — и налетел страшный ураган, хлынул потоками дождь, в зале разорвался занавес, треснули цзу и доу[58], с крыш стала падать черепица. Все разбежались кто куда. Пин-гун был страшно испуган, он упал ничком в простенке между покоями и галереей. Нестерпимая боль охватила его. В княжестве Цинь наступила большая засуха, и земля в течение трех лет оставалась бесплодной[59].

Поскольку музыка обладала магической силой, которая могла привести к катастрофическим последствиям, ее надо было хранить от недостойных, дабы по невежеству или злему умыслу они не могли вызвать несчастья. По тем же причинам, кстати, хранили свою науку в тайне пифагорейцы:

...Пифагорейцы не оставили писанных сочинений — они хотели запечатлеть воспитующие слова в памяти достойных, не прибегая к письму. Так поступали они даже тогда, когда речь шла о трудных или, как они выражались, таинственных геометрических доказательствах. Если что-то подобное сообщалось человеку недостойному, они говорили, что боги, несомненно, накажут каким-нибудь большим и общим бедствием за этот грех и преступление[60].

Эти положения объясняют требования, предъявляемые к музыкантам в «Повести о дупле»: хранить в строгой тайне музыку Чистой земли Западного мира и передавать ее только потомкам Тосикагэ. Ни дочь Тосикагэ не посвящает в тайную традицию своего мужа, ни Накатада — свою жену, не говоря уже о людях, не принадлежащих к их семье. В свете изложенного становится ясным, почему Тосикагэ, умирая, завещает своей дочери сначала наблюдать за характером своего сына, и только убедившись, что он обладает необходимыми моральными качествами, приступить к обучению его музыке. По этой самой причине Тосикагэ и его потомки отказываются обучить сокровенной традиции даже императора, и

последний не может придумать ничего другого, как отдать в жены Накатада свою дочь, надеясь, что хотя бы его потомки смогут приобщиться к тайнам музыкальной традиции[61].

Таким образом, правильное понимание роли музыки в романе и комплекса буддийских и конфуцианских идей, с ней связанного, помогает правильно понять жанр «Повести о дупле»: это произведение философского характера, рассказывающее о подвиге бодхисаттвы, оно призвано утвердить ценность буддийского учения.

Мир заблуждений и страстей

Миру буддийской истины в «Повести» противопоставлен земной мир страстей, зависти, человеческих привязанностей и безнадёжных устремлений. Рисуя этот мир, автор «Повести» обнаруживает удивительную для представителя хэйанской литературы широту кругозора, острую наблюдательность и способность создания разнообразных характеров. Две главные темы преобладают в обрисовке этого мира: темы любви и честолубия, теснейшим образом между собой связанные.

В первой половине своего произведения (главы III–X) автор рассказывает о красавице Атэмия, девятой дочери генерала Масаёри, и влюбленных в нее молодых людях и дает ряд интересных характеров и ситуаций. Все эти персонажи и все истории объединяет одно: буддийская концепция бренности всего сущего, бесполезности человеческих усилий достичь земных благ. Все истории претендентов на руку Атэмия кончаются трагически. Счастье — это всего лишь иллюзия, и принц Камуцукэ, похитивший Атэмия и якобы женившийся на ней, женился в действительности на дочери слуги, которую Масаёри, узнав о заговоре, посадил в коляску вместо своей дочери. Любовь к Атэмия ничего, кроме несчастья, влюбленным не приносит: после въезда красавицы в императорский дворец большинство влюбленных не может найти себе утешения, и кто умирает от тоски, кто сходит с ума, кто становится отшельником. В «Повести» любовь уводит человека от истины, от возможности достижения прозрения. Вспоминая о всепоглощающей страсти своего мужа к Атэмия и о его уходе в монахи, жена Накаёри так определяет ситуацию: «Полюбив Атэмия, он заболел смертельной болезнью и ожил только тогда, когда принял монашество».

Картина, рисуемая автором «Повести», входит в некоторое противоречие с представлениями о свободе нравов, царивших в то время в аристократической среде, которые складываются при знакомстве с другими произведениями эпохи, в частности с «Повестью о Гэндзи». Легкие победы были вполне возможны над женщинами, принадлежавшими к низшему и среднему слоям аристократического общества, что же касается девиц из высшего слоя, здесь положение резко менялось. На страницах романа часто говорится о том, что родители связывали гораздо больше надежд с рождением дочери, чем сына. Какую бы блестящую карьеру ни сделал сын, он никогда не мог стать императором, в то время

как дочь могла начать службу во дворце и при благоприятном стечении обстоятельств стать матерью будущего монарха, «матерью страны», достигая таким образом вершины почестей, доступных простым смертным. Отец императрицы сразу же приобретал особый вес, распределял должности, сводил счеты с противниками — становился первым лицом среди подданных императора.

В социальном смысле вся жизнь общества была сосредоточена в императорском дворце, который назывался ути («центр»). Ему противопоставлялась сато — «деревня», или, как говорили французы в XVII в., «пустыня». «Деревня» начиналась сразу же за пределами дворца, и человек, живущий в самом центре столицы, но не служащий во дворце, прозябал в пустыне.

В начале девятой главы жена Масаэри беседует со своей дочерью Дзидзюдэн о возможности въезда Атэмия во дворец, и та произносит: «Жалко будет, если Атэмия упустит эту возможность и всю жизнь так и будет прозябать в захолустье, вне дворца». Оппозиция ути-сато соответствовала оппозиции общественной и частной жизни (ко-си). Общественная жизнь означала все, что происходило или имело отношение к императорскому дворцу, частная — то, что к нему отношения не имело. Для уяснения этих значений приведем пример из «Повести»: женитьба Накатала на Первой принцессе и женитьба Судзуси на дочери Масаэри, совершенные по императорскому повелению, были событием общественной жизни, женитьбы других аристократов на дочерях Масаэри были явлением частной жизни, так как император к ним отношения не имел.

Целью всех аристократов было приобщение к этой общественной жизни. Человек, отвернувшийся от нее, должен был уйти в монастырь или запирался в своем доме и, не имея средств к существованию, доходил до нищеты. Поэтому-то аристократы и связывали с рождением дочери мечты о ее возможной службе во дворце в качестве наложницы императора, о рождении ею принца и о провозглашении его наследником престола.

Девицы, которые предназначались в супруги императору, воспитывались в особой строгости и полной изоляции от внешнего мира. В эпоху Хэйан еще действовали какие-то древнейшие запреты показывать девочек посторонним людям, даже родственникам. Очевидно, это было связано с верой в дурной глаз, порчу и т. д. «Повесть о дупле» содержит яркие примеры подобных запретов в последних главах, повествующих о воспитании Инумия. Когда же девочки становились взрослыми, надзор над ними делался еще более строгим: самым тщательным образом следили за

тем, чтобы к ним не проник какой-нибудь отважный искатель приключений. Но красавица, остающаяся в неизвестности, никогда не смогла бы исполнить предназначаемую ей роль. Надо было, чтобы о ее красоте и талантах знало как можно больше народу, чтобы все наперебой расхваливали ее, чтобы слухи о ней достигли императорского дворца. Заботу об этом часто брал на себя отец девушки. Поэтому Масаёри при каждом удобном случае и рассказывает о необыкновенных достоинствах своей девятой дочери, которую он с самого начала решил определить в жены наследнику престола. Большое количество влюбленных, добивающихся ее руки, только добавляло ей чести, и Масаёри ведет тонкую политику, собирая вокруг своей дочери многих воздыхателей.

При этом возникала ситуация парадоксальная: многие влюбленные своей избранницы ни разу не видели, некоторым удавалось увидеть ее в щель между занавесями, при неверном свете свечей. Что же такое была любовь в эпоху Хэйан, в том смысле, как она рисуется в «Повести»? Как могли люди бросать семью, детей, сжигать свой дом, уходить в отшельничество — и все ради той, кого они никогда в жизни не видели и от кого зачастую они не получали ни одного письма? Был ли этот крах чисто сентиментальным? Не было ли тут чего-то более прагматического, каких-то честолюбивых замыслов, попытки утвердить таким образом свое превосходство над другими? Во всяком случае, этот сентиментальный крах мог явиться крахом всей жизни.

Автор создает здесь галерею интересных характеров. Остановимся на персонажах, которые представляют собой тип «классического» влюбленного, таких, как Санэтада, Накаёри, принц Тадаясу и брат красавицы Накадзуми. Речь идет о всепоглощающей страсти, избавить от которой могла бы только смерть. Здесь автор выявляет тип личности болезненной, с склонностью к самоуничтожению, не способной к общественной жизни и видящей в несостоявшейся любви предлог для своего неприятия действительности. Тяга к смерти очень отчетлива в этих мизантропических характерах. Накадзуми действительно умирает от тоски. Его любовь особенно трагична, так как любовь родных брата и сестры считалась кровосмесительной, и браки между ними запрещались. Что касается Санэтада, то ничто не мешает ему хотя бы надеяться, но он с самого начала считает свою любовь обреченной, и, в сущности, она только маскирует его стремление к самоуничтожению. Так, в стихах, адресованных Атэмия, он все время говорит о желанной смерти.

Стремление к власти является главной чертой образа Масаёри, готового на все ради достижения своих целей. С самого начала он

действует, как опытный политик: не позволяет своим сыновьям покидать усадьбу и селит в ней своих зятьев. Это совсем не проявление чадолюбия: результаты создания такого клана мы видим в конце романа, когда многие важные сановники, связанные с ним родственными узами, вынуждены подчиняться его воле. Он читает письма молодых людей, адресованные Атэмия, решает, кому и что отвечать. Картина возвышения Масаёри нарисована очень ярко и содержит некоторые поистине трагические эпизоды. Полон драматизма, например, эпизод смертельной болезни Накадзуми из-за въезда Атэмия в императорский дворец. Масаёри охватывает страх, что в случае смерти сына необходимо будет отложить въезд дочери на время траура и что за это время наследник престола может изменить свое намерение или кто-то другой сможет добиться расположения принца к своей дочери. Столь же драматичны эпизоды, рассказывающие о перипетиях борьбы между кланами в связи с провозглашением нового наследника трона, об отчаянии Масаёри, его готовности уйти в монахи. Масаёри достигает предела могущества и осуществления всех своих мечтаний, но в финале романа вся его власть (как и вся земная власть) оказывается ничтожной перед славой семьи Тосикагэ.

В последних главах изменяется сама география произведения, фактическим центром столицы является уже не императорский дворец, но старая усадьба Тосикагэ, где Накатада начинает строительные работы и куда направлены взоры всех жителей столицы, вплоть до царствующего и отрекшихся от трона императоров. Здесь Накатада будет учить дочь игре на кото. В то же время мать Накатада стареет, мысли ее обращаются к переходу в иной мир, она мечтает об отшельничестве, о служении Будде. В старую усадьбу направляются все, кто хоть что-то представляют собой в столице, там они становятся свидетелями чудес, и сам царствующий император вынужден послать туда придворного, чтобы узнать, что происходит.

Герои романа — представители активной жизни, в конце концов начинают осознавать, что их деятельность сопряжена со злом, что она несет окружающим несчастья и что эта самая деятельность явится препятствием на пути к возрождению в раю Будды в последующих поколениях. Поэтому с такой последовательностью Масаёри пытается исправить зло, которое он причинил влюбленным в Атэмия: он покровительствует Санэтада, добивается возвращения из ссылки Сигэно Масугэ и его сыновей, посылает подарки Накаёри. Сама Атэмия всячески пытается примирить Санэтада с женой. По той же причине император Сага

мучается сознанием вреда, который он причинил Тосикагэ, отправив его с посольством в Китай, и выпрашивает у его дочери прощение.

«Повесть о дупле» отличается от других произведений эпохи широтой показа японского общества и изображением реального течения его жизни. Большинство героев, конечно, аристократы, но весьма охотно автор рисует и портреты слуг, например служанки дочери Тосикагэ в первой главе. В галерее персонажей мы находим представительницу торгового сословия, Токумати, жену Михару Такамото. Автор описывает жизнь своих героев в ее повседневности: Дворцовые и частные праздники, обычное времяпрепровождение аристократов, заполненное музицированием, сочинением стихотворений, различными мелкими заботами. С этой точки зрения «Повесть о дупле» является бесценным источником информации о жизни японского общества в X в. Несколькими десятилетиями позже под влиянием «Повести о дупле» подобное описание повседневной жизни было сделано Мурасаки-сикибу в «Повести о Гэндзи».

Автор «Повести о дупле» был одним из редких японских писателей-психологов. Ни в одном из произведений средневековой японской литературы мы не найдем столь тонких психологических портретов в таком широком диапазоне. Для сравнения скажем, что в «Повести о Гэндзи» фиксация ощущений, движений души сочетается с весьма ограниченным числом представленных типов. Мурасаки-сикибу бесконечно нюансирует один портрет изящной, тонкой женщины. Ярким образцом психологического искусства автора «Повести о дупле» является вторая глава, «Тадакосо», с ее портретами стареющей женщины, полюбившей Тикагэ, и самого Тикагэ, к ней бесконечно равнодушного, но который из-за своей слабохарактерности не может оборвать связь.

Одним из самых интересных персонажей «Повести о дупле» является скупой, Михару Такамото. Скупой — популярный персонаж европейской литературы, восходящий к греко-римской традиции. Этот образ имеет ряд устойчивых характеристик; главной является то, что скупой в европейской литературе обязательно стар. Он ничем не занимается (лишь в некоторых случаях это ростовщик), скупость поглощает все его человеческие чувства. В японском романе образ скупого иной. Такамото молод, умен, храбр, может усмирить диких зверей и свирепых воинов, он замечательный администратор, дослужившийся до чина министра.

Герои в «Повести» не делятся на добрых и злых. Исключением являются только Тосикагэ и Накатада, которые с самого начала создавались как образцы идеальных героев. Другие же образы автор наделяет самыми противоположными чертами человеческого характера,

создавая сложные типы. Такого разнообразия характеров и такой яркости их средневековая литература Японии больше не знача. «Повесть о дупле» остается в этом отношении явлением исключительным.

Совершенно необычными для хэйанской литературы являются женские образы в «Повести». В первой половине произведения, рисуя жизнь в усадьбе Масаёри, автор рассказывает о его дочерях, но период девичества его, по-видимому, интересовал очень мало. Портреты барышень совершенно стереотипны и сливаются в некий обобщенный образ. Атэмия в этом отношении не составляет исключения, хотя о ней говорится больше, чем о других девицах. Картина совершенно меняется во второй половине романа, в описании семейной жизни этих нежных красавиц. И Накатада, и Судзуси, и даже сам наследник трона, женившийся на Атэмия, в супружеской жизни несчастливы.

Как правило, девицы из дома Масаёри в замужестве своей судьбой недовольны, мужей своих не любят и относятся к ним крайне пренебрежительно. Атэмия, став супругой наследника трона, испытала разочарование. Наследник не пробудил в ней любви к себе, и для нее пребывание в его покоях не более, чем служба. Снова и снова осыпает она упреками своего отца за то, что он отдал ее в жены наследнику. Атэмия погружена в мрачные размышления о своей судьбе и, мысленно перебирая претендентов на ее руку, воображает счастливую жизнь, которую она могла бы вести. Кроме того, психика ее расстроена: каждую ночь она видит во сне умершего из-за нее брата.

В результате неудовлетворенности своим положением у нее развивается зависть, которая становится доминирующей чертой характера Атэмия. Она завидует Первой принцессе потому, что та вышла замуж за Накатада, что дочь ее овладеет тайнами музыкального искусства, что принцесса может слушать игру мужа и т. д.

Что касается Первой принцессы, то для нее замужество за Накатада является мезальянсом, и она упрекает своего отца, императора Судзаку, отдавшего ее в жены Накатада, в недостатке родительской любви. О равнодушии принцессы к своему мужу, переходящем в откровенную враждебность, говорится часто, и оно проявляется сразу же после свадьбы. Так же равнодушна к своему мужу, Суэфуса, четырнадцатая дочь Масаёри, полагающая, что отец мог бы найти для нее более подходящую партию.

Автор «Повести» не склонен представлять всех своих героинь как утонченные, исполненные благородства характеры. Императрица-мать, супруга императора Судзаку, пользуется в своей речи такими выражениями, что находящийся рядом Накатада краснеет. Об Атэмия во

второй половине произведения говорится как о женщине жестокой, внушающей страх, способной убить человека. Рядом с этими героинями, одержимыми страстями, завистью, недовольными своей участью, выделяются образы, исполненные благородства, например некоторые жены Канэмаса и особенно дочь Тосикагэ, женщина благородной души и возвышенных устремлений.

Генезис романа как литературного произведения

Повесть о дупле» занимает особое место в истории японской литературы. Создание ее является событием огромной важности в становлении японского литературного языка. Первыми произведениями, созданными на японском языке, были сборник мифов и исторических легенд «Записи о деяниях древности» («Кодзики») и поэтическая антология «Собрание мириад листьев» («Манъёсю»), записанные в VIII в.; наиболее древний пласт в них восходит приблизительно к III в. (периоду разложения родового строя). К этому же времени относится формирование молитвословий норито, которые были письменно зафиксированы только в X в. Язык этих памятников отражает систему магического сознания древних японцев и условия существования общества, мало затронутого континентальным влиянием[62].

К V–VI вв. относится мощное влияние на Японию континентальной культуры. Это привело, в частности, к тому, что государственным языком молодого государства стал китайский: на нем писались императорские хроники, авторы которых подражали композиции и стилю китайских исторических сочинений, на нем же велось делопроизводство. Китайский язык был языком буддийской литературы.

До начала X в. на японском языке не было создано ни одного прозаического произведения. Писание и чтение на родном языке считались подобающими только детям и женщинам. Таким образом, главной проблемой, которая стояла перед авторами первых прозаических произведений, было создание японского литературного языка. Язык книжных памятников VIII в., язык мифов и японской поэзии не мог стать основой для прозы X в.: он был слишком архаичен. В поэзии IX–X вв. культивировался архаический язык первой антологии «Собрание мириад листьев», а кроме того, поэтика накладывала множество ограничений на использование лексики, не допускалось употребление ни китаизмов, ни простонародных выражений. И хотя внутри поэтического канона язык был чрезвычайно разработан, он не мог стать языком прозы по причине его крайней изощренности, повышенной метафоричности, риторических украшений, обилия застывших оборотов, а также по причине довольно ограниченного круга тем.

Следует отметить особенность литературы эпохи Хэйан: в Heig не было переводов, которые вообще играют огромную роль в период становления литературного языка, так как знать читала и писала по-китайски. Буддийский канон на японский язык не переводился. Произведения буддийского содержания, создававшиеся монахами в Японии, писались по-китайски. И хотя первые моногатари X в., предшествовавшие «Повести о дупле», были написаны по-японски, они не решали проблемы языка в рамках огромного произведения, в котором обстоятельно изображалась жизнь современного автору общества. Многое в «Повести» сказано на японском языке впервые, и в этом огромная заслуга ее автора перед японской словесностью.

Стиль «Повести» неровен, что не должно удивлять, принимая во внимание сказанное выше[63]. Часто автор прибегает к сухому лаконичному стилю. Например, в первой главе, в эпизоде путешествия Тосикагэ по семи горам, где живут сыновья Небожительницы, автор семь раз повторяет практически одну и ту же фразу. Аналогичным примером является и описание в начале третьей главы семьи Минамото Масаери: по номерам перечислены двадцать шесть детей с единственным указанием, от какой матери они родились. Но иногда даже в таком лаконичном изложении автор добивается сильных художественных эффектов, например в сцене явления Будды перед Тосикагэ и его учителями.

Кроме выработки литературного языка, автор произведения столкнулся с другой, не менее сложной проблемой: проблемой композиции, развития сюжета, приемов создания разнообразных характеров. Японские мифы не достигли в своем развитии той степени, когда складывается героический эпос, являющийся у многих народов основой для последующего создания повествовательных жанров. Мало давала для развития повествовательной прозы крупных размеров и китайская литература того времени. В X в. в ней ничего подобного длинным японским моногатари создано не было. Китайская философская или эссеистическая проза не содержала стимулов для развития японских повестей ни с точки зрения сюжета, ни с точки зрения приемов отражения психологии. Новелла танского периода также не может быть сравнима с «Повестью о дупле», хотя бы из-за своего незначительного объема. Несомненно, автор «Повести» был человеком очень крупного литературного дарования, но даже подобный талант не может одним махом создать новый жанр, если в литературе его времени к этому нет никаких предпосылок.

Исследователи ищут истоки японского романа в предшествующих

японских жанрах, что, на наш взгляд, не дает положительных результатов. Н. И. Конрад отыскивает истоки японского романа в прозе отрывков, обрамляющих стихотворения «Повести об Исэ». Кроме того, исследователь старается найти в структуре этого же произведения единую линию, представить последовательность отрывков как повесть, построенную на одном сюжете, хотя, как он пишет, автор произведения не старался выявить эту линию (по мнению Н. И. Конрада, несомненно присутствующую в сознании автора), но, наоборот, разбил ее на ряд разрозненных фрагментов. Исследователь даже сближает «Повесть об Исэ» с фабулистической повестью[64]. Исследовательница «Повести о Ямато» Л. М. Ермакова утверждает, что это «не собрание коротких и разобщенных историй жанра ута-моногатари, а единое цельное произведение с обдуманной композицией»[65]. Но как бы далеко ни зашел автор «Повести о Ямато» в своем стремлении создать цельное произведение, это сочинение никак не может считаться непосредственным предшественником «Повести о дупле», ни с точки зрения психологических портретов, ни с точки зрения разнообразия ситуаций, ни с точки зрения объема. Что касается «Повести об Отикубо», ее можно соотнести всего лишь с эпизодом в структуре «Повести о дупле».

Истоки «Повести о дупле» надо искать не в каком-то определенном литературном жанре и, еще менее, в определенном произведении японской литературы того времени. Японский роман возник в результате сочетания самых разнообразных компонентов, заимствованных автором из различных источников. Как уже говорилось, концепция «Повести» основана на буддийских и конфуцианских положениях. Важнейшим фактором, обеспечившим создание крупной прозаической формы, был выбор бодхисаттвы как героя произведения. Это дало возможность автору построить его земную биографию, обозначить его позиции по отношению к грешному миру и описать этот мир. Буддийские и конфуцианские идеи не присутствуют в романе в отвлеченном виде, как, например, в приведенной выше цитате из «Повести о Гэндзи», когда персонажи рассказывают о том, что бывало когда-то, но что уже не имеет места в реальной жизни. В «Повести о дупле» все буддийские и конфуцианские положения и легенды воплощаются непосредственно в сюжете произведения. Например, тезис, что исполнение музыки может спасти страну от опасности, под кистью автора «Повести» развертывается в эпизод нашествия на страну восточных варваров, игры дочери Тосикагэ на волшебном кото и спасения столицы. Кроме того, игра на волшебном инструменте мотивирует появление в лесу Канэмаса: он слышит лгу зыку,

отправляется в горы и находит жену и сына.

Можно предполагать, однако, что иноземное влияние на «Повесть о дупле» не ограничивается буддийской и конфуцианской литературой религиозного и философского характера. Возможно, что на японское произведение оказала влияние и индийская повествовательная традиция, основанная на мифологии, которая проникла в Японию вне связи с буддизмом. Индийская мифология породила множество легенд и сказок, получивших распространение в различных странах. Можно предположить, что они проникли и на японские острова.

Остановимся на эпизоде из первой главы «Повести» о жизни Накатада и его матери в лесу. Отшельничество в лесу носит явно буддийский характер, идею этого важного эпизода автор мог заимствовать из житийной литературы. Но буддийское влияние на этот отрывок не исключает вопроса о других литературных влияниях. Уход в лес, отшельничество в лесу — центральный эпизод индийских эпосов «Махабхараты» и «Рамаяны». В обоих случаях уход в лес мотивирован внешними причинами: в «Махабхарате» пандавы, проиграв в кости кауравам свое царство, должны провести в лесу двенадцать лет; в «Рамаяне» мачеха Рамы, Кайкеи, добивается у царя Дашаратхи изгнания героя, чтобы обеспечить царствование своему сыну Бхарате. Но чем бы ни было вызвано отшельничество в лесу, это подготовка к подвигу, к которому призваны герои. Так, пандавы должны истребить кауравов (которые являются воплощением злых духов на земле), а Рама уничтожить Равану и царство ракшасов. Жизнь в лесу является периодом становления, морального совершенствования. Сходное значение несет в «Повести о дупле» эпизод, когда Накатада в лесу овладевает игрой на кото[66].

Огаль этого эпизода говорит скорее в пользу влияния мифологической традиции, чем буддийской литературы. Автор «Повести о дупле» довольно подробно описывает лесную чащу, обстановку, в которой живут герои: разнообразные деревья и животных, которые приходят к дуплу слушать музыку. Кроме того, в композицию этого фрагмента включена сцена, обнаруживающая близость к индийской повествовательной традиции: это встреча малолетнего Накатада с медведями. Коно Тама находит тут параллель с китайскими историями о сыновней почтительности. Но возможно и другое происхождение эпизода с медведями.

В третьей книге «Махабхараты», «Лесной книге», есть «Сказание об удаве» (гл. 173–178), повествующее о том, как Бхимасена был схвачен огромным удавом. Бхимасена умоляет змея отпустить его, спасает же его старший брат Юдхиштхира, он освобождает змея (царя Нахушу, который

за свою гордыню был превращен в удава) от проклятия. Аналогия между этой историей и упомянутым эпизодом из «Повести о дупле» можно усмотреть в речах, которые произносят Бхимасена перед удавом и Накатада перед медведями. Бхимасена, в частности, говорит:

Но я говорю не столько за себя, хотя [меня ожидает] смерть, сколько из-за братьев своих, изгнанных из царства и живущих в лесу. Суровый Химаван полон якшей и ракшасов. [Братья] встревожатся, станут меня искать. А узнав о моей гибели, они совсем падут духом, потому что именно я, горя желанием [вернуть наше царство], поддерживал [дух] этих праведников. [...] Я печалюсь о нашей несчастной матери, горячо любящей своих сыновей. Она всегда мечтает о том, чтобы мы были сильнее врагов. Если, о змей, я погибну, то не сбудутся те надежды, которые она, беззащитная, на меня возлагает. И верные [мне] как своему наставнику доблестные близнецы Накула и Сахадева, которым всегда служит помощь моих рук, опустят крылья, [когда узнают] о моей смерти, и мужество, стойкость покинут их, убитых горем[67].

Как Бхимасена рассказывает удаву о своих братьях и матери, так и Накатада пытается разжалобить медведей рассказом о своей матери, которая без него погибнет. Обе речи чрезвычайно близки друг другу по своему содержанию и построению. Ничто не доказывает, что «Сказание об удаве» — в форме, зафиксированной в своде «Махабхараты», — было известно автору «Повести о дупле» и непосредственно повлияло на создание указанного эпизода. Но можно предположить, что какой-то вариант этого сказания, где роль агрессора могли играть различные животные (и медведи, часто упоминаемые в индийском эпосе, в том числе), был известен в Японии автору «Повести о дупле».

Индийским влиянием можно объяснить и следующую деталь в конце второй главы «Повести». Отец ушедшего в монастырь юноши хочет сделать из одного из волшебных кото, когда-то преподнесенного ему Тосикагэ, на котором любил играть его исчезнувший сын, статую Будды. «Но ни десять тысяч воинов, ни известные силачи не могли разрубить кото, на нем не осталось даже царапины, как не остается на металле следов от росы. Мастера измучились и не знали, что делать. В то время, как люди выбивались из сил, в небе неожиданно грянул гром, хлынул дождь, кото поднялось само по себе и исчезло в небесах».

Об исчезновении волшебных предметов, выполнивших свою функцию на земле, рассказывает и индийский эпос. Таким же образом в «Махабхарате» исчезает в небе копьё Карны, убившее сына Бхимасены, Гхатоткачу: копьё пронзило сердце Гхатоткачи и затем, сияя, улетело в

ночное небо и заняло свое место среди созвездий[68]. Точно так же исчезает в небе колесница, на которой Рама после победы над Раваной возвращается в свое царство[69].

Мифологическую основу имеет история путешествия Тосикагэ в первой главе «Повести», здесь явны элементы волшебной сказки. Два положения, основные в волшебной сказке, представлены в истории путешествия Тосикагэ с исключительной четкостью: странствование героя представляет собой не что иное, как путешествие в страну мертвых, и имеет значение инициации юношества[70]. Путешествие Тосикагэ — это странствование в загробном мире, для живых существ обычно недоступном. Тосикагэ достигает преддверия рая Чистой земли Западного мира, где, по верованиям амидаистов, сам будда Амитабха в сопровождении бодхисаттв встречает душу усопшего праведника[71]. Второе положение подчеркнуто в «Повести о дупле» еще и тем, что Тосикагэ обучается музыке, имеющей все признаки тайной науки волшебных сказок, которую юноши приобретают во время обряда инициации[72]. Имеются и другие соответствия — например, завязка, описывающая семью героя, счастливое и спокойное существование которой нарушается необходимостью отправить сына в путь[73], что в «Повести» мотивировано повелением императора, включившего Тосикагэ в состав посольства в Китай. В строгом соответствии с волшебной сказкой, где герой преодолевает возникающие на пути препятствия — пропасти, горы и реки — с помощью различных животных[74], Тосикагэ преодолевает препятствия на павлине, драконе и слоне.

Как и в случае с эпизодом жизни героев в лесу, можно предположить, что все эти элементы проникли в Японию в составе буддийской литературы. Но вполне вероятно, что история путешествия Тосикагэ происходит из другого источника. В Японии, однако, мифов, подобных путешествию Тосикагэ, не было. Один из японских мифов повествует о нисхождении в подземный мир Идзанаки после кончины его супруги Идзанами, но он относится к группе мифов космологического толка, а Идзанаки и Идзанами являются демиургами. С мифологическими представлениями связано и дерево павлония, из которого небожители делают волшебные музыкальные инструменты. Это дерево в «Повести» имеет некоторые общие черты с деревом Прозрения, первоначально — деревом, сидя под которым будда Шакьямуни обрел просветление. Такое дерево, в частности, растет в раю будды Амитабхи и является источником сладостных звуков. Звуки павлонии в «Повести» тоже ведут к прозрению. Музыка рая Чистой земли может исполняться только на инструментах,

сделанных из его ветки. Но в описании павлонии очень сильны черты образа мирового дерева, который представлен в мифологиях различных народов. Как и мировое дерево, павлония в японском романе связывает небо и преисподнюю: корни его уходят в глубокую пропасть, вершина достигает неба, а ветви указывают на все соседние страны.

Откуда проник в Японию этот мифологический сюжет о путешествии Тосикагэ в страну мертвых? Если принять гипотезу о его континентальном происхождении, то предстоит ответить на вопрос: произошло ли соединение его с буддийскими мотивами до проникновения в Японию или эти элементы двух независимых друг от друга источников были соединены автором «Повести о дупле»?

Проблема установления происхождения того или иного эпизода «Повести о дупле» является чрезвычайно сложной, особенно в части, связанной с мифологическими образами. Но как бы ни был решен вопрос о заимствовании конкретных сюжетов, представляется возможным выделить в композиции произведения элементы, не связанные с китайской традицией. Наибольшее значение для автора «Повести» имела, по-видимому, индийская традиция, оказавшая влияние на становление многих литератур. Сама возможность не только индийских, но и более далеких влияний на японскую литературу X в. вполне допустима. Япония была восточным пределом Великого Шелкового пути, установление которого способствовало активному культурному взаимодействию различных народов, и влияние западных стран, вплоть до греко-римского мира, прослеживается в древнеяпонском искусстве: буддийской скульптуре, музыке, прикладном искусстве. Вопрос о возможных источниках «Повести о дупле» является, таким образом, исключительно важным. Сама основная идея произведения возникла у автора под влиянием континентальной литературы, религиозной и философской, а кроме того, большую роль в формировании композиции сыграли мифы и волшебные сказки, в той или иной форме проникшие в Японию. Однако автор «Повести о дупле» не пересказал какое-то одно произведение, но соединил в своем романе элементы, происходящие из совершенно разных источников, получив, таким образом, целое, которое нельзя отнести к какой-либо одной традиции. Он создал произведение в высшей степени оригинальное, положившее начало новому жанру. В этом проявился его огромный литературный талант.

Проблема авторства

Современное литературоведение располагает немногими сведениями об авторах прозаических произведений эпохи Хэйан. Имена их до нашего времени не дошли, а если они и известны, то нет достаточных данных, освещающих жизнь писателей.

«Если проследить за атрибуцией произведений средневековой японской литературы, — пишет В. Н. Горегляд, — можно обнаружить любопытную деталь: сами авторы оставляли свои подписи преимущественно под стихотворениями, а принадлежность повествовательных памятников определяется либо свидетельством современников, либо традицией, или вообще не определяется»[75].

Неизвестным остается и автор «Повести о дупле». Произведение иногда приписывается Фудзивара Тамэтоки (конец X-начало XI в.), отцу Мурасаки-сикибу, но чаще всего — Минамото Ситагоу (911–983), который принадлежал к ветви рода Минамото, ведущей происхождение от императора Сага (годы правления 809–823). Не сумевший добиться успеха на службе, он был известен как выдающийся ученый и поэт. Ситагоу составил первый японский словарь «Категории японских наименований» («Вамё руйдзю сё»). Он писал стихи на японском и китайском языках, в которых часто жаловался на свои служебные неудачи. Его стихи и проза включены в императорские антологии, и он был причислен к Тридцати шести гениям японской поэзии. Ситагоу же приписывается иногда и создание некоторых японских моногатари, не только «Повести о дупле», но и «Повести о Такэтори» и «Повести об Отикубо», т. е. трех произведений японской повествовательной прозы X в., авторство которых не установлено.

В литературе древнего периода разных народов личность автора очень часто выражается слабо. Об этом пишет Д. С. Лихачёв: «В средневековой литературе авторское „я“ в большей степени зависит от жанра произведения, почти уничтожая за этим жанровым „я“ индивидуальность автора. В проповеди — это проповедник, в житии святого — это агиограф, в летописи — летописец и т. д. Существуют как бы жанровые образы авторов. Будь летописец стар или молод, монах или епископ, церковный деятель или писец посадничьей избы — его манера писать, его авторская позиция одна и та же. И она едина, даже несмотря на совсем разные политические позиции, которые могут летописцы занимать»[76].

Однако ни общие соображения о характере средневековой литературы, ни отсутствие часто каких бы то ни было данных об авторах не могут заслонить от нас особенности многих произведений хэйанской литературы: их ярко индивидуального характера. Дошедшие до нас произведения самобытны по своему содержанию, по стилю, по жанру. Индивидуальность авторов проявляется уже в том, что они выражают свой замысел в присущей им манере, создавая таким образом жанр, до того времени не существовавший: Ки Цураюки — дневник путешествия, Сэйсёнагон — образец эссеистической литературы, автор «Повести о дупле» — роман.

Повествовательную литературу эпохи Хэйан часто определяют в литературоведении как литературу женского потока, поскольку считается, что она в основном создавалась женщинами. Эта точка зрения нуждается в существенной оговорке. Действительно, именно женщины, Мурасаки-сикибу, Сэйсёнагон, создали наиболее популярные произведения своего времени (X–XI вв.), женщины были авторами дневников: «Дневник эфемерной жизни» («Кагэро-никки», конец X в.), «Дневник Идзуми-сикибу» («Идзуми-сикибу-никки», начато XI в.), «Дневник Сарасина» («Сарасина-никки», первая половина XI в.). Но вот предшествовал женским дневникам «Дневник путешествия из Тоса», написанный Ки Цураюки, хотя и от лица женщины. Мията Ваитиро пишет, что японская проза была создана мужчинами, что именно мужчины начали писать азбукой на родном языке и что три первых повести — «Повесть о Такэтори», «Повесть об Исэ», «Повесть о Ямато» — принадлежат кисти мужчин. Что касается более поздних произведений, то далеко не все они созданы женщинами[77]. Среди мужчин исследователи ищут и автора «Повести о дупле».

Мир, изображенный в «Повести о дупле», — мужской мир, в противоположность женскому миру «Повести о Гэндзи». Наблюдения Мурасаки-сикибу были в основном наблюдениями за женщинами, что определило композиции ее произведения, в котором многочисленные героини сгруппированы вокруг одного мужчины, героя романа. Это дало возможность писательнице создать в «Повести о Гэндзи» серию женских характеров, разработать коллизии, типичные для судеб женщин. Мужчины в «Повести о Гэндзи» характеризуются менее подробно и практически только с точки зрения их отношений с женщинами. В этом плане «Повесть о дупле» противоположна произведению Мурасаки-сикибу: главы, посвященные Атэмия, образуют композицию, в которой многочисленные герои сгруппированы вокруг одной женщины. Аналогично построена и

«Повесть о Такэтори», автор которой дает портреты пяти молодых людей, стремящихся жениться на героине произведения.

В нашу задачу не входит более или менее детальное сравнение разбираемого романа с другими произведениями эпохи Хэйан, в частности с «Повестью о Гэндзи». Из кардинальных отличий отметим следующее: преобладающими эмоциями в романе Мурасаки-сикибу являются мягкая меланхолия, элегические настроения, которыми окрашены лучшие страницы романа. В «Повести о дупле» диапазон чувств гораздо более широк, и преобладающим является тон, полный энергии и силы, о чем бы ни писал автор.

Личность автора проявилась уже в самой концепции «Повести о дупле». Бодхисаттва, игрой на кото спасающий мир, — образ необычный, причудливый, отмеченный яркой индивидуальностью его создателя, хотя все составляющие этого образа взяты из традиционной буддийской и конфуцианской литературы. В концепции романа можно усмотреть проявление настроений неудачника, который не смог добиться успеха на служебном поприще, проявление его ущемленного самолюбия. Поэтому в своем произведении он противопоставляет успехи политика Масаёри, которые в конечном счете оказываются эфемерными, и нетленные ценности Тосикагэ и Накатада.

Этапы становления романа. Его стиль

Не располагая рукописями, мы не можем восстановить весь ход создания «Повести о дупле», но анализ ее показывает, что с самого начала автор не думал о произведении крупной формы. По-видимому, вначале он написал несколько более или менее завершенных фрагментов небольшого объема, которые впоследствии были объединены в общую композицию. Предварительный этап создания отражен в структуре произведения: в «Повести о дупле» мы находим три независимых друг от друга экспозиции, составляющих три первых главы произведения. Это «Тосикагэ», история проникновения в Японию музыки Чистой земли Западного мира, путешествие Тосикагэ на запад, рождение и воспитание Накатада. Вторая экспозиция, «Тадакосо», представляет собой совершенно законченную новеллу (поразительную параллель к греческому мифу об Ипполите). Сразу бросается в глаза, что глава создавалась без какой-либо связи с другими частями сочинения. Упоминание в конце ее двух кото, привезенных в Японию Тосикагэ, явно носит характер позднейшего добавления. Третья экспозиция, «Господин Фудзивара», посвящена Минамото Масаёри и его дочери Атэмия. Три главы не имеют между собой ничего общего. Масаёри появляется в конце первой главы, здесь же говорится о его дочери, но вся эта заключительная часть, по-видимому, была создана тогда, когда у автора возникла идея объединить ранее написанный материал. К тому же, о Масаёри и Атэмия говорится здесь как о персонажах, уже известных читателю; по-видимому, так оно и было, и эпилог первой главы написан после третьей, подробно излагающей историю Масаёри. В третьей главе упомянут Канэмаса, но автор посвящает ему несколько малозначительных эпизодов, и ничто не указывает на то, что это один из главных персонажей первой главы. Все изложенное наводит на мысль, что изначально первые три главы были задуманы как самостоятельные произведения типа новелл.

Если мы сравним «Тосикагэ» и «Господина Фудзивара» с точки зрения потенциальных возможностей для развития сюжета крупного произведения, то увидим, что «Господин Фудзивара» такой возможностью не обладает. Вся глава распадается на серию эпизодов, посвященных влюбленным в Атэмия. Большинство этих эпизодов абсолютно завершены, появление героев в последующих главах ничего больше не добавляет ни к их характеру, ни к ситуации.

Возможности для построения крупного произведения, пронизанного единой идеей, давал «Тосикагэ». Содержание этой главы переросло рамки новеллы и позволило автору создать крупное произведение на тему об истинности буддийского учения, включив в него ранее созданный материал. Как только оформилась концепция романа в целом, эта глава заняла в нем первое место и определила главенствующее положение истории Тосикагэ и Накатада для всего произведения. Само название «Повести» первоначально было наименованием первой главы[78]. Лишь когда оно было перенесено на все произведение, глава стала называться по имени одного из героев.

Однако сама по себе эта линия малодинамична. Образ Накатада, идеального героя, свободного от каких бы то ни было заблуждений, статичен, что обусловлено влиянием житийной литературы. Обобщенность характеристики присуща героям произведений этого жанра. Как пишет М. М. Бахтин, «в житийной литературе должно быть исключено все типическое для данной эпохи, данной национальности <...>, данного социального положения, данного возраста, всё конкретное в облике, в жизни, детали и подробности её, точные указания времени и места действия, — всё то, что усиливает определённую в бытии данной личности (и типическое, и характерное, и даже биографическая конкретность) и тем понижает его авторитетность (житие святого как бы с самого начала протекает в вечности)»[79]. По замечанию В. О. Ключевского, «житие — не биография, как и образ святого в житии не портрет, а икона»[80]. Хотя «Повесть о дупле» нельзя полностью относить к произведениям житийной литературы, сказанное в значительной степени относится к образу Накатада. Мы не должны подходить к анализу «Повести» с критериями, по коим судим о более поздних произведениях, главный интерес которых сосредоточен в показе частного и конкретного, в показе отдельной личности и оригинальных характеров. Кроме того, нельзя видеть в обобщённости фигуры главного героя проявление неспособности автора создать психологически убедительный образ. Напротив, автор «Повести», используя свои наблюдения над различными людскими типами и над человеческой природой вообще, создал серию разнообразных характеров, психологически необычайно достоверных.

Начиная с восьмой главы стиль существенно меняется. Повествование посвящено уже годам зрелости Накатада, его семейной жизни. Автор возвращается к темам и персонажам первых глав произведения, но часто трактует их иначе, добавляя что-то новое и уточняя детали. Так, в связи с чтением записок Тосикагэ, довольно подробно рассказывается о его

родителях, лишь бегло упомянутых в начале; император Сага вспоминает о родителях Тосикагэ и его усадьбе, сообщая новые подробности. Во второй части значительно уточняются родственные связи между персонажами. Оказывается, что Суэакира является старшим братом Масаёри, и сын его Санэтада приходится, таким образом, племянником Масаёри. Кроме того, рассказывается, что ещё при рождении Атэмия Суэакира и Масаёри поклялись друг другу поженить Санэтада и Атэмия. Подробно рассказывается о жёнах Канэмаса. В конце романа вновь говорится о верной служанке дочери Тосикагэ, с некоторыми вариациями по сравнению с первой главой, и впервые упоминается её имя.

Противоречия между первой половиной «Повести» и второй многочисленны. Естественно возникает вопрос, было ли всё произведение написано одним лицом. Нам кажется, что вся структура «Повести» подчинена единой концепции и эта концепция проводится последовательно до самого конца. Противоречия касаются деталей, иногда важных, но тем не менее не влияющих на идею всего произведения. Таким образом, можно всё-таки считать «Повесть о дупле» созданием одного автора. Однако к моменту создания рукописей, сохранившихся до нашего времени, «Повесть» существовала в нескольких вариантах, текст каждого из них подвергся более или менее значительной переработке и впоследствии они были довольно механистически использованы при создании сводного варианта.

Характерной чертой «Повести о дупле» является сочетание в ней самых разнообразных стилей. Такое сочетание не было обусловлено особым художественным замыслом. Прибегая к заимствованиям, автор не стремился привести к единообразию отдельные фрагменты, и эпизоды романа сохраняют с теми или иными источниками связь не только сюжетную, но и стилистическую. Многочисленные нити связывают «Повесть» с литературой, проникшей в Японию из Китая. Заимствованные из этой литературы сюжеты, по-видимому, впервые в «Повести» получают воплощение на японском языке. В подобных эпизодах стиль сух и лаконичен. Таково начало первой главы вплоть до смерти Тосикагэ. Масуда Кацуми отмечает, что эта часть (особенно эпизод обучения Тосикагэ у семи небожителей и появление Будды) и китайские переводы буддийских сочинений[81] стилистически очень близки.

Огромную роль играет в романе японская поэзия. Страницы романа насыщены танка, многие эпизоды представляют собой серии стихотворений, сочинённые группой персонажей по тому или иному поводу, без какого-либо комментария к стихам. Многочисленные

стихотворения являются любовными жалобами, посылаемыми дочери Масаёри, и ответами красавицы. Кроме того, в романе часто сгруппированы стихотворения поздравительные или посвящённые любованию природой. Такие серии очень близки к разделам поэтических антологий, объединяющих стихотворения на одну тему.

Во многих эпизодах «Повести» стихотворения сопровождаются более или менее развёрнутыми комментариями. Эти фрагменты могли бы быть частями «Повести об Исэ» или «Повести о Ямато». Примером такого рода является отрывок из первой главы, повествующий о дочери Тосикагэ и молодом Канэмаса, страдающих в разлуке.

Но в целом роль стихотворений в «Повести о дупле» совершенно иная, чем в «Повести об Исэ» или «Повести о Ямато», в которых прозаический текст не имеет самостоятельной ценности. Иное дело в «Повести о дупле». Обратимся к той части первой главы, где стихотворения играют большую роль: к описанию жизни дочери Тосикагэ после смерти отца до описания тоски влюблённых. Этот отрывок содержит шестнадцать стихотворений. Сокращение их, конечно, обеднило бы текст, но не разрушило бы его смысла, не лишило бы его логической последовательности. Развитие сюжета не зависит от стихотворений, уже не являющихся центральным моментом композиции. Таким образом, соотношение прозы и поэзии в «Повести о дупле» изменилось по сравнению с предшествующими произведениями, основой отныне становится прозаическое изложение, в которое может быть вкраплено какое-то количество стихотворений.

В «Повести» явно влияние поэзии даже в эпизодах, не содержащих стихотворений. Это прежде всего относится к описаниям природы. Здесь мы касаемся проблемы, которая опять приводит нас к новаторству автора рассматриваемого произведения. Литература не отражает действительности, но лишь пользуется элементами реальной жизни. Если язык в целом гораздо уже реальности, то ещё более узким является литературный язык; он обозначает лишь тот круг явлений, который вошёл в сферу внимания автора. Почин в литературе играет огромную роль. На протяжении веков затем в произведения разных авторов входят выражения, созданные в глубокой древности. В японской средневековой литературе очень многое было сделано впервые автором «Повести о дупле»; правда, иные из его находок никогда в полной мере больше не были использованы. Но последнее не относится к пейзажу.

Языковое и жанровое разделение, которое существовало в японской литературе до X в., когда проза писалась на китайском, а поэзия главным

образом на японском, явилось причиной того, что обращение к природе было ограничено областью поэзии. Проза была в основном историографическая и религиозная, копирующая китайские образцы. Сам жанр этих произведений, написанных к тому же на китайском, препятствовал появлению в них описаний японской природы. Что касается создаваемой с X в. прозы на японском языке, то природа не сразу получает в ней отражение. В первых образцах японской прозы природа отсутствует. В них почти не упоминаются ни растения, ни животные. Если в «Повести об Исэ» или «Повести о Ямато» и фигурируют в прозаической части кое-какие птицы и растения, то только потому, что автору необходимо мотивировать их появление в стихотворениях. Приведём в качестве примера последний отрывок из «Повести о Ямато», где описывается дом, в котором герой хочет укрыться от дождя. «Вошёл он, огляделся: у лесенки цветёт красная слива. И соловей поёт». Из дальнейшего ясно, однако, что даже это лаконичное описание не имеет никакого самостоятельного значения. Соловей упомянут сразу же в стихотворении дамы, живущей в доме, а на лепестках сливы она пишет второе стихотворение[82]. Даже в «Дневнике путешествия из Тоса», созданном Ки Цураюки, нет описаний природы ради природы. Крайне немногочисленные упоминания растений и птиц (например, сосен и аистов) выполняют роль прозаического вступления к стихам, близкого объяснения в соответствующих поэтических антологиях. Это тем более удивительно, что «Дневник» — произведение чисто прозаического жанра; стихотворения здесь не играют формообразующей роли, и автор, казалось бы, мог свободно излагать свои впечатления от природы в избранном им прозаическом стиле. Явление на первый взгляд парадоксальное: Цураюки, который часто обращается к природе в своих стихах, становится абсолютно глух к ней, как только начинает сочинять прозу.

«Повесть о дупле» — первое произведение японской прозы, в котором описания природы имеют самостоятельное значение. Даже в истории путешествия Тосикагэ, части, наименее развитой с точки зрения описаний, автор упоминает элементы пейзажа. Изображения природы становятся гораздо более детальными, когда действие переносится в Японию.

Одним из лучших пейзажей «Повести» нужно признать описание сада Тосикагэ в ночь посещения его дома молодым Канэмаса. Вообще стиль в части, излагающей события после смерти Тосикагэ, становится гораздо более гибким, чем в начале главы. Ритм повествования резко меняется, повествование делается медленным и подробным. В эпизоде посещения дома молодым Канэмаса автор описывает и деревья, и заросли диких трав,

и ручьи, и пруд, говорит о луне, об аромате цветов, о прохладном ветре, о стрекотании цикад. Лишь немногие из этих элементов входят в стихотворение, которое слагает Канэмаса. В целом же описание природы здесь совершенно самостоятельно.

Все элементы пейзажа в «Повести о дупле» заимствованы из поэзии. Это станет совершенно ясным, если мы вернёмся к речи Накатала об обучении игре на кото. Образы природы в этом отрывке взяты из первой поэтической антологии «Собрание мириад листьев», вплоть до прямой цитаты о роще звёзд из знаменитого стихотворения Какиномото Хитомаро:

Вздывается волна из белых облаков,
Как в дальнем море, средь небесной вышины,
И вижу я:
Скрывается, плывя,
В лесу полных звёзд ладья луны[83].

Автор «Повести» не вышел за пределы канона, сформировавшегося в поэзии, но впервые в японской литературе ввёл эти поэтические образы в прозу.

Итак, в «Повести о дупле» автор соединил различные направления литературы своего времени: в частности, стиль китаеязычной прозы и стиль японской поэзии. Направления эти были крайне разнородны, и автор не объединил их в стилистически единую композицию. В созданном после «Повести о дупле» романе Мурасаки-сикибу стиль гораздо более совершенен. Но, оставляя в стороне вопросы индивидуального таланта автора, надо сказать, что совершенство это обусловлено следующими причинами. Мурасаки-сикибу имела перед собой «Повесть о дупле» как образец для своего сочинения. Кроме того, в «Повести о Гэндзи» кругозор автора гораздо более ограничен. Мурасаки развивает лишь одну из линий «Повести о дупле», а именно линию любовных отношений, но и здесь персонажи гораздо менее разнообразны, чем в произведении её предшественника.

«Повесть о дупле» по глубине своей основной идеи и по широте изображения жизни общества достойна занять место среди известных произведений средневековой литературы не только Востока, но и всего мира. Кроме того, «Повесть» является одним из важнейших источников сведений о жизни хэйанского общества X в. Значение это не умаляется от соседства с такими произведениями, как «Записки у изголовья» или «Повесть о Гэндзи», так как отношение к действительности у трёх авторов этих наиболее крупных произведений эпохи было сугубо индивидуальным, и то, что интересовало одного, могло не найти отражения в произведениях

других.

«Повесть о дупле» — поистине новаторское произведение, которое открывало пути для развития японской прозы. Многие особенности «Повести», недочёты её композиции и неровность стиля проистекают из того, что здесь автор впервые представил синтез различных стилей современной ему литературы и создал совершенно новый жанр: жанр сюжетного повествования большого объёма.

* * *

Рукопись произведения до нашего времени не дошла, самые старые из существующих списков относятся к рубежу XVI–XVII вв.

Настоящий перевод выполнен по изданию: Уцухо-моногатари / Ред. Коно Тама. В 3 т. // Нихон котэн бунгаку тайкэй. Т. 10–12. Токио, 1961–1962. Издание основано на ксилографе 1677 г.

Мы пользовались также изданием произведения под редакцией Мията Ваитиро (Нихон котэн дзэнсё. В 5 т. Токио: Асахи симбун, 1954–1965), в основу которого положена рукопись 1690 г., исправленная и дополненная по другим спискам.

Эти версии значительно отличаются друг от друга. Мы не отмечали разночтений между ними, придерживались первого издания и не восполняли пропусков в нём за счёт второго, поскольку ни одна из сохранившихся рукописей не является удовлетворительной, текст и в том, и в другом издании изобилует тёмными местами, словами не поддающимися расшифровке, и пр. В тех местах, где японские комментаторы предполагают пропуск в тексте, или там, где текст, по их мнению, настолько испорчен, что не поддаётся убедительной расшифровке, мы ставили многоточие в угловых скобках <...>. Оставлены без примечаний отдельные слова, значение которых утрачено. Часто оба комментатора значительно расходятся в понимании того или иного места, идентичного в обеих версиях. В подобных случаях мы придерживались толкования, казавшегося нам наиболее убедительным.

Предложенное в настоящем издании разделение моногатари на части (первая — главы I–XI, вторая — главы XII–XX) условно и отвечает исключительно издательской необходимости.

За пределами Японии «Повесть о дупле» почти неизвестна. Она переведена на английский язык (Tale of the Cavern (Ursuho-monogatari), translated with an introduction by Ziro Uraki. Tokio: Shinozaki Shorin, 1984), но этот единственный перевод не может дать полного представления о произведении, так как выполнен с большими сокращениями.

Искренне благодарю Е. М. Райхину, прочитавшую весь материал

настоящей книги и сделавшую замечания, которые были учтены мной в работе.

Сейчас уже нет в живых И. Э. Циперович, на протяжении многих лет всячески поддерживавшей меня в работе, убеждавшей в необходимости её продолжения и дававшей ценные советы и В. Н. Горегляда, проявлявшего неизменный интерес к публикации перевода. Мне остаётся с чувством глубокой благодарности почтить их память.

Владислав Сисаури

Глава I ТОСИКАГЭ

Давным-давно жил князь по имени Киёвара[84]. Он занимал одновременно две должности: был старшим помощником главы Палаты обрядов и старшим ревизором Левой канцелярии[85]. Князь женился на дочери императора, и родился у них сын. Это был мальчик необычайных способностей. «Редкостный ребёнок! — говаривали отец и мать. — Дожить бы нам, увидеть бы, каким он вырастет!» Его не нужно было усаживать за книги, чему-то особо обучать — он был умён не по годам. Кроме того, он выделялся среди сверстников своим высоким ростом.

Как-то раз, когда ребёнку было семь лет, князь Киёвара принимал у себя некоего господина из Когурё[86], и сын, подражая отцу, приветствовал гостя стихами. «Невероятно! — удивился император, прослышав об этом. — Надо будет испытать его на государственных экзаменах»[87].

Когда мальчику исполнилось двенадцать лет, ему дали взрослое имя, Тосикагэ, и он стал носить одежду, причёску и головной убор взрослых[88].

«Это редкий талант! — решил император. — Годами он молод, но пусть попробует держать экзамены». Император призвал к себе учёного по имени Накатоми Кадохито[89], который трижды ездил для совершенствования образования в Танское государство[90], и приказал подготовить трудную тему для экзаменов. Ни один из тех, кто получил образование в учебных заведениях, кто обладал большими знаниями и не раз уже сдавал экзамены, не мог ничего сделать и не представил ни одной строчки. Тосикагэ же написал своё сочинение на тему, предложенную Палатой обрядов, столь искусно, что все в Поднебесной были изумлены. Только один Тосикагэ и выдержал экзамены.

На следующий год император снова вызвал учёного и приказал подготовить тему для экзамена на высшую степень. Экзамен проходил в императорском книгохранилище. Тему объявили, когда солнце было уже высоко[91]. Тема была трудна, но Тосикагэ писал вдохновенно, его сочинение вышло чрезвычайно обстоятельным и блестящим по стилю. Император был изумлён таким успехом и сразу же назначил его секретарём Палаты обрядов.

Никто не мог сравниться с Тосикагэ ни красотой, ни умом. Родители думали: «Даже глаз у всех по два, а вот такого сына второго не найти».

Тосикагэ исполнилось шестнадцать лет, когда в стране снаряжалось посольство в Танское государство[92]. Были избраны мужи выдающихся способностей, среди них назвали и Тосикагэ. Невозможно выразить тоску, охватившую его родителей! Ведь это был их единственный сын, к тому же он превосходил других своей красотой и талантами. Всю ночь перед отъездом проливали они кровавые слёзы: сын отправлялся в столь дальнюю дорогу, что трудно было надеяться вновь увидеться с ним. Так они просидели всю ночь — склонив друг к другу головы и горько плача. Утром Тосикагэ сел на корабль.

Когда они плыли к берегам государства Тан, налетела буря, и из трёх кораблей два потерпели крушение. Много людей утонуло. Корабль, на котором находился Тосикагэ, прибило к берегам Персии[93]. Очутившись здесь, несчастный, беспомощный Тосикагэ, проливая слёзы, стал молиться бодхисаттве Каннон[94]:

— Спаси меня, о бодхисаттва, которому я поклоняюсь с семи лет!

И тогда на пустынном берегу, где не было ни птицы, ни зверя, показался осёдланный конь. Он скакал по берегу и громко ржал.

Семь раз совершил Тосикагэ поклоны Каннон. Он подождал, когда конь приблизится к нему, вскочил в седло, и конь помчался, как ветер. Тосикагэ очутился в тенистой роще. Под сандаловыми деревьями сидели рядом на тигровых шкурах три человека и играли на кото[95]. Тосикагэ спешил, и конь исчез. Юноша остался в роще[96].

Музыканты спросили, кто он такой.

— Я Киёвара Тосикагэ, посол японского императора, — ответил он и рассказал о том, что с ним произошло.

— Ах вот откуда ты прибыл! Оставайся пока с нами, — сказали музыканты и, расстелив в тени деревьев такую же шкуру, на каких сидели сами, усадили на неё Тосикагэ.

Ещё на родине мечтал юноша научиться играть на кото, и вот сейчас трое музыкантов играли перед ним на этом инструменте. Тосикагэ не отходил от них, и скоро не осталось ни одного произведения, которого бы он не выучил.

Питался он там росой с цветов и инеем с листьев клёнов.

На следующий год, весной, с западной стороны то и деле раздавался стук топоров по дереву. «Так далеко — и так ясно слышно! — думал Тосикагэ. — Какое же это должно быть дерево, что столь громко звучит!» Играя на кото и распевая стихи, он всё время прислушивался к этим звукам. Стук по дереву не прекращался и всё больше и больше становился похожим на звуки кото. «Куда ни посмотри, никакого леса отсюда не

видно, — думал Тосикагэ. — Что же это за дерево, которое звучит, как музыкальный инструмент оттуда, где сливаются небо и земля и исчезает этот мир? Мне хочется отправиться в то место, где оно растёт, и во что бы то ни стало сделать из него кото».

Он попросил разрешения у трёх музыкантов — и сразу же пустился в путь, туда, откуда раздавался стук топоров. Полный воодушевления, Тосикагэ пересекал моря и реки, поднимался на скалы, спускался в долины — так прошёл год, потом другой. На третий год, весной, поднялся он на вершину огромной горы. Оглядевшись вокруг, он увидел вдалеке ещё одну крутую гору, которая вершиной касалась неба. Воспрянув духом, Тосикагэ устремился туда. Поднявшись на гору, он увидел дерево павлонии, корни которого уходили в глубину На тысячу дзё[97], вершина достигала неба, а ветви указывали На все соседние страны. Вокруг этого дерева толпились страшные существа. Волосы на их головах были подобны торчащим мечам, рожи пылали пламенем, руки и ноги напоминали лопаты и мотыги. Огромные глаза ослепительно сверкали, как металлические чашки. Здесь были женщины, старики, подростки, малые дети. Все разрубали ветвь дерева, которая лежала на земле.

Тосикагэ сразу понял, что на этой горе его ждёт неминуемая смерть, но сердце его горело отвагой, и он устремился к асурам[98].

При виде его асуры очень удивились.

— Кто ты и откуда? — спросили они.

— Я — Киёвара Тосикагэ, посол японского императора. Три года шёл я к этому дереву на стук топоров, и вот сегодня достиг этой горы, — ответил он.

— Зачем ты пришёл сюда? — спросили асуры гневно. — Уже прошла половина срока в десять тысяч калп[99], назначенного для искупления наших грехов, и мы видели забредающих сюда тигров, волков и ползучих гадов, но никогда мы не видели ни одного человека. Зверей, которые появляются здесь, мы едим. Зачем же ты, имеющий человеческое тело, явился сюда? Немедленно отвечай, зачем ты пришёл?

Они гневно вращали глазами, огромными, как колёса телеги, и скалили зубы, страшные, как мечи.

Проливая слёзы, Тосикагэ почтительно рассказал асурам, как покинул родную страну, как из рощи, где жил с музыкантами, отправился на поиски этой горы, как прошёл сквозь стаи диких животных, как жгло его пламя, как зубы зверей, острые, словно мечи, впивались в его ноги, как встречал он ядовитых змей, которые хотели наброситься на него, — рассказал всё, начиная с того самого дня, как разлучился с родителями.

— Из-за совершённых в прошлом страшных преступлений мы получили эти ужасные облики, и мы не знаем, что такое милосердие, — сказали асуры. — Но твой рассказ о родителях, которые в Японии страдают в разлуке с тобой, тронул наши сердца: у нас тоже есть сорок детей, которых мы любим, и огромная семья в тысячу родственников. Поэтому мы оставим тебе жизнь. Возвращайся же немедленно назад, перепиши ради нас «Сутру Великой Мудрости»[100] и молись за нас. Мы отпускаем тебя, чтобы ты смог вернуться в Японию к отцу и матери.

Тосикагэ, низко поклонившись, ответил:

— С того времени, как я покинул Японию, больше всего меня мучит, что я, единственный, любимый сын своих родителей, разлучился с ними по приказу государя, не думая об их участи и забыв о милосердии. Родители, проливая кровавые слёзы, говорили мне: «Если ты не знаешь, что такое сыновняя добродетель, нам суждено вечно лить слёзы. Но если ты знаешь, что это такое, возвращайся скорее, пока страдания не изведут нас совсем». В пути нас настигла страшная буря, поднялись большие волны, все сотоварищи мои погибли, и меня прибило к незнакомому берегу. С тех пор прошло уже много времени. Выходит, что я не выполняю своего долга по отношению к родителям. Но если мне дадут кусок ветки от этого дерева, я сделаю из него кото и, играя на нём, искуплю своё преступление, искуплю вину перед родителями, которых заставляю так долго страдать.

При этих словах асуры пришли в ещё больший гнев.

— Даже если бы ты, твои дети и внуки жили тут вечно, — закричали они, — вам не видать и щепки этого дерева. Знаешь ли ты, для чего оно здесь растёт? Когда во всей Вселенной родители стали буддами[101], сошёл с неба Молодой принц и три года рыл землю. Затем в эту долину спустилась небожительница и под звуки священных песнопений посадила павлонию. Она сказала нам: «Когда пройдёт половина срока искупления ваших грехов в десять тысяч калп, ветка этого дерева, указывающая на запад, засохнет. Вы должны будете её срубить и разделить на три части. Верхняя часть будет поднесена буддам, бодхисаттвам и богам, обитающим в небе Торитэн[102], средняя часть — прошлым родителям, а нижнюю часть получит мой будущий сын». Вот что это за дерево! Небожительница поставила нас стражами на горе, а сама, когда спускается с небес, пребывает весной в саду цветов, а осенью — в кленовой роще. Твоё преступление уже в том, что ты явился сюда самовольно. Во искупление своих грехов мы в течение долгих лет охраняем дерево, чтобы избавиться от страшного нынешнего облика, но сами ни щепки не получим от этой ветки. С какой же стати мы отдадим тебе часть дерева?

Асуры были готовы кинуться и сожрать Тосикагэ, но тут небо внезапно потемнело, хлынули дождевые капли величиной с тележные колёса, загрохотал гром, сверкнула молния, и с небес верхом на драконе спустился отрок. Он вручил асурам золотую пластину и возвратился обратно. На пластине было написано: «Отдайте нижнюю часть ветки Тосикагэ, человеку из Японии».

Асуры изумились. Они совершили перед Тосикагэ семь поклонов. «Как это удивительно! Это тот самый сын небожительницы, о котором она когда-то говорила», — подумали они и, обращаясь к Тосикагэ, почтительно сказали:

— Из трёх частей этой ветки верхняя и средняя — молоток счастья: если взять хоть малую щепку и ударить ею по пустой земле, вся земля вскипит сокровищами, бесчисленными, как песок Ганга. А нижняя часть имеет замечательное звучание, это сокровище на веки вечные.

Ветку разрубили. На стук топоров спустился с неба Молодой принц. Он сделал из ветки тридцать кото и вновь поднялся на небо. Зазвучала райская музыка, и с заоблачных высот спустилась небожительница. Она покрыла инструменты лаком, велела Ткачихе[103] ссучить для струн нити, прикрепила их к инструментам и поднялась на небо. Так были сделаны тридцать кото.

Тосикагэ отправился дальше на запад, а ветер понёс за ним тридцать инструментов. Придя в сандаловую рощу, Тосикагэ захотел услышать, как звучат кото. Двадцать восемь из них звучали одинаково, от звуков же двух других начались обвалы в горах, земля разверзлась и поглотила семь гор. Тосикагэ остался жить в этой прекрасной роще, сидел в одиночестве в прохладной её тени, распевая песни и играя на кото.

На третий год, весной, он отправился дальше на запад, в сад цветов. Там он поставил перед собой все инструменты, расположился под сенью большого цветущего дерева и, думая о своей родине и о своих родителях, заиграл на одном из тех двух кото, которые превосходили другие по звучанию. Весеннее солнце светило мягко, горы были в зелёной дымке, в лесу на деревьях набухали почки, в саду распускались цветы — всё было полно неизъяснимой прелести. Тосикагэ играл на кото всё громче и громче. Наступил час лошади[104], в небесах раздались звуки священных песен, и на пурпурном облаке спустилась с высот небожительница с семью сопровождающими. Тосикагэ низко ей поклонился и заиграл снова.

Она опустила на цветы и спросила:

— Кто ты? Почему живёшь ты один в саду, где весной люблюсь я цветами, а осенью кленовыми листьями и куда не залетают даже вольные

птицы? Не ты ли получил ветку дерева, которое стерегли асуры там, на востоке?

— Я тот самый, кому была вручена ветка, — ответил Тосикагэ. — Я не знал, что это место посещается буддами. Сад мне казался уединённым. Я давно живу здесь и за это время никого не видел.

— Ты именно тот, кого мы ожидаем, потому ты и живёшь здесь, — сказала небожительница. — Такова воля небес: ты будешь играть на земле на кото и дашь начало роду музыкантов. В древности за проступок я была изгнана из страны Будды, которая находится на запад отсюда, послана на восток и спустилась на землю. Я прожила там семь лет и родила семь сыновей, которые и сейчас живут на семи горных вершинах. Они играют на кото музыку рая Чистой земли[105]. Отправляйся туда, перейми у них искусство игры, выучи эту музыку и возвращайся в Японию. Сейчас я дам названия двум кото, которые превосходят по звучанию остальные. Одно будет называться «нан-фу», другое — «хаси-фу»[106]. Играй на них только перед моими сыновьями, которые живут в горах. Никто не должен слышать эти кото. Где бы ты ни заиграл на этих двух кото, даже в грешном земном мире, я обязательно явлюсь к тебе.

Следуя наказу небожительницы, Тосикагэ из сада цветов отправился дальше на запад. Ему преградила дорогу широкая река, но появился павлин и перевёз его, а кото перенёс через реку ветер. Тосикагэ шёл всё дальше и подошёл к устрашающей пропасти, но оттуда поднялся дракон и перевёз его, кото же перенесли по ветру. Пошёл он ещё дальше на запад и увидел семь неприступных гор. Из этих гор вышли семь магов-отшельников, которые провели его через кручи. Далее на запад была гора, где бесновались многочисленные волки и тигры, но явился слон и перевёз его. Тосикагэ снова двинулся на запад и дошёл до семи гор, на которых, как говорила ему небожительница, жили семь её сыновей.

Тосикагэ поднялся на первую гору и увидел человека, который сидел в тени сандаловых деревьев на ковре из цветов и играл на кото. На вид ему было не более тридцати лет. Тосикагэ стоя совершил приветственный поклон, а затем сел и поклонился ещё раз.

Хозяин горы очень удивился:

— Кто ты и откуда пришёл сюда?

— Я — Киёвара Тосикагэ, — отвечал тот. — Я пришёл сюда, потому что мне было сказано вот что. — И он передал слова небожительницы.

— Неужели из того самого сада, где цветут лотосы, где проводит время моя мать? — спросил хозяин горы. — Ты японец, и услышать от тебя, что ты пришёл из цветущего сада, гораздо удивительнее, чем увидеть

перед собой мою мать.

Он усадил Тосикагэ под дерево рядом с собой и начал подробно расспрашивать его. Тот рассказал всё с самого начала, ничего не забыв. В это время ветер опустил перед ними все тридцать кото. Хозяин горы и Тосикагэ начали играть на них, и сына небожительницы охватила глубокая грусть. Вместе с Тосикагэ он отправился на вторую гору. Увидев их, хозяин второй горы изумился.

— Этот человек пришёл к нам из сада, где растут лотосы, — сказал его брат, — и я привёл его с собой, движимый печальными воспоминаниями о милостях нашей матери, которая кормила нас молоком.

При этих словах хозяин второй горы сделался грустным, и втроём отправились они на третью гору. И там было то же, и вчетвером отправились они далее вглубь. И там было то же, и впятером отправились они далее вглубь. И там было то же, и они пошли дальше вшестером. И там было то же, и всемером они пошли дальше.

Седьмая гора, покрытая лазуритом, была прекраснее всех остальных; цветы источали необыкновенное благоухание, клёны были особенно красивы; в воздухе раздавалась музыка рая Чистой земли, она звучала совсем рядом; по земле, покрытой цветами, разгуливали фениксы и павлины. Сюда пришли семеро путников и поклонились хозяину горы. Он обрадовался и приветствовал гостей.

— Этот японец прибыл из лotosового сада, — сказали его братья. — Его рассказ о лotosовом саде пробудил в нас воспоминания о нашей матери, и мы все вместе привели его сюда.

Услышав это, хозяин горы обратился к Тосикагэ:

— Изгнанные с небес, мы были рождены в нынешнем образе небожительницей. Она спустилась в эти горы и жила здесь семь лет, каждый год рождая по ребёнку, — поэтому нас семь братьев. Нам было мало лет, когда наша мать возвратилась на небеса. Мы живём с детства в этих горах, которые наша мать не посещает, пьём росу с цветов и с листьев клёна, как материнское молоко. После возвращения нашей матери на небеса нам не пришлось её увидеть даже пролетающей в вышине. Смутно мы слышали, что должны жить в этих безлюдных местах и очень долго никого не видеть, а потом из цветущего сада, находящегося к востоку отсюда, куда весной и осенью спускается наша мать, придёт человек, который дорог живущим рядом с нею, он придёт, хотя эти места недоступны для тех, кто обитает в земном мире, и мы должны принять его.

Затем каждый из них взял по одному кото, и они заиграли все вместе. Они играли семь дней и ночей, и звуки музыки постигли святой обители

Будды.

— Это звучит дерево, которое посадили небожители к востоку отсюда и к западу от земного мира, — сказал Будда, обращаясь к бодхисаттве Мондзю[107]. — Отправляйся немедленно туда и посмотри, кто это играет.

Мондзю сел на льва и в мгновение ока спустился на седьмую гору. Он спросил музыкантов:

— Кто вы такие?

Семь братьев, поклонившись, ответили:

— Когда-то мы жили на небе Тосоцу[108]. За неподобающие деяния мы были рождены в этом мире обительницей неба Торитэн. Нас семеро, мы жили в разных местах и друг друга никогда не видели. Но благодаря благосклонности нашей матери к человеку, пришедшему сюда из цветущего сада, который она часто посещает, мы все семеро собрались вместе.

Мондзю возвратился в святую обитель и рассказал об этом Будде. Будда и Мондзю сели в облачный паланкин и начали спускаться с небес. В горах, где играли семь братьев и Тосикагэ, реки потекли вспять, горы сотряслись, в бескрайнем небе раздались звуки райской музыки, стал меняться цвет облаков, иначе зашумел ветер, вопреки закону чередования времён года распустились весенние цветы, в то время как клёны покрылись осенним багрянцем.

Игра на кото достигла предельного совершенства. Будда приблизился к горе и, пересев на павлина, опустился на нём на цветы. Семь дней и семь ночей возносились усердные молитвы, и провозглашение имени Будды Амида сопровождалось звуками кото.

Явив свой лик музыкантам и Тосикагэ, Будда изрёк, обращаясь к семи братьям:

— В прошлом ваша добродетель была глубока, но за мелкие провинности вы были когда-то рождены в небе Тосоцу. Там вы впали в постыдный грех гнева и в наказание были изгнаны на землю. Сейчас эта карма[109] полностью завершена. Тебе же, существу из Страны восходящего солнца, — продолжал Будда, глядя на Тосикагэ, — не было назначено возродиться в облике человека. Причина тому — грехи похоти, которых не счесть у тебя в предыдущих рождениях. Поэтому ты в своих превращениях должен был восемь рождений в человеческом облике пройти, через чрево двух тысяч женщин пять и восемь раз пройти[110]. Никто из твоих матерей не должен был иметь человеческого тела. Однако давным-давно жил в одной стране отшельник по имени Великий Сомухамуна. Тогда там царствовал скупой и безжалостный правитель. Он

разорял страну, народ голодал. Семь лет отшельник кормил зерном голодающих, бесчисленных, как песок Ганга, и усердно творил заклинания, избавлявшие несчастных от страданий. В то время ты в образе животного приносил отшельнику овощи и черпал для него воду. Кроме того, три года ты был воздержан. Этими добрыми делами ты уничтожил число перерождений, назначенных тебе. Произошло это потому, что ты служил человеку, который читал заклинания, приносящие счастье. Возродиться в будущем в человеческом облике тебе было бы трудно, но поскольку ты пришёл в эти горы, изумил Будду и бодхисаттву, пробудил в косных жестоких асурах чувство сострадания <...>. Эти семь человек с гор, завершив свою оставшуюся карму, должны подняться на небо. Ты же, существо из Японии, следуя своей судьбе, пройдя ряд превращений, будешь лицезреть Будду и внимать Закону[111]. Знай также, что один из семи братьев, живших в этих горах, возродится твоим внуком. Он уже не должен был возрождаться среди людей, но есть особые причины, связывающие его со Страной восходящего солнца, и поэтому жизнь его будет исполнена благодати.

Музыканты внимали Будде, молитвенно сложив руки и склонив голову. Затем Тосикагэ преподнёс по одному кото. Будде и Мондзю. Тотчас же Будда сел опять в облачный паланкин и, отдавшись на волю ветра, вознёсся в свою обитель. Небо и земля при этом содрогнулись.

Пришло время для Тосикагэ отправиться в Японию. Каждому из семи братьев он подарил по одному кото. Братья были очень печальны и проливали кровавые слёзы. С большой неохотой пустился Тосикагэ в путь. На прощание семь братьев играли райскую музыку, а потом проводили Тосикагэ до той реки, через которую перевозил его павлин. Здесь они сказали, что должны возвратиться:

— Мы хотели бы проводить тебя до самой Японии, но нам нельзя выходить за пределы этих гор. Как нам ни тяжело, но мы должны здесь с тобой расстаться. Ах, если бы нам было разрешено сопровождать тебя в Японию!

Братья прочитали молитву и, отворив на руке кровь, написали названия на тех инструментах, которые Тосикагэ должен был привезти в нашу страну. Одно назвали «рюкаку-фу», другое — «хосоо-фу», ещё одно — «ядомори-фу», четвертое — «ямамори-фу», пятое — «сэта-фу», шестое — «ханадзоно-фу», седьмое — «катати-фу», восьмое — «мияко-фу», девятое — «ава-рэ-фу», десятое — «оримэ-фу». После этого семь братьев повернули назад.

Тосикагэ продолжил свой путь один. Опять поднялся ветер и понёс за

ним кото. Инструментов, которым дали название, вместе с двумя, имена которым дала небожительница, было двенадцать, а ещё ветер нёс те, которые оставались безымянными. Тосикагэ прибыл в рощу, в которой жил три года, и подробно, месяц за месяцем, день за днём, рассказал трём музыкантам, что с ним произошло. Ветер принёс и опустил перед ними на землю кото. Из тех, что оставались без названия, Тосикагэ преподнёс три инструмента музыкантам. Радости их не было предела.

* * *

По пути в Японию Тосикагэ проходил через Персию и послал по одному кото царю, царице и наследнику престола. Увидев инструменты, царь пришёл в крайнее изумление и призвал к себе Тосикагэ. Когда тот явился во дворец, царь подробно расспрашивал его об этих кото.

— Когда я касаюсь струн инструмента, подаренного тобой, он звучит плохо, — сказал царь, — оставайся на некоторое время у нас и научи, как играть на нём. Ты чужестранец, но уже прошло много времени с тех пор, как ты покинул свою землю. Побудь ещё немного, и я щедро вознагражу тебя.

— Я оставил в Японии отца и мать, которым было тогда восемьдесят лет, и отправился в путь, — ответил Тосикагэ. — Сейчас они, вероятно, превратились в пепел и прах. Но я хочу увидеть хотя бы их белые кости и поэтому должен спешно покинуть вашу страну.

Царь огорчился, но ехать дальше разрешил.

Тосикагэ сел на торговый корабль, и после двадцати трёх лет отсутствия он возвратился в Японию. Тосикагэ было тогда тридцать девять лет.

Ему рассказали, что три года назад скончался его отец, а пять лет назад — мать. Тосикагэ очень печалился, но слезами горю не поможешь. Три года носил он по родителям траур[112].

Император, узнав о его возвращении, очень обрадовался:

— Наконец-то вернулся Тосикагэ, блиставший раньше необыкновенными талантами.

Он призвал к себе прибывшего и обо всём расспрашивал. Тосикагэ рассказал о том, что с ним приключилось[113], и император проникся к нему сочувствием. Ему дали чин младшего помощника главы Палаты обрядов, и он получил свободный доступ во дворец. Император пожелал, чтобы он был воспитателем наследника престола:

— Тосикагэ надо поручить образование принца. Пусть он учит наследника и развивает его способности, и нам тогда не придётся тревожиться о будущем нашей страны.

Тосикагэ превосходил всех своей красотой, и те, у кого были на выданье дочери или младшие сёстры, твердили ему денно и ночью: «Стань нашим зятем», — но Тосикагэ твёрдо отвечал, что Будда объявил похоть тяжким грехом, и был воздержан. Всё же он выбрал в жёны дочь одного из принцев, которому император пожаловал фамилию Минамото[114], девушку редкого благородства. И родилась у них дочь, мила она была необычайно. Тосикагэ повысили в ранге, он стал занимать две должности: старшего помощника главы Палаты обрядов и старшего ревизоралевой канцелярии.

Время шло. Девочке исполнилось четыре года, она была высока ростом и обнаруживала ум и сообразительность. «Моя дочь достигла уже того возраста, когда её можно учить музыке, — подумал Тосикагэ, — я буду учить её игре на кото, всему тому, чему я, рискуя жизнью, научился сам».

Он вытащил привезённые из Персии кото. О двух из них он никому не сказал, а из десяти, получивших наименования, одно, «рюкаку-фу», дал дочери, «хосоо-фу» выбрал для себя, «ядомори-фу» тоже оставил в доме, а остальные семь отнёс во дворец. «Сэта-фу» он преподнёс императору, «ямамори-фу» преподнёс императрице, «ханадзоно-фу» — наследнику престола, «мияко-фу» — его супруге. «Катати-фу» преподнёс левому министру[115] Тадацунэ, «оримэ-фу» преподнёс правому министру Тикагэ[116]. Император попробовал играть на всех этих кото. Звучание их было восхитительным.

— Как же были сделаны эти кото? — спросил император. — Вот уже давно не прикасалась к ним рука человека, но звук не стал хуже. И как смогли сделать так, что все семь имеют одинаковое звучание?

Тосикагэ подробно обо всём рассказал. Император был изумлён, он слушал с большим интересом, и не было конца его расспросам.

— Мне с непривычки трудно играть на этом кото. Поиграй на нём, — сказал император.

Тосикагэ взял кото «сэта-фу» и начал тихонько играть одно из «больших произведений»[117]. Звуки кото становились всё громче, и вдруг черепица на крыше дворца стала крошиться и сыпаться вниз, как лепестки цветов. Он заиграл другое произведение — и несмотря на то, что была середина шестого месяца, повалил снег, столь густой, что казался сплошным покрывалом. Император был в чрезвычайном изумлении.

— Это действительно удивительные произведения, — сказал он, — одно из них называется «Юйкоку», второе «Кусэкуюкухара». Рассказывают, что когда их играли китайские правители, с крыш сыпалась

черепица и шёл снег[118]. Что за удивительный, что за редкостный у тебя талант! Ты сотворил невиданное в нашей стране! Давным-давно ты два раза сдавал экзамены и проявил себя человеком, в науках исключительным, превзошёл в этой области всех прочих. Тебе был пожалован чин, а потом ты был назначен воспитателем наследника престола. Но книжников в нашей стране много, хоть они тебе и уступают. А вот в игре на кото у нас второго такого нет. Учи наследника не наукам, а музыке. Принц обладает несомненными талантами. Он, вероятно, не будет доставлять забот своему учителю. Если ты всё своё искусство без остатка передашь наследнику, мы пожалуем тебе право являться во дворец в повседневном верхнем платье[119].

На это Тосикагэ ответил:

— Когда я был молод, я был разлучён с отцом и матерью и послан в Танское государство. Страшная буря и большие волны занесли меня в неизвестную страну. Ничто не могло сравниться с моей скорбью. После многих страданий возвратился я домой, но отец и мать мои уже скончались, и я нашёл одно лишь пепелище. В своё время я следовал высочайшей воле, несколько раз сдавал экзамены, отправился в страну Тан. Никогда не видел я больше ни отца, ни матери, долгое время жил на чужбине, испытал много горя, — и сейчас у меня нет сил учить наследника. Я знаю, что это непочтительно по отношению к моему государю, но я не буду учить наследника игре на кото.

После этих слов он удалился.

* * *

Отказавшись исполнить императорское пожелание, бросив службу, Тосикагэ поселился в просторном красивом доме, который он построил на окраине столицы, на перекрёстке Третьего проспекта и проспекта Кёгоку[120], и начал учить дочь игре на кото. Девочка запоминала всё с одного раза и в день выучивала пять или шесть «больших произведений»[121]. Под её пальцами те же самые инструменты звучали великолепнее, чем у отца. Она выучила всё, что знал отец.

Шло время. Тосикагэ разорился и не мог растить дочь в роскоши, как ему хотелось. Когда ей исполнилось двенадцать-тринадцать лет, только и было разговоров, что о её красоте. Блистательная внешность дочери Тосикагэ ослепляла всех, кто видел её, слухи об утончённости её души не смолкали. Император и наследник престола обращались к Тосикагэ с тем, чтобы она поступила на службу во дворец, и даже посылали письма самой девице, но Тосикагэ на эти предложения не отвечал и дочери отвечать на письма не разрешал. Что же до посланий других принцев и сановников, то

их писем она вовсе не читала.

«Дочь моя, поручи себя Провидению. Если будет на то воля неба, быть тебе и матерью страны, и высочайшей наложницей[122]. Если же на это воли неба нет, быть тебе женой простолюдина, живущего в горах. Я человек бедный, неимущий. Как же мы можем быть связаны со знатными людьми?» — говаривал ей отец. И хотя благородные господа горели желанием жениться на его дочери, он этих разговоров не слушал.

Ворота его дома были обычно закрыты. Нарочные, приносившие письма от императора и наследника, посыльные от разных особ стояли у ворот до рассвета, но никто к ним не выходил.

Тосикагэ проводил всё время в занятиях с дочерью и не нёс никакой службы, и тем не менее его назначили главой Ведомства гражданского управления и советником сайсё.

В год, когда его дочери исполнилось пятнадцать лет, во втором месяце неожиданно скончалась её мать. Девушка ещё горько оплакивала потерю, как заболел отец. Вскоре он совсем ослаб.

— Раньше я хотел, чтобы ты занимала высокое положение В этом мире, — сказал он, позвав как-то дочь к себе, — но в молодости я отправился в дальние края, а когда возвратился на родину, императору больше служить не стал. Со временем я разорился, и уже не могу устроить твоего будущего. Поручаю тебя Провидению. Мои поместья и земли обширны, но вряд ли кто-нибудь станет заботиться о твоих интересах. Кто будет приходить к тебе с тем, чтобы давать отчёт?[123] Однако после моей смерти тебе останется сокровище, которое вечно будет только твоим. — С этими словами он велел ей наклониться к нему и поведал дочери свою тайну: — В северо-западном углу нашего дома на глубине в один дзё я зарыл два кота, похожие на те, на которых мы играем. Одно из них в парчовом мешке, другое — в мешке тёмно-синего цвета[124]. Со всех сторон я укрыл их ветками аквилярии. То, что в парчовом мешке, называется «нан-фу», а то, что в тёмно-синем, называется «хаси-фу». Помни же о моих словах и никогда никому их не показывай. Я думаю, что подобных котов нет во всём мире, это сокровище на веки вечные. Если ты будешь счастлива, то, играя на них, достигнешь вершины блаженства; если несчастлива, то музыка смягчит твоё горе. Если твоей жизни будет угрожать опасность, если попадёшь ты к диким зверям: тиграм, волкам, медведям — и захотят они сожрать тебя, если настигнут тебя самые ужасные несчастья, — тогда играй на этих котов. Когда будет у тебя ребёнок, следи за его характером до десяти лет. Если будет он умен, сообразителен, душою совершенен, если будет внешне и внутренне

превосходить окружающих, тогда передай их ему.

После того, как он сделал своё завещание, жизнь его оборвалась.

Вскоре умерла и кормилица.

* * *

Оставшись одна, дочь Тосикагэ[125] дошла до крайней нищеты. Дни текли, а доходов не было никаких. Слуги её покинули. Каждый день кто-нибудь из них уходил, и скоро осталась она одна, совершенно беспомощная. Всего боясь и стыдясь своего положения, госпожа не хотела, чтобы кто-нибудь знал о её существовании, и пряталась от людей. Прохожие, глядя на дом, думали, что он необитаем, разбирали и по частям растаскивали строения. Вскоре из всех построек осталось только главное помещение, и даже веранда вокруг него исчезла. Сад зарос, как дикое поле.

Госпожа позвала к себе жить служанку своей покойной кормилицы, которая ютилась в бедном доме. Ещё при жизни отца случалось, что оброка с его земель не платили и надо было специально посылать кого-либо для его сбора, а сейчас, когда дочь дошла до крайней нищеты, и этот оброк оставался у управляющих, к вящему их удовольствию. Исчезли и мелкие личные вещи, которые спрятали тогда, когда скончались родители. Совершенно неопытная в житейских делах, госпожа проводила дни в тоске, весной глядя на цветы, а осенью на листья клёна. Ела она, если её кормила служанка, а если нет, то не ела. Почти всё, что было некогда в обширной усадьбе, исчезло, кроме ширмы и переносной занавески, за которыми мог укрыться только один человек. Отец её обладал утончённым вкусом, поэтому дом их когда-то был удивительно красив: просторные помещения, изысканно разбитый сад, и даже трава казалась не такой, как везде. Но сейчас за садом никто не ухаживал, и когда наступило лето, весь он зарос полынью и хмелем. Никто дочь Тосикагэ не навещал, так и жила она в одиночестве. Когда приходила осень, она смотрела на меняющиеся цвета трав и листвы, и грусть её была бесконечна.

— Днём и ночью я одна

И гляжу в тоске

Лишь в пустые небеса.

Так веду я счёт

Уходящим месяцам, —

бормотала она, одна-одинешенька, глядя в небо.

* * *

Наступил восьмой месяц. Двадцатого числа первый министр отправился на поклонение в храм Камо[126]. Туда потянулось торжественное шествие. В установленном порядке двигались танцовщики,

музыканты — исполнители священных песен и плясок кагура[127] и огромное число слуг. Когда эта толпа проходила мимо дома Тосикагэ, юная госпожа подошла к ветхим ставням и стала смотреть на идущих музыкантов и проезжающие экипажи. В сопровождении многочисленной свиты шли два молодых господина. Одному было лет двадцать, второму не больше пятнадцати. Младший, блистающий красотой, как драгоценный камень, был ещё в том возрасте, когда носят причёску унаи[128]. Это был Канэмаса, четвёртый сын первого министра. Отец любил сына беспредельно и ни на мгновение не отпускал от себя. Все звали юношу Молодым господином.

Когда молодой человек проходил перед домом Тосикагэ, он залюбовался прекрасными цветами китайского мисканта, разросшегося у изгороди, и окликнул старшего. Тот посмотрел и произнёс:

— Так и влекут к себе эти цветы!

Показалось мне:

Кто-то машет рукавом,

Манит меня в дом...

Нет, то мисканта цветы

Ветер взволновал.

Он двинулся дальше, а Молодой господин со словами:

— То не ветер взволновал

Мисканта цветы.

Это кто-то в глубине,

Рукавом боясь взмахнуть,

Тайно знак мне подаёт, —

приблизился к изгороди, сорвал цветок и тут же увидел дочь Тосикагэ. «Как она прекрасна! И живёт в таком унылом месте...» — подумал юноша, глядя на её удаляющуюся в дом фигуру. Походка девицы пленяла своей грациозностью. Молодой человек был покорён очарованием девицы, но его ждала свита, и ему волей-неволей пришлось двигаться в храм.

Однако в храме, во время исполнения священных песен и плясок, он всё время думал о ней: «Кто она, эта девица, которую я видел днём? Как бы мне встретиться с ней!»

Было уже темно, когда отправились в обратный путь. Возле усадьбы Тосикагэ Молодой господин отстал от свиты, а когда шествие скрылось из виду, подошёл к изгороди и в тишине осеннего вечера стал разглядывать дом. Было очевидно, что сад разбивал человек с тонким вкусом, неторопливо, вкладывая в это душу. Даже заросший, как дикая чаща, сад выглядел очень изысканно. Очаровательны были и деревья, и Ручьи. В

зарослях полыни и хмеля распустились осенние цветы, в широком пруду красиво отражалась луна. Не испытывая никакого страха, молодой человек вошёл в эти чудные заросли.

В ветре, дующем с реки, чувствовалась прохлада осени. В густой траве раздавался звон цикад. Ярко сияла луна. Не было слышно людских голосов. Думая о живущей здесь девице, он тихо произнёс:

— В диких зарослях травы
Даже голоса цикад
Так унылы... Неужели,
Схоронившись от людей,
Здесь она одна живёт?

Молодой господин пробрался к дому через высокую траву. Никто навстречу ему не вышел, и только мискант чарующе манил его. В свете луны всё было ясно видно. Юноша подошёл совсем близко к дому, открыл с восточной стороны решётку между столбами и увидел в помещении юную госпожу, игравшую в одиночестве на кото. Заметив его, дочь Тосикагэ тотчас поднялась и скрылась в глубине комнаты.

— Не насытил души твоим, луна, видом[129], — произнёс он и, продолжая стоять у решётки, обратился к девице: — Кто вы? Почему живёте в этом доме? Как ваше имя?

Но она ничего не ответила.

В глубине комнаты, куда она ушла, было темно. Юноша не мог понять, как ему войти. Луна в это время скрылась в облаках, и Молодой господин произнёс:

— Яркая луна
Путника влекла к себе,
Но исчезла за горой.
Он стоит во мгле один,
Грудь его щемит тоска.
И ещё:
— Без следа за цепью гор
Скрылся от меня
Блеск луны, что вдаль манил.
Горько плачу. Где же мне
На ночлег склонить главу?

Наконец он вошёл в дом и, пытаясь найти госпожу, очутился в гардеробной.

Он опять обратился к девице, но и на этот раз не получил никакого ответа.

— Как здесь страшно! Скажите же мне что-нибудь, — просил он её, — знайте, что не легкомыслие привело меня сюда.

Он был очень мил и юн. Девушка, вероятно, подумала, что это ещё ребёнок, и произнесла чуть слышно удивительно нежным голосом:

— В жарком воздухе подёнка

Промелькнула. И кто знает,

Кончен век её иль нет?

Я живу. Но сколь отрадней

Мне покинуть этот мир.[130]

Он глубоко задумался и наконец произнёс:

— Почему вы живёте здесь, в таком печальном месте? Из чьей вы семьи?

— К чему вам знать моё имя? — ответила девушка. — Моя жизнь — сплошная мука, ко мне никто никогда не заходит. Ваше посещение так неожиданно!

— Но ведь говорят, что и далёкое постепенно становится близким, а неопределённое — прочным. Вы так грустны! Я не мог пройти мимо. У вас нет родителей, и вы, вероятно, несчастны. Кем был ваш отец? — спросил юноша.

— Никто не знал моего отца, и если я даже назову его имя, оно вам вряд ли что-нибудь скажет, — ответила она и очень тихо заиграла на кoto, что было около неё.

Слушая, он поразился: «О, как прекрасно она играет!» Так они разговаривали между собой. В ту ночь Молодой господин домой не возвратился.

Он полюбил её сразу, как только увидел грустный её облик, а сейчас, сидя с ней бок о бок, чувствовал, что любовь его возросла в тысячу раз, что любит её всей душой. Ни о чём другом, как быть с ней, он не помышлял и домой возвращаться вовсе не собирался. Однако молодой господин был баловнем семьи, и если родители теряли его из виду хотя бы на миг, то начинали беспокоиться. Но теперь, когда он узнал девушку, он не мог разлучиться с ней даже на мгновение. Он чувствовал, что как только уйдёт от неё, сразу начнёт мучиться тоскою. Терзаясь мыслями о ней и о родителях, юноша сказал:

— Не будь равнодушна ко мне. Наша встреча была predetermined судьбой. Я не могу жить без тебя, но у меня есть отец, которого ты сегодня, наверное, видела. Он не отпускает меня от себя ни на миг и беспокоится обо мне даже тогда, когда отправляется в императорский дворец. Как же он должен волноваться теперь, когда я со вчерашнего вечера нахожусь здесь!

Я пробрался сюда тайком, меня никто не видел. Я не смогу навещать тебя так часто, как мне хотелось бы, но как только улучу возможность, я буду приходить ночью или на рассвете. Но действительно ли ты так здесь и живёшь? Живы ли твои родители? А может быть, кто-нибудь навещает тебя?[131] Откройся мне во всём.

При этих словах её охватил такой стыд, что долго она не могла ничего ответить.

— Если бы мой отец был жив и если бы навещал меня кто-нибудь, разве оставалась бы я здесь хоть на один час? — наконец произнесла она. — Нет у меня никого, и вряд ли мне суждено что-либо иное, как истлеть здесь.

— Скажи же мне, чья ты дочь? Если я при всём своём стремлении к тебе не смогу прийти сюда, я буду постоянно думать о тебе.

— Имя моего отца давно всеми забыто. — С этими словами она коснулась струн кото, которое стояло рядом с ней, и горько заплакала. Весь облик её был очень печален.

Юноша клялся ей в вечной верности. Мысль, что он никогда больше её не увидит, мучила его всё более и более.

Уже рассветало. Беспокойство Молодого господина возрастало. Он не мог здесь больше оставаться: он боялся, что в доме у него подняли тревогу.

— Что мне делать? — воскликнул Молодой господин. — Я хотел бы и сегодня остаться с тобой, но отец даже в доме ни на мгновение не отпускает меня от себя, а если выходит из дома хоть ненадолго, обязательно берёт меня с собой. Вчера я плохо себя чувствовал и не хотел идти в храм Камо, но он приказал мне. Сейчас я понимаю, что всё это было для того, чтобы я встретился здесь с тобой. Не думай, что я непостоянен, но приходить мне к тебе будет трудно.

Госпожа в ответ тихо произнесла:

— Осенью с тоской

Слушаю я ветра шум

В диких зарослях травы.

Сколь печальней будет здесь,

Как засохнет вся трава!

Вдвойне тяжелей стало при этом Молодому господину. Он задумался и печально произнёс:

— Засыхают листья трав

Каждой осенью, но их

Корни под землёй живут.

Не забуду я траву,

У дороги что растёт.

— О, моя любимая! — воскликнул он. — Не думай, пожалуйста, что я отнесусь к тебе с пренебрежением. Хотя мы и расстаёмся, чувства мои к тебе останутся теми же. Как только рассеются подозрения родителей, я снова приду к тебе.

Он встал и направился к выходу, но почувствовал себя настолько несчастным, что не мог переступить порога. Закрыв лицо рукавом и заливаясь слезами, Молодой господин произнёс:

— Лишь подумаю о том,
Что приходит час
Мне покинуть сей приют,
Слёзы градом из очей,
Сердце рвётся на куски.
Госпожа, тоже плача, на это ответила:

— Впредь от него
Даже слова прощанья
Я не услышу...
Что остаётся мне,
Над чем бы я слёзы лила?

При этих словах ему показалось, что сердце его разрывается. Однако ему уже давно пора было уходить, и, повторив вновь свои клятвы, он покинул её.

Даже в своём доме Молодой господин шага не делал без сопровождения многочисленных слуг, а сейчас он был один и не знал, по какой дороге идти. К тому же он только что оставил свою любимую. Некоторое время он брёл, ни на что не обращая внимания, а когда наконец огляделся, то увидел, что стоит на каком-то перекрёстке.

* * *

Итак, Молодой господин всю ночь отсутствовал, и в его доме первый министр нещадно бранил слуг и Тадамаса, старшего своего сына, помощника военачальника Императорского эскорта.

— Не быть тебе моим сыном, если ты сейчас же не разыщешь его. Как мог ты поступить столь легкомысленно? — выговаривал он ему. — Больше не служить вам здесь! В тюрьму вас заточу! — кричал он на передовых и сопровождающих из свиты Молодого господина и приказал всех их связать. Он был в ужасной тревоге и в страшном гневе.

— Мы пойдём на поиски Молодого господина, — взмолились слуги, — и если не найдём, рубите нам головы.

Они разделились на группы по десять-двадцать человек, вышли из

усадыбы и искали всю ночь по всем дорогам. Тадамаса и его дядя, второй военачальник Личной императорской охраны, каждый взяв с собой около тридцати человек, вознеся молитвы, отправились искать на дорогах, ведущих к храму Камо. На перекрёстке Третьего проспекта и проспекта Кёгоку Тадамаса увидел своего брата.

— Как ты мог доставить нам столько хлопот? — бросился он к Молодому господину. — Со вчерашнего вечера, лишь только обнаружилось, что тебя нет, батюшка и матушка на могут ничего есть, пребывают в страшной тревоге, а слуг из твоей свиты нещадно бранили и лишили места. И меня упрекали, что я пустой человек! Вчера выпито было много вина, и все слуги были пьяные. Как ты отстал от нас, никто не заметил. И только когда возвратился батюшка, выяснилось, что тебя нет. Всю ночь напролёт родители тревожились о тебе, совсем покой потеряли. Если они волнуются о тебе даже тогда, когда ты дома, подумай сам, что с ними творится сейчас? Где ты был?

— Меня все бросили, — ответил Молодой господин, — и я оказался в одиночестве, как отставший от стаи гусь.

— А не было ли поблизости какой-нибудь гусыни, за которой ты помчался вслед? — рассмеялся старший брат. — Ты что, так и стоял здесь со вчерашнего вечера, как статуя бога-покровителя путников? Ладно, как бы там ни было, поспешим домой, ведь отец и мать ужасно тревожатся.

Они вместе отправились домой. Всю дорогу Молодой господин терзался воспоминаниями о любимой.

Войдя в дом, Тадамаса объявил:

— Наконец-то мы отыскали Молодого господина.

Радости министра не было границ. Радовались и все слуги, которых до этого жестоко ругали и грозились выгнать.

— Почему ты задержался? — укорял сына первый министр. — Когда это ты научился тайком отлучаться из дому? Ты поступил опрометчиво, заставил меня беспокоиться.

— Берег реки кишит грабителями и убийцами, — говорила супруга министра, — ты был там один — что, если бы тебя убили? Ты ведь слаб, не смог бы защититься. Если и дальше так пойдёт, тебя не примут на службу во дворец. Разгуливая один, ты ещё, чего доброго, захочешь убежать от нас. Не смей больше удаляться от меня!

Отныне, когда первый министр уходил в императорский дворец, она всё время держала сына возле себя, не сводя с него глаз.

Молодой же господин, изнывая от любви, думал только об одном: «Ах, если бы переслать ей хоть коротенькое письмецо! Ах, если бы можно

было пойти туда хоть на миг!» Но надзор за ним был очень строг, и ему оставалось только тосковать днём и ночью. Никто, кроме него, не знал, где живёт дочь Тосикагэ. Юноша хотел было послать туда кого-нибудь с письмом, но никому он не смог бы объяснить дорогу: он и сам её точно не помнил. Отец и брат подозревали неладное и пытались расспросить его. Однако Молодой господин никому не хотел открыть своей тайны и даже слугу не мог послать на розыски госпожи. Он всё время вспоминал клятвы, которыми они обменялись, и думал о её жалком положении. Смотрел ли юноша на травы и деревья или поднимал глаза к небу, он думал только о ней. Мысли его всегда летели к любимой, но рядом с ним не было никого, кому можно было бы их поведать, и Молодой господин таил их в сердце.

* * *

После мимолётного, как сновидение, свидания дочь Тосикагэ была уже не той, что прежде[132], но она ничего не понимала. Страдая в своём жилище, она тосковала по родителям и вспоминала пустые обещания своего милого. Проливая слёзы, смотрела она, как желтеют и краснеют трава и листья на деревьях, как опадает листва. Увидев однажды сверкнувшую в небе молнию, госпожа произнесла:

— Всё могу увидеть я.
Редкой гостьей в облаках
Даже молния сверкнула.
Не осталось ничего,
С чем мне милого сравнить.
Ей никто не ответил.

Однажды вечером Молодой господин, маясь в тоске, слушая завывания ветра и стрекотание цикад, подумал: «Как грустно шумит ветер! Как сильно дует он, наверное, на берегу реки, где я был когда-то!»:

— Ветер дует с гор,
Звон цикад
Громко слышится в саду.
Мыслями лечу
Я в заброшенный твой дом, —
произнёс он.

Наступил десятый месяц. Выглядывая во двор и поднимая глаза к морозящим небесам, он сравнивал их со своими рукавами, мокрыми от слёз. Высоко над ним летели журавли, перекликаясь бесконечно печально. Слушая их крики, Молодой господин тосковал ещё более.

— Горько слёзы лью,
Слыша крики журавлей.

Если бы я мог лететь
Вслед за ними в те края,
Где тебя увидел я! —

пробормотал он. — Как это печально! Как я хочу увидеть тебя ещё раз в каком-нибудь из миров! — Но даже во сне не находил он к ней дороги[133].

Так проходили дни и месяцы. Не имея возможности видеть дочь Тосикагэ, Молодой господин только плакал...

На проспекте Кёгоку ветер дул свирепо, иней покрывал землю, снегом заносило дом и сад. Однажды долгой ночью, очнувшись от глубокой думы, дочь Тосикагэ заметила, что рукав её платья покрылся льдом:

— Слезы, что горько лила,
Ночью замёрзли,
И лёд сковал рукава.
Кажется мне, это милый
Связал их на верность[134], —
сложила она.

Наступила весна. Глядя, как зазеленел багряник, ветку которого Молодой господин, клянясь в любви, обломил, уходя от неё, госпожа подумала:

«Вновь зеленеет
Ветка, что ты обломил,
Меня покидая.
О, если б и ты
С весною вернулся ко мне!»

Шло время. Уже приближались сроки рожать, но что с ней — госпожа по-прежнему не понимала. Как-то раз в те дни служанка принесла ей поесть. Подозрительно глядя на дочь Тосикагэ, она спросила:

— С чего это вы так изменились? Уж не вели ли вы задушевных бесед с каким-нибудь мужчиной?

— Обменяться клятвами я могла только с хмелем да с полынью, что растут вокруг, с кем же ещё? — ответила госпожа.

— Замолчите! — воскликнула служанка. — И в шутку вы не должны так говорить! Не скрывайте ничего от меня. Я уже давно заметила, что с вами, но только не решалась спросить. Кто ваш муженёк, вы и сами, наверное, не знаете. Скажите мне, с каких пор у вас прекратились крови? Видно, уже вот-вот рожать? Почему вы не хотите, чтобы я помогла вам?

— Что за глупости ты говоришь! — ответила дочь Тосикагэ. — Ты спрашиваешь, что случилось со мной? Вот уже девять месяцев, как нет у

меня того, что бывало всегда. Но я думала, раз так, значит, так и должно быть, и не беспокоилась.

— Ребёнок, значит, должен родиться в этом месяце, — сказала служанка. — Как же вы, видя, как вы изменились, так до сих пор ничего не поняли! Что станет с вами, когда я умру? Я должна беречь свою никчёмную жизнь, чтобы служить вам.

«Вот оно что!» — подумала госпожа. Тяжело стало у неё на сердце, охватил её стыд, и она заплакала.

— Коль уж случилось, тут ничего не поделаешь! — бросилась утешать её служанка. — Я-то с вами, и вам ничего не надо бояться. Пусть разверзнется земля и обрушатся горы, я всё равно буду служить вам. Вы не знаете, каким сокровищем будет для вас этот ребёнок. <...> Когда вы его родите, я во всём буду помогать вам, хоть мне и трудно. Я даже из костей добуду молока для младенца! Для него превращу в серебро и золото пряди моих седых волос! Не убивайтесь, не тоскуйте! Выполните только обряд очищения и вознесите молитву богам и буддам, чтобы они сделали роды лёгкими. И молитесь, чтобы я была жива. — Так говорила она, тоже заливаясь слезами.

Служанка пораскинула умом. В глухой деревне была у неё дочь. Она отправилась к ней и, не посвящая её в подробности, попыталась раздобыть всё, что нужно при родах.

Возвратившись, она, как ни в чём ни бывало, спросила:

— Ну, что произошло, пока меня не было? Как же нам быть? Есть ли что в доме, что можно обменять на необходимые вещи?

— Ничего у нас больше нет, — ответила госпожа, — да и что можно обменять?

— Неважно — что, — сказала служанка, — продать можно всё что угодно, а на вырученные деньги купить то, что нам нужно.

Дочь Тосикагэ нашла великолепное седло, когда-то привезённое из Танского государства, и спросила:

— Купит ли его кто-нибудь?

— Это можно выгодно продать, — решила, поглядев, служанка и спросила, нет ли ещё чего-нибудь.

— Вроде бы ничего больше нет, — ответила госпожа.

Служанка отнесла седло в богатый дом, получила за него большие деньги, купила платья и полотна и приготовила всё необходимое. Провизии же в доме оставалось совсем мало, и служанка хлопотала, чтобы сделать хоть какие-нибудь запасы. Сидя в запущенном доме, заросшем травой, дочь Тосикагэ днём и ночью проливали слёзы и вовсе не думала о

том, что ей предстояло, а служанка носилась туда и сюда и готовила всё, что нужно.

Шестого дня шестого месяца подошло время рожать. Начались схватки. Служанка, тревожась об исходе, возносила горячие молитвы буддам и богам. Без больших мучений дочь Тосикагэ родила мальчика, блистающего красотой, как драгоценный камень. Служанка взяла его и крепко прижала к своей груди.

Все заботы о младенце служанка взяла на себя. Она давала его матери только тогда, когда надо было кормить, а остальное время носила его на спине и усердно за ним ухаживала. Мать после родов не болела и скоро поднялась.

Стояла жаркая пора, самое лучшее время года для бедняков.

— Родиться летом — к большому счастью и богатству, — говорила служанка, гордая тем, что в доме такой ребёнок, — вот нам тепло и без одежды.

Но госпожа всё чаще и чаще погружалась в печальные думы и даже теперь, сама став матерью, тосковала о своём отце. Глядя, как растёт её сын, подобный сверкающей драгоценности, она думала с тоской: «Если бы был жив отец, с какой любовью он бы его воспитывал!»

— Если бы покойный господин был жив, — говорила служанка, — рос бы ваш сыночек весь в шёлку и парче.

— Да, нечего и говорить, так бы и было. Но думать об этом — только растравлять себя. В то время, когда отец заботливо воспитывал меня, кто мог предположить, что я окажусь в такой нищете? — говорила молодая женщина, горько плача. — Глядя с небес, до какого положения дошла я из-за прегрешений в прошлой жизни, отец, верно, считает меня никчёмным существом. Ах, если бы я умерла раньше него!

— Ну что за глупости, — принималась бранить её служанка. — И думать об этом не смейте! Сердце ваше теперь должно успокоиться. О чём вам горевать, имея такое сокровище? На днях видела я нашего Мусимицу[135] во сне. Снилось мне, будто ястреб-перепелятник роняет перед вами очень красивую, блестящую гладкую иглу для потайного шва со светло-голубой нитью, которая скручена слева направо. Нитка длиной эдак с руку. А рядом стоит мудрый аскет, кожа да кости. Берёт он эту нитку и проворно вшивает её до половины в перед вашей юбки. И тут ястреб, который иглу бросил, вроде бы её ищет, вокруг кружит и высматривает, а как увидел, что она у вас, садится к вам на рукав и уже не улетает. Вот что я видела. Чудно мне это показалось, и отправилась я к толкователю снов. «Это сон чрезвычайно счастливый. Женщина, которую

ты видела во сне, родила ребёнка, он станет важным сановником, и в конце концов через того ребёнка она будет благодетельствована. И разлучит их только смерть», — напороочил он. Если так, то это начало вашего процветания. Я много видела снов, и если снится иголка, то это к ребёнку очень умному, почтительному к родителям. Когда я должна была родить свою дочь, что живёт сейчас в провинции Тамба, я видела сон, будто беру я кусок шёлка из провинции Синано, вытягиваю из него нитку, ловко вдеваю её в иглу с большим ушком и начинаю шить себе платье. К чему бы такое снилось? А к тому, что дочь моя счастлива и что я живу её милостью. В прошлом месяце ходила я к ней поговорить и о ваших делах и принесла белого риса три то и пять масу, а неочищенного риса — семь то[136]. Вот мы и выкрутились! О чём нам беспокоиться? Не рассуждайте, как дитя. <...> Глядя на вас, и не скажешь, что у вас уже у самой сынок. Незачем вам думать о смерти. Незачем тосковать о прошлом. Много на свете людей, которые живут хуже вас. Не годится вам жаловаться, такой красавице.

— Почему ты так беспокоишься? — возразила в ответ госпожа. — Я не замышляю того, о чём ты думаешь.

— Не надо убиваться, — продолжала служанка, — может быть, в этом замысел будд и богов. Не надо говорить, что вот уж конец света, нельзя утверждать бездумно, что всё преходяще. Ведь такой сынок, как у вас, — истинная драгоценность.

И она действительно заботилась о нём, как об истинной драгоценности.

Так жила дочь Тосикагэ, проводя дни и ночи в слезах, и пусто проходили её дни и месяцы. Доходов не было никаких, служанка продавала мелкие вещи, которые были в доме, — тем и жили. Шло время, и только увеличивалось море слёз. Когда мальчику исполнилось три года, летом, его отняли от груди. Мать забеспокоилась:

— Как, сын мой теперь не будет пить молока? Нет, пусть пьёт. Нельзя, чтобы он страдал. Ведь другой еды у нас нет, а если он не будет пить молока, то что же с ним станет?

— Нет, нет. Больше ему молока пить не надо, — настаивала служанка. И в конце концов мать подчинилась.

Ребёнок рос очень быстро. Был он необычайно красив. О чём бы ни услышал, что бы ни увидел, этого он уже не забывал. Его сообразительность и ум были поразительны. Ещё дитя, он не совершал ничего такого, что могло бы огорчить мать, и уже понимал, что родителей нужно почитать.

Осенью того года, когда исполнилось ему пять лет, служанка умерла.

У матери и сына не осталось никакой пищи. Томительно проходили дни. Сын выходил из дому побродить по окрестностям. Он знал, что мать ничего не ест, и очень этим печалился. «Как же накормить её?» — думал мальчик упорно, но он был слишком мал, чтобы чем-нибудь заняться.

Однажды утром вышел он к реке, что текла поблизости, и увидел, как рыбак удит рыбу.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Родители мои больны, им нечего есть, вот я и хочу поймать для них рыбы, — ответил рыбак.

«Я тоже могу наловить рыбы для матушки», — подумал мальчик. Сделав крючок, этот необычайно красивый ребёнок пошёл на широкую реку и начал удить.

Прохожие, видя его, удивлялись:

— Кто этот прелестный малыш, который один забавляется на берегу реки? — и спрашивали его: — Что ты тут делаешь?

— Я играю просто так, — отвечал мальчик.

Ребёнок был так мил, что люди подумали: «Наловим-ка мы для него рыбы!» Они наловили много рыбы, и мальчик отнёс её домой.

— Не делай этого больше! Я хоть и не ем ничего, но не страдаю от этого, — сказала ему мать, но мальчик её не послушался и продолжал удить рыбу.

С каждым днём красота его становилась всё ослепительней. Когда он удил на реке, многие брали его на руки, ласкали и говорили:

— Есть ли у тебя родители? Будь нашим сыном!

— Нет, у меня есть матушка, — отвечал он и уговоров не слушал.

Пока было тепло, он ходил на реку за рыбой и кормил мать. Она жила, как во сне, питалась лишь тем, что приносил ей сын. Но вот наступили зимние холода, и он уже не мог ловить рыбу. «Что же я принесу матушке? Как же быть?» — терзался он.

— Я ходил ловить рыбу, но вся река покрыта твёрдым льдом, и рыбу поймать нельзя. Матушка, что же мы будем делать? — сказал он, возвратившись домой, и заплакал.

— Чему ты печалишься? — стала утешать его мать. — Не плачь. Когда лёд растает, ты опять сможешь ловить рыбу. Я и так много её съела!

На следующее утро он снова пошёл на реку. Там толпился народ, разъезжало много экипажей. Когда все разошлись, он увидел, что река покрыта льдом, словно зеркалом.

— Если в действительности я преисполнен сыновней добродетели, то пусть растает лёд и появится рыба. Если же нет во мне сыновней

добродетели, то рыба не появится! — воскликнул он, плача.

Вдруг лёд растаял, и большая рыба выпрыгнула из воды прямо ему в руки[137]. Он отнёс её домой и сказал матери:

— Я истинно добродетельный сын!

Он разгребал глубокий снег, и руки и ноги его стали красными, как клешни рака. Когда он прибежал домой и мать увидела это, печаль охватила её и из глаз полились слёзы:

— Зачем ты выходил из дому в такой мороз? Не выходи, пока так холодно!

— Что мне погода? Я думаю только о тебе, — ответил он.

Остановить его было нельзя. Пойманная же рыба, на вид совершенно обыкновенная, превратилась в сотню разных яств. Каких только чудес не бывает на свете!

* * *

Наступил новый год. Мальчик подрос и стал ещё умнее. Бодхисаттва в образе человека, он казался совсем взрослым. Многие видевшие его говорили себе: «Чей это ребёнок? Кто его родители? Он, по-видимому, живёт где-то неподалёку» — и пытались найти его дом. Могло статься, они бы и обнаружили жилище, поэтому мальчик старался не попадаться никому на глаза.

«Разве только в этой реке водится рыба?» — подумал мальчик как-то раз и, спустившись вниз по течению, переправился через реку и пошёл на север. Он вошёл в горы и увидел, как какой-то отрок роет землю, что-то достаёт из земли и печёт найденное на огне, а под большими деревьями собирает жёлуди и каштаны.

— Для чего ты пришёл в горы? — спросил он внука Тосикагэ.

— Я пришёл сюда, чтобы ловить рыбу. Хочу отнести её домой, матушке.

— В горах рыба не водится, — сказал отрок. — К тому же убивать живых существ грех. Собирай вот это и ешь. — И дав ему то, что собирал сам, исчез.

Мальчик обрадовался, отнёс всё домой и накормил мать. После этого он ходил в горы, отыскивал, как научил его отрок, батат и ямс, собирал плоды деревьев, выкапывал корни багряника и кормит мать.

Однажды в сильный снегопад он не мог отыскать батат и ямс, даже плоды деревьев были скрыты под снегом. Тогда мальчик сказал:

— Если нет во мне сыновней добродетели, то пусть валит снег ещё больше!

И снег, сугробы которого становились всё выше, вдруг прекратился,

ярко засияло солнце, появился тот же самый отрок, испёк батат и ямс, отдал их ребёнку и исчез[138].

Каждый день ходить так далеко в горы мальчику было не по силам, и как-то он подумал: «Вот если бы мы жили в этих горах! Всё было бы у нас под рукой!» Он зашёл глубоко в горы и там натолкнулся на четыре огромных дерева криптомерии, стоявших так близко друг к другу, что ветви их переплетались. Увидев в одном из них дугою величиной с большую комнату, мальчик подумай: «Вот если бы мы с матушкой поселились здесь! Я бы собирал плоды деревьев и тотчас приносил ей!»

Он подошёл к дуплу. В нём жили грозные медведи с детёнышами. Звери выбежали из дупла и собирались наброситься на мальчика, но он воскликнул:

— Подождите немного! Не лишайте меня жизни! Я почтительный сын своей матери. У неё нет ни братьев, ни сестёр, слуг тоже нет, живёт она в развалившемся доме и ест то, что я ей приношу. Там, где живут люди, еды не найти, поэтому я прихожу в горы, собираю плоды деревьев, выкапываю корни багряника и отношу матушке. Я поднимаюсь на высокие горы, спускаюсь в глубокие долины, хожу повсюду. Я ухожу из дома утром, возвращаюсь затемно, и всё время мать беспокоится обо мне. Она всё время печальна. Я не знал, что в дупле этого дерева живёт хозяин горы. Я собирался поселить здесь матушку и, выкапывая клубни батата, тотчас приносить их ей. Так я намеревался прокормить её. Ведь матушке очень трудно было бы каждый день проделывать со мной такую дальнюю дорогу, а сидеть в бездействии и ждать меня целыми днями — тоскливо, поэтому, думая, как бы поселить её поближе, я и отыскал это дупло. Но раз им владеете вы, я уйду отсюда. Если же я погибну, мать моя тоже умрёт. Если есть во мне что-нибудь, что не нужно для того, чтобы я мог кормить мать, я отдам это без сожаления. Если лишусь я ног, как буду ходить? Если останусь без рук, чем буду собирать плоды деревьев, выкапывать корни багряника? Не окажется у меня рта — как буду дышать? Не будет живота и груди — где поместится сердце? Из всех частей тела бесполезны только мочки ушей и кончик носа. Я почтительно преподношу их хозяину горы.

Так говорил внук Тосикагэ, заливаясь слезами. Медведи тоже плакали. Выслушав его, они отказались от своего свирепого умысла и, тронутые примером сыновней любви, оставили мальчику дупло, а сами, с двумя медвежатами, ушли на другую вершину[139].

Получив во владение дупло, мальчик ободрал кору с деревьев и расстелил везде мох. Явился отрок, который раньше выкапывал батат, и расчистил всё вокруг дупла. Перед деревьями забил родник. Отрок

прокопал русло, и по нему побежала прозрачная вода. Мальчик был очень доволен. Придя домой, он сказал матери:

— Давай-ка перебираться в другое место — туда, куда я хожу за едой. Если бы кто-нибудь навещал тебя, жизнь твоя не была бы столь печальна. Но пока я отсутствую, ты ждёшь меня, скучая в одиночестве, и это мучительно. Если ты непременно хочешь жить только здесь, мне придётся пойти к кому-нибудь пасти лошадей и коров, и тогда о тебе будут говорить как о матери холопа. Этого нам не вынести. Лучше нам скрыться в горах, где нет ни души, чтобы никто не знал о нас. Я хотел бы всё время быть возле тебя и приносить пищу быстро, как птица, но в городе это невозможно. Давай перебираться туда, куда я хожу. Если мы будем жить в дупле, я смогу приносить тебе плоды деревьев без промедления. И не придётся мне каждый день ходить так далеко.

— Может быть, действительно лучше пойти туда, куда ты зовёшь меня. Пусть я живу сейчас в столице, но кого я вижу, кроме тебя? — сказала мать и решила идти в горы.

Дома у них ничего не оставалось. Даже стены, и те разрушились. Она вырыла два кота, о которых ей говорил перед смертью отец, взяла те, на которых обычно играла, и велела сыну нести их.

Так мать и сын оставили своё жилище.

— Может ли знать малолеток

Пучины и мели

На реке, что слезами я наполняю?

Но куда сейчас мне идти,

Спросить я должна у него, —

сложила госпожа, пускаясь в путь.

* * *

Наконец добрались они до дупла. Раньше она слышала, что в глубине гор сплошная непроходимая чаща, но их новое жилище оказалось просторным, и не подумаешь, что это дупло. Перед ним было расчищено около одного тѣ[140] земли. Холм был так красив, что походил на искусственную горку в саду, а роща столь хороша, что можно было подумать, будто её кто-то насадил. Повсюду высились сосны, криптомерии, цветущие деревья, фруктовые деревья, дубы и каштаны. Казалось, что уголок был создан самим Буддой, и здесь не отказались бы жить даже не такие нищие, как наши мать с сыном.

Перед дуплом, сделать лишь несколько шагов, у бьющего родника высилась живописная скала. Тут и там росли маленькие сосёнки. Жёлуди и каштаны, падая в ручей, доплывали до самого жилища пришельцев.

Можно было подумать, что здесь обо всём позаботились слуги. Не надо было уходить утром в горы и блуждать там до самого вечера в поисках еды. Мать с сыном могли спокойно отдыхать. Они получали всё без всяких усилий, как вы да я снимаем крышку с блюд, стоящих перед нами. Так они жили беззаботно. «Хотела бы я всю жизнь прожить здесь», — думала мать.

Однажды она сказала сыну:

— Теперь, когда у тебя нет никаких забот, я передам тебе искусство игры на кото, которому обучил меня мой отец, считая его великой мудростью. Начинай-ка и ты заниматься музыкой.

Она дала сыну кото «рюкаку-фу» и обучала его, сама играя на «хосоо-фу». Он схватывал мгновенно.

Когда в горах, куда до того времени не ступала нога человека, где не видно было никого, кроме медведей и волков, раздавались великолепные звуки, все звери, изумлённые тем, что они слышат, собирались в роще, и в сердце их пробуждалась печаль. Даже травы и деревья клонились к земле от звуков кото. Через крутые перевалы приходили с детёнышами дикие обезьяны и с восторгом слушали музыку. Эти обезьяны годами жили в больших дуплах и собирали то, что можно было найти в горах. Восхищённые необыкновенными звуками, они приводили с собой своих детёнышей и приносили музыкантам плоды деревьев. Так звери слушали игру на кото.

В семь лет мальчик полностью овладел всеми приёмами исполнения, которым когда-то выучился его дед у семи мастеров, и проводил дни и ночи, играя на кото вместе с матерью. Вглядываясь весной в прекрасные цветы, летом пребывая в прохладной тени деревьев, осенью очищаясь душой возле цветов и под сенью алых листьев клёнов, госпожа думала: «Буду жить здесь до самой смерти и всю жизнь посвящу игре на кото».

Мальчик выучил всё, что знала мать. Поскольку он был бодхисаттвой в образе человека, то в игре на кото он превзошёл даже свою мать, а мать его превосходила своего отца. Обычно при передаче из поколения в поколение музыкальное мастерство хиреет, но в этом роду оно только возрастало.

Сыну исполнилось тринадцать лет. Он был очень красив, не было в мире никого, кто бы мог с ним сравниться. Хотя он ел коренья, одеждой ему служила древесная кора, друзьями его были звери и вырос он в дупле дерева, но своей красотой затмил бы императрицу и наложниц императора, разодетых в шелка и парчу, проводивших время в драгоценных чертогах; он был прекраснее самих небожителей. Удивительным блеском сияли его глаза. Мать его тоже стала необыкновенно красивой, даже по сравнению с

тем, какой она была, когда отец всячески заботился о ней. Всё это время их кормили обезьяны. Звери приносили им всё: воду в больших листьях лотоса, батат, ямс, фрукты, которые они заворачивали в листья деревьев, — и сердца матери и сына были переполнены глубокой благодарностью к ним.

* * *

В тот год варвары из восточных провинций, горя злобой к городским жителям, двинулись на столицу. Четыреста или пятьсот воинов в поисках безлюдного места пришли в этот лес и расположились в нём лагерем. Страшные, дикие люди заполнили всю местность, убивали и ели без разбора птиц и зверей, попадавшихся им на глаза. Все животные попрятались кто куда, а мать с сыном сидели в дупле и скрыться им было некуда. Они не могли даже нарвать травы и листьев деревьев, чтобы поесть, не могли даже выглянуть из дупла и мучились ужасно. Обезьяны, которые обычно приносили им пищу, жалели их. Они сплели из лиан большую корзину, собрали в неё крупные каштаны, набрали студёной воды в листья лотоса и, улучив время, когда воины спали, принесли матери и сыну. Спавшие под деревьями воины, не зная, что это обезьяны лазают по деревьям, были испуганы шумом листвы. «В этом лесу кто-то живёт», — подумали они. Многие из них стали зажигать огни, кричать, но так ничего и не обнаружили.

Мать тем временем подумала: «Ведь говорил мне отец: когда дойдёшь ты в счастья или в несчастье до высшего предела, играй на этих двух кото. Будет ли в моей жизни несчастье большее, чем нынешнее? Ведь что ни говори, в такой опасности я не бывала. Это, верно, и есть последний предел».

Она достала кото «нан-фу» и начала играть на нём одно из переданных ей отцом произведений точно так, как когда-то играли его мастера с семи гор. При этих звуках стали падать огромные деревья, вершина горы обрушилась и погребла под собой стоявших лагерем воинов. Множество народу нашло там свою смерть. А гора вновь сделалась неподвижной. Дочь Тосикагэ до полудня играла произведения, которым обучил её отец.

Как раз в этот день император[141] совершал выезд на равнину Китано и любовался видом гор. Звучание кото услышал правый генерал, который прислуживал в этой поездке императору: он должен был вести под уздцы лошадь. Он обратился к своему старшему брату, правому министру:

— В этих северных горах всё время раздаются какие-то странные

звуки. Они похожи на звуки кото, но кажется, что играют на нескольких инструментах. Это, должно быть, такой же инструмент, как кото «сэта-фу» из императорского дворца. Пойдём, послушаем поближе!

— Кто же может играть на кото в таких глухих горах? — возразил на это министр. — Это не иначе как проделки лесных чудищ. Не надо ходить туда.

— А может быть, это играют маги? Если ты не хочешь, я пойду один.

— Видно, ты и сейчас, как всегда, настоишь на своём, — усмехнулся министр. — Что ж, в путь!

Каждый из них взял с собой только одного слугу, и они отправились в горы. Оставшиеся в живых после землетрясения воины, увидев их, решили, что императорские посланцы явились схватить их, и все скрылись в дальних долинах, ни одного в этих местах не осталось.

Чем ближе подходили братья к той горе, где жили мать с сыном, тем громче становились замечательные звуки. Казалось, что музыку никто не играл ни на земле, ни на небесах, но что она звучала сама по себе. Братья слушали её со странным волнением и двигались вперёд. Вершина перед ними была чрезвычайно высока, и над ней в воздухе реяли звуки кото. Далеко, насколько мог проникнуть их взгляд, простиралась чаща, и везде раздавались волшебные звуки. Они приблизились к самой горе, вершина которой касалась неба, и увидели зверей столь многочисленных, что казалось, будто вся земля покрыта их шкурами, как одеялами.

— Ведь говорил же я тебе: не ходи. Здесь так жутко, страшно. Возвратимся-ка назад поскорее, — сказал старший брат.

— Ты рассуждаешь, как ребёнок! — ответил генерал. — Как тут прекрасно! Разве существуют горы, в которых не водятся звери? Даже если бы это была гора Дамудоку[142], я не так слаб, чтобы дать зверям сожрать меня. А потом, посмотри, разве эти животные собираются причинить нам какой-нибудь вред? — И, погоняя коня, он поскакал вперёд.

Он мчался быстро, будто сидел на облаке, гонимом ветром. Его слуга не мог поспеть за ним и остановился у подножия горы. Конь министра не был так быстр, как конь генерала, и министр нагнать брата не мог. Он вынужден был остановиться, но, вспомнив, как беспокоились когда-то о его брате отец и мать в день посещения храма Камо, подумал: «Нельзя, чтобы они увидели с небес, что я оставил его одного в окружении зверей» — и тоже двинулся вперёд.

Брат его был генералом и носил за спиной стрелы — слышно было, как он разгонял зверей. Министр же, будучи сановником гражданским, стрел не носил, — его охватил страх, и он не решился подняться в гору.

Генерал преодолел пять горных уступов, проложил себе дорогу среди лежавших на земле животных, многочисленных, как раковины моллюсков на морском берегу, и упорно ехал на звуки музыки. Приблизившись к дуплистой криптомерии, он слез с коня и огляделся.

Вокруг росли прекрасные деревья, землю устилал мох, был посыпан песок. <...> Он подошёл к дереву и кашлянул. В дупле перестали играть, выглянул подросток и с удивлением посмотрел на необычайно красивого мужчину, стоявшего перед ним.

— Удивительно! — сказал он. — Не спустился ли на землю небожитель, слышав звуки нашего кота?

Живущие в дупле хотели узнать, кто он такой. Из-за занавески, образованной мхом, слышался женский голос:

— Кто вы? Для чего вы пришли в эти горы, куда не забредает никто и где живут только наши друзья — медведи и волки?

«Да это люди!» — подумал генерал и ответил:

— Мне рассказывали, что в этих горах живут люди, вот я и пришёл поглядеть, правда ли это или пустые слова.

Подросток выбрался из дупла и остановился перед ним.

— Мы неотлучно живём в этих горах, и не было ни единой души, кто бы пришёл сюда. С какой целью вы пожаловали в эти места? — спросил он.

Мальчик был одет просто, платье его превратилось в лохмотья, но красота подростка поразила генерала.

— Сегодня был выезд императора на равнину Китано, — ответил он, — я был государевым сопровождающим. Услышав прекрасные звуки, я пошёл на них и оказался здесь.

Генерал отвязал набедренник и, расстелив его на мху, пригласил мальчика сесть, сел сам рядом и обратился к нему:

— Из зверей здесь водятся только тигры и волки, из птиц гнездятся лишь орлы и фазаны, почему же вы, такой молодой, живёте здесь?

— Перебрались мы с матушкой в эти горы и поселились в дупле, когда мне было шесть лет. С тех пор связь с миром прервалась, и мы ни разу отсюда не уходили, у нас были основания покинуть наш дом, но вряд ли стоит рассказывать об этом подробно.

— Я пересёк непроходимые кручи, зашёл глубоко в горы, прошёл меж страшных тварей. Вряд ли после этого можно принять мои вопросы за праздное любопытство. Расскажите мне всё, — стал настаивать генерал.

— Я подробно и сам ничего не знаю, — начал подросток, — когда я приставал с расспросами к матушке, она рассказала мне всего лишь вот

что: «Родители мои скончались один за другим. Никто не навещал меня, жила я одиноко. Как-то раз непостоянный человек зашёл ко мне. Мы говорили с ним так недолго... А потом ты родился». Больше ничего я от неё не слышал.

При этих словах в памяти генерала неожиданно всплыло его давнее приключение в заброшенном доме на проспекте Кёгоку.

— Не можете ли вы рассказать о себе более подробно? Жив ли ваш отец? Странно, вы говорите, что живёте в этом страшном лесу с малых лет, но при этом вы совсем не похожи на тот люд, который обычно ютится в подобных местах. Расскажите мне всё без утайки.

— Удалились мы сюда вот почему. В мире у нас не было никакой поддержки, мы никого не знали. Жизнь наша была мучительна, и уже с трёх лет я начал понимать наше бедственное положение. Я хотел как-то кормить матушку, но как? Этого я не знал. Всё время я только думал: «Сейчас мы находимся в положении ужасном. Вот если бы мы жили в горах, куда не залетают даже птицы!» Проходившие мимо люди могли нас видеть, всякий мог заявиться к нам. Матушка плакала: «Войдут, надругаются над честью моих родителей. Что с нами станет?» Вот тогда-то мы и перебрались сюда и живём здесь постоянно. Мне хотелось привести матушку туда, где растут плодовые деревья, где можно выкопать корни багряника, и так кормить её. Я искал такое место в горах и набрёл на это дупло — вот так обстояли дела. Я захотел расчистить, прибрать это место — вдруг явился отрок, расчистил всё вокруг; а когда мы с матушкой поселились здесь, звери стали приносить нам плоды деревьев, корни багряника и кормить нас. Так осуществились мои желания.

— А своего отца вы так до сих пор не видели? — спросил гость.

— Не видел ни разу. И даже матушка о нём ничего толком не знает. Только и рассказала: «Когда мои родители скончались, я жила в одиночестве. Как-то перед моим домом по пути в храм Камо проходил тогдашний первый министр в сопровождении свиты. Я выглянула посмотреть и встретила глазами с незнакомым человеком... Это и было причиной твоего рождения. Наступил новый год, а я всё ещё не понимала, что со мной. Как сейчас помню, не сегодня-завтра уже срок, и только тогда бывшая в доме служанка догадалась: „Ах, вот в чём дело!“ — и всё мне объяснила. После нашей встречи человек этот исчез бесследно. Всё оказалось пустым. Я тебе это рассказываю, чтобы ты знал на тот случай, если я умру». Больше я ничего не знаю.

Рассказ терзал сердце генерала, но он старался этого не показать. Кроме того, его жёг стыд, и он бы хотел скрыться глубоко в горах.

— Как всё это печально! Вы и дальше намерены оставаться здесь? Не хотите ли вы жить, как живут все остальные люди? — спросил он.

— Мне ненавистен тот суетный мир! — воскликнул подросток. — Следуя нашей судьбе, мы должны жить в человеческом образе среди страшных зверей. Мы дружим с ними, они нас кормят, но нет у нас ни мгновения душевного покоя, каждый день мы думаем: может быть, сегодня они нас сожрут. Так мы и будем, наверное, жить — в страхе и тоске. Это наказание за грехи, совершённые в прошлом. Грехи, наверное, были тяжкими, поэтому нет нам прощения от богов небес и земли. Но мне кажется, жить в том суетном мире — наказание за ещё более тяжкие грехи. <...> Я хотел бы сбрить волосы и навсегда оставить мир.

Голос его был чист и печален. На вид ему было всего лет пятнадцать-шестнадцать, красоты он был необычайной. Если бы генерал услышал такое от постороннего человека, он и тогда не мог бы остаться равнодушным, а тут... Наконец он сказал:

— Так-то оно так, но разве можно всю жизнь жить здесь? И того, кто решил сбрить волосы, почитают только когда он становится монахом под руководством наставника. Лишь после этого он может уединиться в горах. Вы думаете, эти дикие твари никогда не причинят вам вреда? Хотя сейчас они вам и помогают... Перебирайтесь-ка в столицу! Если вас растерзают звери, вам уже не достичь просветления.

— Если мы переедем в столицу, то жить нам будет ещё труднее, ведь там нет никого, кто бы нас поддерживал.

— Ну, если я уговорю таких отшельников, как вы, которые решили навсегда остаться в горах, перебраться в столицу, я уж как-нибудь не оставлю их без помощи.

— Я должен поговорить об этом с матушкой. — С этими словами подросток скрылся в дупле.

— Пришёл человек, который говорит вот что... — рассказал он матери. — Что ответить ему?

— Разве может кто-нибудь полюбить людей, которых впервые увидел в таком жалком положении? Ведь он всегда будет презирать нас за это, — ответила мать. — А ты сам что думаешь?

— Мы живём в этих горах восемь лет и уже привыкли к несчастьям и печали. Для чего нам уходить отсюда? Я думаю, лучше нам и дальше оставаться здесь.

И я так считаю. В нашей несчастной жизни вряд ли нас ждёт уже что-то радостное. Набредя на наше необычайное жилище, этот господин почувствовал жалость, но я не думаю, что намерения у него серьёзные.

Выйдя из дупла, сын сказал генералу:

— Моя матушка сказала так: «Теперь уже к чему? Я не хочу вновь окунуться в тот мир. Мне было бы стыдно покинуть эту гору!...»[143] У неё нет ни малейшего желания переехать в столицу. Я же один туда никогда не поеду.

Солнце уже клонилось к закату, и генерал сказал:

— Я думаю, что рано или поздно смогу переубедить вас. Мы связаны судьбой. Я ещё приду сюда. Но сегодня я сопровождаю государя, и мне нельзя отлучаться надолго. Если я не буду подле него, меня ждут большие неприятности.

С этими словами генерал поднялся и в это время увидел, как шесть-семь обезьян принесли в чашках, сделанных из листьев деревьев, жёлуди, каштаны, хурму, груши, батат, ямс. «Так вот как они кормятся!» — с удивлением подумал он. Вид незнакомого человека испугал обезьян. Они положили плоды на землю и тут же исчезли.

Когда генерал, перевалив через горную вершину, скрылся из виду, его брат, министр, со слугами остался у подножия горы и с нетерпением ожидал его возвращения. Наконец генерал появился.

— Ну, что? — спросил министр.

— Я никого не нашёл, — ответил тот. — Музыка звучала и в долине, и на вершине горы. Когда я поднимался вверх, она неслась из глубины, я спускался в долину — она слышалась из-за облаков. Зверей там, как ракушек на берегу моря, дороги не было, с большим трудом я пробирался вперёд. Мне хотелось ехать дальше, но я вспомнил, что должен быть при государе, и вернулся.

— Это, конечно же, было лесное чудище! — убеждённо воскликнул министр, и они пустились в обратный путь.

Император же, заметив, что их нет, сказал:

— Хотел бы я знать, куда отправились эти повесы. Верно, прослышали, что поблизости где-то живут красотки, и помчались туда.

Вскоре император возвратился в свой дворец.

Генерал был Канэмаса, которого когда-то звали Молодым господином, а брат его, который был тогда помощником военачальника Императорского эскорта, стал теперь правым министром.

На обратном пути генерал был печален. Дома он оставался погруженным в свои мысли. Он не пошёл на женскую половину и думал лишь о том, как бы снова увидеть своего сына. Успокоиться он никак не мог. Он начал прикидывать, куда бы можно было поместить мать с сыном. В его усадьбе на Первом проспекте было немало просторных помещений,

но с Канэмаса там проживало множество женщин: его первая жена, которая была третьей дочерью отрёкшегося от престола императора, дочери принцев и сановников[144], большое количество прислуживающих дам, и генерал подумал: «Здесь слишком шумно, сюда их поместить нельзя».

На Третьем проспекте, около канала Хорикава, у Канэмаса был большой дом, который он предназначал передать дочери, когда она поступит на службу во дворец наследника престола. Дом был уже давно выстроен и полностью обставлен. «Вот туда-то их и надо пригласить», — подумал генерал.

За три дня дом был совершенно убран. Генерал решил отправиться в горы в сопровождении только двух беспредельно преданных ему людей. Для матери он приготовил платье, штаны, накидку, шаровары[145], а для сына — шёлковые шаровары, охотничий костюм из белого полотна, окрашенного травами[146], нижнее платье и штаны — и сложил всё в мешок. В другой мешок он положил сушёной снеди. Не предупредив никого о своём отъезде, генерал пустился в путь. Он перевалил через страшные кручи и подъехал к дуплистому дереву.

Генерал кашлянул.

Подросток, увидев его, сказал матери:

— Опять пришёл тот господин.

— Что же делать? — забеспокоилась она. — Кто он? Как странно, что он опять появился!

— На этот раз он пришёл сюда ради нас, — сказал сын. — Мы не можем прятаться от него.

Он вышел навстречу гостю.

— Вы не поймёте того, что я хочу сказать, — сказал генерал. — Я хочу поговорить с вашей матерью.

Мальчик передал ей эти слова. «Может быть, это тот самый господин, который исчез когда-то? — подумала она. — Как он мог узнать обо мне?»

Женщина не вышла из дупла. Генерал вошёл к ней и сказал:

— Ещё в прошлый раз я хотел открыться тебе, но боялся, что время не пришло для подобного разговора и ты не станешь слушать меня, поэтому не сказал ничего. Это я посетил тебя в твоём доме на пути в храм Камо. Как я и говорил, тогда меня везде разыскивали, родители мои были в большой тревоге, и когда я вернулся домой, они меня больше ни на шаг от себя не отпускали. «Он что-то замышляет. Не выпускать его из дома!» — распорядились они. Если я отлучался из дома, они сразу посылали кого-нибудь следить за мной. Я всё время стремился к тебе, но даже письма

послать не мог: ведь кроме меня никто не знал, где ты живёшь. Когда скончался мой батюшка, я пришёл туда, где ты жила, но сад зарос как дикая чаща и не было ни души, некого было расспросить. Всё это время меня терзали мысли о тебе, но отыскать тебя я не мог. Вот как это было, — плача, рассказал он.

От волнения дочь Тосикагэ не могла произнести ни слова, но вовсе не ответить было бы неучтиво, она приблизилась к занавеске из мха и произнесла, горько плача:

— Всё это было так давно! Я слушаю вас, но мне самой всё это ясно не вспоминается. Кажется мне, будто видела я что-то во сне. После пустых клятв родился сын, жить стало ещё труднее. Я думала: «Если бы найти такое место, где бы нас никто не видел!» В конце концов мы удалились сюда от мира. И хоть я тогда считала, что дошла до крайности в своём бедственном положении, сейчас мне ещё хуже.

— Отныне не надо об этом беспокоиться, — сказал генерал. — Если бы я нашёл тебя живой, как обыкновенные люди, в прекрасном доме, прежние чувства мои к тебе не изменились бы, но мне стало бы грустно. Однако видя, что ты совершенно отказалась от мира и поселилась в этом дупле, я чувствую, что любовь моя становится ещё глубже. Но так или иначе, я пришёл, чтобы взять вас с собой. Я приготовил для вас дом, не хуже этого дупла. Туда редко кто-нибудь заглядывает, и мы спокойно там поговорим.

— Я вам очень благодарна за великодушное предложение, но сейчас, когда я уже удалилась от мира, мне было бы стыдно менять решение и возвращаться к суетной жизни. Но если бы вы взяли с собой сына и воспитали его как нужно, я была бы спокойна за его будущее и с радостью вступила бы на путь служения Будде, — твёрдо ответила она.

— Ты не можешь думать иначе, — сказал генерал, — но нашему сыну всего лишь тринадцать лет, и хотя он ростом высок, душою прям, умён, в мире его ждёт много трудностей. Я могу взять его в столицу и обеспечить ему службу во дворце государя, но кто будет заботиться о нём? В нашем мире тот, у кого нет матери, — погибший человек. Много лет назад единственного сына министра Тикагэ оклеветала мачеха, и он исчез — до сих пор о нём ни слуху, ни духу[147]. Ты перебралась сюда ради сына, не бросай же его и теперь, переезжай с ним в столицу.

Она всё ещё не соглашалась, и генерал продолжал убеждать её:

— Если я возьму с собой одного только сына, а тебя оставлю здесь, то, беспокоясь за тебя, он всё время будет приходить сюда, и не останется ни одного человека, который бы не знал, что ты живёшь в дупле. Если я

оставлю вас здесь, то не смогу жить спокойно. До сего времени я не знал покоя, я всё время думал о вас. — Помогите мне убедить твою мать, — обратился он к сыну, — всё это время я не заботился о вас и причинил вам страдания, но вины моей в этом нет: я следовал воле родителей. А сейчас твой черёд показать, что ты почтительный сын — уговори её пойти со мной.

Сын его был благодарен за такие речи. Оба они были его родителями, к обоим он испытывал одинаковую любовь.

— В это страшное место ты перебралась, уступив моим, малого ребёнка, прошу, и сейчас я прошу тебя переехать в столицу, — стал он уговаривать мать.

Генерал продолжал:

— Если ты не хочешь жить под одной крышей со мной, я не буду приходить к тебе. Но отсюда ты должна уехать ради сына.

Когда она убедилась, что намерения его тверды, она подумала: «Действительно, разве не вслед за сыном пришла я в эти горы?»

Заметив, что женщина заколебалась, генерал воскликнул:

— Даже если ты и дальше будешь твердить своё «нет», я всё равно заберу вас с собой!

Он поспешно вытащил из мешка приготовленную одежду, заставил их надеть её и всё поторапливал.

Так дочь Тосикагэ против воли покинула горы. Уходя, она спрятала в дупле те два кота, которые передал ей перед смертью отец.

Посадив женщину на лошадь и идя один впереди, а другой сзади, Канэмаса с сыном дошли до того места, где их ждали слуги. Там они сели на лошадей слуг, а слуги пошли рядом с лошадью, на которой ехала дочь Тосикагэ. Они ехали всю долгую осеннюю ночь, и лишь к рассвету прибыли в дом на Третьем проспекте, который стоял к северу от широкой улицы и на запад от канала Хорикава. Сопровождавшим слугам генерал наказал молчать.

— Если кто-нибудь об этом узнает, я вас обвиню в преступлении, — предостерёг он.

Генерал сам повёл мать с сыном в заранее приготовленное помещение. Никому о приезде знать не давали, и слуги масляных ламп не зажигали — было темно, ничего не видно, но когда генерал открыл решётки и взглянул на женщину, у него от изумления перехватило дыхание. Дом, отделанный, как драгоценный камень, сверкал в свете осенней зари, но в этих хоромах, в простой одежде, без всяких украшений, худенькая женщина сияла такой несравненной красотой, что он подумал: «Уж не небожительница ли это

спустилась сюда?» И сын в скромном охотничьем костюме выглядел блистательно.

Канэмаса думал, что за эти годы женщина, должно быть, ужасно подурнела, но она была столь ослепительно хороша, что ему стало стыдно за свои мысли. Он так пристально смотрел на неё и на сына, что она, не выдержав его взгляда, прошла в тёмную часть помещения, и он двинулся за ней.

— А ты ложись здесь. Ты, должно быть, хочешь отдохнуть, — сказал генерал, указав сыну место, отгороженное переносной занавеской.

Но тот не мог спать. Он подошёл к решётке и стал рассматривать сад.
* * *

После этого Канэмаса совершенно перестал бывать в своём доме на Первом проспекте, всеми его помыслами завладела дочь Тосикагэ. Ей в услужение Канэмаса предоставил множество слуг — двадцать дам и ещё юных служанок двенадцати-тринадцати лет, делавших причёску унаи, и прислужниц низшего ранга. Ночью и днём генерал раскаивался в том, что случилось в прошлом, и клялся жене в вечной верности. Он вёл с дочерью Тосикагэ длинные беседы и всё больше очаровывался ею.

Госпоже было около тридцати. Красота её в то время была в полном расцвете, и теперь, когда никакое беспокойство не тяготило госпожу, от неё как будто исходило сияние. О сыне же и говорить нечего, в этом мире не было равного ему, второго такого не найдёшь. Не только в игре на кото, но и в игре на других инструментах он проявлял необыкновенные способности. К нему пригласили учителей, которые преподавали искусство игры на органчике сё и поперечной флейте ёкобуэ. Что же до струнных инструментов, то здесь несравненной исполнительницей была его мать, но в дупле, кроме кото, других инструментов не было, а перебравшись в столицу, она стала его учить игре и на цитре со, и на японской цитре[148]. Теперь мать не могла уделять ему всё своё время, но когда Канэмаса уходил из дому, она успевала немного позаниматься с сыном, и он уже играл превосходно. Так во всём: дважды учителей он не спрашивал. В игре на духовых он был неподражаем. За один день он выучивал два-три свитка из китайских классиков и пять-шесть произведений для духовых и струнных инструментов. В столице говорили: «Где нашёл генерал такого сына? Из него, наверное, вырастет необыкновенный музыкант!»

Разговоры о нём не утихали. За три года, что юноша с матерью вновь перебрались в столицу, исчезли все повадки, которые он приобрёл за годы житья в лесу. Генерал ни о чём так не заботился, как о его воспитании.

В год, когда исполнилось ему шестнадцать лет, во втором месяце на

него надели головной убор взрослого мужчины и дали взрослое имя, Накатада. Как сыну вельможи, ему сразу же присвоили пятый ранг и право посещения императорского дворца. И император, и наследник, проживавший в Восточном дворце[149], полюбили его чрезвычайно, постоянно призывали к себе и не отпускали из своих покоев.

Как-то раз император спросил Канэмаса:

— Где рос твой замечательный сын, которого ты так неожиданно представил нам?

— Я сам до недавнего времени не знал, где он рос, — ответил генерал, — я нашёл его год назад. Мать его говорила: «Введи его в свет только тогда, когда он будет понимать, что к чему». Я был согласен с нею и до сих пор держал его взаперти у себя дома.

— Кто его мать? — поинтересовался император.

— Дочь главы Ведомства гражданского управления Тосикагэ.

— Вот оно как! — удивился император. — Наверное, к твоему сыну перешло искусство деда. Когда Тосикагэ вернулся из Танского государства, — это было ещё во времена правления императора Сага, ныне отрёкшегося от престола, — ему было передано повеление, чтобы он научил меня, тогда ещё наследника престола, хоть немного своему искусству, но он ответил: «Даже если мне дадут чин министра, я не стану учить наследника музыке». С тех пор Тосикагэ удалился от дел, во дворце больше не показывался и сам загубил своё будущее, а должен был бы стать вторым советником министра! Виртуоз же он был несравненный. Была у него единственная дочь. Рассказывали, что он начал учить её музыке с семи лет и что она превзошла в игре на кото своего отца. Он говаривал: «Это дитя сделает мне честь. У неё любой может поучиться!» Пока он был жив, мы время от времени получали о нём известия. А после его смерти мы велели отыскать его дочь, но посланные, вернувшись, сообщили, что она тоже умерла. А оказывается, это ты заполучил её! Как всё это удивительно! Должно быть, музыкальное мастерство Тосикагэ в третьем поколении стало ещё выше.

— Наверное, это так, — ответил генерал, — но вряд ли молено говорить о каком-то редком искусстве. Мой сын, вероятно, знает одно-два произведения, которые перешли к нему от деда[150], — и это всё.

После этой беседы, поползла молва: «Вот оно что! Госпожа-то с Третьего проспекта — дочь Тосикагэ». Одни удивлялись: «Что же это за женщина! Она должна быть необыкновенной, если даже такой заядлый волокита, как Канэмаса, забыл с нею своё непостоянство». Другие, сгорая от ревности, говорили: «Вот чем кончил этот повеса! Взял в жёны

женщину низкого происхождения, бездарную, и она привязала его к себе. Остановиться на такой никчёмной женщине!»

Сына же генерала ни император, ни наследник от себя не отпускали и всё время давали ему различные поручения. В игре на кото Накатада не знал себе равных, но не любил играть на людях. В игре на других инструментах — а учился он у Накаёри и Юкимаса[151] — он был гораздо выше своих учителей. Люди только шептались: «От кого же у него такой замечательный талант?»

Во внешности и в обхождении у Накатада не было ни одного изъяна, ум его был остёр. Перед его талантами оставалось только развести руками. Все, начиная с вельмож и принцев, его восхваляли.

Когда Накатада исполнилось восемнадцать лет, он был назначен императорским сопровождающим.

В том же году, как-то на вечерней репетиции танца «Пяти мановений»[152] присутствовали сама императрица, множество высочайших наложниц и придворных дам. <...> На репетиции «Пяти мановений» одна танцовщица, которую рекомендовал Канэмаса, была лучше остальных четырёх, и даже император смотрел на неё с большим одобрением. Для исполнения музыки перед рассветом, после окончания танца, были приглашены такие виртуозы, как Мацуката, Токинага, Накаёри и Юкимаса. Был позван и Накатада. Даже подпевая инструментам, он превосходил других, и голос его звучал особенно красиво. Император слушал его с наслаждением и подозвал к себе.

— На заре должны играть самые лучшие музыканты. Сыграй-ка нам сейчас какие-нибудь произведения из тех, что перешли к тебе от деда, — произнёс он.

Накатада смутился и стал отнекиваться, но отец стал настойчиво его уговаривать:

— Ну сыграй что-нибудь, покажи своё искусство. Государь уже не в первый раз выражает своё желание послушать тебя, и ему надо подчиниться. Тогда государь будет к тебе благосклонен.

После некоторых колебаний Накатада настроил кото «сэта-фу», которое велели принести ему, в лад произведения «Варварская свирель»[153] и заиграл. Исполнение было прекрасно, поистине ни с чем не сравнимо. Очарованные музыкой, присутствующие проливали слёзы. Восторгам не было пределов.

«По возвращении своём из страны Тан придворный Тосикагэ играл в присутствии императора Сага, — думал охваченный волнением император. — Я слышал его немного, но и этого было достаточно, чтобы

убедиться, что в нашем мире такого искусства больше не встретишь. Однако игра Накатада гораздо выше игры деда. Как бы мне хотелось услышать игру его матери! Отрёкшийся от престола император Сага, Должно быть, хорошо помнит, как играл на кото Тосикагэ. Надо отвести к нему Накатада, чтобы он послушал и сравнил. Я мало слушал Тосикагэ и до сего дня всё сокрушался, что второй раз такого музыканта мне уже не услышать. Всё время я внимательно слушал разных исполнителей: не напомним ли мне чья-нибудь игра те звуки? Но ничего подобного не происходило...»

Когда Накатада закончил играть, император произнёс:

— Не позвать ли во дворец госпожу, которая скрывается в доме Канэмаса, и не найти ли ей должность в Ведомстве дворца императрицы? Тогда мы сможем услышать, как она; играет на кото.

Генерал ответил на это, что он повинуетя.

Во всём, что ни возьми, Накатада превосходил прочих молодых людей, сравнить с ним в этом мире было некого, поэтому многие вельможи и принцы настойчиво предлагали ему своих дочерей в жёны, но он на это ничего не отвечал и всё свободное время проводил в доме отца. Про себя же Накатада думал: «В усадьбе левого генерала Масаэри, без сомнения, скрываются самые изумительные красавицы. Там собираются изысканные, блестящие умом юноши — там бы я чувствовал себя легко! Как бы мне хотелось познакомиться с ними!» Ни к чему другому сердце его не лежало.

* * *

На следующий год, в восьмом месяце, в усадьбе Канэмаса должно было состояться пиршество по поводу победы на состязаниях в борьбе[154]. Генерал сказал госпоже из северных покоев[155]:

— Прежде всего, приготовь подарки для гостей. Поскольку такое пиршество устраивается в этом доме впервые, будь особенно внимательна в выборе подношений. Все чины Личной императорской охраны, начиная со вторых военачальников, прослышав, что в этом году награды на пиршестве будут приготовлены тобой, уже предвкушают удовольствие от получения изысканных подарков. Приготовь что-нибудь и господам четырёх служб[156]. Обычно вторым военачальникам дают по одному полному наряду, а младшим военачальникам платье утиги белого цвета и штаны, но на этот раз мы добавим для вторых военачальников ещё по накидке с прорезами, а младшим военачальникам вручим платье из узорчатой шёлковой ткани и штаны.

— Ах, как же мне со всем этим справиться? — воскликнула госпожа из северных покоев. Но всё она исполнила прекрасно: превосходная

одежда и по цвету, и по шитью была совсем не похожа на ту, что вручают обычно в подобных случаях.

Пиршество по поводу победы в борьбе было назначено на второй день восьмого месяца. К этому дню все приготовления были полностью закончены. Землю посыпали песком, посадили деревья и травы, разбили шатры. Почётные места устроили в южных передних покоях. Были заново приготовлены покрывала и подушки для сиденья. В разных местах поставили великолепные ширмы в четыре сяку[157] и переносные занавески. Дамы и юные служанки были разодеты в одежды со шлейфами, так называемые китайские платья и накидки[158]. у девочек одежды были голубые, а накидки тёмно-фиолетовые, так называемой двойной окраски[159].

— Посмотрите, кто к нам пожаловал! — восклицал хозяин, встречая гостей. — При взгляде на них моим подчинённым остаётся только стыдиться. Сын господина левого генерала Сукэдзуми! Сын господина левого министра Накаёри! Мне действительно стыдно принимать вас в таком убогом помещении.

Госпожа из северных покоев приготовила кото, настроила для совместной игры лютни бива[160] и цитры.

Получив приглашение на это пиршество, левый генерал Масаёри подумал: «Канэмаса устраивает пир по поводу победы в борьбе в своём доме на Третьем проспекте. Он всегда приходит ко мне даже на самые скромные собрания, и я непременно должен пойти на пир к нему. К тому же интересно посмотреть, как приготовит приём эта утончённая госпожа!»

Он отправился на Третий проспект в сопровождении сыновей. Это был человек благородный, все признавали выдающиеся качества его характера, и когда Масаёри появился у Канэмаса, гости единодушно уступили ему почётное место. Прибыл и правый министр, брат Канэмаса. Хозяин был очень обрадован его приездом и благодарил брата.

Наконец прибыли все гости. Перед вельможами и принцами поставили столики из красного сандалового дерева, покрытые узорчатыми скатертями. Перед вторыми военачальниками Личной императорской охраны и перед младшими военачальниками были поставлены столики из цезальпинии. Перед прочими гостями — другие, соответственно их чинам. Подали угощение, и начался пир.

Вышли борцы. Было проведено пять или шесть туров, а затем самые сильные соревновались в перетягивании полотна. Хозяин велел принести приготовленные кото и предложил гостям поиграть на них. Кое-кто из приглашённых начал играть. «Как прекрасно настроены инструменты!

Никто из присутствующих не мог бы так хорошо их настроить) восторгались гости и исполняли различные произведения. Играли на кото соло или в сопровождении флейты. Исполнение было замечательно.

Как правило, на таких пирах слугам, сопровождающим гостей, и силачам дарили полотно из провинции Синано, но на этот раз им преподнесли полотно из провинции Муцу. Слуги внесли и поставили перед Канэмаса три столика из цезальпинии, на которых лежал шёлк, полученный из восточных провинций. Вышел парадно одетый управляющий и, вызывая гостей одного за другим, стал вручать им этот шёлк. Начальники эскорта гостей и победители в состязаниях получили по четыре штуки шёлка[161], остальные силачи и слуги — по две. Кроме того, слугам, сопровождавшим вторых военачальников Личной императорской охраны и младших военачальников, было вручено по одной штуке. Принцам, сидевшим на местах у изгороди[162], были вручены шёлковые накидки цвета прелых листьев с красным отливом, затканые цветами, шлейфы, окрашенные соком хризантем, платья из узорчатого шёлка и штаны на подкладке. Советникам сайсё и всем гостям до вторых военачальников Личной императорской охраны были вручены шлейфы из узорчатого шёлка, окрашенные соком трав, китайские платья цвета прелых листьев с желтоватым отливом и штаны на подкладке. Младшим военачальникам и помощникам начальников императорской охраны поднесли шлейфы бледных тонов, китайские платья цвета прелых листьев с жёлтым отливом, штаны, — по красоте окраски подарки не уступали предыдущим. Старшим стражникам вручили летние платья из белого узорчатого шёлка и штаны на подкладке, сопровождавшим слугам и мелким чинам охраны — по паре штанов из белого полотна, а начальникам отрядов — белые летние платья. Не было ни одного человека среди присутствовавших на этом пиру, который не получил бы подарка.

Вручение подарков окончилось, и тогда-то наконец появился императорский сопровождающий Накатада. Генерал Масаёри подозвал его к себе и стал настойчиво угощать вином. Накатада принимал вино с благодарностью, но, почувствовав опьянение после нескольких чашек, начал отказываться:

— Не приведёт это к добру...

— А я, мой милый, и хочу вас напоить, — сказал левый генерал, поддразнивая его. — Надеюсь, что, опьянев, вы перестанете скрывать от нас свои таланты. Я прошу вас поиграть на кото. Если на этом пиру вы не будете играть, это всё равно, что весеннее утро в горах без соловьиного пения или осенний вечер без купающейся в пруду луны.

Левый генерал просил очень настойчиво. Канэмаса ушёл во внутренние покои и принёс кото «рюкаку-фу». Левый генерал взял его и сказал:

— Сыграйте на этом инструменте хотя бы одно произведение. Я слышал вас немного в прошлом году, в ночь репетиции «Пяти мановений», и мечтаю услышать вновь.

— Я совсем забросил игру на кото, — ответил императорский сопровождающий. — В ту ночь на то было желание государя, я кое-как вспомнил и сыграл одно произведение. Но как я играл, хорошо ли, плохо ли, не знаю. Сейчас я и подавно ничего не помню. Если сегодня я вдруг примусь за игру, все решат, что это лягушка заквакала в поле, заросшем полынью.

— Ах ты хитрец! — воскликнул его отец. — Разве бывает, чтобы ты не получил хорошей награды за свою игру?

— У меня есть любимая дочь, — сказал Масаёри. — Я бы предложил вам её в награду, если бы вы мне сегодня поиграли.

Тогда Накатада очень тихо стал играть «Многие лета»[163]. Накаёри и Юкимаса стали подыгрывать ему на кото, приготовленных для нынешнего пира. Играли они изумительно. Накаёри, не в силах сдержать охватившие его чувства, сбежал вниз и стал перед гостями танцевать. Затем Юкимаса играл на лютне, генерал Масаёри — на японской цитре, другие музыканты к ним присоединились, а все вельможи громко пели.

Накатада так и не играл «Варварскую свирель», которую исполнял в ночь репетиции «Пяти мановений», а играл другие произведения, и левый генерал настойчиво просил его:

— Так вы никакой награды не получите. Поиграйте-ка ещё немного!

Накатада вновь настроил кото и начал играть. Звуки кото были исполнены необыкновенной прелести, так великолепно Накатада никогда ещё не играл. Нынешнее исполнение было ещё замечательнее, чем когда он играл перед императором. Его игра, казалось, стала более зрелой, была изумительна, музыка ласкала слух и успокаивала душу, восхищая всех. Накатада легко касался струн, а звуки наполняли весь дом. Он неподражаемо исполнил «Юйкоку» и «Варварскую свирель». Все были взволнованы, а левый генерал, придя в совершенный восторг, снял со своего плеча накидку и вручил её Накатада со словами:

— Не замёрзли ли вы? Накиньте-ка вот это!

Щедро сыплются на придворных

Алые листья клёна,

Но не могут подняться

До вершины сосны,
Где лишь ветер шумит в ветвях.[164]
Накатада на это ответил:
— Для того, чтоб украсить придворных,
Листья клёна должны
От ветвей оторваться.
Жаль мне листьев опавших,
И не милы мне уборы.

Накаёри при этом не мог сдержать восторга, он спустился со своего места и протанцевал «Многие лета». Канэмаса снял со своего плеча накидку и вручил ему.

Потом левый генерал Масаёри и правый генерал Канэмаса играли вместе на кото, а Накаёри и Юкимаса — на флейтах, гости отбивали ритм, — дивное исполнение.

Когда Масаёри был ещё мальчиком, он прославился тем, что на празднестве в честь отрёкшегося от престола императора Сага несравненно танцевал «Танец с приседанием»[165], а сейчас, лишь музыканты с поразительным мастерством заиграли это произведение, его седьмой сын, императорский сопровождающий Накадзуми, начал танцевать. Танцуя, он спустился по лестнице[166] и исполнил танец полностью. Накатада был вне себя от восторга, он вручил Накадзуми накидку, полученную от левого генерала, и стал танцевать с ним. Окончив танец, Накадзуми удалился, отдал накидку старшему стражнику Личной императорской охраны Тикамаса, который зажигал факелы на этом пиршестве, и снова вернулся.

Долго ещё играли замечательные музыканты различные произведения, так проходило время.

Накатада наконец-то смог отойти от Масаёри и подошёл к гостям, сидевшим у изгороди, которые больше не танцевали.

— Как было неловко, когда господин левый генерал вынудил меня играть на кото, — сказал он, принимаясь за еду.

Рядом с ним сидел императорский сопровождающий Накадзуми, и они вступили в разговор.

— Мы время от времени встречались во дворце императора, но говорить по душам нам ещё не приходилось. Я очень рад, что вижу вас здесь, — заговорил Накатада.

— Благодарю вас, — ответил Накадзуми, — мне тоже давно хотелось поговорить с вами, но вы всегда очень заняты, а я никак не мог найти предлога.

— Когда я нахожусь на службе во дворце, никто, кроме отца, не

заботится обо мне, и я чувствую себя очень одиноко. Как бы мне хотелось подружиться с вами, беседовать по душам! Но последнее время вы и во дворце редко стали появляться. Какие-нибудь дела?

— Дела? — переспросил Накадзуми. — Я просто плохо себя чувствовал и не ходил на службу.

— Что же с вами приключилось? Уж не та ли болезнь, о которой сказано: люблю ту, которую не вижу?[167]

— Но и день встречи меня не излечит![168] — рассмеялся Накадзуми.

— Мне несколько раз говорила первая жена моего отца[169]: «У тебя нет особенно близких друзей. Подружись-ка с Накадзуми».

— И мне она говорила: «С младшим военачальником Личной императорской охраны Минамото Накаёри и с помощником начальника Императорского эскорта Юкимаса ты связан братской клятвой. Обменяйся такой же клятвой и с Накатада».

— Я был бы этому очень рад! — воскликнул Накатада.

Так они говорили друг с другом.

— Сегодня очень много выпито, — заметил Накадзуми, — и мы вряд ли сможем поговорить на этом пиру по душам.

— То, что мы смогли встретиться и открыться друг другу, — уже счастье, которое принесла эта ночь, — ответил Накатада.

— Я вскоре навещу вас. — С этими словами Накадзуми отправился домой.

Ночь прошла в развлечениях и шуме.

После ухода гостей Канэмаса пошёл к госпоже из северных покоев.

— Всё ли ты хорошо разглядела на этом пиру?[170] — спросил он жену. — Наш сын выглядел лучше других.

— Разве я что-нибудь понимаю в таких вещах?

— Не говори так, ведь ты очень проницательна. Как замечательно, что твой покойный отец, который в музыке не уступал небожителям, передал тебе своё искусство! — продолжал Канэмаса. — Похоже, все уверены, что Накатада равен тебе в этом мастерстве. Масаёри не бросает слов на ветер, а он сказал, что за музыкальный талант Накатада отдаст ему в жёны свою дочь — дочь, о которой все в Поднебесной только и говорят и которая смущает покой многих молодых людей. Отец не соглашается отдать её даже наследнику престола. Может быть, Накатада и не получит её в жёны, но обещание Масаёри всё равно приятно.

— Сам господин Масаёри очень хорош! — промолвила его жена. — У него и дети должны быть необыкновенно красивы.

— Он действительно редкий человек. Пирсы всегда кончаются

полным забвением этикета, а он, даже выпив вина, выгодно отличался от других.

Поговорив о прошедшем пиршестве, они отправились спать.

Накатада не пошёл на службу и тоже лёг спать.

Приятно проведя время у Канэмаса, левый генерал возвратился к себе. Его провожали Накаёри и Юкимаса.

— Это будет нашей ночной службой, — сказали они.

Когда Масаёри вошёл в дом, госпожа спросила его:

— Почему так поздно?

— Пиршество было столь замечательно! Я на подобном никогда не бывал. Все остальные гости ещё там до сих пор, — ответил он. — Ах, какую изумительную музыку слышал я сегодня благодаря Атэмия!

— Что же ты слышал? — спросила госпожа. — Как я тебе завидую!

— Я всё надеялся, что в исполнении музыки, которое было на этом пиру замечательным, примет участие и Накатада, — начал рассказывать Масаёри, — но он не показывайся. День начал клониться к закату, я уже стал терять терпение. Когда наступил вечер, я подумай, что, может быть, Накатада будет преподносить подарки. Наконец я поймал его, заставил выпить и стал просить поиграть на кото. «Поиграй», — говорю ему и его отец, но Накатада и тут не соглашался. Потом он всё же начал играть, но только терзал мне душу, играя вместе с другими музыкантами всем известные произведения. Но я не успокаивался. «Я отдам вам в награду свою любимую дочь», — пообещал я ему. Накатада сбежал по лестнице во двор, исполнил благодарственный танец[171] и заиграл снова. Играл он божественно. Он исполнит много произведений. Впечатление от его музыки выразить невозможно. Его отец заливался слезами. Накатада действительно выдающийся человек, в музыке с ним сравнить некого. Если бы ты могла слышать его!

— Как же это сделать? — спросила госпожа

— Просто так он совсем не играет. Иногда сам государь его просит, но он даже не прикасается к кото. Если бы я не просил столь настойчиво, он ускользнул бы и сегодня. Но я-то стреляный воробей, настаивал безжалостно, и Накатада хотя отнекивался, но в конце концов начал играть.

— А что, если сказать Атэмия, чтобы она попросила его поиграть и пообещала за это побеседовать с ним? Может быть, он тогда и согласится?

— Тогда он, может быть, и согласится. Подождём, когда представится случай, — ответил Масаёри и стал показывать жене полученные подарки.

— Ах, какая красота! — восхищалась она.

Об остальном вы узнаете из следующих глав.

Глава II ТАДАКОСО

В то время, когда император Сага находился ещё на престоле[172], жили два вельможи: левый министр Минамото Тадацунэ и правый министр Татибана Тикагэ[173].

Никого в мире не было красивее и умнее Тикагэ, своими талантами он превосходил всех сановников. Император очень любил его. Тикагэ получал повышение в чине два или три раза в год[174] с каждым днём возносясь всё выше и выше. В тридцать лет он занимал две должности: левого генерала Личной императорской охраны и правого министра.

Он взял в жёны знаменитую своей красотой четырнадцатилетнюю девицу, дочь принца, получившего фамилию Минамото. Когда ей было шестнадцать лет, в пятый день пятого месяца она родила очаровательного мальчика, блиставшего красотой, как драгоценный камень. Назвали его Тадакосо[175]. Ни одного ребёнка на свете не любили так, как любили Тадакосо его родители. «...» Тикагэ с женой глубоко любили друг Друга и жили душа в душу. Сын их рос, затмевая всех своей красотой. Уже в три года он обнаруживал незаурядный ум и редкие способности. Отец и мать пеклись о нём днём и ночью. Мать любила его так, что скажи он: «Пусть водрузят мне на голову гору Хорай»[176] или: «Пусть построят у меня на ладони золотой дворец», — она бы и это выполнила.

В год, когда ребёнку исполнилось пять лет, в третьем месяце, мать вдруг очень тяжело заболела. В доме поднялся переполох, на всех горах[177] и во всех храмах служили молебны о её выздоровлении, но пользы это не принесло.

Умиравшая терзалась мыслями о Тадакосо. Она говорила мужу:

— Я не жалею ни о чём на земле. Но при мысли, что будет с Тадакосо, мне становится так трудно покинуть этот мир! Как я мечтала, что он займёт прочное положение и обеспечит себе спокойное существование на всю долгую жизнь! Болит у меня сердце при мысли, что я оставляю малыша, который ещё не знает, что такое добро и зло.

Муж всячески успокаивал её, но сам плакал безутешно.

— Детям одинаково нужны и отец, и мать, — продолжала больная, — но когда ребёнок мал, никто не заменит ему матери. Как бы то ни было, если ты после моей смерти женишься на женщине недоброй, не давай ей обижать Тадакосо. Если твоя злая жена или кто-нибудь другой будут чернить нашего сына, знай, что они берут на себя грех. Пусть клевета на

Тадакосо будет для тебя не более, чем снег, тающий на воде, чем роса, высыхающая на песке.

С этими словами она скончалась. Тикагэ хотел умереть с нею, но желание его не исполнилось. И теперь ему оставалось только заказывать по жене поминальные службы.

Прошло несколько лет. Дни свои Тикагэ проводил в слезах. На женщин он даже не смотрел. Для него всё сосредоточилось в Тадакосо; и воспоминания о жене, и нежные заботы о сыне. Дочери вельмож и принцев, бывшие на выданье, только и вздыхали: «Ах, как бы выйти замуж за этого знаменитого министра!» Предложения о браке сыпались на него со всех сторон, но он помнил то, что сказала ему перед смертью жена, и пропускал эти предложения мимо ушей.

Тем временем скончался Тадацунэ, левый министр. Жена его была очень богата, своим богатством она превосходила всех. За время её брака с Тадацунэ в доме не было никаких других жён или наложниц, Тадацунэ любил только её одну. Госпожа собирала у себя знатных девиц, щедро жаловала им одежду, устраивала угощения. И при покойном муже, и после его смерти вокруг неё было множество прислужниц. Дом её процветал.

Ей рассказали, что правый министр живёт один, и вдова воспылала к нему любовью. Он же и на более привлекательных женщин не обращал внимания, а уж на неё, даму уже немолодую, тем более. Она ломала голову, как внушить ему страсть к себе, и для этого устраивала на всех горах и во всех монастырях тайные службы, возносила буддам и богам горячие молитвы, но проку от этого не было. Наконец вдова решила: «Не к чему мне просить будд и богов. Выложу-ка я ему всё начистоту. Я не девица, которая сама шагу ступить не может. Будь я молоденькой, я, быть может, и засмущалась бы, а сейчас если я этого упущу, то где же ещё найду приличного холостого мужчину? Оставляю-ка я смущение и признаюсь ему!»

У кормилицы её покойного мужа была дочь по имени Аяки, и эту прелестную девушку госпожа из северных покоев решила послать к Тикагэ. Щедро одарив Аяки платьем, она велела ей отнести письмо:

«Разве есть ещё дом,
Как здесь, где всё тростником заросло,
Где живу я одна?
Но узнаю о жилище другом,
Сплошь хмелем покрытом.

Не лучше ли встретиться двум затворникам на одном и том же пустыре?»

Госпожа прикрепила письмо к красивому тростнику и вручила Аяки.

Девушка подошла к усадьбе Тикагэ и стала в воротах. Её заметили слуги и пришли в восхищение: «Ах, какая прелестная, какая красивая девушка!» Выйдя к воротам, спросили у неё:

— Откуда ты пришла?

— От госпожи из дома левого министра, — ответила Аяки.

Удивившись, слуги взяли письмо и отнесли хозяину.

«Странно, с какой целью она мне это написала? Она, по-видимому, считает меня таким, как все, и, раз я живу один, делает мне предложение», — подумал Тикагэ, прочитав письмо.

«Что мне до советов чужих!

Останусь я здесь,

В этих зарослях хмеля,

Где та, что верила мне,

Исчезла с росой», —

написал он и послал вдове министра с длинной веткой хмеля. С того дня госпожа из северных покоев стала писать ему письма и по радостному, и по печальному поводу. При этом она просила: «Не укоряйте меня!» Тикагэ же не обращал никакого внимания на её настойчивые домогательства, и то отвечал ей холодно, то своими ответами прямо-таки унижал её. «Вот если бы я мог забыть прошлое, может быть, я навещал бы иногда эту даму», — думал он иногда.

Однажды он посетил её. Ему тогда было за тридцать, ей — за пятьдесят. Она годилась ему в матери. Но более того, Тикагэ в своей жизни кроме покойной жены не обратил внимания ни на одну женщину, жена его была красива, молода, обладала утончённым вкусом; Тикагэ дал ей нерушимую клятву в вечной любви, и теперь, после её смерти, он думал: «Встречу ли я когда-нибудь другую женщину, которая могла бы сравниться с ней?» — и из глаз его лились слёзы, бурные, как потоки дождя. Когда же он смотрел на старую, некрасивую вдову министра, он ни разу не смог почувствовать расположения к ней, а та, тратя без счёта свои сокровища, старалась всячески угодить ему.

Госпожу из северных покоев никогда не интересовало, ни что ели, ни во что одевались люди в её доме, и она не знала, что слуги, при жизни министра в изобилии получавшие еду и одежду, теперь, собираясь вместе, плакали и жаловались друг другу: «Мы совершенно обнищали». Но теперь хозяйка решила, что нельзя, чтобы о её доме пошли дурные слухи: тогда бы правый министр, не испытывающий к ней особенной любви, и вовсе, должно быть, перестал к госпоже заглядывать. Поэтому она заказывала на

горах тайные службы, много денег стала тратить на обеды и ужины, на летнюю и зимнюю одежду, а слуг своих принялась одевать с головы до ног в узорчатые шелка и парчу. «Я бы нарядила в дорогие одежды даже траву и деревья, на которые смотрит правый министр! Я бы кормила до отвала и одевала даже простых косарей и пастухов, которые у него служат», — думала она.

Поскольку Тикагэ, бывало, заходил к вдове, она тратила деньги, совершенно не думая о том, что станет с ней самой, не то что со слугами. Госпожа ставила перед ним семь или восемь столиков с угощениями, к которым он не прикасался, шила для него одежды из нескольких слоёв узорчатых тканей, которые он и не думал надевать. Чтобы понравиться ему, она садилась за цитру или брала лютню и играла разные произведения. Министр делал ей комплименты, но при этом ему хотелось куда-нибудь скрыться: слишком громкая музыка его раздражала. Прислуживавшие госпоже из северных покоев дамы злословили за её спиной: «Старуха, а смотри, что устраивает!» Никому из слуг не нравилось её грубое исполнение. Вдова же думала только об одном.

Для Тикагэ эти посещения вдовы были мучительны, но — странное дело! — проходило время, он относился к ней всё более равнодушно, однако связь их всё-таки не прерывалась, может быть, оттого, что на всех горах вдова постоянно заказывала тайные службы.

* * *

Когда Тадакосо исполнилось десять лет, он получил доступ в императорский дворец. Император полюбил его беспрдельно.

Дочерей у Тикагэ не было, но после смерти жены он распорядился, чтобы дамы, служившие ей, не уходили в другие дома, а прислуживали сыну, которого она любила больше всех на свете. <...>

Каждый месяц Тикагэ заказывал церемонию «Восьми чтений Лотосовой сутры»[178] в поминание покойной жены. Все поступления из поместий предназначал он одному Тадакосо; у него и в мыслях не было дать что-нибудь, хоть одно рисовое зёрнышко, вдове министра, которая без счёта тратила свои сокровища. За всё, что она в эти годы израсходовала на Тикагэ, он не подарил ей ни одного листа бумаги. Поступлений у дамы не было никаких. Она продавала и шкатулки для гребней, и поля, а деньги тратила без счета. И хоть было её богатство огромным, но в конце концов вдова левого министра обеднела.

Итак, не прерывая окончательно своих отношений с вдовой, Тикагэ изредка навещал её.

Тадакосо было тринадцать-четырнадцать лет. Он был очень красив и

всех очаровывал своими безупречными манерами. Юноша выделялся среди своих сверстников. Он был превосходным музыкантом. Безукоризненно галантный искатель любовных приключений, он чувствовал себя свободно даже в обществе придворных дам. Император беспредельно к нему благоволил. Никого не было красивее Тадакосо или равного ему талантами; все твердили о нём единодушно: «Второго такого в мире нет».

Поскольку отец его проводил время у вдовы левого министра, Тадакосо иногда отправлялся из императорского дворца к ней в дом на Первом проспекте. «Что за красавец!» — думала хозяйка и принимала его с исключительной любезностью. Тадакосо же тайком навещал Аюкими, племянницу покойного Тадацунэ, которую министр в своё время заботливо воспитывал.

Госпожа из северных покоев была очень предупредительна к Тадакосо.

— Ваш батюшка появляется здесь редко, — говорила она ему, — но я так рада, что вы не забываете меня. Я полагаюсь на вас больше, чем на него. Я могу быть вам очень полезной. Не пренебрегайте мной!

Тадакосо при этом сидел с отсутствующим видом.

Случилось, что как-то Тикагэ, занимаясь в императорском дворце срочными государственными делами, очень долго не показывался у вдовы. Она же, снедаемая мрачными думами, совсем перестала есть и в унынии ждала Тикагэ, но от него не было даже письма. Так продолжалось с месяц. Измученная напрасным ожиданием, не зная, что предпринять, вдова взялась за кисть и, пылая злобой, написала:

«Люди забывают всё —

Поле Суга, селенье Фусими...

Но неужели в сердце

Жалости нет совсем

К хижине ветхой моей?[179]

Если я так скажу <...>. Не думала я дожить до такого унижения».

Прочитав это письмо, Тикагэ ничего, кроме глубокого равнодушия, к госпоже не почувствовал, но подумал: «Нельзя её так бросить» — и написал в ответ:

«Я был болен и никуда не ходил, даже в императорский дворец, поэтому и у Вас не был. Скоро я Вас навещу.

Как мне жаль,

Что ветшает Ваш дом...

Ведь и в поле Суга,

И в селенье Фусими

Я знаю очень немногих...[180]

Хоть мы давно не виделись, но Вас я не забываю. Не надо тосковать!»

Вскоре после этого министр решил как-то вечером отправиться на Первый проспект. «Она, наверное, очень скучает, — подумал он с жалостью к госпоже, — проведу-ка я с нею один вечер, но и только».

Пока Тикагэ ехал в экипаже, он рассуждал, что не следует рвать эту связь, однако, едва войдя в дом, по обыкновению воскликнул в душе: «Зачем я приехал сюда?» Министр хотел было повернуть назад, но, не желая возбуждать пересудов, решил ограничиться недолгим визитом. Сидел он, однако, с отсутствующим видом и почти не раскрывал рта.

Госпожа из северных покоев уже давно изнывала от тоски, и когда министр столь неожиданно у неё появился, она чрезвычайно обрадовалась, стала его угощать, пеняла за долгое отсутствие, участливо расспрашивала о здоровье, но он почти не отвечал ей. Лишь только он поднимал глаза на вдову, ему казалось, что на него наваливается тяжёлая болезнь. Однако он старался не обнаруживать таких чувств и говорил совсем не то, что думал. Через некоторое время Тикагэ, измучившись, хотел было откланяться под каким-то предлогом, но госпожа произнесла:

— Вы не должны уходить. И она стала всячески его задерживать, даже рассказала ему о сне, предвещающем недоброе, который видела одна из прислуживающих ей дам. Было очевидно, что это только уловки, чтобы задержать Тикагэ. Министру было не по себе, но он остался у вдовы на второй день, потом на третий.

Когда на четвёртый день он собрался уходить, госпожа воскликнула:

— Ах, я видела сон, который запрещает уходить из дому сегодня![181]

Но Тикагэ заявил, что должен быть у императора, и спешно удалился.

Прибыв домой, Тикагэ почувствовал облегчение. Он сел за стол и воскликнул:

— Как странно! Здесь мне всё вкусно, а на Первом проспекте мне ничего нейдёт в рот.

— Несмотря на ваши слова, думаю, что и там готовят очень вкусно, — отозвался на это Тадакосо.

— Ведь говорят: «К чему нефритовая башня?»[182] — это как раз обо мне, — ответил ему отец.

Он приказал постелить себе в комнате покойной жены.

— А сегодня вечером вы не собираетесь быть на Первом проспекте? — спросил его Тадакосо.

— Холодна постель, где с ней —

Позабыть её смогу ли? —
Спал я много лет назад...
Всё же мне милее здесь,
Чем в чужих домах, лежать. —
С этими словами Тикагэ лёг в постель. Тадакосо произнёс:
— Один в пустом доме
На ложе, мокром от слёз,
Всю ночь не спит малолеток.
Брезжит тусклый рассвет...
В доме каком ночует отец?[183]

Долго после того Тикагэ на Первом проспекте не появлялся. Тадакосо же время от времени заходил к Аюкими, и мачеха его, госпожа из северных покоев, глядела с завистью на молодых людей, пылая страстью к министру, на которую отклика не было. Она посылала ему язвительные письма, но желанных ответов от Тикагэ не получала.

* * *

В праздник пятого дня пятого месяца[184] госпожа из северных покоев приготовила для угощения редкие блюда. «Может быть, он придёт сегодня», — думала. Никого из своих слуг госпожа не угощала. Долго ждала она, но в этот день пришёл только Тадакосо.

«Ещё лучше... Сын отцу замена», — решила вдова и приказала вынести юноше столик с яствами. Написав стихотворение, она привязала его к маленькому ирису и положила возле палочек для еды:

«Душистый ирис растёт
У полноводной реки.
Уразумей наконец —
От моих горьких слёз
Разбухла эта река»[185].

Ошеломлённо глядел Тадакосо на это послание. «Не хочет ли дама настроить батюшку против меня?» — думал он. Кроме того, ему было просто жалко отца. Юноша написал вдове ответ:

«Неудержимо стремятся
Волны к ирисам ярким,
Что собою украсили берег.
О, как нестерпимо больно
Мне думать об этом[186].
Как был бы я рад услышать от Вас что-то другое!»

Злостью вспыхнуло сердце госпожи из северных покоев, когда она прочитала это письмо: «Как смеет он стыдить меня! Чем мне отплатить

ему? Как отомстить?» Долго она ломала голову и в конце концов решилась на обман.

У правого министра был пояс, который передавался в его роду из поколения в поколение и которым все восхищались[187]. Он надел этот пояс, когда отправился в императорский дворец на пир, и оставил на Первом проспекте. Госпожа из северных покоев спрятала его и подняла переполох: пропал, мол, пояс! Тикагэ донельзя встревожился. Он творил заклинания, чтобы найти пропажу.

— Ведь этот пояс хранился в нашей семье пять или шесть поколений, а я его потерял, — повторял он сокрушённо. — Я надевал его на праздник великого вкушения риса[188], а потом в этом году на дворцовый пир[189]. Когда я появился в нём на празднике великого вкушения риса, государь обратил на него внимание и сказал мне: «Если бы ты отдал мне этот пояс, я уступил бы тебе свой престол!» Я раздумывал, не преподнести ли его государю, но решил оставить у себя. И вот теперь, к моему несчастью, он потерян!

Госпожа из северных покоев, желая внушить министру, что пояс украл Тадакосо, позвала к себе одного бездельника, заядлого игрока, находившегося в то время в очень стеснённом положении, и сказала ему:

— Слушай меня внимательно. Я тебе отдам всё, что у меня есть, если ты выполнишь в точности то, о чём я тебя попрошу, хоть это и нелегко.

— Я сделаю всё, как бы ни было это трудно, — ответил игрок.

Вдова велела принести пояс и десять с лишним штук шёлка.

— Возьми этот пояс, — сказала она, — и отправляйся в императорский дворец, когда там будет правый министр. Пройди в Императорский архив[190] и скажи, что хочешь продать этот пояс. Цену назначь полторы тысячи связок по тысяче медяков[191]. Если тебя начнут расспрашивать, откуда у тебя такая вещь, никому ничего не отвечай, только правому министру скажи так: «Это всё сделал Тадакосо, я тут ни при чём. Я взял пояс, чтобы найти покупателя, но желающих приобрести его нет, вот я и принёс сюда».

Игрок склонил голову, но к подаркам не прикасался. Тогда, потирая руки[192], госпожа стала предлагать пятьдесят с лишним штук шёлка.

— Это очень мало, но от чистого сердца. Потом я тебе дам ещё, — уговаривала она его.

Наконец игрок согласился и ушёл, думая про себя: «Дело-то плёвое!»

Бездельник отправился в императорский дворец, когда там находился правый министр и много других вельмож и принцев. Тадакосо тоже был возле императора. Игрок прошёл в Императорский архив и сказан

хранителю личных вещей императора, что принёс кое-что на продажу. Архивариусом в то время был Аривара Сигэиэ, пользовавшийся всеобщим доверием.

— Откуда у вас такая редкость? — воскликнул он в крайнем изумлении. — Много я перевидал прекрасных вещей, но такой мне видеть не приходилось. Пояс очень похож на тот, который на дворцовом пиру был на правом министре. Неужели это он и есть?

К ним подошёл помощник военачальникалевой дворцовой стражи и сказал:

— Ну-ка, ну-ка! Когда государь увидел это сокровище, он попросил министра: «Дай-ка мне его», но тот отказался, ответив, что его семья владеет этой вещью уже в течение нескольких поколений, а потом добавил, что если у него, Тикагэ, не будет детей, то он преподнесёт его государю. А теперь эта редкость должна перейти к Тадакосо.

— Так или иначе, я покажу пояс государю, — решил Сигэиэ и, поднеся его императору, доложил, что вещь продаётся.

— Да ведь это собственность министра Тикагэ! — удивился император. — Как же мне на него не гневаться! Когда-то я попросил у него подарить мне этот пояс, и он ответил, что отдаст мне его в том случае, если у него не будет детей. Так он берёт его для продажи, что ли? Странно!

Он велел позвать министра к себе.

— Что же ты продаёшь то, чем так дорожил когда-то? — спросил он со смехом.

Министр был ошеломлён и пустился в объяснения, что, мол, этот пояс был украден в двенадцатый день второго месяца из дома покойного министра Тадацунэ, и чтобы его отыскать, он дал множество обетов богам и буддам. Взяв находку, Тикагэ отправился в караульнуюлевой дворцовой стражи и стал допрашивать игрока, а тот, после настойчивых расспросов и угроз, рассказал всё так, как научила его вдова. Когда министр это услышал, ум его помутился. Он ничего не мог понять. «Нет, этого не может быть», — твердил про себя Тикагэ, но в то же время думал, что никто, кроме Тадакосо, сделать этого не мог, и тогда говорить было не о чём. «Не надо больше об этом расспрашивать», — решил министр и, велев, чтобы игрока больше не задерживали, ушёл из дворца. Тикагэ позвал бездельника к себе в дом.

— Никто не уверит меня в том, что ты сказал правду, хоть бы вся вселенная перевернулась вверх дном. Но сейчас на сердце у меня страшная тяжесть, и я не в силах доискаться истины. Смотри лее, никому не рассказывай об этом, — сказал он и, вручив игроку тридцать с лишним

штук шёлка, отпустил его.

Продолжая думать о происшествии, министр только повторял про себя: «Этого не может быть».

Однако исчезновение пояса было столь необъяснимо, что Тикагэ снова и снова возвращался к этому делу мыслями. Он словом не обмолвился Тадакосо о том, что рассказал ему игрок, и не сообщил вдове, что пропажа нашлась.

Когда вдова убедилась, что из её затеи ничего не вышло, она стала придумывать новые козни. У её покойного мужа был племянник по имени Сукэмуноэ, служивший младшим военачальником Личной императорской охраны. Человек он был непутёвый. Незадолго до того он проиграл всю свою одежду и сидел дома, не зная, в чём ему показаться на службе. Госпожа из северных покоев вызвала его к себе.

— Раньше я относилась к тебе по-родственному и доверяла. Но после смерти мужа я от тебя никакого сочувствия не видела, да уж что тут поделаешь! А я женщина, близких у меня никого нет, и в иных случаях я лишь на тебя одного могла бы положиться, — начала она разговор.

— Очень этим тронут, — ответил Сукэмуноэ, — последнее время я был занят на службе во дворце, а кроме того, не получая от вас приглашения, не решался приходить сюда, как приходил раньше.

— Забудем прошлое. Я не буду держать обиду на тебя. Итак, ты служишь в императорском дворце?

— Да вот что произошло недавно у меня на службе. Стражники как-то не уследили, и к нам забрались воры. Взяли пару моих костюмов, которые там находились, похитили всё, даже мелочи. Справить себе одежду сразу я не в состоянии, вот и не могу появиться во дворце, хотя за мной уже несколько раз посылали.

— Какая досада! — посочувствовала хозяйка. — Что же ты не обратился ко мне? Разве я не делала для тебя того, что было в моих силах? Я сейчас же прикажу сшить костюм, ты только не обижайся, если он будет не очень хорош.

— Как вы меня обрадовали! — рассыпался в благодарностях Сукэмуноэ. — А я-то думал, что теперь положение ваше не такое блестящее, как было раньше. Если вы и сейчас так же богаты, как когда-то, почему вы не живёте в прежней роскоши?

— Я совсем не так богата, как тебе кажется, — возразила госпожа. — У меня есть одно дельце, о котором я бы хотела с тобой посоветоваться. Для этого я и позвала тебя к себе. Мне не хочется говорить об этом с посторонними...

— Разве я могу вам отказать? — заверил её Сукэмуноэ.

— Ну и прекрасно! Я хочу посоветоваться с тобой вот о чём. Я уже давно решила, что я стара и что мне о новом замужестве думать не следует. Но тут один вельможа — наверное, грустно ему было жить одному — стал иногда у меня появляться. Из-за этого все несчастья и начались! У сына его, Тадакосо, — уж с чего, ума не приложу — появились постыдные мысли, и он стал и днём, и ночью ко мне приходить и вести странные речи. Я всё делала вид, что ничего не понимаю, и это привело его в бешенство. «Вы не обращаете на меня внимания, потому что вас посещает мой отец. Не было бы его, что бы вас сдерживало? В любовной страсти не признают ни отцов, ни детей! Донесу-ка я, что отец хочет свергнуть нашего государя, его вышлют, тогда вам не надо будет ни укорять себя, ни сдерживать!» — вот что он задумал. Как я от этого страдаю! Я хочу открыть всё вельможе, но ведь с давних пор говорят, что мачеха несправедлива к пасынку. Я боюсь, что отец его меня неправильно поймёт, потому и молчу. А не рассказал бы ли ты ему, что Тадакосо хочет оклеветать его перед государем?

— Мне это сделать нетрудно, — ответил Сукэмуноэ. — Подумать только, что такой негодяй осыпан беспредельными милостями! Мне казалось, что это человек безупречный. Государь уверен, что с Тадакосо никто сравниться не может, и во всём прислушивается к его мнению. У вас есть все основания беспокоиться за судьбу отца. Когда Тадакосо во дворце, он не отходит от государя, ведёт себя как государев любимчик. Придворные дамы, живущие в задних покоях, приглашают его к себе и ни в чём ему не отказывают. И даже высочайшая наложница, проживающая в Павильоне сливы, Умэцубо[193], не имеет от него никаких секретов. Страшно становится, когда видишь это. Умэцубо пользуется сейчас полной благосклонностью государя. Боюсь я, что даже узнав, каков на самом деле Тадакосо, она его от себя не удалит.

Когда госпожа из северных покоев услышала, что придворные дамы благоволят к Тадакосо, сердце её загорелось ревностью.

— Скажи министру, — зашептала она, — что недавно ты слышал, как Тадакосо говорил государю: «Мне не следовало бы доносить на отца, но когда речь идёт о государственном преступлении, я и жизнь свою отдам за государя, поэтому я и решил открыть всё вашему величеству. Отец мой, министр, тайно навещает императрицу, но этого ему мало, и он замыслил убить ваше величество. Узнав о том, я стал убеждать его оставить подобные мысли, однако намерение это у него укоренилось глубоко в сердце, и моим уговорам он не внял. Поэтому я вам тайно всё и

докладываю». А император на это как будто воскликнул: «Что за негодяй! По-видимому, дело так и обстоит, как ты говоришь. Чем же он недоволен, что замыслил преступление против трона? Я сразу назначил его министром, на пост, который обычно получают в конце долгой службы. За такие намерения надо его сослать на остров Идзу». И скажи министру, что никто, кроме тебя, этого разговора не слышал.

— Хорошо, это очень просто сделать. Я ему всё это преподнесу очень умело, — уверил госпожу Сукэмунэ.

Госпожа из северных покоев приготовила для него парадную одежду и послала великолепное платье его жене. Сукэмунэ принял подарки и, не ведая, какие несчастья в будущих перерождениях он на себя навлекает, отправился в усадьбу Тикагэ.

— Я хотел бы поговорить с министром по безотлагательному делу, — сказал он слугам.

Министр принял его.

— Несколько дней тому назад я узнал, что против вас затевается вот что... — рассказал Сукэмунэ. — Известно ли вам об этом? Донос вашего любимого сына императору должен иметь для вас страшные последствия. Услышав их разговор случайно, я ужаснулся и решил всё рассказать вам.

Министр был так ошеломлён, что у него отнялся язык. «Странно, — думал он, — не может Тадакосо клеветать на меня императору». Однако он был охвачен страхом и не мог отделаться от мысли: «Разве пришёл бы этот человек ко мне с такими вестями, если бы ничего подобного не было?»

Наконец он произнёс:

— Что за нелепую историю вы мне рассказали! Пусть войдут сюда воины с намерением убить меня, я всё равно не поверю, что Тадакосо взял на душу такой грех. Я страстно любил мою покойную жену, — должно быть, мы были связаны глубокими клятвами ещё в предыдущих рождениях. Когда она так жестоко покинула меня, я хотел последовать за ней, но вопреки моему желанию остался жить. И сейчас я днём и ночью думаю о ней и люблю её по-прежнему. В свой последний час она сказала мне: «Будь опорой нашему сыну вместо меня. И если случится так, что он совершит какой-либо проступок, не наказывай его». Второго такого, как Тадакосо, нет на свете. Как же мне не любить его? Тем более, что я всё время помню её слова, сказанные перед смертью. Пусть захочет он перевернуть вверх дном вселенную, я не буду ему возражать, лишь бы он был доволен. И если из-за его наговора мне суждено погибнуть, я, который хотел умереть вместе с женой, наконец-то смогу отправиться за ней. Моё самое заветное желание — это увидеться с нею ещё раз в мире Будды,

поэтому всей душой я стремлюсь умереть как можно скорее. Однако то, что вы рассказали, очень странно. Я чрезвычайно благодарен вам за визит.

Сукэмунэ возвратился ни с чем. Вдове же он сказал так:

— Как только я всё выложил министру, он закричал: «Я сейчас же его убью! Я сейчас же доложу государю, и Тадакосо казнят!»

Она при этих словах возликовала.

Тикагэ же проводил все дни в муках, всё время думая: «Что за ужасную историю рассказал мне этот человек!»

В один из этих дней Тадакосо обратился к императору:

— Я уже долго остаюсь во дворце, а отец мой столь лее долго во дворце не показывался. Я очень тоскую и хотел бы пойти домой.

Император не хотел его отпускать, но Тадакосо просил снова и снова и наконец получил разрешение отлучиться.

Министр приказал принести кушанья для сына и спросил, почему так долго тот не приходил домой.

— Государь не давал мне разрешения, — ответил Тадакосо. — А вы, батюшка, почему так долго не появлялись во дворце? Когда вы во дворце, я чувствую поддержку и служить мне легко. А когда вас там нет, мне всё чуждо и безрадостно. Вот почему я выпросил разрешение прийти домой, хотя государь не хотел, чтобы я уходил.

При этих словах слёзы хлынули у министра из глаз.

— Ах, вот почему ты вспомнил обо мне! — воскликнул он. — Я тоже, когда тебя не вижу, очень тоскую. Помня о предсмертных словах твоей матери, я ни разу за всю твою жизнь не упрекнул тебя за что бы то ни было... Но мне рассказали, что ты меня больше не любишь, и отныне я вряд ли смогу помогать тебе так, как помогал раньше.

— О чём вы говорите? Что произошло? — воскликнул юноша. Он горько заплакал и вышел из комнаты.

Тадакосо пошёл к себе и лёг в постель. «До сих пор отец всё время говорил мне: „Если даже ты перевернёшь вверх дном всю вселенную или прикажешь воинам расправиться со мной, я порицать тебя не стану“. Я никогда не совершал ни одного проступка по отношению к нему, и до сих пор он ни разу не упрекнул меня. О каком же тяжёлом преступлении услышал он сейчас, что так сурово говорит со мной?» — думал он, сгорая то от страха, то от обиды.

Министр, не видя его, подумал, что он возвратился в императорский дворец. Во дворце же решили, что он остался дома.

Тадакосо не выходил из своей комнаты. «Больше мне нельзя показываться отцу на глаза. Что, если удалиться от мира в горы? Когда я не

вижу отца хоть некоторое время, я тоскую... Но если он не простит меня, как же я смогу служить во дворце, не имея никакой поддержки?» — размышлял он.

Так прошло четыре дня. На пятый день рано утром у ворот усадьбы министра остановился один подвижник. Он принял постриг на горе Курама[194], когда был ещё молод, а теперь уже начал седеть. Ходил он в сопровождении трёх своих последователей и пяти подростков, которые в будущем хотели принять монашество. Еда у них вся вышла. Монах остановился у дома Тикагэ и начал читать заклинания тысячерукому Каннон[195]. Услышав его, Тадакосо поднялся с постели и выбежал к воротам. Он сразу увидел, что это не заурядный монах. Юноша пал перед ним ниц. «Почему он так почитает этого подвижника?» — забеспокоились в доме слуги, и многие из них, имевшие пятый и шестой ранги, вышли на улицу и преклонили колени перед монахом. Взглянув на Тадакосо, подвижник понял, что это знатный человек, и решил, что он, должно быть, сын хозяина дома.

— Где вы изволите жить, святой отец? — спросил Тадакосо.

— С молодых лет я живу в монастыре на горе Курама, — ответил монах. — В прошлом году исполнилось тридцать лет, как я принял постриг. В седьмом месяце прошлого года я покинул обитель, стал нищенствующим монахом. Вот уже три дня, как у нас кончились запасы, мои ученики жалуются, что падают от голода и усталости. Я же уже давно ничего не ем.

— Подождите меня здесь немного. — С этими словами Тадакосо вернулся в дом, взял одно зимнее платье, сложил его в маленький узелок и вышел к монаху.

— Никому другому я не отдал бы эту одежду, — сказал он, передавая узелок подвижнику. — Дайте это кому-нибудь из ваших учеников.

Пока ученик ходил менять одежду на еду, Тадакосо завязал с подвижником разговор.

— С малых лет стремился я вступить на путь служения Будде, — начал он, — служить при дворе я не хочу, живу в праздности в доме моего отца, но душа беспокойна. Как я завидую тем, кто предаётся умерщвлению плоти и уединяется от мира! Я хотел у нашего государя просить разрешения уйти в монастырь, но мне такого разрешения не получить. Я недостойн, конечно, сопровождать знаменитого учителя, но не примете ли вы меня в свои ученики?

— Понимаете ли вы, о чём просите? — ответил на это подвижник. — Те, кто уходит в монастырь, порывают все связи с миром и всё равно что

умирают. Сможете ли вы перенести трудности монастырской жизни?

— Почему вы отговариваете меня? — воскликнул Тадакосо. — Разве тот, кто стал на путь служения Будде, не должен помогать другим в подобных стремлениях? А если он пытается удержать кого-нибудь, не криводушие ли это?

— Вы до сих пор жили, не зная забот, и я подумал, что вы не сможете выдержать нашу жизнь: питаться травой, листьями деревьев, корнями багряника, спать на мху, на подстилке из древесной коры...

— Беззаботная жизнь не длится вечно, — возразил юноша, — и лучше страдать сейчас, чтобы потом вкушать блаженство.

— Коли так, будь по-вашему, — сказал подвижник, — это поистине благое решение.

— Прошу вас, подождите меня где-нибудь поблизости отсюда, — попросил Тадакосо.

Он вернулся домой с мыслью: «Как бы не догадались о моём замысле слуги, которые видели нас вместе!»

Собираясь удалиться от мира, Тадакосо испытывал сожаление, что отныне он даже письма не сможет больше послать госпоже Умэцубо, а кроме того, что никогда больше не будет играть на кото «оримэ-фу», на котором он так часто играл последнее время. Но страшнее всего для него была мысль о разлуке с отцом. Министра дома не было, слуги тоже куда-то разошлись. Тадакосо сел за кото и долго играл на нём.

«Когда музыкант
Отойдёт в мир иной,
Кто эти звуки повторит?
Исчезает цикада,
Оставив пустую скорлупку...»[196] —

плача, написал он стихотворение и прикрепил к инструменту. «Из-за болезни я долго не показывался во дворце. Тоскливо стало у меня на душе, когда я подумал: а что, если не будет мне исцеления и не смогу я никогда больше прийти во дворец?

Заводь глубока
На реке, что поднялась
От горючих слёз моих.
Столь же глубоки
Мысли, что стремятся к Вам.

Благодарю Вас за Вашу доброту ко мне», — написав так, Тадакосо послал мальчика, прислуживавшего ему, отнести письмо высочайшей наложнице Умэцубо.

Прочитав это послание, госпожа удивилась: «Что у него на душе?»

«Вы не появляетесь во дворце из-за болезни. Почему на Вас напала тоска? Приходите скорее во дворец! Кстати, что вы хотели сказать, написав о заводи? Ведь говорят: не знаю, куда идти, но...[197]

Слёз неподвижна река,

Но по дну

Бурный несётся поток.

Как знать, в месте каком

Водопадом низвергнется он?» —

написана она в ответ.

Когда наступил вечер, Тадакосо с подвижником покинули столицу. На горе Курама ему сразу обрили голову, и он принял монашеский обет. Так он стал бедным монахом. От подвижника, с которым он пришёл в монастырь, он узнал учение. Подвижник был человеком выдающейся мудрости, до конца постигшим путь учения, а Тадакосо был учеником способным и скоро овладел обширными знаниями.

* * *

Долгое время никто не догадывался о том, что произошло. Император полагал, что Тадакосо остался у себя дома, а отец — что он несёт службу во дворце. По прошествии двадцати дней император послан к министру слугу из Императорского архива узнать, что с Тадакосо.

— Разве он не во дворце? — встревожился Тикагэ. — Он ненадолго приходил домой, но сейчас его нет. Было это уже давно.

— Тадакосо не появляется во дворце уже много дней, — сказал слуга. — Некоторое время назад он просил позволения пойти домой, в чём ему сначала было отказано, но потом он всё-таки добился разрешения. С тех пор никто его не видел. Поэтому господин главный архивариус велел мне срочно пойти к вам и узнать, в чём дело.

— Когда он приходил сюда, — вспомнил отец, — он рассказывал, как трудно ему было получить разрешение. Я думал, что он уже давно вернулся в императорский дворец. Невероятно, что его нет там. Надо немедленно начать поиски.

Он разделил слуг на группы, и они, сотворив молитву, отправились искать Тадакосо, но тщетно. Император тоже распорядился послать людей на поиски, но и они не нашли никого, кто бы знал хоть что-нибудь о пропавшем. Император вызвал министра во дворец.

«Это по поводу того наговора на меня», — решил Тикагэ. Он не был ни в чём виноват, но боялся идти к императору и остался дома. Однако нарочные приходили вновь и вновь, и он вынужден был подчиниться.

— Давно тебя не было видно, — встретил его император. — Почему Тадакосо не появляется во дворце? Когда ты его видел в последний раз?

— Вот уже двадцать дней, как он исчез, — ответил Тикагэ.

— И здесь он не показывайся столько же времени. Тадакосо просил меня об отпуске, но как раз в то время во дворце совсем не было прислуживающих юношей, и я распорядился, чтобы он пока из дворца не уходил. Он, видно, очень мучился. «Разрешите мне проведать отца», — твердил он. Поняв, что его не удержать, я разрешил ему покинуть службу, но с условием, что он сразу же возвратится. С тех пор я его не видел. Его искали повсюду, но безуспешно.

— Я тоже повсюду искал его, — ответил Тикагэ, не в силах сдержать горьких слёз, — но нигде не нашёл. Его, наверное, уже нет в этом мире. Если бы он был жив, разве его могли бы не найти?

— Не сказал ли ты ему что-нибудь, что могло его расстроить? — высказал предположение император. — Я ни в чём его не упрекал. А ведь должна быть причина, заставившая его скрыться... На службе за ним не числится никаких оплошностей, и вряд ли кто-нибудь мог желать ему зла. Но без оснований из дома не уходят. Может быть, он скрылся оттого, что ты слишком строго наказал его?

— Я ни в чём не укорял его, — ответил Тикагэ. — У меня не было серьёзных оснований для порицания. За что бы я стал его бранить?.. Только вот как-то раз пришёл ко мне некто и рассказал о неблагоприятном поступке сына. Мне стало очень не по себе, но я ни о чём не расспрашивал Тадакосо и о посещении этого человека ему не рассказал. Я сказал только одно: «Твои поступки предосудительны, поэтому отныне я вряд ли смогу заботиться о тебе».

— Вот поэтому-то он и впал в отчаяние, — решил император. — До сих пор ты ему ни малейшего неудовольствия не выказывал, всегда любил его и вдруг говоришь, что не можешь простить ему вину. Естественно, что он пришёл в отчаяние. А что тебе рассказали о нём?

— Что Тадакосо вроде бы доложил вам, будто я питаю против вас злые намерения.

— Никогда такого не было! — воскликнул император. — Тадакосо никогда ничего подобного ни о ком не говорил, а уж тем более — о своём родном отце! Кто бы, зная характер твоего сына, мог поверить такой клевете? Совершенно ясно, что ты был кем-то обманут... Неприятно касаться этого предмета, но всем давно известно, что вдова левого министра всегда была очень зла. Наверное, наговор идёт оттуда.

Тикагэ ничего не мог ответить на это. Плача, покинул он

императорский дворец, а дома погрузился в глубокое раздумье. «Эти ужасные вещи, начиная с пропажи пояса, подстроила вдова левого министра. О, если бы я следовал словам моей покойной жены, сказанным на смертном одре, я не потерял бы своего сына! Но я связался с этой бесстыдницей, и меня постигло такое горе. Недаром столько рассказывают от коварстве мачехи!» — стenal он.

Министр забросил службу. Он стал проводить время в соблюдении постов, в умерщвлении плоти — и всё для того, чтобы вновь увидеть Тадакосо. Тикагэ не мог спокойно слышать даже упоминания о Первом проспекте.

Госпожа из северных покоев меж тем мучилась, что Тикагэ к ней не приходит. Она возносила к небу горячие молитвы, собирала у себя гадалщиков, познавших науку Тёмного и Светлого начал[198], и чародеев, устраивала различные заклинания, но всё было зря. Она убивалась так же горько, как убивался Тикагэ о пропавшем сыне. Вдова достала письма, которые министр писал ей в те времена, когда навещал её, но при взгляде на них ей стало ещё горше. Она уложила их в шкатулку из аквилярии и отправила министру, приложив печальное послание:

«Хотелось мне сохранить эти письма как память о Вас, но думаю, что не сегодня-завтра прервётся моя жизнь, и я решила, пока жива, возвратить их Вам. В нашем мире глубоких чувств больше не встретить...

Письма старые открыв,
Думала, увижу вновь
Половодье реки.
Высохла река,
Предо мной лишь мелкий брод.
Мне нечего больше Вам сказать».

Прочитав это послание, Тикагэ подумал: «Что за жестокая душа! Пусть она и зла, но как осмеливается столь бесстыдно укорять меня? О, если бы я мог отомстить за то горе, что она причинила мне и Тадакосо!» Но он был человеком сердобольным, и поэтому ответил ей так:

«Из-за несчастий, что постигли меня в последнее время, я донельзя страдаю, никого не вижу и даже не хожу в императорский дворец. Поэтому я не показывался у Вас. Мне тоже кажется, что до завтрашнего дня я не доживу, а поскольку теперь уже нет никого, кто бы позаботился о моих делах, и я Вам возвращаю все письма. Что же до многочисленных отмелей,

Думал когда-то,
Что мелкую речку
Вброд смогу перейти.

Но ныне в омут глубокий
Я с головой погрузился»[199].

Он сложил в две ажурные серебряные шкатулки все её письма, начиная с первого, которое она прислала, привязав его к тростнику, и отослал ей. Отчаянию госпожи из северных покоев не было границ.

Проходили дни и месяцы. Министр всё тосковал и ни в чём не находил утешения. «Надо мне уйти в горы и жить отшельником, — подумал он. — Горько мне оставаться в этом мире!»

«В бухте Таго на песок
Набегают белая волна.
Нет спасенья от тоски
Рыбаку. Ведь сын его
В море навсегда исчез», [200] —
написал он стихотворение.

Второй военачальник Левой личной императорской охраны сложил так:

— Не напрасно назвали берег,
Где белые волны встают беспрерывно,
Бухтой Таго...
Ведь это всё, что осталось
На память о сыне.
Помощник военачальника Левой дворцовой стражи сложил так:
— Страна Суруга далеко,
Там бухта Таго...
Но и здесь к берегу льнут
Белые волны, как будто
Помнят они о милом ребёнке.

* * *

Госпожа с Первого проспекта, стеная не меньше министра, всё это время ожидала: «Может быть, он придёт сегодня? Может быть, сегодня?» Но Тикагэ не приходил.

Однажды вдова, раскидав подушки, легла прямо на пол. Глядя на колышущиеся цветы мисканта, которые как будто манили её к себе, она пробормотала:

— Мне, ждать уставшей,
Вдруг показалось,
Что ты поманил меня рукавом.
Но нет — то ветер холодный
Колышет мисканта цветы.

Чувствуя, как пронизывает её холод, она написала министру письмо:
«Не хотела я больше писать Вам, но ведь говорят: „Бессердечный человек меня больше не навещает”[201], — поэтому не могу удержаться. Какую этот ветер наводит тоску!

Гложет скорбь сердце.
Помню, как осенний ветер
Изредка моё жилище посещал.
А сейчас ужасным ураганом
Он вдаль несётся»[202].

Тикагэ ответил ей так:

««...» и в сердце, которое ни о чём не помнит.
Когда бы с осени приходом
Листья деревьев не теряли
Своей красоты,
Тогда бы ветерок капризный
Не покидал цветов.[203]
Живите с миром!»

— Что за бесчувственное сердце! — зарыдала вдова. — Горе мне! Похоже, он бросил меня совсем. Если он так решил то, сколько бы я о нём ни думала, всё напрасно.

«От белой росы
Никнет хаги осенний цветок.
О, сколь ни пылай,
Прекрасный багряник, любовью к нему,
Ответа не будет тебе.[204]

«В течение семи лет министр навещал вдову, и чтобы его ублажать, она каждый день без счету тратила деньги. За эти годы они все вышли, и вдова совершенно разорилась. Слуги её нашли себе места у других господ, некоторые из окружавших её дам вышли замуж. Осталась одна служанка, по имени Ёмоги[205], которую раньше вдова считала неотёсанной, не знающей этикета. «Как же я её оставляю? — думала Ёмоги, — если и я уйду, кто же будет ей прислуживать?»

От прежнего богатства уже ничего не осталось, кроме кото, которое когда-то Тосикагэ преподнёс её покойному мужу. Вдова и его продала генералу Личной императорской охраны Минамото Масаёри за десять тысяч коку риса[206], но и этот рис кончился.

Тикагэ соблюдал посты, предавался аскезе. Он построил дом в уединённом месте в горах и подолгу жил в нём. Из дома видна была гора Хиэй, селения Сакамото и Оно, поблизости протекала река Отова, рядом

слышался однообразный шум водопада. Даже беспечному человеку здесь стало бы грустно. В этом доме и жил Тикагэ, изнывая душой. «Вряд ли я останусь долго в этом мире, — подумал он как-то. — Надо сделать необходимые распоряжения».

Прежде всего в поминание своей жены он велел переписать все сутры, начал строить пагоду с изображением Бодхисаттвы несметных сокровищ[207] и заказал поминальные службы по себе, которые должны были служить после его смерти, и по Тадакосо. «Если он ещё жив, — подумал отец, — это избавит его от страданий. Если среди людей его уже нет, это укажет ему дорогу в другом мире».

Все вещи Тадакосо он решил отдать монахам в уплату за чтение сутр. Тогда-то и обнаружил он письмо, которое сын его написал перед уходом в горы и положил на кото. Тикагэ был потрясён, грудь его сдавила страшная тоска.

Как-то, присутствуя на чтении сутр, Тикагэ подумал: «Тадакосо очень любил это кото и всегда играл на нём. Видеть его я не хочу!» — и велел сделать из этого инструмента статую Будды. Но ни десять тысяч воинов, ни известные силачи не могли разрубить кото, на нём не осталось даже царапины, как не остаётся на металле следов от росы. И когда люди старались над ним, выбиваясь из сил, в небе неожиданно грянул гром, хлынул дождь, кото поднялось само по себе и исчезло в небесах.

Тикагэ продолжал заказывать службы в монастырях и всё надеялся на возвращение сына.

Через некоторое время от тоски по Тадакосо он скончался.

Глава III ГОСПОДИН ФУДЗИВАРА

Давным-давно[208] жил принц, которому император дал фамилию Минамото. Прозвание его было Фудзивара[209]. Ещё ребёнком он был известен всем в столице; он превосходил окружающих внешней привлекательностью, быстротой понимания, благородством души и разнообразными талантами. Мальчик с лёгкостью овладевал науками и музыкой. Глядя на него, все в один голос говорили: «Что за умный ребёнок! Если бы он был императором и управлял страной, как расцвела бы Поднебесная!»

Вельможи и принцы мечтали выдать за него замуж своих дочерей. В тот же вечер, когда надели на него головной убор взрослых и получил он взрослое имя Масаёри, первый министр женил его на своей единственной дочери. Тесть чрезвычайно заботился о нём и поселил в своём доме. У царствующего же императора Судзаку была младшая сестра, первая дочь отрёкшегося от престола императора Сага[210] и императрицы, Отец её сказал императрице-матери: «Уже сейчас видно, что перед этим Минамото открывается блестящее будущее. Отдадим-ка ему в жёны нашу дочь». Так господин Фудзивара женился на принцессе.

На третью ночь, обмениваясь с новобрачным чашами[211], отрёкшийся от престола император напутствовал его:

— Женившись на моей дочери, ты не должен забывать Дочь первого министра. Относись к твоим жёнам одинаково, будь добрым к обеим.

На пиру сочиняли стихи.

Отрёкшийся от престола император сложил так:

— Две сосны

Рядом на скале растут.

Пусть густые ветви их

Дорастут, переплетясь,

До чертогов в небесах[212].

Масаёри, приняв чашу от императора, произнёс:

— На скале сегодня корень

Сосёнка пустила.

И уже дивятся люди

На тенистый лес,

Что вокруг неё шумит[213].

Правый министр Татибана Тикагэ[214] возгласил:

— На мох изумрудный,
Что растёт на вершине скалы,
Опустился журавль.
Пусть вечно живёт он,
Печали не зная![215]
Левый министр Минамото Тадацунэ[216] произнёс:
— Ещё вчера птенец,
Сегодня на скалу
Взмывает журавлиха,
Чтоб долгие века
Там с милым мужем жить.
Второй советник министра Юкитада сложил так:
— Пусть будет гнездо
Среди тростника
Прочно, как эта скала.
Сегодня туда летит журавлиха,
Чтоб жить без печали тысячу лет[217].

На углу Третьего проспекта и проспекта Красной птицы, Судзаку[218] и, на территории в четыре те располагался дворец, который принадлежал императрице-матери. Как все владения императорского дома, он относился к Ведомству построек, и старшему ревизору Лево́й канцелярии было поручено перестроить эту усадьбу. Территорию разделили на четыре участка, на них были выстроены большие дома, крытые корой кипарисовика, коридоры, мостики-переходы между отдельными строениями, амбары и помещения, крытые тёсом. Дома на одном из участков были особенно красивы: здесь не было помещений, крытых тёсом, все были крыты корой кипарисовика. В эту усадьбу переехал жить Масаёри. Его первая жена, дочь министра, поселилась на одном из участков, а вторая жена, принцесса, — в самой красивой части.

У Масаёри было много детей. У его первой жены — четыре мальчика и пять девочек, а у второй — восемь мальчиков и девять девочек. Сначала шли дети второй жены: первая дочь, которую она родила, когда ей было пятнадцать лет, и сыновья — первый, второй, третий и четвёртый. Затем шли сыновья дочери министра: пятый, шестой. У второй жены родились седьмой и восьмой сыновья, у первой — девятый. Затем у второй жены родился десятый сын. Первая жена родила вторую, третью и четвёртую дочерей, а вторая — пятую, шестую, седьмую, восьмую, девятую и десятую. Затем дочь министра родила одиннадцатую и двенадцатую дочерей, а принцесса — тринадцатую и четырнадцатую. После этого обе

жены в один и тот же год родили сыновей. Так рождались у первой и второй дети, но ни тени соперничества не было между женщинами, отношение их друг к другу было самым сердечным.

Сыновья Масаэри получали чины и службу в различных ведомствах, дочери, достигнув возраста, когда начинали они носить платья взрослых женщин и делать взрослую причёску[219], выходили замуж и поступали на службу во дворец. Сам же Масаэри получил третий ранг и стал старшим советником министра и генералом Личной императорской охраны. Все его дети были очень красивы и благородны. О них говорили: «Это не обычные люди, это бодхисаттвы и будды, воплотившиеся в образе людей. Таких детей рожают небожительницы, спустившись на землю».

* * *

К началу нашего рассказа первому сыну, Тададзуми, который был уже старшим ревизоромлевой канцелярии, исполнилось тридцать лет. Второму сыну, помощнику военачальника Императорского эскорта Мородзуми, было двадцать девять лет. Оба были одновременно советниками сайсё. Третьему сыну, второму военачальнику Правой личной императорской охраны и главному архивариусу Сукэдзуми, было двадцать восемь лет. Четвёртому, помощнику военачальникалевой дворцовой стражи Цурадзуми, — двадцать семь лет. Пятый сын первой жены был помощником военачальникалевого императорского эскорта Акидзуми, которому было двадцать шесть лет, а шестой — помощником главы Военного ведомства Канэдзуми, двадцати пяти лет. Ровесником Канэдзуми был седьмой сын от второй жены, императорский сопровождающий Накадзуми. Восьмой сын, глава Ведомства двора императрицы-матери, Мотодзуми, был двадцати трёх лет от роду. Девятый, сын от первой жены, секретарь Палаты обрядов Киэдзуми, был двадцати трёх лет. Десятый, сын от второй жены, Еридзуми, двадцати лет от роду, был стражником Императорского эскорта и архивариусом. Одиннадцатому, сыну от первой жены, Тикадзуми, и двенадцатому, сыну от второй жены, Юкидзуми, было по шесть лет.

Старшая дочь Масаэри, рождённая второй его женой, была высочайшей наложницей царствующего ныне императора Судзаку и проживала во Дворце Человеколюбия и Долголетия, Дзидзюдэн. У неё было семь детей: четыре мальчика и три девочки. Ей был тридцать один год. Вторая дочь Масаэри, рождённая его первой женой, стала госпожой из северных покоев у младшего брата отрёкшегося от престола императора Сага, принца Накацукасаке[220]. Ей был двадцать один год. Третья дочь, от первой жены, была госпожой из северных покоев у Санэмаса, старшего

сына левого министра Минамото Суэакира, который был главным архивариусом и советником сайсё. Ей было девятнадцать лет. Четвёртая дочь была госпожой из северных покоев у второго военачальника Левой личной императорской охраны Минамото Санэёри, второго сына левого министра Суэакира, ей было восемнадцать лет. Пятая дочь, от второй жены, была госпожой из северных покоев у младшего брата императора Судзаку, Мимбукё[221], ей было восемнадцать лет. Шестая дочь была госпожой из северных покоев у правого министра Фудзивара Тадамаса, ей было шестнадцать лет. Седьмая дочь была госпожой из северных покоев у военачальника Дворцовой стражи Фудзивара Тадатоси, второго сына правого министра, ей было четырнадцать лет. Восьмая, Тигомия, тринадцати лет, была ещё не замужем. Девятая, Атэмия, была двенадцати лет от роду, и десятая, Имамия, одиннадцати. Одиннадцатой и двенадцатой, рождённым первой женой, было десять и девять лет. Тринадцатой, Содэмия, от второй жены, было восемь лет, а четырнадцатой, Кэсумия, семь. Их младшим братьям было по шесть лет.

Итак, у Масаёри было много сыновей и дочерей. Сыновьям, которые были уже женаты, он тем не менее не разрешал переезжать из своей усадьбы. «У меня большая семья, — говаривал он, — но пока я жив, оставайтесь все в моём доме. Если кто-нибудь уйдёт отсюда, он уже не будет моим ребёнком». Дочери от первой и второй жён жили отдельно друг от друга. Им были предоставлены дома в пять ма и длинный дом в одиннадцать ма[222]. В таких помещениях жили три дочери Масаёри, вторая, третья и четвёртая, рождённые первой женой, и четыре дочери от второй жены, пятая, шестая, седьмая и восьмая. Для всех незамужних дочерей тоже были построены павильоны. Младшие дочери, начиная с Атэмия, жили со своими матерями. К его жёнам и дочерям были приглашены юные служанки, делающие причёску унаи, которые были очень красивы и исполнительны, и прислужницы низших рангов. Западный дом был предназначен для старшей дочери Масаёри, высочайшей наложницы императора, а восточный — для четверых её сыновей. Масаёри со второй женой жили в северном доме. Для младших сыновей были устроены комнаты в помещениях между зданиями. Для комнат прислуживающих дам использовали помещения, прилегающие к коридорам. Для жены старшего сына, Тададзуми, был построен особый павильон недалеко от главного дома. Вся остальная территория была занята амбарами, конюшнями и помещениями для чиновников домашней управы[223].

Среди дочерей-красавиц Масаёри особенно хороша была Атэмия. В

год, когда ей исполнилось двенадцать лет, во втором месяце, на неё впервые надели взрослое платье, и она стала вести себя совсем как взрослая. Она была краше своих сестёр и имела благородное сердце. Она следила за модой, была очень рассудительна. Отец и мать холили её безмерно и проводили дни в мечтах о том, что с ней станет в будущем.

* * *

В Атэмия влюбился третий сын левого министра Сузакира, советник сайсё Санэтада, который был младшим братом главного архивариуса и советника сайсё Санэмаса и второго военачальника Личной императорской охраны Санэёри[224]. «Как же дать ей знать о себе?» — ломал он голову. Если бы отец девицы узнал о намерениях молодого человека, он вряд ли бы стал поощрять его; вступить же с Атэмией в тайную переписку казалось Санэтада недостойным. Он не знал, что предпринять, и подумывал, не просить ли о содействии третью дочь Масаёри, жену его старшего брата Санэмаса, но в конце концов решил открыться дочери кормилицы Атэмия. Это была девушка очень красивая и добрая, по прозванию Хёэ[225].

— Когда я буду в доме твоего господина, не известишь ли ты об этом Атэмия? — спросил её Санэтада.

— Если бы вы начали шутить о чём-нибудь другом, я, может быть, и стала бы вас слушать, но об этом вздоре я и знать ничего не желаю, — отрезала Хёэ.

— Не брани меня, я ведь люблю впервые в жизни, — стал уговаривать её Санэтада. — Я переполнен чувствами и ни с кем, кроме тебя, не могу поговорить.

— Честные ли у вас намерения? — спросила Хёэ. — Если нет, вам лучше вообще не заикаться об этом.

Советник показал девушке необычной формы гусиное яйцо и письмо:

«Страстно желает гусёнок

Всю свою жизнь

В яйце оставаться.

Так и я не в силах

Дом твой покинуть[226].

Только об этом все мои мысли».

— Передай это послание Атэмия, но так, чтобы никто другой не заметил. — С этими словами он вручил письмо и яйцо девушке.

— А вдруг госпожа подумает, что в таком яйце вас и произвели на свет... — рассмеялась Хёэ.

— Как ты можешь говорить подобные вещи? — вскричал молодой человек.

Девушка отнесла письмо Атэмия.

— Посмотрите-ка на гусёнка, который навсегда хочет остаться в яйце, — сказала она.

— Ничего, кроме страданий, это желание ему не принесёт, — ответила красавица.

* * *

В то время правым генералом Личной императорской охраны служил Фудзивара Канэмаса. Красавец тридцати лет, он обладал большими светскими связями и славился неисправимым женолобием. У него было несколько жён, девиц из хороших семей, которых он поселил в своей просторной усадьбе, устроив для каждой из них особый павильон. И вот Канэмаса стал подумывать о том, как бы ему в жёны взять Атэмия. С её отцом он был в прекрасных отношениях. Однако он решил ничего Масаёри на этот счёт не говорить, а передать письмо Атэмия через её брата, второго военачальника Личной императорской охраны Сукэдзуми, с которым Канэмаса вместе служил.

Как-то раз генерал завязал с Сукэдзуми задушевный разговор, пригласил к себе в дом и щедро угостил его. После этого Канэмаса приступил к делу:

— Хотел бы я просить вас кое о чём, но не знаю, как начать.

— Что за странные речи! — воскликнул тот. — Разве мы чужие, чтоб стесняться друг друга?

— Даже с вами мне неловко говорить об этом деле. Лучше бы мне не начинать этого разговора, но поскольку молчать я тоже не в силах, то хочу просить совета прежде всего у вас. В доме вашего отца многие мужчины нашли себе жильё. А что, если бы и я возымел такое желание?

— Бездомный человек, возможно, мог бы найти приют у нас. Но от вас мне странно слышать о таком желании.

— Ведь говорят же: «К чему нефритовая башня?»[227] — сказал Канэмаса. — Я впервые услышал об Атэмия, когда она была совсем девочкой, и не могу избавиться от мыслей о ней, хотя никому и не рассказываю, как я пылаю. Вспомните-ка, как вы сами страдали из-за молодых девиц, и вообразите мои терзания.

— Я раньше бывал так часто влюблён, что обо мне пошла слава как о повесе, и мне стало стыдно. Я давно всё забыл и не хочу слышать даже о чужих страстях. Сёстры мои не томятся в ожидании женихов, но относительно Атэмия родители говорят: «Пусть она пока живёт с нами». Наследник престола изволил выразить своё внимание к ней, но дело, кажется, так и не решено. Да уж ладно, напишите письмо, и я передам его

Атэмия.

— Я даже не знаю, как выразить вам свою благодарность, — сказал Канэмаса и написал:

«Разве могут слова
Выразить всё,
Что на сердце моём?
Пусть расскажет об этом рукав,
Красный от слёз кровавых».
Увидев это письмо, Сукэдзуми поддразнил генерала:
— Все рукава
Мокры от слёз,
Что ты каждый день проливаешь.
Хоть говоришь: «Люблю лишь одну», —
Кто же тебе поверит?

* * *

Двоюродный брат наследника престола, второй советник министра Тайра Масаакירה, был очень умён и знаменит как превосходный музыкант. Повеса он был известнейший: ни замужние женщины, ни принцессы, ни придворные дамы на могли не поддаться на его уговоры. И вот Масаакירה стал подумывать о том, как бы ему послать письмо Атэмия. Он был в дружеских отношениях со стражником Императорского эскорта Ёридзуми и однажды, рассказав о своей страсти, попросил его отнести письмо сестре. Может быть, он и раньше посылал красавице письма, а на этот раз он написал вот что:

«Без устали на берег набегает
Речная рябь, а птицы,
Не ведая об этом,
Ведут с другими разговоры:
„Не вымокли ли крылья?“[228]
Как только подумаю об этом, мучусь ревностью».

Ёридзуми, придя домой, отозвал в сторону Атэмия и вручил ей письмо.

Она прочитала его совершенно равнодушно и заметила:

— Какое неприятное письмо ты мне принёс!

— Совсем оно не неприятное, — возразил брат. — Это от советника Тайра.

— Он мне не нравится, этот Тайра! — С этими словами девица встала и удалилась, но Ёридзуми успел сунуть ей письмо за пазуху.

* * *

Советник Санэтада опять завёл разговор с Хёэ о том, как он любит Атэмия.

— Принеси от неё хоть какой-нибудь ответ, пусть даже будет он обманчив, как сон! — упрашивал он.

Срезав очень красивую ветку вишни, всю усыпанную цветами, он написал стихотворение:

«О, если бы узнала ты
О моей тоске!
Пусть расскажет о ней
Ветер, несущий
Этой вишни цветы», —
и вместе с веткой вручил Хёэ:
— Передай это твоей госпоже.

Девушка была в нерешительности:

— Уж очень я боюсь! Если выяснится, что я ношу такие письма, меня втопчут в грязь.

— Что же в моём письме может навлечь на тебя грозу? — удивился Санэтада. — Но если ты боишься, передай хотя бы Цветы. Как бы я ни любил твою госпожу, по цветам этого не видно. Ты можешь быть спокойна.

— Цветы, пожалуй, я отнесу, но за ответ не ручаюсь.

Девушка отнесла ветку Атэмия и приложила к ней такую записку:

«Украдкой цветы
Принёс эти ветер
И тут же умчатся.
И вот я гадаю:
Для кого эта ветка?»

— А не написать ли что-нибудь в ответ? — начала Хёэ.

— Конечно, напиши, но кто это ухаживает за тобой? — спросила Атэмия.

Увидев, что из её уловки ничего не вышло, девушка сама написала письмо и отправилась к молодому человеку

— Показав ветку госпоже, я сказала: «Посмотрите, что я получила». — Атэмия же от ответа уклонилась и только засмеялась. Вот это вам написала прислуживающая ей дама.

— Ах вот как! — опечалился Санэтада. — Думаю, что это ты сама написала. Такие письма не редкость, всё равно что падающий снег[229].

— Никогда больше не соглашусь на такие неприглядные дела. Атэмия даже в шутку не отвечает на легкомысленные послания, — предупредила

Хёэ.

— Прошу тебя передать твоей госпоже только одно письмо и добиться от неё хотя бы крошечного ответа. Никогда больше я не обращусь к тебе с подобной просьбой. Как хотел бы я! отдать ей душу, но она даже не подозревает, что я люблю её!

Придя домой, он взял серебряную курильницу хитори и поставил её в серебряную клетку, потом растолок ароматическое вещество из древесины аквилярии, просеял порошок через сито и смешал с золой. Когда молодой человек зажжёт порошок от огня своих сокровенных дум[230], из курильницы показался дым. Скатав так называемые чёрные благовония, Санэтада написал:

«Не хочешь ты знать,
Как я в одиночестве мучусь.
Пусть дым благовонный,
Что из курильницы льётся,
Об этом расскажет[231].

Скоро этот дым превратится в целое облако». Он надписал письмо: «Госпоже Хёэ». Девушка показала всё это Атэмия, и та воскликнула:

— Какая красота!

— А что, если ответить на это? Иногда ведь можно и отвечать на письма, — сказала Хёэ.

— Не знаю я, как писать подобные ответы, — ответила Атэмия, — теперь придётся учиться.

Когда Хёэ вышла из покоев, Санэтада бросился к ней:

— Ты никогда не научишься быть немного порасторопнее!

— Я показала госпоже ваше письмо и, как бы в шутку, посоветовала ответить, но она только засмеялась. После этого я уже рта не открывала, — рассказала служанка.

Дома Санэтада выбрал очень красивую лакированную шкатулку с росписью, положил в неё узорчатого шёлка, отнёс Хёэ и сказал:

— <...>

— Вы так считаете, но только я заговариваю о ваших намерениях с Атэмией, она сразу становится неприступной, переводит разговор на другое, всячески увиливает от ответа, поэтому я ей ничего такого говорить не стану, — ответила она.

— Почему же так? Разве не женаты на её сёстрах мои старшие братья, Санэмаса и Санэёри? Почему же она должна презирать меня? Не потому ли, что я позже них родился на свет? Разве можно знать, кого какое ждёт будущее?

— Дело не в том, что вы чем-то нехороши, <...> но кто знает, что думает о своём будущем Атэмия? Может быть, она так и не выйдет замуж? Подождите-ка лучше, — добавила девушка, — пока подрастут её младшие сёстры.

* * *

Второй военачальник Личной императорской охраны Сукэдзуми получил письмо от правого генерала Канэмаса:

«Хотелось мне навестить Вас, но всё это время не мог выйти из дому из-за неблагоприятных дней[232]. Сегодня я отправляюсь в паломничество в храм Касуга[233]. Сумели Вы передать письмо, о котором я просил? Всё это время я не могу понять, что со мной.

Отчего слёзы всё льются и льются

На мои рукава?

Касуга-полем

Путь свой держу

К Микаса-горе[234].

И сколько я к ней ни иду, но...»

С этим письмом военачальник Личной императорской охраны пришёл к Атэмия:

— Посмотри, что пишет генерал Канэмаса

— С какой стати мне читать письмо, присланное тебе? — возразила она и слушать брата не стала.

Тогда военачальник ответил Канэмаса сам:

«Извините, что не сразу ответил Вам. Я получил Ваше письмо, но особа, которой оно предназначалось, на него даже не взглянула и слушать о нём не стала.

Ветку сломав,

Горячо богам я молился.

Но сакаки священное дерево,

Что в Касуга-поле растёт,

Даже не дрогнуло[235].

Все усилия оказались напрасными».

* * *

Советник Санэтада прислал Атэмия в подарок очаровательный декоративный столик с рельефным изображением острова, по берегу которого ходят кулики[236]. К нему было приложено письмо:

«По узкой полосе прибрежной

Птиц стая ходит,

И на песке следы видны их.

Но будет ли ответ
На эти знаки?[237]

Я мучусь днём и ночью, ожидая письма от вас». Прочитав его, Атэмия начала укорять Хёэ:

— Опять по твоей милости я оказалась в ужасном положении. Что я могу ответить на это?

— Вы всегда делаете вид, что ничего не понимаете, — ответила девушка.

— Надо ответить ему так, как мы отвечаем всегда[238], — решила Атэмия и сложила:

«Куликов стоя
По берегу ходит,
Как на этом песке
Мне разглядеть следы
Птенца, что в яйце остаётся?»

— Перепиши и передай ему, — велела она Хёэ.

— Так я прослышу замечательной поэтессой, — сказала девушка, явившись к Санэтада. — Я сделала вид, что вы принесли письмо мне, и Атэмия вот что написала как бы от моего имени.

— Какое счастье! Если она велела передать мне эти слова, значит, она увидела знак моей любви! Какое блаженство! — ликовал молодой человек.

* * *

Пришло письмо и от советника Масаакира:

«С большим трудом мне удалось послать Вам письмо, но ответа на него нет. Невзирая на Ваше молчание, я вновь пишу Вам.

Высятся мощные горы,
Много в трясинах воды,
Как страданий в душе у меня.

Когда же удастся мне
Восемь рядов грозных скал преодолеть?[239]

Или Вы думаете, что это время никогда не настанет?» Атэмия ему ничего не ответила.

Пришло письмо от принца Хёбукё[240]:

«Мне прекрасно известно, что письма к Вам остаются без ответа, но это не может удержать меня от желания писать Вам. Знайте, что я не привык не получать ответа на мои письма».

— Вот ещё новости! Он, кажется, угрожает мне! — рассердилась Атэмия, прочитав письмо, и, конечно, ответа не написала.

Прислал письмо советник Санэтада:

«Прошу простить, что я слишком назойлив. Кажется мне, что скоро наступит время, когда я не смогу больше писать Вам.

Если б даже захотел
Оборвать течение дней,
Не могу я умереть.
Жить мне или нет —
Лишь тебе дано решить.

Милая моя, пока я Вас об этом не спрашиваю, но напишите мне что-нибудь, ничтожное, как росинка».

— Хоть на этот раз ответьте ему, — стала упрашивать Хёэ. — Сдаётся мне, что вам неизвестно, что такое сострадание. Умоляю вас, напишите ему письмо.

— Что обо мне станут говорить, если я начну отвечать на такие письма? — возразила красавица, однако написала:

«Сосны тысячи лет стоят
На скалах, покрытых мхом.
Когда проживёшь такую же долгую жизнь,
Сможешь узнать, какова
Жёлтых ручьёв вода»[241].

Санэтада, увидев эти строки, пришёл в необыкновенный восторг.

Пришло письмо от принца Хёбукё:

«О, как Вы жестоки! Ведь мы родственники, и Вы не должны меня чуждаться. Об обидах, что терплю от Вас, я расскажу самому императору.

Разве в рукавах моих
Я цикадам дал приют?
Почему её мотылёк
Дом, где стражду я один,
Облетает стороной?»[242]

Ничего на это не ответила Атэмия.

* * *

Как-то ночью, когда ярко светила луна, советник Санэтада подошёл к срединному дому, в котором жила Атэмия, и стал звать Хёэ:

— Выйди, пожалуйста, ко мне!

«Как красиво светит луна сегодня!» — подумал он и, подойдя к цветам, сложил:

— Что может утешить
В тоске соловья?
В тени благовонных деревьев
Он лишь слёзы

На пышные льёт цветы[243].

Молодой человек побрёл дальше и, подойдя к соснам, произнёс:

— Сможет ли своевольно сосна

Место себе обрести на скале?

Всё громче в вершине её

Шум ветра.

Разве можно его не слышать?

Все прислуживавшие Атэмия дамы, услышав эти стихи, прониклись к молодому человеку жалостью. Одна из них, по прозванию Моку, умудрённая жизнью, воскликнула:

— Какое бесчувственное сердце нужно иметь, чтобы при таких словах сидеть с отсутствующим видом! — и обратилась к сёстрам Атэмия: — Ответьте хоть вы ему.

Тигомия, восьмая дочь Масаёри, заиграла на стоящей перед ней цитре и произнесла:

— Слышатся звуки цитры...

Но их не сравнить

С голосом вашим глубоким.

Громко волны шумят,

Что встают выше Суэномацу[244].

Санэтада ответил на это:

— Выше морского прилива

Стала река, что слёзы мои наполняют.

Голос мой, вечно стеная,

Будет звучать,

Как немолчно шумит водопад.

* * *

Однажды вечером лил дождь. Вода покрыла остров в пруду перед домом. Жалобно кричали птицы нио[245].

В покоях Атэмия находился императорский сопровождающий Накадзуми. Слушая крики птиц, он произнёс:

— Не сдержать птицам нио тоски.

Так высоко от слёз их

Стала в пруду вода,

Что водоросли-жемчуга

Глубоко на дне утонули[246].

— Разве тебе не жаль их? — обратился он к Атэмия.

Она так смутилась, что ничего не ответила.

Накадзуми был превосходным музыкантом. Многие без околечностей

предлагали ему своих дочерей в жёны, но он пропускал подобные разговоры мимо ушей. Он пылал любовью к Атэмия, которая была рождена той же матерью, что и он[247], поэтому надеяться на ответные чувства Накадзуми не мог. Юноша учил сестру игре на кото и под этим предлогом проводил в её покоях всё время.

* * *

Среди сыновей императора был один, которого все звали господином Камуцукэ[248]. Он был уже в годах. Это был человек криводушный. Видя, что вельможи и принцы хотят жениться на дочерях Масаёри, он подумал: «Вот и мне нужно так сделать!» Он выгнал из дому свою жену, рассудив: «Если Масаёри, в дом которого я собираюсь войти, узнает, что у меня есть, жена, он не согласится отдать мне свою дочь». Камуцукэ ждал своего часа, а подрастающие дочери Масаёри выходили замуж за других. Принца это не обескураживало. «Это ничего. Рано или поздно я всё равно стану его зятем», — думал он.

У Масаёри подросла восьмая дочь, и принц надеялся, что вот она-то обязательно станет его женой, но вдруг узнал, что её: отдали в жёны военачальнику Лево́й дворцовой стражи. Камуцукэ этому удивился: «Странно! Кажется, что генерал вовсе не думает обо мне».

Камуцукэ много раз посылал письма дочерям Масаёри, но те только смеялись над ним и за глаза поносили его, ответа он никогда не получал. «У него подросла уже девятая. Скажем, что её-то мы больше всего и желаем», — решил принц и написал Атэмия письмо. Но оно произвело на девицу неприятное впечатление, и она на него не ответила.

Тогда принц стал приглашать к себе со всех концов гадальщиков, познавших науку Тёмного и Светлого начал, шаманок, игроков в кости, болтающихся без дела подростков, стариков и старух и у каждого из них просил совета: «Я долго искал себе жену во всех шестидесяти провинциях нашей страны, в Танском государстве, в Силла, в Когурё[249], даже в Индии, но никак не мог найти. Я надеялся, что найду себе пару среди дочерей Минамото Масаёри, которых у него более десяти. Старшая из них въехала во дворец императора, ещё семь так или иначе устроены. А вот о девятой, которая ещё не замужем, по всей стране гремит слава: сравнить, мол, её не с кем. Услышал я эти толки, и запали мне мысли о ней в душу. Однако я просил её отца и посылал письма ей самой, но ни она, ни он до сих пор не согласились на моё предложение. Если служить молебны буддам или пойти на какую-нибудь хитрость, может быть, девица почувствует ко мне влечение?»

Сокэй, настоятель храма Совершенной отрешённости, Содзиин,

который находится на горе Хиэй, один из десяти учителей медитации[250], ответил ему:

— Чтобы получить эту девицу в жёны, надо засветить лампаду перед Буддой в главной часовне храма Энрякудзи на горе Хиэй[251]. Кроме того, Великий Сострадающий из Нара и Хасэ[252] выполняет людские просьбы. Надо обойти все земли и везде — в Рюмон, Сакамото, Цубосака и Великом восточном храме[253], — везде, где есть статуя Будды, возжигать перед ней лампаду. Что же касается других богов, то им всем, вместе с индийскими богами, надо сделать подношение митэгура[254]. Если перед многочисленными богами и всеми семьюдесятью тремя тысячами будд ты засветишь лампы и сделаешь им подношения митэгура, будды и боги помогут тебе. И если бы ты даже захотел взять в жёны небожительницу, то и она спустилась бы с небес в твой дом. А уж что до нашего земного мира, то и дочери самого правителя страны не смогут противиться твоим уговорам. А ещё на всех горах и во всех храмах надо заказать службы во здравие подвижников, которые воздерживаются от еды и ничего не имеют.

— Совет ваш очень ценен, — поблагодарил принц, — но во сколько мне обойдётся всё это?

— Если для одного храма требуется один го[255] масла, то всем сорока девяти монастырям на горе Хиэй[256] для возжигания в течение одного месяца нужно будет пожертвовать тысячу четыреста семьдесят го. Во все храмы, невзирая на то, большие они или малые, нужно жертвовать одинаковое количество масла. Ты думаешь, быть может, что это слишком очного, но ничего из жертвуемого буддам не пропадает втуне. Ты получишь за это вознаграждение в будущем существовании, — пообещал преподобный Сокэй.

Вне себя от радости, принц совершил перед настоятелем семь поклонов стоя и семь — сидя.

— Ах, если дело удастся, то лишь благодаря вашей святости! — воскликнул он.

— Не тревожься, — успокоил его Сокэй. — Мысли об Атэмия, вероятно, глубоко укоренились у тебя в сердце, — всё будет так, как ты этого хочешь: если бы у тебя не было с ней? predetermined в предыдущих рожденьях связи, успех был бы ненадёжен. Отношения между мужчинами и женщинами всегда predetermined в предыдущих рожденьях.

— Однако поспособствуйте этому делу и вы с вашей драгоценной святостью, — попросил Камуцукэ.

Он послал в храмы масло для лампад и подношения митэгура.

Студент университета, бывший в стеснённом положении, сказал принцу:

— В китайских книгах сказано, что если влюблённому, у которого нет жены и которому не оказывают какой-либо поддержки, трудно получить в жёны девицу, он должен заняться наукой, сдать экзамены, добиться вознаграждения и труды — и так постепенно, в соответствии с установленным порядком, продвигаться по службе[257]. Однако даровитые прозябают в неизвестности, а бесталанные выдвигаются вперёд. Если человек, подобный вам, станет избавлять людей от лишений, то все его желания будут удовлетворены. Так сказано в книгах, и это действительно верно.

— Воистину, так оно и есть, — согласился принц. — Если я помогу многим людям, то не может быть, чтобы одно-единственное моё желание осталось невыполненным.

О талантливых студентах, которые не могли выбиться из нужды, он сказал при дворе, и некоторых из них приняли на государственную службу, других принц рекомендовал учёным книжникам. Нагрузив повозки деньгами, шёлком и рисом, он велел отправить их тем, у кого не было ни жилья, ни средств к существованию. Он приказал разыскать учёных, достойных получить должность в том или ином ведомстве, но находящихся в бедственном положении, и отдал им часть своих земель.

Когда же принц рассказал о своём деле подросткам, болтающимся без дела, один из них предложил:

— Это очень просто осуществить. Если поискать в западной и восточной частях столицы[258], то таких, как мы, наберётся человек шестьсот, а если ещё собрать игроков в кости, то их, видимо, будет такое же количество. Мы все вместе нападём на её дом и доставим вам красотку без всякого труда.

— Болтаешь ты невесть что, — возразил на это игрок в кости. — В доме левого генерала прочные ворота; большие строения громоздятся, как рыба чешуя; постоянно, как деревья во дворе, находятся в его доме вельможи и принцы, и самые грозные воины Поднебесной ничего там сделать не смогут. Поэтому надо предпринять вот что. Пустим-ка мы слух, что у пагоды в храме Процветающей добродетели, Дорюдзи, на восточной горе готовится богослужение. В каждом квартале мы будем устраивать репетиции и на всех углах шуметь, мол, вряд ли что-нибудь может быть великолепнее этой церемонии[259]. Все в доме Масаёри охочи до зрелищ. И как только красавица отправится в храм, мы, собравшись вместе, её похитим.

— Превосходный план, — одобрил принц. — Так мы и сделаем. Начинайте говорить на всех углах: «Такое богослужение, что должно состояться в храме Процветающей добродетели, вряд ли где-нибудь ещё можно увидеть».

И всем, кто должен был принимать участие в этом похищении, он отправил повозки, нагруженные деньгами и рисом.

Узнав об этом заговоре, Масаёри долго смеялся:

— Он принимает меня за глупца! Он готовит мне ловушку! Да разве я позволю кому-нибудь провести себя!

Он сказал младшему военачальнику Личной императорской охраны Кадзумаса:

— На всех углах только и разговору, что о торжественном богослужении, которое устраивает принц Камуцукэ в храме Процветающей добродетели. Попроси, чтобы для нас оставили места. Молодая госпожа Атэмия хочет присутствовать на этом празднике.

Кадзумаса отправился в храм и попросил места для большого количества экипажей. Слуги принца ответили ему:

— Левый генерал относится к нашему господину с пренебрежением. С какой стати мы дадим ему места?

— Оставьте место хотя бы для одного экипажа, — стал упрашивать их Кадзумаса. — Молодая госпожа сказала, что это должно быть очень интересно и что она желает присутствовать на празднике.

— Ладно. Ведь сказано: воздайте врагам добром[260], — смягчились те и предоставили место.

Когда наступил назначенный день, Масаёри вызвал к себе дочь одного из слуг, девушку молодую и миловидную, приказал одеть её в роскошные одежды и назначил ей в сопровождающие двух взрослых прислужниц, дочерей слуг, и одну девочку, дочь дровосека. Приготовили три экипажа, один позолоченный, два других — покрытых листьями пальмы арека[261]. В позолоченный посадили дочь слуги, взрослых прислужниц и, дочь дровосека, а в покрытые листьями пальмы посадили других прислужниц, и экипажи тронулись в путь.

— Благодаря Атэмия ты станешь госпожой из северных покоев у принца и будешь выше обычных людей. Но и во сне не проговорись, кто ты на самом деле. Ты сама должна думать, что ты Атэмия, — напутствовал Масаёри дочь слуги.

В день богослужения в храме Процветающей добродетели произошло много необычайных происшествий. Сначала стал браниться пастух из дворца отрёкшегося от престола императора Сага. Он был недоволен тем,

что проповедь была какая-то легкомысленная, и забил при этом в барабан. Проповедник изменил тон, и речь его запестрела устаревшими выражениями[262]. Тем временем прибыли экипажи левого генерала в сопровождении тридцати слуг и были поставлены на отведённое им место. Принц, уверенный в том, что в экипаже Масаёри прибыла настоящая Атэмия, велел начать богослужение. Пастух из императорского дворца опять забил в барабан. Подошли игроки и хором начали браниться. Те, кто приехал на богослужение, были рассержены и не знали, что им делать. Игроки и подростки, собравшись толпой, захватили экипаж. Слуги Масаёри стали нарочно громко кричать. Прислужницы подняли занавески в своих экипажах и вопили:

— Её похитили! Это наша ненаглядная госпожа! Вы ответите за это! Вас накажут за такое злодейство! Это всё игроки в кости!

Пастухи при этом хлопали в ладоши, а косари дули в дудки.

Когда захваченный экипаж прибыл во дворец Камуцукэ, принц поместил пленницу в уже давно приготовленные для неё покои и устроил роскошный пир на семь дней и семь ночей. Вино лилось рекой, всё время играла музыка. Все игроки присутствовали на этом пиршестве. Принц пригласил настоятеля храма Сокэй.

— Давно терпел я жестокое обращение, и огорчение моё было велико, но сейчас благодаря вашим добродетелям всё изменилось к радости и счастью. В знак признательности за ваше содействие я прикажу вырезать статую Будды и сделаю подношения митэгура многочисленным богам, — пообещал он настоятелю.

Отправившись вместе с новобрачной на берег Камо, принц вознёс молитвы и совершил благодарственные посещения храмов.

— Разве можно не верить, что всё свершается по воле богов и будд? — обратился принц к своей жене. — Я молил всех богов и всех будд, чтобы получить тебя, и они снизошли к моим просьбам.

Даже грозных богов

Я смог упросить,

Чтоб к молитвам они снизошли.

Почему же сердце твоё

Так сурово было ко мне?

Новобрачная на это ответила:

— Просила богов

Оставить меня навсегда

В доме отца.

Увы! Не вняли они

Горячим мольбам.

Она не внушала мужу ни малейшего подозрения.

* * *

Принц Такамото был рождён наложницей низкого происхождения. Он получил фамилию Михару и с молодых лет управлял провинциями, дослужился до высоких чинов, был богат, но жены у него не было. Слуг в доме он не держал. Во время службы в провинциях он не выдавал подчинённым ни еды, ни платья. Сам же съедал в день три го риса — и это всё. Обязанности свои Такамото выполнял безупречно и во много раз умножил свои богатства. В каждой провинции он строил большие амбары и складывал в них добро. За время службы в Шести провинциях он построил множество амбаров и доверху наполнил их. Такамото был назначен советником сайсё и старшим ревизоромлевой канцелярии. Через некоторое время он был уже вторым советником министра и генералом Личной императорской охраны.

Обосновавшись в столице, Такамото не изменил своего образа жизни: на еду не тратился, дорогих одежд не носил, слуг не нанимал. Когда ему надо было идти во дворец, он впрягал тощих коров в сколоченную из досок повозку, у которой не было колёс. К коровам была приставлена маленькая девочка. Вместо упряжи Такамото использовал простую верёвку, к повозке привесил занавески, сплетённые из низкорослого бамбука, который растёт в провинции Иё. Он покрасил простони полотна и сшил из него верхнее платье, а нижнее платье и штаны сшил из грубой ткани. Когда он шёл на службу в императорский дворец, ему нужна была свита. Такамото созвал для этой цели подростков, велел им прицепить к поясу деревянные детские мечи, собрать листья низкорослого бамбука и засунуть их вместо стрел в колчаны из старой соломы, а вместо луков согнуть ветки деревьев и привязать к ним тонкие бечёвки. Когда в таком виде они шли во дворец или возвращались домой, собиралась толпа, чтобы поглазеть на них, и конца не было поношениям и насмешкам. Сам Такамото шёл, не обращая на зубоскальство ни малейшего внимания. Он был умен, незаменим на службе, мог усмирять и свирепых воинов, и диких зверей, поэтому его не прогоняли из дворца.

Шло время. Такамото дослужился до поста министра. Он не мог более оставаться холостяком. «Нужно мне жениться на такой женщине, на которую не надо было бы тратить», — думал он. Он знал одну богатую женщину по имени Токумати, которая торговала шёлком. На ней он и женился.

— Люди злословят по поводу того, что ты едешь в такой повозке и

носишь такое платье. Многие просились к тебе на службу. Может быть, кое-кто согласился бы служить у тебя без жалованья[263]. Неприлично, что в служанках у тебя лишь эта маленькая девочка, — выговаривала ему Токумати.

— Так я и сделаю, — согласился министр и взял нескольких человек на службу.

Как-то раз, когда Токумати отправилась в свою лавку, слуги по обыкновению сошлись в людской. В тот день там не оказалось закуски, и слуги стали жаловаться хозяину. Такамото так оторопел, что ничего не мог ответить. «Поэтому-то я до сего времени и обходился без слуг. В какие же они введут меня расходы теперь! Я нанял пятнадцать слуг. Предположим, что каждый из них съест по стручку мочёного гороха — вот уже и пятнадцать стручков! А если всё это посеять, сколько бы вышло! Если же каждый из них возьмёт по одному клубню ямса — вот и опять пятнадцать! А если их посадить, как много получится! А если оставить живыми жаворонков, что сушат на закуску, и использовать их как приманку, то сколько птиц можно поймать таким образом!» — думал он в замешательстве.

Возвратилась Токумати и спросила его:

— О чём ты задумался?

— Горе мне! — ответил он. — Я подсчитал, сколько мы тратим, и вижу, что урон огромный. Я послушался твоего совета, нанял слуг — и вот теперь они требуют у меня невозможных вещей.

Токумати стало очень жаль его.

— Они купили вина и пришли просить у меня закуски, — объяснил Такамото. — Когда я это услышал, у меня в голове помутилось.

Жена его рассмеялась и, щёлкнув пальцами[264], сказала:

— Из-за таких пустяков ты расстроился! Я женщина низкого происхождения, но о таких расходах никогда не беспокоюсь.

Токумати пошла в кладовую и вынесла слугам превосходные фрукты и сушёную снедь. Министр при этом чуть не лишился чувств.

Усадьба Такамото находилась на Седьмом проспекте. Она занимала территорию в два те и была со всех сторон окружена амбарами. Сам он жил в доме в три комнаты, крытом мискантом[265]. Постройка кое-где развалилась, вместо занавесок висели какие-то плетёнки. Вокруг был забор из веток кипарисовика. В усадьбе стоял длинный дом, в котором проживали слуги и свита министра. Было ещё одно помещение, где делали вино. Вся остальная территория использовалась под поля, их обрабатывали плугами и мотыгами все слуги Такамото. И только сам министр не

возделывал полей.

Однажды ему сказали насчёт этого:

— Как можно — прямо под занавесками в вашем доме начинаются поля! Слуги обрабатывают землю совсем близко от вашей комнаты. На добро только одного из ваших амбаров вы можете построить себе прекрасный дворец. Ведь говорят, что хозяин сторонится богатства[266]. А то все в Поднебесной злословят насчёт вашей скупости.

— Напрасно они злословят, — возразил Такамото. — В огромной усадьбе левого генерала Масаёри понастроены прекрасные помещения, и все вертопрахи Поднебесной толпятся там. Вот как проглотят они его состояние всё без остатка, что будет в этом хорошего? Не умнее ли копить сокровища и потом открыть дело в торговых рядах? Разве я приношу кому-нибудь вред тем, что живу в таком доме? А вот вертопрахи и государству вредят, и людям приносят страдания.

Как-то в детстве он заболел и чуть не умер. Мать его тогда дала обеты богам и буддам. Умирая, она завещала Такамото их выполнить, но он, обладая огромными богатствами, делать ничего не стал.

Из-за этого греха он теперь заболел очень тяжело и находился на грани смерти. Токумати собралась было выполнить обряд очищения, но он остановил её:

— Это пустое! Не смей ничего тратить. Для обряда очищения нужен рис для разбрасывания[267]. Если же этот рис посадить, то какой урожай можно будет собрать осенью! Для выполнения обряда нужно пять коку риса. Чтобы устроить возвышение для обряда надо земли. А сколько всего может вырасти на трёх сун[268] земли! А как много плодов даёт одна ветка мелии![269] Как хороши эти плоды в пищу! А из кунжутного семени можно надавить масла, продать и получить много денег. Жмых же употребляют вместо соевых бобов. Так же разнообразно можно использовать чумизу, пшеницу, бобы и коровий горох.

Во время болезни Такамото съедал в день лишь один мандарин и даже не пил горячей воды.

— Люди попусту съедают слишком много мандаринов, — рассуждал он. — Ведь каждое семечко мандарина — это целое дерево. А когда оно вырастет, как много плодов оно принесёт! Не надо его есть сейчас.

В конце концов он совсем перестал есть. Так прошло несколько дней.

— Я хотел бы съесть мандарин, но сорви его где-нибудь в другом саду, а не у нас, — попросил он жену.

Была середина пятого месяца, и нигде, кроме его сада, мандаринов не было. Не говоря ни слова, Токумати сорвала один и дала больному. А их

ребёнок, которому было тогда пять лет, разозлился за что-то на мать и рассказал отцу о том, что она сделала:

— Я ей сказал: «Расскажу батюшке, что ты сорвала мандарин в нашем саду», — тогда она дала мне чумизу и рис, чтобы я молчал.

Такамото и без того был очень слаб, а когда услышал эту душераздирающую новость, чуть не лишился чувств.

— Какой позор! Что скажут люди, когда узнают о том! — разгневалась Токумати. — Ребёнок разозлился на меня и в отместку насплетничал тебе...

Такамото не суждено было умереть, и он выздоровел.

Токумати же вскоре после этой истории задумалась о своём положении: «Я вышла замуж за знатного человека, но всех здесь, начиная с себя самой, я одеваю на те деньги, которые зарабатываю торговлей. Подыщу-ка я себе более подходящего мужа», — и она покинула дом Такамото.

При Токумати слуги за работу получали от неё плату, а теперь они стали требовать денег у министра. В конце концов он решил: «Человеку на государственной службе неприлично обходиться без слуг. Отныне я буду заниматься только возделыванием своих полей и оставлю в доме лишь одного или двух слуг».

Министр подал в отставку, сказав при этом:

— Такой ничтожный человек, как я, не должен занимать столь высокого места. Мне подобает жить, как живут люди в горах, и обрабатывать свою землю. Прошу разрешения оставить должность. Я хотел бы вместо этого получить провинцию.

— Пусть так и будет, — решил император.

Такамото был освобождён от должности министра и ему пожаловали провинцию Мино.

В это время в столице уже не осталось никого, кто бы не слышал толков о красоте Атэмия, и в сердце Такамото зародилась мысль жениться на ней. Однако дать знать о себе он не мог. Размышляя, как ему поступить, он решил: «Масаёри, конечно, слышал, как обо мне судачат, — мне надо было бы изменить мой нынешний образ жизни».

Вблизи Четвёртого проспекта Такамото купил большой дом и потратил огромные деньги на его устройство. Он убрал внутренние помещения со всевозможной роскошью, для услужения нанял много красивых девушек из приличных домов, раздел их в узорчатые ткани, да и сам начал носить узорчатый шёлк, а не груботканое полотно, а есть стал не иначе как на оловянных столах и из золотой посуды. Решив, что теперь ему

стыдиться нечего, он вызвал к себе даму, которая состояла при Атэмия.

— Простите, что беспокою вас. Уже давно хочу я послать письмо девице, живущей в доме, где вы служите, но робею. Живу я один, и вот подумал — прошу простить мне мою дерзость, — не переедет ли ко мне дочь вашего господина? Она может приехать сюда совсем одна, здесь у неё не будет недостатка ни в прислуживающих дамах, ни в слугах. Я отказался от своей должности и живу один, но нет ничего такого, чего бы не было в моём доме. А влиятельные чиновники часто живут в бедности.

— В самом деле, вы живёте один, а в нашем доме много девиц, и если бы вы раньше сказали о ваших намерениях, генерал, наверное, согласился бы отдать за вас свою дочь, — ответила дама, — но сейчас нет никого на выданье. Что же касается девятой дочери, то все посылают ей письма, но она пока не собирается делать выбора. Тем не менее напишите ей о ваших желаниях, а я постараюсь, чтобы она вам ответила.

Такамото приказал положить в два платяных сундука красивого шёлка и шёлковую вату.

— Это в знак благодарности и уважения к вам. — Шёлк из провинции Мино. У меня много добра из тех провинций, где я раньше служил, — добавил он и распрощался с дамой.

* * *

Наступил четвёртый месяц. Императорский сопровождающий Накадзуми оставался во власти своих желаний и всё время думал о том, что бы предпринять. Он робел Атэмия больше, чем кто-либо другой из влюблённых в неё, но выкинуть мысли о ней из головы не мог. Однажды Накадзуми послал ей письмо:

«Как остановится прилив
И море навсегда затихнет,
Тогда и я
Не буду говорить тебе
О чувствах безнадёжных.

Если бы я мог перестать думать о тебе, я бы и этого не написал».

Атэмия ничего ему не ответила.

Однажды Накадзуми всю ночь провёл на веранде дома, в котором жила его сестра. Он беседовал с прислуживавшими Атэмия дамами и вдруг воскликнул:

— Какая долгая ночь! Никак не наступит рассвет!

В этот момент начала куковать кукушка.

— Ведь говорят: «Голос плачущей кукушки»[270]. А вы жалуетесь, что никак не рассветёт, — заметила дама по прозвищу Сёнагон.

— Кукушка милая,
От жалобного крика твоего
Рассеивается ночь.
Но вот сейчас поёшь ты,
А тёмен всё восток[271], —
сложил императорский сопровождающий.
— А для нас всех сегодняшняя ночь... — возразила Сёнагон, —
Подожди же, кукушка!
Ещё не успел заснуть
Путник усталый.
Но ты уже поёшь,
И на небе брезжит заря.

Накадзуми заметил, что одна ветка на сосне вся заткана паутиной, на которой сверкают капли росы. Он осторожно отломил её и, повернувшись лицом к комнате Атэмия, произнёс:

— Прождал я всю ночь,
Не зная, где спать ты легла.
Давно уж светает.
О, как счастлива ты,
Что можешь спать безмятежно![272]
Как я завидую тебе в этом!
Атэмия притворилась, что не слышит его, и ничего не ответила.

* * *

Советник Санэтада отправился в паломничество в храм Сига[273] и оттуда прислал Атэмия письмо: «Я приехал в горы ненадолго...

Ещё не думаю я
От мира сует в монастырь
Навсегда удалиться.
В глухих горах я останусь
Всего на несколько дней».
Атэмия ответила ему:
«Когда росинки,
Падая каждый день,
Соберутся с огромную гору,
Тогда, эту гору увидя,
Я поверю тебе».

Пришло письмо от принца Хёбукё:

«Я послал Вам много писем, и ни на одно из них не получил ответа.
Но ведь говорят: то, что человек скрывает в сердце, так или иначе выйдет

наружу. Вот я и думаю, что в конце концов смогу узнать, почему Вы равнодушны ко мне.

Бурный водопад,
Низвергаясь с высоты,
Исчезает в пене на волнах.
Уж не любишь ли
Ты другого? Итои-река...»[274]
Атэмия написала ему в ответ:
«Кто может к себе привязать
Реку Итои?
В тщетных трудах изойдёт
Пеной на быстрых волнах
Стремительный водопад.
Верьте моим словам».
Пришло письмо от советника Санэтада:
«Долго думы мои
В груди я таит —
Так вода до краёв пруды наполняет.
Когда же открылся тебе,
Лишь горше мне стало...
Надеялся я, что когда открою тебе моё сердце...»
Атэмия ему ничего не ответила.
Пришло письмо от советника Масаакира:
«Тонко летнее платье
И, как сердце твоё,
Не может согреть.
Я же горькие слёзы
Каждый день проливаю.
Странно, что у тебя такое холодное сердце...»
Ответа на это письмо не последовало.

Третий сын императора Судзаку от Дзидзюдэн, старшей дочери Масаёри, принц Тадаясу[275], был ещё не женат, и он стал мечтать об Атэмии, но никак не мог увидеться с ней. Узнав, что иногда Атэмия отвечает на письма, он решил написать ей:

«Не странно ли, что я, живя рядом, не могу поговорить с тобой, тогда как чужие люди получают от тебя ответы?

Высоко в облаках
Можно слышать лишь ветер,
Свистящий уныло.

Не лучше ли было б
Покинуть эти высоты?[276]
Как я завидую другим!»
Но ответа от Атэмия принц не получил.

* * *

Задолго до этого при дворе служил мальчик по имени Ханадзоно[277], единственный сын ныне покойного Ёсиминэ. Когда ему было всего десять лет, он уже обращал на себя внимание красотой и умом. Отрёкшийся от престола император Сага предсказывал ему блестящее будущее. Как-то раз вместе с отцом Ханадзоно отправился на остров Цукуси[278], где Ёсиминэ должен был встретить корабли из Танского государства. Увидев мальчика, один из чужестранцев пришёл в восхищение; «Этот ребёнок ни в чём не уступит китайским детям!» Он заманил Ханадзоно на корабль и увёз его с собой. Отец и мать мальчика умерли от тоски, но он об этом даже не узнал. И стране Тан молодой японец стал серьёзно изучать классические книги. Во всём он следовал примеру мудрых людей, выучился превосходно играть на разных инструментах, начиная с кото, и в музыке не осталось ничего, что было бы ему неизвестно. Ханадзоно очутился в стране Тан в возрасте десяти лет и возвратился на родину на торговом судне восемь лет спустя. Об этом рассказали императору Сага. «Это тот самый мальчик, который когда-то так странно исчез», — вспомнил император и велел, чтобы прибывший пришёл во дворец.

За эти годы Юкимаса стал ещё красивее, чем раньше. К тому же он оказался сведущ во всех науках.

— Раньше он состоял при дворце. Теперь пусть служит учителем музыки — будем слушать, как он играет, — сказал император и велел назначить Юкимаса секретарём Палаты обрядов и архивариусом.

Через некоторое время молодому человеку был присвоен пятый ранг и он был назначен помощником военачальника Императорского эскорта, а кроме того, стал служить во дворце наследника престола, которого он учил играть на лютне и цитре. Юкимаса был очень умён и вскоре стал известен повсюду. Дни и ночи он проводил во дворцах императора и наследника.

Жены у Юкимаса не было. Молодой человек посылал письма девицам из таких домов, где не мог надеяться на успех. Разговоры об Атэмия дошли и до него, и Юкимаса стал мечтать о ней. В молодого человека были влюблены многие женщины, но он, желая жениться на девице только из благородного дома, не обращал на них никакого внимания. Он служил вместе с помощником военачальника Императорского эскорта Акидзуми, пятым сыном генерала Масаёри. Они очень; подружались.

Об этом узнал Масаёри и как-то раз предложил Юкимаса:

— У меня в доме живёт много молодых людей. Ты собственным домом ещё не обзавёлся — переселяйся ко мне и живи вместе с Акидзуми. Займись воспитанием Мияако[279] и обучи его наукам и музыке.

Юкимаса обрадовался. Он переселился в покои Акидзуми и отныне только там и проводил время.

Наступил новый год. В третьем месяце, когда распустились цветы, во дворце было устроено пиршество. Юкимаса слагал стихи и исполнял музыку настолько прекрасно, что ему был пожалован полный женский наряд[280].

Молодой человек не переставал мечтать об Атэмия. Через несколько дней после пира он завёл разговор со своим воспитанником:

— Если ты любишь меня, выполни одно моё желание. Но дай обещание, что никому не проговоришься об этом.

— Откройте мне всё, я никому не скажу, — пообещал ему мальчик.

Юкимаса взял кисть и написал:

«Во многих морях

Жемчужные водоросли

Рвал рыбак.

Но со страхом он входит сейчас

В бурные волны[281].

Моё положение таково, что я не должен был бы писать Вам...» Он вручил письмо мальчику:

— Отнеси это твоей сестре Атэмия и принеси от неё ответ. А не то не буду учить тебя книжности.

Воспитанник отправился с письмом к сестре.

— Кто это написал? — спросила она.

— Тот, кто учит меня литературе, — ответил ребёнок.

— Неслыханная наглость! — возмутилась она и далее читать письма не стала.

— Прочти и напиши ответ. Сейчас же напиши ответ, — начал плакать и бранить её брат.

— Не буду я отвечать такому человеку! — рассердилась Атэмия. — Скажи ему: «Как только я показал письмо, у неё глаза на лоб полезли от негодования».

— Но тогда он не будет учить меня литературе, — захлёбывался от слёз ребёнок.

— Очень умно поручать такие дела малышу, который, как говорится, ничего не понимает ни в пучинах, ни в мелях, — иронически заметила

присутствовавшая при этом Имамия. — Он, вероятно, думал, что ты не сможешь отказать ребёнку...

* * *

В столицу возвратился советник сайсё Сигэно Масугэ, который до того времени был генерал-губернатором на острове Цукуси. Ему было около шестидесяти лет. На пути в столицу у него в родах умерла жена. Услышав разговоры об Атэмия, Масугэ подумал, не взять ли ему эту девицу в жёны. Возможности послать письмо у него не было. Он попросил помочь ему в этом деле одну недалеко от него проживавшую старуху.

— У генерала Масаёри много дочерей. Они все вышли замуж, но одна ещё не замужем, — сказала она.

— Прекрасно! — решил старый губернатор. — Я обращусь к её отцу.

Сын его, который служил в Личной охране наследника престола, рассказал ему:

— Сам наследник хочет жениться на этой девице. Многие вельможи и принцы посылают ей письма, но, кажется, она до сих пор всё ещё не сделала выбора. Об этом вам может подробно рассказать Кадзумаса[282].

«Её отец никогда не считал, что нужно копить добро. Поэтому он ничего не накопил. Я пошлю ему дары из своих поместий. Сваху я вознагражу шёлком, пусть она постарается для меня. Я готов на любые траты и непременно получу девицу в жёны», — решил Масугэ.

Когда он рассказал о своих планах старухе, она ответила:

— Так-то оно так, но, может быть, отец её всё-таки не согласится отдать вам дочь в жёны. Ведь, как говорят, в мире он первый[283]. Поручите дело мне. А отцу ничего не говорите.

— Хорошо, — согласился губернатор.

— Я знаю бывшую кормилицу старшего сына генерала, Накадоно. Её-то я и попрошу помочь вам, — сказала старуха и отправилась в усадьбу Масаёри.

Придя в гости, старуха обратилась к Накадоно:

— Уж несколько дней собираюсь навестить тебя, но всё время льёт такой дождь, что и носа не высунуть из дому.

— Когда дождь зарядит на много дней, тут уж ничего не придумаешь, не знаешь, как и занять детей, — ответила Накадоно. — Как ты поживаешь?

— Ничего хорошего у меня нет, — пожаловалась гостья.

— И я что-то всё суечусь, а дни проходят безрадостно, всё сижу дома, — поддакнула ей Накадоно.

— Похоже, что у тебя всё же есть досуг, я хочу пригласить тебя к себе.

Как раз сегодня я выполнила то, что должна была сделать давно, — попросила людей расчистить мне поле и посеять пшеницу. <...> Это не такое уж лакомство, но есть можно. И по душам побеседуем. Ведь нам есть о чём поговорить... — сказала старуха.

— Это так, — вздохнула Накадоно, — хорошо ты сказала. Последнее время мне так хочется излить кому-нибудь душу. В усадьбе полно всякого народа, но подруги у меня нет. Теперь и кормилицы все молодые. А я обеднела, состарилась и поглупела.

— Кого из господ ты нянчила? — поинтересовалась гостья.

— самого первого, старшего ревизоралевой канцелярии Тададзумы.

— За те годы, что ты служила первому сыну генерала, ты и состарилась, — посочувствовала старуха.

Они вместе отправились в дом Масугэ, и старуха привела Накадоно к хозяину.

— Живу я один, не знаю, куда деваться от скуки, — обратился к ней губернатор, — и я хотел бы посвататься к молодой дочери Масаёри. Не поможешь ли ты мне в этом деле?

— Если вы обратитесь с этим к генералу, вряд ли скоро добьётесь своего, — ответила Накадоно, — а если вы напишете письмо, я передам его Атэмия. Я была кормилицей у старшего сына генерала, а внучка моя прислуживает сейчас молодой госпоже.

— Очень хорошо, — сказал Масугэ.

Он попросил сына, который служит в Личной охране наследника престола, написать для него письмо:

— За время вдовства я как-то поглупел. Когда сватаются к Девнице, к письму прикладывают стихотворение. Без этого нельзя, иначе стыда не оберёшься. Сочини-ка для меня такое стихотворение.

Сын удивился просьбе, но написал:

«Сорные травы скрыли совсем

Мой дом одинокий.

Всё покрыто каплями белой росы.

Как грустно вдовцу,

Как щемит его сердце...

Не скосили ли бы Вы эту сорную траву?»

— Вам нравится? — спросил отца молодой человек.

— Как будто неплохо, — ответил тот и переписал письмо на красивую оранжевую бумагу.

— Обязательно принеси ответ! — наказал он Накадоно и дал ей при этом пять связок монет. Старухе же он дал два коку риса. Накадоно, очень

довольная, распрощалась с Масугэ.

Придя домой, она позвала к себе Татэки, свою внучку, и спросила:

— Где изволит пребывать твоя госпожа?

— Вместе с императорским сопровождающим Накадзumi она играет на кото, — ответила девушка.

— Передай ей это письмо, но так, чтобы никто не видел. Скажи, что это от её старшей сестры.

Татэки отнесла письмо Атэмия. Когда та взглянула, то ахнула: оно было написано столь некрасиво, что и чёрт не смог бы на него глядеть.

— Моя сестра не могла так плохо написать. Это письмо кто-то передал Накадоно. — С этими словами она возвратила письмо.

Через несколько дней старый губернатор позвал к себе старуху и спросил:

— Передано ли Атэмия моё письмо?

— Кормилица обещала, что передаст при первом же удобном случае. Уже непременно должен быть ответ. Я пойду к ней и принесу вам письмо от девицы.

— Так иди же поскорее, — поторопил её Масугэ. И старуха отправилась к Накадоно.

— Я пришла за ответом, — сказала она.

Накадоно не призналась, что, мол, какой там ответ, даже письмо возвратила не читая, а ответила:

— Да кто же будет отвечать на первое письмо? Надо несколько раз написать нашей госпоже, и тогда она, может быть, один раз и ответит.

— В таком случае напиши губернатору, как обстоят дела, — я попросила старуха.

— Так я и сделаю, — ответила Накадоно.

«Почтительно сообщаю Вам, что, выбрав особенно удачный момент, я передала молодой госпоже Ваше письмо. Но сразу же она не может Вам ответить. Вам, тем не менее, не надо тревожиться. Будьте уверены, что теперь она уже Ваша. Раз я взялась за дело, всё будет в порядке».

Написав это письмо, она вручила его старухе, и та отнесла его Масугэ.

Старый губернатор думал, что она принесла ответ на его письмо, но, увидев почерк кормилицы, отбросил бумагу не читая.

— Эта кормилица просто воровка! — завопил он. — Ты говорила, что непременно принесёшь письмо дочери левого генерала, а принесла письмо, неизвестно кем написанное. Не хотите ли вы обмануть меня, обвести вокруг пальца? Ты обещала, что дело будет сделано. Возврати же немедленно два коку риса, которые я тебе дал. Ты лгала мне, ты украла моё

добро! Я сейчас же подам на тебя жалобу государю.

Он приказал стянуть ей верёвкой волосы, связать руки за спиной и привязать её к большому дереву.

— Прошу вас, посмотрите ещё раз на это письмо, — запричитала несчастная женщина. — Кормилица пишет вам о ваших делах.

Подобрав брошенное письмо, Масугэ прочитал его и побежал во двор к старухе:

— Ну, голубушка, погрешил я против тебя. Думал, что письмо от самой девицы, но по почерку вижу, что нет, и поэтому накричал на тебя. А это Накадоно сообщает мне, как идёт дело.

Он сам развязал бедную женщину и, приказав расстелить на веранде циновки, усадил её и начал угощать. Он дал ей два коку риса и десять штук полотна.

— Когда я женюсь на девице, я дам тебе тысячу штук узорчатой ткани и парчи, — пообещал он. — Забудь о том, как я несправедливо поступил с тобой.

— Большое спасибо за подарки. Но когда вы приходите в гнев, то связываете людей и требуете назад подаренное. Если вы и впредь ошибётесь, как сегодня, то опять произойдёт то же самое. Вот когда дело будет сделано, тогда и жалуйте узорчатую ткань и парчу.

Услышав её слова, Масугэ опять загорелся гневом и начал браниться:

— Да как ты смеешь со мной так говорить! Смотри, свяжу тебя снова! Не нужна мне твоя помощь! С моим богатством я и сам добьюсь своего!

Старуха убралась восвояси.

После этого Масугэ пригласил к себе Тономори, старую служанку из дома Масаёри, и рассказал о своих мечтах.

— Это очень легко устроить, — заверила его Тономори.

— Если ты мне устроишь это дело, я посажу тебя на свою седую голову[284], — обрадовался губернатор и подарил ей десять штук узорчатой ткани и двадцать связок монет.

* * *

В один из этих дней советник Санэтада вызвал Хёэ, чтобы поблагодарить её:

— Недавно ты доставила мне большую радость: уговорила свою госпожу написать мне, и я очень быстро получил от неё ответ. Это было как раз в то время, когда я на горе Хиэй молил богов, чтобы они помогли мне забыть её.

— Вы так долго не показывались, что моя госпожа и даже сам генерал стали беспокоиться, куда вы пропали. А вы в это время, оказывается,

совершали паломничество в горы!

— Когда душа моя спокойна, я могу нести и службу во дворце. Но сейчас я думаю, что мне не надо больше жить на свете, для кого же мне ходить туда? — ответил он.

В письме к Атэмия он писал:

«Сразу же хотелось мне ответить на Ваше письмо, которое получил, будучи в горах... Ах, когда же воздвигнется гора из пылинки?[285]

Так много пылинок на свете,

Что, все их собрав,

Воздвигнешь новую гору Атаго.

Ещё больше горестных вздохов

В сердце моём гнездится»[286].

Он вручил письмо Хёэ:

— Отнеси это твоей госпоже и постарайся принести от неё ответ. Твоя беспредельная доброта доставила мне такую большую радость, прошу и впредь вкладывать душу в это дело.

— Я бы тоже хотела, чтобы сбылись ваши мечты, — ответила Хёэ. — Но сдаётся мне, Атэмия уверена, что вы уже женаты.

— У меня никого нет, даже чтобы зашить прорехи в платье, — вскричал Санэтада. — Погляди хорошенько!

Приказав принести платье из лощёного узорчатого шёлка, вышитую шёлковую накидку и штаны на подкладке[287], он вручил их Хёэ и написал письмо:

«Нет никого в доме,

Кто бы зашил

Платье из тонкого шёлка.

Горький удел мой оплавав,

Всё в прорехах его надеваю».

— Тяжело видеть такие прорехи, — вздохнула девушка, —

Уже платье порвалось.

Забыли вы ту,

Кто встарь его шила с любовью.

К новым клятвам

Вас манит неверное сердце.

Не думаю, что Атэмия взглянет на ваше письмо. Опять будет она бранить меня, что беру поручения. Вряд ли в будущем смогу я выходить из покоев по вашему зову.

— Как это больно слышать, — пригорюнился Санэтада. — А ты не говори Атэмия, что виделась со мной.

— Вы слишком боязливы, — заметила девушка.

Они ещё долго разговаривали, и наконец она ушла в дом.

Хёэ вручила своей госпоже письмо Санэтада и рассказала о разговоре с ним. Атэмия на это письмо отвечать не стала.

Вскоре Санэтада подошёл к веранде дома, в котором жила Атэмия, и вызвал Хёэ.

— Ну, что? Передала ли ты своей госпоже то, о чём мы говорили? — спросил он.

— Я сразу же ей всё рассказала, но она ничего не ответила.

Уже наступили сумерки. Кто-то с улицы принёс птенца; вынутый из гнезда, он жалобно пищал. Поглядев на него, Санэтада произнёс:

— Выпал птенец

Из родного гнезда.

В сумерках плачет он горько.

Где же ему

Новый приют найти?

Не только один я бездомный!

Он сказал это так громко, что голос его должны были услышать в покоех.

* * *

Пришло письмо от принца Хёбукё:

«Так долго я томлюсь, думая о Вас, но за всё время не получил от Вас даже маленького письмеца. Только в собственных мечтах нахожу я утешение.

На летнем поле

В высохшей траве

От жажды червячок страдает

И молит, чтобы на него

Хоть капелька росы упала»[288].

Но и на это письмо Атэмия не ответила.

Правый генерал Канэмаса написал ей:

«Письма мои к Вам остаются без ответа. Лучше было бы не писать Вам больше, но не могу заставить себя забыть Вас.

На горную тропу

Хочу ступить. И мнится,

Что нет такой заставы,

Которую не смог бы я

Преодолеть[289].

Глубоко любящее сердце всегда надеется».

Ответа он не получил.

От второго советника министра Масаакира пришло письмо: «Уже давно послал я вам первое письмо. Почему вы заставляете меня так долго томиться ожиданием?»

Сколько людей

В священных Мива-горах

Дорогу теряли!

Хоть ясно видны храма ворота

Под сенью криптомерии[290].

Я столько раз посылал Вам письма — видели ли Вы их?»

Но и на этот раз красавица ничего не ответила.

На большинство писем Атэмия не отвечала. Однажды принц Тадаясу, слушая, как под соснами, растущими перед его домом, громко стрекочут цикады, написал:

«Живущие в траве цикады

Звонят, не умолкая.

И, в думы погруженный,

Один лишь я молчу,

Тоскуя по тебе.

У цикад в траве прекрасное жилище, а у меня...»[291]

И ему Атэмия ничего не ответила.

Императорский сопровождающий Накадзumi, уловив удобный момент во время занятий музыкой с Атэмия, произнёс:

— Если сердце разбито,

Лучше молча терпеть своё горе.

Но, может быть, ты разрешишь

Хоть немного

О думах моих рассказать?

Сестра сделала вид, что ничего не слышит.

Юкимаса через своего воспитанника послал ей письмо:

«Дровосека жилище убого,

Но прозрачен ручей,

Мимо дома его бегущий.

И надеется он, что луна,

По небу скользя, в воде отразится»[292].

Атэмия ничего ему не ответила.

* * *

Распространился слух, что девятая дочь Масаёри станет супругой наследника престола. Старый губернатор, услышав об этом, разгневался.

Он пришёл в усадьбу Масаэри и направлен в комнату, где жила Тономори.

— Пятый месяц, в который нельзя устраивать свадеб[293], уже прошёл. Принимайся же теперь за дело, не оставляй его на произвол судьбы. Мешкать нам нельзя, — сказал он.

— Я только и думаю, что о вашем деле, но уж очень оно затруднительно, — ответила Тономори.

— Может быть, ты беспокоишься, что моя жена будет относиться к твоей госпоже невежливо и что между ними будут ссоры, — предположил он. — Насчёт этого волноваться не следует. По пути из Цукуси моя жена скончалась. Она была любимой дочерью помощника правителя провинции Бунго, он отдал мне её в жёны, потому что в жилах моих течёт императорская кровь. Этой весной она скончалась, родив мне дитя. Ребёнка я привёз с собой. <...> Вдруг слышу, что Масаэри отдаёт свою дочь наследнику престола. Как же так? Значит, у меня пытаются перебить девицу? Ведь я так давно мечтаю о ней!

— Ну, вряд ли дела обстоят так, — возразила Тономори. — В императорском дворце уже проживает старшая дочь генерала, как же может её сестра въехать туда?

— А не могла бы ты сейчас привести сюда Атэмия, чтобы мне посмотреть на неё? — спросил Масугэ.

— Как вам в голову могло прийти такое?! — ужаснулась Тономори. — Ведь это та самая Атэмия, слава о которой гремит по всей столице! Потерпите ещё немного, скоро она навсегда переедет в ваш дом.

— Если она выйдет за меня замуж, я для неё ничего не пожалею. Многие сёстры её уже замужем, а она всё ещё чахнет в одиночестве. А выйдя за меня замуж, она поселится в моём доме, я всегда буду давать ей первый кусок, стану холить её и лелеять. Всё, что есть у меня, я отдам ей одной, она никогда не будет испытывать недостатка в одежде, — воодушевлялся губернатор всё более и более. — Кто ни посмотрит на неё, все скажут, что она живёт не хуже самой императрицы.

Вдруг он заметил Санэтада, который вызывал к себе Хёэ. Гнев охватил его.

— Не советника ли Санэтада я вижу? — спросил губернатор.

— Именно так, — ответил тот. — Но с какой целью вы пришли сюда? Тономори, которая служит здесь, осталась сейчас без мужа. Не вздумали ли вы тайно посещать её?

Масугэ с досады взмахнул руками:

— Что делать вдовцу у вдовы? Но не беспокойтесь. Хорошенько обдумав ваш совет, я, может быть, так и сделаю.

Санэтада, выслушав его с подозрением, скрылся, а Тономори обратилась к Масугэ:

— Искренне ли вы это говорите? Вы никогда не обнаруживали своих намерений по отношению ко мне, но...

Не обращая внимания на её слова, Масугэ спросил:

— Так как же мы поступим с твоей госпожой? Завтра я жду решительных известий и уже не забуду хорошенько отблагодарить тебя за труды! — С этими словами он удалился.

* * *

Настал седьмой день седьмого месяца[294]. Все дамы семейства Масаёри, начиная с его первой жены и до младших дочерей, отправились на реку Камо мыть голову. На берегу реки были выстроены помосты. Мужчины тоже должны были прийти туда.

Итак, праздник решили провести на берегу Камо. Женщины, вымыв голову, начали играть на кото.

Вторая жена генерала получила от наследника престола письмо:

«Любимая пренебрегает мной

И никогда не кинет даже взгляда.

Но знаю я, что обратит свой взор

Она сегодня

На встречу Волопаса и Ткачихи.

Как я завидую этим звёздам!»

Вторая жена Масаёри написала в ответ:

«Увидеться хоть раз в году

Те звёзды не преминут.

Но сосёнка всё так же зелена

И осенью, когда

Деревья все покрылись багрецом[295].

Вижу, что некоторые даже один раз в году встретиться не могут, как встречаются Волопас и Ткачиха».

Вместе с письмом она вручила посланцу наследника престола полный женский наряд.

«Как радостно, что Атэмия стала взрослой и уже получает письма от мужчин!» — подумала жена Масаёри и, приписав к письму наследника:

«Думала, что не скоро ещё

Выйдет птенец из яйца.

А это уж птица,

К которой волокон пучки

Привязывать можно»[296], —

протянула послание Атэмия.

Красавица, прочитав, рассмеялась и передала письмо своей старшей сестре, Дзидзюдэн, со словами:

— Не ответишь ли ты на это?

Дзидзюдэн написала:

«Красавец-птенец

Вышел на свет из яйца.

Кто мог сомневаться,

Что волокон пучки

Будут ему приносить?»

Уже стемнело, и господа начали вместе играть на кото.

Глядя, как Волопас переправляется через Небесную реку, пятая дочь Масаёри произнесла:

— Как только стемнело

И пала на землю роса,

На облаке-лодке Пастух

Через Небесную реку

К милой своей устремился.

Вторая дочь генерала сложила:

— Осень ещё не настала,

И на Небесную реку не пали

Клёнов красные листья.

По какому же мосту

Навстречу друг другу звёзды пойдут?

Шестая дочь сложила:

— Знают все, что каждый год

Встречаются в небе Пастух и Ткачиха.

Но нет на земле никого,

Кто бы мог сосчитать,

Сколько же встреч этих было.

Пятая дочь сочинила ещё одно стихотворение:

— Не покладая рук

Я эти нити пряла,

Чтобы Ткачиха успела

Милому новый плащ

К этой ночи соткать.

Восьмая дочь составила:

— Как радостно билось сердце Ткачихи,

Когда мрак ночной

Всё небо заполнил!
Как будет страдать оно на рассвете
При словах прощания с милым...
Третья дочь произнесла:
— Бесконечно тянется нить,
Что каждый год я пряду.
Тысяча лет пролетит,
И снова такую же нить
Кто-то прясть будет.
Четвёртая дочь сочинила:
— О, если кто-нибудь
Сегодня на рассвете сможет
Без слёз смотреть, как на востоке
Грядую облака встают, —
Бесчувственное сердце у того.
Имамия, десятая дочь, составила:
— Думала я, что сегодня увижу,
Как встретятся Волопас и Ткачиха.
Но это лишь имена тех звёзд,
Что недвижны остались
С двух сторон Небесной реки.
Атэмия сложила:
— В ночь встречи двух звёзд
Капли росы
Кажутся мне нитью жемчужной,
Что каждую осень
Ткачихе вручить я хочу.
После сочинения стихов дамы снова заиграли на кото.
Санэтада, глядя издали на берег реки, где находилась Атэмия, послал ей письмо:
«Слёзы мои непрерывно
Льются, как дождь.
Но кажется мне, что сегодня
Иссякнут они. Так пузыри
На воде исчезают».
Пришло письмо от принца Тадаясу:
«Насквозь от росы промокла Ткачиха,
Пастуха ожидая.
Если бы вымок так, как она,

Может быть, я
От любви к тебе излечился?»
Пришло письмо и от Юкимаса:
«Так же сильно
Люблю я тебя,
Как мужа любит Ткачиха.
Но не знаю, когда
Ночь нашей встречи наступит».
Никому из них Атэмия не ответила.
Утром все возвратились домой.

* * *

Наступил последний день седьмого месяца. От наследника престола
пришло Атэмия письмо:

«Ждал я, что осенью ранней
Смогу любоваться
Цветами оминаэси.
Но мне говорят, что уже —
Горе мне! — пала роса на неё[297].

Относительно Вас ходит много слухов, и все они повергают меня в
уныние».

Атэмия ответила ему:
«Не меняясь осенней порой
И не зная росы,
Оминаэси-трава,
Скрывшись под сенью деревьев,
Скромно живёт»[298].

Пришло письмо от Санэтада:
«Не зная приюта,
Ложусь на ночлег в пути.
И такая тоска на сердце,
Что слёзы безудержно льются.
О, высохнуть им суждено ли?»

Атэмия ответила ему так:

«Можно ль от каждого
Ветра порыва
К небу взлетать, как пылинка?
Кто может плавать
В крошечной капле росы?»[299]

Пришло письмо от правого генерала Канэмаса:

«Если б несчастный
Смог слёзы собрать,
Что к тебе от любви проливает,
Ларцами, полными перлов,
Стали б его рукава».

Атэмия ответила ему:

«Будь этот страдалец
Немного порасторопней,
Увидев, как перлы скользят по щекам,
Он эти б сокровища мигом собрал
И в коробках бы мне преподнёс».

Пришло письмо от второго советника министра Масаакира:

«Не заботясь о том,
Что погибнуть могу,
В воду вступаю,
Чтобы пучины и мели узнать
Твои, о Натори-река!»[300]

Атэмия ответила ему:

«Как может пузырь,
Скользящий легко
По потоку, что от водопада несётся,
Знать о пучинах и мелях
Глубоководной реки?»[301]

От принца Хёбукё пришло письмо:

«Ни в чём не найти
Мне утешенья
От горьких страданий любви.
Тоскою охвачен,
Все дни я стенаю...»

Как-то раз молодые люди собрались в доме, где жила Атэмия. Принц Тадаясу играл на кото и рассказывал разные истории. Увидев, как в фонарь, стоявший перед ними, влетают летние мотыльки, он произнёс, обратившись в сторону, где сидела Атэмия:

— Провожу в одиночестве ночи...

Если б могли мотыльки
Не лететь на огонь,
Тогда бы и я
Не пылал от любви.

С каждым днём я страдаю всё больше и больше. Что же будет со

мною?

Девушка ничего ему не ответила.

Императорский сопровождающий Накадзуми сложил стихотворение:

— О, если бы я,

От страданий любви

Не находящий покоя,

Лишился души! Ведь тело пустое

Не может стенать...

Никто ему не ответил.

Юкимаса произнёс:

— Даже лёгкий дымок

От каяриби, струясь непрерывно,

В небе становится грозной тучей.

Так почему же вместе с тобою

Мне не удаётся травы связать?[302]

Ответа на это не последовало.

Глава IV У ОТРЁКШЕГОСЯ ОТ ПРЕСТОЛА ИМПЕРАТОРА САГА

Как я рассказывал раньше, правый генерал Канэмаса после состязания в борьбе устраивал в своём доме пир, и на нём, как обычно в таких случаях, присутствовал левый генерал Масаёри[303].

Как-то вскоре после этого императорский сопровождающий Накатада, выйдя из дворца императора, направился к левому генералу. Он постучал в ворота, и к нему вышел управляющий Фудзивара Кадзутика.

— Доложите императорскому сопровождающему Накадзуми, что пришёл Накатада, — попросил гость.

Управляющий пошёл к Накадзуми, доложил о визите, и тот распорядился:

— Пригласите его сюда!

Он велел провести Накатада в свои покои и принял его там.

— В тот день, когда мы познакомились, я выпил слишком много вина и являл собой зрелище плачевное. Боюсь, что в разговоре с вами допустил какую-нибудь неучтивость. Я пришёл принести вам свои извинения, — начал Накатада.

— Это мне нужно просить у вас прощения, — ответил Накадзуми. — Думаю, что это я в ту ночь был недостаточно любезен с вами. Я был очень пьян и ничего не помню.

У них завязалась задушевная беседа.

— Обычно я провожу время в одиночестве, как сегодня, — сказал Накадзуми, — заходите ко мне время от времени. Дамы, которую бы я постоянно навещал, у меня нет, и я целыми днями скучаю.

— Отчего это? — спросил Накатада. — Мне вот, кроме как в императорский дворец, ходить некуда. Домов же, куда вы можете пойти, так много, как шерстинок у быка!

— Не находится ли такой дом на роге у цилиня?[304] — усмехнулся хозяин.

Беседа их была очень сердечной. При прощании они обменялись уверениями, что будут во всём помогать друг другу, и Накатада отправился к себе.

С тех пор Накатада стал время от времени приходить к Накадзуми, и Масаёри, узнав об этом, сказал своим молодым сыновьям:

— Когда императорский сопровождающий Накатада приходит к нам, оказывайте ему, дети мои, подобающий приём. Он вряд ли станет учить вас играть на кото, но и в игре на других инструментах он столь искусен, что сравниться с ним никто не может. Когда он будет исполнять музыку, слушайте его внимательно и старайтесь запомнить хоть что-нибудь.

В сердце Накатада запала мысль написать письмо Атэмия, и он всё чаще навещал Накадзуми. Юноша стал своим человеком в доме Масаёри и часто заводил разговоры с прислуживающими госпожам дамами. Среди них была одна молодая девушка из хорошей семьи, по прозвищу Соо, которая состояла при Атэмия. Накатада давал ей обиняками понять о своих чувствах к Атэмия, но девушка отвечала холодно и, по-видимому, ничем помочь ему не собиралась. Однажды Накатада, отломив очень красивую ветку хаги, написал на листьях его такое стихотворение:

«И белая роса
На нижних ветках хаги
Печалится о том,
Что скоро жёлты
Станут листья...»[305]

Он вручил ветку Соо и попросил:

— Когда будет удобный случай, передай, пожалуйста, твоей госпоже.

Соо тотчас принесла ветку Атэмия, и красавица долго её рассматривала.

* * *

Пришло письмо от наследника престола:

«Сердце моё неизменно
Доверяет тебе.
Но осенью, в долгую ночь,
Когда воет ветер холодный,
Я мучусь сомнением».

Атэмия написала в ответ:

«Как только задует
Осени ветер холодный,
Падают листья и никнут травы,
Иные же этому ветру
Верят... Как это прискорбно!»[306]

Пришло письмо от принца Хёбукё:

«В травах густых,
О тебе лишь тоскуя,
Душа моя бродит.

Разве не ей сострадая,
Плачут цикады?»
Атэмия написала в ответ:
«Если душа
В зарослях вянущих трав
Долго блуждала,
То знает она, как переменчиво сердце
Плачущих горько цикад».

Правый генерал Канэмаса был в это время болен, и, опасаясь, что больше не поднимется с постели, он написал письмо Атэмия:

«Вот уже несколько дней, как я тяжело болен. Мне сделалось нестерпимо грустно при мысли, что я скончаюсь, не сказав Вам о своём положении.

Исчезнуть должен, как роса
При блеске утра исчезает.
Но если бы увидеть мог письмо,
Твоей рукой начертанные знаки,
Душа б моя осталась в этом мире.
Как бы я радовался, если бы Вы могли навестить меня!»
Атэмия ничего ему не ответила.

Пришло письмо от второго советника министра Масаакира:

«Клокочет река,
Что горькие слёзы мои
Собой наполняют.
Так грудь мою чувства теснят,
И мнится, что скоро умру от любви».

Советник Санэтада отправился в это время в паломничество в храм Сига. Возвратившись, он преподнёс Атэмия очень красивую ветку клёна, мокрую от росы, приложив к ней письмо:

«Осенние горы пожаром
Моя любовь охватила.
Так мокры от слёз рукава,
Что влага струится из них
На кленовые листья».

Ответа на это письмо не последовало.

Улучив время, когда возле Атэмия никого не было, в покои к ней вошёл императорский сопровождающий Накадзуми.

— Знаю сам, как постыдна моя страсть. Но знаю и то, что ты бесчувственна до жестокости, — сказал он.

Атэмия не произнесла в ответ ни слова.

Юкимаса в то время должен был сопровождать жрицу из храма в Исэ[307], направлявшуюся в столицу. Он прислал Атэмия письмо с острова Тамино, который находится в провинции Сэтцу:

«В Сэтцу отправился я,
На остров Тамино.
И не было дня,
Чтобы долгим дождём
Слёзы мои не лились».

Мы знаем, что многие писали Атэмия письма. Когда влюблённые находили возможность вручить ей письмо, они уже были в некоторой степени счастливы. Если же такой возможности не представлялось, они мучились, как в огне. Некоторым Атэмия иногда отвечала на послания, другим же она не) отвечала никогда, и они, изведённые напрасным ожиданием отступали от задуманного. Всех влюблённых в красавицу нам; не перечсть.

* * *

Если так страдали посторонние, что же сказать о её родном брате, Накадзуми! Уже несколько лет он любил Атэмия тайно, хотел было забыть её, но побороть свою страсть не мог. Он всё ещё питал какие-то надежды и ни о чём другом не мог думать. «Как мне сказать о своей любви? Я несколько раз пытался ей намекнуть, но она притворяется, что ничего не понимает. Как она бессердечна!» — терзался он.

Из всех своих сестёр Накадзуми был наиболее близок с восьмой, Тигомия, которая вышла замуж за военачальникалевой дворцовой стражи. Она была ещё молода, отец не отвёл ей отдельного павильона, как другим замужним дочерям, но оставил жить её в северном доме, где жил сам со своей второй женой. Тигомия целые дни была вместе с Атэмией и только на ночь уходила к себе. Вместе с сестрой она проводила дни в развлечениях: играла в шашки, занималась музицированием. Ей-то Накадзуми решил излить душу.

— Вот уже несколько месяцев, как я хочу поговорить с тобой, — начал он.

— О чём же? — спросила Тигомия. — Было бы досадно, если бы вы, наши братья, начали скрывать что-то от нас.

— Я хочу открыться тебе, но мне так стыдно, что не знаю, как начать. Как бы ты ни была поражена тем, что я скажу, не проговорись об этом ни одной живой душе. Ты услышишь постыдное признание. Я страдаю уже несколько месяцев, но никому не решаюсь открыть своё сердце. Я ношу

всё в моём сердце, грудь моя переполнена, и вот, не зная, что делать, я решил признаться тебе одной.

— Что же это такое? — забеспокоилась Тигомия. — Почему же до сих пор ты ничего не говорил? Расскажи мне всё без утайки.

— Видя, как трудно мне выговорить то, что я хочу сказать, ты можешь догадаться, как я страдаю. Совершенно неподобающие желания гнездятся в моём сердце, и я думаю: не лучше ли было бы мне покинуть этот мир? Не об этом ли сказано: «Никому не открою свои думы»?[308] У тебя со всеми сёстрами прекрасные отношения, но особенно ты близка с Атэмия. Если ты расскажешь ей: так, мол, и так, — разве кто-нибудь узнает об этом? Уже давно люблю я её, но стараюсь убедить себя в том, что это сумасшествие, что это постыдное чувство, и так продолжается до сих пор. Мне не хочется жить на свете. Посмотри на меня, разве я тот Накадзуми, каким был когда-то? Я не говорю, что измучен, что скоро умру, потому что боюсь навлечь этим несчастье. Больше всего меня заботит то, как будут печалиться родители, поэтому я и гоню от себя мысли, что скоро расстанусь с миром. Я всё равно пропаду, признаюсь ли я Атэмия в своих чувствах или откажусь от этой мысли. Если я ей и откроюсь, ни к чему это не приведёт... Но иногда мне кажется, что если она узнает о моей любви, душа моя и после смерти ещё некоторое время будет пребывать здесь. Поэтому-то я и завёл с тобой этот разговор, хоть мне и стыдно признаться в любви, близкой к безумию. Милая моя сестра, расскажи об этом Атэмия. Просил бы я тебя, если бы это была обычная любовь?

Он говорил с такой скорбью и так проникновенно, что Тигомия, в полной растерянности от того, что она услышала, вместе тем чувствовала к брату жалость.

— Ты совершенно прав — то, о чём ты мечтаешь, не может исполниться, — сказала она наконец. — Ты не должен давать Волю своим чувствам. Но если бы ты и признался сестре в том, что поглощает все твои мысли, разве кто-нибудь мог бы догадаться об этом? Когда представится возможность, я обо всём расскажу Атэмия.

— Как ты меня обрадовала! — воскликнул Накадзуми. — Как ты добра, сестрица!

Тигомия отправилась к Атэмия. Там, как часто бывало, исполнялась музыка. Согласно звучали цитра, японская цитра и лютня. Затем пошли разговоры, и Тигомия сказала Атэмия:

— Ах, какую печальную историю узнала я как-то вечером от Накадзуми!

— Я тоже хочу знать. Не расскажешь ли ты и мне? — попросила ничего не подозревавшая Атэмия.

— Конечно, расскажу. Сказать откровенно, Накадзуми заявил, что ты жестокосердна. Когда я начала расспрашивать, о чём идёт речь, он мне вдруг произнёс неподобающие брату слова: «Я давно уже хочу открыть Атэмия свои чувства. Попроси её, чтобы она не отнеслась ко мне с холодностью». Я рассердилась, но он был так жалок и сказал, что скоро умрёт. Если он заведёт с тобой разговор, ответь ему хоть что-нибудь, чтобы утешить его. Посылаешь же ты ничего не значащие ответы даже посторонним людям. Да и кто узнает, о чём ты говорила со своим братом? Сделай это для того, чтобы другие и не заметили, как он страдает.

Атэмия покраснела и рассмеялась:

— Что же я ему отвечу, если он мне ничего не сказал?

— Но ведь говорят: «Ничего не сказал я, но горное эхо ответило»[309]. Никак нельзя допустить, чтобы он и дальше так страдал от любви. Он постоянно погружён в мрачные думы, бродит вечно раздражённый, лицом страшно изменился, весь будто потускнел. Как его жалко! Как представишь себе его чувства, становится не по себе. Да и то, разве слыханное это дело, чтобы так любить свою сестру?

Но Атэмия сделала вид, что не слышала слов Тигомия.

* * *

Шли дни, и наступил девятый месяц, называемый «долгим». Задул прохладный ветер, в саду в ухоженных деревьях и травах раздавалось стрекотание цикад, листва на деревьях пожелтела и покраснела, в зарослях травы распустились цветы, хвоя пятиигольчатых сосен посвежела, и красные листья клёнов как будто были выкрашены краской мураго[310] — то густо, то бледно. Когда светила яркая луна, лик её отражался в пруду. В одну из таких прекрасных ночей Тигомия, Имамия и Атэмия, подняв занавеси, расположились на веранде и стали играть на цитрах. Услышав их, мужчины не могли усидеть в комнатах.

— Как удивительно красиво звучат инструменты в этот вечер! — С такими словами к сёстрам подошли Мимбукё и правый министр Тадамаса[311].

Они начали вторить музыкантам, первый на органчике, второй — то на флейте, то на хитирики[312]. Было сыграно множество пьес. Услышав столь несравненную музыку, кто бы мог спокойно оставаться в своих покоях? Всю ночь до рассвета провели красавицы на веранде.

Принц Тадаясу, сын их старшей сестры, считался одним из самых умных молодых людей. Он начал было писать Атэмия любовные письма,

но потом перестал, поскольку не хотел, чтобы о нём думали как о повесе; тем не менее, и не показывая виду, принц не переставал мечтать о ней. В ту ночь он подошёл к веранде, где друг подле друга сидели сёстры при поднятых занавесях, и в рассветных лучах мог любоваться ими. Они были невыразимо прекрасны, но Атэмия была краше обеих своих сестёр. При виде её у Тадаясу безудержно забилося сердце. Он не мог произнести ни одного слова и тяжело вздыхал. Опершись на перила, юноша весь погрузился в созерцание. Он не говорил никому о переполнявших его чувствах. Ему казалось, что он стоит на горящих углях, страсть охватывала его всё сильнее и сильнее. Принц увидел в саду необычайно красивую высокую хризантему, которая начала увядать. Цветок был весь в росе и в утреннем свете казался особенно чарующим. Сорвав его, принц Тадаясу написал письмо и прикрепил к цветку:

«Вдвое благоуханней
Стал хризантемы цветок
От павшей росы.
Иначе я при виде его
Был бы так взволнован?[313]
Ах, как печально на сердце!»

Он преподнёс хризантему сидевшей среди сестёр Атэмия со словами:
— На этот цветок лучше смотреть вблизи.

Было ещё довольно темно, и, не разобрав того, что сочинил принц, Атэмия написала в ответ:

«Нет, не роса,
Но даритель мне безразличен.
Видеть и раньше могла,
Как увядают
Цветы хризантемы»[314].

Когда стало немного светлее, Тигомия смогла прочитать письмо принца и ответила ему:

«Можно ли думать,
Что, глядя на ряд хризантем,
Мокрых от капель росы,
Кто-нибудь страждет
Так сильно?»

— Ах, как это горько! — воскликнул принц, получив эти письма.

Когда наступило утро, господа отправились на службу в императорский дворец. Остальные разошлись кто куда.

* * *

Вскоре после этого второй советник министра Масаакира пришёл в усадьбу левого генерала. В помещении управляющего его встретил второй военачальник Личной императорской охраны Сукэдзуми.

— Давненько я не наносил вам визита и теперь пришёл с извинениями, — приветствовал его Масаакира.

— Я передам ваши слова отцу, — сказал Сукэдзуми и отправился к генералу: — Пожаловал второй советник Масаакира.

«Везде полно народу. Приму-ка я его здесь», — решил Масаёри. Он велел вынести подушки на веранду и пригласил гостя туда. Между ними начался разговор.

— Вас давно не было видно в императорском дворце, и многие начали беспокоиться, — сказал советник.

— Благодарю вас, — ответил хозяин. — Разыгралась моя старая болезнь, бери-бери. Несколько дней назад я представил записку об этом и с тех пор на службе не появлялся.

— Недавно во дворце наследника престола состоялось пиршество по поводу распутившихся цветов. Вы не пришли, и наследник был явно этим огорчён.

— Кто же присутствовал на этом пиршестве? — поинтересовался хозяин.

— Там были правый министр Тадамаса, правый генерал Канэмаса, Мимбукё, принцы, учёные книжники. Были также приглашены учёный Масамицу, старший помощник главы Палаты обрядов Тададзанэ, второй ревизор Правой канцелярии Корэфуса, чиновники, выдержавшие государственные экзамены первой и второй степеней. Все присутствовавшие соревновались в сочинении китайских и японских стихотворений.

— Это все люди беспредельных талантов, — сказал Масаёри — Какие же сочинялись стихотворения?

— Стихотворения были на четыре рифмы[315]. Темы предложил сам наследник престола.

— Много, вероятно, было сочинено блестящих стихотворений, — заметил хозяин.

— В тот день я нежданно-негаданно подвергся нападкам, — продолжал гость.

— Кто же это осмелился? — удивился Масаёри. — Неужели кто-нибудь из моего дома?

— Не исключено, что из вашего.

— Что вы хотите этим сказать?

— В тот день во дворец наследника престола прибыло много народу, и все гадали, почему вы не смогли прийти. Тогда я, без всякого умысла, произнёс: «Действительно, это странно. Наверное, генерал не пришёл из-за болезни». Принц Камуцукэ очень удивился этим словам и громко обратился ко мне: «Почему вы позволяете себе говорить такое?» Правый генерал Канэмаса, принц Хёбукё, да и все остальные были очень озадачены таким выпадом и говорили друг другу: «Как это странно!» Даже наследник престола очень удивился. Принц же Камуцукэ продолжал: «Вы не должны говорить подобных опрометчивых слов наследнику престола. Если вы при мне, связанном с генералом нерасторжимыми узами, позволяете говорить такие вещи, то как, должно быть, вы проклинаете его, какие несчастья вы призываете на его голову в других местах! Вы хотите извести генерала. Но если даже своими проклятиями вы и приведёте его к смерти, в Поднебесной много придворных, которые выше вас по чину[316]. К тому же, прокляв человека, жди его смерти три года[317]. И если у генерала чуть-чуть заболят руки и ноги, я буду знать, что это вы навлекли на него несчастье», — кричал принц, всё более и более озлобляясь. Даже наследник престола был в недоумении и спросил принца: «Какими такими узами связаны вы с генералом Масаёри?» На это принц Камуцукэ ответил: «Я, Ёриакира, связан с ним нерасторжимыми узами: девятая дочь этого генерала — моя жена». Все присутствующее так и ахнули. Тогда наследник престола спросил: «Как же вы получили в жёны дочь генерала?» — «Мать её — принцесса, — ответил Камуцукэ. — Жена моя очень умна. Слава о ней гремела повсюду, многие страдали от любви к ней, но получить её так и не смогли. Мне же с помощью одной уловки удалось похитить её». — «Как же так? — произнёс наследник престола и после некоторого раздумья добавил: — Предположим, что это правда. Но тогда на сей счёт должны были бы возникнуть подозрения у Мимбукё и у военачальника Левой дворцовой стражи[318]. Да и невероятно, чтобы государь ничего не слышал об этом. Очень странно!» Все были ошеломлены. Вам не рассказывал об этом господин Мимбукё? Я сейчас передал лишь одну десятую из того, что говорилось тогда. Много было сказано нелепостей!

Масаёри не стал рассказывать гостю о ловушке, которую он в своё время подстроил принцу Камуцукэ. Он рассмеялся и ответил:

— Всё, что вы рассказали, совершенно невероятно. Дочь моя ещё совсем ребёнок, и я пока не собираюсь отдавать её в жёны ни принцу, ни кому-нибудь другому. Он же говорит так, будто это чистая правда. Что это ему взбрело в голову?

Вскоре Масаакира откланялся.

* * *

Не было дня, чтобы императорский сопровождающий Накадзуми не жаловался на свою судьбу, шёл ли он во дворец, возвращался ли домой, бодрствовал или ложился спать. Как-то раз, охваченный страшной тоской, глядя в сад, он обратил внимание на куст мисканта, ветви которого поднялись высоко, но на котором, несмотря на наступившую осень, не было колосьев. Сорвав одну ветку, Накадзуми написал на её листьях:

«Как может

Мискант рассказать

О чувствах своих?

Кажется, осенью этой на нём

Так и не будет колосьев[319].

О, как это печально! Доколе же, доколе...» — и отправил Атэмия.

Она написала в ответ стихотворение и, приложив к нему колосья мисканта, послала брату:

«Вместе с другими

Рос пышно мискант.

Так почему же теперь

Он думы таит,

О которых нельзя рассказать?[320]

Ведь росли вместе...»

— О, какое горе! — воскликнул, прочитав это, Накадзуми.

* * *

Юкимаса тем временем прибыл в провинцию Сэтцу, на горячие источники Арима. Он посетил много красивых мест, видел много удивительного, но мысли его были далеко. Томимый тоской, он отправил молодого слугу с письмом в усадьбу Масаёри.

«Надеялся я,

На взморье Нагасу

Скорбные мысли мои

Уплывут далеко.

Пустыми мечты оказались»[321], —

написал он и вложил это стихотворение в письмо, предназначенное Мияако: «Передай, пожалуйста, это стихотворение Атэмия. Мне бы хотелось, чтобы она так или иначе узнала о моих мучениях».

Получив послание, Мияако отнёс стихотворение сестре. Почерк прекрасный, придаться было не к чему.

— Из такой дали он прислал тебе письмо. Ответь-ка ему, — сказал мальчик.

— Не буду отвечать! Зачем ты взялся передавать письмо? Не берись за такие дела и впредь скажи своему учителю: «Если об этом узнают батюшка и матушка, они будут бранить меня», — выговаривала Атэмия брату, и ответа она писать не стала.

Мияако вручил посланцу Юкимаса письмо, которое написал сам: «Как Вы просили, я показал Ваше послание сестре, но ответа на него, видимо, не будет. На меня она, кажется, рассердилась. За время Вашего отсутствия и я узнал, что значит мучиться. Возвращайтесь скорее.

Долгие дни
Мы провели,
Друг друга не видя.
И так много слёз, что рукава
Впитать их не могут.
Как долго длится разлука! Возвращайтесь скорее!»

Получив письмо, Юкимаса заплакал так горько, что хоть рукава выжимай. Он спешно возвратился в столицу.

Молодой человек, не находя ни минуты покоя, горько сетовал на судьбу.

Как-то раз осенним вечером Юкимаса, сидя в одиночестве, любовался сиявшей луной. Множество печальных мыслей теснилось в его голове, и он горько заплакал. Рукав его белого платья стал мокрым от слёз, и на нём показалась красная краска[322]. Юкимаса оторвал рукав и, написав:

«Взгляни,
Цвета какого
Стали мои рукава.
Разве прозрачные слёзы
Их так окрасить смогли бы?

Удивительно, что эти слёзы не находят отклика в Вашем сердце», — послал Атэмия.

Она, по-видимому, была несколько тронута его печалью и поэтому приписала к его стихотворению:

«Пока не видела я
Отрезанный платья рукав,
Как могла догадаться,
Цвета какого
Слёзы твои?

Вид этого рукава вновь и вновь заставляет меня грустить».

* * *

Пришло письмо от советника Масаакира:

«Осенние ночи
Становятся всё холоднее...
И нет ни одной зари,
Чтобы не сетовал горько сверчок на росу,
Что ложе его покрывает.

Как печально, что нет никого, кто бы знал об этом!» Ответа на письмо не последовало.

Советник Санэтада проводил всё время в усадьбе Масаёри, И люди, не зная подлинных обстоятельств, начали подозревать: «Должно быть, есть причина, почему всё время он остаётся в этом доме. Может быть, он втайне от Масаёри и его супруги добился расположения Атэмия?»

Правый генерал Канэмаса тоже питал подозрения на этот счёт и послал Атэмия такое письмо:

«Теперь бесполезно говорить о своих чувствах. Стороной я узнал о переменах в Вашем доме. Что ж, Вы всегда пренебрегали мной.

Через узкую реку
Легко
Правит лодку свою перевозчик.
Стали явью мечты,
Что путник в сердце таил»[323].
Ответа на письмо не последовало.
Пришло письмо от принца Хёбукё:

«Много послал я Вам писем, но ни разу не получил ответа. Надо, верно, самому прийти к Вам и рассказать о том, что у меня на душе.

„Что виднеется там,
В Сумиёси?“ — спрошу.
О, когда бы нашлась
Живая душа,
Что ответила б мне: то сосна»[324].
Атэмия написала в ответ:
«Время неслышно идёт,
Засыхает сосна.
Теперь в Сумиёси
Всё покрыто
Забвенья травой».

* * *

Императорский сопровождающий Накатада стал постоянно бывать в доме Масаёри и, случалось, играл на цитре в присутствии хозяев, но на кото не играл никогда, обычно предпочитал другие инструменты. С

Накадзуми он обменялся клятвой братской верности.

Как-то раз Накатада спросил Накадзуми:

— Почему тебя не было в императорском дворце? Я пришёл на службу, но тебя нигде не нашёл. Мне стало очень скучно, и я покинул дворец.

— Хотел я сегодня пойти туда, но чувствовал себя плохо, и душа так изнывала... — ответил Накадзуми.

— Отчего ты так сильно страдаешь? Уж не влюблён ли ты?

— Я не таков, как все остальные, и у меня нет возлюбленной. А ты любишь кого-нибудь? — поинтересовался в свою очередь Накадзуми.

— Если ты при своём блестящем положении живёшь один, то как же такому, как я, найти возлюбленную? — ответил Накатада. — Ничего нет на свете хуже, чем одинокое житьё. Мне некуда ходить, и если уж я могу что-то назвать своим домом, то только вашу усадьбу. Отсюда мне трудно уходить, мне никогда не хочется оставлять вас.

— Не надо так говорить, — возразил Накадзуми. — Весь мир открыт перед тобой, ты можешь делать всё, что пожелает душа.

— Ты хочешь польстить мне. В действительности всё обстоит иначе, — сказал Накатада.

Тайно от всех он беспредельно любил Атэмия. И сам Масаёри, и его жёны ставили Накатада выше своих сыновей и считали его очень утончённым молодым человеком. Обычно Накатада не играл на людях, но в доме Масаёри он время от времени садился за цитру. Даже неприступная Атэмия обратила-таки внимание на Накатада. «Как бы мне увидеть её хотя бы мельком», — думал молодой человек, но подобного случая не представлялось. «На первый взгляд он прост, — размышляла о Накатада Атэмия, — но в действительности он вовсе не таков. Это человек незаурядный и утончённый».

Однажды ночью, приблизительно в двадцатых числах девятого месяца, лил дождь и громко завывал ветер. Накадзуми и Накатада проговорили всю ночь напролёт, а на рассвет! Накатада сложил:

— Не льёт осенний дождь
На листья деревьев,
Что багрянец украсит,
Но мочит того рукава,
Кто в одиночестве страждет.

Голос его был очень красив. Атэмия услышала его и не могла не отметить, что это человек необыкновенный.

* * *

В то время в столице проживал младший военачальник Левого личной императорской охраны Минамото Накаёри, второй сын левого министра Сукэнари. Накаёри вызывал всеобщее восхищение — он был человеком незаурядным, обладал разнообразными талантами: прекрасно играл на духовых и струнных инструментах, знал множество танцев. Хорош собою, был он известнейшим повесой.

Если он не прикасался к каким-то из существующих музыкальных инструментов, то только потому, что эти инструменты были, как все считали, недостаточно хороши для него. Он учил играть на флейте императора и наследника престола и, по их мнению, был учителем несравненным. Накаёри всё время проводил в императорском дворце.

Среди придворных не было никого, кто бы мог превзойти талантами Накаёри, Юкимаса, Накатада и Накадзуми. Император жаловал бы им новый чин не один, а пять, а то и шесть раз в году, если бы они обращались к нему с подобными просьбами. Что касается детей левого генерала Масаёри, то поскольку его старшая дочь, высочайшая наложница Дзидзюдэн, пользовалась тогда беспредельной монаршей милостью, государь думал, что её родственникам или людям, как-то с ней связанным, он передал бы даже свой сан. <...>

Из них самым блистательным был императорский сопровождающий Фудзивара Накатада[325]. Он ещё ни с кем не связал себя нерасторжимыми узами, и многие хотели видеть его в своей семье, но не было случая, чтобы, проведя ночь у какой-нибудь девицы, он навестил бы её во второй раз. Непостоянный нравом, Накаёри стал посещать третью дочь императора, но и этот брак не состоялся. Молодой человек не придавал значения ни серебру, ни золоту, ни шелкам, ни парче, но, любя всё необычное, думал про себя: «Я женюсь только на небожительнице, спустившейся в этот мир. В земном мире нет ни одной женщины, с которой я бы хотел связать свою жизнь». Так он жил, не находя себе пристанища.

У главы Ведомства внутридворцовых дел Аривара Тадаясу была дочь, слава о которой гремела в столице. Отец её был человеком незначительным и к тому же бедным. Император пожаловал ему должность, не приносящую больших доходов. С годами Тадаясу становился всё беднее, а дочь его всё хорошела. Даже наследник престола поговаривал о приглашении её на службу в свой дворец. И вот в то время, как она собиралась приступить к службе у наследника престола, но ещё оставалась дома, Накаёри стал усиленно свататься к ней.

Отец её подумал: «Этот человек славится своим непостоянством, и неизвестно, будет ли он, женившись на моей дочери, жить с нею до самой

смерти. Но, может быть, у них есть предопределение в предыдущих рождениях. Предположим, что в конце концов он не останется жить у нас, — разве другие не испытали такого позора? Ведь Накаёри оставил и третью дочь императора, и дочерей министров и важных сановников. Необъяснимо, почему, видя, как он ведёт себя, столь много людей стремится, чтобы он женился на их дочерях. Ведь сколько ни расстилай перед человеком шелка и парчи, если он не захочет жить в доме, никто его не удержит. Моя дочь живёт в зарослях хмеля, среди сора и соломы[326], но если есть предопределение свыше, — Накаёри будет жить с ней. А привязать мужчину к дому, как ни старайся ему угодить, нельзя!»

Накаёри женился на дочери Тадаясу и воспылал к ней подлинной страстью. С первой же ночи, которую он провёл с ней, она овладела всеми его помыслами. Молодой человек отныне совсем не посещал других домов. Целиком предавшись своей любви, Накаёри уже не относился к службе с прежним рвением, в императорском дворце появлялся редко и, придя, сразу же стремился вернуться к жене. В других домах для него шили роскошные одежды, курили ароматы из аквилярии и мускуса, богато убирали комнаты, но на него мысль остаться там производила такое же впечатление, как житьё в горах с чертями и дикими зверями. Для Накаёри во всём свете существовала только одна его жена. Счастье их было безграничным. «О нашей любви в этой жизни уже говорить излишне, но даже в последующих воплощениях мы будем мужем и женой», — клялся Накаёри. Так прошло лет пять-шесть.

В восемнадцатый день первого месяца проходили соревнования в стрельбе из лука, победила левая сторона, и по этому случаю у левого генерала Масаёри состоялся пир. На нём присутствовали подчинённые Масаёри, сановники, принцы, чины Правой илевой личной императорской охраны. Пир был устроен самым великолепным образом. Все заняли свои места, слуги внесли столики, поставили чашки, и началась трапеза.

Накаёри играл на этом пиру изумительно. Здесь было много превосходных музыкантов. Юкимаса затмил всех танцовщиков, а Накаёри — виртуозов Музыкальной палаты[327]. За занавесями расположились друг подле друга все дочери Масаёри, начиная с высочайшей наложницы Дзидзюдэн, все необыкновенные красавицы, — и разглядывали гостей. Накаёри сидел в южных передних покоях, за ним стояли ширмы высотой в четыре сяку. У столбов расположились сановники и принцы. Громко звучала прекрасная музыка.

Заглянув в просвет между ширмами, Накаёри увидел, что в восточной части внутренних покоев, отделённой от пирующих занавесями, собралось

много женщин, каждая из которых блистала изумительной внешностью. Молодой человек забыл, где он находится. «Ах, как они прекрасны!» — думал он, вне себя от восторга. Среди этих дам, превосходивших своей сияющей красотой всех женщин, которых он видел до сих пор, одна показалась ему небожительницей, спустившейся на землю. «Это, должно быть, та самая Атэмия, о которой идёт такая слава!» — решил восхищённый Накаёри. Великолепные красавицы рядом с той, которой он любовался сейчас, выглядели жалкими. «Что мне делать?» — подумал в замешательстве молодой человек, и в этот момент Атэмия встала и вместе с Имамия направилась в глубину покоев. Её удаляющаяся фигура, грация её движений были ни с чем несравнимы. «И это так она выглядит издали, при мерцающем свете лампы! — Накаёри почувствовал неизъяснимую муку в сердце. — Ах, лучше бы мне не заглядывать за эту занавесь! Разве можно жить, как раньше, увидев такую красавицу? Как же быть?» Накаёри не знал, жив ли он или уже умер. Игра его при этом стала ещё великолепнее и ещё глубже проникала в сердца слушающих.

Пир затянулся. Но вот сановники, принцы и все мелкие чины получили подарки, гости стали расходиться. Наступил рассвет.

Собираясь покинуть усадьбу генерала, Накаёри думал: «Я наверное, скоро умру. Пусть же сегодня полностью проявится моё мастерство. И пусть услышит меня та, кого я так полюбил!» Он заиграл с неподражаемым искусством.

Кончив играть, молодой человек покинул дом Масаёри. Другие гости тоже ушли. Но Накаёри был не в силах отойти от ворот. Не зная об этом, почти сорок прислуживавших дам; желавших посмотреть на разъезд гостей, вышли на улицу. В рассветных лучах они выглядели особенно привлекательно. Увидев их, Накаёри подошёл к ним и сказал:

— Не лучше ли смотреть на гостей вблизи, чем издали, из-за занавески?

— Мы и вблизи часто смотрим... — ответили ему.

Возле него стояла дама по прозвищу Моку, и, задержав её, Накаёри сказал:

— Как приятно, что мы разговорились! Меня зовут Накаёри. Вы не знаете меня?

— Кто же вы такой? Я никогда не слышала о вас, — ответила та.

— В таком случае, мы теперь можем познакомиться. У нас есть, о чём поговорить.

Но в этот момент из ворот вышел принц Хёбукё.

— Мы поговорим позже, — бросил даме Накаёри и тут же исчез.

Накаёри поневоле вынужден был возвратиться домой. Пять-шесть дней он лежал в постели, не поднимая головы, погруженный в думы, и страдал донельзя. Жена, которая раньше казалась ему совершенством, теперь стала безразлична. Раньше, не видя её хоть малое время, он начинал тосковать, ему делалось грустно, теперь же жена стояла перед ним, а Накаёри не замечал её. Он был в полном смятении и не знал, что с ним станет.

— Отчего ты изменился? Чем так озабочен? — спросила его жена.

— Я думаю о тебе — вот моя забота, — ответил он. — А ты бы хотела, чтобы я был легкомысленным?

Глядя на мужа, жена не узнавала его.

— Так ли это? — воскликнула она. —

Раньше слышала я,

Что изменчиво сердце твоё,

А теперь убедилась сама.

О, волны, встающие вровень

С Суэномацу-горой![328]

Хоть у Накаёри все мысли были в разброде, его охватила жалость к жене, и он, плача, сказал:

— Ветер с залива

В дверь постучит,

Но сразу же мчится назад.

Вздымаются где-то вдали

Волны вровень с горой[329].

О, моя милая!

«Нет, не из-за меня он льёт слёзы», — подумала его жена и ушла на половину родителей. Она провела там день, и когда с наступлением ночи собралась ложиться спать, мать спросила её:

— Почему ты не идёшь к себе, а ложишься здесь? Ты не должна делать этого. Нельзя забывать, что у человеческого сердца свои законы. Сколько на свете людей, живущих в невыразимой нужде, но вряд ли найдутся такие бедные, как мы. Твой муж привык бывать в роскошных хоромах, в домах богатых аристократов, поэтому каким неказистым, должно быть, кажется ему наше жилище! Разве оставался бы он здесь хоть один день, если к тому же ты была бы невзрачной женщиной? Мы воспитали тебя, как воспитывают всех благородных девиц, потому-то даже такой ветреник, как Накаёри, все эти годы оставался с тобой. Если теперь он покинет тебя, Пойдут прахом все усилия твоего отца услужить зятю. Разве это не будет прискорбно? Нынешние мужчины, прежде чем взять в

жёны девицу, интересуются, есть у неё родители, есть ли дом, умеет ли она стирать и шить, регулярно ли в её доме выплачивают слугам жалованье, есть ли там лошади и быки. Пусть она и раскрасавица, характера распрекрасного, мила, но живёт в заброшенном месте, в бедности и унынии, в таком маленьком доме, что и не поймёшь, дом это или хибарка, — только он это увидит, тотчас начинает размышлять: «Ах, как всё выглядит нищенски! Хлебну я с такой женой горя», — и к ней ни ногой. А спросят его: «Почему ты больше не бываешь у неё?» — он начинает городить, что, мол, навещает её монах или ещё кто, — а сам и близко туда не подходит. Возьми другую: неизвестно, из какого рода отец и дед, лицом похожа на чёрта, голова вся седая, согнута в пояснице пополам — ну точно обезьяна со связанными сзади лапами, — но очень богата, — и тут уж в Поднебесной никто этого мимо ушей не пропустит, и поднимется такой шум![330] Вот каковы теперешние люди! Я не думала, что под нашей крышей кто-нибудь решит остаться хотя бы на одну ночь, но Накаёри, не обратив внимания на дочерей знатных чиновников и богачей <...>. Я не хочу, чтобы моя любимая дочь сделалась всеобщим посмешищем, чтобы её считали легкомысленной женщиной. Не давай никому повода судачить о тебе: «Он когда-то жил у неё в доме, а теперь туда и не показывается». Сколько лет он не слушал ничьих предложений, но кто об этом вспомнит? Поручи себя providению. Кроме того, если опостылеешь ты ему, перестанет он навещать тебя, и все подумают только одно: «Что же, это всегда был непостоянный человек!» Для того, чтобы Накаёри не покинул тебя, мы всё, что осталось нам от наших родителей, даже лакированные шкатулки для гребней, продали без всякого сожаления, продали усадьбу в провинции Оми, которую сдавали в аренду в течение многих лет, — лишь бы он был тебе мужем. И за все наши труды мы получили воздаяние: до сих пор он постоянно навещает тебя — как мы этому радуемся! А никто из тех, кто живёт в роскошных хоромах, не может женить его на своей дочери. И как мы должны быть благодарны, что всё это время он каждый день, каждую ночь проводит в нашем доме! Как же можно не ценить такого мужа! О, дочь моя, не пренебрегай Накаёри! — Так говорила она, заливаясь слезами.

— Я столкнулась с тем, что видеть нестерпимо больно. Мне показалось, что нет уже смысла жить. Поэтому я и решила не смотреть на это более.

— Что же всё-таки произошло? — спросила мать.

— Верно, меня перед ним оговорили. После пиршества по поводу соревнования в стрельбе из лука он, вернувшись домой, не находит покоя

ни днём, ни ночью. Думаю, что он жаждет встретиться с какой-то женщиной, а на меня ему смотреть противно. Поэтому я и ушла, чтобы не показываться ему на глаза.

— Сделай вид, что ничего не замечаешь, и иди к нему, — плача, убеждала её мать.

Поддавшись на её уговоры, дочь пошла к мужу. А Тадаясу принялся расспрашивать жену, почему Накаёри целыми днями сидит дома.

Когда жена Накаёри вошла к себе в комнату, муж её по-прежнему лежал в постели.

— Почему ты не приходила до сих пор? — спросил он.

— Я не хотела раздражать тебя.

— Без тебя я так страдаю. Иди же скорее ко мне, — сказал Накаёри. И она легла рядом с ним.

На следующее утро Тадаясу прошёл в покои зятя.

— Ты и сегодня остаёшься дома, — сказал он. — Наверное, ты думаешь, что тебя все забыли. Очень хотелось бы помочь тебе, но не знаю, в чём дело. Мне очень досадно, что не могу быть тебе полезным.

— Я глубоко тронут, — поблагодарил тестя Накаёри. — Я не думаю, что все меня забыли. Несколько дней назад я почувствовал себя плохо. Такого со мной ещё никогда не было. Поэтому я решил не ходить на службу и остаться дома.

— Что же с тобой произошло? — поинтересовался Тадаясу.

— Сам не знаю. Когда я был у левого генерала на пиршестве по поводу победы в стрельбе из лука, хозяин дома всё время подносил мне чаши с вином, и я выпил слишком много. Наверное, от этого я и заболел.

— Я тебе очень сочувствую, — покачал головой Тадаясу. — Нет ничего хуже такого похмелья.

Он отправился к дочери и сказал ей:

— Накаёри нездоров. Утешь его как-нибудь. Его очень жалко <...>.

Жена же видела, что Накаёри не в себе, и думала: «Как это Горько!» Обмакнув кисть в тушечницу, она написала красивым почерком:

«В этой жизни у знала,
Что такое жестокое сердце.
Но в рожденьях других
Сбудутся или нет
Наши клятвы о вечной любви?»

Она скомкала листок и оставила его лежать на столе.

Прочитав стихотворение, Накаёри подумал: «Горе мне! Я живу, как во сне, питаю бесплодные думы, несбыточные мечты. Теперь жена уверена,

что у меня жестокое сердце. А если бы это была другая женщина, не жена, которая любила меня столько лет...» Его охватила глубокая печаль, и он обратился к жене:

— С древности так повелось:

Если любящих двое

Дали в верности клятвы друг другу,

Всю жизнь проживут они вместе

И вместе умрут.

Я страдаю, как никогда раньше. Прости меня, если я был холоден с тобой.

В этот вечер они легли спать вместе.

* * *

В усадьбе генерала Масаёри шла подготовка к подношению отрёкшемуся от престола императору Сага молодых трав[331], которое должно было состояться в день крысы, приходившийся на двадцать седьмой день. В церемонии собирались принять участие все члены семейства — и мужчины, и женщины. Все сделали заранее самым великолепным образом.

Выезд был устроен необыкновенно красиво. Со взрослыми ехали дети и внуки. Было приготовлено шесть экипажей, украшенных цветными нитками, четырнадцать — украшенных листьями пальмы арека, пять — для молоденьких прислужниц, делающих причёску унаи, и пять — для прислужниц низшего ранга. Впереди шествовали двенадцать чиновников четвёртого ранга, сорок — пятого ранга, бесчисленное множество чиновников шестого ранга. В свите были все зятья Масаёри. Музыкантов было не счесть, танцовщики и молодые господа изумляли толпу своими роскошными одеждами. В шести экипажах, украшенных цветными нитками, которые были окружены пешими сопровождающими, ехали вторая жена Масаёри и молодые госпожи; в двух экипажах, украшенных листьями пальмы, — прислуживающие дамы, далее — прислужницы низших рангов, все садились в экипажи по несколько человек. В экипажи для слуг должны были садиться по четыре прислужницы. Взрослых было сорок человек, детей — двадцать, слуг низших рангов — десять. Все были одеты великолепно. У двадцати человек взрослых на красное платье было надето верхнее платье красного цвета с чёрным отливом, у других двадцати поверх красного платья было платье красного цвета с чёрным отливом на голубой подкладке или платье из узорчатого шёлка, окрашенного травами. Все юные служанки, делающие причёску унаи, были одеты в зелёные одежды и в накидки красного цвета с чёрным отливом, в

штаны и одежды из лощёного шёлка — о цвете я и не говорю. Прислужницы низших рангов были в одеждах, окрашенных травами, в одеждах цвета коры кипарисовика и в белых на розовой подкладке. Танцовщики выглядели прекрасно и были в таких же роскошных нарядах. <...> Об этом Масаёри позаботился прежде всего, но из-за множества дел оказалось, что старики не получили столь красивых платьев, как молодые. Низкие души, они плакали и злились на Масаёри, не сознавая, что выглядят отвратительно. Но в конце концов, когда все приготовления были закончены, Масаёри велел и им что-то пожаловать. Столики и подносы — обо всём ром Масаёри подумал сам, всё было великолепно.

Приглашая знаменитых музыкантов для участия в празднике, Масаёри не забыл и Накаёри. Тот в это время был в доме Тадаясу, он так и лежал в постели, возвратившись с пиршества по поводу победы в стрельбе из лука, и ничем не интересовался.

— К вам от левого генерала, — доложили ему.

— Что он изволит сказать? — спросил Накаёри.

— Завтра, в день крысы, генерал посетит отрёкшегося от престола императора Сага и хотел бы, чтобы и вы пожаловали туда.

— Сейчас я нездоров и не смогу быть там, — сказал Накаёри и остался дома.

Узнав об этом, Масаёри огорчился: «Какая досада! Если к императору не поедут Накаёри и Накатада, праздник будет совершенно неинтересным». Он сам сел за письмо Накаёри. Попеняв за то, что тот долго у него не показывается, Масаёри написал: «Мы собираемся поднести отрёкшемуся императору Сага молодые травы, и я буду очень огорчён, если Вы не сможете присутствовать при этом. Я всей душой желаю, чтобы Вы исцелились. Как я буду радоваться, видя Вас в добром здравии на пиру! Для меня эта церемония имеет большое значение. Мне было бы очень приятно, если бы Вы смогли присутствовать на ней».

Прочитав письмо, Накаёри очень изумился и, пересилив недомогание и плохое настроение, отправился к Масаёри. Генерал опять попросил его быть у отрёкшегося императора на следующий день.

— Наследник престола объявил через главу Личной охраны Нагамаса, что он завтра собирается нанести визит отрёкшемуся от престола императору. Чувствуя себя последнее время плохо, я доложил, что вряд ли смогу быть в его свите. Но узнав о вашем желании видеть меня у отрёкшегося императора, я переменял решение, — сказал Накаёри.

— Да, наследник престола заявил о своём решении посетить отрёкшегося императора, — ответил Масаёри. — Когда обсуждался

вопрос, кто будет его сопровождать, придворный Нагамаса сказал, что вы обязательно должны быть в свите, и я думаю, он так и доложил наследнику.

— В таком случае, я обязательно пойду во дворец, — сказал Накаёри.

— Это чрезвычайно приятно.

Таким образом, на праздник собрались непревзойдённые музыканты. А в свиту наследника престола были зачислены принцы и сановники высших рангов.

Двадцать седьмого дня, рано утром, во двор Масаёри въехали экипажи, и господа, собираясь садиться в них, стояли друг возле друга. Муж кормилицы второй супруги Масаёри, бывший правителем провинции Бинго, и двоюродный брат самого Масаёри, младший сын его тётки, принявший постриг в миру, — люди, которые обычно императорский дворец не посещали, — тоже стояли здесь и просили: «И мы когда-то были в чести! Возьмите нас в свиту». Но на них никто не обращал внимания. Им только оставалось посмотреть на выезд.

Наконец все сели в экипажи и двинулись в путь. Впереди шествовали слуги четвёртого, пятого и шестого рангов — их было около двухсот человек.

* * *

Раньше советник Минамото Санэтада жил в просторно» красивом доме на Третьем проспекте, около канала Хорикава. В четырнадцать лет он женился на единственной дочери пользовавшегося в то время большим влиянием знатного сановника, которую родители воспитывали в большой холе. Санэтада с женой жили душа в душу, у него и в мыслях не было обратить внимание на какую-нибудь другую женщину. «Об этом мире и говорить нечего, но и в будущих перевоплощениях, родимся ли мы деревом или травой, зверем или птицей, даже тогда мы будем любить друг друга» — такими обменивались они клятвами.

У них родились сын и дочь. Девочку звали Содэмия, а мальчика Масаго. Отец не мог прожить ни минуты, не видя сына, и чрезвычайно заботился о нём. Дом Санэтада был отделан со всевозможной роскошью, изукрашен золотом, серебром, лазуритом. В доме было множество слуг.

Но когда Санэтада полюбил Атэмия, он забыл все свои клятвы, которые давал жене. С тех пор он всё время проводил в усадьбе Масаёри, не интересуясь ни женой, ни детьми, которые влачили дни в тоске. Санэтада не приходил домой ни когда завывал ветер, ни когда пели птицы. Так день тянулся за днём. Жена его только печалилась и сетовала на судьбу.

Дом Санэтада постепенно разрушался, слуг оставалось всё меньше, пруд зарастал ряской, в саду буйно разрослись сорные травы. Ни почки на деревьях, ни цветы — ничто не напоминало прежних дней. Каждое утро госпожа из северных покоев думала: «Не придёт ли сегодня?» — и весь день проводила в ожидании. Когда наступала ночь, она надеялась: «Не покажется ли хотя бы тень его?» Так она жила, проливая слёзы.

Как-то раз во втором месяце шёл дождь, наводящий на Душу уныние. Дети не могли выйти из дому и, тоскуя об отце, горько плакали. Мать их от этого печалилась ещё больше. Послав слугу взять из соловьиного гнезда птенца, мокрого от Дождя, она написала:

«Под весенним дождём
Всё промокло насквозь
В старом гнезде.
Жалостью сердце полно, когда я смотрю
На мокрых птенцов.

Трудно найти более жалкое жилище! Что до Масаго — кто может знать, сколько на свете песчинок?»[332] — и велела отнести письмо и птенца Санэтада.

Он, прочитав письмо, подумал: «Наболело, должно быть, у них на сердце!»

«Пусть беззаботно
От цветка к цветку
Носится соловей,
Сердце его любовью полно
К дому, где жил когда-то.

Наберись терпения. Как сильно, думаю я, ты страдаешь! Скажи Масаго, что я вернусь, как только закончу считать песчинки!» — написал он жене.

Прочитав это, госпожа из северных покоев горько заплакала.

Шло время. Масаго исполнилось тринадцать лет, Содэмия — четырнадцать. Мальчик всё тосковал об отце, который раньше так заботился о нём. Он ничем не интересовался, ничего не ел и постоянно был погружён в грустные думы! «Прежде, когда отец любил меня и мы проводили время вместе, как он беспокоился, если я хоть ненадолго покидал его! А сейчас, даже проходя мимо нашего дома, он не заглядывает к нам. Я для него больше не сын. У человека без отца надежд на успех в жизни нет. Даже при талантах, трудно ему учиться и получить приличное место. А я стал именно таким человеком». От этих навязчивых мыслей Масаго заболел и вскоре совсем ослаб.

Однажды он сказал кормилице, заливаясь слезами:

— Тогда, когда я любил отца, я и не предполагал, что так всё может измениться. Как бы я хотел, чтобы ты оставалась и впредь служить матушке!

— Как вы можете произносить подобные вещи! — стала укорять его кормилица. — Хоть матушка ваша сейчас и бедствует, но поскольку вы есть на свете, она живёт надеждой на будущее. Если бы не вы, все слуги, начиная с меня самой, решили бы: «На что можно рассчитывать, служа в таком доме?» Не теряйте надежду на вашего отца, хотя он сейчас обращается с вами не так, как подобает родителю. Не бойтесь, что ваша жизнь пройдёт впустую! — Она горько при этом плакала.

— Я и сам так думаю, но нет сил жить мне! — ответил Масаго. — Когда меня не станет, служи матушке усердно.

В тоске об отце он скончался. Мать не находила себе места, но что можно было сделать?

Санэтада не знал ничего о смерти сына. Он весь был погружён в свои бесплодные мечтания и от одних и тех же дум даже заболел. В один прекрасный день Санэтада решил куда-нибудь уехать. Он провёл некоторое время далеко от столицы, предаваясь своей тоске и совсем не вспоминая о жене и детях, которых любил когда-то, поэтому и не знал, что сына его уже нет в живых, тогда как в течение семи[333] дней после смерти Масаго госпожа из северных покоев рисовала изображения будд, переписывала сутры, шила одежду для монахов и заказывала поминальные службы. Дни и ночи проводила она на горе Хиэй. Санэтада, в свою очередь, отправился туда же, дабы просить будд об исполнении своих желаний, и услышал там поминальную молитву, в которой с чувством описывалось, как из-за чёрствости отца погиб его единственный сын. Все, кто тогда находился на горе Хиэй, были охвачены скорбью и осуждали отца. Санэтада был потрясён, он залился горькими слезами, упал наземь, но что проку... Санэтада заказал службы и сам читал сутры в поминание сына. Вот каким образом он узнал о смерти Масаго.

Тем временем стал распространяться слух, что жена Санэтада, живущая в одиночестве и проводящая дни в томительной печали, стала ещё краше, ещё прелестнее, чем раньше. Дочь её повзрослела, и обе они получали от многих господ любовные письма. Среди тех, кто писал госпоже из северных покоев, особенно добивались её расположения Сукэдзуми, третий сын Масаёри, начальник Императорского эскорта[334], принц Хёбукё и главный императорский конюший. Те, кто имел возможность видеть жену Санэтада вблизи, были ослеплены её красотой.

Она же не переставала тосковать о Масаго. Как-то раз она написала:

«Как мне выдержать мысль,
Что ты навсегда
По той дороге ушёл,
О которой вчуже услышишь,
И стынет сердце от страха!»

Содэмия написала такое стихотворение:

«С другом была неразлучна
Уточка нию.

А теперь в одиночестве

Плавать должна

По пруду, полному слёз».

Погружённая в неотступные мысли о сыне, заливаясь с слезами, госпожа из северных покоев написала[335]:

«В грустных думах веду я счёт своим дням.

Раньше мы были с тобой неразлучны,

Как утки, что плавают вместе всегда

В пруду, по глади спокойных вод,

Радуюсь сердцем на своих двух птенцов.

В вечной верности друг другу клялись,

Обещали быть вместе до гроба —

Радость иль горе, мель иль пучина.

Но весенней порой распустилось

В роще много прекрасных цветов,

Туда повлекло тебя сердце,

И от меня ты ушёл безвозвратно.

Я же каждое утро ждала,

Шуму бурного ветра внимая,

Не мелькнёт ли тень птицы летящей.

В гор глубине, где сосен хвоя густа,

В печали я дни проводила.

Время шло. Незаметно птенцы подросли.

Всем сердцем заботясь о них,

Молила богов я, чтобы долго

Могла любоваться на их красоту.

Непрестанно, в тоске об отце плакал Масаго.

Как дождь, лились слёзы, наполняя кровавое море.

Через бурные волны он отправился к жёлтым ключам,

От берега, где прибой на песок набегают,

В далёкий мрачный предел[336].
Сын мой, Масаго, который в чёрные ночи
Со мною лежал под одною накидкой,
Который утром вставал, как встают на востоке тучи,
Который резвится между деревьев в саду,
Один ушёл по страшной дороге.
Не успел снег растаять на ветках,
Сын мой покинул меня.
О, если б могла я уйти вслед за ним!
В доме рушатся балки. В саду
Дикие травы буйно растут.
А когда-то сюда прилетали птицы и лёгкие бабочки
И кружились между жемчужных ветвей[337].
Как в небе плывущие облака,
Ты стал безучастен к нашим печалям.
Но если бы сын твой мог видеть тебя,
Он не исчез бы, как тает лёгкий туман
На заросшей травой вершине горы.
Кажется мне, что даже сейчас
Масаго с тоской об отце вспоминает.
Так в грустных думах провожу я весенние дни,
Смотря, как по небу беспечно гуси летят».

* * *

Наступили последние дни одиннадцатого месяца. В день праздника нового урожая от наследника престола пришло письмо, адресованное Атэмия:

«Сколько бы просьб
Ни слышали боги сегодня,
Ко всем они снизойдут.
Пусть исполнят они и желанья твои,
Сердце твоё успокоив».
Красавица ответила на это:
«Пусть сегодня
Нисходят боги ко всем,
Но даже глупец
Не станет молить
О том, к чему не лежит его сердце».
Глядя на падающий снег, наследник престола написал ей:
«Не больше я для тебя,

Чем снег, что на воде исчезает.
Градины слёз замёрзших моих
Усыпали землю,
Но сердце твоё безответно».

Атэмия ответила:

«Так много сыпало снега,
Что горой взгромоздиться он мог бы.
Но на воде он тут же растаял.
Если влюблённого сердце пусто,
Кто может ему поверить?
Больно смотреть на это».

Правый генерал Канэмаса рекомендовал танцовщицу для исполнения пляски «Пяти мановений»[338] и отправился специально для этого в императорский дворец. В ту ночь он прислал Атэмия письмо:

«Нет узоров на платье твоём.

Но разве с ним может
Сравниться пышный наряд
Плясуньи

На празднике государя?
Напрасно и сравнивать!»

Атэмия ответила ему:

«Если бы даже была я
Небесной плясуньей,
С облака на землю сошедшей липового,
Носила бы я и тогда
Платье без всяких узоров.

Извините, что такая мысль пришла мне в голову».

Принц Хёбукё, который в то время должен был проводить церемонию очищения[339], прислал из императорского дворца письмо Атэмия:

«Даже в одежде постника,
Травами густо окрашенной,
Я не могу девицу забыть,
Но встретиться с ней
Мне не дано.

Смогу ли я когда-нибудь забыть Вас? О, горе!» Атэмия написала в ответ:

«Не пойму, отчего,
По болотам траву собирая,
Чтобы выкрасить платье своё,

Вспомнил тот обо мне,
Чьё сердце непрочным слывёт.
Кто, кроме Вас, мог бы написать мне подобные вещи?»

Главный архивариус и второй военачальник Личной императорской охраны Накатада[340], отправляясь на внеурочный праздник в храм Камо[341], написал Атэмия:

«От радости сердце трепещет.
В сумерках ныне надеюсь
Тебя в храме Камо увидеть.
Ужель всемогущие боги
Мне в этом откажут?
Я сегодня отправляюсь туда в надежде на подобное чудо!».

Атэмия, прочитав письмо, воскликнула:

— Как замечательно! — и написала ему в ответ:

«Жди, пока листья сакаки[342]

Жёлтыми станут.

Даже богам не дано

Свиданья нашего час

Ускорить.

Боги со мной единомушны».

Пришло письмо от принца Тадаясу:

«Многие годы один

Сплю я в холодной постели.

В покрытых снегом горах

Даже веток деревьев

Не различить».

Как-то раз землю покрыл иней, и утром того дня пришло письмо от Минамото Судзуси[343]:

«Безответными письма

Мои остаются.

Не сковал ли уста твои иней,

Что зимней ночью

Листья деревьев покрыл?

Что должен я думать?»

Атэмия ничего ему не ответила.

В первый день двенадцатого месяца императорский сопровождающий Накадзуми, отломив ветку сливы с только что распустившимися цветами, написал:

«Сливы цветы,

Не дождавшись весны,
Одежды шнуры развязали.
Увидев их, мог ли не вспомнить
О милой моей?»

Он привязал стихотворение к ветке и послал Атэмия, но она ничего не ответила, как будто и не видела ветки.

В последний день двенадцатого месяца, придя домой по, еле чтения сутр в императорском дворце Чистоты и Прохлады, Сэйрёдэн, Накаёри написал Атэмия:

«Подходит сегодня к концу
Год, доставивший мне
Столько печали.
Когда же наступит конец
Тоскливым думам моим?»

Ответа он не получил.

Наступил новый год, и в первый день его пришло письмо от Юкимаса:
«Обновляется год.

Как хотелось бы мне,
Чтобы вместе с ним обновилось
Сердце твоё,
Что так сурово было со мной!

Этот день кажется мне особенно многообещающим».

Фудзивара Суэфуса[344] на экзамене, организованном по высочайшему повелению, представил сочинения на шестьдесят тем, которые государю понравились. Когда наступил новый год, седьмого дня, во время пожалования чинов генерал Масаёри, проникшийся к молодому человеку сочувствием, ходатайствовал за него перед императором. Одиннадцатого дня Суэфуса был назначен первым секретарём Ведомства дворцовых служб и учителем наследника престола. Благодаря успеху на дворцовом пиру он сменил зелёную одежду на красную[345]. После этого он написал письмо Атэмия:

«Цвет одежд
Меняю вторично
В этом году.
Но думы, что в сердце таю,
Изменениям неподвластны», —
но послать письмо красавице не решился.

Святой отец Тадакосо[346] попросил Мияако передать Атэмия письмо:

«И даже пеньё соловья,
Что ветер из долины
Впервые этою весной
Доносит до монастыря,
Меня теперь не радует.

Подобные мысли не пришли бы мне в голову, если бы я не любил Вас так сильно».

Долго Атэмия, прочитав это[347], не могла прийти в себя от страха и на письмо не ответила.

Глава V СЛИВА, ПОКРЫТАЯ ШАПКОЙ ЦВЕТОВ

Уже давно император Сага отрёкся от престола[348], и страной стал править наследник, ныне император Судзаку. Царило спокойствие, и государство процветало. Левый генерал Масаёри принадлежал к роду Минамото, но мать его происходила из Фудзивара. О многом он хотел просить богов и решил отправиться для этого в храм Касуга[349] и исполнить там священные песни и пляски. Он был весь поглощён приготовлениями. В доме генерала шили новую одежду молоденьким прислужницам, делающим причёску унаи, и слугам низших рангов, которых брали в храм. Одежда сопровождающих, не имевших права носить определённых цветов[350], одежда музыкантов низших рангов[351] и танцовщиков шилась такой же, как на внеурочном празднике в храме Камо. Генерал входил во все детали и сам выбирал для шествия людей приятной наружности.

В свиту было выбрано сорок мальчиков красивой внешности, сорок взрослых, восемьдесят танцовщиков. Масаёри велел вести в Касуга десять скаковых лошадей[352]. В танцах должны были принимать участие известные исполнители, начиная с сыновей самого генерала, уже имеющих доступ в императорский дворец, а кроме того самые младшие его дети. И даже в сопровождающие были приглашены подростки, прислуживавшие в императорском дворце.

Взрослых прислужниц было сорок, юных служанок, делающих причёску унаи, — двадцать, прислужниц низших рангов — двадцать. Взрослые были одеты в зелёные китайские платья, девочки — в красные одежды и узорчатые штаны, прислужницы низших рангов — в зелёные китайские платья и белые платья на зелёной подкладке. Взрослым прислужникам низших рангов было не более двадцати лет, юным служанкам — не более пятнадцати. Все девочки и слуги низших рангов были одного роста и похожи друг на друга.

Двадцатого дня второго месяца семья Масаёри отправилась в храм. Экипажей, украшенных цветными нитками, было десять, покрытых листьями пальмы арека — тоже десять. В экипажи, украшенные нитками, сели вторая супруга генерала и девять её дочерей, которые были уже замужем. Только старшая дочь, госпожа Дзидзюдэн, была беременна и

осталась дома. Все дамы были одеты в красные китайские платья со шлейфами из полупрозрачной ткани, окрашенной травами. Нижние же платья были светло-зелёного цвета.

В десять экипажей, покрытых листьями пальмы, село по четыре человека. Подростки, которые обычно делали причёску унаи, на этот раз сделали причёску бидзура[353]. Они ехали верхом. Слуги низшего разряда шли пешком. Среди них было шесть чистивших нужники слуг, одетых в зелёные платья. Перед экипажами ехали верхом восемнадцать чиновников четвёртого ранга, тридцать — пятого ранга и пятьдесят — шестого. Цвета их нижних платьев были подобраны таким образом, что их длинные полы гармонировали с мастью лошадей. Множество народу участвовало в паломничестве, от принцев и сановников до живущих в горах дровосеков. Из дома Масаёри процессия двинулась по Дворцовому проспекту, Омия[354].

Наконец добрались до храма. Там было разбито множество шатров. Господа вышли из экипажей. Мужчины выстроились в ряд. Исполнение танцев началось в час дракона и продолжалось до часа обезьяны[355].

Танцовщики получили в награду по полному женскому наряду, музыканты низших рангов — по белой накидке с прорезами из узорчатого шёлка на розовой подкладке и по штанам на подкладке. Всем, находившимся в свите знатных господ, было вручено по полному женскому наряду из узорчатого шёлка, а чиновникам ниже пятого ранга — штаны из белого лощёного шёлка. Каждому из участников был вручён подарок, и когда все накинули на плечи полученные платья, казалось, что ветер осыпал их лепестками цветов.

— Удивительно! Много видел я храмов и мест, знаменитых своей красотой, но в этом храме очарование особое, — обратился Масаёри к окружающим. — Даже трава и деревья, которые везде одинаковы, здесь выглядят очень изысканно и исполнены особой прелести.

— Вы правы, — согласился принц Хёбукё. — Я посещал этот храм десять раз, но такого не видел. В нынешнем году весна наступила неожиданно рано, цветы, которые обыкновенно цветут позже, уже распустились, и оттого, что в одно и то же время лопаются почки и распускаются цветы, весна кажется совершенно необычной.

Масаёри улыбнулся и сказал:

— Узнав, что в этом году я вознамерился посетить храм, травы и деревья приготовились встретить меня.

Принц Хёбукё отломил красивую ветку цветущей сливы и, взяв фигурку мальчика, вырезанную из аквилярии, брызнул на неё каплями

росы с цветов. Он сочинил стихотворение и послал Атэмия:

«Цветами, как шапкой,
Вся слива покрыта.
Путник печальный приблизился, дабы
Их благовонье вдохнуть,
И вымок до нитки.[356]

Мне надо было жениться на тебе, когда ты была ещё девочкой».

Атэмия, в свою очередь, попросила отломить ветку сливы, прикрепить к ней изображение бабочки миномуси[357] и поставила под нею куклу в шляпе. Она написала в ответ такое стихотворение:

«То села бабочка,
С горы Микаса прилетев,
На ветку, полную цветов,
И капли крупные росы
На путника упали».[358]

Масаёри обратился к младшему военачальнику Личной императорской охраны Накаёри:

— Сегодня очень радостный день, и всё находит отклик в сердце. Было бы жаль, если бы такой день прошёл бессодержательно. Не могли бы вы предложить темы для сочинения стихов?

— Это так трудно! — стал было отнекиваться Накаёри, но написал:

«Сегодня уже середина весны. Темы для стихотворений будут таковы:

„Вчера, лёжа в постели, ожидал появления луны”;

„Жду, когда начнёт петь соловей, навстречу которому цветы шлют аромат”[359];

„Вереница гусей, улетающих весной”;

„Ряды уток на берегу реки”;

„Весна, почки на деревьях”;

„Прибытие в храм Касуга”.

Темы для последующих стихотворений:

„Соловьи среди цветущих ветвей”;

„Под звон цикад в соснах переживаю осенний дождь в шалаше”;

„Разбуженная людьми, трава узнаёт о приходе весны”;

„Жду, когда зацветёт горная вишня”;

„Бледно окрашенные весенние глицинии”;

„Связанные нити веточек ивы”;

„Пестреют цветы под весенним дождём”;

„Под ветром облетают с веток цветы”;

„Блекнут цветы сливы, растущей у изгороди”;

„Утренний туман всё зелёным одел”;
„Жёлтая парча вечерних облаков”;
„Зимой были молоды в горах, но с приходом весны в поле созрели”;
„Ближнее поле, глядя на танцующих, жаждет покрыться цветами”;
„В далёких горах при звуках музыки тают снежные вершины”;
„Трава, растущая под снегом”;
„Молодые травы покрыты инеем”;
„Нежная зелень почек”;
„Расцвела красная слива”;
„Весна, в тающем снегу показалися ростки папоротника”;
„Лёд, тающий от жара камней”;
„Не помнящая возраста сосна”;
„Второй раз в году цветы встречают весну”;
„Никто больше не выходит в поле”;
„Олень, спешащий в горы”;
„Гнёт ветер ветки”;
„Трава под весенним дождём”;
„Тоскуют цветы, потому что уходит весна”;
„Цикады, мечтающие о лете”;
„Листья деревьев ждут прихода осени”;
„Птицы не любят зимы”;
„Собрались друзья, но нет луны”;
„Ранним утром восхищаюсь луной”».

Так написал Накаёри и передал список принцу Хёбукё. Пробежав глазами список, принц сочинил стихотворение на тему: «Вчера, лёжа в постели, ожидал появления луны»:

Лёжа в постели,
Вчера ожидал
Я появления луны.

О, весенняя ночь! Смогу ль насладиться
Сегодня я видом прекрасным?[360] —

написал он и передал принцу Накацукасаке, который сочинил стихотворение на тему: «Призываю цветы»:

В поле увидел я сливу в цвету.
Аромат чудесный вдыхая,
Отойти я не в силах.

О, если бы мог к себе в дом
Это дерево пересадить!

Принц Мимбукё написал на тему: «Жду соловья»:

Поле покрылось цветами,
И ждёт лишь тебя с нетерпением,
О, соловей!

Не лей же пенё своё

Ты соснам в горной глуши![361]

Левый министр сочинил на тему: «Вереница гусей»:

В старой деревне

Уж нет никого из друзей.

Может быть, гуси

Останутся здесь

Со мной провести весну?[362]

Левый генерал написал на тему: «Утки на речном берегу»:

Кому предназначен

Шёлк этот узорный?

К берегу стаей

Птицы плывут

По реке Касуга[363].

Правый генерал сочинил на тему: «Весна, почки на деревьях»:

Почки на ивах сегодня

В поле раскрылись.

Жизнь проводящий меж сосен в глуши

Горец, это увидя, поймёт,

Что наступила весна.

Глава Налогового ведомства Минамото Санэмаса написал на тему:
«Посещение храма Касуга»:

Торжественно движется к храму

Большая семья.

И в Касуга-поле на соснах

Как будто повисли

Глициний цветы.[364]

Военачальник Лево́й дворцовой стражи Фудзивара Киёмаса написал
на тему: «Соловьи среди цветов»:

Тесно уселись

На каждой ветке цветущей

Соловьёв пары.

Чтобы им было просторней,

Осыпаются лепестки.

Второй советник министра Тайра Масаакира написал на ему: «Цикады
в соснах»:

Звон цикад наводит грусть,
Как осенний дождь.
Кажется, то звуки кото
Или ровный ветра шум
Наверху, в ветвях сосны.

Старший ревизорлевой канцелярии Минамото Тададзу. ми сочинил
на тему: «Трава, узнавшая о приходе весны»:

Звуки кото слышав,
Деревья и травы
Весной встрепнулись.
Не будят ли их музыканты
От зимнего сна своею игрой?

Помощник военачальника Правого императорского эскорта Минамото
Мородзуми сочинил на тему: «Вишня, мечтающая о поре цветения»:

На ветвях вишни,
Чьи цветы
Окрасила весны богиня,
Висят глицинии, в их краску положили
Так много пепла! [365]

Второй военачальник Правой личной императорской охраны
Минамото Сукэдзуми написал на тему: «Бледно окрашенные глицинии»:

Глядите! Всю сосну
Глицинии цветы
Покрыли.
О, если бы они
Поярче были!

Аривара Мотоюки, бывший в том же чине, что и Сукэдзуми, сочинил
на тему: «Связанные веточки ивы»:

На иве нет цветов,
Но бабочки и здесь
Кружатся.
А ветки тонкие
Переплелись, как нити.

Советник сайсё Санэтада написал на тему: «Цветы поднимаются под
весенним дождём»:

Весенний дождь! Ты милость
Только цветам несёшь, даря их
Тысячью красок и оттенков.
И зависти полна сосна, что вечно

Зелёной остаётся.

Советник сайсё Наомаса сочинил на тему: «Облетающие на ветру цветы»:

В поле весеннем
Ветер уносит с ветвей
Шапки цветов.
Грустно на это глядит
Саохимэ.

〈...〉

Второй военачальниклевой личной императорской охраны Санаёри написал на тему: «Блёкнут сливы цветы»:

Сливы цветы,
Как таэ ткань,
Сверкающие белизной!
Пока любовался я вами,
Вы уже поблёкли.[366]

Младший военачальниклевой личной императорской охраны сочинил на тему: «Утренний зелёный туман»:

Мёрзнет на ветке соловей
От ветерка, что поднимает
Сам, крылышками трепеща.
Что, если из тумана на Касуга-горе
Одежду сшить ему?

Мотоката, бывший в том же чине, что и Накаёри, написал на тему: «Парча облаков»:

Из долины встают
Удивительные облака.
Кажется, всё огромное небо,
Вечерним залитое солнцем,
Ветер парчою заткал.

Бывший в том же чине Кадзумаса написал на тему: «Зимой были молоды, но с приходом весны уже созрели»:

Сегодня опять
Дальние горы
Снегом покрылись.
А на равнине уже
Весенние травы созрели.[367]

〈...〉

Помощник военачальника левого императорского эскорта Акидзуми

написал на тему: «Тает снег на горах»:

В Касуга всё согрето весной.

А на Фудзи-горе,

Хотя снег и глубок,

Но в пятнах уже,

Как шкура оленя.

Бывший в том же чине Юкимаса сочинил на тему: «Трава под снегом»:

С силой сквозь снег

Пробиваются всходы.

Это сигнальный огонь,

По Касуга-полю летящий,

Их пробудил.[368]

Помощник главы Военного ведомства Канэдзуми написал на тему: «Иней на травах»:

На Касуга-поле

Ещё всё бело,

Но сквозь снег пробиваются травы.

Каждый день сторож себя вопрошает:

«Можно ль уже их сорвать?»[369]

Императорский сопровождающий Накадзуми написал на тему: «Крошечные почки на деревьях»:

Весна в начале.

Почки на деревьях

Ещё не набухают.

Как же успели взойти

Весенние травы?

Императорский сопровождающий Минамото Тадамаса сочинил на тему: «Красная слива»:

Дождь весенний

Всё льёт и льёт на цветы

Алую краску —

Это богиня весны велела ему

Сливу окрасить.

Императорский сопровождающий Фудзивара Накатада написал на тему: «В тающем снегу ростки папоротника»:

Не листья ли папоротника

Пробились сквозь тающий снег?

В поле повсюду

От трав и деревьев
Дым зелёный плывёт.
Императорский сопровождающий Канэтоки сочинил на тему: «Лёд,
тающий от жара камней»:

Круглый год у реки
Грустно мёрзнет тростник.
Но сейчас от нагретых камней
Пышет жаром таким,
Что и на нём разгораются почки.[370]

Императорский сопровождающий Корэкадзэ сочинил на тему: «Не
знающая возраста сосна»:

Может ли кто-нибудь знать,
Сколько лет старой сосне?
И все сотни лет
Она с нетерпением ждала
Прихода этой весны.

Императорский сопровождающий Мотомацу написал на тему:
«Второй раз в году цветы встречают весну»:

Второй раз в году
Ароматом своим
Вишня окрестности наполняет.
Весна пришла опять
К тем же самым цветам.[371]

Чиновник пятого ранга Тикадзуми написал на тему: «Никого нет в
поле»:

Весна на исходе.
На речном берегу
Омежник[372] напрасно стареет.
Пора пришла трав молодых,
Никто собирать его не приходит.

Секретарь Палаты обрядов Киёдзуми сочинил на тему: «Олень,
спешащий в горы»:

Почек и нежных листочков
Окончилось время.
Проходит весна.
В поле топчет траву
Только олень, в горы спешащий.

Стражник Левого императорского эскорта Ёридзуми написал на тему:
«Гнёт ветер ветки»:

О, ветки ивы!

Всю зиму неразлучен

Был с вами соловей.

Пришла весна, и ныне

Играет с вами ветер.

Архивариус Фудзивара Накатоо сочинил на тему: «Клонится трава под дождём»:

О, травы и деревья на холме!

Сейчас на вас льёт дождь весенний.

А скоро — осень.

И в ваших зарослях густых

Найдут приют цикады.

Помощник начальника Строительного управления Корэмото написал на тему: «Тоскуют цветы, потому что уходит весна»:

Как грустно, должно быть, Саохимэ

В эти последние дни весны!

Сотен оттенков цветы,

Собою округу всю заполняя,

Пышно цветут.

Старший стражник Правой личной императорской охраны Киёвара Мацуката написал на тему: «Цикады, мечтающие о лете»:

Весну в горах

Между корней деревьев

Проводит цикада,

Мечтая о тени густой

Зарослей летних.

Стражник Императорского эскорта Фудзивара Тикамаса сочинил на тему: «Листья деревьев ждут прихода осени»:

Ещё в крошечных почках

Листья деревьев.

И кажется таким далёким время,

Когда, окрасившись багрянцем,

Они во всей красе предстанут.

Стражник Правого императорского эскорта Аривару То-кикагэ написал на тему: «Птицы не любят зимы»:

Гнездо свив в горах,

Зябнут птицы зимою.

С приходом весны

Скорее в селенье,

Где пышно деревья цветут!
Стражник Правого императорского эскорта Мотосукэ сочинил на тему: «Собрались друзья, но нет луны»:

Собравшись в поле,
Друзья сидят сиротливо:
Луна им не светит.
Что ж! — уже позади
Ночь полнолуния.

Бывший в том же чине Тайра Корэсукэ написал на тему: «Восхищаюсь луной ранним утром»:

При утреннем блеске
На вершины дальние гор
Гляжу, красотой изумлён, —
Горных зубцов касаясь, висит
Луны диск прозрачный.

Таковы были стихотворения, сочинённые в тот день.

Наступил вечер, полный очарования. Прислуживающие дамы начали играть перед господами на различных инструментах. Атэмия тоже села за кото «катати-фу», которое Масаёри купил когда-то у госпожи с Первого проспекта[373], и несколько раз сыграла пьесу «Варварская свирель», удивляя слушателей своим мастерством.

«Она играет превосходно, но ещё чуть-чуть незрело. О, как бы я хотел, хоть бы в других мирах, передать ей своё умение!» — стал в душе молить небо Накатада.

* * *

Монах Тадокосо в большом храме, построенном на горе Курама, служил торжественные заупокойные службы по отцу и матери, переписывал сутры и делал изображения будд. Он ни с кем не разговаривал, и даже во сне, даже обмолвкой, с его уст ничего не слетало, кроме молитв, обращённых к буддам. Подвижник, который привёл Тадакосо в храм, был человеком выдающейся мудрости, до конца проникшим в суть великого учения, и Тадакосо выучился у него всему. Он особенно почитал монастырь Курама как место, где принял монашество, но совершал паломничества в храмы шестидесяти провинций, читая сутры перед буддами и богами.

Как-то раз Тадокосо совершал паломничество в близлежащие от Курама храмы и пришёл в Касуга. Здесь каждый вечер он читал «Сутру Великой Мудрости» и по окончании думал отправиться в храмы Кумано[374]. Вдруг Тадакосо услышал звуки кото, на котором Атэмия

играла в храме, и поспешил туда. Разноцветные шатры казались издали рыбьей чешуёй, а толпившиеся там и шумевшие люди в пёстрых одеждах — букетами цветов. Доносились тысячи разных звуков, заглушавших шум ветра. Монах подошёл ближе и стал слушать, а слуги Масаёри принялись ругать его: «Что это за подвижник? Разве дозволено тебе находиться в храме наших богов?»[375]

На это Тадакосо ответил:

— Внимая, как ветер

Играет на редкостном кото,

Бедняк, живущий в горах,

Обо всём позабыл на свете.

Неужели боги его за это покарают? —

и не уходил.

Услышав это, Накатада воскликнул:

— Какое глубокое стихотворение! — и, сняв с себя накидку, надел её на монаха со словами:

— Все мы одежду

Отдать незнакомцу должны —

Открылась тайна ему,

Как ветер

В соснах шумит.[376]

После этого он взял кото «катати-фу», которое стояло перед святилищем, и заиграл ту же самую пьесу «Варварская свирель», полностью отдавшись вдохновению. В этот день он показал всё своё мастерство. На блестящих императорских пирах Накатада отказывался сесть за кото, которое специально для него настраивал сам государь, а сейчас он начал играть без всяких просьб, и все понимали, что присутствуют при необычайно редком событии.

— Императорский сопровождающий Накатада не прикасается к инструменту, даже когда его изволит просить сам государь, — заметил принц Хёбукё, — а теперь перед каким-то монахом он играет всё, что знает.

— Ах, я забыл сыграть одну часть, — спохватился Накатада и вновь полностью сыграл «Варварскую свирель».

Генерал Масаёри взял из разложенной перед ним одежды верхнее платье из лощёного узорчатого шёлка, светло-зелёную шёлковую накидку и штаны на подкладке и преподнёс их Накатада. Он пригласил к себе подвижника. При взгляде на него генералу показалось, что когда-то он видел это лицо. «Странно!» — подумал Масаёри и стал вспоминать людей,

с которыми его сводила судьба. Вдруг его осенило: «Тадакосо!»

— У меня странное ощущение, что я встречал вас раньше. Узнаёте ли вы меня? — спросил он.

— Не припоминаю. Кто вы? — ответил монах.

— Раньше во дворце государя меня называли господином Фудзивара, — сказал Масаёри. — Мне кажется, что вы Тадакосо, сын покойного министра Татибана Тикагэ. Ах, какое горе! Почему вы постриглись в монахи?

Уже долгое время я живу в горах, вместе с птицами и зверями. Мне казалось, что меня уже все забыли. Сейчас я отшельник. А вы в каком чине состоите? — поинтересовался Тадакосо.

— Я служу советником[377]. Как странно! Ходили разные слухи о том, что с вами произошло, а оказывается вы приняли постриг. Но почему вы решили стать отшельником?

— В пять лет я потерял мать. В этом мире мне было нестерпимо тяжело, к тому же я был совершенно одинок. Можно ли существовать, не имея поддержки отца? Я служил в императорском дворце, подбадривая себя, но мне было безрадостно. Я много размышлял о своём положении, а в четырнадцать лет решил оставить мир и уединиться в горах. С тех пор прошло двадцать лет. Все несчастья моей жизни происходят от того, что в детстве я потерял мать. Чтобы искупить мои прегрешения в предыдущих рождениях и для того, чтобы возродилась моя мать в блаженной стране Будды, я воздерживаюсь от еды, хожу по храмам и служу в них службы, — рассказал он, и все, слушавшие его, начиная с самого генерала, проливали слёзы.

— Должно быть, Поднебесная перевернулась вверх дном, — произнёс Масаёри. — Я никак не думал, что доживу до того времени, когда люди, подобные вам, будут уходить в монахи. Мне становится страшно за моих сыновей, живущих в таком изменчивом мире. С самого первого дня, как вы исчезли, ваш отец горько убивался, с этого и началась его болезнь, и вскоре он скончался. Разве вы не должны были получить согласие вашего отца, чтобы принять монашество? Может быть, грех сыновней непочтительности и был причиной того, что ваш отец не вынес страданий и умер.

— Тогда я так страдал, что даже отец мне стал чужим, — ответил Тадакосо. — Если бы он узнал о моём намерении, он вряд ли бы дал мне разрешение. Поэтому-то я так поспешно скрылся в горах.

— Ваши молитвы, должно быть, имеют чудодейственную силу, сказал Масаёри. — У меня много детей. Старшая дочь служит в императорском

дворце. У неё много сыновей. Соперничающие с ней придворные дамы кипят ревностью и не хотят примириться с таким положением. К несчастью, избежать соприкосновений с ними невозможно. Это так мучительно. Дочери моей ничего не нужно, кроме долголетия и избавления от несчастий. Поэтому помолитесь, пожалуйста, от всего сердца, чтобы избежала она злых проклятий.

— Когда судьба благоволит человеку, ему не вредны ничьи проклятия, — ответил подвижник. — В противном случае конца страданиям нет — человеку кажется, что на его долю уже выпали все мыслимые несчастья, но он должен ждать ещё худших. Но осмотрительным нужно быть и тогда, когда судьба благоволит человеку. Я буду усердно молиться за вас. Сейчас я отправляюсь в Кумано. С восьмого месяца прошлого года я читаю сутры в различных храмах. Я пришёл в это святилище, потому что услышал удивительную музыку, которую знал когда-то давно. Хотя я и стал монахом, но душа, видно, осталась прежней. Поэтому я пришёл на звуки кото. Благодаря милости богов я смог встретиться с вами.

— А я прибыл сегодня в храм, чтобы поднести богам лошадей, — сказал Масаёри. — Я хотел бы, чтобы вы посетили меня и мы смогли бы побеседовать о том, что произошло за все эти годы.

— Сейчас я спешу в Кумано, — сказал подвижник. — С наступлением жарких дней, в течение четырёх-пяти месяцев, я буду целиком предаваться Пути. Если я благополучно возвращусь оттуда, то обязательно навещу вас.

— Сколько прошло времени, мы встретились сегодня случайно и расстаёмся, как следует не поговорив. Как это грустно! Я расскажу отрёкшемуся от престола императору Сага: сейчас Тадакосо живёт там-то и там-то, делает то-то и то-то. Государь часто вспоминает с необыкновенной грустью: «Когда-то я обменялся с Тадакосо клятвами в дружбе, и только ты один знаешь об этом». Как он опечалится, когда я расскажу о вашем нынешнем положении!

— Ах, нет! — воскликнул подвижник. — Не говорите императору о том, что я ещё живу на свете. Уйдя из дворца самовольно, без разрешения, я больше туда не возвратился, и это тяжкий проступок. Как сильно я сейчас сожалею об этом!

Выбрав из приготовленных подарков накидку с прорезами из белого узорчатого шёлка на розовой подкладке, Масаёри вручит её монаху со словами:

— Задержать нам дано
Даже падающие лепестки.

Но кто остановит ветер,
Который, на звуки кото примчавшись,
Стремится назад?[378]

Тадакосо ответил на это:

— Сердце полно

Воспоминаний о прошлом

И чувств, не изведанных ранее.

В горы ветер несётся

В яркой новой одежде.

Вечером ветер, уносящий с собой лепестки цветов, усилился, порывы его поднимали полотнища шатров, и можно было видеть всех, кто находился внутри. Тадакосо увидел девять прекрасных дам; Атэмия выделялась из них, затмевая других своей красотой.

«Что же это за красавица, которая так несравненно блистает даже в собрании столь прекрасных лицом женщин!» — подумал Тадакосо. В голове у него зашевелились мысли, которых он давно уже не знал: «Ели бы я остался в миру, то сейчас, наверное, дослужился бы до высокого чина. Все эти годы питаюсь я росой и инеем, травой и корнями растений, иногда ем змей и ящериц. Ни о чём другом, кроме как о служении Будде, я даже не помышляю. Но сейчас я боюсь, что Будда накажет меня», — он пытался думать о чём-нибудь другом, но не мог. Тадакосо был в полной растерянности. Выпустив из-под ногтя кровь, он написал на опавших лепестках:

«Всё так же, как раньше,

Высятся мощные горы.

Давно уж сюда удалился от грешного мира.

Так отчего же сегодня

Ноет сердце моё?» —

и дал кому-то из слуг, которые находились перед дамами.

Наконец Тадакосо покинул храм. У него пропало намерение идти в Кумано, он весь был охвачен желанием ещё раз поглядеть на красавицу, которую случайно увидел. Он возвратился в монастырь Курама и проводил время в грустных размышлениях и стенаниях.

Генерал Масаёри возвратился из храма Касуга только двадцать третьего дня в час овна.[379]

В тот же день он устроил у себя дома пиршество по поводу посещения храма. Танцовщикам в награду были вручены Накидки из белого узорчатого шёлка на подкладке, музыкантам — простые детские платья и шаровары. Мальчики-музыканты тоже получили подарки.

* * *

Наступил третий месяц.

Наследник престола с младшим военачальником Правой личной императорской охраны прислал Атэмия письмо, прикрепив его к ветке ивы:

«С нетерпением ждал
Наступленья весны.
Надеялось сердце, что въедет дева
Ко мне во дворец.
Что же? — на иве уж лопнули почки...»
Прочитав это письмо, Масаёри сказал:

— Ну, на такое послание, может быть, отвечать и необязательно. Но ответим-ка ему так. — И написал:

«В разгаре весна.
О, как мучительно
Иве невзрачной
Среди пышных цветов
Очутиться!»[380]

Он передал стихотворение Атэмия, и та, переписав, отправила принцу. Посыльному был вручён полный женский наряд из узорчатого шёлка.

Пришло письмо от советника Санэтада:

«Если бы этот мир
Был сотворён бесслёзным,
Куда бы влагу я дел,
Которая бурным потоком
Льётся из глаз?»

Атэмия ничего ему не ответила.

Пришло письмо от принца Хёбукё:

«Так высоко журавль летит,
Что даже горное эхо
Ответить ему не может.
Один у Небесной реки
На ночлег он ложится.

Последнее время ничто не радует меня в моём доме, и все дни я провожу на службе». Атэмия написала ему в ответ:

«Не хочется мне
Вам отвечать.
Ведь журавль
Один

Никогда не кричит».[381]

Пришло письмо от советника министра Масаакира:

«У заводи глубокой
На отмели растёт
Широколистный рис.
Весна. Я погружён
Всё в те же думы».

Атэмия ничего ему не ответила.

Принц Тадаясу, видя, что многие посылают письма Атэмия, написал ей так:

«Казалось, что молод
Ещё соловей
И не покидает ещё гнезда.
Но вдруг узнаю, что давно
Он топчет дальние горы».[382]
Она ему ничего не ответила.

Императорский сопровождающий Накатада по поручению императора отправился в местечко Мидзуноо[383]. На обратном пути он увидел удивительной формы сосну, обвитую очень красивой цветущей глицинией. Накатада отломил ветку, всю в цветах, и, принеся её домой, написал на лепестках стихотворение:

«Уж много лет
Глухая гора
Глицинией покрыта.
Но не знает никто, как ярки
Эти цветы.
Так и моё сердце!»

Он отдал ветку со стихотворением Соо, сказав:

— Покажи это письмо госпоже, а цветы возьми потом себе.

Распрощавшись с девушкой, Накатада отправился в императорский дворец.

Когда Атэмия увидела эту ветку, она подумала, что из всех молодых людей Накатада самый незаурядный. Она написала в ответ:

«Как верить тому,
Чего не видел никто?
Разве есть горы,
В которых бы не распускались
Глициний цветы?»[384]

Накаэри уже давно хотел написать письмо Атэмия, но, боясь, что она

сочтёт его дерзким, не решался. После того, как Накаёри увидел её через штору на пиршестве по поводу победы в стрельбе из лука, он слёг в постель. Когда Масаёри совершал паломничество в храм Касуга, Накаёри, подчиняясь приглашению генерала, пересилил недомогание и отправился туда. Поездка подбодрила его. Молодой человек не мог больше терпеть своих страданий и послал Атэмия письмо, прикрепив его к прекрасной ивовой ветке, покрытой почками:

«Думы таятся в ветках,
Вскипая под корой.
Они выходят почками наружу.
Я ж пред тобой обнаружить не смею
Дум своих тайных».
Он отдал это Изако[385] и попросил:
— Отнеси, пожалуйста, это твоей сестре.

Увидев послание, Атэмия подумала: «Неприятное чувство вызывает эта ветка, мне даже смотреть на такое не следует» — и, связав все, велела выкинуть.

Пришло письмо от императорского сопровождающего Накадзуми:
«Слёзы, что тайно лью,
В широкую реку
Уже превратились.
Сколько должно скопиться воды,
Чтобы пришёл от тебя ответ?»
Атэмия ничего на это не ответила.
Прислал письмо и Юкимаса:
«Слов жемчуга,
Что шлю тебе,
Ни разу рук твоих не коснулись.
О, если бы нить
Моих дней оборвалась!»
Ответа на это не последовало.

* * *

Правый генерал Канэмаса в красивом месте на берегу реки Кацура построил большой дом и проводил там время в своё удовольствие весной, когда распускались цветы, и осенью, когда клёны покрывались багрянцем.

Сейчас как раз было время цветения, и, приехав туда со своей женой, матерью Накатада, генерал предавался блаженному отдыху.

— Удивительно, как совершенно забываешь здесь о том, что происходит в остальном мире! — сказал он. — Проведём-ка тут весну и

лето.

В саду распустилось множество цветов всевозможных оттенков, как спутанные нити, струились ручейки — всё было необычайно красиво.

— Какое великолепие! — восторгался Канэмаса. — Надо пригласить сюда знаменитых музыкантов и устроить пир.

— Действительно, пригласи гостей, пока не осыпались цветы. Пусть они полюбуются на эту красоту, — ответила госпожа из северных покоев.

Канэмаса тоже посылал Атэмия письма, но ответа не получал. Из Кацура он также послал ей письмо:

«Ни разу ещё
В эти сады
Не прилетал соловей.
Может быть, думает он,
Что нет здесь цветов?»[386]

Атэмия на это ответила:

«К чему соловью
В Кацура-поле лететь?
Пеньё его
И на луне
Громко звучит»[387].

Прочитав письмо, Канэмаса сказал жене:

— Удивительно: Атэмия ещё так молода, но мало того, что она красивее прочих, она превосходит других и своими манерами. Как мне хочется получить её в жёны! Она во всём равна тебе. Как бы все удивились, если бы у меня были две такие жены! Все стали бы говорить: «Он женился на знаменитой Атэмия, но и прежнюю жену не оставил. Видно, это потоку, что мать Накатада всё-таки превосходит Атэмия. Ведь, если две жены во всём равны друг другу, больше любят новую — такова человеческая натура. Как обворожительна, должно быть, мать Накатада!» Но ты, думаю, возненавидела бы меня, стала бы ревновать.

— Было бы прекрасно, если бы ты женился на Атэмия, — ответила она. — Напиши ей серьёзное письмо. Я была бы только рада, если бы исполнились твои желания.

— Ты привыкла быть здесь единственной хозяйкой и вряд ли сможешь не ревновать меня. Поэтому не говори так, — возразил Канэмаса.

— Странные вещи ты производишь. Отчего бы я стала ревновать? Будь у тебя целая толпа жён, я бы только радовалась, если бы ты при этом сохранил своё отношение ко мне. Я ведь продолжала жить даже тогда, когда ты покинул меня. Если ты меня не забудешь, о чём мне

беспокоиться?

— Ты права, — сказал Канэмаса. — Как я вспомню о том времени, сразу становится грустно на сердце.

Роняя слёзы, он произнёс:

— Речи твои

Вновь напомнили мне,

Сколько страданий

Я тебе причинил.

О, как стало тяжело на сердце!

Неисповедимы пути нашей жизни. Я так тебя любил — и был таким жестоким по отношению к тебе. Когда я думаю об этом, у меня пропадает желание писать любовные письма даже известной во всей Поднебесной Атэмия. Раньше моя любовь к тебе с каждым годом становилась глубже и глубже. Жён моих живущих на Первом проспекте, я тоже любил глубоко, но всю любовь, которую я раньше делил между ними всеми, всю эту любовь я потом испытывал к тебе одной. В прошлом я никогда не мог удовлетвориться любовью лишь одной женщины но как только ты стала моей женой, мне больше никого не нужно. Это, наверное, и есть доказательство моей глубокой любви к тебе.

— Каким печальным было то время! — сказала госпожа из северных покоев. —

Бурным дождём

Слёз лился поток

Бесконечно.

Столько их было,

Что хоть лодку пускай!

— Верь мне, что не забывал я тебя и всеми силами просил Будду о том, чтобы встретиться нам опять, — сказал Канэмаса. —

Летели года,

Но ни на день

Не прерывался поток

Моих слёз. По нему

Плыть могла лодка.

Они погрузились в воспоминания и стали рассказывать друг другу о разных событиях того времени, когда жили в разлуке. Затем Канэмаса и госпожа из северных покоев поднялись на веранду и принялись музицировать. Канэмаса взял лютню, жена его села за цитру, одна из прислуживающих дам — за японскую цитру. Согласно настроенные инструменты под их пальцами звучали прекрасно.

Слуги внесли множество красивых столиков с разнообразными яствами. Повсюду были расстелены роскошные одежды. На веранде стояли двадцать служанок, одетых в тёмно-фиолетовые платья и платья со шлейфом, окрашенные травами. Четыре прелестные юные служаночки в парадных платьях, штанах на подкладке и тёмно-фиолетовых накидках прислуживали господам.

Затем Канэмаса с госпожой из северных покоев играли на Музыкальных инструментах под цветущими деревьями, рассказывали удивительные истории прошлых лет и клялись друг другу в верности.

* * *

Как-то вечером император, удивившись, что Канэмаса давно не показывается во дворце, заметил правому министру Тадамаса:

— Что-то давно не было видно правого генерала.

— В окрестностях Кацура у него восхитительный загородный дом, — ответил министр, — он отправился туда, чтобы любоваться цветами.

— А какую из жён он взял с собой? — поинтересовался император.

— Он взял с собой мать Накатада.

— Так это к ней он так привязан! — воскликнул император.

— Сейчас Канэмаса с ней одной и проводит время, — скатал министр. — Она ему истинная жена, остальных он совсем забыл.

— Как это удивительно! — промолвил император. — Я никогда не думал, что генерал может удовлетвориться любовью одной женщины. Даже тогда, когда он любил мою сестру, Третью принцессу, у него кроме неё было ещё семнадцать или восемнадцать жён. Как же сейчас он живёт с одной-единственной? Наверное, она так завладела его сердцем, что он даже забыл императорскую дочь. Ещё в давние времена многие пылали к матери Накатада любовью, я тоже стремился получить её в жёны, но она так и не переехала в мой дворец.

Император решил написать матери Накатада письмо и, хотя подумал, что, может быть, смутит её этим, всё-таки рискнул:

«Белое облако

Даже к луне

Не хотело когда-то пристать.

И вдруг я узнаю, что многие годы

Оно проводит в глубокой долине.[388]

Раньше ты была неприступна. А сейчас?»

Он вручил письмо младшему военачальнику Правой личной императорской охраны Накаёри со словами:

— Отнеси это в дом на берегу Кацура и передай госпоже из северных

покоев.

Накаёри поспешно покинул дворец. Он сел в экипаж вместе со вторыми военачальниками Юкимаса и Сукэдзуми, а также императорским сопровождающим Накатада, и молодые люди отправились в Кацура. По дороге они играли на флейтах, и, услышав эти звуки, Канэмаса произнёс:

— Кажется, едет Накатада. Вели приготовить ему закуску.

Увидев, что в ворота входит императорский гонец Накаёри с письмом, прикрепленным к прекрасной цветущей ветке, генерал приказал опустить поднятые занавеси и вышел навстречу гостям. Все женщины скрылись в глубине дома. Императорский посланец поднялся на веранду, его спутники уселись в тени цветущих деревьев.

Когда Накаёри передал письмо госпоже, Канэмаса очень хотелось посмотреть, что написал император, но она ему не позволила. Прочитав письмо государя, госпожа улыбнулась.

Из дома поспешно несли угощение посыльным. Квадратные подносы из сандалового дерева были поставлены на восемь столиков из аквилярии. Хозяин не придерживался строгого этикета, на подносы было положено много сушёной и свежей снеди. Гостям прислуживали юные служанки, делающие причёску унаи, в роскошных одеждах. Несколько раз хозяин подносил гостям чаши с вином.

Накаёри торопился возвратиться во дворец, но Канэмаса стал уговаривать его:

— Почему вы так спешите уйти? Полюбуйтесь сначала цветами.

Опять принесли вина, и хозяин произнёс:

— Гостей задержать

Мне помогут цветы.

Можно ль уйти,

Когда они столь пышно цветут,

Благоуханьем сад наполняя?

Накаёри сказал:

— Прямо не знаю, как быть.

Лучше бы было

Сюда ни ногой.

Не успел насладиться

Я ароматом цветов,

Но уходить уже должен.

Сукэдзуми сложил так:

— Если бы не осыпались

Вишни цветы,

Тысячу лет просидеть
Я под деревьями
Был бы готов.
Накадзуми[389] произнёс:

— В этом саду
Даже капли росы,
Что катятся вниз
По лепесткам цветов,
Кажутся жемчугом.
Юкимаса сложил так:
— В этом саду слышно всегда,
Как шумит ветер
В сосен вершинах.

И даже смятенное вишни цветенье
Покоя в сердце нарушить не может.

Накатада в это время находился в глубине дома, поэтому он стихотворения не сложил.

Наконец Накаёри поднялся:

— Засиделись мы здесь. Мне давно уже нужно возвратиться к государю.

Хозяин не стал более его задерживать. Госпожа из северных покоев написала в ответ на письмо императора:

«Наполнитесь радостью сердце:
Капли белой росы
Жилище моё покрыли.
И в глубокой долине видеть дано
Высокую в небе луну».[390]

Она велела поднести посланцу платье из узорчатого шёлка, ещё одно платье из лощёного шёлка, штаны и полный женский наряд. Накаёри спешно покинул дом генерала. Остальные провели у Канэмаса всю ночь и исполняли музыку. Когда утром они собрались уходить, мать Накатада вручила им по полному женскому наряду[391].

Глава VI ФУКИАГЭ (Начало)

В провинции Ки[392], в уезде Муро, жил некий Каминаби Танэмацу, обладавший несметными сокровищами. В то время[393] он служил секретарём в Управлении провинции. Это был человек прекрасной наружности, исполненный благожелательности.

Жена его была дочерью старшего советника министра Минамото Цунэари. В своё время она вышла замуж за аристократа, но, потеряв вскоре и родителей, и мужа, испытала на себе все тяготы жизни в нашем мире. Танэмацу добился её любви и взял в жёны. У них родилась красавица дочь. Когда она выросла, то поступила на службу в императорский дворец, где получила невысокий ранг. Она родила от государя мальчика, которому была присвоена фамилия Минамото, и в родах скончалась. Император относительно рождения ребёнка оставался в неведении: дама о своей беременности ему не говорила[394].

Ребёнка воспитывали дед и бабка. Недалеко от бухты Фукиагэ Танэмацу выбрал просторное и красивое место и выстроил на нём настоящий дворец, блистающий золотом, серебром и лазуритом. Территория усадьбы, каждая сторона которой тянулась на восемь тё[395], была обнесена тремя стенами, и внутри устроены караульни. Из красного сандалового Дерева, цезальпинии, чёрной хурмы, китайского персика было возведено десять домов, соединённых коридорами. Друг над другом возвышались строения, украшенные золотом, серебром, лазуритом, раковинами тридакна[396], агатом. С четырёх сторон они были окружены караульными помещениями и далее были разбиты необыкновенно красивые сады: за восточной караульной была устроена весенняя гора[397], за южной — насажена роща, дающая летом густую тень, за западной — осенняя роща[398] и за северной — сосновая роща. Там всё было необычайным: и цветы, и пышные кроны деревьев, и благоухания. В тех садах не росли лишь белые и красные сандаловые деревья, а среди птиц, живущих в рощах, не водились только павлины и попугаи.

Повсюду в Поднебесной у Танэмацу были сокровища. Он мог заполнить своими богатствами все земли — даже корейские царства Силла и Когурё и волшебную обитель бессмертных. «Если бы это был не мой внук, — думал Танэмацу, — его провозгласили бы принцем, о нём знал бы государь и рос бы он в столице. Рождённый же моей незнатной дочерью, он остаётся в неизвестности. Зато в этой провинции я создам ему такие

условия, что он будет жить не хуже самого государя!» Танэмацу был безгранично счастлив тем, что мог опекать своего внука. Весной, сея рис в питомнике и сажая рассаду на полях в десять, в двадцать тысяч те, он говаривал: «Как бы мой господин не испытал недостатка в этом году!» Насчитав в кладовых двести-триста тысяч штук узорчатого шёлка и красной с золотом парчи, он беспокоился: «Как бы он не выглядел убого в своих нарядах», — и заготавливал ещё больше. У мальчика низших и высших служанок было тридцать, а прислуживающих мужчин — высоких и низких рангов — более ста. Женщины, не сделав парадной причёски и не надев китайского платья, перед господином не появлялись; мужчины, не надев головного убора и верхнего платья, возле него находиться не могли. Танэмацу хотел, чтобы внук его мог менять яркие роскошные одежды, чтобы у него постоянно была обильная еда.

Другие возделывали поля так же, как он, но лишь у него урожай всегда был редкостным. Если даже нещадно палили солнце, и могло показаться, что на небе появилось семь светил, огромных, как тележные колёса, у Танэмацу не сгорал ни один росток риса. Если даже безграничные, как небо, просторы затопляла вода, у него не пропадай ни один колосок. Даже на горных вершинах, на самых пиках, ни одно зерно, посеянное Танэмацу, не давало урожая меньше одного-двух коку. Когда он принимался разводить шелковичных червей, не было кокона, из которого не получили бы десять или двадцать или рё[399] нити.

Он приглашал к себе жить многих знаменитых музыкантов, каллиграфов, живописцев, различных умельцев, кузнецов из столицы, и заводил у себя всё, что было редкостного в мире. Попроси его внук обрушить гору или засыпать море, Танэмацу тут же помчался бы выполнять.

Среди людей, родившихся и выросших в нашем мире, не было никого, с кем можно было бы сравнить этого Минамото, взлелеянного дедом. Он был необычайно хорош собой, имел превосходные манеры и отличался прекрасным характером. В знании китайских классических книг и в исполнении музыки он оставил своих учителей далеко за собой. Все столичные музыканты побывали в Фукиагэ, и молодой человек перенимал их мастерство и показывал им своё искусство. Он учился у известных виртуозов на кото, которые, не желая служить в столице, уединялись в горах и которых Танэмацу приглашал к себе. В таких занятиях проходило время.

Молодому господину исполнился двадцать один год. Жены у него не было. Ему предлагали невест из хороших семей, но он всё размышлял и не

женился.

* * *

Как-то раз старший стражник Правой личной императорской охраны Киёвара Мацуката, находясь в караульне с младшим военачальником Накаёри, сказал ему:

— Я познакомился с необычайно интересным человеком и был им так очарован, что совсем не появлялся в император-ром дворце.

— Кто лее это такой? — спросил тот.

— В провинции Ки секретарём служит некий Каминаби Танэмацу, владеющий несметными богатствами. Его внук и есть тот Минамото Судзуси, о котором я говорю. Он часто приглашал меня к себе, но как поедешь, когда занят на службе? Я так и не посетил его. А тут Танэмацу приехал в столицу и очень на меня за это сердился, поэтому я решил отправиться туда на короткое время. Это было изумительно! Живёт он на взморье Фукиагэ. К востоку от усадьбы простирается море. Вдоль берега на протяжении двадцати те растут огромные сосны, увитые глицинией. За ними — ряд деревьев горной вишни, затем — ряд деревьев розовой сливы; далее к северу растут азалии — весной все растения покрываются очаровательными цветами. На западе, обращённая к широкой реке, стоит кленовая роща, осенью опавшие листья окрашивают волны в красный цвет. Там можно любоваться всем, чем пленяет осенняя пора. На севере и юге рощи разбиты так же — в соответствии с временами года. О внутреннем убранстве дворца говорить нечего, оно так великолепно, что остаётся только поражаться. А сам хозяин ни внешностью, ни талантами не уступает императорскому сопровождающему Накатада.

— Как интересно! — воскликнул Накаёри. — Неужели на свете кто-то может сравниться с Накатада? Я слышал, что у дочери Танэмацу, дамы низшего ранга, родился мальчик. Так это он и есть! Это о нём правитель провинции Ки докладывал отрёкшемуся от престола императору Сага как о ребёнке необыкновенном. Каким же он вырос? Что, если нам с вами отправиться туда, не говоря никому ни слова? Императорский сопровождающий Накатада разрешения отлучиться из дворца, наверное, не получит. Возьмём-ка с собой помощника начальника Императорского эскорта Ёсиминэ Юкимаса!

— Прекрасно! — ответил Мацуката. — Я буду вашим сопровождающим. Я рассказывал Судзуси о вашем музыкальном таланте, о мастерстве императорского сопровождающего камергера Накатада и Ёсиминэ Юкимаса, и он на это ответил: «Мне бы очень хотелось познакомиться с ними и услышать, как они играют!» Но на скорое

возвращение — если уж мы отправимся в Ки — рассчитывать не приходится. Попав туда, даже я, такой нетонкий человек, и то забыл, что нужно возвращаться в столицу. Ну, а если при этом вы будете исполнять музыку вместе с другими господами, то я, наверное, забуду даже о своём родном доме... Да, поистине Судзуси — необычайный человек, и с ним стоит познакомиться.

— Обязательно съездим к нему, никого об этом не оповещая, — сказал Накаёри. — Надо постараться взять с собой Накатада.

— Пригласите-ка его потихоньку ехать с нами. Вероятно, только Накатада может соперничать с Судзуси в игре на кото. А мы послушаем и сравним.

— Но захочет ли играть Накатада? — засомневался Накаёри. — Все говорят о том, что он не играет даже тогда, когда сам государь изъявляет желание послушать его. Сейчас он, кажется, учит играть на кото наследника престола, а на лютне — принца Вакамия[400], и разрешение покинуть столицу ему вряд ли дадут. А я вот живу в своё удовольствие. Возникни у меня намерение отправиться в Танское царство, у меня нет ни отца, который бы противился этому, ни господина, который не дал бы мне разрешения.

— Но бывает, что и вам трудно покидать столицу[401], — поддразнил его Мацуката.

Расставшись с ним, Накаёри сразу же пошёл в помещение Императорского эскорта и спросил:

— Не здесь ли помощник начальника Ёсиминэ? В императорских покоях его что-то не видно.

Юкимаса вышел к нему.

— Мы с тобой давно не виделись, и я бы хотел принести тебе извинения, — начал Накаёри.

— Благодарю за посещение, — ответил Юкимаса. — Но отчего ты так долго не показывался во дворце?

— Я всё ещё нездоров, потому что слишком много ел и пил в храме Касуга. Я узнал кое-что интересное и хочу сообщить об этом тебе.

— Что такое? — заинтересовался тот. — Это, должно быть, что-то необыкновенное.

— Мацуката рассказал мне о Минамото Судзуси, который живёт в провинции Ки, и я потерял покой. Я хочу поехать туда хоть ненадолго. Поедем-ка вместе.

— Это тот самый Минамото, сын придворной дамы низшего ранга, дочери Каминаби, — припомнил Юкимаса. — Я слышал, что он

замечательный человек. Мне уже давно рассказывали о нём, и я хотел посетить его, да всё было недосуг. Обязательно поедем вместе. Когда ты думаешь отправиться?

— Мы могли бы выехать в двадцать девятый день.

— А не пригласить ли нам Накатада? — предложил Юкимаса. — Его следовало бы взять с собой.

— Я ещё не говорил с ним, — ответил Накаёри. — Боюсь, что ему не получить разрешения покинуть столицу.

— Может быть, он поедет с нами и без разрешения. Съездим-ка к нему в Кацура.

Прибыв в Кацура, они вызвали Накатада и рассказали ему о предполагаемой поездке.

— Это было бы чудесно! — воскликнул Накатада. — Но боюсь, что отец, по своему обыкновению, только разбранит меня за подобные желания. Не поговорите ли вы с ним об этом?

Накаёри обратился к Канэмаса:

— Послезавтра я отправляюсь в чрезвычайно интересное путешествие. Мне бы хотелось, чтобы со мною поехал ваш сын. Что вы на это скажете?

— А куда это вы собираетесь? — поинтересовался тот.

— На взморье Фукиагэ, в провинцию Ки.

— Уж не к Минамото ли?

— Именно. Сегодня утром старший стражник Мацуката рассказал мне о нём. Он возбудил во мне такое любопытство, что мне сразу же захотелось поехать в те края.

— Накатада несколько раз говорил мне, что хочет посетить Фукиагэ, — сказал Канэмаса. — Я, однако, не давал ему разрешения, и он поехать не мог, ну да что там! — пусть отправляется с вами. Одному туда ехать нельзя[402], но если с ним будет много народу, я не стану тревожиться.

— Вы меня очень обрадовали, — стал благодарить Накаёри. — Я так робел обращаться к вам со своей просьбой. — С этими словами он удалился.

Вернувшись в дом Тадаясу, Накаёри сказал жене:

— Послезавтра мне хотелось бы ненадолго уехать, но боюсь, что ты будешь тревожиться!

— Куда ты собираешься? — спросила она.

— Это недалеко. Я поеду с императорским сопровождающим Накатада и с помощником начальника эскорта Ёсиминэ.

Жена пошла к родителям.

— Послезавтра мой муж собирается отлучиться из столицы. Как нам быть со свитой?

— Ничего не поделаешь, — ответили они. — Волноваться тебе об этом не следует. Если он собирается в путешествие, мы отдадим под заклад саблю, которую отец надевает во время дворцовых празднеств.

— А как же тогда ты пойдёшь на праздник Нового года? И забеспокоилась дочь. — Что ты будешь делать, если не сможешь скоро выкупить её?

— Если урожай риса будет хорошим, я сразу выкуплю саблю — успокоил её отец. — Разве я выставлю себя на посмешище?

Взяв саблю, Тадаясу отправился к писцу Дворцовой сокровищницы и взял под её залог пятнадцать кан медных денег. Гак они смогли нанять для Накаёри сопровождающих и купить ему в дорогу еды.

— Приготовь всего в дорогу наилучшим образом, — наказала мать дочери. — Нам будет стыдно, если начнут злословить, что он бедствует.

— Что скажут другие — мне всё равно, — отозвался Тадаясу. — Он не забывает нас, и я доволен. Ведь Накаёри не обосновался там, где на него без счёта тратили сокровища, а выбрал наш, такой бедный дом. Нам стыдиться нечего.

Итак, Накаёри и Ёсиминэ, надев охотничье платье и взяв с собой тёплое платье, поехали в Кацура, где жил Накатада, а он не заставил себя ждать.

«Какой же подарок повезти из столицы Судзуси? Хотелось бы найти что-нибудь редкое», — ломал голову Накатада, но казалось, что нет ничего такого, чего бы не было в Фукиагэ. Многие кото были в своё время подарены его дедом разным лицам, оставалось только «ядомори-фу», оно было зарыто в старом доме на проспекте Кёгоку[403]. Спросив разрешения у матери, Накатада ночью, взяв с собой одного из молодых слуг, тайком отправился туда и велел выкопать его. Это кото он и решил преподнести Судзуси.

Перед отъездом генерал стал угощать путешественников. Всем трём господам преподнесли по четыре столика из цезальпинии, уставленных яствами, сопровождающим тоже было выставлено угощение.

Наконец все пустились в путь.

* * *

Когда они прибыли в провинцию Ки, Мацуката сначала отправился к Судзуси один. Сев в почтительную позу, он приветствовал хозяина.

— Как замечательно, что вы пожаловали ко мне! — образовался тот. — В прошлый раз вы гостили у нас слишком мало. Мне очень приятно

видеть вас вновь.

— Извините меня за тот быстрый отъезд. Мне хотелось побыть у вас подольше, но я должен был принять участие в состязании в борьбе, вот почему мне спешно пришлось отправиться в столицу. А сегодня я вместе с младшим военачальником Личной императорской охраны Накаёри совершаю паломничество в храм Когава[404].

— Как приятно это слышать! — сказал Судзуси. — Если уж вы прибыли в эти края, заезжайте ко мне. Дайте отдохнуть вашим коням.

— Нам тоже хотелось заехать к вам, — ответил Мацуката.

— Прошу всех пожаловать сюда, — пригласил хозяин.

Он прошёл во внутренние покои, надел праздничную одежду и, спустившись с южной стороны во двор, встретил гостей. Четверо путешественников сели в южных передних покоях главного дома друг подле друга. Танэмацу приказал вынести угощение. Несколько раз наполняли чаши вином. Наконец стали вместе исполнять музыку, чего все ждали. Накаёри и Юкимаса думали при этом: «Какой тонкий человек! Какая жалость, что он прозябает в такой глуши! А ведь красотой он не уступает Накатада». Любуясь Судзуси, они испытывали беспредельную радость. Накаёри обратился к нему:

— Вообще-то я никак не думал, что смогу приехать сюда. Но услышав рассказ Мацуката о его поездке, я забыл о всех других делах и поспешил к вам, не останавливаясь даже ночью. И поистине, наше знакомство полностью подтверждает мои ожидания, и то, что я удостоился встречи с вами, меня очень радует. Но скажите мне, дорогой мой, почему вы живёте здесь затворником? Наследник престола сейчас желает собрать вокруг себя редкостных музыкантов — как бы он радовался вам! Переезжайте в столицу, поступайте на службу к нему во дворец!

— Я вам чрезвычайно признателен, — поблагодарил тот. — Сказать правду, поскольку я постоянно живу здесь, в этом захудалом домишке, я очень неловок. Предположим, я приеду в столицу и захочу служить в императорском дворце, но ведь когда человек, привыкший жить в одиночестве, начинает возвращаться в обществе, он то и дело попадает в неловкое положение. Не стану ли я притчей во языцех у последующих поколений? Опасаясь этого, я и живу в уединении. Когда кто-нибудь заедет ко мне случайно, я испытываю к нему чувство благодарности, а когда сюда приезжают специально, то я уж и не знаю, как выразить свою признательность. От всего сердца благодарю вас.

— Очень приятно слышать... — отвечал Накаёри. — Вы говорите странные вещи. Что особенного в столичных жителях? Вы вот не

покидаете своей деревни, а вас полагают за совершенный образец для подражания. Когда наследнику престола рассказывали о вас, он изволил воскликнуть: «Как бы мне хотелось встретиться с ним! Если бы не моё положение, я бы обязательно отправился туда. Но мне этого не разрешено, а вот не приедет ли он в столицу?» Вот что изволил сказать наследник.

Приезд гостей пришёлся на праздник третьего дня третьего месяца[405]. Танэмацу приказал подать угощение. Перед тремя гостями[406] поставили золотые столики и серебряные подносы, покрытые скатертями из шёлковой ткани с цветочным узором или из тонкого плотного шёлка и кисеи, а также два серебряных столика в форме лотоса. Удивительны были китайские сладости, по виду похожие на цветы. Один поднос был со сладостями в форме плодов сливы, красной сливы, вишни, серёжек ивы, другой — со сладостями в форме цветов глициний, азалий, горных роз, третий поднос — со сладостями в форме шишек сосны, пятиигольчатой сосны, сумихиро[407]. Сладости в форме цветов унохана[408] казались живыми, только что распутившимися на ветках деревьев. Сушёная снедь, фрукты, лепёшки — всё удивительно сочеталось друг с другом. Не было ничего из того, что водится в горах, морях, реках и во всей Поднебесной, что отсутствовало бы здесь. <...> Внесли четыре подноса из красного сандалового дерева. Внесли вино <...>. Чаши были удивительной работы, и ни одна не походила на другую.

С Накаёри прибыли стражник Мацуката, младший стражник Касуга Муракагэ, низшие чины Сима Ясуёри, Оядо Садамацу, Яманобэ Кадзунари, кроме того — восемь телохранителей и восемь певцов, служащих в охране. Превосходные музыканты и танцовщики, они все обладали замечательными голосами и красивой внешностью. Многочисленные конюхи, младшие служители и другие прислужники были красивы лицом и богато одеты. Перед каждым из них поставили особый столик. Всё было устроено замечательным образом.

Подняли чаши, и начался пир.

Гости принялись разглядывать скатерти, расстеленные перед ними, и Накатада сложил о бабочках, порхающих в цветнике[409]:

— На сад цветочный,

Где бабочек полёт

И днём, и ночью длится,

Суровых сосен роща

Сердито смотрит.

Накаёри сложил на тему: «Соловей в роще»:

— К вечнозелёным соснам улетев,

Цветы вокруг гнезда родного
Оставил соловей.
И горько им теперь внимать
Далёким пеня звукам.
Судзуси сложил о рыбах под водой:
— В прозрачных струях
Резвящимся рыбам
И не представить,
Как можно жить
В болотной стоячей воде.
Ёсиминэ Юкимаса — о птицах в горах:
— С весны приходом
На острове, поросшем тростником,
Гнездо покинув,
Среди ветвей цветущих
Порхают птицы.

После этого Накатада преподнёс Судзуси «ядомори-фу»:
— Когда-то мой дед раздарил несколько кото, но это было оставлено,
чтобы я мог преподнести вам.

Судзуси исполнил благодарственный танец, взял инструмент и начал играть какое-то произведение. Слушая его игру, Накатада пришёл в необычайный восторг:

— В нашем мире редко услышишь такое искусство! Давным-давно жил музыкант, который в игре на кото не уступал моему деду. Не у него ли вы учились? — спросил он изумлённо.

— На таком инструменте следовало бы вам поиграть первому, — сказал хозяин, обращаясь к Накатада.

— Я уже давно не прикасался к кото — не хочу сейчас и пытаться, — решительно отказался тот.

После этого Судзуси и гости, настроив инструменты в один и тот же лад, стали играть вместе.

Наступил вечер.

«На пиршествах во дворце перед государем музыканты играют, полностью отдаваясь своему искусству, но и тогда мне не приходилось слышать такого замечательного исполнения, как сегодня! Какое редкостное мастерство! Судзуси играет на кото гораздо лучше многих известных музыкантов!» — решил Накаёри.

А Юкимаса думал: «Я был уверен, что исполнение музыки в храме Касуга на празднике, устроенном генералом Масаёри, превзойти

невозможно. Но кажется, что нынешнее исполнение ещё лучше!»

Несмотря на то, что в этом живописном месте собрались все знаменитые виртуозы и упоённо музицировали, Накаёри никак не мог забыть о своих сокровенных мечтах. Он обратился к хозяину:

— Почему вы столь уныло живёте в таком прекрасном месте? Все чудеса Поднебесной теряют своё очарование, если на них смотреть одному. Но если живая душа любитесь ими рядом с вами, то всё представляется иначе. Глядя в одиночестве на всё это великолепие, разве вы не чувствуете какой-то неудовлетворённости, словно осенью в пруду не отражается луна?

— Вы правы, одному жить очень скучно, — ответил Судзуси, — нет никого, кто захотел бы любоваться этими глухими местами, заросшими полынью. Вот я и живу здесь один уже давно, хотя меня это тяготит. Все так или иначе находят себе применение в столице, и нечего и мечтать о том, чтобы кто-то согласился отправиться в глушь.

— Мне кажется, что если не быть привередливым и довольствоваться женщинами самыми обычными, то в столице таких женщин можно найти немало и на любой вкус. У людей умных и с положением дочерей с избытком, а мужчин в столице мало, поэтому даже к таким мужланам, как я, льнёт очень много красивых женщин и всячески им потакает. Но пусть хоть какая раскрасавица, одна всегда хуже, чем две дурнушки, поэтому в столице у каждого две или три жены, — сказал Накаёри.

— Говорят, что всех женщин затмевают дочь генерала Масаёри и дочь главы Ведомства внутридворцовых дел Тадаясу, они и внешнеюстью прекрасны, и душой хороши, — заметил Судзуси.

— Насчёт дочери главы Ведомства внутридворцовых дел не знаю, — отозвался Накаёри, — а дети генерала действительно таковы, как о них говорят. И сыновья, и дочери его совершенно замечательны и ни с кем не сравнимы. Среди сыновей особенно хорош императорский сопровождающий Накадзуми, а среди дочерей — Атэмия, девятая дочь. Невозможно остаться равнодушным к тому, что все в один голос твердят об этой девице. Многие посылают ей письма, но у её отца, видимо, какие-то свои соображения. Хоть все и понимают, что их усилия тщетны, но всё же шлют послания. О ней рассказывают поистине удивительные вещи. И внешность её, и душа — всё достойно восхищения!

— Крайне удивительно уже то, что бывший министр Михару Такамото открыл ради неё свои сокровищницы и пустил на ветер огромные богатства, — вступил в разговор Накатада. — Если уж говорить о необыкновенных вещах... Этой весной в Касуга она играла на кото, и я

пролил много слёз, слушая её. Как умело сочетала она свою игру с доносящимся издали пением соловья, с шумом ветра в соснах! И птицы, и звери, и монахи-отшельники, и бедный люд, живущий в горах, — все заворожённо внимали ей.

— Я заметил при этом, как самозабвенно слушает её советник Минамото Санэтада, — сказал Накаёри, — и понял, что в течение стольких лет жизни я не знал, что такое очарование вещей[410].

— Поистине, слушавшие её должны были быть в восхищении! — воскликнул Судзуси. — Даже рассказ о её игре приводит в изумление.

* * *

Это была пора, когда на побережье уже распустились цветы вишни. Господа отправились в павильон для любования цветами, который был построен в роще. Приготовления этому дню Танэмацу поручил своей жене. Гости надели обычное верхнее платье, а сопровождающие — верхнюю церемониальную одежду и нижние белые платья на розовой подкладке. Гости отправились в павильон пешком. Жена Танэмацу замечательно приготовила угощение. Служанки внесли двадцать подносов из аквилярии, резные кубки из аквилярии; ковры и скатерти поражали безупречным вкусом. Служанки были одеты в китайские платья тёмно-серого цвета с синим отливом со шлейфами из узорчатого шёлка, окрашенного травами, в платья из лощёного узорчатого шёлка и штаны на подкладке. Взрослых служанок было восемнадцать. Все моложе двадцати лет, белолицые. Волосы их достигали пола. Юные служанки были одеты в такие же серые платья, светло-коричневые платья из лощёного узорчатого шёлка и штаны на подкладке. Лет им было меньше пятнадцати. Волосы их достигали пола. Все они были одинакового роста и похожи друг на друга. Их было десять. Слуги, взяв по десять подносов, приносили их к павильону, на лестнице подносы принимали низшие служанки и подносили к занавесям, а юные служанки вносили подносы господам. Четыре взрослые служанки, приняв у девочек угощения, прислуживали гостям. На каждом подносе стояло четыре блюда с высоко, красиво уложенным угощением. Подносы нужно было нести издалека, но слуги действовали без малейшей оплошности. В них всё радовало глаз: как они стояли перед гостями, садились и прислуживали — видно было, что это слуги опытные.

Как обычно бывает на пирах, началось исполнение музыки и сочинение стихов. Господа сочиняли китайские и японские стихи, а потом начали играть на кото и под музыку хором декламировать стихотворения. В том очаровательном месте собрались все лучшие музыканты, первые в мире виртуозы игры на кото и флейте, и исполнение было великолепным.

Но Накаёри охватили мрачные думы, и он только стenal, не находя ни в чём утешения. Даже ветер, колеблющий цветущие ветки, навoдил на него тоску[411].

Куда ни бросишь взгляд, везде на морском берегу росли вишнёвые деревья. Цветение было в самом разгаре. От дуновения ветра лепестки сыпались на землю. Маленькие гребные лодки приближались к берегу. Казалось, они движутся вместе с летящими лепестками, и Накаёри сложил так:

— «Уж не цветы ли это?» —

Глядя в море, подумал.

Нет, то ветер весенний,

Веющий над Фукиагэ,

Гонит лёгкие лодки.[412]

Судзуси сложил так:

— Плывущие лодки в море

Ветер весенний

До краёв лепестками засыпал.

Забыв о цветущих деревьях,

Только ими люблюсь.

Накатада, в свою очередь, сложил:

— Когда в плывущие лодки

Цветы без остатка

Высыплет ветер,

В обе руки

Смогу я взять лепестки.

Ёсиминэ Юкимаса сложил:

— Смотрел я на лодки,

Что по широкому морю

Ветер без усталости гонит.

Тем временем все

Уж цветы облетели.

Из главного дворца жена Танэмацу прислала декоративный столик; на нём была сооружена гора, составленная из различных ароматических веществ, стояли деревца, золотые ветки которых были украшены серебряными цветами и бабочками. К одной ветке было прикреплено стихотворение:

«С приходом весны

Все деревья покрылись цветами.

Но вижу, что ветку одну

Не мочит ни дождь, ни роса.
О, как это прискорбно!»[413]

Красивая служаночка принесла благовония в павильон. Господа стали рассматривать сооружение. Они решили сочинить стихотворения и прикрепить их к бабочкам. Накатада написал:

«Дождь и роса беспристрастно
Деревья все оживляют.
Скоро весть разнесётся,
Что и ветка сия
Цветами покрылась».
Накаёри сложил:
«Ветер весенний
Веет над Фукиагэ...
Пусть вознесёт он
К облакам в вышине
Цветы вишни благоуханной!»
Судзуси на это ответил:
«На дереве этом
Нет веток таких,
Чтоб цветы до небес вознеслись...
Только волнам дано
Их тень неясную видеть».
Юкимаса сложил:
«Разве пристрастна роса,
Несущая милость деревьям?
Скоро увидим ветку,
Которая свой аромат
В этих краях таит».
Мацуката написал так:
«Чахлы вишни в столице,
Скуден их аромат...
И, дождя не страшись,
Прилетел сюда соловей
Любоваться цветеньем весенним».
Тикамаса сложил:
«Много мне твердили об этом,
Но мог ли представить,
Как вишни здесь великолепны?
Любуйся же ими, пока

Ветер цветов не унёс!»
Токикагэ:
«Весенние цветы,
Как облака в лазурной выси.
Кто же скажет,
Что ветки этих деревьев
Не достигают неба?»
Танэмацу сложил так:
«Коль обойдут
Благоуханья весны
Скромную вишню,
То прахом пойдут
Мои все усилья»[414].

В таких развлечениях прошла вся ночь. Подарки для этого пира были приготовлены женой Танэмацу, и узоры, и расцветка одежд были необыкновенно роскошны.

На двенадцатый день третьего месяца пришёлся первый день змеи. Господа для совершения обряда очищения отправились в павильон на взморье[415]. Туда созвали рыбаков и ныряльщиц, одели их в красивые одежды, пригласили отца-рыбака[416]. Всем велели тянуть большую сеть.

В этот день для пира было приготовлено двадцать серебряных подносов, скатерти из китайской кисеи, узорчатого шёлка и плотного тонкого шёлка, которые стелили одну поверх другой. Перед каждым гостем были поставлены металлические чашки, перед сопровождающими господ поставили по два столика из цезальпинии.

Господа играли на струнных инструментах, а слуги низших рангов и подростки вторили им на духовых. Музицировали весь день, а на закате вышли на берег и смотрели, как рыбаки складывали канаты из коры бумажного дерева[417], убирали их в большие лодки и отплывали от берега. Накаёри при этом произнёс:

— Длинные эти канаты, но им не дотянуться до того, к чему я стремлюсь.

Судзуси засмеялся и сложил стихотворение:

— Как знать, какие стремления

Таятся в душе человека,

Который тянет верёвку?

Но верю, тянутся дальше они,

Чем самый длинный канат.[418]

— Если уж мы пришли сюда, то наши стремления никак не короче

канатов, — сказал Накатада. —

Тянуться дальше,
Чем стремления того,
Кто, далёкий путь совершив,
Прибыл сюда из столицы,
Ты не можешь, рыбачий канат!
Накаёри сложил так:
— Если с думой того,
Кто в эти края приехал,
Сравнить самый длинный канат,
Сможет ли он сохранить
Славу свою?

Солнце село. Судзуси охватила грусть. Он жил в этих красивых местах и ни в чём не нуждался, но Судзуси хотелось, чтобы его новые друзья навсегда остались здесь, хотя понимал, что это невозможно. В это время стаяй поднялись с берега столичные птицы[419], а оставшиеся в бухте закричали им вслед. Слушая эти печальные крики, Судзуси произнёс:

— Поднявшись стаяй,
Покинули берег
Столичные птицы.
Что остаётся птицам морским,
Как не плакать в разлуке?

— Но почему вы навсегда хотите остаться здесь? — спросил его Накатада и прибавил:

— Меж облаков
В дальний город
Вместе проложим путь.
Разве не стали друзьями
Птицы здесь, в Фукиагэ?
Накаёри произнёс:
— Столичные птицы
На крыльях своих
Чайку морскую умчат.
То будет правителю дар
Из этих краёв.
Юкимаса сложил так:
— В бухте друга покинув,
Который к себе пригласил их,
Что сможете вы

Своему государю ответить,

Столичные птицы?

Пир продолжался до рассвета.

Двадцатого дня третьего месяца в павильоне Увитый глициниями колодец, Фудзии, был устроен пир по поводу расцветших глициний, и господа отправились туда. Они были одеты в верхнюю воинскую одежду из узорчатого шёлка серого цвета с синим отливом, светло-коричневое платье на тёмно-красной подкладке, штаны из узорчатого шёлка; на так называемых китайских лентах[420] свисали длинные мечи, ножны, рукоятки которых были отделаны перламутром. За каждым из четырёх гостей шли двадцать сопровождающих, те, которые обычно вели под уздцы господских лошадей. Они были одеты в фиолетовые платья и штаны из белого лощёного шёлка. Слуги, выступающие впереди господ, стражники Личной императорской охраны были одеты в синие верхние платья и белые платья на зелёной подкладке. За Судзуси же следовали десять прислужников в синих верхних платьях с гербом «иглы сосны» и белых платьях на зелёной подкладке и четверо низших прислужников в синих верхних и белых нижних платьях на зелёной подкладке.

Тогдашний правитель провинции Ки в своё время служил в Императорском архиве. Узнав, что Накаёри с друзьями прибыл в его провинцию, он в сопровождении подчинённых отправился в Фукиагэ и явился в павильон Увитый глициниями колодец.

Наконец все были в сборе.

На этот раз подготовкой к празднику распоряжался сам Танэмацу. Для четырёх господ и для правителя провинции было приготовлено по двадцать подносов из сандалового дерева и такие же чашки, выточенные на токарном станке, особым тщанием были выбраны парча и узорчатый шёлк для ковров и скатертей. Перед каждым из сопровождающих было поставлено по две чашки из цезальпинии, выточенные на токарном станке.

Гости взяли в руки чаши с вином, и начался пир.

Правитель провинции обратился к Накаёри:

— Почему вы не сообщили мне, что предполагаете посетить наши края?

— Я собирался отправиться в храм Когава, чтобы кое о чём просить богов, — ответил Накаёри, — но по дороге мне рассказали об усадьбе в Фукиагэ. Поскольку посещение храмов всегда наводит скуку, я сразу же повернул сюда. Я хотел нанести визит вам, но... прошу прощения, что не сделал этого сразу.

— Если бы я сам не приехал сюда, мы вряд ли встретились бы, —

сказал правитель провинции. — Что нового в столице?.. Мне здесь очень трудно. Я приехал по назначению в эту провинцию, где мой предшественник оставил дела в страшном беспорядке. Часто приезжают инспекторы от императора, остаются очень недовольны. Служба моя не даёт никакого утешения, но доставляет одни страдания. Я совсем превратился в деревенщину. А благополучно ли обстоят дела в доме генерала Масаёри?

— Сейчас в доме генерала всё обстоит благополучно, — ответил Накаёри. — В столице ничего особенного не происходит. Только вот бывший правитель этой провинции подал на вас жалобу.

Начали исполнять музыку и несколько раз наполнили вином чаши. Решили сочинять японские стихи на тему: «Сорвав глицинию, узнал, что сосне уже тысяча лет».

Правитель провинции сочинил:

— На ветках сосны

Каждой весной

Виснут глициний цветы...

Сколько их было, вёсен таких?

Сколько же лет сосне?

Судзуси сложил так:

— Цветы глицинии благоуханной

Все в капельках

Весеннего дождя.

Иль то на вековой сосне

Жемчужины повисли?[421]

Накатада произнёс:

— Цветы глициний

Под струями дождя

Становятся всё ярче.

То дождь, иль перлов нити

Сосну обвили?

Накаёри сложил так:

— Красуется на берегу

В наряде из глициний

Корявая сосна.

И даже отраженье

Цветов в воде так ярко!

Юкисима произнёс:

— Сплелись так тесно

Глициния с сосной,
Что кажется,
Они не смогут
Друг друга пережить.
Заместитель правителя провинции сложил:
— Цветы лиловые, зелена
Сосны густая хвоя.
А дождь весенний,
Что краску льёт на них,
Сам цвета не меняет.
Мацуката сложил:
— Если черпать начнёшь
Воду, в которую смотрят
Гроздь глициний,
То цветочные нити
Распутать уже не сможешь.[422]
Тикамаса произнёс:
— Из отраженья глициний
Ткут нити
Пенные волны.
И за ночь лиловая ткань
Всё море покрыла.
Токикагэ сложил:
— Глицинией любуясь,
Вдыхая дивный аромат,
Молю богов, чтоб не опали
Цветы. Пусть бесконечно длится
Весенняя пора!
Помощник правителя провинции сочинил:
— Пусть мне твердят,
Что каждый год
Зацветает глициния вновь.
Только сегодня, цветами любуясь,
Я понял, что значит весна!
Танэмацу сложил так:
— Кого не очарует
Глициний аромат?
Но те цветы, что распустились
На чистом дне морском,

Стократ прекрасней.[423]

Так в развлечениях прошёл тот день.

Подарки для этого пира были приготовлены заранее. Четверо гостей, правитель провинции и его заместитель получили по полному китайскому женскому наряду серого цвета с синим отливом; стражники Личной императорской охраны, а также помощник правителя провинции — пурпурные накидки с прорезами на подкладке и штаны на подкладке. Сопровождающим и более низким слугам были преподнесены летние платья. Без подарка никто не остался.

Когда наступила ночь, внесли факелы: восемь серебряных «корейских собак», высотой в три сяку, задравших голову с открытой пастью, в пасть были положены ветви аквилярии, перевязанные тонкими китайскими шнурами. Эти факелы горели всю ночь.

Гости собирались покинуть Фукиагэ в последний день третьего месяца.

— Скоро наши гости возвратятся домой. Приготовлены для них подарки? — обратился Судзуси к своему деду. — Надо хорошенько подумать, что вручить им в качестве подарков в столицу.

— Всё, что я мог придумать, я уже велел приготовить, — ответил Танэмацу. — Как нам, неотёсанным деревенским жителям, знать, что придётся по вкусу жителям столичным? Но если ты мне поможешь в этом трудном деле, я не буду волноваться. Может быть, и мне придёт ещё что-нибудь в голову.

Танэмацу приготовил вот какие подарки. Серебряный короб с выпуклой крышкой, наполненный китайским узорчатый шёлком и шёлковой кисей, погрузили на серебряную лошадь, седло и упряжь которой были вырезаны из аквилярии. Возле лошади поставили серебряную статую человека, который как будто вёл её под уздцы. Кроме того, в шкатулки из аквилярии положили смешанные благовония, душистые вещества из коры аквилярии и гвоздичного дерева, свечи для окуривания одежд, мускус и лекарства — всё это было уложено в коробки, в какие обычно укладывают еду; коробки прикрепили на спину носильщика, вырезанного из аквилярии. В коробки из цезальпинии, обвязанные разноцветными китайскими шнурами, положили по тридцать штук красивого шёлка, погрузили на лошадь, вырезанную из цезальпинии, которую вёл под уздцы человек, тоже вырезанный из того же дерева. Кроме того, было сделано три декоративных столика: рельефное изображение белого моря из серебра, острова из смешанных душистых веществ, на нём деревья из аквилярии с искусственными цветами на

ветках, олени и птицы из аквилярии — всё было выполнено с удивительным мастерством. В море большая золотая лодка, нагруженная мешками из разноцветных ниток с лекарствами и душистыми веществами, коробками из аквилярии с серебряными карпами и карасями, кувшинами из серебра, золота и лазурита, наполненными удивительными вещами. Груз был перевязан верёвками из конопли. У руля фигурка лодочника.

В коробки для одежды положили по три очень красивых платья для путешественников.

— Им до столицы добираться три дня, каждый день они смогут менять платье, — сказал Танэмацу.

Для них приготовили по одному полному женскому наряду.

Кроме того, Накатада преподнесли четырёх скакунов в яблоках, ростом в четыре сяку и восемь сун, возрастом не более шести лет. Снаряжение на них было вот какое: седло украшено росписью по лаку, под седло положена шкура леопарда, стремяна серебряные. Накатада были подарены также четыре вола с чёрными пятнами, их вели на верёвке из белого необработанного шёлка; четыре сокола, которых преподнесли сидящими на насесте, с лапками, связанными большим белым шнурком с колокольчиком, шнур был перехвачен множеством голубых и светло-серых лент; четыре баклана в очень красивых корзинах, а шест, на котором несли эти корзины, был затейливо украшен.

Накаёри были преподнесены четыре коня тёмно-коричневой масти, ростом в четыре сяку и семь сун, седло и стремяна были такие же, что и на конях Накатада; четыре великолепных тёмно-жёлтых вола, соколы и бакланы — числом столько же, что и у Накатада. Хозяин распорядился, чтобы Юкимаса одарили таким же образом.

Танэмацу от себя преподнёс каждому по два высоких короба из бамбука, наполненных белым шёлком, которые он погрузил на превосходную лошадь. Две корзины были наполнены едой и погружены на прекрасных лошадей. Всем троим было преподнесено по две кадки с двумястами коку очищенного риса.

* * *

Хозяева решили пригласить гостей на соколиную охоту. Выехали в поле, стараясь не шуметь. Для четверых гостей были приготовлены серые с красным отливом охотничьи платья, окрашенные травами, с вытканными разноцветными растительными узорами, шаровары, затканые журавлями, платья из узорчатого и лощёного шёлка, штаны на подкладке, мечи с ножнами в чехлах из шкуры леопарда. Были выведены рыжие лошади ростом в четыре сяку и четыре суна, покрытые красными попонами, и

господа сели на них. Сокольники в серых с синим отливом платьях сидели на пегих лошадях и держали соколов. Еда была красиво уложена в коробки из кипарисовика.

Когда выехали в поле и господа в одно и то же время выпустили маленьких соколов, слева и справа начали вылетать дикие птицы; от этого заволновались и стали опадать цветы. Господа, очарованные такой картиной, не могли сдвинуться с места. Судзуси произнёс:

— Из зарослей густых взлетели птицы,

И вмиг осыпались на землю лепестки.

Охотиться желание исчезло...

Как грустно, что весна

Должна пройти бесследно!

Накаёри сложил так:

— Так трогают сердце

Весеннего поля цветы,

Что, бросив поводья,

Я весь ухожу в созерцанье...

Бог с нею, с добычей!

Накатада сложил:

— Весь день сегодня

Провёл бы я

В открытом поле...

Что ещё утешить может сердце

Так, как цветы?

Юкимаса произнёс:

— Кто может думать,

Что бессердечен ветер? Даже он,

Сочувствием охвачен, медлит

Цветы осыпать на равнине,

С которой мы уйти не в силах.

Слуги открыли коробки с едой, другие принесли пойманных птиц.

Потом отправились на остров Тамацу[424], по дороге много народу вышло приветствовать господ. На острове развлекались и гуляли, а когда надо было возвращаться, Накаёри сложил:

— Ни души не насытив, ни взора,

Я должен отсюда уехать.

Только сегодня я понял,

Почему тебя так прозвали,

Остров Тамацу!

Судзуси произнёс:
— Кто может сказать,
Сколько уж лет
Набегают волны на берег
И нижут перлы на нити?
Остров, где жемчуг находят...[425]

Накатада сказал:
— Если бы волны
Не бежали в сторону эту,
Как узнали бы мы,
Что есть остров на свете,
Где можно добыть жемчуга?
Юкимаса сложил в свою очередь:

— Если не даром
Остров зовётся Тамацу,
То принесите,
О, волны!
Мне горсть жемчужин!

Сложив эти стихотворения, гости уехали с острова.

Наступил последний день третьего месяца, и в Фукиагэ был устроен пир проводов весны. Господа надели белые верхние платья на розовой подкладке и белые платья на алой подкладке. Пир вышел таким же роскошным, как и в другие дни. Вся утварь была новой, ещё ни разу не употреблявшейся. То и дело наполняли чаши и весь день провели в развлечениях.

Господа вышли на берег моря, где лепестки цветов вишни падали в воду и их уносило волнами. Стали слагать стихи на тему: «Провожая весну».

Начал Накаёри:
— В воду упав,
Плывут, как парча,
Лепестки.
Зачерпнуть их на память,
Весны последний подарок?
Накатада сложил:
— В море на дне
Так много осталось
Цветов отражений,
Но покидает весна

И бездну морскую.
Судзуси произнёс:
— Скоро ль наступит вновь
Пора нашей встречи?
Такая же грусть
Камнем ложится на сердце,
Когда провожаю весну.
Юкимаса сложил:
— Даже в срок краткий
Нам с человеком тысячу раз
Увидеться можно,
Но ждём целый год
Мы возвращенья весны.
Мацуката сказал:
— Что может на свете
Весну удержать?
О, волшебная ночь!
Почему ты не длишься
Сотни веков?
Тикамаса сказал:
— Ах, если б никогда
Не наступал рассвет
И мы бы не расставались!
Но что же тешить
Себя мечтой напрасной?
Токикагэ произнёс:
— Как знать, в какие края
Уходит весна?
Отягчённое сердце
В пустых небесах
Напрасно блуждает...
Танэмацу сложил
— Пир кончится, и вместе с ним
Окончится весна.
Один оставшись,
Как горько будет стенать
Мой господин!

Господам в этот день преподнесли по китайскому женскому наряду и по вышитой шёлковой накидке жёлтого цвета, а сопровождающим — такие

же накидки из узорчатого шёлка и штаны. Пир продолжался всю ночь.

* * *

Первого дня четвёртого месяца гости возвращались в столицу и покидали Фукиагэ. В этот день пир был приготовлен тщательнее, чем обычно.

Господам были поднесены китайские верхние платья из узорчатого шёлка с цветочным рисунком, платье из узорчатого тонкого плотного шёлка, синие шаровары из полупрозрачного шёлка, накидки с серебряным узором и с прорезами.

Было внесено угощение, перед каждым гостем было поставлено по десять столиков. Подняли чаши с вином, и начался пир. Во дворе перед гостями была устроена площадка для танцев и натянут навес.

Узнав, что Накаёри с друзьями возвращаются в столицу, правитель провинции послал своих людей устроить им в пути привалы, а сам в сопровождении подчинённых прибыл в Фукиагэ.

Полностью отдаваясь своему искусству, пирующие музицировали, и когда наконец стали прощаться, солнце уже стояло высоко.

Судзуси, держа чашу в руке, сказал:

— Сегодня непрошеным

Лето явилось.

Почему же друзья

В этот день

Решили меня покинуть?

Накаёри сказал:

— Не трогает лета приход.

Я уезжаю, но наша любовь

Не канет в забвенье.

И дорог мне твой подарок,

Это лёгкое платье.

Накатада сложил:

— Снова приехать хочу

И снова увидеть тебя —

Раньше, чем смог бы просохнуть

Мокрый от слёз рукав

Летнего платья!

Юкимаса произнёс:

— Прощаюсь с тобой.

Сердце скорбью полно,

И льются слёзы потоком.

Но сколько ни плачь,
Печали не выплакать всей.

Мацуката сказал:

— Я уже бывал в Фукиагэ и должен был бы показывать вам дорогу, но
Так печален сегодня.

Что назад пути не нашёл бы,

Если б не метки от слёз,

В прошлый раз

Под копыта коня упавших.

Тикамаса сложил:

— Всё сильнее печаль

От разлуки с тобой,

Сравнить её не с чем.

Все чувства мои

В страшном смятенье.

Токикагэ произнёс:

— Сегодня расставаясь,

Хочу я встретиться с тобой,

Прежде чем высохнет роса,

На крылышки цикад

Упавшая.

Танэмацу сложил:

— Вновь день наступил,

Когда запеть кукушка должна.

Но нет радости в сердце —

Ведь гости мои

Сегодня меня покидают.[426]

Было выпито много чаш вина. Господам преподнесли приготовленные подарки: одежду, лошадей, птиц. На лошадях были разукрашенные сбруи, красивые сёдла; к каждой лошади были приставлены по два конюха в верхней воинской одежде. Они вывели лошадей, показали их господам и затем выстроили в ряд перед гостями. После этого вывели лошадей, нагруженных подарками, и каждый раз, когда эти лошади проходили перед гостями, господа играли рандзё[427] и танцевали. Жена Танэмацу вручила отъезжающим нуса[428]. Для каждого из гостей она приготовила по четыре ажурные серебряные шкатулки и положила в одну — уголь[429] и чёрные благовония, в другую — золотой песок, в третью и четвёртую — жезлы нуса из золота и серебра. Перевязав шкатулки лентами, она прикрепила к ним для каждого гостя стихотворение. Вот что она написала для Накаёри:

«Вижу, как встал ты,
Чтобы отправиться в путь...
Хлынули слёзы из глаз,
Китайского платья рукав
Вымок до самой изнанки».

К шкатулке с нуса она прикрепила стихотворение для Накатада:

«Тяжело расставаться,
Медлю я нуса вручить...
Но с каким нетерпением
Отец твой и мать
Ждут твоего возвращения!»

Стихотворение для Юкимаса она прикрепила к шкатулке с золотым песком:

«Кто сосчитает песчинки
На морском берегу,
В который бьют бурные волны?
Кто знает, сколько дум о тебе
В сердце моём?»

После этого гостям были преподнесены красные платья, Майские платья тёмно-фиолетового цвета, а также штаны на подкладке. Стражникам Личной императорской охраны были преподнесены штаны из белого полотна.

Наконец-то двинулись в путь. Судзуси со свитой слуг и правитель провинции со всеми своими подчинёнными проводили гостей до заставы. Там правитель провинции решил повернуть назад, и в это время издали послышалось пение столичной птицы.

Накаёри произнёс:
— Прибыл уже в столицу —
Ведь птицы слышу я пеньё!
Не надо дальше идти,
И с другом здесь
Могу я остаться!
Накатада сказал:
— С мукой в сердце
Должен пройти
Эту заставу...
Но если поёт здесь
Столичная птица...
Юкимаса сложил:

— Отпускаю поводья,
И в сумерках конь мой
Летит легче птицы.
Но поток слёз моих
Льётся ещё быстрее.
Судзуси произнёс:
— Не разрушить ли мост,
Чтобы гости мои
Отсюда уйти не смогли?
Напрасно! Не в силах
Ничто задержать их.
Правитель провинции сложил:
— Бурной стала река
От слёз, что при прощании
Я проливаю.
Сможет она задержать
Резвых коней?

Так выразив на прощание свои чувства, господа расстались на заставе.
Гости отправились в столицу, а жители провинции повернули к себе.

* * *

Только в четвёртый день четвёртого месяца, когда уже стемнело, путешественники достигли дома главы Ведомства внутридворцовых дел.

Тадаясу устроил пир. Перед гостями поставили по два столика из чёрной хурмы, покрытых шёлковой кисеёй, а перед стражниками — столики из магнолии.

Хозяин, взяв чашу в руку, сказал:

— Как вы находите травы и деревья этой деревушки после раковин кайко[430] на морском берегу?

Накаёри на это ответил:

— Там я думал об одном...[431]

Оставив в горном селенье

Почки деревьев,

Удалился на взморье.

Но раковины кайко

Я не смог там найти.[432]

Тадаясу произнёс:

— От старого дерева

Я для тебя

Срезал цветущую ветку.

Береги же её:

Второй такой уж не срезать! [433]

Накаёри преподнёс Тадаясу коробки с едой и волов. Накатада и Юкимаса, поблагодарив хозяина за угощение, откланялись. Расставшись с Юкимаса, Накатада отправился в усадьбу Кацура.

Восхитительные подарки, привезённые из провинции Ки, путешественники преподнесли разным людям. Золотую лодку Накаёри преподнёс императору, серебряную лошадь, нагруженную коробами для путников, — генералу Масаёри, шкатулки из аквилярии с благовониями и лекарствами — своему тестю, ажурные серебряные шкатулки и другие мелкие вещи отдал жене.

Накатада серебряного коня преподнёс отцу, шкатулки с благовониями — отрёкшемуся от престола императору Сага ажурные серебряные шкатулки и другие мелкие вещи — своей матери, а лодку и некоторые другие прекрасные подарки с какой-то целью оставил пока у себя.

У Юкимаса не было ни жены, ни детей, ни родителей, и он преподнёс лодку наследнику престола, лошадь с коробами — отрёкшемуся императору Сага, шкатулки с благовониями — императрице, а серебряные шкатулки и другие мелкие вещи оставил пока у себя.

* * *

Как-то раз Масаёри отправился в покои Атэмия и попросил её поиграть на кото. Вокруг него собрались его замужние дочери и слушали игру сестры. Вдруг четвёртый сын Масаёри, помощник начальника Левой дворцовой стражи, доложил, что пожаловал младший военачальник Личной императорской охраны Накаёри.

— Давненько о нём ничего не было слышно, — сказал Масаёри. — Пока он проводил время в развлечениях, топорище, должно быть, успело сгнить [434]. Наши утончённые молодью люди, по-видимому, куда-то ездили, целый месяц их не видно было. Пригласите военачальника сюда. — Он приказал устроить сиденья на веранде. — Пожалуйста сюда, — пригласил он Накаёри, и они сели друг подле друга.

— Последнее время вы не появлялись в императорском дворце и ко мне не заходили, я уже начал подозревать что-то неладное, — начал хозяин.

— Я очень виноват, — отвечал молодой человек. — Я хотел совершить паломничество в храм Когава и отправился в провинцию Ки. Там я познакомился с одним замечательным человеком и расстаться с ним никак не мог, только вчера возвратился домой.

— Кто же это такой? — поинтересовался Масаёри. — Я что-то не могу

сообразить.

— Это Минамото, внук Каминаби Танэмацу, секретаря Управления этой провинции. Усадьба находится как раз на пути в храм Когава. В тех краях был как-то стражник Личной императорской охраны Мацуката, и при встрече этот самый Минамото пригласил к его себе: «Дайте пару дней отдыха вашим лошадям и волам, а потом возвращайтесь в столицу». Мацуката провёл там несколько дней; ему казалось, что он возродился в западном раю Чистой земли. Усадьба, каждая сторона которой тянется на восемь те, вся застроена домами, «крашенными золотом, лазуритом, раковинами тридакна, агатом; всё отполировано; вокруг — тысяча ступ, множество молелен и других строений; там нет только попугаев и павлинов, — вот как он живёт. Поскольку я не могу обо всём рассказать как нужно, я привёз вам от него подарки, чтобы вы хоть немного представили его положение.

— Всё выполнено с большим вкусом, — похвалил Масаёри. — Раньше я слышал, что это императорский сын, рождённый придворной дамой низшего ранга, дочерью Каминаби. Она была изысканна и очень дружелюбна к другим. Отец её из простых, но дочь — красавица, очаровательна была настолько, что возбуждала зависть. Потом я ничего о ней не слышал. Каким же он вырос, её сын?

— Это поистине замечательный человек, — ответил Накаёри. — Пожалуй, он не уступит Накатада. У него есть всё: красота, сердце, талант.

— Думаю, что на кото Накатада играет всё-таки лучше него, — заметил Масаёри.

— И здесь его искусство привело меня в восторг, — сказал Накаёри. — Накатада и он соревновались в игре на цитрах, и он никак не хуже Накатада.

— Кто ещё был с вами? — спросил Масаёри.

— Накатада, Юкимаса, Тикамаса, Токикагэ, Муракагэ, Ясуёри, Садамацу, Кадзунари — из служащихлевой и Правой личной императорской охраны я выбрал тех, кто может хорошо петь.

— Всё это — самые сливки! — воскликнул Масаёри. — вы, Должно быть, долго размышляли, прежде чем сделать выбор. Как замечательно, когда в подобном месте собирается столь изысканное общество! В нашей стране только государь, ловимому, живёт, как ему хочется. Какая же завидная участь у человека, живущего так, как мы, грешные, даже мечтать не Можем!

— Танэмацу владеет сокровищами в шестнадцати больших странах и во множестве маленьких, рассыпанных, как рис[435], — сказал Накаёри. —

Он говорит: «Все мои сокровища предназначены моему внуку. Поэтому если я срублю на дереве одну ветку, то на её месте вырастают две или три тысячи новых. Если одно-единственное зерно падает на вершину горы или на скалу — я всё равно с него получаю урожай в одно или два то». ... Посмотрите, что прислал Судзуси для подарков в столицу.

И Накаёри показал двух лошадей, двух соколов, серебряную статую лошади, нагруженные на неё коробки, статую человека, который её вёл под уздцы. Масаёри осмотрел всё с большим интересом, он позвал своих зятьёв и сыновей и стад показывать им лошадь.

— Это лишь тысячная доля тех подарков, которые я получил от него, — рассказывал Накаёри. — Он подарил нам троим по лодке, шкатулки с благовониями, серебряные шкатулки и множество необходимых вещей. Я отправился туда без всякой цели и совершенно неожиданно возвратился богачом.

— Если бы я мог переодеться стражником Императорской охраны и сопровождать вас, чтобы самому всё увидеть! — засмеялся Масаёри.

В это время Масаёри сообщили: Накатада и Юкимаса прислали подарки для него и его сыновей — то, что пригодится им, когда отправятся с визитом к императору, наследнику престола и отрёкшемуся императору Сага. Юкимаса преподнёс старшему сыну Масаёри, Тададзуми, лошадь, вола и сокола. Серебряную шкатулку он преподнёс второй супруге Масаёри, а полученное в подарок женское платье уложил в коробку, сопроводил письмом и вручил даме, прислуживающей Атэмия. Низшим слугам он преподнёс по платью, выкроенному, но ещё не сшитому. Накатада прислал генералу двух упряжных волов и двух лошадей, Накадзуми — лошадь в яблоках ростом в четыре сяку и восемь сун. В коробку для одежды, отделанную серебром, Накатада положил прекрасный гладкий шёлк и узорчатый шёлк и послал это Соо. В другую такую же коробку он положил очень красивое женское платье и погрузил коробку в золотую лодку. Написал стихотворение:

«По бурному морю
Без устали волны
Лодку бросают.
О, если б нашлась для неё
Тихая гавань!» —
и послал всё это Атэмия.

Увидев лодку, все вокруг Атэмия заахали: «Какая прелесть! Какая изысканность!» Собралось много народа, и всё внимательно рассматривали подарок.

— Мне бы хотелось иметь такую редкость, — сказала Атэмия — но это слишком большое сокровище для меня!

Она велела вручить гонцу охотничью одежду из белого полотна и штаны, а Накатада написала ответ:

«Вряд ли есть гавань,
Где ветер ласково веет
Для лодки, охотно
Якорь бросающей
Средь играющих волн»[436], —
и приказала возвратить лодку.

«Она совершенно бессердечна!» — подумал Накатада и, сочинив стихотворение:

«Похоже, что свищет
На море страшная буря.
Побитая яростным ветром,
Причалила к берегу
Жалкая лодка», —

вручил его посыльному вместе с лодкой, наказав возвращаться сразу же, не дожидаясь ответа.

Посыльный сделал так, как велел Накатада, и Атэмия, подумав: «Это уж вовсе было бы бесчувственно...», на этот раз обратно подарка не отправила.

Разговорам в доме Масаёри не было конца.

Начиная с высшей наложницы императора Дзидзюдэн до детей — все получили по подарку: или кувшин, или шкатулку, или одежду. Масаёри из поднесённых ему подарков от Накаёри, Накатада и Юкимаса вручил своим зятьям по коню или соколу.

* * *

Как-то раз Масаёри сказал своей второй жене:

— Что-то давно не было видно советника Санэтада.

— В первый день третьего месяца он отправился в императорский дворец, чтобы любоваться цветами, — ответила она. — Он возвратился домой уже поздно, после этого он заболел и больше не выходит. За ним посылали и из дворца, но он даже туда не смог пойти. Никуда не выходит из своей комнаты.

— Как это прискорбно! — опечалился Масаёри. — Я не знал, что так обстоят дела. Не видя его последнее время, я подумал, что он возвратился к жене.

* * *

Масаёри распорядился подарить Накаёри полную женскую одежду, конюху и сокольнику — охотничье платье из белой ткани, посыльным от Накатада и Юкимаса — то же самое. Посыльному Юкимаса, который принёс для супруги Масаёри серебряную шкатулку, вручили платье, окрашенное травами.

Накаёри спешно отправился в императорский дворец.

Глава VII ФУКИАГЭ (Окончание)

В двадцатых числах восьмого месяца[437] во дворце отрёкшегося от престола императора Сага был устроен пир по поводу любования распустившимися цветами. Туда отправились все без исключения сановники и принцы, сочиняли стихи и исполняли музыку.

— В течение года мы много раз любуемся деревьями и травами. А какие самые подходящие дни для этого осенью? — спросил отрёкшийся император.

— На равнинах цветы и травы красивее всего в двадцатых числах восьмого месяца, а в горах — в десятых числах девятого, — ответил младший военачальник Личной императорской охраны Накаёри.

— А где именно на равнинах и в горах нужно любоваться Растениями? — продолжал отрёкшийся император.

— Если говорить о близлежащих местах, то лучше всего на Равнине Сага и поле Касуга или в горах Огура и Араси, — сказал Накаёри. — Дикорастущие растения малопривлекательны, но если они растут недалеко от жилищ и люди всё время ухаживают за ними, то растения становятся облагороженными. Однако с цветами и с клёнами дело обстоит иначе.

— Удивительно, как густ в этом году цвет листьев и как очаровательны цветы, — промолвил император. — Не устроить ли нам соколиную охоту на каком-нибудь живописном поле?

— В этом году клёны и цветы действительно таковы, как вы изволили сказать. Листья на деревьях покраснели рано хоть падает на них та же роса, что и всегда, и мочит их тот же осенний дождь, они производят поистине необычайное впечатление. Генерал Личной императорской охраны[438] вместе семьёй выезжал на поле Охара и говорит, что место это точно создано для прогулок, — рассказывал Накаёри.

— Как замечательно! — воскликнул император. — Чудесно, когда есть возможность свободно разъезжать. А произошло у них в путешествии что-нибудь необычное?

— Нет, ничего. Соколов было много, но только один из них оказался по-настоящему хорош.

— А не знаешь ли ты какой-нибудь прелестной местности, куда бы и мы могли отправиться на соколиную охоту? — спросил император. — Подумай-ка!

— Из того, что я видел в последнее время, самым подходящим местом

является провинция Ки, о которой я вам рассказывал. Во всех шестнадцати великих государствах[439] столь изумительного места не найти, — ответил Накаёри.

— Вот оно что! — воскликнул император. — Очень бы я хотел всё это увидеть! Мне много о тех местах рассказывали, но как мне туда поехать? Ведь мы, императоры, не вольны в своих передвижениях[440]. Это был бы беспримерный случай.

— Как же, подобные случаи бывали, — вступил в разговор правый министр Тадамаса. — В Танском государстве императоры уезжают на охоту далеко от столицы и отсутствуют по десять, а то и по двадцать дней. А если отправиться в путешествие всего на четыре-пять дней, что в этом будет недозволенного?

Императору Сага такое предложение пришлось по душе.

— Ну, разве что... — протянул он.

А придворные стали говорить наперебой: «Именно сейчас пышно цветут все цветы и травы. Лучше вам отправиться немедленно, пока они не увяли».

— Надо обо всём хорошенько распорядиться, — сказал император.

«...» Он назначил в свиту людей талантливых и всех без исключения приятной наружности «...».

— Пир девятого дня девятого месяца мы проведём там, — сказал отрёкшийся от престола император.

Он велел взять в Фукиагэ литераторов. Император знал, что Суэфуса — выдающийся книжник, и изъявил желание, чтобы и он был в свите. Генерал Масаёри помог молодому человеку обзавестись всем необходимым, начиная с одежды, коня и седла.

Итак, отрёкшийся от престола император Сага, принцы, сановники, блистающие талантами, красивой наружности, все решили ехать в Фукиагэ. Минамото из Ки, узнав об этом, приготовился к их приезду самым исключительным образом.

Из столицы выехали в первый день девятого месяца. Не буду рассказывать о том, как они ехали. Наконец поезд прибыл в провинцию Ки. От самой заставы Танэмацу выложил дорогу золотом, серебром и лазуритом. Когда гости прибыли во дворец в Фукиагэ, для них открыли западные ворота. Был пятый день месяца, час обезьяны[441]. В усадьбе всё было приготовлено удивительным образом и всё блестело.

Гости стояли друг подле друга. Император Сага, оглядывая всё кругом, думал: «Второго такого места на свете не найти. Как можно было построить всё это?» О накрытом по этикету столике, преподнесённом

императору, говорить не приходится, но и перед принцами и сановниками были поставлены столики из аквилярии и сандалового дерева, и на них лежало всё, что можно найти в горах и на море; стражникам Личной императорской охраны шестого и пятого рангов было преподнесено прекрасное угощение, соответствующее их чину. Первым взял палочки император, за ним принялись за еду остальные. Подняли чаши с вином.

Судзуси было пожаловано право являться в императорский дворец. Его призвали к отрёкшемуся от престола императору, который, глядя на него, решил: «Он ничуть не хуже тех, кого я выбрал в свою свиту».

Началось исполнение музыки. Император изъявил желание играть на лютне, Накатада сел за японскую цитру, Накаёри — за цитру, Судзуси же — за кото. Видно было, что он не робел в присутствии высокого гостя и не терялся.

— Где ты смог научиться так играть? — спросил император и велел ему поиграть на цитре, и на этом инструменте Судзуси тоже играл изумительно.

Он превосходил многих знаменитых виртуозов. Глядя на Судзуси, сидящего за кото, император произнёс:

— Ещё вчера говорили:

«Сосёнка так молода,
Что только две ветки на ней».

Но вот уже тень густую
Она на землю бросает.

Принц Сикибукё произнёс:

— Далёко протянулись под землёй
Корни сосны.

И ветка, милостей не знавшая доселе,
Входит в круг

Других дерев в саду.[442]

Принц Хёбукё сложил:

— Вчера или сегодня

На берегу морском

Произросла сосна?

Но погляди, как ветви

Она раскинула красиво!

В девятый день был устроен пир[443]. Вокруг сиденья императора Сага всё блистало всевозможными украшениями. Хризантемы были окружены изгородью, вертикальные прутья её сделали из сандалового дерева, а горизонтальные из аквилярии; прутья связали лентами из

разноцветных нитей. Землю посыпали золотым песком, а к почве примешали чёрные благовония. Хризантемы украсили серебром. Цветы начали увядать, их густо усыпали лазуритом и малахитом.

В этот день ранним утром отрёкшийся от престола император велел доложить, сколько лепестков в хризантемах[444], и внук Танэмацу преподнёс императору цветы. К цветку было прикреплено стихотворение:

«Мокрую от росы,
Хризантему в полном цвету
Сорвал и украсил главу.
Пусть долго длится
Царствования эпоха!»

Император, глядя на него, подумал: «Он очень чистосердечен» — и произнёс:

— Сверкают, как жемчуг,
Капли росы
На хризантемах в саду.
Издали взглянешь на них —
И радостью полнится сердце.[445]

Принц Сикибукё сложил:
— Осень. Роса покрывает
В саду хризантемы.
Но почему же
Росу моих глаз
Выплакать я не могу?
Принц Накацукасаке сочинил:

— Лет сколько скрыто
В этом саду хризантем?
Из гущи цветочной,
Росою покрытой, получишь
Жизнь в тысячу лет.[446]

Принц Хёбукё произнёс:
— В одном собравшись саду,
Пышно цветут
Белые хризантемы.
Ветер далёко разносит
Их аромат.[447]

Левый генерал Масаёри сложил:
Срок в тысячу лет затаив,
Белая хризантема

В этом саду ждала...
И росинки на листьях её
Кажутся жемчугом.[448]

Император вышел из своих покоев. Принцы и сановники сели в ряд. Во дворе были разбиты парчовые шатры, в которых литераторы и учёные заняли отведённые им места. Император распорядился, чтобы Накаёри, Юкимаса, Судзуси и Накатада сидели возле него.

Перед императором поставили девять шкафчиков с полками из аквилярии. На каждой полке стояло по пятнадцать, чашек из аквилярии, выточенных на токарном станке, и по пятнадцать чашек из золота. В чашки было положено шестнадцать сортов свежей и сушёной снеди, всевозможные морские продукты и фрукты. Всё было сервировано очень красиво. Внесли девять столиков, на которых стояло столько же чашек из аквилярии и из золота, в которые были положены редкостные угощения. Перед сановниками и принцами поставили столики из сандалового дерева, на которых стояли сандаловые чашки, выточенные на токарном станке, с угощением, соответствующим положению гостя. Перед остальными гостями — вплоть до прислуживающих придворных чинов: сопровождающих, конюхов и других слуг — также поставили угощение, столики были накрыты парадно и очень красиво. Всевозможная снесь переполняла подносы. Начался пир.

Тема для стихотворений была нелёгкой. Литераторы, сочинив стихи, преподнесли их императору, а учёные стали читать стихи вслух. Среди этих последних был и Суэфуса. Император был очень доволен его чтением, похвалил и велел прочитать стихотворения ещё раз. Затем были зачитаны сочинения четырёх молодых людей: Накаёри, Юкимаса, Судзуси и Накатада. Император был восхищён их умением и похвалил их. «Эти молодцы сочиняют стихотворения ничуть не хуже потомственных литераторов, которые несколько раз ездили в Танское государство. Предлагая трудную тему, — думал отрёкшийся от престола император, — я хотел испытать не учёных, которые специально обучались наукам, а этих молодых людей, сочиняющих стихи для препровождения времени. Юкимаса уже был в Танском государстве, но возвратился на родину ещё молодым. Накатада — внук Тосикагэ, скончавшегося тридцать с лишним лет назад. Он известен всему миру как большой умница, но ведь Накатада выучился не у деда. Своё музыкальное искусство Тосикагэ передал дочери, а от неё оно перешло к Накатада. Это поистине замечательно! Но вряд ли Тосикагэ передал своей дочери и литературное умение. И Накаёри, и Накатада совершенно удивительны. Должно быть, это будды,

возродившиеся в человеческом облике».

Началось вручение подарков. Судзуси поставит перед императором девять серебряных столиков с ажурными серебряными шкатулками, в которые были положены узорчатый шёлк и парча, редкие лекарства и невиданные благовония[449]. Императору подобных вещей видеть ещё не приходилось. Среди них были искусные изделия из серебра и золота. Перед сановниками и принцами поставили в ряд столики с подарками. Правому и левому министрам и принцам были преподнесены белый шёлк и сто тон[450] шёлковой ваты. Стражникам пятого ранга и ниже также были вручены чудесные подарки. И сановникам из свиты были вручены награды согласно их рангу.

Наступила ночь. Перед императором зажгли висячие фонари, сделанные из золота, масляные лампы и факелы из аквилярии. Двенадцать шатров из корейской парчи[451] сверкали, как рыба чешуя. Площадка для танцев была из аквилярии, доски соединены проволокой, приготовленные музыкальные инструменты сверкали золотом, серебром и лазуритом. Сорок человек играли на органчиках, столько же на флейтах. Гости играли на струнных инструментах и исполняли танцы. <...> Редко можно было слышать такое исполнение. Там собрались самые выдающиеся музыканты и показывали всё своё мастерство. Когда на духовых и ударных начали исполнять рандзё, к ним присоединились струнные. В ту ночь было сыграно очень много произведений, господа музицировали до рассвета.

На рассвете звуки музыки затихли, и издали стали доноситься слова молитвы. Услышав их, отрёкшийся от престола император произнёс:

— Кто это так удивительно проникновенно читает сутры? Позовите-ка его сюда.

Один из архивариусов императора сел на коня, отправился в ту сторону, откуда неясно слышался голос, и прибыл в храм, где обнаружил отшельника, читающего сутры. Это был Тадакосо, который всеми силами старался не вспоминать об Атэмия, но во всех шестидесяти с лишним провинциях молил богов; «Дайте мне увидеть её хотя бы один только раз!» Он не обратил никакого внимания на придворного, но тот увёл его силой. Когда придворный доложил, что отшельник явился, император распорядился привести его во двор и подвести к лестнице. При взгляде на отшельника он понял, что несмотря на нищенское рубище (монах был одет в одежду из коры деревьев и из мха), это был человек необыкновенный. «По-видимому, тут что-то кроется», — решил император и стал подробно расспрашивать:

— По какой причине, в каких горах вы выполняете службы?

«Я удалился от мира, нет никого, кто бы меня знал. Но, может быть, государь меня вспомнит», — подумал Тадакосо.

Император велел Тадакосо читать из «Павлиновой сутры» и из «Сутры о сути прозрения»[452], а Накаёри и Юкимаса — аккомпанировать ему на кото. При этом не было никого, кто бы не был охвачен печалью и не проливал слёз.

Император Сага смутно припоминал, что когда-то он видел этого отшельника. Генерал Масаёри и Накатада повстречали монаха в Касуга и теперь узнали его, но, предполагая, что Тадакосо стыдится своего нынешнего положения, и проникшись его скорбью, делали вид, будто не узнают его, и сидели возле императора с отсутствующим взглядом. Император пытался вспомнить, кто же этот монах, которого он знал когда-то, и наконец догадался: «Тадакосо!» Утвердившись в этом, император обратился к левому генералу:

— Мне кажется, что я встречал этого отшельника, и действительно, я вспоминаю одного человека. Как тяжело! Когда-то я обменялся с ним клятвой в нерушимой дружбе. Я хочу узнать, он ли это.

Генерал, глубоко опечаленный, не мог ничего ответить. Император спросил у правого министра:

— Не служил ли этот человек во дворце в то время, когда я правил страной?

«Государь узнал меня», — понял Тадакосо, и слёзы градом хлынули у него из глаз. Все, начиная с самого императора, рыдали в голос.

— С тех пор, как я впервые увидел этого подвижника, я хотел доложить вам, что это Тадакосо, но он чрезвычайно стеснялся своего положения и твердил: «Пусть никто не знает, что я ещё живу в этом мире» — поэтому я до сих пор ничего вам не сказал, — проговорил Масаёри.

Император, бесконечно огорчённый, велел Тадакосо подняться к нему.

— Все эти годы, вплоть до сего времени, не было дня, чтобы я не думал о том, что ты исчез. Почему же ты таким странным образом погубил себя? — спросил он.

— Я скрылся в горах вот почему. Отец всегда говорил мне: «Если ты даже поразишь меня мечом, я не буду обвинять тебя». Но как-то однажды отец мой был болен и не появлялся в императорском дворце. Я отправился домой, не получив на это разрешения, и неожиданно для себя увидел, что отец сердит на меня. «Нет преступления страшнее, чем причинять вред родителю», — сказал он. Душа моя пришла в смятение, я фазу же покинул мир, стал жить в лесах и горах, общаться с медведями и волками. Я питался плодами деревьев и сосновой хвоей, одевался в листья, древесную

кору, мох. Так я жил все эти годы, — рассказывал Тадакосо, проливая кровавые слёзы.

Император слушал с глубокой печалью, затем произнёс:

— Что толку сокрушаться о прошлом! Отныне ты всегда будешь со мной, будешь за меня молиться. Всё это время ты был жив, но я отыскать тебя не мог!

И император сложил:

— Из глубокой долины

Наконец перед нами

Облако показалось.

Почему ж до сих пор

В горах его не находили?[453]

Тадакосо ответил на это:

— Лучезарное небо покинув,

Средь горных хребтов

Облако скрылось.

Нет долины такой

Где бы сердце его не страдало.[454]

Принц Сикибукё сложил:

— Облака всё небо покрыли.

Осенний туман

Горы окутал.

Кто думал, что поднимешься ты

Со дна глубокой долины?

Принц Накацукасаке произнёс:

— С высокого неба

Спускается облако

В тёмные горы.

Не утратило веры оно, что там

Найдёт пик высокий.[455]

Правый министр Тадамаса сложил:

— Войдёшь в эти горы,

И чёрной станет одежда.

Не напрасно прозвали

Тёмной тебя,

Высокая круча![456]

Левый генерал Масаёри сложил:

— Кто может подумать,

Что облако это

Белым было когда-то
И с ветром носилось
В небесном просторе?[457]
Пир окончился на рассвете.

Таким образом, когда отрёкшийся от престола император находился в Фукиагэ, много было устроено различных развлечений. Покидая взморье, император взял с собой в столицу Судзуси. Танэмацу приготовил в дорогу сановникам и принцам коробки с одеждой, лошадей, походную кухню. На пути в столицу придворные устраивали разнообразные утончённые развлечения.

* * *

Когда отрёкшийся от престола император возвратился из провинции Ки, он получил приглашение от царствующего императора полюбоваться алыми листьями клёнов в Саду божественного источника, Синсэн.

Правый генерал Канэмаса сказал по этому поводу госпоже с Третьего проспекта:

— Вместе с отрёкшимся от престола императором из провинции Ки приехал Минамото. В Сад божественного источника изволят отправиться император и отрёкшийся от престола император. Там, конечно же, будут исполнять музыку. И Накатада тоже должен будет играть на кото. Если так, то мне хотелось бы, чтобы он своей игрой затмил всех других. Может быть, дать ему один из инструментов, которые, по твоим словам, пока никому нельзя показывать?

— Мой отец никому эти кото не показывал, и если я выставлю их перед всеми, я нарушу завет, — не соглашалась она.

— Если Накатада один только раз публично поиграет на этом удивительном инструменте <...> — настаивал Канэмаса. — Согласись только, и тогда вряд ли чьё-нибудь музыкальное исполнение прошлого и будущего сравнится с его игрой.

В конце концов генерал получил от жены «нан-фу» и взял его с собой, отправляясь в сад в свите императора.

Отрёкшийся от престола император прибыл в сад. В выезде в сад принимали участие все, кто был чем-то известен, с особым тщанием для этого случая избрали литераторов. Император Сага, между прочим, рассказал:

— Мне твердили, что существует какое-то совершенно удивительное место, я захотел увидеть его своими глазами и отправился туда, в усадьбу Судзуси. И действительно, то, что я увидел, ни на что в мире не похоже. Я решил, что нельзя оставлять этого молодого человека жить там в

неизвестности, и взял его с собой в столицу. Дайте ему ранг, позволяющий входить во дворец[458], и держите его при себе.

— Так я и сделаю, — сказал император.

Он изъявил свою волю, и Судзуси получил право отныне являться во дворец.

Праздник начался. Объявили тему для сочинения стихотворений, и через некоторое время сановники, принцы и литераторы опустили свои сочинения в предназначенную для этого шкатулку. Для Суэфуса была приготовлена особая тема, его посадили в лодку одного, и он отплыл на середину пруда[459]. Он сочинил необыкновенно красивое стихотворение, ему сразу же присвоили степень кандидата, и был объявлен указ о его повышении.

Стали исполнять музыку. Сановники сполна показали своё искусство. Император Сага, слушая, подумал: «Сановники доказывают всё, на что они способны. Нельзя, чтобы ни Судзуси, ни Накатада так ничего и не сыграли» — и наклонился к императору:

— Попросите их поиграть на кото.

— Сейчас я прикажу. Но должен признаться, что Накатада часто отказывается играть, — ответил император, и, подозвав к себе Накатада, произнёс: — Отрёкшийся от престола император изволил сказать: «В такой очаровательный день, как сегодня, он уклоняется от службы. В ночь, когда Накаёри и Юкимаса играют не жалея рук, этот знаменитый виртуоз ничего не делает». Поэтому сыграй что-нибудь.

Настроив «сэта-фу» в лад произведения «Варварская свирель», император передал его Накатада. Настроив в тот же лад «ханадзоно-фу», он передал его Судзуси. Оба молодых человека почтительно приняли инструменты.

— Другие, может быть, припасли для такого очаровательного дня что-то новое, — сказал Накатада, — но те произведения, которые я время от времени исполняю, я уже играл перед моими государями, и для сего дня ничего не осталось.

— Если ты ничего не припас для этого случая, сыграй то, что ты играл раньше, — ответил император. — Талант нужно показывать другим и следует прислушиваться к их суждению. Если сегодня вечером ты не будешь играть, что о тебе будут говорить? Начинай же, не медли.

Но Накатада играть не собирался.

— Разве для тебя желание монарха ничего не значит? — продолжал император. — Когда государь приказал отправиться на гору Хорай за эликсиром бессмертия, Сюй Фу пустился в путь[460], потому что нельзя не

подчиниться императорскому приказу. Так или иначе сыграй что-нибудь.

Но Накатада, несмотря на монаршее желание, не начинал играть, а уговаривал Судзуси.

— Что с тобой делать! — воскликнул император. — Судзуси, начни играть хоть ты.

«Какое неприятное положение!» — подумал про себя Судзуси, но начал играть «Варварскую свирель» в той версии, которая издавна сохранялась в его доме. Наконец и Накатада принялся тихонько ему подыгрывать и, в свою очередь, исполнил это произведение. Музыка стала звучать всё громче и громче. Все были совершенно захвачены <...>. Накатада доиграл «Варварскую свирель» до конца. Все присутствовавшие, начиная с самого государя, проливали слёзы восторга. Император преподнёс музыкантам чашу с вином со словами:

— Проходит осень...

И наконец я слышу,

Затворница-цикада

В ветвях сосны

Сливает голос с кото.[461]

Накатада на это ответил:

— Цикаде разве

Слышать не привычно

Глубокой осенью

В глухих горах

Шум ветра в соснах?[462]

Отрёкшийся от престола император обратился к Судзуси:

— Осенняя ночь

Подходит к концу.

В тени сосны молодой,

На которую пала роса,

Наслаждаюсь прохладой.[463]

Судзуси на это ответил:

— Не может придворный

Под невысокой сосной

Прохладную тень обрести.

Ветер суровый

Капли росы разметал.[464]

Второй принц обратился к Накаёри, который играл на лютне:

— В сосен тени

Прохладу находят.

Но любезнее мне
Не знающий устали
Ветер широкий.[465]
Накаёри на это ответил:
— Сосны так близко!
Но разве кто-либо
Захочет присесть
В тени их прохладной,
Когда ветер бушует осенний?[466]
Принц обратился к Юкимаса, который играл на цитре:
— Осенний ветер холодный...

Цикады, собравшись
В тени сосен густых,
В восторге шуму его
Внимают.[467]
Юкимаса на это ответил:
— Прошло столько лет,
А сосна
Всё так же в зелень одета.
И напрасно холодом дышит
На неё ветер осенний.[468]

Четвёртый принц обратился к Накадзуми, который играл на японской цитре:

— Не слышал совсем,
Что ветер
В соснах шумит:
Так наслаждалась душа
В этой прохладе![469]
Накадзуми ответил ему:
— Как сравнивать можно
Ветер, что мощно шумит
В верхушках сосен,
И робкое дуновение
Средь трав болотных![470]

«...»[471] Все, спустившись во двор и выстроившись в ряд, исполнили благодарственный танец.

Итак, Судзуси и Накатада друг другу в игре на кото не уступали. Тогда Канэмаса поставил перед императором «нан-фу», которое он принёс с собой, и сказал:

— Этого кото Накатада ещё не видел. Пусть он сыграет что-нибудь на нём.

Когда Накатада был ещё раз призван к императору и коснулся струн инструмента совершенно равнодушно, раздались звуки, от которых сотряслись небо и земля.

Все присутствовавшие замерли. Накатада подумал: «Это судьба. Отказаться играть на этом кото уже невозможно. Против воли, но буду играть так, что изумятся небо и земля».

Судзуси играл на кото, ранее принадлежавшем Ияюки, оно было таким же превосходным, как «нан-фу». Кото принесли и поставили перед отрёкшимся от престола императором, и он настроил его в лад «нан-фу», в котором Накатада играл произведение, услышанное его дедом у семи музыкантов. Судзуси играл на кото Ияюки так великолепно, что возбуждал у всех зависть.

И тогда в облаках раздался гром, под землёй загрохотало, поднялся ветер, по небу побежали облака, сместились луна и звёзды. Точно камни, посыпались градины, загремел гром, засверкала молния. Снег толстым слоем покрыл землю и сразу же растаял. Накатада играл большие произведения семи музыкантов, ничего не пропуская. Судзуси играл только те большие произведения, которые сочинил Ияюки. С небес, танцуя, начали спускаться небожители. Накатада, аккомпанируя им, произнёс:

— При слабом блеске зари

Небесную деву увидел.

О, если б она

На земле подольше осталась,

Позволив собой любоваться!

Небожители ещё раз исполнили танец и поднялись в небо.

При виде всего этого император совершенно растерялся и не мог понять, как ему быть. Он сразу же пожаловал Накатада четвёртый ранг и назначил его вторым военачальником Правой личной императорской охраны. Судзуси он пожаловал такой же ранг и такую же должность. Судзуси был Минаморо[472], и если бы он даже не играл на кото так превосходно, ему полагались и этот ранг, и подобная должность. Его деду, Танэмацу, император пожаловал пятый ранг и назначил его правителем провинции Ки.

— Сегодня я хочу пожаловать Накатада и Судзуси нечто, чего ни у кого, кроме как у тебя, в нашей стране нет, — обратился император к Масаёри.

— Я готов повиноваться, — ответил тот. — Но если чего-то нет даже во дворце государя, как же это может найтись у меня?

Император добродушно рассмеялся:

— У тебя много дочерей. Среди них есть удивительные красавицы, отдадим их Судзуси и Накатада в жёны в вознаграждение за игру сегодня ночью.

— Я рад исполнить любое ваше желание, но дочерей, которые были бы достойны стать наградой за сегодняшнюю игру, у меня нет, — ответил генерал.

— А та, которую зовут Атэмия? — возразил император. — Разве она не была бы самой лучшей наградой? Отдадим её в жёны Судзуси, а Накатада отдадим мою дочь, которая воспитывается в твоём доме[473].

Судзуси и Накатада, стремглав сбежав вниз, исполнили благодарственный танец. Затем император вручил им указы о повышении их в ранге. На указе, предназначенном Накатада, император написал стихотворение:

«Ветер, в соснах шумящий,
Стремительно веет
И краску сушит.
В тёмно-пурпурный цвет
Снова одежды окрась...»[474]
Накатада написал в ответ:
«Очень густа
Пурпурная краска,
Которой одежды мы красим.
Боюсь, что нет ветра такого,
Чтоб её высушить».[475]

Отрёкшийся от престола император написал на указе, предназначенном Судзуси, стихотворение:

«Поздняя осень.
В полях увядают
Пышные травы.
С надеждой гляжу
На росток мурасаки»[476].
Судзуси к этому приписал:
«Не может цветок
Без благодатной росы
К небу подняться.
Сегодня капли её

Красят одежду мою».[477]

Левый министр написал на указе о назначении Танэмацу:

«Дева на Тацута-горе

Из листьев клёна багряных

Сделала шляпу

Для одинокой сосны,

Чтоб её от росы защитить».[478]

Танэмацу на это ответил:

«Под сень густых веток сосны,

Что вознеслась

На вершину зелёной

Сао-горы,

Смиренно вхожу».[479]

«...» Судзуси и Накатада, спустившись вниз, исполнили благодарственный танец. Император распорядился подготовить указ о разрешении Танэмацу посещать императорский дворец[480], и его тут же принесли.

Отрёкшийся от престола император был изумлён всем, что произошло:

— Накатада бесконечно превосходит в музыкальном искусстве своего деда, Тосикагэ. Судзуси — это воплощённый бодхисаттва. «Варварскую свирель» создал Ияюки в то время, когда в мастерстве своём он был равен Тосикагэ. Но вот «...» Ияюки умер, и с ним погребло его мастерство. Судзуси всего двадцать лет с небольшим. Но когда он играет, мне кажется, что я слышу Ияюки. Как же это может быть?

Судзуси на это ответил:

— В этом году исполнилось всего шесть лет, как Ияюки покинул этот мир. В своё время он решил: «Службой при дворе признания не добьёшься. Нет никакого смысла служить той дворе в качестве учителя музыки. Лучше следовать пути бодхисаттвы». Он уединился в глухих горах и предался служению Будде. Когда мне было пять лет, мы с дедом совершали паломничество в Кумано, и там я увидел монаха-отшельника, который и был Ияюки. «Когда-то я был известен как исполнитель на кото, — сказал он. — Живя в этом грешном мире, я до сего дня печалился о том, что моё искусство умрёт вместе со мной. Если ты переймёшь его и потом передашь людям, я и после того, как уйду из этого мира, буду рядом с тобой и буду тебя защищать». Закончив обучение, он сказал: «Теперь уже скоро моё мёртвое тело бросят в глубокую долину на съедение свирепым хищникам» — и опять удалился в свои глухие горы. Меня мучит, что до сих пор я не

выполнил его завещания.

Император Сага слушал этот рассказ с изумлением и печалю. Вскоре царствующий император покинул сад и вернулся во дворец.

* * *

Минамото Судзуси построил дом на Третьем проспекте и устроил всё самым лучшим образом, всё там сияло красотой. Кладовые были заполнены сокровищами, утварь украшена золотом, серебром, лазуритом и отполирована до блеска.

Танэмацу со своей женой прибыл в столицу. Он стал носить красные одежды и белую дощечку для записей[481]. Жена готова была молиться на него.

— О таком блаженстве я и не мечтала, — говорила она. —

Жила я в унынии,

Видя, что дождь и роса

Тебя стороной обходят,

И вдруг — от радости замерло сердце:

Вижу красное платье.[482]

Танэмацу сложил:

— Когда ветви сосны

До облаков дотянулись,

Даже корней, доселе

Скрытых в глубокой земле,

Цвет изменился.[483]

Через некоторое время они возвратились в провинцию Ки и наслаждались жизнью в этих прекрасных местах.

Многие наперебой предлагали Судзуси жениться на их дочерях, но он на эти предложения не обращал внимания. Он всей душой отдавался службе в императорском дворце, завязывал дружеские отношения с придворными, все ценили его. Удача сопутствовала молодому человеку. Он занял таков же блестящее положение, как Накатада.

* * *

Отрёкшийся от престола император беспредельно сокрушался о Тадакосо и, устроив в своём дворце молельню, велел ему служить в ней. В прошлом Тадакосо, будучи учеником выдающегося наставника, глубоко проник в суть учения, и теперь его молитва обладала чудодейственной силой. По просьбе отрёкшегося от престола императора государь назначил Тадакосо святым отцом в часовню Истинные слова, Сингон[484]. У него было много учеников и приверженцев. Тадакосо пользовался огромным авторитетом, во дворце к нему относились столь же ласково, как и до ухода

в монахи. Царствующий император приглашал его в свои покои. Тадакосо приезжал во дворец в прекрасном экипаже, с большой свитой.

Как-то раз, совершив службу, он выехал из дворца. Около ворот крепости стояла нищая старуха. Спина её была согнута. Зонтик, с каким ходят жительницы столицы, был совершенно изорван. Голова точно покрыта снегом, руки и ноги тоньше иголок. Одежда разорвана, изношена и так коротка, что ноги, как журавлиные лапы, торчали из-под неё. Увидев выезжающего из ворот подвижника, она воздела руки и поползла за ним, взывая к нему:

— Подайте мне что-нибудь!

У подвижника сжалось сердце. Он дал нищенке то, что у него было, и спросил:

— Кем ты была раньше? С каких пор ты живёшь подаянием, как сейчас?

— Я владела бесчисленными сокровищами, была женой первого человека в мире и делала всё, что приходило мне в голову, — ответила она. — «...» У сына того человека была необыкновенная внешность и золотое сердце. Живя в беспредельной печали, отец берёг его как зеницу ока. Но у меня — может быть, потому, что я была ему мачехой, — в сердце стали появляться злые мысли, и очень хотелось мне как-нибудь погубить его. Я спрятала драгоценный пояс, который хранился в доме отца, и сказала, что это сын украл его. Подстроила так, как будто юноша возвёл напраслину на отца, — в конце концов я его сжила со свету. За это я и понесла возмездие. Я совсем не думала, что положение моё изменится и я дойду до такого состояния. Свои огромные сокровища я подряда и перед смертью, узнала, что такое крайняя нищета.

«Уж не моя ли это мачеха, госпожа с Первого проспекта? — подумал подвижник и весь ушёл в воспоминания: — Она обвинила меня и в краже пояса, о возвращении которого отец так горячо молился. И опять же, из-за её ужасной клеветы отец рассердился на меня. Вот и открылось то, о чём я столь долго стонал, не в силах утишить огонь в груди. Так было угодно Провидению».

Довольно долго он оставался в раздумье.

— Как же ты возымела злые намерения против того невинного человека!.. — вздохнул он наконец. — За это тебя постигло возмездие, и ты дошла до такого состояния. Но нельзя допустить, чтобы в другом мире[485] ты погрузилась на дно ада...

Нищенка, обливаясь слезами, ответила:

— Угрызения совести жгут меня, как пламенем. Но что сделано, то

сделано, и исправить ничего нельзя. А вспоминать об этом — только множить скорбь.

Глядя на неё, подвижник подумал: «Жить ей осталось уже недолго» — и сказал старухе:

— Я буду помогать тебе до самой смерти. Потом я похороню тебя и избавлю от адских мучений.

Он построил небольшой дом, поселил её там и всячески заботился о ней — приносил ей пищу и одежду.

* * *

В одного из сыновей Масаёри, Мияако, вселился злой дух, и положение его сделалось очень серьёзным. Генерал немедленно попросил о помощи Тадакосо, и перед его силой болезнь отступила. Как-то подвижник дружески беседовал с Мияако. Он расспрашивал его о жизни в усадьбе и сказал:

— Я хочу послать письмецо твоей сестре, которая играла этой весной на кото в храме Касуга. Передай ей, пожалуйста.

Тадакосо написал:

«Удалился от мира,

И скалы ложем мне стали,

Но дивный твой облик

Пред глазами моими стоит,

И забыть его не могу.

Так думаю я и днём, и ночью».

— Передай это Атэмия и обязательно принеси ответ, — сказал он.

— Она на такие письма даже не смотрит. Не знаю, что из этого получится, — ответил Мияако.

— Почему ты так говоришь? — удивился Тадакосо. — Я излечил тебя от тяжёлой болезни, войди же и ты в моё положение.

Хотя Мияако и полагал, что просьба подвижника невыполнима, он пошёл к Атэмия и передал ей письмо.

— Это ещё что такое? — возмутилась она. — Почему ты мне приносишь подобные письма?

Она разорвала послание и выбросила его.

В последний день девятого месяца пришло письмо от наследника престола:

«В соснах живущий сверчок

Бессердечную ждёт:

„Может быть, осенью этой?“

Когда же он сможет в вечнозелёных ветвях

Радостью насладиться?»

Атэмия ответила:

«Осенью цвет свой

Всё в природе меняет,

И только осенней порой

Слышится голос сверчка.

Как же поверить ему?»[486]

Санэтада преподнёс Атэмия сверчка судзумуси[487] и вместе с ним прислал стихотворение:

«Если б сверчок

Знал о думах моих,

То всю ночь напролёт

Возле себя ты слышать могла б

Громкий голос его».

Пришло письмо от принца Хёбукё, прикреплённое к распутившейся хризантеме:

«Самым надёжным в году

Мне кажется месяц девятый:

Ведь полон он

Ароматом цветка,

Что внемлет влюблённым речам».[488]

В последний день месяца пришло письмо от правого генерала Канэмаса:

«Месяц девятый,

Ревнивых не любящий,

Подходит к концу, и скоро смогу

Письмо я отправить. Но грустно,

Что осень кончается с ним...»[489]

От второго советника министра Масаакира пришло письмо в первый день десятого месяца:

«Тонкое летнее платье,

Всё омочив слезами,

Снял уж давно я...

Но его рукава

Всё ещё не просохли».

Принц Тадаясу, глядя в своём саду на тёмно-красные листья клёнов, написал:

«Всю осень я горько проплакал,

И красными стали

Слёзы мои.

Неужели пошла на мои рукава

Листьев кленовых парча?»

Второй военачальник Личной императорской охраны Накатада прислал письмо с реки Удзи, где ставили бамбуковый забор для ловли рыбы[490]:

«Можно ли счесть

Скользящие дни?

Не знаем мы счёта

Ни ночам,

Ни рыбе, к забору плывущей...»[491]

В день, когда выпал первый снег, второй военачальник Личной императорской охраны Судзуси прислал письмо:

«С неба высокого

На рукав кимоно

Снежинка спустилась.

Томлюсь ожиданием,

Растает когда же она...»[492]

Масаёри, увидев это письмо, сказал своей дочери:

— Судзуси напоминает, что в девятом месяце император распорядился отдать тебя ему в жёны. Император уверен, что это человек замечательный и достойный.

От императорского сопровождающего Накадзуми пришло письмо в тот день, когда лил дождь:

«В месяц десятый

Из-за туч луна не выходит,

Льёт дождь непрерывный...

Но и его не сравнить

С бесконечной мукой моей».

Пришло письмо от младшего военачальника Минамото Накаёри, который был назначен императорским посланцем на праздник[493]:

«Мокрый рукав

Просохнуть не может никак.

Но выйти из дома

В разгар зимы я решился.

Что если увижу тебя?»[494]

Юкимаса отправился на поклонение в храм <...>. Когда Юкимаса в рассветный час возвращался, он увидел, как над прудом перед домом поднимаются утки[495], и сложил:

— Одиноко бреду я домой.

О, утки, в пруду

Плавающие неразлучно!

Поплачьте и вы

Об участи горькой моей!

Фудзивара Суэфуса в течение шестидесяти с лишним дней готовил ответы на экзаменационные вопросы. Он работал без отдыха днём и ночью. Раньше ночью он читал книги при отблеске от снега, а сейчас благодаря Масаёри он стал жить роскошно: еды было с гору, масла для светильников с море. Но всё же он о чём-то сокрушался[496]. Однажды, когда шёл снег, он сложил:

— Холодно. Падает снег.

Но жаром пылает

Сердце моё.

Разве наука избавит

От заблуждений любви?

Глава VIII ПОСЛАНЦЫ В ХРАМ КАМО

Императорские посланцы на праздник в храм Камо[497] были избраны из дома Масаёри. Посланцем из состава Личной императорской охраны был второй военачальник Сукэдзуми, из Дворцовой сокровищницы — её глава Юкимаса, из Управления императорских конюшен — глава Управления, сын принца Сикибукё. Всё необходимое для посланцев было приготовлено тщательным образом. Когда они Должны были отправиться из дому, Масаёри сказал Сукэдзуми, чтобы он прикрепил листья багряника к головному убору, и добавил:

— Казалось,
Листочка лишь два
На дереве кацура,
Но вот уже ветка его
Шляпу украсила.[498]
Сукэдзуми на это ответил:
— Глядя на кацура ствол,
Высоко к небу поднявшийся,
Подумают все:
«Как этой ветке
До него далеко!»[499]

После этого посланцы вышли из усадьбы.

Из Кацура правый генерал Канэмаса прислал Сукэдзуми[500] двух прекрасных коней, на одном была богатая упряжь, второй был сменный. Тридцать телохранителей, разумеется, роскошно одетых, несли торимоно[501]. К веткам сделанного из золота багряника были подвешены маленькие кувшины с водой из реки Кацура.

По просьбе Канэмаса Накатада написал письмо:

«Листья срывая
На шляпу тебе,
Я все рукава замочил:
Ведь этот багряник с Кацура, реки,
Где белые волны встают.
Это удивительно!»
Сукэдзуми в ответ на это написал:
«Сколько людей до сих пор
Багряником с Кацура

Шляпы свои украшало!
Наконец-то сегодня
Черёд мой пришёл.
Сегодня, когда стемнеет...»

После этого Сукэдзуми отправился в храм. Мать его изъявила желание увидеть праздник и отправилась туда со свитой: в процессии было десять экипажей.

Когда, посмотрев на отъезд посланцев, Атэмия вернулась в свои покои, ей принесли письмо от наследника престола:

«В храме Камо
Грозных богов алтарь
Мальвой украшен.
Смогу ли в этом году
Сорвать я цветок?»[502]

* * *

Наступил третий месяц.

Советник Санэтада настойчиво просил даму, прислуживающую Атэмию:

— Пусть она не говорит со мной, но дайте мне послушать, по крайней мере, как она разговаривает с вами.

Та спрятала Санэтада недалеко от покоев Атэмия, и он слушал, как она играет на кото и беседует с дамами. Вернувшись к себе, Санэтада лёг в постель и погрузился в мысли о красавице, ничего не замечая вокруг. Потом написал:

«Из гнезда родового
В далёких горах
Умчалась кукушка.
Долго тянутся годы,
Что она в скитаньях проводит!»[503]

О, милая моя! Похоже, скоро меня не станет, и мне горько, что больше я не смогу посылать Вам писем».

Атэмия ответила:

«Приходит лето,
И странствий жажда
Вдаль манит кукушку.
Но не проходит года,
Чтоб она домой не вернулась».

Пришло письмо от принца Хёбукё:

«Рукой зачерпни:

В дощатом колодце
Вода потеплела.
И хоть на дне холодна она,
Может быть, всё же...»[504]

Атэмия ответила:

«Что бы ни говорил
Человек легкомысленный,
Вижу насквозь
Сердце его, как накидка
Летняя, непрочное».

Пришло письмо от советника министра Масаакира:

«В ожиданье тоскливом
Влачу свои дни.
В цветах унохана
Пеньё кукушки
Душу мне надрывает»[505].

Атэмия ответила:

«Просишь ты ту,
Что ответа не даст.
Только напрасно тоскуешь,
Слушая пеньё кукушки
В цветах унохана».

Накатада прислал письмо, прикрепив его к пустой скорлупке цикады:

«Жаждало бренное тело
Упиться росой твоих слов.
Но напрасны мечты,
Как пустая скорлупка цикады.
Сердце гложет тоска...»[506]
Как же быть?»

Атэмия ответила:

«Скудных слов
Ложится роса.
Но если
Кто-то узнает,
Что пишу я тебе?

Как подумаю об этом, писать пропадает охота».

С одним из смышлённых подростков Судзуси прислал письмо из Фукиагэ, провинции Ки:

«Всё время думаю о Вас, но разговоры о Вас с другими не приносят

мне успокоения.

Как можно увлечься
Грёзой неясной?
Почему все стенают,
Что и во сне
Не встретить тебе подобной?
Я так расстроен!»

Масаёри прочитал это письмо и сказал:

— Сейчас все только о нём и говорят. Тем не менее, по-видимому, ему не подняться выше крупного сановника, а такими людьми можно спокойно пренебречь.

И Атэмия ничего на письмо не ответила.

Пришло письмо от принца Тадаясу:

«Дольше летних дождей
Длятся стенанья мои.
Много дней пролетело,
Но никак не просохнет
Платья рукав»[507].

Атэмия ничего ему не ответила.

Пришло письмо от Накаёри:

«Даже боги не в силах
Исполнить желаний моих.
Но если смогли бы они
Послать на миг краткий
Забвенье душе!»

От Юкимаса пришло письмо:

«Столько писем послал,
И на мольбы ни разу
Ответить не захотела.
Но лишь на себя негодую:
Как мог я тебя полюбить?»

Атэмия ничего не ответила.

Рано утром пятого дня пятого месяца Накадзуми принёс ирис и, показывая на длинный белый его корень, произнёс:

— Потянул, чтоб сорвать,
Цветок, растущий
У реки моих слёз.
Стал виден корень его,
Скрытый от взоров людских[508].

Но Атэмия слушать его не стала.

Императорский сопровождающий, горько плача, сказал:

— Когда я вижу, что все стремления твои преисполнены благоразумия, я успокаиваюсь за твоё будущее и снова и снова говорю себе, что нужно терпеть. Но терпеть у меня нет сил, и я думаю, что скоро умру. Никто не может знать того, что я тебе говорю. Почему же ты так упорствуешь?

Атэмия рассмеялась и сказала:

— Почему ты всё время твердишь одно и то же? Разве я не сестра тебе?

* * *

Масаёри приказал наместникам провинций, в которых у него были богатые поместья, доставить всё необходимое для праздника пятого дня пятого месяца. Доставку продуктов для госпожи Дзидзюдэн и её детей он возложил на правителя провинции Оми; для Атэмия и её младших сестёр — на правителя провинции Исэ, для самого себя и своей второй жены — на правителя провинции Ки, для семи зятьёв — на правителей провинций Ямато и Ямасиро, для первой супруги — на помощника правителя провинции Харима, для сыновей — на помощника правителя провинции Бидзэн, для гостей — на правителя провинции Тамба.

Когда наступил пятый день, правитель Оми прежде других преподнёс по двадцать квадратных подносов из светлой аквилярии обитателям западных покоев; как всегда в таких случаях, их приняли двадцать слуг четвёртого и пятого рангов и отнесли господам. Двадцать низших служанок, с волосами до пола, надели прекрасные одежды, связали волосы на макушке шёлковыми лентами, украсили причёску шпильками; они вошли в покои и приблизились к господам. Там же собрались юные служанки, делающие причёски унаи, в красных накидках с прорезами и штанах из узорчатого шёлка, и взрослые, одетые в платья из узорчатого шёлка. Перед принцами поставили по двадцать столиков, и вывели двадцать детей, которым принцы вручили красивые мешочки с лекарственными шариками[509]. Получив их, двадцать слуг четвёртого и пятого рангов спустились по лестнице и исполнили благодарственный танец. Такие церемонии проводились перед всеми господами.

В усадьбе, недалеко от северного дома, возле пруда, на четырёх те находилось конное ристалище. К западу и востоку от него были выстроены конюшни, в них служили управляющие бэто и адзукари, множество конюхов ёриудо. В каждой из конюшен было по десять лошадей, предназначенных для императора.

В этот день Масаёри намеревался осмотреть лошадей. Когда господа прибыли на ристалище, наездники в нарядных платьях стали выводить лошадей по порядку справа и слева.

— А ну-ка, господа, садитесь на коней! — сказал Масаёри.

Все, а здесь собрались и его зятя, подчинились генералу.

— Если уж вы сели на коней, устроим соревнование[510], — продолжал Масаёри.

В первой паре состязались принц Сикибукё и правый министр Тадамаса, победил министр. Во второй паре состязались принц Кадза[511] и сам Масаёри, победил последний. В третьей паре были принц Тадаясу и Мимбукё, победил Тадаясу. В четвёртой — Четвёртый принц и муж восьмой дочери Масаёри, военачальниклевой дворцовой стражи, победил последний. В пятой — Пятый принц и муж третьей дочери, служивший главным архивариусом и советником сайсё, победил принц. В шестой — Шестой принц и старший сын генерала, Тададзуми, победил принц. В седьмой — военачальник Императорского эскорта и Цурадзуми, четвёртый сын генерала, помощник военачальника Правой дворцовой стражи, победил военачальник эскорта. В восьмой — пятый сын Масаёри, Акидзуми, помощник военачальника Императорского эскорта и второй помощник главы Военного ведомства, победил первый. В девятой — девятый сын генерала Киёдзуми, чиновник Третьего класса Палаты обрядов и императорский сопровождающий Накадзуми, победил последний. В десятой — восьмой сын генерала Мотодзуми и стражник Правой дворцовой стражи, победил Мотодзуми.

Масаёри начал осматривать лошадейлевой императорской конюшни.

— Завтра между моими чинами состоятся состязания в стрельбе с лошади, — сказал Масаёри. — Надо сегодня осмотреть лошадей, которых отобрали для этого.

По приказу генерала главный конюший, его помощник и Низшие служащие, а также все чинылевой личной императорской охраны, начиная от вторых и младших военачальников до слуг, искусных в исполнении песен и плясок восточных провинций[512], стали выводить коней.

— Великолепные кони! — восхищался генерал. — Надо рассказать о них государю, он будет очень доволен!

Тем временем разбили шатры, и все — сам генерал, вторые и младшие военачальники, главный конюший и его помощник — расселись там друг подле друга, а чины Личной императорской охраны, начиная со старших стражников, сев на лошадей, стреляли из лука. Затем телохранители, разделившись на правую и левую группы, танцевали пляску «Изображая

коня». Масаёри велел бросить им большой мяч, и слуги, взяв клюшки, принялись играть в мяч. Когда игра окончилась, победители ещё раз исполнили танец. Лошадей между тем повели к пруду, дали им остыть и стали кормить.

В тот день правый генерал Канэмаса, желая обсудить детали завтрашних соревнований, отправился на конное ристалище Личной императорской охраны. Когда Канэмаса[513] доложили, что чины Левой личной охраны собрались у Масаёри, он воскликнул:

— Ах, какая приятная новость!

И свита Канэмаса, начиная с его помощников и вплоть до слуг, искусных в исполнении песен и плясок восточных провинций, во главе с конюшими верхом отправилась туда. Перед экипажем правого генерала слуги начали танцевать «Изображая коня».

— Слышится, как будто играют музыканты из Музыкальной палаты, — сказал Масаёри. — Мне кажется, что на органчике играет Сукэдзуми. Уж не чины ли Правой императорской охраны едут к нам? Посмотрите-ка!

— Пожаловал генерал Канэмаса с правыми конюшими, — доложил глава пастухов.

— Поистине, это большая радость! — воскликнул Масаёри.

Он затянул ленты, на которых висел меч, свесил их концы, отвязал подол платья так, что тот волочился по земле, взял в руки органчик и, великолепно заиграв на нём, в сопровождении левых конюших вышел навстречу Канэмаса. Увидев Масаёри, чины Правой охраны быстро спешили. Музыка звучала и с той, и с другой стороны. Чины Левой и Правой охраны внимательно осматривали друг друга. Толпа, заполнившая широкий проспект, была красиво освещена лучами заходящего солнца. Оба молодых блестящих генерала некоторое время исполняли музыку, а потом вошли в усадьбу. Чины Правой и Левой императорской охраны поднимались с противоположных сторон, левые по восточной лестнице, правые — по западной. Первые сели лицом к югу, вторые — к северу. Перед каждым из чинов поставили столики с угощением. Подняли чаши с вином, начался пир.

Император, узнав об этом, подумал: «Такой неожиданный приём! Как он там справляется?» И он отправил главного архивариуса, одновременно состоявшего в чине второго военачальника Правой личной императорской охраны, к императрице, велел сказать: «К Масаёри неожиданно пожаловали гости, я хочу отправить посыльного. Если у вас под рукой есть что-нибудь, что можно вручить в качестве подарков, дайте, чтобы

преподнести Масаёри».

Императрица распорядилась положить в длинный китайский короб на ножках сто полных женских нарядов, белые штаны и нарядные платья в десять слоёв. Она отправила это императору, велев передать ему: «Как видите, у меня были только такие мелкие вещи».

Император приказал взять из своей сокровищницы и положить в китайские коробки триста штук шёлка, в десять коробов положить одежду, а в десять коробов положить фрукты из его личной кладовой и отправить всё это в дом Масаёри. Но во дворце не оказалось ни одного архивариуса шестого ранга, которого можно было бы послать к генералу.

— Куда это все разбрелись? — воскликнул император. — Пошлю-ка я Юкимаса, хотя он и слишком высокого ранга для таких поручений.

Он велел позвать Юкимаса, помощника военачальника Императорского эскорта, который в то же время состоял архивариусом, и отправил его к Масаёри, велев передать: «Кажется, к вам неожиданно пожаловали гости, и я беспокоюсь, Как вы справитесь с угощением. У нас всего много, и если у вас не хватит чего-нибудь для подарков, то, не стесняясь, пришлите ко мне гонца».

Император написал на чашке стихотворение:

«В тесных стенах
Тело моё
Томиться должно,
Но душу мою
К тебе могу послать» —
и отправил Масаёри.

В ту ночь около императора несли службу левый министр Суэакира и советник министра Масаакира. Император сказал им:

— Вы должны навестить генерала.

— Слушаем и повинемся, — ответили оба, и после того как Юкимаса получил императорские подарки, они втроём отправились к Масаёри.

Генерал, увидев на чашке стихотворение, императора, исполнился изумления и почтительности. Он пригласил Юкимаса подняться на веранду, а сам, спустившись по лестнице, исполнил перед ним благодарственный танец и преподнёс ему платье. Императору в ответ он написал так:

«С небесных чертогов
На рукав моего кимоно
Белый нефрит спустился.
Его блеск прекрасный

Восторгом наполнил меня»[514].

Масаёри совсем не догадывался, что вместе с Юкимаса к нему прибыли министр и советник, и изумился, когда неожиданно появились помощники военачальника Императорского эскорта, несущие факелы перед господами. Правый министр и принц Сикибукё спустились навстречу гостям. Левый министр всё приговаривал: «Не стоит беспокоиться!» Наконец гости поднялись по лестнице и уселись на веранде.

— Я очень тронут тем, что вы изволили пожаловать ко мне, несмотря на очень позднее время, — обратился к ним Масаёри.

— Я прибыл сегодня утром во дворец и до сего времени прислуживал государю, — ответил левый министр. — Кто-то доложил государю, что у вас собрались чины из Личной императорской охраны, императорские конюшие и многие сановники. Он очень удивился и сказал мне: «Я должен послать туда кого-нибудь из архивариусов. Не будете ли вы его сопровождать?»

Эти слова доставили хозяину огромную радость.

Затем правый и левый генералы заняли места во главе правых и левых конюших. Принцы и сановники разделились на две группы, и начались состязания. В левую группу избрав великолепных наездников, начиная от старших стражниковлевой личной императорской охраны до чинов, исполняющих песни и пляски восточных провинций, в правую группу избрали всадников, вплоть до старших стражников Правой охраны[515]. Обе команды заняли свои места. Мелкие чины из Военного ведомства в костюмах тёмно-синего цвета с чёрным отливом, с зажжёнными факелами в руках вышли из коридоров и стали перед гостями, сидевшими на южной стороне, близко друг другу, в ряд, от конюшен до места, где выстроились всадники, а с северной стороны стали служащие Императорского эскорта во главе с помощником военачальника и телохранители наследника престола. Все они были одинакового роста. Факелы ярко освещали двор.

Правые и левые всадники выстроились в ряд от ограды конюшен до места, где расположились гости. Каждый всадник привязал табличку[516]. Когда всадники трогались с места, отrava и слева играли рандзё, а после окончания поединка исполняли танец. Чиновники третьего ранга Военного ведомства, сидя верхом и находясь около ограды, объявляли масть коней. Во втором туре победила правая сторона. Слуги сыграли рандзё и исполнили танец. В третьем туре победила левая сторона, в четвёртом — правая, в пятом — левая, в шестом — правая, в седьмом — левая, в восьмом — правая, в девятом — левая. После этого подсчитали число

очков у каждой группы. В заключительном туре выехали самые знаменитые всадники того времени на лучших лошадях конюшен, с левой стороны — стражник Тикамаса, с правой — Мацуката, бывший в том же чине. Все всадники обеих групп, начиная с предводителей, вознесли богам молитвы. Тикамаса и Мацуката стали соревноваться, и казалось, что мастерство их совершенно равное, но правая сторона перевесила, а левая проиграла.

Несколько раз наполняли чаши вином. Исполнение музыки было блистательным. Во внутренних покоях госпожи стояли перед занавесями, отделявшими их от пирующих. Там были поставлены ширмы высотой в четыре сяку. Все дамы из дома Масаёри собрались здесь и разглядывали гостей.

Левый министр подошёл к Масаёри:

— На этом пиру присутствуют, как мне кажется, все, кого нельзя обойти в нашей столице, по этому случаю поднимем чаши. Но ведь и Санэтада проживает в вашем доме, почему же его не видно здесь?

— Мне сказали, что он нездоров, — ответил тот.

— Странно, — промолвил министр. — Он всегда мог повалиться здоровьем. С чего это он стал так часто болеть? Я уже давно хотел поговорить с вами кое о чём. Может быть, мы поговорим об этом сегодня, за чашей вина? Вы согласились, чтобы ничтожный Санэёри женился на вашей дочери, почему же вы не принимаете в дом Санэтада? У меня много сыновей, но этого я люблю больше всех. Пожалуйста, отнесите ему так, как будто это ваш любимый Накадзуми.

— Чтобы относиться к нему так, как к Накадзуми, я должен знать про него всё, — рассмеялся хозяин и добавил серьёзно: — Я действительно должен знать своего зятя досконально. Но у меня нет дочери, которая была бы парой вашему сыну. К тому же, что сейчас говорить, ведь уже наступит пятый месяц[517].

— Ну, подобные отговорки он слышит от вас уже очень давно, — сказал министр, беря в руки чашу с вином, —

Длится бесконечно

Кукушки плач...

Ведь каждый год

Ей повторяют,

Что пятый месяц настал[518].

Масаёри на это ответил:

— Среди цветущих

Ветвей померанца

Ночует кукушка.
Вот и льёт беспрерывно
Пятого месяца дождь[519].

Вся ночь прошла в развлечениях. Сановники и принцы получили по полному женскому наряду, главным конюшим и военачальникам Правой илевой императорской охраны преподнесли <...>, а для чинов ниже их к подаркам добавили штаны из белого полотна. Чинам, зажигавшим факелы, слугам в конюшнях и слугам, искусным в исполнении песен и плясок восточных провинций, преподнесли шёлк и полотно. Гости пировали до рассвета, и ранним утром все отправились по домам.

* * *

Наследник престола прислал письмо Атэмия:
«Так длинен корень ириса,
Что вошёл в поговорку.
Но длиннее ещё
Пятого месяца дождь.
Сможет ли вытерпеть сердце?[520]
Жалеешь ли ты меня? Поскорее переехала бы ты ко мне во дворец!»
Атэмия на это ответила:
«Хотеть сказать
И не мочь говорить
С чем сравнится это мученье?
В поговорку войду,
Страданий не зная конца».
От принца Хёбукё пришло письмо:
«Мыслями о другом
Был отвлечён до сих пор.
Летом стали густы
Деревья на склоне горы.
Нет конца стенаньям моим»[521].
От правого генерала Канэмаса пришло письмо:
«Уныньем охвачен,
Ко всему безучастно
Стало сердце моё.
Как долго длятся
Летние ночи!»
Пришло письмо от советника министра Масаакира:
«Как жаль, что проходит
Месяц пятый, когда о тебе

Думать нельзя,
Но можно внимать повторенью
Названья ооти цветов»[522].
Пришло письмо от Минамото Санэтада:
«Давно в реке слёз
Должен был утонуть.
И если ещё я плыву,
То лишь для того, чтоб в мыслях
Страдать о тебе...

Я не сокрушаюсь о том, что сгубил себя, меня печалит только то, что
не могу достичь желаемого».

Читая письмо, Атэмия почувствовала жалость к молодому человеку,
но отвечать не стала.

От принца Тадаясу пришло письмо:
«Легкомыслия нет
В думах моих о тебе.
Так почему же сейчас
Я уплываю
По реке слёз?»[523]
Пришло письмо от Судзуси из провинции Ки:
«Ещё не зная,
Как сможет оно
В высокое небо подняться,
Белое облако
В долине грустит»[524].

В последний день пятого месяца Накатада прислал Атэмия
подгнивший мандарин, написав на нём:

«Ждал, когда цитрус
Поспеет, но сгнил он
В месяце пятом.
И летнее очищенье
Мне теперь безразлично[525].
Как ужасно, что проходит пятый месяц с его дождями!»
Пришло письмо от императорского сопровождающего Накадзуми:
«Завидую бабочкам:
Летом, летя на огонь,
Сгорают они мгновенно.
Если б и я с ними летел,
Нашёл бы от мук избавленье».

Пришло письмо от младшего военачальника Личной императорской охраны Накаёри:

«Уныньем объят,
Гниёт
Мандарин одинокий.
Скоро на ветке повиснет
Лишь кожура пустая»[526].
Пришло письмо от Юкимаса:
«С лета приходом
Горы и доли
Густая зелень покрыла.
И только в жилище моём
Нет ни листочка...»[527]

* * *

Наступил шестой месяц.

В усадьбе Масаёри был широкий пруд, вокруг него росли густые деревья. На острове посреди пруда, где ветви деревьев красиво свешивались к воде, стоял великолепный павильон для ужина рыбы. Павильон был выстроен на берегу, часть его нависала над водой. Изящные лодки были спущены на воду. К павильону через пруд вёл плавучий мост. В самое жаркое время господа могли наслаждаться там прохладой.

— Сегодня, двенадцатого дня, я свободен от службы во дворце. Никуда не надо идти и можно наслаждаться прохладой в павильоне на пруду. Доставьте туда свежие фрукты, — Приказал Масаёри и отправился на остров.

Сыновья и зятя его в тот день тоже были дома. Масаёри написал на веере:

«Густы так кроны деревьев,
Что даже роса
Не может сквозь них просочиться.
И быстро веет
Ветер, в соснах шумящий»[528] —

и велел Накадзуми отнести это принцу Мимбукё.

Принц прочитал, написал, в свою очередь, стихотворение и послал веер правому министру Тадамаса:

«Холодом ветер веет
На острове в роще густой,
Но приятнее мне
Дома, в прохладной тени

От крошечной ветки[529].

Вот что получил я из павильона для ужения рыбы». Правый министр, прочитав, написал своё стихотворение и послал принцу Накацукасаке:

«Меж деревьев густых
Вся свободно,
Ветер дышит прохладой,
Но моего жилища
Тень мне приятней».

Принц прочитал это, написал стихотворение и послал Минамото Санэмаса:

«Как сотня других,
Уголок этот мне показался.
Не думал, что там
Ветер ласково веет,
Точно дыханье весны».
Военачальник Левой дворцовой стражи написал:
«Пусть тысячу лет
Ложится на землю тень от листвы,
Столь густой, что нельзя просочиться росе
И ветер в соснах
Пусть вечно дует прохладный».

Главный архивариус, состоявший одновременно в чине советника сайсё, написал:

«Сквозь густую листву
Каплям росы не упасть.
Но не в этом причина
Блаженства друзей
Под сенью деревьев тысячелетних...»

Второй военачальник Личной императорской охраны Санэёри написал:

«Каждый из нас
Под густою тенью сосны
Смог место найти.
Пусть долго длится
Век счастливый её!»[530]

Так каждый зять написал в ответ Масаёри, и все они отправились в павильон для ужения рыбы.

— И дочери мои пусть сюда пожалуют! — приказал Масаёри.

Связали лодки, положили настил, и по нему проехали экипажи с

дамами. Юные служанки, делающие причёску унаи, и низшие прислужницы беспрестанно сновали по плавучему мосту. В глубине павильона были повешены занавеси, поставлены переносные занавески, и туда прибыли госпожи. У бамбуковой ограды расположились сановники и принцы. Госпожи начали играть на кото, а мужчины — вторить им на флейтах. Гармонично лились звуки лютни, цитры, каменного гонга — господа исполняли произведение «Варварская свирель». Потом забрасывали в пруд сеть, потом выпустили на воду бакланов, рыболовы ловили карпов и серебряных карасей, потом собирали крупные водяные орехи, большие чёртовы лотосы с колючками, на острове рвали плоды земляничного дерева и так называемого девичьего персика, в воде собирали вкусные орехи[531]. Так господа наслаждались прохладой.

Хозяин сказал:

— Среди нас сегодня нет ни одного по-настоящему утончённого человека, поэтому нам скучно. Пусть Накадзуми позовёт сюда императорского сопровождающего Накатада, с которым он связан братской клятвой. Стоит его позвать, и вы увидите, как всем станет интересно.

Накадзуми удивился такому поручению, но передал просьбу своему другу. Тогда три молодых человека[532] вышли из покоев, сели в лодку и, играя на музыкальных инструментах, прибыли к павильону для ужения рыбы. Масаёри вручил Накатада платье из белого узорчатого шёлка:

— Одежду пришедшим

Должен я дать,

Чтобы они могли

Собрать водяные орехи

В глубоком пруду[533].

Накатада ответил:

— Растущий в глубоком пруду

Орех водяной

Кажется мне

Роскошным узором

На поверхности вод.

«...» вручил такую же одежду.

Расположившись перед занавесками, за которыми находились дамы, господа увлечённо играли на струнных инструментах.

Начало светать.

Накатада, услышав негромкие крики уток нио, тихо произнёс, аккомпанируя себе на цитре:

— Думал, что только я
В одиночестве стражду.
Но вот слышу плач
Уточки нио,
Одиноко по пруду плывущей.

Он играл так тихо, что звуки были почти неуловимы. Атэмия, аккомпанируя себе на кото, сложила:

— Громким плачем
Покой не смущай.
Ведь сердце твоё,
Как уточка нио,
Всё время скользит по воде[534].

В это время из императорского дворца прибыл нарочный:

— Государь требует к себе Накатада.

— Мне нужно идти, — сказал Накатада. — Очень жаль, что я должен вас покинуть. Схожу во дворец и сразу же вернусь. — Он отправился к императору.

Масаёри обратился к своему старшему сыну, Тададзуми:

— Скоро тот день, когда мы должны выполнить церемонию священных песен и плясок. Нужно найти для этого такое место, где вода была бы глубока и тень прохладна.

— На восточной реке[535] подходящего места как будто нет, — ответил тот. — А что, если провести пляски на реке Кацура, у переправы, где живёт правый генерал? Это на редкость очаровательное и красивое место.

— Как будто так, — согласился Масаёри. — Я слышал, что генерал Канэмаса построил там усадьбу, вложив в дело душу. Он пригласил мастеров различных цехов. Когда генерал входит во все детали, ему удаётся создать что-то очень изящное. Кажется, на этот раз он ничего не упустил из виду, и получилось нечто, достойное восхищения <...>, в строительстве дома проявляется вкус хозяина. Генерал обладает огромными талантами и необходимыми для службы при дворе достоинствами. И внешность у него удивительная. В императорском дворце может быть толпа сановников и принцев, но когда генерал со своим сыном прибывает туда и выходит из экипажа, он всех затмевает. А если взглянуть на Накатада, то даже тот, кто не хочет иметь девочек, вдруг испытывает желание иметь дочь, чтобы отдать ему в жёны.

Господа возвратились в дом.

Масаёри прошёл к себе в покои и спросил вторую жену:

— Почему ты не вышла подышать прохладой? Я хотел показать тебе павильон для ужения рыбы; без тебя это поистине парча, сверкающая в темноте ночи[536].

— Когда вы наслаждаетесь прохладой, то и здесь... — ответила она.

—

Всем ветвям без разбора
Ветер свежесть несёт,
И даже корни деревьев
Глубоко под землёй
Ощущают прохладу[537].
Масаёри продолжал:
Если в горах глубоко
Старые корни оставив,
На берег выйдет сосна,
То речная прохлада
Ей не будет приятна[538].

В семнадцатый день надо провести священные пляски. Распорядись, чтобы всё подготовили.

— Надо найти для этого красивое место, — ответила она.

— Усадьбу в Кацура, где Канэмаса поселил свою жену, их Сын Накатада устроил с исключительной тщательностью. Подумай, можно ли найти что-нибудь лучше этого места?

* * *

Итак, семья Масаёри отправилась на исполнение священных песен и плясок. Двадцать дам, начиная со второй жены, Дочерей и первой жены, были одеты в зелёные китайские одежды на подкладке цвета прелых листьев. Другие были в тёмно-фиолетовых вышитых шёлковых накидках. Сопровождающие, взрослые и подростки, — в красных китайских и тёмно-фиолетовых платьях. Жрицы[539] были одеты в зелёные и тёмно-фиолетовые платья, а низшие слуги — в одежды красного цвета с чёрным отливом на голубой подкладке. Двадцать экипажей в сопровождении многочисленных слуг четвёртого и пятого рангов отправились на реку Кацура.

С ветками сакаки в обеих руках жрица вышла из первого экипажа и, танцуя, прошла к месту, предназначенному для церемонии. Жрицы, бывшие в других экипажах, быстро последовали за ней. Господа расположились на дощатом настиле, и была проведена церемония очищения.

Для исполнения песен и плясок Масаёри пригласил старшего

стражника Правой личной императорской охраны Мацуката, который должен был петь «песни возниц»[540], старшего стражника Правой охраны Тикамаса, играющего на флейте, помощника военачальника Правого императорского эскорта Токикагэ, играющего на хитирики, и других придворных, — в тот день к Масаёри съехались самые искусные исполнители. Он пригласил тех сановников и принцев, которые были с ним в дружеских отношениях. Все придворные прибыли, и когда собралась семья Масаёри и приглашённые, наполнили чаши вином и начался пир.

На другой стороне реки показался правый генерал в красиво украшенной лодке. Он приготовил всё с изумительным вкусом, и множество великолепных вещей <...>, а Накатала велел играть корейскую музыку. Лодка пристала к берегу.

Левый генерал был чрезвычайно обрадован. На берегу реки чины из Левого управления, придворные, господа, исполняя музыку, ждали, когда Канэмаса высадится на берег. На мотив песни «Наш дом» левый генерал пропел следующие стихи:

— Чтобы над бездной проплыть,
Длинный шест
Корабельщику нужен.
Так и тебе запастись
Нужно долгим терпеньем[541].
Правый генерал пропел на мотив песни «Море в Исэ»:
— Не может коснуться
Дна длинный шест...
У кого ещё ты найдёшь
Такое глубокое сердце,
Как у корабельщика?[542]

Наконец Канэмаса сошёл на берег. Чины Правой илевой личной императорской охраны, играя на музыкальных инструментах, заняли места рядом друг с другом. Туда же, на берег реки, для совершения церемонии очищения прибыл принц Хёбукё. Масаёри обрадовано вышел ему навстречу и привёл к гостям.

Тем временем от наследника престола прибыл один из архивариусов с посланием для Атэмия. В письме было:

«Ты так давно
Жестока ко мне,
Что даже праздник
Очищения сегодня
Тебе не будет полезен».

Атэмия на это ответила:

«Лучше не попадаться

На глаза человеку,

Такому, как нуса большая.

В день очищения прошу я богов,

Чтоб мы никогда не встречались[543].

Но молитвы мои сегодня боги услышат».

Вместе с письмом она велела пожаловать посыльному полный женский наряд[544].

С наступлением вечера госпожи приказали поднять полотнища и поставить вместо них переносные занавески из свисающей бахромы и смотрели, как среди гладких камней и уступов скал пенится река, как низвергаются водопады. Прислуживающие Атэмия дамы: Соо, Тюнагон, Хёэ, Соти-но кими — с красивыми служаночками расположились на скалах, поставили перед собой кото, начали играть на них и попросили присутствовавших петь. Дочери Масаёри были всем этим очарованы. Накатада приблизился к шатру Атэмия и вступил в разговор с Соо. Глядя на пенящуюся между камней воду, он произнёс:

— Не угасает

В прибрежных камнях

Пламя любви,

И бурно клокочет

Меж ними вода.

Хоть я и ничтожный человек, не замолвишь ли ты за меня словечко?

Соо ответила:

— По мелкому дну

Меж камней

Несётся пенная влага.

Но куда там кипеть! —

Чуть тепловата она.

Советник Санэтада вручил Хёэ письмо для передачи Атэмия. Он слышал, как девицы смеялись, читая его предыдущее послание; ответа же Санэтада не получал. И теперь он написал вот что:

«Столько писем

Тебе я пошлю,

Что устанет

Читать их

Тьмущая тьма богов».

И на это письмо она ему не ответила.

Когда стемнело, начались священные пляски, которые продолжались всю ночь, а затем начали выкликать талантливых людей[545].

Принц Хёбукё сказал:

— Велик талант у тонких людей!

Он поднялся на скалу перед шатром, в котором находилась вторая жена Масаёри, и обратился к ней:

— За все эти месяцы я не получил ни одного письма, которого так жаждет моя душа. Сегодня ночью даже боги выполняют просьбы смертных. Между мною и твоей дочерью существуют родственные узы, я все эти годы посылаю ей письма, но она не обращает на них никакого внимания, как будто я совершенно посторонний. Не скажешь ли ты ей, что со мной не следовало бы так обращаться?

— Мне думается, что во время очищения боги думают совсем о другом, — улыбнулась она. — Твоё положение мучительно. Если бы ты раньше обратился, ты бы уже так не беспокоился: я бы давно рассказала ей о твоих чувствах.

— Многие пишут ей письма, но она относится так жестоко только ко мне, — продолжал принц. — Непрерывно меня мучит ревность. И пусть даже мне грозит гибель, теперь у меня нет сил остановиться.

— Скажу тебе не обинуясь: если бы у нас была дочь на выданье, то и вопроса бы не было, но сейчас никого нет. Я сама жалею об этом. Так что отложим на некоторое время наш разговор.

— Через некоторое время меня уже не будет в живых и говорить будет не о чём. — С этими словами принц простился с сестрой.

На рассвете стали вручать подарки: сановникам и принцам — женское платье, музыкантам — штаны из белого полотна, правому генералу — превосходных коней и соколов.

Затем все отправились по домам.

* * *

Когда семья Масаёри возвратилась домой, от наследника престола принесли гвоздику с письмом:

«Вечного лета цветы!

В доме моём, где один я

В постели лежу,

Больно глядеть мне,

Как вас всё время срываю[546].

Сейчас жизнь мне стала противна».

Атэмия ответила ему:

«Каждый вечер ложатся

Капли белой росы
На гвоздики цветов.
Кто это видел,
Чтоб он один оставался?»[547].

Много дней подряд на небе ярко светило солнце. В это время советник Санэтада прислал письмо:

«Неужели великое небо
Страдает, как я?
Летнее солнце
Так нещадно пылает,
Что сохнут трава и деревья».
Атэмия ответила:
«Нет дома такого,
Чтоб солнечный свет
В свой час в него не вошёл.
Сходно в этом
Светило с тобой»[548].

Как-то вечером хлынул сильный ливень. От принца Хёбукё принесли письмо:

«С каждым годом
Всё холоднее
Сердце твоё,
И ты внемлешь едва
Грому богов».
Атэмия ответила:
«На грома звуки
Не откликается
Сердце холодное.
Чему ж удивляться? Меж туч
И должно грохотать...»

Генерал Канэмаса, посылая Атэмия декоративный столик с изображением берега моря, где стояли рыбаки и вглядывались в открытый простор, написал на нём:

«Даже на дне
Глубокого моря растут
Зелёные водоросли.
Я верю в глубокое
Женское сердце»[549].

Атэмия написала ответ на столике с изображением взморья, где

рыбаки ловили рыбу:

«Рыбаки ловят рыбу —
Не знаю, что это за люди.
И неведомо: в море каком
Пышно растёт на дне
Морская трава?»[550].

От советника министра Масаакира пришло письмо:

«Мечтал тебя увидеть
Хоть миг один, пусть краткий,
Как рога оленей молодых.
Но тщетными надежды
Те оказались. Как мне тоскливо!»

Атэмия ответила:

«Как могу догадаться
О мечтаньях твоих?
Но слышала, с лета приходом
Роняют олени рога,
И другие растут на их месте».

Накатада отправился в Нанива, чтобы выполнить обряд очищения, и прислал оттуда письмо:

«Опутан сетью любви,
За забвенья травой
Пришёл я сюда.
Но в Сумиёси
Эта трава не растёт».

Атэмия ответила на это:

«На том берегу
Непостоянный мужчина
Охвачен тревогой.
Ищет траву, чтоб забыть
О любимых своих»[551].

Пришло письмо от принца Тадаясу

«Как летом цикада,
От любви плачу,
Пылаю, как светлячок,
Днём и ночью,
Глубокою грустью охвачен».

Из провинции Ки пришло письмо от Судзуси:

«Месяц летнего очищения

Труднее перенести,
Чем месяц пятый,
Когда о тебе
Думать было нельзя»[552].

Господа получили это письмо, и Накадзуми передал его Атэмия, приписав от себя:

«С нетерпением ждал
Месяц летнего очищения.
Думал, что по воде
Уплывут далеко
Неотвязные думы мои».

Атэмия не ответила ни тому, ни другому.

От Накаёри пришло письмо в последний день шестого месяца, который называется месяцем засушливым:

«Как жалко,
Что месяц проходит,
А платья рукав
Так и не высох
От слёз моих».
Юкимаса прислал письмо в первый день седьмого месяца:
«Всё лето тебе посылал
Столько писем,
Сколько листьев на ветках...
Неужели изменчивой осенью
Неизменным останется сердце твоё?»

* * *

Михару Такамото прислал письмо даме, состоящей при Атэмия:

«Последнее время я не писал Вам. Каждый раз, как я хотел сесть за письмо, меня удерживала мысль, что при Вашей службе у Вас и так много хлопот. Но сейчас я должен кое о чём поговорить с Вами наедине. Не приедете ли Вы ко мне? Я посылаю за Вами экипаж».

Дама отправилась к нему, и Такамото принял её.

— Что нового в доме Масаёри? — спросил он.

— Сейчас ничего особенного не происходит. Недавно проводили обряд очищения и сразу же после этого летние священные пляски.

— Где же всё это проводили? И кто присутствовал из знати? — поинтересовался Такамото.

— Проходило всё на берегу западной реки, недалеко от усадьбы Кацура, которая принадлежит правому генералу, и были там господа из

дома Масаёри, принц Хёбукё, правый генерал, советник Санэтада и другие придворные. Всё прошло, как обычно, — рассказывала дама.

— Больших же всё это потребовало затрат, — заметил Такамото. — Если бы я знал, я бы с моей скромной выпивкой и закуской присоединился к ним. Кстати, генерал напрасно пускает состояние на ветер, собирая у себя таких хлыщей. На него за это сыплются лишь укоры, а богатство его тает. В Личной императорской охране, которая под его началом, собрать одни воры, они готовы и платье с него содрать, только и делают, что ищут, где бы выпить и закусить. А кого он взял в зятья? Одних распутников и глупцов. Санэёри, зять генерала, служит вторым военачальником Императорской охраны, но никакой другой должности не имеет. <...> Все эти хлыщи вовсе не хотят заниматься своей службой. Они только и знают, что искусно играть на музыкальных инструментах, и озабочены кем, чтобы никто не отозвался плохо об их стихах. Пишут азбукой, сочиняют вирши... Чуть увидят какую-нибудь красотку — влюбляются по уши, готовы и выше облаков взлететь и под землю опуститься. А над ними смеются, да они не обращают внимания. Я же живу иначе: обрабатываю свои поля, занимаюсь торговлей, тружусь и коплю добро. Так зачем ему брать в зятья людей, которые умеют лишь рот раскрывать? Разве генерал не потому ищет для своих дочерей мужей, чтобы им не остаться одним, без всякой поддержки? Разве не это его беспокоит? Но поглядишь, за кого он выдаёт дочь замуж, совсем на то непохоже.

— Со стороны, может быть, так и кажется, — засмеялась дама. — Но в действительности его зятья богаты, влиятельны и вовсе не расточают сокровища.

— Надо наполнить дом и склады добром и не тратить его, тогда положение будет надёжно, — продолжал своё Такамото. — Состояние этого влиятельного человека образовалось большей частью из подарков и продуктов из поместий тех, кто добивался его расположения. И вот кажется, что домашние Масаёри, его слуги и дети всё добро пустили на ветер. Но ещё не поздно. Нужно делать не то, что ведёт к разорению, а что приносит пользу. Можно взять в зятья советника сайсё Сигэно. Годами он, правда, немного стар... Так-то оно так, но семидесяти ему всё-таки ещё нет. Это человек порядочный. Сердце у него безупречное, надёжное, пустых трат он не делает, прекрасно знает, как копить добро, упрекнуть его не в чём. Вот какому-нибудь человеку, такому же, как он, и надо отдать в жёны знаменитую Атэмия. Но сожаления достойно, что в мужья Атэмия, о которой идёт столь хорошая слава, готовят человека пустого, каких у нас пруд пруди. Намекните, пожалуйста, генералу и его супруге: «Если девица

свяжет свою судьбу с человеком, который с молодых лет копит добро, она скоро сделается полновластной хозяйкой в доме; если она выйдет замуж за человека, у которого ни в чём нет недостатка то за её будущее можно быть спокойным. Обычно, когда человек беднеет, дети и внуки его влачат жалкое существование. А тот, кто относится к службе легкомысленно и не знает, как использовать время и своё положение, позорит умерших родителей и вредит потомкам. Отдайте свою дочь в жёны Такамото, тогда у вас не будет никакого повода для беспокойства. И дети, и внуки их будут жить в достатке». Скажите ему так, пожалуйста.

— Я уже говорила генералу и его супруге: «Господин Такамото говорит то-то и то-то. Жены у него нет. Отдайте одну из своих дочерей за него замуж...» Генерал же мне ответил: «Поистине, это была бы блестящая партия, но, к сожалению, пока что ни одной дочери на выданье нет. Что же касается Атэмия, то я озабочен тем, как выдать её замуж за наследника престола». Вот его слова.

— Несчастная! — воскликнул Такамото, щёлкая от досады ногтями. — Знаете ли вы, что за человек этот наследник престола? Возле него всё время отирается сынок правого генерала, хлыщ по имени Накатада. Очень он по душе пришёлся наследнику, днём и ночью играет на музыкальных инструментах, всё время торчит в императорском дворце. Когда он идёт во дворец — то для чего? Носит шёлк и парчу, которые берёт у отца, любит красивое, разоденется в пух и прах и принимается исполнять музыку. Его ждёт печальное будущее! Какая жалость! Прискорбно, что его-то наследник жалует больше всех. Почти всё он делает по подсказке этого Накатада. А Накатада человек недалёкий, ничего не понимающий. Наряжаться, расхаживать со свитой — на это он мастер, своими внешностью и талантами всех затмил. А человек никчёмный. Когда в доме богатства нет, что же, положишь ты в кладовую свою красоту? Как все родители, Масаёри беспокоите о будущем своей дочери. Если даже он отдаст её правителю страны или наследнику престола, счастлива она не будет. Скажите ему серьёзно, что если он действительно хочет, чтобы она была счастлива, пусть отдаст её мне.

Он положил в один короб грубой работы шелка из восточных провинций, в другой — узорчатого шёлка из провинции Тотоми и на толстой жёсткой бумаге написал так: «Вот уже много лет, как я тайно думаю только о Вас, но Вы посланий моих не замечаете, и от этого я очень скорблю. Я надеюсь, что прислуживающая Вам дама всё обо мне расскажет. У меня нет жены, которой Вы могли бы опасаться, и я буду почитать Вас, как высокую гору. Обратите только на меня своё внимание.

Эти подарки незначительны, но отдайте их Вашим слугам».

Он дал даме денег, и она удалилась.

* * *

Сигэно Масугэ опять пригласил к себе Тономори:

— Въезд молодой госпожи в мой дом я назначил на двадцать первый день. В какие дни она будет поститься?

— Точно я не знаю, — ответила она. — Рано или поздно она к вам переедет. Вы не торопите её, не назначайте определённого срока, сначала нужно послать ей много писем и узнать действительное положение вещей.

— К чему всё это? — возразил Масугэ. — Что в моём положении может не понравиться? Я человек богатый, готов делать подарки, жены у меня нет, чин имею высокий, — так с чего бы она меня не полюбила?

— Говоря по правде, дела обстоят вот как, — ответила Тономори. — Родители девицы отчего-то на брак с вами не согласны. Но поскольку я взялась за это дело, я обязательно доведу его до исполнения ваших желаний. А пока не ленитесь писать письма.

Масугэ позвал своего сына, который служил архивариусом и помощником начальника Строительного управления, и сказал:

— Сочини такое стихотворение, чтобы изумилась та, которая скоро будет вам опорой[553].

— Я много писал стихов, но никто их особенно не хвалил, — рассмеялся его сын.

— Кто же в таком случае сможет привести девицу в восхищение?

— Младший военачальник или телохранитель наследника престола. От их стихотворений все приходят в восторг.

«Стихотворения телохранителя наследника мне никогда не нравились. Попрошу младшего военачальника», — решил Масугэ и поговорил с ним.

— Это очень просто, — ответил тот и сочинил стихотворение.

Масугэ написал на красивой цветной бумаге:

«Я всё время просил рассказать Вам о себе одну из Ваших прислужниц. Всё это время я приводил в порядок свой дом, выбрасывая старые вещи. А Вы поскорее кончайте приготовления к въезду в мой дом. Я с нетерпением жду, что мы скоро увидимся и сможем обо всём поговорить подробно. Что касается сочинения стихов, то это дело молодых, а не таких стариков, как я. Но я слышал, что когда молодёжь пишет письма она всегда приукрашивает их, поэтому и я сочинил:

Так мучит сердце

Тоска о тебе,

Что водопадом,

С пеной которого схожа моя голова,
Льются слёзы из глаз».

Масугэ дал даме в подарок гладкого и узорчатого шёлка.

* * *

В западной части университета Поощрения учёности, Кангакуин[554], проживал один талантливый студент. Полностью посвятив себя наукам, он дошёл до крайней бедности. Никто в университете ему не сочувствовал, даже низшие слуги и стряпуха не обращали на его слова никакого внимания. Когда он садился на своё место, студенты начинали насмехаться над ним. Один раз в день он тянул жребий и получал одну коробку риса. Служащие университета и ключник смеялись над ним: «Фудзивара Суэфуса выпадает жребий только на одну коробку риса». Он никак не мог пробиться в число учёных. Его отец и мать, слуги в доме — все умерли один за другим, и он остался совершенно без поддержки. Многие посредственные студенты обгоняли его. К государственным экзаменам его не допускали. Так он дожил до тридцати пяти лет.

Суэфуса был очень хорош собой, обладал замечательными талантами и выдающимся умом. Даже в трудных обстоятельствах он упорно продолжал свои занятия. Один из студентов, глядя, как он мучается, как-то сказал: «У Суэфуса нет ни единого изъяна. Даже среди блестящих зятьёв левого генерала Масаёри не найти подобного ему! И внешность, и талант его удивительны!» Все засмеялись, а Суэфуса при этом проливал кровавые слёзы, ему было стыдно и горько.

Летом он набирал множество светлячков в рукав своего тонкого платья и, держа их над книгами, всю ночь проводил за чтением[555]. Когда же начинал брезжить рассвет, он продолжал читать, подсев к окну. Зимой он читал при блеске снега, занимался до тех пор, пока его глаза могли различать написанное[556]. «О, святые учёные древности, которым я поклоняюсь! Видя, как всем сердцем я отдаюсь науке, избавьте меня от стыда, помогите мне достигнуть желаемого!» — молился он в душе и стонал по поводу своего безрадостного положения.

Один из выпускников университета, Тадатоо, был назначен правителем в провинцию Танго. Собираясь покинуть столицу, он устроил пир, и по этому случаю послал приглашение Суэфуса: «Прошу пожаловать ко мне. Сегодня я отправляюсь на место своего назначения».

«Я очень тронут, — ответил на это Суэфуса. — Вы оказали мне честь, пригласив к себе. В университете я более двадцати лет, но все эти годы мной пренебрегали, потому что уже тогда, когда я, несмотря на мои скромные способности, поступил в университет, я был беден».

Правитель Танго, взяв старое летнее платье и нижнее платье цвета прелых листьев, послал ему, приложив стихотворение:

«Старое летнее платье

Тебе посылаю.

Пусть стыд

Не мучит тебя,

Что подарок ты принял».

Суэфуса, проливая кровавые слёзы, ответил:

«Испивший чашу стыда,

Всю горечь жизни познавший,

Сегодня впервые одежду свою

На летнее платье сменив,

Могу насладиться прохладой».

Правитель Танго, прочитав это стихотворение, проникся ещё большим сочувствием и опять послал несчастному студенту что-то из своих вещей.

<...> После этого все занимались сочинением китайских стихов. <...>

* * *

Рано утром седьмого дня седьмого месяца в усадьбе Масаёри начался праздничный обряд: из западного дома вышли восемь юных служанок в зелёных платьях, светло-коричневых накидках на тёмно-красной подкладке, штанах из узорчатого шёлка и ещё одних накидках из узорчатого лощёного шёлка. Волосы у всех были одной длины. Из срединного дома тоже вышли восемь юных служанок в красных платьях, тёмно-фиолетовых накидках из лощёного шёлка и узорчатых штанах. Из северного дома тоже вышли восемь служаночек в платьях из узорчатого тонкого шёлка, в жёлтых накидках на зелёной подкладке, в таких же ещё одних накидках и штанах что и другие. В честь праздника Ткачихи все они от сосен, которые росли перед домами, через мостики и плавучие мосты тянули разноцветные нити.

На верандах расставили семь лакированных полок и столиков, в передних покоях опустили занавеси. Снаружи на шестах развесили разноцветную расшитую одежду, расставили вешалки с платьем и разноцветную утварь.

Все надели парики с волосами равной длины и украсили причёски многочисленными шпильками.

Ветер повсюду разносил ароматы, которыми были пропитаны одежды.

Угощением для вечернего пира занимались, как обычно, управляющие. В качестве подарков им вручили по полному женскому наряду. Выстроившись в ряд, они исполнили благодарственный танец.

* * *

Масаёри происходил из дома Минамото, но со стороны матери он принадлежал к Фудзивара и потому взял на себя обязанности управления университетом Поощрения учёности.

Седьмого дня седьмого месяца император велел организовать поэтический турнир. Более восьмидесяти учёных и литераторов должны были явиться во дворец Человеколюбия и Долголетия, Дзидзюдэн. Но утром неожиданно собрание отменили. «Какое разочарование! Это соревнование обещало быть интереснее, чем обычно. Наша подготовка не должна пропасть впустую. Нужно сообщить об этом Масаёри, его усадьба на Третьем проспекте совсем близко от университета. Пойдём туда этой улочкой!» — говорили между собой книжники, и все восемьдесят с лишним человек, выстроившись рядами, отправились к генералу.

Презирая Суэфуса, литераторы никогда его с собой не брали, но в тот день он неожиданно решил, что не останется дома. Под изношенным платьем у него не было даже нижней безрукавки, только исподнее; не было штанов; головной убор изорван, от него осталась только задняя часть[557]; на ногах — соломенные сандалии с совершенно стоптанными задниками. Был он бледен, худ и весь дрожал.

Суэфуса вышел на улицу и присоединился к шествию со словами: «Сегодня я пойду с вами в задних рядах». Все книжники, даже друзья его, засмеялись, и шуткам не было конца. <...> «Усадьба нашего управителя не уступает императорскому дворцу, туда приходят люди только выдающиеся, люди высокой добродетели; таких оборванцев, как ты, туда не пускают. Тем более, если ты явишься в костюме студента, это будет позором для главы Поощрения учёности. Уходи-ка ты побыстрее отсюда, иначе выйдет неловкость, и тебя из университета выгонят», — говорили ему и то тянули, то толкали, разве что не вступали с ним в драку. Несмотря на это, Суэфуса решения своего идти к Масаёри не оставлял. Поднялся страшный шум, и шествие приостановилось.

В это время появился правитель провинции Танго, Тадатоо.

— Почему вы не идёте вперёд? — спросил он. — Уж не меня ли вы ждёте?

— Тебя мы, конечно, ждали, — ответили ему. — Но кроме того, Суэфуса собрался идти с нами и нарушает нам порядок. (...)

— Если Суэфуса хочет нанести визит управителю нашего университета, то почему же вы не желаете взять его с собой? — удивился Тадатоо. — Разве он не студент Поощрения Учёности, в котором учатся все Фудзивара? Если у него поношенное платье, что же, таким оно и

должно быть у студента университета. От шляпы мало что осталось, платье на нём цвета желудей, все в лохмотьях, носки дырявые, он худ — такими и бывают талантливые студенты. Эти люди имеют право явиться с визитом к управителю университета. Человек бездарный, у которого живы родители и который пользуется их влиянием, тот, что даёт взятки, втихомолку угождает перед сильными нашего мира и льстит им прямо в лицо, не может считаться настоящим студентом. В самом деле, когда это студенты беспокоились по поводу подобных пустяков? Идём же скорее к нашему управителю. — И он обратился к Суэфуса: — Пожалуйста, пойдём с нами, ведь ты истинный студент (...).

— Поскольку поэтический турнир обещает быть более интересным, чем обычно, я хотел обязательно присутствовать на нём, но того, что все литераторы явятся ко мне, я и желать не мог, — сказал Масаёри.

Он велел управляющему приготовить приём в павильоне для ужения рыбы, который находился на острове посредине пруда. В павильон отправились и заняли там свои места сановники, принцы, военачальники Личной императорской охраны и сам Масаёри. Потом прибыли учёные и литераторы и сели в ряд друг подле друга.

Пир устраивали на скорую руку. Слуги поставили перед каждым из гостей столик. Подняли чаши с вином, и началось угощение. Масаёри предложил тему для сочинения стихотворений. Пирующие, выбрав рифмы, стали сочинять стихи на восемь рифм[558]. Все принимали в этом участие: сановники, принцы, члены семьи Масаёри, дети. Когда кончили сочинять стихи, их преподнесли хозяину. Секретарь Палаты обрядов начал читать стихи вслух, а все гости — вторить ему.

Наступила ночь. Между столбами были повешены фонари, поставили в ряд светильники, зажгли факелы <...>. Когда секретарь увидел стихотворение, сочинённое Суэфуса, он сразу понял, что это сочинение выдающееся, и, спрятав его, читать не стал. Придворные и принцы и не знали, что среди них находится Суэфуса.

Все, начиная с хозяина, играли на кото, вторя голосу чтеца, декламирующего замечательные стихи; музыка и голоса делались всё более звучными.

Тогда Суэфуса сам громко прочитай стихотворение, которое он сочинил. Его выразительный голос не уступал по красоте звукам корейского колокольчика.

— Там кто-то декламирует стихи, которые сегодня не читались, — сказал, услышав его, Масаёри. — Кто это?

Никто из учёных ему внятно не ответил.

— Он прочитал стихи необычайно глубокие по смыслу и таким красивым голосом, что его не спутаешь с голосами других людей. Замечательно! — продолжал Масаёри.

Он велел всем замолчать и спросил громко:

— Кто там, в углу среди студентов прочитал это превосходное стихотворение? Как ваше имя?

— Я Фудзивара Суэфуса, проживающий в западной части университета Поощрения учёности, — ответил тот испуганным голосом.

— Замечательный эрудит! Подойдите сюда! — пригласил Масаёри.

Суэфуса, пройдя через толпу, приблизился. При горящих факелах, от которых было светлее, чем днём, фигура, представшая перед Масаёри, была донельзя нелепа. Не в силах удержаться, все прыснули со смеху. Некоторое время стоял невообразимый шум, но скоро всё затихло.

— Кто были ваши родители? У кого вы учились? — спросил Масаёри у студента.

— Ваш покорный слуга — старший сын старшего ревизора Императорской канцелярии Нанкагэ, который ездил с посольством в Танское государство. Я студент, назначенный на стипендию. Мой отец состоял старшим ревизором и советником санги. Он был убит. Братья мои уехали далеко, из других родственников никого не осталось, я единственный потомок Нанкагэ. <...> В семь лет я поступил в университет, сейчас мне тридцать пять. И всё это время я веду жалкое существование на грани между жизнью и смертью. Утром я не отрываясь читаю книги у окна в университете; вечером, когда меркнет свет, собираю в густой траве светлячков; зимой занимаюсь при блеске снега. Так я живу многие годы. В наши дни профессора черствы сердцем и необычайно скупы, поэтому за двадцать с лишним лет я ни разу стипендии не получил. Сейчас люди, которые своим делом избрали военное искусство, вменяющие себе в обязанность зло, ставшие мастерами в охоте на медведей, в соколиной охоте, в ловле рыбы, — эти люди теперь поступают в университет и, хотя не могут отличить чёрное от красного, через голову многих студентов <...>. Таким образом многие оказались впереди меня.

Суэфуса говорил всё это, стоя перед многочисленными учёными и проливая кровавые слёзы. Среди слушавших его не было ни одного, который бы, в свою очередь, горько не плакал.

— Что это за порядки, о которых рассказывает студент? — спросил Масаёри.

— Суэфуса действительно обладает огромными познаниями, — ответил кто-то из учёных. — Однако у него строптивый характер, и

нашему государю он служить не может. Мы боимся, что если он выйдет из университета, его характер будет препятствием для службы престолу и для частной его деятельности. Поэтому его не допускали к службе.

Суэфуса, сердито щёлкнув пальцами, поднял глаза к небу.

— Так ли это? — спросил Масаёри, обращаясь ко всем присутствующим.

Все молчали, как будто сговорившись. Наконец Тадатоо сказал:

— Сейчас в Поощрении учёности твёрдостью характера и выдающимися талантами отличается только Суэфуса. За всю свою жизнь он не совершил ничего предосудительного, не сделал ни одной оплошности по отношению к кому бы то ни было. Несчастье его в том, что у него нет поддержки и в университете к нему относятся безжалостно. Если у какого-нибудь студента богатые родители, то пусть даже он неумен, ему оказывают прекрасный приём. У Суэфуса же никого нет, и когда он устаёт от учения <...>. Но не было случая, чтобы Суэфуса принял это близко к сердцу и предпочёл отдыхать в постели, а не заниматься. Он от всех отделился и замкнулся в своём одиночестве.

— С самого основания университета Поощрения учёности представители нашего рода, начиная с министров и высших сановников, отдавали свои земли и часть урожая со своих поместий, поддерживали студентов наградами[559]. Так пополняется казна нашего университета. Я следую их примеру, но, может быть, недостаточно. Принцы многим выплачивают жалованье, и я плачу многим. Раздавая награды достойным людям в моём доме, я хочу то, что остаётся, распределить среди студентов; а из речи Суэфуса я понял, что он должен служить трону, — нас ведь охватывает жалость даже когда мы видим бедствующим человека заурядного. Если считать, что бедность — порок, то и мне не с кем общаться в этом мире. К чему разглагольствовать о плохом характере? И благородный человек в нужде жалуется на своё служебное положение, на свою частную жизнь, а в довольстве умиротворяется даже строптивец, — сказал Масаёри.

Литераторы почтительно с ним согласились.

Хозяин велел одному из гостей прочитать стихотворение Суэфуса, а другому — аккомпанировать на кото. Это было восхитительно. Масаёри поднёс Суэфуса чашу с вином:

— Осень пришла. И хочу

Для ветки глицинии

Место найти в высоких горах.

Оставим же сосны стоять

Там, где вечно они зеленеют[560].

Суэфуса, приняв чашу, ответил:

— Скорбел, что всю жизнь

Должен в земле,

Как руда, оставаться.

Но сегодня ветка глицинии

Вверх поднялась. О, ликование!

Масаёри, тронутый жалким видом Суэфуса, обратился к помощнику главы Налогового ведомства Фудзивара Мотонори, который был в яркой красивой одежде и великолепном поясе:

— Этот студент, который сейчас добился славы, — красивый мужчина. Ты на некоторое время переоденься в простое платье, а свою одежду отдай ему.

Мотонори повиновался. Он позвал Суэфуса, и они удалились в другое помещение. Там Суэфуса причесался, побрился и переоделся.

— На вашу долю выпала большая удача. Я знаю, что на пути овладения учёностью много трудностей <...>. И вы больше не будете в таком состоянии. Я во всём буду вам полезным. Пожалуйста, обращайтесь ко мне без стеснения, — сказал Мотонори.

Суэфуса привёл себя в порядок. Одеждой и красотой лица он оказался несравненно лучше всех литераторов, смеявшихся над ним. И сочинение, которое представил Суэфуса, было выше всех прочих. Никто из литераторов, собравшихся в тот День у Масаёри, не мог с ним сравниться.

Студенты, сидевшие на местах у изгороди, начали исполнять музыку. Наступил рассвет. Литераторам четвёртого ранга преподнесли по полному женскому наряду, а литераторам пятого ранга — по охотничьему костюму из белого полотна, а кроме того всем вручили штаны на подкладке. Суэфуса получил награду. В том, что он принял отчаянное решение и отправился с другими литераторами к Масаёри <...>.

Суэфуса покидал усадьбу Масаёри, обманутый в надеждах[561]. В нём кипели чувства настолько мучительные, что казалось будто они пронзали ему грудь, как меч воина. В растерянности он написал на листьях бамбука, растущего у восточной стороны срединных покоев:

«Не так мучила скорбь

Ткачиху и Волопаса,

Когда на заре

Приблизился час расставанья,

Как мучит меня...»

Наконец Суэфуса покинул дом генерала. Он вернулся в свою комнату

в западной части университета и всё время проводил в грустных размышлениях.

* * *

Пришло письмо от наследника престола, адресованное Атэмия:

«В напрасной тоске

Бессердечную жду.

Уж сколько раз

Встречались друг с другом

Звёзды на небе!

Они всегда пробуждают во мне зависть. Неужели и дальше будет так продолжаться? Не отправиться ли мне к ним?» Атэмия ответила:

«Считаешь ли ты, сколько ночей

Пастух с Ткачихой встречался.

Но целый год

Надо ждать терпеливо

Одну ночь такую!

Завистью полно Ваше сердце, а разве при этом остаётся запертой дверь Вашей спальни из вечнозелёного дерева[562]?»

Как-то раз вечером, когда господа играли в шашки на веранде срединного дома, советник Санэтада, подойдя к занавеси, обратился к Хёэ:

— Почему прошлой ночью ты не вышла из вашего помещения? Как горько, что и ты стала бесчувственной!

— Я всё такая же, и только вам кажется, что я бесчувственная, — ответила девушка. — Простой ночью я должна была заниматься кое-какими делами в доме.

В это время слышался звон цикад и Санэтада, думая, что даже цикады вернулись в свои гнёзда, сложил:

— Вечером каждым,

Как путник, один

В поле ложусь на ночлег.

Плачут цикады. Но разве

Им известна такая печаль?

Но Атэмия и слушать не стала.

Пришло письмо от принца Хёбукё:

«Всё в обильной росе

Листья хаги

Цвет свой меняют.

Нет никого, кто б отбил

Осенью платье моё[563].

Что же мне делать? Жить один я не в силах, и печалюсь я, что ты по-прежнему ко мне равнодушна».

Ответа на это не последовало.

Пришло письмо от правого генерала Канэмаса:

«Чтоб хоть во сне

Увидеть тебя,

Сколько раз в изголовье

Клал китайского платья рукав!

Но вновь и вновь сожалел я...

Ничего я не понимаю...»

Ответа на это не последовало.

Пришло письмо от советника Масаакира:

«Ветер на взморье

Мягко над волнами веет.

Разве ты хочешь,

Чтобы неистойой бурей

Он возмутил всё течение?

Странное у тебя сердце!»

Пришло письмо от принца Тадаясу:

«Холодно сердце твоё,

И нет мне письма.

С кем же тебя

Сравнить мне?

Лишь с горою Атаго...»[564]

* * *

Как-то прекрасной лунной ночью Имамия и Атэмия, расположившись у занавеси, играли на лютне и цитре и любовались луной.

Накатада, спрятавшись, слушал их; с самого начала, когда Атэмия настраивала инструмент, ему стало понятно, что она играет так же великолепно, как он. Накатада пришёл в страшное волнение и решил: «Пусть даже ценой моей жизни, я хочу похитить Атэмию и укрыться с нею от всех». Но потом он задумался о том, как будет беспокоиться его мать, и на душе у него стало ещё тяжелее. Мучась такими мыслями, он крадучись прошёл к Соо и сказал ей:

— Почему в тот день Атэмия не написала мне ответа?

— Потому что она играла в шашки с императорским сопровождающим Накадзуми, — ответила девушка.

— Может быть, это оттого, что я очень взволнован, но игра Атэмии проникает мне в самое сердце. На цитре играет Атэмия, а на лютне кто?

— Имамия, — ответила Соо.

— Они уже теперь замечательно владеют инструментами. Каких же успехов ещё достигнут! — сказал молодой человек. — Атэмия настолько очаровывает сердца, что любой готов пойти на безрассудный поступок. Уж насколько я выдержан, но и моему терпению приходит конец.

— У грубых людей всегда невозможные намерения. Вы говорите неразумные вещи.

— Сколько раз я хотел забыть её! Но неужели я совсем не могу надеяться? Как же мне быть?

— Замолчите же. — Соо поднялась, чтобы удалиться.

— Но послушай, — удержал её Накатада, — разве своими речами я до сих пор причинил кому-нибудь зло? По правде говоря, я хотел бы как-нибудь сказать ей хоть одно слово, пусть через занавеску. Разве этого нельзя устроить?

— Вы просите о невозможном! Госпожа не хочет отвечать на ваши письма, я всякий раз очень её упрашиваю и так или иначе склоняю ответить. Однако ваши мечты о встрече с ней — совершенная нелепость!

— Как тяжело слышать твои слова! — опечалился Накатада. — Даже госпожа Дзидзюдэн в императорском дворце иногда приглашает меня к себе и беседует со мной. Почему же ты не хочешь сказать своей госпоже о моём желании?

— Через кого-нибудь я передам ей об этом, — пообещала Соо. — Разве я не хлопочу за вас перед Атэмией?

Накатада сорвал цветок горечавки и кончиком головной шпильки нацарапал на лепестках белого лотоса:

«Здесь мелкое течение,

И плотовщик

Об этом не перестаёт

Вздыхать.

О, столько лет прошло![565]

Об этом мои постоянные мысли. Однако сегодня вечером я хочу сказать тебе всего лишь одно слово. Думаю, что слово это останется безответным. Но разве это преступление — выслушать меня?»

Он попросил Соо передать это письмо её госпоже.

Прочитав, Атэмия спросила:

— Где он сейчас находится?

— Он стоит на восточной веранде, — ответила Соо.

— Он, по-видимому, слышал, как я играю. Как мне стыдно! Ведь он знаменитый музыкант! Не проси меня, я не хочу ничего знать. — И

красавица удалилась в задние покои.

Эти слова долетели до Накатада, и он воскликнул:

— Ах, как грустно на сердце! О Будда, устрой так, чтобы мы встретились с ней, если не сегодня, то хоть когда-нибудь! Я всегда твёрдо верил, что родителей надо почитать больше, чем кого бы то ни было, но с тех пор, как я полюбил Атэмия, я не хочу жить ни одного мгновения, а это мысли сына, к родителям непочтительного. Но если даже случится непоправимое, разве уменьшится хоть на сколько-нибудь моя любовь к ней?

Он провёл в мрачных думах всю ночь.

Наступил рассвет. Накатада взял карпов, сделанных из серебра, положил им в рот шарики чёрных благовоний, написал стихотворение и послал всё Атэмия:

«Всю ночь
Плавал карп
В реке слёз.
Бесконечной любовью
Измучен...»[566]

Атэмия не произнесла ни слова.

— Ответили бы вы ему сегодня, — стала уговаривать её Соо. — Императорский сопровождающий обычно очень спокоен, малоразговорчив, но сегодня его не узнать: плачет, жалуется, что не знает, как ему быть. Очень его жалко!

— Если пойдут сплетни, то это будет твоя вина, — сказала Атэмия.

В серебряной курильнице она зажгла благовония из аквилярии, вложила курильницу в руки статуи из аквилярии написала:

«Тот, кто всю жизнь
Проводит на воде,
На отражение глядя
Костров сигнальных,
„То страсть моя”, — вещает»[567].

* * *

Если так сгорали от тайной любви находившиеся рядом с Атэмия, то как должен был стенать от страсти к ней Минамото из провинции Ки! Он выбирал подростков, которые были красивы лицом и добры сердцем, одевал их в роскошные одежды и каждое утро посылал с письмами. В зависимости времени года он давал им то удивительно красивые цветы, то дивную ветку клёна с красными листьями; для писем выбирал самую хорошую бумагу. Однажды он написал:

«Не в силах сдержать
Волн — дум бесконечных,
Что на свободу рвутся.
Найду ли успокоенье
Я в бухте Нагуса?[568]

Можно сосчитать даже пылинки, но мыслям любовным нет предела».
— Такого письма не стали бы стыдиться даже выдающиеся мужи, —
сказал, прочитав письмо, Масаёри.

Но ответа не последовало.

В срединном доме происходило бдение в ночь обезьяны[569].
Мужчины и женщины в отдельных помещениях играли в камешки.
Накадзуми написал на тушечнице Атэмия:

«От мук заснуть не могу,
Хоть мечтаю
Тебя увидеть во сне.
И даже сегодня охотно
Я очи смежил бы».

Он быстро удалился, оставив стихотворение на виду. Атэмия
притворилась, что ничего не заметила, и не ответила.

Санэтада, заболев, слёг, и все вокруг горевали: «Неужели он умрёт?
Такой молодой!» Санэтада же, запершись дома и лёжа в постели,
предавался отчаянию. Он послал Атэмия письмо:

«Мне самому стыдно, что я никак не могу смириться с тем, Что не
вхожу в число Ваших избранных. Я снова и снова убеждаю себя, что
лучше не писать Вам, но когда я покину этот мир, мне будет больно, что до
самого конца моя любовь была безнадёжна.

Весь изойдя слезами,
В реку я превращаюсь.
Но куда уплывут
Все эти стебли,
Что в воде зеленеют?[570]

Я нахожусь уже при последнем издыхании, но думаю: «А вдруг паче
чаяния получу ответ?» — и только поэтому продолжаю жить в страданиях.
Моя госпожа! Умоляю Вас, помогите мне!»

— Очень неприятно, когда говорят то, о чём лучше молчать — сказала
Атэмия и на письмо отвечать не стала.

— Ответьте ему хотя бы на этот раз, — стала упрашивать её Моку. —
Это всё очень прискорбно. Ответьте, чтобы спасти его.

— Странно, что из-за меня он так заболел. Но при всём том, лучше

ничего ему не отвечать, — возразила Атэмия.

— Почему же вы стали столь немилосердны? Надо быть немного помягче, — говорили дамы.

— Я пишу иногда тем, кому нужно, — сказала госпожа и ничего-таки Санэтада не ответила.

Юкимаса в расстроенных думах написал:

«И осени приход

Не радуется того,

Кто обделён участием.

Льёт дождь,

Но листья не краснеют».

Ничего больше не прибавив, он отослал стихотворение Атэмия.

Ответа на это не последовало.

Глава IX ПРАЗДНИК ХРИЗАНТЕМ

В первых числах одиннадцатого месяца[571] наследник престола устраивал праздник любования последними хризантемами[572]. Во дворец прибыло множество принцев и сановников, но генерала Масаёри среди них не было. Наследник пригласил многих учёных литераторов и велел им сочинить стихи. Стали исполнять музыку, после чего пошли разговоры о том о сём, и наследник промолвил:

— У кого из тех, кто присутствует здесь сегодня, больше всех дочерей-красавиц? Сравним девиц и дадим награду Тому, у кого окажется самая красивая дочь.

— У присутствующих здесь — не знаю, — сказал Суэакира, левый министр. — Среди нас только у советника Масаакира есть дочь, но она, насколько мне известно, ещё малолетняя.

— У левого генерала Масаёри много дочерей, — вступил в разговор Судзуси. — Он отовсюду собирает у себя самых известных людей и выдаёт дочерей за них замуж. Но, кажется, У него осталась одна или две незамужних.

— Один из моих сыновей женился на его дочери, — сказал Суэакира[573].

— Неужели только один? — переспросил советник Масаакира. — По слухам, другой тоже поселился у него.

— Так говорить невежливо! — воскликнул принц Хёбукё и, улыбаясь, мельком взглянул на Санэтада, который пришёл крайнее смущение и ничего не ответил.

— Поговаривают, что принцу Камуцукэ легко удалось выполнить свой план. Мне обидно, что я так и не смог добиться расположения дочери генерала, — сказал наследник престола.

— Если бы вы изволили выразить своё желание, Масаёри не задумываясь отдал бы её вам, — ответил Суэакира.

— Так-то оно так, но напрямик об этом говорить нелегко. Я ещё не заговаривал с генералом о том, на что втайне надеюсь, если удача мне улыбнётся. Время от времени я посылаю девице письма, но она отвечает редко, — вздохнул наследник.

Услышав это, Санэтада, принц Хёбукё и советник Масаакира решили: «Всё пропало!» — и их охватила беспредельная доска. Если наследник престола заявит о своём желании, то, без всякого сомнения, Атэмия станет

его женой. Не заботясь о том, что о них подумают, они сидели, полностью погрузившись в свои тревожные мысли, ничего не понимая из того, что видели и что слышали.

Тем временем во дворец наследника престола прибыл генерал Масаёри.

— В этом году хризантемы держатся удивительно долго, и я подумал, что нельзя пренебрегать даже поздними цветами, — обратился к нему наследник. — Поэтому я созвал гостей, чтобы показать им цветы. Но вы не появлялись, и наше собрание было скучным. Я беспокоился: отчего вас уже давно не было видно? Я слышал, что вы были больны и не присутствовали даже на церемонии смены одежд в десятом месяце[574], это меня очень опечалило.

— Прошу извинить меня, — сказал Масаёри. — Опять разыгралась моя старая болезнь, бери-бери. Я вынужден был оставаться дома, и даже стоять на ногах мне было трудно, а ходить я и вовсе не мог. <...> Сильные боли прекратились, и как раз в это время я получил ваше приглашение, которому очень обрадовался, и поспешил сюда.

— Ваша болезнь меня очень огорчает. Сегодня здесь собрались литераторы, и мы занимаемся связыванием параллельных стихов[575]. Однако без вас наше времяпрепровождение казалось парчой, сверкающей в темноте ночи[576], — сказал наследник и показал генералу сочинённые стихи.

Масаёри внимательно прочитал их и рассыпался в похвалах.

Наследник престола меж тем обратился к нему со следующим:

— Вот уже несколько месяцев мне хочется спросить вас кое о чём, но случая поговорить по душам никак не представлялось.

— О чём бы вы хотели спросить? — промолвил генерал. — Вряд ли мы найдём более спокойную обстановку, чем сегодня. Мне не терпится узнать, о чём идёт речь.

— Нет-нет, я произнести этого не могу, — засмутился было наследник, но наконец вымолвил: — Насколько мне известно, в вашем доме проживает много зятьёв. Очень мне горько, что я не вхожу в их число. Обидно, что даже принц Камуцукэ в душе смотрит на меня с превосходством. Я беспрестанно думаю, как мне осуществить свои желания, и не знаю, достигну успеха или нет.

— Позвольте мне ответить, — промолвил генерал. — Пока вы ничего не изволили говорить насчёт этого дела, я думал про себя: «Ах, если бы у меня была дочь, достойная того, чтобы показать её наследнику престола!» — но у меня все дочери совсем не красавицы, и я не решался. Я не люблю

отказываться от своих слов, поэтому, прежде чем обещать кому-нибудь в жёны дочь, долго размышляю. У меня не было дочери, достойной даже принца Камуцукэ, и я долго прикидывал, кого же отдать ему.

— Но я слышал, что у вас есть и незамужняя дочь. Я был бы рад видеть её в своём дворце. Не хочу, чтобы кто-нибудь узнал о нашем разговоре, но помните о моих словах.

— Я готов повиноваться вашему желанию. Среди моих ничтожных дочерей одна ещё не замужем, но во время выезда императора в Сад божественного источника вторые военачальники Личной императорской охраны Судзуси и Накатада играли на кото столь замечательно, что император повелел отдать Накатада в жёны свою дочь, а Судзуси — мою девятую дочь, — ответил Масаёри.

— Вопрос о судьбе вашей девятой дочери должен быть решён немедленно, — продолжал наследник. — Сейчас я вам скажу, что думаю. Мне кажется, что с тех пор, как я послал ей первое письмо, прошло уже много времени.

— Как же можно идти против воли государя? — возразил Масаёри. — Прямо не знаю, как нам быть.

— Об этом не тревожьтесь, — успокоит его наследник. — Если вас обвинят в неповиновении монаршей воле, я сам доложу обо всём государю.

— Я вам очень благодарен. Дочь моя ещё молода, но когда она немного подрастёт, я преподнесу её вам, — пообещал генерал.

— Как вы меня обрадовали! — воскликнул наследник. — Я горю желанием посылать и посылать вашей дочери письма, но боюсь, не раздражают ли они её? Может быть, она находит их пошлыми и смехотворными? Иногда я посылаю ей письма... Не имеет ли её матушка что-то против меня?

Генерал был очень смущён.

— Я во всём буду следовать вашей воле. — С этими словами он удалился.

Придворные, присутствовавшие при этом разговоре, чувствовали себя так, будто сердце их разрывается. Санэтада становился то мертвенно бледным, то красным. Казалось, что душа покинула его, и левый министр смотрел на сына с жалостью.

* * *

Прошло некоторое время. С Атэмия всё ещё не было ничего решено. Наследник престола мучился: как же дело ускорить? — и снова и снова настойчиво заговаривал о въезде красавицы во дворец.

Однажды Масаёри сказал своей второй жене:

— Я всё думаю, как нам поступить с Атэмия. Наследник престола сказал, чтобы я, подыскивая женихов для наших дочерей, не забывал о нём. Что же делать? Пишет ли он всё ещё ей письма?

— Пишет, — ответила госпожа.

— И говорит о своём желании взять её в жёны? Я сколько Мог уклонялся от ответа, но он стал очень настойчив, а я отказать ему не могу. Принц Хёбукё и советник Масаакира совершенно опечалены. Больше всех в неё влюблён Санэтада. Я иногда встречаюсь с его отцом, левым министром, так у него каждый раз слёзы навёртываются на глаза. Больно это видеть!

— Как странно, — вздохнула госпожа, став очень грустной. — Наша дочь доставляет нам много радости, но очень много и печали. Когда около принца собираются придворные, они, по-видимому, только и говорят что об Атэмия.

— Наследник, вероятно, догадывается, что многие посылают ей письма, но забыть её не может и поэтому заговорил о ней со мной.

— Санэтада не таков. Он стремится не показывать, как он страдает.

— Он полностью охвачен своей любовью, а это всегда заметно постороннему глазу. Мужчины, если их постигает такая страсть, очень долго не могут разлюбить. В то время, когда я влюбился в тебя, какие только мысли не приходили мне в голову! Санэтада — выдающийся человек в науках и искусствах, но в любовной страсти он совершенно не отличается от других. Скрыть свою любовь невозможно. Как подумаешь об этом, испытываешь жалость к тем, кто охвачен любовью.

— Я была бы согласна отдать её в жёны любому из них, но если наследник престола, которому все они служат... Как же быть? По правде сказать, она сейчас в самом лучшем для замужества возрасте, — сказала госпожа.

— Обо всём этом я и размышляю. Среди обычных людей и принц Хёбукё, и генерал Канэмаса — люди без единого недостатка. И чувства их к нашей дочери очень серьёзны <...>.

— Когда я начинаю рисовать себе её судьбу, то вот о чём думаю. С одной стороны, в императорском дворце служит Дзидзюдэн, а с другой, если ты решишь отдать её принцу, — у него так много наложниц! Мне от таких мыслей становится тревожно. Не лучше ли почтительно отказать наследнику? — предложила госпожа.

— В этом ты права, — согласился Масаёри. — Тем не менее беспокоиться не надо. Во дворце служит тысяча женщин, но судьба у всех

предопределена. Только одна из многих станет матерью будущего императора. Принц неоднократно изъявлял своё желание жениться на Атэмия. Он сын нашего государя, и сам скоро станет императором. Очень жаль, если мы упустим то, что само идёт в руки. Надо ещё поразмыслить, но думаю, что я всё-таки соглашусь отдать Атэмия в жёны наследнику.

— Кто может знать своё будущее? — вздохнула госпожа. — Но вряд ли, въехав во дворец, Атэмия в чём-то уступит другим дамам.

* * *

Высочайшая наложница Дзидзюдэн собиралась посетить родительский дом. Узнав об этом, Масаёри приказал посла ей навстречу двадцать экипажей, множество служащих у него чиновников четвёртого, пятого и шестого рангов. Она должна была прибыть со своими детьми. Было поздно, когда император отдал приказ приготовить ручную коляску, и госпожа Дзидзюдэн выехала уже ночью. В усадьбу Масаёри поезд прибыл перед рассветом. Дзидзюдэн, не став ни с кем встречаться, сразу расположилась отдохнуть.

Рано утром её мать пришла в срединный дом и, сказав, что она должна будет навестить дочь, приказала подать парадную одежду. Все господа надели парадное платье. Мать послала Кёэ в западные покои, велев узнать, должна ли она сама идти худа или ожидать дочь здесь.

— Сейчас я чувствую себя плохо и хотела немного отдохнуть... Но я немедленно пойду к ней, — ответила Дзидзюдэн и сразу же отправилась к матери.

— Я сама хотела прийти к тебе, — встретила её мать. — Почему ты так долго не приезжала к нам? Я очень беспокоюсь о тебе.

— Я давно просила разрешение отлучиться из дворца, но быстро его не получить, потому я и не могла навестить вас. И сейчас мне никак не давали разрешения, но я заболела и мучилась, и только поэтому в конце концов смогла отлучиться из дворца.

— Твоя болезнь — то, что бывает обычно?[577] — спросила мать.

— То самое. Мне так стыдно!

— Почему же? — удивилась мать. — Без детей жить на свете нерадостно. Когда же это произойдёт?

— В седьмом месяце. Но сейчас я чувствую себя не так, как всегда. Под этим предлогом я и приехала к вам. Государь сказал мне: «Уже некоторое время, как ты страдаешь. Навести своего отца».

В это время в покои вошёл Масаёри, потом все его дочери.

— Когда ты покидаешь императорский дворец, тебе, должно быть, скучно, — сказали сёстры Дзидзюдэн и преподнесли ей тщательно

приготовленные подарки.

В ходе разговора Дзидзюдэн поинтересовалась:

— Атэмия уже взрослая, почему вы не выдаёте её замуж?

— Мы давно думаем об этом, — ответила мать. — Как, по-твоему, нам лучше поступить? Посоветуй, пожалуйста.

— Какой же совет в таких делах может дать столь недалёкая женщина, как я? — засмеялась Дзидзюдэн. — Разве я могу что-нибудь придумать? Но если серьёзно, надо поскорее найти для неё хорошего мужа. Что говорит об этом отец?

— Так много людей добивается её руки, что всех не пере, числишь, и мы никак не можем сделать выбор. Недавно твой отец поделился со мной вот какой новостью: «Наследник престола сказал мне о своём желании жениться на Атэмия. Од очень настойчиво просил, чтобы я не забывал о нём». Но ведь государь уже выразил свою волю... Что же нам делать?.. Сейчас причин для беспокойства как будто нет, но у наследника во дворце служит так много благородных дам, и не затеряется ли Атэмия среди них? Поэтому мы и не знаем, как нам поступить, — рассказала госпожа.

— Это было бы великолепно! — воскликнула Дзидзюдэн. — Посылает ли принц до сих пор ей письма? Если да, то надо соглашаться. У него во дворце собрались все красавицы, которых только можно найти в Поднебесной. Красавиц много, но совсем не обязательно, что он будет их любить вечно. Сейчас наибольшим благоволением наследника пользуется Четвёртая принцесса[578] и Насицубо, дочь правого генерала. Кроме них, особенно никто не блещет.

— Очень это неприятно, — вздохнула мать. — Их много. Говорят, есть и такие, которые могут сравниться с дочерью левого министра, дамы без единого изъяна, самого высокого положения.

— Так-то оно так, — согласилась Дзидзюдэн, — но имеют ли они необходимые достоинства, чтобы стать императрицей? Жалко, если Атэмия упустит свою возможность и всю жизнь будет прозябать в захолустье, вне дворца. Если же она въедет к наследнику, я устрою так, чтобы кроме неё возле принца никого не было. Пусть только станет его женой, и за дальнейшее можно не волноваться, потому что наследник не повеса. Часто говорят, что двери дворца закрыты, — ну пусть другие и въехали раньше во дворец, а детей у них всё ещё нет, потому можно не тревожиться за Атэмия.

— Так ли?.. — сомневалась мать. — На днях и отец твой говорил, что лучше её отдать за наследника престола. Он того же мнения, что и ты.

— И я тоже <...> — сказала Дзидзюдэн. — Император говорил супруге

наследника: «Деток нет. Было бы хорошо, если бы у вас были детки». Нужно, чтобы Атэмия поскорее въезжала во дворец. Жён у принца много, с ними уже ничего Н поделаешь; но если Атэмия въедет во дворец, то он остынет к двум нынешним любимицам. Не будем беспокоиться из-за этого[579].

— Её так жалко, — продолжала мать. — Как подумаю: а если с ней что-нибудь случится? — и от одной этой мысли мне становится страшно. Ну а вдруг она достигнет такого же высокого положения, какого достигла ты?

— Ах, что ты говоришь! — рассмеялась Дзидзюдэн.

День прошёл в разговорах, в игре на кото. В покои к гостье явились Масаёри и много господ. Они стали играть на музыкальных инструментах. От младших сестёр высочайшая наложница получила прекрасные подарки, выполненные с тонким вкусом. Мать, отправляясь к себе на восточную половину, приказала, чтобы покои высочайшей наложницы бдительно охранялись. Все разошлись по своим помещениям очень поздно.

* * *

Масаёри стал готовиться к проведению священных песен и плясок. Он сказал своему старшему сыну, Тададзуми:

— Церемонию следует провести в двенадцатом месяце. Постарайся, чтобы всё было устроено как можно лучше. Выбери музыкантов и позаботься хорошенько о шествии.

— Самое начало не нужно обставлять слишком пышно, а всё дальнейшее — провести таким образом, чтобы все говорили: «Лучше не бывает!» — сказал Тададзуми.

— Часто сановники стараются перещеголять друг друга, а получается так, что стыдно смотреть, — заметил Масаёри. — Выбери людей талантливых, с красивыми голосами.

— Соберём тех, кто обычно участвует в исполнении священных плясок, а кроме того, пригласим главу Музыкальной Палаты. Он, правда, обычно отказывается и от приглашения государя...

— Когда будешь посылать ему приглашение, составь поистиннее стихотворение, — посоветовал Масаёри, — и вряд ли он откажется.

— Все эти музыканты ни одного иероглифа по-китайски прочитать не могут, но стихотворение, написанное азбукой по-японски, конечно, разберут, — сказал Тададзуми.

Он отправился в Домашнюю управу и рассказал управляющему о разговоре с отцом:

— Священные песни и пляски назначены на тринадцатый день. Отец

сказал, что на церемонии будет много гостей, и надо подготовиться лучше, чем обычно.

Младший военачальник Правой личной императорской охраны, бывший в то же время главным архивариусом[580], вместе с младшим военачальником Правой же охраны Сигэно Кадзумаса и главой Домашней управы решили: «Для исполнения священных песен и плясок в императорском дворце приглашают тридцать человек, а именно старшего стражника Правой личной императорской охраны Мацуката, помощника военачальника Правого императорского эскорта Токикагэ, старшего стражника Правой личной охраны Тайра Корэнори, помощника военачальникалевой дворцовой стражи Фудзивара Моронао, Тайра Корэсукэ, помощника главы Ведомства внутриворцовых дел Минамото Наомацу, помощника военачальника Правой дворцовой стражи Фудзивара Тоомаса, секретаря Дворцовой сокровищницы Тайра Тадатоо, императорского телохранителя тонэри Юкитада, Мититада, секретаря Музыкальной палаты Кусутакэ, Мурагими, секретаря Управления императорских конюшен Каватоси, Ясутика, Харатика, помощника правителя провинции Ямато Наоакиса, помощника правителя провинции Синано Канэмики и других, — ныне это самые лучшие исполнители. Они не так легко соглашаются участвовать в чём-то, кроме императорских церемоний, но к генералу придут во всяком случае. Пошлём им официальные приглашения».

Тададзуми велел, чтобы подготовкой к священным песням и пляскам, угощению участников, а кроме того, приготовлением наград, холста для награждения стражников, искусных в исполнении песен и плясок восточных провинций, занялся Ёсинори.

— Весь холст из провинций Каи и Мусаси мы употребили для наград на пирах по поводу победы в борьбе и для наград силачам. В кладовых осталось всего лишь двести тан[581] холста, которые нам доставили из провинции Синано, и триста тан холста из Камуцукэ. Этот холст пойдёт на награды. Что же касается угощения участников, то возьмём для этого те двести коку риса, которые мы получили из провинции Мимасака. Скоро придёт подать из поместий в Иё и с пожалованных земель, мы её сможем пустить в дело. Кроме того, во время церемонии нужно будет почтить и наших домашних богов — так распорядился генерал. Всё должно быть приготовлено самым лучшим образом. Во все вы с младшими военачальниками должны вложить душу, и ни о чём не забудьте, — распорядился Ёсинори.

Он приказал составить приглашение исполнителям священных песен и

плясок и показал его Тададзуми и самому генералу. «Может быть, знатные господа изволят согласиться. Надо позаботиться о достойных наградах», — решили они. «Что же особенного можем мы сделать?» — задалась вопросом вторая жена Масаёри.

Масаёри послал своего второго сына, Мородзуми, к правителю провинции Исэ, и тот привёз триста штук белого шёлка. Из него сшили для тридцати музыкантов накидки с прорезами и штаны.

* * *

Наступил день исполнения священных песен и плясок. Перед главным строением было разбито много шатров, всё было устроено превосходным образом.

Когда день стал клониться к вечеру, прибыло множество музыкантов. Прибыли и жрицы. Генерал с жёнами отправился на берег реки Камо для церемонии очищения. За ними следовали члены его семьи и свита в восемьдесят слуг четвёртого, пятого и шестого рангов. Господа ехали в двух позолоченных экипажах, за ними следовало пять экипажей с прислуживающими дамами. Прибыв на берег реки, господа выполнили церемонию, было очень шумно. С реки все вернулись затемно. Первыми вышли из экипажей жрицы.

Пруд и искусственные горки в усадьбе Масаёри казались особенно живописными.

В тот день у генерала собралось множество сановников и принцев, правый министр Тадамаса, правый генерал Канэмаса, принц Мимбукё, военачальниклевой дворцовой стражи, «торой советник министра Тайра Масаакира, советник сайсё Санэтада, принц Хёбукё, принц Накацукасаке[582]. Прибыли Макаёри, Юкимаса, Накатада, одетые с особым тщанием, Красивее, чем обычно.

— Я всё время думал: не может быть, чтобы они не пришли, — обрадовано приветствовал их Масаёри.

Когда гости расселись, в шатрах начали петь песни возниц и играть на флейтах. Потом танцевали жрицы, а исполнители священных песен играли на музыкальных инструментах и пели песни для услаждения богов. Тридцать исполнителей пели такие песни:

Родов старинных
Множество людей,
Любуясь красотой
Сакаки дерева святого,
Богов сегодня услаждают.

* * *

Под горным дубом
Торжественный обряд
Свершают богомольцы.
Как жаль, что не могу
Навечно здесь остаться!

* * *

С яхирадэ в руках
В горы глухие
Ушёл я.
И вот возвращаюсь,
Ветку сакаки сорвав[583].

* * *

Ветку сакаки
Сорвал я в глухих горах
И на алтарь богов приношу.
О, пусть листья её
Никогда не увянут!

В то время, когда исполнялись песни, принц Хёбукё попросил Аномия проводить его ко второй супруге генерала. В восточных покоях было приготовлено помещение для его приёма, и госпожа вышла к принцу.

— Мне было очень приятно говорить с тобой во время летних священных плясок на берегу реки. Я рада тебе и сейчас, в сумерки, когда звучат священные песни. Если бы не могущество богов, ты бы к нам не пришёл, — начала она.

— В течение этих последних месяцев я часто навещал принца Мимбукё, но удобного случая послать тебе письмо не представлялось. Я думал, что сегодня все обязательно соберутся здесь, чтобы послушать Мацуката и Токикагэ, и решил тоже приехать. И мне захотелось увидаться с тобой, — ответил принц.

— Я знала, когда ты бывал у нас, но всегда была чем-нибудь озабочена, поэтому вот уже несколько месяцев мы не могли повидаться. Часто ли ты навещаешь нашего батюшку, отрёкшегося императора Сага? Я слышала, что наша матушка нездорова. Не знаешь ли, как она себя чувствует сейчас? Я последний раз навещала их уже давно и никак не могу выбраться посетить их, вся в заботах о детях. Дни бегут в каких-то хлопотах. О многом должна я помнить.

— Я недавно посетил нашу матушку, — начал рассказывать принц. — Вроде бы там ничего особенно серьёзного, только небольшой жар. Мы говорили о тебе и о всех других, и юна стала жаловаться, что давно не

видела тебя: «Жить мне осталось недолго, и хотелось бы в этой жизни ещё раз увидеть её детей, моих внуков». Настроение у неё при этом было мрачное.

— Я стараюсь не огорчать матушку, да не всегда так получается. Ей приехать сюда очень трудно, но если она хочет увидеть моих детей, я их непременно к ней отправлю. Вот только стоит мне наметить день для их визита и взглянуть на них, и я всякий раз вижу, что уж очень они неказисты. Тогда я начинаю думать, что, увидев их, наша матушка преисполнится к ним презрения... Но на этот раз я их отправлю к ней. Говорят, что принцы часто навещают её, — сказала госпожа.

— Многие приходили поздравить императрицу с первым снегом, и в разговоре она спросила о вашей семье: «Как они живут? Ходите ли вы в усадьбу генерала? Есть одно необычное дело, о котором я хотела бы сказать Масаэри, но никак не удаётся хорошенько потолковать с ним. Не передашь ли ты эти слова сестре?» — «Что же это за дело?» — спросил я. Матушка ответила: «Подробно я тебе объяснять не буду, скажи только: помнит ли она, что я хочу с ним поговорить? Не забудь передать ей это». Я больше ни о чём не спрашивал. Что же это за дело?

Я ничего не знаю, — ответила госпожа недоумевая. — О чём идёт речь? По-видимому, тот, кому матушка всё рассказа, забыл передать мне.

«Она, конечно, знает, но не хочет мне говорить. Они всё уже между собой решили», — подумал принц и, не вытерпев сказал:

— Сейчас уже ни к чему касаться этого. Но так или иначе я хочу сказать о том, что терпел с большим мучением. Все мои тайные мечты, которые я лелеял в течение многих месяцев, исчезли, как сон! Если бы меня уважали, со мной не обращались бы так безжалостно. Я полагался на родственные связи между нами и надеялся, что в этом деле ты отдашь мне предпочтение перед другими.

— Почему ты должен думать, что мечты твои напрасны? — спросила сестра. — И я много размышляла о твоём намерении, но пока выполнить его невозможно.

— Я имею в виду вашу дочь. Я знаю, что всё уже решено. Что же тут поделаешь?

— У нас нет дочери, которая была бы достойна тебя. Но вдруг у нас родится более красивая девочка? — пошутила госпожа.

— Я недавно был во дворце наследника престола и узнал обо всём. Мне осталось жить мало, но пока я не покинул этот мир, я хочу сказать тебе, из-за чего умираю. Сердце моё разбито. Я впервые любил так глубоко и сейчас очень страдаю. — Тут принц горько заплакал.

Так они говорили друг с другом.

— О многом хотел я поговорить с тобой, но, может быть, как-нибудь потом... — сказал принц и распрощался с сестрой.

Наступила ночь. Приглашённые музыканты настроили инструменты и начали исполнять священные песни. Голоса певцов и звуки инструментов заполнили всю окрестность. Музыка была громкой и необыкновенно прекрасной.

Было уже очень поздно, когда пришёл Накатада, одетый чрезвычайно изысканно.

— Пройдите сюда, — позвал его Масаёри и сказал: — Нынче вечером боги снизошли к моим просьбам, и вы изволили пожаловать ко мне. Сегодня мы ублажаем богов, и если вы поиграете на кото, то я и на этот раз награжу вас.

Масаёри приказал принести кото и просил молодого человека настойчиво, но Накатада к струнам не прикасался. Дамы смотрели на него и восхищались: «Среди всех молодых людей он самый изысканный!»

Жрицы танцевали. Потом музыкантам вручали накидки с прорезами и штаны. Все, начиная с сановников и принцев до исполнителей песен и плясок восточных провинций и слуг, получили подарки. Даже заурядные музыканты сегодня играли великолепно. Настроив инструменты в лад, начали играть: Накатада на органчике, Юкимаса на флейте, Накаёри на хитирики, сам Масаёри на японской цитре, правый генерал на лютне, принц Хёбукё на цитре. Исполнение было выше всякого сравнения. Затем началось название талантов[584]. Хозяин спросил:

— Какой талант у Накаёри?

— Талант монаха-отшельника.

— В таком случае покажите нам этот талант!

— <...> — ответил молодой человек.

— Какой талант у Юкимаса?

— Талант делать кисти для письма!

— Покажите нам!

— Где же зимой достать подходящий волос?

— Какой талант у Накатада?

— Сочинять японские стихи.

— Пусть покажет!

— В Нанивадзу живу... И зимний сон длится...[585] — сказал Накатада и, получив награду, скрылся в помещении.

— Какой талант у Накадзумы?

— Талант паромщика.

— Но сейчас дует такой сильный ветер!

— Какой талант у Сукэдзуми?

— Талант дровосека.

— Неужели такого нет ни у кого из гостей на местах у изгороди?

В это время Судзуси поднялся со своего места у изгороди и приблизился к генералу. Тот спросил:

— А у этого господина какой талант?

— Талант красть солому.

Принц Хёбукё ответил вместо Судзуси:

— <...>

Получив награды, все вошли в помещение.

Церемония окончилась, музыканты и придворные разошлись.

Накатада удалился в комнату Накадзуми, и оба легли спать.

— Принц Хёбукё перед всеми насильно угощал меня, и я уже не помню, сколько я выпил, — нарушил молчание Накатада. — Я совершенно пьян, у меня шумит в голове, и поэтому никто не сможет укорять меня за то, что я скажу. Ведь говорят: «И боги прощают»[586]. Не порицай же меня! Так вот. Недавно я был во дворце наследника престола, и мне стало очень грустно. Я подумал, что умру прямо сейчас. Не знаю как я дожил до сего дня!

— Что за странные речи! — отозвался Накадзуми.

— Я совершенно пал духом, как бык, который уснул[587].

— Разве ты не станешь зятем императора? Что ты по этому поводу думаешь? — спросил Накадзуми.

— Ведь говорят: «К чему мне нефритовая башня?»[588] Как я завидую Судзуси! — воскликнул Накатада.

— Не о тебе ли говорит пословица про быка с обломанными рогами? [589] — спросил Накадзуми.

— Сколько ни жди от лохматого пса чего-либо достойного, никогда не дождёшься, — засмеялся Накатада.

— Не говори глупостей! В наше время Судзуси — первый человек. И государь, и отец мой считают его небожителем, который спустился на землю. Поэтому государь и распорядился отдать ему в жёны мою сестру. Но почему ты, достигший такого блестящего положения, жалуешься на судьбу?

— Теперь словами делу не поможешь, но я всем сердцем стремился к твоей сестре и никак не могу вместо неё думать о принцессе, — признался Накатада.

— Где же найти пестик для лекарства?[590] — спросил Накадзуми.

— Не кажется ли тебе, что ты не съел персика?[591] — ответил Накатада. — Скажи мне, кто сегодня на заре играл на кото в покоях? Теперь мне остаётся только умереть. Почему я не умер раньше!

— Это играла моя девятая сестра.

— Так мне довелось хоть издали услышать её замечательную игру! Ах, как же теперь я сяду за кото! — воскликнул Накатада.

— Ну, она играет не так уж хорошо, чтобы ты её расхваливал, — возразил его друг.

— Она играла очень трудную пьесу. Я подумал, что играет какой-то знаменитый музыкант, каких в мире раз-два и обчёлся. Игра её была необычайно прелестна, и было в ней что-то от нынешнего нового стиля, — промолвил Накатада, и грудь его пылала от бесконечной любви.

* * *

Вторая жена генерала Масаэри уже давно готовилась к поздравлению императрицы-матери в связи с её шестидесятилетием. Она всё сделала необычайно красиво: шкафчики, створчатые ширмы, различную утварь. Императрице-матери должно было исполниться шестьдесят лет в следующем году, и дочь хотела устроить большое празднество.

Она сказала своему мужу:

— Я тут говорила с принцем Хёбукё и спросила, навещает ли он наших родителей. Он ответил, что ходит туда постоянно. Императрица-мать спрашивала его: «Почему жена Масаэри не приходит к нам? Мне уже немного осталось жить в этом изменчивом мире, и хотелось бы увидеть моих внуков». И действительно, я так давно не навещала её, что она вправе пенять мне. Так или иначе мне хочется приготовить к поздравлению всё по собственному вкусу и с детьми отправиться во дворец.

— Не тревожься, — успокоил её генерал. — По-моему, к празднеству уже всё сделано, и ты можешь навестить родителей в новом году, когда будет назначено поздравление императрицы-матери.

— Прекрасно! — ответила жена. — Но мы ещё не занимались подарками гостям и наградами священникам.

— Это пустяки, с этим мы быстро справимся. Прежде всего нужно позаботиться о трапезе после поста, а потом — о наградах священникам.

— Очень хорошо, — ответила госпожа. — Распорядись о подносах с угощением для императрицы-матери, а кроме того, надо обучить мальчиков танцам.

— О подносах я говорил с первой женой. Учить же детей ганцам я поручил Санэмаса. Как только я заметил, что ты начала готовиться к празднику, я, само собой, живо обо всём распорядился. Мне жаль, что ты

понапрасну беспокоишься, ведь я рядом с тобой. Я уже давно всё предусмотрел, не упустив ни одной мелочи, и как только наступит новый год, мы сможем явиться туда с визитом. Я же всегда приказываю делать только неотложные дела и, не уделяя внимания более важным, причиняю тебе беспокойство, — поддразнил он жену

— Как? Уже всё готово? — изумилась она. — Ты всегда приказываешь делать только срочные дела, поэтому я и думала, что хлопоты о празднике ты отложил на будущее.

Масаэри позвал к себе своего старшего сына и зятьёв и сказал:

— Я хочу сообщить вам о своих давних планах и о чём теперь хлопочет моя вторая жена. Я устраиваю самые обычные пиры и занимаюсь ничьими делами, но к столь важному празднику совсем не готовлюсь, — в будущем году императрице-матери исполняется шестьдесят лет. В первый месяц, в день крысы будет проводиться церемония подношения свежих трав, и в этот день мы отправимся с поздравлениями[592]. Мы должны решить, кто из мальчиков будет исполнять танцы. Хотя я сам прихожусь императрице-матери не сыном, а только зятем, во искупление своего преступления, что отнял у неё дочь, я хочу приготовить всё таким образом, чтобы жена моя не имела причины быть недовольной. Это моё заветное желание.

— Конечно, обо всём лучше позаботиться заранее, — сказал Санэмаса. — О подготовке танцев я уже слышал и отдал приказание четырнадцати учителям танцев, которые состоят у меня на службе, чтобы они обучили детей, следуя их различным способностям. Танцы могут исполнять шесть или семь мальчиков, их надо разделить на две группы. В одной — сыновья моего брата, а в другой — дети Тададзуми. Из них и выберем. Естественно, что кроме танцев нужно заняться ещё множеством других вещей. Всё это мы сделаем.

— Каждому из вас я хочу поручить что-то одно, — сказал Масаэри, обращаясь к Санэмаса. — Ты займись обучением мальчиков танцам. Сообщи Акомаро, что он должен будет танцевать.

— Будет очень хорошо, если Акомаро будет танцевать «Танец с приседанием», — сказал Санэмаса. — Я сейчас же отдам приказание учителям танцев.

Правого министра Масаэри попросил заняться подношениями отрѣкшемуся от престола императору и императрице-матери, а военачальникалевой дворцовой стражи — приготовить шкатулки для них. Так Масаэри распределил обязанности.

«Мальчики будут танцевать перед императрицей-матерью, а девочки

— играть на музыкальных инструментах, — размышлял Масаёри. — В танцах пусть выступят сыновья принцев, а кроме того, сыновья старшего ревизоралевой канцелярии, военачальника Императорского эскорта, второго военачальника Личной императорской охраны. В том, что сыновья Тададзуми и второго военачальника будут танцевать хорошо, я не сомневаюсь. Да и за девочек, по-видимому, стыдиться не придётся. А вот для Мияако и Изако не надо приглашать обычных учителей — я поручу Накаёри и Юкимаса обучить их этому искусству. Вообще-то они танцам, насколько я знаю, не учат. Но если даже они ответят, что этим не занимаются, я упрошу их взяться за дело».

Он послал за обоими молодыми людьми, приказал провести их в отгороженное занавесью помещение, в котором никого не было.

— Я сейчас занят важным делом. До сих пор я не обращался к вам за помощью — всё лучше делать втайне; но думаю, что не ошибусь, если посвящу вас в свои планы. Сегодня я решил поведать вам о них и для этого пригласил сюда.

— Мы очень польщены, — ответил Накаёри. — Что мы можем сделать? Вы сказали, что хотите сообщить о каком-то деле, и мы поспешили к вам.

— Нужно собрать гору валежника — дело это трудное, и следует приняться за него сразу же. Императрице-матери в будущем году исполняется шестьдесят лет, и к этому нам нельзя относиться беспечно. В подготовку к чествованию полностью погружена моя жена, она отложила все другие обязанности. На празднике должны танцевать Изако и Мияако, но чтобы они не выступали с фигурами танцев, которые кем набили оскмину, я прошу вас обучить их чему-то оригинальному. Для этого я и пригласил вас, — сказал Масаёри.

— Я давно уже и думать забыл о танцах, — сказал Накаёри, — и совсем не исполняю их. Как вы сами знаете, в прошлом году на побережье Фукиагэ все блистали своим искусством, но даже тогда я не танцевал.

То же самое сказал Юкимаса.

— Если даже Юкимаса отнекивается, то отказ Накаёри меня не удивляет, — произнёс генерал. — Тем не менее ты, Накаёри, научи Мияако «Танцу с приседанием», а Юкимаса пусть научит Изако «Танцу князя Линвана»[593], и не упустите из виду ни одной мелочи. Если вы не обучите их и других мальчиков, мы с вами станем врагами до конца жизни. Если же вы их выучите, то я клянусь, что мы будем друзьями, как деревья со сросшимися стволами[594]. — С этими словами он их покинул.

«Как это он пронюхал, что мы искусны в танцах? — в замешательстве

думали молодые люди. — Мы так старались чтобы никто об этом не узнал. Но, видно, кто-то ему рассказал».

Волей-неволей они вынуждены были подчиниться желанию Масаёри. Разделив детей на две группы по пять человек, Накаёри удалился со своими учениками в горы, в местечко Авата, куда и птица не залетала, а Юкимаса отправился в такую же глушь, в Мидзуноо; и там втайне от всех обучали мальчиков танцам. Они старались научить их всем без исключения фигурам.

Начиная с двенадцатого дня к Санэмаса пригласили учителей танцев и велели обучать мальчиков. Младших сыновей генерала учили танцам «Сбор тутовых листьев»[595] и «Многие лета», сына Тададзуми — танцу «Фусо»[596]. Среди учителей было много превосходных мастеров, таких как Хидэтоо, Хёэно сакан, Тоотада. Старший сын Санэмаса учился «Танцу Великого мира»[597], а второй сын — танцу «Долина Хуанчжун»[598].

Было решено, что правый министр возьмёт на себя приготовление столиков для еды. Были приглашены мастера золотых и серебряных дел, им было велено приготовить чашки и сосуды для благовоний.

Около двадцатого дня двенадцатого месяца во дворце императрицы-матери читали сутры о долголетию. Господа приготовили для этого храмовые флаги и всё прочее. Молельня и помещение для высшего духовенства были устроены в восточной части большого дворца. Для монахов низшего ранга тоже отвели удобные помещения.

Чтение сутр началось в двадцать второй день, а в полдень двадцать третьего дня была проведена последняя церемония. Высшим священникам вручили по десять штук белого шёлка. Вечером началась церемония провозглашения имён будд[599], и священники всё ещё оставались во дворце.

Через несколько дней после церемонии провозглашения имён будд наступил последний день месяца, и все спешили надеть одежды первого месяца.

* * *

Те, которые посылали письма девятой дочери Масаёри, Уже ни на что не надеялись, зная, что и в новом году их ждут одни страдания. Как все они мучились ревнивыми думами!

Однажды утром, когда земля была покрыта инеем, Атэмия принесли письмо от советника Масаакира:

«Казалось, что на горьком опыте я должен был бы хорошо узнать, как Вы жестоки, но...

Тянутся долго мои

Одинокие ночи.
Пал иней холодный
На землю,
И вянет терпенья трава[600].

Мне не следовало бы писать Вам так. Сейчас я уже ничего не понимаю...»

Ответа на это не последовало.
Пришло письмо от советника Санэтада:
«И утром не тают
Замёрзшие слёзы мои.
И не разнять рукавов,
Хоть нет никого,
Кто б ночью связал их на верность.
Как это странно!»
Ответа и на это письмо не было.

* * *

В последний день месяца из разных провинций привезли божество снеди и вещей для праздника. Наступил новый год. В первый день господа, надев самые красивые одежды, пришли поздравить генерала. Церемония была очень торжественна.

* * *

На следующий день после состязаний по стрельбе из лука Масаёри должен был устроить у себя пир. Он велел своей второй жене приготовиться к пиру особенно тщательно.

— Будь очень внимательна. В прошлом году такой пир давал генерал Канэмаса, и всё там было великолепно, — у госпожи с Третьего проспекта редкостно возвышенная душа, на свете нет женщины прекраснее матери Накатада!

— Это, безусловно, так, — согласилась госпожа. — Мать Накатада, конечно, женщина необычная, если правый генерал так беззаветно её любит.

Она поспешно начала готовить подарки к пиру.

* * *

Чествование императрицы-матери было устроено в последний день крысы, который пришёлся на двадцать седьмой день первого месяца.

Для этого праздника Масаёри приготовил шесть шкафчиков, ароматические вещества из аквилярии, мускуса, сандалового дерева, цезальпинии. В китайские сундуки, сделанные из древесины пахучих деревьев, были положены различные ткани и парча. Всё, начиная со

шкатулок, сосудов для благовоний и лекарств, тушечниц, было приготовлено и уложено изумительно красиво. Платья, раздвижные перегородки, наряды для всех четырёх времён года, ночное платье, китайские платья со шлейфами, подставки для палочек для еды, вышитые салфетки, коробки для одежды, украшенные серебром, кото, украшенные росписью по лаку, рукомойники, серебряные чашки, тазики, шторы из аквилярии, серебряные флажки, подлокотники из аквилярии, ажурные серебряные шкатулки, створчатые ширмы, обтянутые китайским узорчатым шёлком, рамы для переносных занавесок из цезальпинии для зимы и красного сандалового дерева для лета — всё было редкой красоты.

* * *

Нечего говорить о том, что для каждого из времён года были преподнесены различные ленты к переносным занавескам, подушки для сидения, стулья. Кроме того, было приготовлено шесть столиков, золотые чашки с тонкой чеканкой, Масаёри позаботился обо всём без исключения.

Двадцать шестого дня семейство Масаёри отправилось во дворец к императрице-матери.

Все расселись в двадцати экипажах, десять из них были украшены нитками, десять были позолоченные и украшены листьями пальмы арека. Юные служанки, делающие причёску унаи, ехали в двух экипажах, в двух других — низшие прислужницы. В свите перед экипажами шла такая толпа, что казалось, будто там собрались все мужи страны, — сто чиновников четвёртого и пятого рангов, а шестого ранга — не счесть. Вторая жена Масаёри и дочери до Имамия были одеты в красные платья, красные с чёрным отливом на голубой подкладке платья и китайские со шлейфами из узорчатого шёлка. Атэмия, которой исполнилось пятнадцать лет, была одета в красное китайское платье, верхнее платье и верхние планы из белого узорчатого шёлка. Сопровождавшие её дамы вне зависимости от ранга были в зелёных и белых на зелёной подкладке платьях со шлейфами зелёного цвета, крашенными травами. Подростки и низшие слуги были все в трёхслойных гладких платьях.

Когда поезд прибыл во дворец, вторая жена Масаёри прошла к императрице-матери.

— Я давно уже не навещала вас, — сказала она, — особых новостей у меня не было, и мне не хотелось надоедать вам. Вдруг я узнаю, что вы нездоровы и даже принимаете лекарства, я испугалась и собралась было к вам, но в это время очень сильно заболела Дзидзюдэн, служащая в императорском Дворце, и я должна была ухаживать за ней.

— Ничего серьёзного со мной не было — обычный жар, — ответила

мать. — А как себя чувствует Дзидзюдэн?..

Помещение для ночного пира было великолепно убрано, Приготовлена утварь для самых торжественных случаев. Всё сверкало драгоценными камнями.

Гости начали сочинять стихи на темы росписи на ширмах[601].

Глядя на рисунок, изображающий журавлей, которые в день крысы первого месяца танцуют на сосне, растущей на скале, Масаёри сложил:

— С радостью нынче смотрю
На сосну, что когда-то
На мощной скале проросла.
Сюда журавли
Строить гнездо прилетели.

На втором рисунке была изображена посадка деревьев в цветнике. Санэмаса сложил:

— Сколько б веков ни прошло,
Но даже садовник,
Каждый день видя деревья,
Взгляда не может насытить
Их красотой.

Третий месяц: изображение сосновой рощи, где проводится церемония очищения. Судзуси сложил так:

— В весенних горах,
Где свершаем обряд очищенья,
Сосновая роща
Хочет тебе передать
Своё долголетье.

Четвёртый месяц: изображение дровосеков, возвращающихся домой с ветками сакаки для праздника богов. Накатада сочинил:

— Нельзя сосчитать,
Сколько раз дровосек
Путь свой в горы свершал,
Чтобы ветки сакаки сломать
Для приношенья богам.

Пятый месяц: на ветвях цитруса сидит кукушка. Сукэдзуми сочинил:

— В моём саду
Среди цветов померанца
Кукушка мечтает
Тысячи лет
Здесь провести.

Шестой месяц: пруд, в котором растут лотосы. Накаёри произнёс:
— Тёмно-зелёные

Лотосов листья

На неподвижной воде...

Глядя на них, неторопливо

Думаю думу свою...

Седьмой месяц: праздник встречи звёзд. Юкимаса сложил:

— Возвращается утром Пастух

После встречи с милой супругой.

Сколько веков так прошло?

Мимо него промчавшийся гусь

Будет Ткачихе письмом.

Восьмой месяц: пятнадцатая ночь, по небу летят гуси. Накадзуми сочинил:

— Каждую осень жалею,

Что эта ночь

Подходит к концу.

Люблю слушать крики

Гусей, летящих домой[602].

Девятый месяц: в горах собрались люди, чтобы любоваться листьями клёна; на поле работают жнецы. Санэёри сложил:

— Чтобы клёнами любоваться,

Расселись друзья на парче,

Которую выткала осень.

И не смотрят они на жнецов,

Что трудятся в поле.

Десятый месяц: ставят бамбуковый плетень для ловли рыбы, плавают на лодках. Тададзуми сложил:

— Лодки плывут,

Полные рыбой подлёдной.

Сколько же зим

Всё время рядом друг с другом

Плетень из бамбука и лодки!

Одиннадцатый месяц: снегопад, все люди в снегу. Военачальник Императорского эскорта сложил:

— Годы летят,

Как снег на ветру.

Когда же

На голову мне

Иней упал?

Двенадцатый месяц: церемония произнесения имён будд
Военачальник Левой дворцовой стражи сочинил:

— Многих будд

Мы в день этот молим.

Их бесконечная милость

Чрез тысячи поколений

Нисходит на нас!

Все сочинённые стихотворения были записаны младшим военачальником Личной императорской охраны Накаёри.

Пир начался в час дракона[603]. Во дворе были разбиты шатры и устроена площадка для танцев. Зазвучали флейты, органчики и барабаны. Вышли музыканты и танцовщики Музыкальной палаты. Танцовщики были одеты в зелёные платья, светло-коричневые платья на тёмно-красной подкладке и узорчатые штаны, а музыканты — в воинские церемониальные платья и белые платья на зелёной подкладке.

Через некоторое время внесли жаровни. Перед императорской четой поставили жаровни из аквилярии, принесли серебряные кувшины, щипцы для углей с ручкой из аквилярии, чёрные благовония в виде журавлей, серебряные щипцы. Внесли столики для еды. Генерал Масаёри приказал внести шестьдесят подносов, столики в форме цветов с золотыми ножками, уставленные множеством блюд. Сановникам и принцам преподнесли угощение. Угощением для Дзидзюдэн занимался Санэмаса, перед ней поставили подносы из аквилярии, скатерть и блюда были такие же, как у отрёкшегося императора и императрицы-матери. Второй жене Масаёри и её дочерям было поднесено по двадцать подносов из цезальпинии, приготовленных военачальником Левой дворцовой стражи. Столики из некрашеного кипарисовика преподнесли от сыновей первой супруги генерала даме Сэндзи и другим дамам, прислуживающим императрице-матери: дамам из Отделения дворцовых прислужниц, дамам четвёртого и пятого рангов и дамам низших званий. Всем, вплоть до самых незначительных слуг, преподнесли угощение. Столики поставили перед сановниками и принцами, перед виртуозами Музыкальной палаты. Потом принесли и поставили в ряд золотые и серебряные коробки со свежими травами, золотые и серебряные кувшины, множество драгоценностей, подвезённых к искусственным веткам <...> со шпильками для волос. Главная распорядительница Отделения дворцовых прислужниц преподнесла декоративного журавля под сосной[604] и написала:

«День крысы настал.

Я, старый журавль,
Укрылся под сенью
Сосны. Пусть век её
Длится и длится!»
В ответ было написано:
«Хочу быть сосной я
И быть журавлихой,
Но больше всего
Вечно тебе одному
Принадлежать я хочу».

Тем временем пожаловал наследник престола, который в новом году ещё не наносил визита отрёкшемуся императору и императрице-матери и решил сделать это сегодня, узнав, что там будет Масаёри с семьёй. Император Сага был очень удивлён этим неожиданным визитом и посадил наследника возле себя.

Начался концерт, господа вышли танцевать. Мияако, сын Масаёри, исполнил «Танец с приседанием». Придворные, чтобы подбодрить его, поднялись на сцену. Когда мальчик, выйдя на подмости, приветствовал собравшихся, все, начиная с императорской четы, были изумлены совершенством его манер и заговорили между собой: «В нынешние времена многие блещут разнообразными талантами, иные — редкой красотой, но и среди них выбранные сегодня для танцев обладают таким талантом, какого нельзя было увидеть ни в Фукиагэ, где показывали небывалое в этом мире мастерство, ни в Саду божественного источника во время поездки туда государя!» Сановники, принцы и сам Накаёри, учивший мальчика — все проливали слёзы восхищения. Затем Изако исполнил «Танец Лин-вана». Казалось, это ожил сам князь. После исполнения танцев, удивлённый и восхищённый, отрёкшийся император подозвал обоих мальчиков к себе и, поднеся им чаши, произнёс:

— Где-то среди облаков
Звуки музыки раздаются,
И журавлята пускаются в пляс.
Сегодня кажется мне, что долго ещё
Будет жизнь моя длиться.
Мальчики приняли чаши, и Мияако ответил:
— Высоко к облакам
Возносятся музыки звуки.
И в пляс
Вместе пустились

Несмышлёныши-журавлята.

Императрица-мать попросила жену Масаёри и её дочерей поиграть на кото.

— А почему не видно Атэмия? — спросила она и велела загородить передвижной занавеской место, которое было для всех открыто, сказав: — Так её никто не увидит.

Старшие сёстры подвели к ней Атэмия.

— Не зря тебя так берегут, — сказала императрица. — Вырастив такую красавицу, твой отец причиняет много страданий молодым людям, это правда.

Настроив две цитры, она обратилась к внучке:

— В этом дворце лучше этих инструментов нет. Сыграй-ка что-нибудь!

— Я совсем не умею играть, — стала отнекиваться Атэмия.

— Молва утверждает другое. Поиграй же немножко, — снова попросила императрица. И Атэмия заиграла громко и очень красиво.

«Кто это сейчас играет на цитре? Такого мастерства нам слышать ещё не приходилось!» — изумились отрёкшийся император и наследник престола. «Кто же это может быть? — думал Накатада. — Очень похоже на то, как играю я сам. Никогда не думал, что могу услышать что-либо подобное».

Всеобщему восхищению не было пределов.

— Такая музыкантша не постыдилась бы играть даже перед Накатада! — воскликнул наследник престола.

Масаёри, слушая музыку, проливал слёзы, и все подумали глядя на него: «Это, должно быть, играет Атэмия».

— Редкостное мастерство! — произнесла императрица-мать, —

Разве могу я сравнить

С чем-либо

День этот крысы?

Насладилась я нынче звучаньем

Цитры сосновой[605].

Атэмия в ответ произнесла:

— Дивную музыку ветер

Меж веток сосны выпекает.

Сидя под сенью деревьев,

Струн цитры

Стыжусь я сегодня коснуться.

Императрица-мать велела положить в шесть серебряных шкатулок для

гребёнок, в золотые шкатулки, в сосуды множество редких вещей и приготовить для Атэмия на первое время её службы во дворце великолепные парики, украшенные драгоценными камнями, золотые шпильки, гребни, головные булавки, шёлковые ленты, какие редко увидишь в нашем мире.

Наследник престола подошёл к императрице-матери и долго разговаривал с нею.

— Я совершенно забыла о времени и жила, не помня, сколько лет унеслось. Сегодня семья генерала прибыла, чтобы поздравить меня, и я осознала, что мне уже мало осталось жить. Мне стало необыкновенно грустно; именно в этот мо-рент вы изволили прибыть — и снова кажется, что жизнь беспредельна, — сказала императрица.

— Когда я узнал, что сегодня семья Масаёри будет у вас с Новогодним визитом, я решил приехать вместе с ними. Думаю, что никто не ожидал этого дня с таким нетерпением, уж я, — ответил наследник.

Затем он подошёл ко второй жене Масаёри.

— Давно мы не виделись, — начал наследник. — Кажется, в последний раз это было, когда я навещал императрицу-мать <...>.

— Да, прошло уже много времени, — отозвалась господа. — От вас постоянно приходят письма, но они доставляют мне такое беспокойство, что я бы предпочла их не получать.

— Пользуясь случаем, мне как раз хотелось бы поговори с вами об этом деле.

— Я много размышляю о нём и никак не могу принять решения, — ответила она.

— С кем бы я ни повстречался, все только и говорят об Атэмия. Скажете откровенно: почему?

— Многие стремились получить её в жёны, но их мечтам не суждено было сбыться, поэтому они до сих пор не находят покоя.

— Она и на меня не обращает внимания! Я не напоминал о себе, но думал, что Атэмия обо мне вспоминает, однако оказалось, что это не так. И хоть это стыдно, я вынужден напомнить о себе.

— Если бы в вашем дворце были девицы только простого звания, то я бы отдала свою дочь прислуживать вам хоть дамой низкого ранга, но у вас собралось так много знатных дам, что она будет, как говорят, мышью среди колонков[606].

— Въехав во дворец, она будет жить, как мышь в амбаре, — засмеялся наследник. — Пусть она об этом не беспокоится. Ведь говорят: «Среди какого только сора не растут лотосы!» Сколько раз я ни заводил разговор,

мы так ни к чему и не приходили, но сегодня мне хотелось бы получить ваше согласие. Или я вынужден буду думать, что это обман.

— Ах, как это неожиданно! — промолвила госпожа. — Поговорим-ка об этом вечером.

— Всегда вот так... — сказал наследник. — Я не могу не беспокоиться — недаром и говорят: «Что толку ждать?»

Годы проходят, но мне
Они перемен не несут.
Уж я не жду,
Что настанет день
Крысы счастливый.
Госпожа ему ответила:
— Не одного, но многих
Дней крысы
Ты ждёшь с нетерпением.
И не могу я верить,
Что неизменной сосна остаётся[607]

— Я сейчас должен вас покинуть, но мы ещё поговорим об этом вечером. — С этими словами наследник престола удалился.

Госпожа сказала императрице-матери:

— Он питает намерения насчёт нашей Атэмия, но поскольку и Четвёртая принцесса служит у него во дворце, Атэмия не сможет въехать к нему.

— Почему же ей не служить у наследника? — удивилась императрица. — Пусть смело въезжает к нему. К чему прозябать в глуши за стенами дворца? Если она станет супругой наследника, я буду оказывать ей покровительство. Наследник, кажется, пылает к ней любовью. Он снова и снова заговаривает со мной: «Прошло уже много времени с тех пор, как я выразил своё намерение, но ответа всё нет. Напомни им обо мне». Каждый день он надеется получить согласие.

— Она очень молода и многого ещё не знает, — сказала жена Масаёри.

— Ах, не говори так. Среди наложниц наследника нет ни одной, рядом с которой Атэмия должна была бы стыдиться. Только дочь генерала Канэмаса очень миловидна и добра, наследник часто призывает её к себе. А другие наложницы как будто не блещут особыми достоинствами. Дочь первого министра, Суэакира, <...> специально устраивает так, чтобы других дам он к себе не призывал, и распускает нехорошие слухи. Пусть Атэмия поскорее въезжает к наследнику — он уж очень настаивает.

Императрица-мать послала младшего военачальника Личной охраны, состоявшего одновременно архивариусом, доставить подарки царствующему императору и написала:

«На Тикума-поле сегодня
Рвала я свежие травы.
Хочу, чтобы ты получал
Весенние приношенья
Ещё многие тысячи лет!»[608].

Император послал императрице-матери уже давно приготовленный декоративный столик с изображением золотой Горы и черепаху, сопроводив подарки письмом:

«Не зная, в поле каком
Травы сорвать
Молодые,
Сосёнку шлю я тебе
С малой горы Черепахи»[609].

Наследник престола вернулся к себе во дворец.

Сановникам приказали вручить женскую одежду, а придворным более низких рангов — подарки, соответствующие их положению. Прислуживающим во дворце отрёкшегося императора мужчинам вручили белое платье и штаны, а женщинам — полный наряд. Подарки вручили всем: и сопровождавшим наследника престола, и высшим слугам дворца, и слугам наследника.

Празднество окончилось, и семья Масаёри возвратилась домой. Множество экипажей потянулось от крепости. Молодые господа, все, начиная с Накадзуми, ехали верхом, а те, у кого не было высокого ранга, вели лошадей под уздцы.

Накатада и Накадзуми ехали рядом. Обменявшись поводами, они завели разговор.

— Я не думал, что кто-нибудь на свете может исполнять музыку лучше, чем её исполняли в Фукиагэ, — сказал Накатада, — но в вашей усадьбе есть такие мастера, что никому с ними не сравниться. Мияако танцует так великолепно, а сестра твоя играет так изумительно, что во всей великой вселенной вряд ли найдётся кто-нибудь, кто встал бы с ней вровень. Однако сегодня твоя сестра превзошла самое себя. И у Судзуси, и у меня уши готовы были отделиться от головы и двинуться туда, где она играла.

— Чем же вы так были восхищены? — спросил Накадзуми. — Мне кажется, она играла совсем не хорошо.

— А мне кажется, что никто из нас не может сравниться с твоей сестрой в игре на кото.

— Разве не говорят: «С равнины, где живут гуси...»? [610]

— Ну, нет: «...до горы, которая называется Любовь...», — ответил Накатада.

Перебрасываясь вольными шутками, молодые люди вернулись в усадьбу Масаёри.

* * *

Когда семейство Масаёри было уже дома, от наследника престола пришло письмо:

«Весь день я сегодня необыкновенно счастлив. Мне казалось, что долго ещё нужно томиться ожиданием, но вижу, что скоро мои чаяния исполнятся.

О тебе тосковал я,
Дух мой ослаб,
И вымок насквозь мой рукав.
И сегодня радость свою
Утаить в рукаве не могу.

Приезжай сейчас же! Не думай, что я могу ждать вечно, как ждут сосны на острове среди реки» [611]. Вторая жена Масаёри ответила на это:

«Если рукав
Одежды твоей
До нитки прогнил,
То радость, что в нём ты таил,
Навеки исчезла».

На это от наследника престола пришло письмо:

«Новое платье
Могу где угодно
Найти я.
Но вряд ли рукав
Скрыть сможет радость мою.
Дело ведь не только в рукаве...»

Атэмия написала ему:
«Неужели великие боги,
К облакам тебя вознеся
И дарами щедро взыскав,
Только в терпенье
Тебе отказали?
Иногда мне так кажется».

* * *

Узнав, что Масаёри и его жена твёрдо обещали отдать дочь наследнику престола, влюблённые в Атэмия проводили всё время в умерщвлении плоти и в постах, заказывали службы в горах и храмах по семи раз на дню до самого начала весны, давали суровые обеты, уединялись в лесу, уходили на Золотой пик[612], на Белую гору[613], в святилище Уса[614]. Не было среди них ни одного, кто бы не давал обетов.

Советник Санэтада пребывал в растерянности и страдал от мук любви, которые ни на миг не затихали. Он не уходил из усадьбы Масаёри и неотлучно оставался на веранде возле покоев Атэмия. Глядя на траву и деревья, молодой человек проливал слёзы. Как-то раз он написал:

«Сказал все слова,
И все слёзы
Выплакал я.
Безучастно сию,
Вперив взгляд в пустоту.

Что ещё сказать? Все мои мечты, которые я, страдая, питал столь долго, оказались напрасными. Даже во сне мне не было дано услышать Ваш голос. Милая моя, разрешите мне писать Вам и после того, как Вы отправитесь в заоблачные чертоги. Дайте мне ещё некоторое время побыть в этом мире».

Ответа он не получил.

Пришло письмо от генерала Канэмаса:

«Я узнал сейчас о высочайшей воле и робею обратиться к Вам со словами. Теперь, как сказано в стихотворении, „грустно на сердце при виде цветов опадающих”[615].

Тьму грозных богов
Долго молил я,
Но от тебя
Так ни слова
И не услышал.

Многие годы я изобретал различные способы, чтобы добиться Вас, и вот всё оказалось тщетным».

Прочитав это письмо, Атэмия засмеялась:

— Никто не знает, что могут принести с собой оставшиеся дни весны!
[616]

Отвечать ему она не стала.

Пришло письмо от принца Хёбукё:

«Знал, что любить Вас так же безнадёжно, как писать на воде цифры.

Но как я смогу забыть Вас?

Отныне мне больше

Надеяться не на что.

Но бедное сердце

Снова и снова

Заблуждаться готово.

Ах, какая печаль! Что же будет со мною?»

Пришло письмо от советника Масаакира: «Ах, лучше бы умереть, чем так страдать понапрасну! Но даже смертная тоска не сильнее мук моего сердца.

Где найду я

Глубокую пропасть,

Чтобы окончить дни?

Что может сравниться

С сердцем бездонным моим?

Как же быть?»

Ответа на это не было.

Как-то раз, когда лил дождь и перед домом красная слива наполняла воздух благоуханием, пришло письмо от принца Тадаясу:

«От слёз кровавых

Так стали красны

Мои рукава,

Что цвет их густой

Ни с чем не сравнить!

Любовь моя достигает великого неба».

Пришло письмо от Накатада:

«Давно уже судачат,

Что рекой слёз

Меня всё дальше уносит.

Кто же отныне

Клятвам поверит моим?

Можно ли упрекать, что мокры мои рукава?»

Пришло письмо от Судзуси:

«Как песчинкам морским,

Нет пределов

Страсти моей,

Но от тебя я не видел

Ни пылинки участия.

И не припомню ничего, с чем можно было бы сравнить».

Атэмия ему не ответила.

Накадзуми, увидев, как на деревьях перед покоями показались почки, написал:

«Так же, как я,

Горы весной

Страстью объаты.

Все деревья нагэки

Почки покрыли[617].

Кажется, что все горы заполнила моя любовь».

Ответа он не получил.

Пришло письмо от Санэтада:

«Хотел бы я клёном быть,

Который весь в почках

В роце стоит.

Тогда бы не думал о том,

Как милой достигнуть».

Пришло письмо от Юкимаса:

«Чужой души

Не знает никто.

Вот и тебе

Жар страсти моей

Совсем неизвестен.

От мыслей этих мне так горько!»

* * *

Дела Фудзивара Суэфуса, первого секретаря Ведомства дворцовых служб, процветали. Он состоял придворным литератором у наследника престола, ему было пожаловано право входить во дворец государя. Суэфуса писал стихотворения и оды и вёл официальные подённые записи, на написание сочинений трудных, блестящих по стилю ему не требовалось много времени. Все очень ценили его способности.

Суэфуса не обращал внимания на предложения важных особ стать их зятем. Про себя он думал: «Когда я испытывал лишения, меня презирали, как червя и как птицу, перелетающую с дерева на дерево. Иногда мне поджигали волосы, никто не пытался спасти меня, когда меня уносило течением в беспредельном море бедствий. Поборов стыд, невзирая на то, как выгляжу, я отправился к главе Поощрения учёности, находящемуся на вершине процветания. Он заметил меня, признал мои таланты, и я понемногу выбился в люди. Это произошло по воле Неба, а кроме того, из-за моих успехов в науке. Сейчас я стою на равных с теми, на которых

раньше смотрел, как на небожителей. На людей, на которых я раньше смотрел снизу вверх, я смотрю теперь с презрением. Дворец, раньше бывший для меня недоступным, стал теперь привычным. Это всё произошло по милости Будды. Ну, господа сановники, прежде вы насмехались надо мной, так отдавайте же своих дочерей в жёны чиновнику, имеющему всего лишь пятый ранг! Как бы вам не ошибиться, приглашая меня в зятя!» — думал Суэфуса.

Как-то генерал Масаэри позвал к себе Суэфуса, чтобы он написал кое-какие деловые письма. Генерал велел убрать южные покои и приготовить необходимое для приёма. Он надел парадное платье и вышел навстречу к Суэфуса. Вынесли прекрасно накрытые столы с угощением, хозяин преподнёс гостю вино. Все молодые господа пили с ним, а генерал беспрерывно подливал. Суэфуса написал бумагу, о которой просил Масаэри, и ещё некоторое время оставался в усадьбе. Он погрузился в мечты об Атэмия, ему казалось, что душа его улетает из тела, что он горит в огне. «Когда в былые времена я учился сочинять стихи, я преодолел множество трудностей, благодаря любви к Атэмия. А сейчас меня приглашают в этот дом», — думал Суэфуса. Ему захотелось сочинить что-нибудь для Атэмия. Он написал стихотворение, вручил его Мияако, чтобы тот отнёс его Атэмия:

«Если в моей груди
Останется что-то ещё,
Что спалить может пламя любви,
Не выйдет наружу огонь,
И его никто не увидит.

Нет такого места, где бы мог я его спрятать». Вручая Мияако письмо, он сказал:

— В этом письме я касаюсь обыденных дел, отнеси твоей сестре и принеси мне ответ.

— Она такие письма даже не читает, — ответил Мияако. — Однако, когда будет удобный момент, я замолвлю слово. Уже давно мы с вами не занимались китайскими классиками, — продолжал мальчик. — Вы мне не велели читать с другими, вот я совсем и не занимаюсь, а это очень плохо!

— У меня сейчас нет свободного времени. Но если ты будешь передавать письма Атэмия, я обучу тебя всему, чему учу наследника престола.

— Все учителя так говорят. Эдак я останусь неучем, — вздохнул мальчик.

Он отнёс письмо Атэмия, она очень этому удивилась и письмо

отбросила.

* * *

Святой отец Тадакосо выполнял великие обеты и всё время молился перед изображением Радостного Будды[618].

Как-то раз, налив в тушечницу воды, над которой прочитал заклинания, он написал:

«Суетный мир покидая,

Думал, что больше

Не буду знать я печали.

Не ведал, что много страданий

Ты для меня припасла».

Все молитвы его оставались безответными.

* * *

В четырнадцатый день третьего месяца семейство Масаёри отправилось в Нанива для выполнения обряда очищения в день змеи[619]. Все господа поехали туда, и в усадьбе почти никого не осталось. Было приготовлено шесть вмещающих сто пятьдесят коку риса лодок, с крышей из коры кипарисовика, обнесённых высокими перилами и украшенных золотом, серебром и лазуритом. Паруса на лодках были привязаны толстыми белыми канатами, снаряжение отделано позолотой, все занавески выкрашены «...». В каждой из лодок было по двадцать лодочников и четыре рулевых, все они были нарядно одеты и все, как на подбор, красивы. Управляющие поместьями Масаёри в провинциях прислали необходимое для лодок снаряжение.

В первую лодку сели вторая жена Масаёри, Дзидзюдэн и Атэмия, во вторую — другие дочери от второй жены, в третью — семь замужних дочерей генерала. С ними было по двадцать взрослых прислужниц, по четыре юных служаночки и четыре низших служанки — все дамы из хороших домов, одетые с особой тщательностью. В четвёртую лодку сели сам генерал, Накатада, Судзуси и Санэтада. В пятую — семь зятьёв Масаёри. Часть прислужников генерала и его второй жены сели в большую лодку, часть плыли в маленькой. Когда проплывали мимо ивы, называемой «ива в короне»[620], жена Масаёри сложила:

— Ива не может

В бледно-алое платье

Одеться.

По-прежнему нити

Зелёные сучит...[621]

Дзидзюдэн произнесла:

— Мне показалось было,
Прибрежные ивы
Покрылись цветами.
Нет, то белые Цапли
На ветках сидят.

Атэмия сочинила:

— Много уж лет
Дерево это зовут
Ивой в красных одеждах.
Но с каждым годом всё зеленее
Становятся листья её.
Наконец доплыли до Нагасу[622].

Увидев стоящих на берегу журавлей, пятая дочь Масаёри, жена
принца Мимбукё, сложила:

— Тысячелетний журавль
На берег спустился.
Может быть, назовут
Это место отныне
Отмелью вечности.

Услышав пение соловья, вторая дочь Масаёри, жена принца
Накацукасаке сложила:

— Быстро пройдёт весна,
Что сейчас цветёт
В бухте Нагасу.
Слышу, как соловей
Плачет горько о чём-то.

Четвёртая дочь Масаёри, жена военачальника Левого императорской
охраны, произнесла:

— Свободно льётся
Пение соловья,
Что грустит
О весне уходящей.
Всё поле опять цветами покрылось...

Жена Мимбукё сочинила:

— С приходом весны
Всё взморье Нагасу
Покрылось цветами.
И кажется, долгой будет
Пора их цветенья.

Лодки прибыли в бухту Мицу[623], и жена военачальника Левой дворцовой стражи произнесла:

— Белое облако
Плывёт в вышине.
Можно ли верить,
Что видел когда-то
Бухту Мицу?[624]

Третья дочь Масаёри, жена Санэмаса, произнесла:

— Наконец приплыли сегодня
В бухту Мицу, о коей
Так много слыхана рассказов.

И мнится, что здесь
Была уж когда-то.

Шестая дочь Масаёри, жена правого министра, сложила:

— Вижу впервые
Бухту я Мицу,
О которой так много слыхала.
На берег сойти нельзя.
Что ж! В лодке можно соснуть...

Когда в бухте совершили церемонию очищения, пришло как раз письмо от наследника престола:

«Далеко ты плывёшь
И в каждой реке
Творишь очищенья обряд.
А я же от дерева нагэки
Ни на шаг отойти не могу».

Прочитав послание, Атэмия рассмеялась:

— Что-то простоватое есть в этом письме![625]

В ответ она написала:

«Кончится месяц,
И опадут все цветы
Древа нагэки.
Ветер холодный по небу гонит
Восьмислойные облака».

Посланцу вручили женский наряд, прекрасного коня с седлом, и он поспешно возвратился в столицу.

Когда добрались до Нанива, то увидели, что там собрались наместники области Кинай[626], тех территорий, через которые проходили дороги Санъё и Нанкай[627], и самым лучшим образом устроили место для

стоянки путешественников. Прямо в бухте они разбили цветник, очень красиво усыпали землю песком, разложили камни и, подготовив всё к приезду гостей, ожидали их. Лодки подходили на вёслах одна за другой, сидящие в них искусные музыканты поочерёдно играли на разных инструментах, сопровождая пение гребцов. Они заиграли «Многие лета», а стоявшие на берегу стали подпевать и ожидали, когда гости причалят. Лодки приближались к берегу, и в каждой прочитали молитвословие[628].

После того, как выполнили церемонию очищения, Накатада преподнёс Атэмия декоративный столик с различными фигурками из золота и серебра: быка,пряжённого в золотую коляску, господ, сидевших в ней, и слуг. К подарку было приложено стихотворение:

«Можно найти утешенье,
Глядя на облако белое,
Что пристало к лунному диску.
Всю жизнь на луну
Буду я любоваться...»
Атэмия возвратила подарок, написав:
«Если, на облако глядя,
Ты утешенье находишь,
Снизу смотри,
Как по огромному небу
Колесница летит»[629].

Судзуси, как и Накатада, приготовил подношение и послал Атэмия вместе со стихотворением:

«Если увижу я лодку
С теми, кто для того,
Чтоб я тебя разлюбил,
Хочет обряд совершить,
В открытое море её отошлю».

— Возвратить подарок без ответа было бы неучтиво, — сказала Атэмия и велела даме Тюнагон написать:

«Далеко в открытое море
Ветер отгонит
Лодку того,
Кто, обряд сотворив,
Любимую хочет забыть».

Таким образом она возвратила оба подарка, но господа послали их Атэмия снова.

Советник Санэтада, видя, что Накатада и Судзуси стоят у лодки, в

которой находится Атэмия, и о чём-то разговаривают, страдал от ревности.
Он послал Атэмия письмо:

«Завидую соснам,
В ряд у моря стоящим.
Сколько раз,
В Нанива-бухту прибыв,
Обряд священный свершал я!»[630]

Атэмия ответила ему:

«На высоком Холме богов,
А не у моря,
Где сосны густо растут,
Нужно было тебе
Обряд совершить»[631].

Санэтада через даму Моку передал ей:

«Думая о связи вечной
Сосен в Сумиёси,
Богам мольбы возношу.
Нет, не отвергнут боги
Обряда, что в Нанива я совершаю»[632].

Дама Моку сказала:

— Цветами полна
Бухта Нанива.
В ней обряд совершив,
Сможешь избавиться ты
От грёз своих тщетных?

Тем временем наступила ночь, показалась красавица луна, Другом царило спокойствие. Началось исполнение музыки, и в разгар его, глядя, как лепестки, осыпаясь, покрывают всю поверхность воды у побережья, Масаёри произнёс:

— Тысяч цветов лепестки,
Осыпавшись,
Водную гладь покрывают.
Который уж раз
Бухту так красит весна?
Принц Сикибукё сложил:
— Удержаться не в силах
Осыпающиеся лепестки...
Прибыв в бухту,
Печалюсь: и эта весна,

Как сновиденье, промчится.
Принц Накацукасаке произнёс:
— Приближается лето,
И лежат на земле
Цветов лепестки...
Но в небо взгляни:
Последний отблеск весны...
Правый министр Тадамаса сложил:
— Волны к берегу мчатся,
Но грустно на них
Глядеть мне.
Ветер сыплет на воду
Цветов лепестки.
Принц Мимбукё сочинил:
— Пока из столицы я ехал,
Цветы и зелёные ивы
Стали ещё красивей.
Как будто смогли мастерицы
Ещё больше наткать парчи.
Военачальник Левой дворцовой стражи произнёс:
— Не дождавшись, пока
Мы в бухту прибудем,
С вишен проворные волны
Все лепестки
Обобрали.
Санэмаса, глядя, как прилив доходит до сосен, растущих на берегу,
сложил:
— Всю бухту заполнили
Тёмной зеленью сосны.
Хотелось бы знать,
Когда красивей они —
В прилив или в отлив.
Санэтада, увидев, что волны заливают берег и как стаяй снимаются с
него птицы, сложил:
— Птицы на взморье
Стаяй в небо поднялись.
Куда им деваться?
С каждым мгновеньем
Волны всё ближе.

Судзуси, заметив падающую на волны тень от летящих гусей, сложил:
— Гуси домой улетают.

Сегодня утром
Во время прилива
Я стаю увидел
Средь облаков белых...

Чиновникам из управления провинций, которые всё приготовили к приезду путешественников, преподнесли по женскому наряду, белую накидку с прорезами на розовой подкладке и штаны.

Семейство Масаёри, полюбовавшись всеми красивыми пейзажами, ничего не пропустив, возвратилось в столицу.

* * *

Пришло письмо от наследника престола:
«Сегодня больше, чем обычно, я не нахожу себе места...
Как мучит меня
Ожиданье!
На берегу в Сумиёси
Тень густую на землю
Сосны бросают».
Атэмия ответила ему:
«Вздымаются волны.
Засыхает сосна, чьё сердце
Непостоянным слывёт.
Только забвенья трава
Растёт в Сумиёси».

* * *

Санэтада отправился на поклонение в святилище Камо и дал там суровые обеты. Всё глубже погружаясь в печаль, он написал оттуда:

«Один, без тебя,
Отправился я
В храм Камо.
Но сдержать не могу
Своих слёз кровавых».
Атэмия ничего ему не ответила.

* * *

Генерал Канэмаса задумал совершить паломничество по святым местам, от Хасэ до Золотого пика, и отправился в путь. Когда он проходил через Идэ, то сорвав там прекрасные горные розы, послал их Атэмия с письмом:

«Молясь о свершение желаний,

В путь я пускаюсь.

И горные розы

Мне шепчут:

„Возьми с собой милую!”»

Она сказала:

— Ведь говорят: «Вместе до самого Танского царства»[633] — можно и поверить! — И ничего ему не ответила.

Канэмаса был очень удручён. Он прибыл в Хасэ и дал богам большие обеты, моля об исполнении желаний. Уединившись на семь дней в келье, он всё время читал сутры. «Если исполнятся мои желания, я построю золотую часовню и сделаю статую Будды, покрытую золотом. И до самого последнего дня жизни я буду каждый месяц зажигать лампы справа и слева от неё», — пообещал он. Таким образом, втайне от всех, генерал совершил паломничества в Рюмон, Хисо, Такама, Цубосака, на Золотой пик. Канэмаса шагал, не разбирая дороги, ноги у него опухли. «Даже при таких страданиях я вряд ли добьюсь желаемого», — думал генерал в унынии, продолжая свой путь. Ливня лил дождь; казалось, что молния вот-вот поразит его. В такие мгновения генерал не вспоминая ни о жене с Третьего проспекта, ни о Накатада, он только сокрушался о том, что умрёт, так и не добившись любви Атэмия. Проливая горькие слёзы, блуждая по горным тропам, он написал ей письмо:

«И боги, которым

Дано исполнение молитв,

Влюблённого видя кровавые слёзы,

Ходатайствовать за него

Готовы».

Атэмия прочитала письмо, но отвечать не стала.

Сукэдзуми сказал ей:

— Как можно, получив письмо, исполненное искреннего отчаяния, оставлять посыльного без ответа? Ты никогда не отвечаешь, так делать нельзя. Пожалуйста, напиши ему ради меня.

— Иногда я именно поэтому отвечала. Но разве можно отвечать ему каждый раз? — возразила Атэмия и так ничего и не ответила.

Генерал Канэмаса усердно молился богам и давал обеты: «Если вы выполните мою просьбу, я многие годы буду присылать в храмы золотой песок!» Он возносил молитвы богам и буддам и по-прежнему страдал от любви.

Как-то раз, пригласив Сукэдзуми к себе на Третий проспект, он сказал

ему:

— Удивительно, что со временем жестокость Атэмия только увеличивается. Я страдаю, даю обеты богам и буддам, совершаю паломничества в дальние храмы, но принесёт ли это какую-то пользу? Нет, ведь известно, что в делах любви каждый должен действовать сам, рассчитывать на доброе отношение других невозможно[634]. Мне кажется, я скоро умру из-за любви к Атэмию.

— Нет, этого допустить нельзя! — воскликнул Сукэдзуми. — Атэмия ещё совсем ребёнок и ничего не понимает в подобных делах. Мне было трудно передавать ей ваши письма, но я её очень упрашивал, и она, как мне кажется, отвечала вам. Однако в последнее время родители неотлучно находятся при ней, и мне не удаётся ей даже слова сказать.

— Это, конечно, потому, что она скоро въедет во дворец Наследника престола, и если раньше мне случалось получать от неё хоть какие-то ответы, то теперь и этого нет. Я не дам смеяться над собой!.. У меня не много детей. Накатада и сам без моей помощи добьётся успеха в жизни, но вообрази — если бы моим единственным сыном был ты, неужели я бы допустил, чтобы ты из-за меня стал бедствовать? Умоляю тебя, помоги мне выполнить задуманное. Этим ты спасёшь человеческую жизнь. Ты, может быть, опасаясь, что тайна раскроется и что обвинят тебя?.. О, дорогой мой! Как я тоскую! — воскликнул генерал.

— Я всё время думаю, как вам помочь. Из всех дочерей Атэмия самая любимая, и родители ни на миг её от себя не отпускают. Хотя наследник престола настойчиво выражает своё желание и отец отвечает, что повинуется, однако он не спешит расстаться с Атэмией. При таком положении трудно что-нибудь сделать. Как стали бы сокрушаться родители, если бы вы осуществили свой замысел! Только я подумаю об этом, у меня становится тяжело на душе, — признался Сукэдзуми.

— Стать женой наследника престола — значит подняться к самым облакам, но ведь не все, кто въезжает во дворец, достигают высочайшего положения. Если же она станет моей женой, всё в моём доме, начиная с меня самого, будут служить ей, как её подданные. Вряд ли твоему отцу придётся думать, что дочь его прозябает <...>. Если я своего желания не осуществлю, я скоро умру, но если ты мне поможешь, я восстану из мёртвых. Ведь ты сам страдал от любви, войди же в моё положение...

Генерал то и дело подносил Сукэдзуми чашу с вином. Так они проговорили до рассвета.

Канэмаса написал Атэмию письмо:

«Посылаю Вам письмо, но теперь даже безрадостного ответа от Вас не

получить. Как это горько!

Раньше случалось

Ответ получить,

И в смятенье душа приходила.

Но как жить мне отныне,

Не надеясь вовсе на письма?»

Вместе с письмом он послал Атэмия полный женский наряд.

Придя домой, Сукэдзуми сказал Атэмия:

— Очень уж сердится на тебя генерал, не получая ответа. Почему бы не написать ему что-нибудь, чтобы хоть как-то утешить его? Ни к чему, чтобы о тебе думали с такой горечью!

Но Атэмия всё равно генералу не ответила.

* * *

Пришло письмо от принца Хёбукё

«Из-за тебя

Я душу свою

Пылинкой считаю.

Такие пылинки собрать —

И встанет гора Атаго».

Атэмия ничего не ответила.

Пришло письмо от советника Масаакира:

«Снова и снова

На платья рукав

Падают слёзы.

Так море снова и снова

Гонит прилив».

Ответа на это письмо не было.

В четвёртый месяц пришло письмо от принца Тадаясу:

«Снегом покрылась

Моя голова...

Лето в разгаре.

И не знает никто,

Как снег этот выпал.

Как мне больно, что ты не обращаешь на это никакого внимания!»

Поблизости от столицы не оставалось святилища, куда бы Накатада не отправился с молитвой, и он захотел посетить храм на Белой горе в местности Коси. Сбившись в горах с пути, Накатада написал письмо Атэмия:

«От богов получить

Утешенье мечтал
И на север пустился.
Но гор не зная,
Сбился с дороги».
Она ничего ему не ответила.
Пришло письмо от Судзуси:
«Долгое время я не давал знать о себе... Я очень беспокоюсь и
печалюсь. Что ждёт меня в будущем? О, как жестоко Вы меня обманули!
Человеком пустым
Почему меня ты считала?
И в будущих перерождениях
Я от желаний моих
Не откажусь!»
Ответа на это не последовало.
Накатада был назначен посланцем в святилище Хатиман в Уса[635] и
прислал Атэмия письмо:
«Если бог Хатиман
К мольбам останется глух
И до отъезда в храм Уса
Я тебя не увижу —
Злобу навек на него затаю».
Ответа на это не было.
Прислал письмо Накадзуми:
«Слёзы, что лью
От горькой любви,
Стремятся бурным потоком.
Что если броситься в волны
И унести по теченью, как лодка?»[636]
Пришло письмо от Юкимаса:
«Ни равнины, ни горы
От страданий
Избавить не могут.
И больше не знаю,
В какой стороне мне укрыться».
Пришло письмо от Суэфуса:
«Эфемерна роса,
На летних травах лежащая,
Но ещё эфемерней
Моя жизнь,

Что тебе посвятил я».
Святой отец Тадакосо написал ей:
«Дом свой покинув,
Весь свет
Обошёл я.
Но на Горы Любви
Ступать ещё не пришлось».
Никому из них Атэмия не ответила.
Пришло письмо от наследника престола:
«Если тебя ненавидя,
Дни я окончу,
То превратившись в цикаду,
В саду у тебя
Беспрерывно буду стенать».
Атэмия написала в ответ:
«Если цикадой в соснах
Ты станешь,
То как же смогу
Облаков белых превыше
Я вознестись?»
После этого наследник престола прислал:
«Моё сердце, разбившись,
Унеслось
Пылью в небо,
А слёзы мои
Морем разлились.
Нет никого, кто бы заставил меня так мучиться. Второй такой в мире
не найти!»
Атэмия написала в ответ:
«Какая пыль
На панцире черепахи
Как гора громоздится?
Ветер в синем просторе
Облака изумляет»[637].
Наследник престола на это написал:
«Все могут подняться
На гору Хорай,
На морской черепахе стоящей.
Но тебя ожидая напрасно,

Стал стариком я.
Хоть и не был я в лодке...»[638]
Атэмия написала ему:
«Проще подняться
На гору Хорай,
Чем к острову в море причалить.
Ветер свирепо свистит,
И огромные волны несутся».

* * *

Советник Санэтада, страдая от мук любви, отправился в горы и непрестанно служил молебны во всех храмах. Оттуда он написал Атэмия, но ответа не получил и беспредельно скорбел, убиваясь, что никак не может добиться от неё письма, Санэтада написал:

«Ветром парус наполнен.
От берега путь свой
Лодка стрёмит.
Но письма мои
Дороги к тебе не находят».
Но и на это ответа не было.
Тогда он написал так:
«Если и дальше
Увидеть тебя
Будет мне не дано,
Лучше, злясь на тебя,
В камень мне превратиться»[639].
Он опять не получил ответа.

Не зная, что предпринять, Санэтада вызвал Хёэ в её комнату и спросил:

— Почему ж и сегодня нет ответа, о котором я так мечтаю? Когда должен состояться въезд твоей госпожи во дворец?

— Точно не знаю, — ответила девушка. — Госпожа совершенно перестала отвечать на письма даже тем, кому она время от времени писала, потому что судьба её уже решена. Но день въезда ещё не назначен.

— Что же мне делать! — воскликнул Санэтада. — Помогите мне, милая моя! Она ещё не въехала к наследнику, а я уже страдаю, как в предсмертных муках. Когда же она уедет к нему, я, без сомнения, умру. Но перед тем, как она покинет дом, я хотел бы сказать ей одно словечко, хотя бы через посредника. Долгие годы длятся мои страдания, а желаемого мне не достичь, так пусть она посочувствует мне.

— Ах, об этом и думать нельзя! — испугалась Хёэ. — И раньше такой возможности не представлялось, а нынче постоянно рядом с госпожой её матушка, генерал и старшие сёстры, и ночью все спят в её покоях. Даже мы, прислуживающие дамы, не можем приблизиться к ней. Сейчас уже ваши усилия бессмысленны, лучше вам забыть о ней.

— О, моя милая! Как ты можешь говорить мне такие слова? В любом из миров я не забуду твоей доброты. Сейчас у меня никаких намерений нет. Я только хочу, хотя бы через кого-то, сказать, как долгие годы я сгорал от любви к ней. Если ты даже убьёшь меня на месте, я и после смерти буду любить твою госпожу. Но если ты не убьёшь меня, а поможешь мне и генерал об этом узнает, ты ведь жизнью не рискуешь, разве что навлечёшь на себя его гнев. От генерала зависит твоё продвижение по службе, но на улицу-то он тебя не выгонит. Умоляю тебя, придумай что-нибудь. Я знаю, что это дело непростое, но у меня такое ощущение, что всё внутри пылает, — помоги мне, — уговаривал он её, проливая кровавые слёзы.

— Вы говорите неразумно. Вы всегда просите об одном, и если бы я заметила, что госпожа моя готова внимать вам, я бы уж обязательно передавала ваши слова, совершенно не думая о себе. Но ведь это не так. Я очень боюсь, что помочь вам у меня нет никакой возможности. Если, однако, представится случай, я передам госпоже то, о чём вы просите.

Санэтада возликовал и написал письмо:

«Сейчас уже я не могу писать Вам: хотят слухи, что Вы не сегодня-завтра отправитесь во дворец наследника престола. Страдания переполняют меня, выхода моей любви нет, и лучше умереть, чем терпеть такое несчастье. Но мне кажется, что даже умерев, я не смогу покинуть эти места.

Если умру,
О страсти своей не сказав,
То горы в мире загробном
Преградой мне будут.
И вечно буду блуждать я...

Хотелось бы мне, хотя во сне, забыть о своём желании встретиться с Вами и высказать всё это. О моя милая, как мне быть?»

Санэтада отдал письмо Хёэ, послав также набор лакированных коробок с росписью золотом и серебром, в которые велел положить узорчатого шёлка, летнюю одежду, одежду из узорчатого шёлка. Вручая всё это, он сказал Хёэ:

— Тело горит,
В котором любовь

Не прекращает пылать.
Не думай, что слишком тепло
Был я одет.

Поговорив ещё немного с Санэтада, девушка покинула его и передала письмо Атэмия. Та прочитала, но ничего не сказала.

— Уж очень он страдает, напишите на этот раз хотя бы одну строчку, — принялась уговаривать её Хёэ. — Если он умрёт от любви к вам, не будет ли греха на вашей душе?

Но Атэмия так ничего и не ответила.

Санэтада, сердце которого было разбито, скорбел беспредельно. Он вызвал Хёэ и попросил её передать госпоже письмо:

«Снова и снова
Вскипает любовь,
Вся грудь пылает.
Льётся и льётся на этот огонь
Слёз водопад.
Больше уже не будет у меня возможности сказать Вам...»

Он положил в изумительные коробки из аквилярии по золотой шкатулке и вручил Хёэ со словами:

— Если твоя душа,
Что долгие годы молил я,
Безучастной ко мне остаётся,
То, может быть, службу сослужит
Золото этих коробок.
Девушка ответила:
— К чему мне злато,
Что можно исчислить?
Думаю о любви,
Той, что измерить
Не удалось никому, —
и, не взяв подарка, пошла к Атэмия.

— Принесла вам письмо, — обратилась Хёэ к госпоже. — Хоть бы на этот раз написали одну строчку. Советник весь горит и велел сказать: «Если госпожа опять ничего не напишет, я несомненно скоро умру». Страшно смотреть на него.

Атэмия не знала, что делать, долго раздумывала и наконец приписала к полученному письму:

«Как верить тому,
Кто льёт слёзы?»

Разве в глазах
Не плывёт
Влага сия?»[640]

Ликованию советника не было пределов. Придя домой, Санэтада написал:

«Кто ж, как не я,
Долгие годы
Лил горькие слёзы
И каждодневно
Роптал на судьбу?»

Он попросил Хёэ передать это послание, но девушка ответила:

— Вы просили об одном только разе, и мне удалось сказать госпоже о вас и передать письмо. Но больше такой возможности нет, не рассчитывайте на меня. И до того, как было решено, что она отправится во дворец к наследнику престола, выполнять ваши просьбы было трудно, а сейчас в доме всё пошло вверх дном, и я даже думать об этом не должна. Вы готовы погубить себя, но я ничего не могу сделать. Покои госпожи её братья окружают стеной, там нет ни одной лазейки; с нею всегда её матушка, генерал и старшие сёстры, там и птица не пролетит. Как я вам ни сочувствую, сделать для вас я ничего не смогу. Зачем я вообще взялась за такое дело!

Советник помертвел, у него перехватило дыхание, он посинел, потом покраснел и еле-еле дышал. Хёэ, проливая слёзы, пошла к Атэмия. Санэёри и Санэмаса, услышав о том, что случилось с братом, прибежали к нему и стали горячо молить богов о его спасении. Долгое время Санэтада ничего не воспринимал. Наконец он пришёл в себя и что-то пробормотал, но дыхание его прерывалось.

Когда возле Санэтада не было ни отца, ни братьев, он положил в золотую коробку тысячу золотых рё и отправил Хёэ с письмом:

«Скоро придётся мне
Мир сей покинуть.
Тысячу монет золотых,
Что жизнь продлевают,
Тебе оставить хочу».
Видя, как он ужасно страдает, Хёэ думала: «Какое горе!»
Она ответила советнику:
«Стал ты звездой,
Что ярко сияет
В заоблачной выси.

Смогут ли деньги
Вниз тебя отозвать?
Говоря по правде, и я очень огорчена».
И деньги возвратила.

Долго советник Санэтада был погружён в размышления, чёрно-красные слёзы струились по его щекам, как водопад. Тысячу золотых рё он положил в серебряные кувшины в форме журавлей, по тридцать монет в каждый, и послал в храмы, начиная с семи главных. Он велел читать сутры в храмах на горе Хиэй и в храме Такао[641]. В душе у него было только одно стремление. «Будды и боги Небес и Земли, помогите мне!» — молился он. Санэтада поразмыслил о том, что ещё должен сделать, и отправился на гору Хиэй. Выбрав из сорока девяти монастырей сорок девять святых отцов, заклинания которых славились чудодейственной силой, Санэтада просил каждого из них вместе с шестью монахами молиться Радостному Будде у сорока девяти алтарей. Санэтада сделал им богатые пожертвования и подарки, послал красивого шёлка на облачение. Сам же он в течение семи дней и семи ночей постился и, простершись на земле, молил будд исполнить его желание.

* * *

Многие писали письма матери покойного Масаго. Некоторые хотели обосноваться в её доме, а другие — похитить её, и она стала подумывать о том, чтобы перебраться в какое-нибудь уединённое место.

Удобный для житья дом нашёлся у подножия горы Сига, неподалёку от него текла река, вокруг росло множество трав и деревьев, цветов и клёнов. Жена Санэтада с дочерью, никому ничего не говоря, покинули своё прежнее жилище и перебрались на новое место; с ними поехали кормилица, юная служанка и низшая служанка. Женщины выполняли различные обряды и проводили время, играя на кото и других струнных инструментах.

Наступила глубокая осень. По вечерам дул сильный ветер, холод пронизывал женщин до костей, шум водопада наводил тоску. Вдалеке слышались крики оленей. Перед домом ещё продолжали цвести некоторые цветы, другие давно осыпались. Как всё было печально!

Как-то раз госпожа и Содэмия подняли занавеси и сели на веранде перед главным покоем за кото, а кормилица им аккомпанировала.

Госпожа сложила так:
— Осени ветер
Холодом тело пронзает.
Вдали исчезает

Олень бессердечный,
Криком холмы оглашая.
Содэмия произнесла:
— Видеть не может никто,
Как в пустынных горах и долинах
Тысячи разных цветов красками блещут.
Грустно роняют на землю они лепестки,
На судьбу свою негодую.
А кормилица сложила:
— Вечер в пустынных горах,
Где цикады звенят...
Не от одной росы
Мокры насквозь рукава
Тех, кто думой измучен.
И все трое горько заплакали.

В это время Санэтада, выполнив обряды на горе Хиэй, возвращался домой, а Накатада выполнил такие же обряды в храме Сига и тоже возвращался в столицу. Санэтада, идя с горы Хиэй, увидел на перекрёстке дорог Накатада и спросил его:

— Откуда ты идёшь?
Накатада ответил:
— Долго напрасно
Кружил я в горах,
Где распустились
Дракона цветы,
Путь к Просветленью ища...[642]
Санэтада рассмеялся:
— В горах я скорблю,
В горах я люблюсь
Ветками клёна в каплях росы,
Но не видел ещё
Пути, что к Прозренью ведёт.

Им захотелось сломать красивую ветку клёна, чтобы принести её в качестве подарка с этих гор. Они посмотрели вокруг и у изгороди дома, где жила госпожа, увидели клён, как будто покрытый парчой глубокого красного цвета.

— Какие прекрасные ветки в этой усадьбе! — сказал Санэтада, подошёл первым к изгороди, сломал ветку и произнёс

— Может, послать мне домой

Ветку с листьями клёна?
Столь неожидан подарок...
Будет ли рада
Та, с кем давно я расстался?
Накатада произнёс:
— Некому мне эту ветку
В подарок послать.
Но было бы жаль,
Если бы ветром
Листья с неё сорвало.

Отломив ветку, он задержался у изгороди и заглянул в сад. Зрелище, открывшееся перед ним, было так прекрасно, что он замер, заворожённый. Оба молодых человека точно приросли к изгороди, и Санэтада сложил:

— Дальний путь предстоит,
И надо уже возвращаться...
Но так привязано сердце
К осенним горам,
Что нет сил их покинуть.
Накатада ответил:
— Чем спать одному
Средь полыни в жилище убогом,
Лучше сидеть
На парчовых подушках
В горном краю.

Наконец они вошли во двор. Казалось, что китайский мискант, растущий у изгороди, машет им рукавами тёмного платья, приглашая в дом. Санэтада, тщетно добивавшийся исполнения своих желаний, уже давно не интересовался, что стало с его женой и дочерью. Сейчас, охваченный многими печальными думами, он пропел на мотив «Ворота моей любимой»[643]:

— В сумерках вижу рукав,
Трепещущий у забора.
Не машет ли милая,
Что когда-то
Платье мне шила?
Жена, услышав, сразу узнала его:
— А, это тот, кто нас покинул!
Но тотчас воскликнула:

— Ах, как страшно! Это поёт чёрт! Это только похоже на

человеческий голос!

— Это голос отца! Действительно очень похож! — сказала Содэмия.
На сердце у них стало ещё тяжелее. Госпожа произнесла:

— Старый дом покидая,
Хотела забыть
Горе, что в нём испытала.

Но и на новом месте
Мокры мои рукава.

Содэмия сказал:

— Гость издалека,
Изгородь нашу увидев,
В сердце покой ощущает.
Но мы, сюда переехав,
Печалимся больше, чем раньше.

Горько плача, три женщины оставались на веранде. Молодые люди, толкнув главные ворота, вошли во двор. Увидев их, стоящих друг подле друга, госпожа сказала:

— Зачем только мы перебрались в это глухое место! Как это всё неприятно! Не надо с ними разговаривать.

Женщины опустили занавеси и скрылись в доме. Молодые люди подошли ближе, и хотя здесь кто-то жил, никто их не упрекнул за вторжение. Когда они приблизились к веранде, Санэтада произнёс:

— Сумрак вечерний...
Не разглядеть,
Кто там в покоях сидит.
И нет вокруг ни души,
Кого бы спросил я... —
и поднялся по лестнице.

Все в доме узнали его голос, но госпожа не разрешила никому заговаривать с ним.

— Почему никто мне не отвечает? — спросил Санэтада. — Может быть, здесь живут глухие?

Вечер уныл.
Разве только
Горное эхо
Путника возгласу
Вторит.

Как странно! — продолжал он. — Почему люди поселились в такой глуши? Или они совсем ничего не понимают в жизни?

— В кои веки я вижу отца, о котором день и ночь тоскую и плачу, — сказала Содэмия. — Как же ему не ответить?

Она хотела предложить гостям сесть и, взяв подушки из соломы, появилась на коленях на веранде и сказала:

— Чувствую ту же печаль,

Что путника гложет.

От горечи мира

И я ушла

По неведомой горной тропе.

Наверное, и вы бредёте по таким же горным путям.

На дно четырёх тонких коробок Содэмия положила листья клёна, на них — сосновые шишки и фрукты, грибы и рис цвета китайского мисканта, всё было очень изысканно, — и преподнесла гостям. Издалека до них донёсся крик гусей. Госпожа написала на чашке и велела вынести гостям:

«Как лист клёна,

По ветру летящий,

Путник мелькнул.

Или вместе с гусями

Исчез он?»

Санэтада на это сказал:

— Не сравнивай путника

С гусем летящим

Или кленовым листом,

Осенние горы

Он никогда не забудет.

Госпожа отозвалась:

— Осень проходит.

И сердцу ничто

Не несёт утешенья — ни лист,

На землю упавший, ни гусь,

В небе огромном с криком летящий... —

но на веранде не появилась.

«Какое удивительное место!» — подумал Санэтада, оглядываясь кругом. Но поскольку мысли его были полны только Атэмия, ему даже на ум не пришло, что он разговаривал со своей женой.

— Как тебе здесь нравится? — спросил он у Накатада. — Нельзя сказать, что в этом месте нет глубокого очарования.

— Действительно, это так, — ответил тот. — У хозяйки очень тонкий вкус. Ты бы познакомился с ней поближе и приходил бы сюда время от

времени любоваться клёнами.

— Может быть, ты прав... — протянул Санэтада. — Но я прослыву повесой, который отдаёт своё сердце женщине в первую же встречу <...>. Я не знаю, что стало с моей женой, которую любил долгие годы, я потерял любимого сына и сейчас совсем не ищу лёгких побед.

В это время раздался крик оленя, и Санэтада сложил:

— Слышится крик оленя.

В сердце растёт

Чувство любви.

И милей становится мне

Жена, с которой расстался...

— Удивительно, что ты вспомнил о своей жене! — рассмеялся Накатада. — Уж не кудесник ли этот олень?

Меж клёнов красных

Бродит олень

В поисках милой подруги...

Такой же печалью сердце полно

Той, что тебя ожидает.

Так они проговорили всю ночь, и на рассвете собрались покинуть этот дом. Ни на одно их слово госпожа не ответила.

— Я почувствовал расположение к хозяевам этого дома, и теперь так вот их покинуть... — сказал Санэтада.

— Я не испытываю что-то подобных чувств, — ответил Накатада, — но не об этом ли мы говорим: суть вещей?[644]

Молодые люди покинули своё пристанище.

* * *

Санэтада, налив в тушечницу воды, над которой у всех сорока девяти алтарей были прочитаны молитвы, написал Атэмия:

«Новых слов не найду,

И к последнему сроку

Подошла жизнь моя.

Но странно, что слёзы

Всё ещё не иссякли.

До сих пор я не мог упросить Вас ответить мне; и если теперь я получу хоть одно письмо от Вас, я смогу спокойно пуститься в путь к жёлтым источникам».

Он отдал письмо Хёэ и долго жаловался ей на свою судьбу. Девушка отправилась к Атэмия, которая в это время принимала ванну, и всё подробно рассказала. Атэмия было тяжело думать, что кто-то может

умереть из-за любви к ней, и она решила было: «Не ответить ли ему хоть одной строчкой?» — но потом испугалась: «А вдруг об этом узнают?» — и ничего не написала.

Глава X АТЭМИЯ

Въезд Атэмия во дворец наследника престола был назначен на пятый день десятого месяца[645]. При этом известии молодых людей охватило страшное отчаяние. Санэтада и брат красавицы Накадзуми не могли подняться с постели и так страдали и метались, что, казалось, вот-вот умрут. Каждый день они писали отчаянные письма. Атэмия ничего им не отвечала.

Накадзуми страдал больше всех, мысли его были только об Атэмия, он не поднимался с постели, не пил ни горячей, ни холодной воды, и все вокруг думали, что он умрёт. Мать его была в отчаянии:

— Отчего ты впал в такое тяжкое состояние? Наследник престола, горя страстью, торопит Атэмия со въездом во дворец, и мы уже решили ответить согласием. Среди всех твоих братьев к тебе и Сукэдзуми наследник благоволит особенно, он пожаловал вам право являться к нему во дворец. И я хотела бы, чтобы в такое ответственное время вы находились возле наследника. Я думала поручить тебе заботу об Атэмия в этот день, но всё пошло прахом. Какое горе! — плача, сетовала она.

Накадзуми так страдал, что даже не понимал, о чём ему говорила мать. Прерывающимся голосом он произнёс:

— С каждым днём муки мои всё тяжелее, и теперь мне остаётся только покинуть этот мир. Я получал должности и чины наравне с другими и хотел добиться успеха, пока вы живы, чтобы вы могли насладиться моим возвышением. И я очень скорблю, что покидаю вас, ничего не исполнив. У меня много братьев и сестёр, но я надеялся как-то послужить сестре, что живёт в срединном доме. В день, когда она въедет к наследнику престола, я был готов выполнять для неё любые поручения — и вот стал никуда не годен, — говорил он, плача.

Госпожа сказала Масаёри:

— Похоже, что ему уже ничего не поможет. Я места себе не нахожу от страха. Что же делать?

— Какое несчастье! — воскликнул Масаёри. — Почему такое случилось именно с ним? Среди моих сыновей нет ни одного, который заставил бы меня краснеть, который стал бы посмешищем, но именно на Накадзуми я возлагал особенно большие надежды. Он должен был принести новую славу нашему дому и продолжить наш род — и как горько, что с ним случилось такое! Все будут говорить об этом!

— Так же, как он, страдают и другие. Говорят, что Санэтада находится при смерти. Очень много больных в этом году[646]. Очень уж этот год беспокойный! И все, начиная с наследника престола, всего остерегаются, совершают паломничества в Митакэ и Кумано, знать пешком отправляется в горы на богомолье.

Приближался день въезда Атэмия во дворец наследника престола. Были приготовлены изумительные личные вещи для Атэмия и всё снаряжение, необходимое для церемонии. Было назначено сорок взрослых сопровождающих дам, все они были четвёртого ранга, некоторые из них — дочери советников сайсё. Волосы у них доходили до земли, все они были хорошего роста, все прекрасно владели каллиграфией, сочиняли стихи, играли на кото, были искусны в ведении разговора. Им было по двадцать с небольшим лет. Все дамы надели красные китайские платья из узорчатого шёлка, среди них не было ни одной в платье из простого шёлка. Молоденьких служанок было шестеро, все пятого ранга, пятнадцатилетние, внешностью и талантами они не отличались от взрослых дам. Они были одеты в красные пятислойные китайские платья из узорчатого шёлка, штаны из узорчатого шёлка, штаны на подкладке, накидки из узорчатого шёлка. Низших прислужниц было восемь, на них были красные с чёрным отливом платья на голубой подкладке, поверх которых красные накидки на зелёной подкладке; ни одна из них не была одета в платье из домотканого шёлка. Служанки — из них две, чистившие нужники, — были в таких же платьях.

К назначенному времени были приготовлены экипажи для всей свиты. Прислуживающие дамы, одетые в соответствии с их рангом, ждали наступления вечера.

Между тем из дома Накатада прибыли подарки. Здесь были четыре лакированные шкатулки с росписью, отделанные золотом и серебром, в них лежало четыре декоративных гребня из аквилярии, расчёски и четыре набора головных украшений: парики со шпильками из драгоценных камней, головные булавки, шёлковые ленты, резные гребни — все это были очень редкие вещи. Кроме того, был набор, состоящий из зеркал, нескольких стопок бумаги для письма, краски для чернения зубов; коробка с душистыми веществами; в серебряную шкатулку были положены смешанные китайские благовония, к ароматическим шарикам из аквилярии приложены серебряные палочки[647], в курильнице лежал пепел от аквилярии, чёрные благовония, изготовленные в виде кусков ароматического угля, положены в серебряную корзинку для угля. Всё было уложено очень изысканно и красиво. На коробке с гребнями Накатада

написал:

«С китайским гребнем коробка...

Ночью и днём,

Глаз не смыкая,

Мечтал я о милой.

Напрасными чаянья те оказались»[648].

Он подарил Соо летнюю и зимнюю одежду.

Посланец Накатада, вручив подарки, возвратился домой.

Судзуси приготовил очень красивые летние и зимние одежды, а также многочисленные украшения, уложил их в четыре коробки, отделанные золотом, изысканно обернул всё это и преподнёс Атэмия с письмом:

«Глаз посторонних таясь,

Горько я плакал,

И алыми стали мои рукава.

Сколько же слёз

Пролью я сегодня?»

Масаёри и его вторая жена, увидев подарки, воскликнули: «Так всё красиво, что слов не найти от восхищения! Однако принять такие подарки неудобно, а возратить было бы безжалостно. Всё это превосходные необходимые вещи. Что ж, оставим их у себя» — и оба рассмеялись.

Советник Санэтада, измученный долгими страданиями, не мог принять равнодушно новость о том, что день въезда Атэмия к наследнику престола уже назначен. Он послал Хёэ одежды в подарок со стихотворением:

«От слёз водопада

Немного стихал

Сжигающий сердце огонь.

Но сегодня — о, горе! —

Нет слёз уже больше».

В письме к самой Хёэ он написал: «Если у тебя будет возможность поговорить с госпожой, скажи ей так: я уже мало что помню, в голове у меня всё мешается».

В усадьбе между тем шептались: «Императорский сопровождающий лиц уже не различает», «Императорский сопровождающий теряет сознание». Родители были в большой тревоге за него, но при этом спешно занимались приготовлениями к въезду дочери во дворец.

Госпожа заглянула в комнату к больному:

— Как ты? Я так занята делами твоей сестры, что не могу ухаживать за тобой! — сказала она.

— Видно, подходит мой последний час, — ответил Накадзуми. — Печалит меня только то, что я не увижу её больше.

— Ах, не говори так! — испугалась госпожа. — Возможно ли такое! Я сейчас же скажу Атэмия, чтобы она пришла к тебе. — А про себя подумала: «Вряд ли с ним что-то случится сегодня, но я так боюсь!»

Проливая слёзы, она сказала Атэмия:

— Накадзуми очень плох. Проведай-ка его. Сейчас, когда ты готовишься отправиться к наследнику престола, это неприятно, но он так просил увидеть тебя...

Атэмия совсем не хотелось идти к брату, но поскольку её попросила мать, делать было нечего.

Накадзуми лежал в северных покоях, где проживал генерал со второй женой.

Атэмия находилась в самом расцвете своей красоты. Ростом она была немногим менее пяти сяку, одета всегда в прекрасное платье, необыкновенно красивые её волосы одинаковой длины блестели, как иссиня-чёрный шёлк. Она была и вообще беспредельно хороша, а в тот день казалась особенно блистательной. Её сопровождали только Хёэ и Соо.

Когда Накадзуми увидел Атэмия, у него отнялся дар речи. Наконец, проливая слёзы, он с трудом произнёс:

— Ты уезжаешь сегодня во дворец? Я даже не могу проводить тебя. Вряд ли мы увидимся ещё когда-нибудь в этой жизни.

— Как ты можешь так думать? — стала укорять его сестра. — Почему тебя мучат такие опасения?

— Потому что я должен умереть. Всё наводит на меня тоску. О, как я несчастен!

— Не поддавайся таким настроениям, — сказала Атэмия и поднялась, чтобы уйти.

«Кровавые слёзы мои
Широкой рекой разлились.
И кипит эта влага
От огня, что в груди
Никак не уймётся» —

Накадзуми сложил листок с этим стихотворением и, улучив момент, положил ей его за пазуху. Не желая, чтобы письмо упало на пол, Атэмия взяла его в руку и встала. Накадзуми при этом лишился сознания и не дышал.

«Какое горе, что самый любимый сын нас покидает!.. — сокрушались родители. — Но вдруг из-за траура придётся отложить въезд Атэмия во

дворец, к чему мы так стремились, преодолевая множество препятствий, что тогда?[649] Если сейчас она не въедет во дворец, этого, может быть, нам уже не увидеть никогда». Они находились в страшном смятении. «Нужно сохранять спокойствие, пока не будем никому ничего говорить», — решили они наконец. Все в семье снаряжали экипажи, делая вид, что ничего не знают о несчастье. Усадьба Масаэри была охвачена смятением и тревогой.

Советник Санэтада, услышав, что Атэмия въедет к наследнику престола, впал в беспамятство, и дом министра наполнился криками и беспокойством.

Среди всех сановников и принцев, которые убивались и скорбели об Атэмию, только Судзуси и Накатада, несмотря на глубокую печаль, думали с твёрдостью в сердце: «Мир непостоянен. Сегодня она въезжает во дворец, но не надо думать, что мы её больше не увидим». Они решили даже сопровождать её.

Накаэри также надолго слёг и находился в угнетённом состоянии духа, но он уже давно решил: «Мне обязательно нужно сопровождать Атэмию во дворец наследника. Я не пропускал ни одного, даже незначительного, праздника а доме Масаэри, и сейчас не могу не присутствовать при таком важном событии. В том, что я влюбился не по чину, только моя вина!» Он повторял себе всё это неоднократно и отправился в усадьбу к генералу.

Наконец всё было готово к отъезду, у ворот стояли экипажи, и Масаэри объявил, что настало время пускаться в путь.

Услышав об этом, Накадзуми стал синим, как краска из Пекче, и лежал без движения. Родители возносили богам молитвы, но всё было напрасно. Атэмия подумала: «Какой шум поднимется в связи с болезнью Накадзуми! Многие мужчины только и стремятся к тому, чтобы я не въехала к наследнику, и если они узнают, что я отвечаю брату...» Но она очень жалела Накадзуми, и, не показывая виду, что получила от него записку, Атэмия написала брату письмо:

«Расстаюсь я сегодня с тобой.

Разве иссякнут слёзы,

Что водопадом струятся?

Но знай, в предстоящих мирах

Опять сестрой тебе буду.

Почему ты думаешь только об одном? Видя, как ты страдаешь, я чувствую такую тяжесть на сердце и не знаю, что мне делать».

Она отдала письмо Хёэ и велела отнести брату.

— Ваша матушка, батюшка и все господа постоянно там находятся. Императорский сопровождающий уже и говорить не может, — ответила Хёэ.

— Тем более, отнеси, — сказала Атэмия.

Хёэ, улучив подходящий момент, пошла туда. <...>

Вторая жена сказала Масаёри:

— Может быть, Накадзуми овладел мстительный дух какой-нибудь женщины? Надо немедленно что-то предпринять.

Генерал написал письмо святому отцу Тадакосо, и тот сразу же прибыл в усадьбу. Когда он подошёл к комнате больного, мать и сёстры покинули Накадзуми. Хёэ, улучив тут момент, вложила в руку Накадзуми, лежавшего без сознания, письмо и написала пальцем на его руке: «Это письмо от моей госпожи». И Накадзуми, который был уже совсем при смерти, попросил немного горячей воды.

— Вот проявление чудодейственной силы Тадакосо, — воскликнул генерал, возликовав.

Увидев, что Накадзуми открыл глаза, Масаёри подумал: «Хоть отъезд Атэмия назначен на завтра, надо это сделать сегодня же вечером». Генерал встал и в сопровождении господ вышел из комнаты. Тогда Накадзуми прочитал письмо Атэмия и слабо прошептал:

— (...)

Всеобщая радость была беспредельна.

Наконец из усадьбы Масаёри отправилось двадцать экипажей: шесть, украшенных нитками, десять позолоченных, два для молодых служанок, делающих причёску унаи, два для прочих служанок. Впереди шествовали тридцать человек четвёртого ранга, тридцать человек пятого ранга и бесчисленное множество слуг шестого ранга; все они были очень красивы. Когда поезд прибыл во дворец, Атэмия сразу же доставили к наследнику престола. Свита её покинула дворец.

* * *

Вскоре после этого Накаёри явился к госпоже Моку. Он долго не мог произнести ни слова и только плакал, наконец сказал:

— До сих пор, к моему удовольствию, генерал относился ко мне милостиво, но по прихоти судьбы я, ничтожный, влюбился не по чину и так страдал, что, думал, не доживу до сего дня. Я влачил своё существование, мечтая хотя бы сопровождать её к наследнику престола. Сегодня мы видимся с вами в последний раз. О, какое несчастье!

Всему сегодня конец!

И плач мой

Летит к облакам,
И горькие слёзы
Кровавят мне платье.

Он ничего больше не прибавил, только плакал и горевал без конца.

— Как это горько! — вздохнула Моку. — Я видела, как всё это время вы, питая надежды, старались добиться любви госпожи, но сейчас, когда она въехала во дворец к наследнику, всё стало бесполезным. Ах, не вы один в таком положении. Я знаю, что и многие другие находятся в отчаянии.

Не только у вас
Платье в пятнах багровых.
Многим сегодня
Своих слёз горючих
Никак не унять.

Накаэри ничего не отвечал, только плакал и стenal. Он покинул усадьбу Масаэри и сразу же принял постриг.

* * *

Не было ни одной ночи, чтобы Атэмия не входила в опочивальню наследника престола, и не было ни одного дня, чтобы он не появился в её покоях. Она была очень искусна, и наследник часто музицировал вместе с ней.

В то время во дворце наследника служили Пятая принцесса[650], сестра второй жены Масаэри, рождённая императрицей-матерью; дочь левого министра Минамото Сузакира, проживающая во дворце Отражённого света Сёёдэн; старшая дочь правого министра Тадамаса; Насицубо, старшая дочь правого генерала Канэмаса; третья дочь советника Масаакира. Среди них Пятая принцесса и Насицубо, дочь Канэмаса, пользовались особой благосклонностью наследника, но и другие не были обделены его вниманием, и только одну, Сёёдэн, которая была и стара, и лицом нехороша, он не любил. Ни у кого не было такого плохого характера, как у этой дамы. И детей у неё всё ещё не было. Теперь же наследник все ночи стал проводить с Атэмией, и если время от времени других дам призывали к нему, он совсем не спешил появиться у себя в опочивальне и до поздней ночи занимался музицированием с Атэмией.

На утро второго дня после въезда Атэмия к наследнику он сказал ей:

— О, если бы ночью,
Когда наконец-то
Тебя я дождался,
Весенний туман

Скрыл вход в Грот небесный![651]

Она сделала вид, что спит, и ничего ему не ответила.

...Прошло некоторое время, и она забеременела.

* * *

Как-то Масаёри пришёл в покои Атэмия, и наследник престола велел позвать его к себе. Когда тот явился, он спросил:

— Почему Накадзуми так долго не появляется во дворце?

— Он очень болен и не может прийти во дворец. Я заказываю службы всем буддам и богам, но надежд у меня не осталось, — ответил генерал.

— Как это прискорбно! — воскликнул наследник. — Я ждал, что он проявит себя на службе. Санэтада тоже очень болен. Странно: что вдруг случилось с такими подающими надежды молодыми людьми?

* * *

Наступил новый год. На двадцатый день второго месяца пришёлся первый в году день обезьяны, и дамы, служащие во дворце наследника престола, готовили в своих покоях разнообразные угощения для бдения ночью[652]. Атэмия уже давно хотела угостить фруктами придворных и телохранителей наследника престола, и решив, что бдение — прекрасный для этого повод, поручила отцу всё приготовить. Для наследника было приготовлено тридцать серебряных подносов тончайшей резьбы, покрытых позолотой, которые поставили на золотые столики. Утварь была из золота, скатерти — из нескольких слоёв тонкого шёлка с цветочным узором. Было приготовлено пятьдесят коробок для еды из кипарисовика и пятьдесят из простых пород дерева. Коробки из кипарисовика изготавливали супруги наследника престола, а простые Масаёри поручил сделать своим управляющим. Для угощения из усадьбы генерала доставили в десяти коробах из кипарисовика четыре коку риса. На десять столиков из магнолии с ножками из чёрной хурмы поставили круглые деревянные блюда в один сяку и три сун, на которых были красиво уложены горой свежая снедь, сушёная снедь, рыба и моллюски. На столики из магнолии с ножками из османтуса поставили десять бочонков, в которые вмещается один коку вина. Было приготовлено тридцать связок по тысяче медяков для ставок в игре в шашки. На десяти столиках с письменными принадлежностями лежали стопки разноцветной бумаги. В блюдах на ножках и на столиках из цезальпинии лежала бумага, сделанная из коры бересклета, синяя бумага, бумага цвета сосновой хвои, кисти для письма — это было приготовлено для победителей в шашки. В качестве наград были приготовлены женские наряды, штаны из белого полотна.

Когда пожаловал Масаёри с сыновьями, все приготовленные вещи

были красиво расставлены в ряд.

От императора прибыли прекрасные фрукты в ажурных серебряных шкатулках; императорский виночерпий прислал вино и с архивариусом, состоявшим одновременно помощником начальника Ведомства построек, велел сказать: «Фрукты, конечно, незатейливая еда. Но я подумал, не сойдется ли на закуску».

От Судзуси было доставлено десять шкатулок из аквилярии, завёрнутых в тонкие салфетки и уложенных в красивые мешки. В шкатулках лежала, однако, не еда, как можно было подумать, а рисовая пудра. От Накатада доставили десять ажурных серебряных шкатулок со смешанными благовониями, в ажурных шкатулках из аквилярии, украшенных изображением журавлей, лежали кисти для письма, золотые тушечницы и черепаховые панцири. Доски для игры в кости, сделанные из аквилярии, украшенные прекрасной китайской парчой, были разделены на клетки золотой и серебряной инкрустацией, в серебряной коробке лежали шашки из белого нефрита и синего лазурита <...>; в такие же коробки были насыпаны деньги для ставок, но не медные, как обычно, а серебряные. Когда Масаёри увидел доставленные подарки, он воскликнул: «Как эти господа всё искусно выполнили!»

Итак, всё было самым замечательным образом приготовлено к бдению. Перед собравшимися расставили тридцать шкатулок, подношения, присланные Накатада, столики, коробки с едой, разложили деньги для ставок в играх. Масаёри послал Пятой принцессе коробки с едой, сделанные из кипарисовика и простых пород. Придворным, служащим во дворце наследника престола, и его телохранителям преподнесли угощение и деньги для ставок. Перед придворными из дворца Чистоты и Прохлады, архивариусами и чинами Личной императорской охраны расставили столики с деньгами и бумагой. Архивариусу, посыльному от императора, наследник велел вручить штаны из белого полотна. Императору же он написал: «Бесконечно благодарю за присланные подарки <...>» Посыльным от Судзуси и Накатада тоже вручили штаны из белого полотна, а также благодарственные письма для их господ.

Наследник престола и придворные начали играть в кости.

Покои Атэмия находились очень близко от помещения, где расположился наследник, и он прошёл к ней. Атэмия поднялась ему навстречу.

— Не спи же, — сказал он ей.

По небу в этот момент летела большая стая гусей.

Наследник, выйдя вновь к гостям, произнёс:

— Куда спешат эти гуси?
Накатада на это сложил:
— Слышу в небе крики гусей.
«Откуда летите?» — спрошу.
«Не насытилось сердце
Пребываньем в Весеннем дворце,
Но покинуть его уж должны»[653].
Наследник престола сложил:
— Слишком рано расстаться
С гусями должны.
И не успеть из весенних цветов
Выткать парчу.
Чтобы им подарить на прощанье!
Масаёри произнёс:
— Так быстро
Гуси нас покидают,
Что соловью
Не выткать в подарок
Для них полотна.
Судзуси сочинил:
— Поднимается ветер
От крыльев летящих гусей
И цветов лепестки осыпает.
Эту парчу оставить богам
Птицы хотят на прощанье.
Санэёри сложил:
— Как ни стремятся
Гуси в родные края,
Медлят они
Этой ночью прекрасной
От нас улететь.
Помощник военачальника Левого императорского эскорта произнёс:
— Или оставили гуси в подарок
Эти белые облака?
Разве не ветер
На гребне горы
Соткал их?[654]
Санэёри сложил:
— Покинули гуси

Цветов весенний ковёр.
В небесные перья одевшись,
К родному краю
Они устремились[655].
Сукэдзуми произнёс:
— Всем жаль,
Что уходит весна,
Что цветы опадают.
И не знает никто,
Сколько гусей домой улетает.
Цурэдзуми сочинил:
— Летящие гуси
С блуждающим облаком
В вышине повстречались.
Когда обещали они
Друг друга увидеть опять?

Таковы были стихотворения, сложенные в ту ночь. Ранним утром придворным вручили по женскому наряду. Гостям преподнесли угощение. Половину из шкатулок, присланных Судзуси, отправили госпоже Дзидзюдэн.

* * *

С тех пор, как Накаэри удалился в горы, он не ел ни зерна, ни соли, питался одними плодами деревьев и сосновой хвоей и шесть часов в день проводил за молитвами. Своими слезами он мог бы наполнить море, стенаниями покрыть все горы[656]. Не было ни одного человека, начиная с императора, который не сожалел бы о нём. Масаэри тоже вспоминал о Накаэри и вздыхал: «Как жаль!» Как-то отправившись в горы с придворными и сыновьями, он лично посетил Накаэри.

Накатада, Судзуси и Юкимаса часто вспоминали о своём друге и восклицали с сожалением: «Какой замечательный это был музыкант!» — и однажды, набрав цветов, навестили его в Мидзуноо. Накаэри встретил их с радостью и рассказал им о своей теперешней жизни. Трое путешественников проливали кровавые слёзы.

— Милый мой! — воскликнул Накатада. — Твой уход от мира был для нас как гром среди ясного неба. Почему ты так поступил? У меня тоже нет никакого желания оставаться в этом мире, но из-за глубокой любви к родителям и желания служить им я продолжаю вести суетное существование. Но стоит мне посмотреть на твоё нынешнее одеяние, и на сердце становится так тяжело!

В жизни не знаю
Ни забот, ни страданий.
Но, увидев тебя,
Сдержать я не в силах
Из глаз солёных потоков.
Накаёри ответил:
— Горечью жизни
Упившись,
Сердце меня повлекло
Скрыться в этой
Горной глуши.
Судзуси произнёс:
— Меж роскошных цветов
Беззаботно, как птица, порхая,
Мог ли ты думать,
Что скоро в горной глуши
Спать будешь на мху?
Так они, плача, разговаривали между собой.

Через некоторое время молодые люди возвратились в столицу.
К Накаёри приезжали сыновья Масаёри, он повстречался с ними, а
когда они собрались уходить, попросил их передать письмо Атэмия:

«Красный рукав
Хотел себе
На память оставить.
Но ныне от слёз
Чёрным он стал.
И печально, что не во что переодеться».

Атэмия, прочитав письмо, подумала: «Неужели это всё случилось из-за меня? Он уже давно писал мне, но я не отвечала, потому он и ушёл в монахи. А теперь отчего бы мне не ответить ему?» — и написала:

«Знаю, что чёрной
Рясы рукав
Праведника, в горы
Глухие ушедшего,
Слёзы мирские не мочат».

Накаёри, получив ответ, горько заплакал. Он простёрся перед письмом, как перед алтарём в храме, и думал: «Долгое время я писал ей каждый день, но в ответ не получил ни одного знака. Я её так и не видел. Но благодаря всемогуществу Будды теперь, когда она стала супругой

наследника престола, я получил ответ. Пусть это всего лишь одна строчка». Он берёт письмо, как сокровище.

* * *

Советник Санэтада, узнав достоверно, что Атэмия въехала к наследнику престола, совершенно заболел. Отец его очень испугался и в ту же ночь отправился к сыну в Оно, что находится у восточного склона горы Хиэй. Он дал там большие обеты, молился богам и буддам, горько плакал и убивался. Санэтада не умер, но отныне его ничего не интересовало, в императорском дворце он уже не появлялся. Он проводил дни в скуке и печали. Как-то из Оно он написал письмо и послал его Хёэ:

«Долгие годы
Казалось, что скоро
Мир сей покину,
Но не гаснет
Любви моей пламя.
В каком из миров успокоится моё сердце? О, как это печально!»

Прочитав письмо, Атэмия почувствовала жалость, но ничего молодому человеку не ответила.

Санэтада всё время пребывал в глубокой печали и в конце третьего месяца послал ей новое письмо:

«Начинаю тебе я писать,
И скорбь сердце мне разбивает.
Когда в душе у меня
Любовь к тебе загорелась,
С милой женой я расстался,
С которой, как в гавани утки,
Долгие годы я жил неразлучно.
Не знал, что любимый утёнок
Отправился к жёлтым ручьям.
Долго я плыл по реке моих слёз,
Каждый день письма от тебя ожидая.
Уж близок конец моей жизни.
В горном селенье один
Гляжу я на море, что под солнца лучами горит,
Прилив моих слёз вымочил все рукава,
Но морской травы не вижу нигде.
Так, потеряв все надежды, сердцем скорбя,
Свои доживаю я дни»[657].
Ответа он не получил.

Письма Санэтада оставались безответными, но он никак не мог забыть Атэмия и продолжал писать ей. Санэтада не ходил на службу в императорский дворец, не посещал госпожу[658] и дни и ночи проводил в глубоком унынии.

* * *

В тот день, когда Атэмия въехала к наследнику престола, Накадзуми находился на грани смерти, но письмо её подбодрило молодого человека. С каждым днём пылая любовью всё сильнее, он совсем ослаб. Чувствуя, что жить больше не в силах, он написал Атэмия:

«По жёлобу быстро
Умчалась из пруда
Вода.
Ах, лучше бы пена
Всё время на дне оставалась!»[659]

Никогда я не мог удержаться, чтобы не писать тебе, и сейчас укоряю себя за это. Горько думать, что после смерти я оставлю о себе дурную память. И всё же я не сожалею, что погибаю из-за тебя. Я страдаю только оттого, что не смогу тебя увидеть ещё хоть раз».

Атэмия прочитала письмо и подумала: «Среди моих братьев я больше всех могла положиться на Накадзуми. Но он полюбил меня этой невозможной любовью и стал ужасно мучиться». Опечаленная его письмом, в котором чувствовалось безграничное страдание, она сокрушалась: «Как же он мог так полюбить свою сестру?» и написала в ответ:

«Сколько ни падает
На то же поле росинок,
Все исчезнут они без следа.
Но услышишь, что исчезла одна,
И сердце охвачено скорбью»[660].

Накадзуми, прочитав письмо, скатал его в маленький комочек и проглотил с горячей водой. Кровавые слёзы хлынули у него из глаз, и он испустил дух.

Весь дом пришёл в смятение, всех охватила беспредельная скорбь. Атэмия, узнав о его смерти, была в отчаянии. «Неужели судьба судила ему так умереть? Он всегда говорил о своих страданиях, почему я в то время не отвечала ему? Ничего в нашем мире не интересовало его, а меня он считал бессердечной!» — думала она. Горько плача, она попросила у наследника престола разрешения посетить родительский дом.

— Не убивайся так, — стал утешать её наследник. — Накадзуми умер,

но ведь у тебя осталось много других братьев. Не плачь так горько. Что до траура, то поезжай ненадолго к отцу и там носи траур[661], — распорядился он.

Атэмия всё время вспоминала о том, что говорил ей покойный, и её мучила безграничная тоска.

* * *

Сигэно Масугэ, глава Ведомства гражданского управления[662], отстроил для Атэмия новый дом и обставил его. Ни на кого больше не полагаясь, он выбрал счастливый день и в сопровождении сыновей и челяди собрался отправиться за ней. В это время ему кто-то сказал: «Атэмия въехала во дворец наследника престола».

Масугэ пришёл в страшный гнев, он кричал на весь дом так, что дрожали стены:

— В нашей стране есть и государь, и министры — так почему же допускается творить такие дела? Я задумал жениться, выстроил для своей избранницы дом, отделал опочивальню и ждал благоприятного дня, а тем временем невесту мою увезли во дворец наследника престола! Где же справедливость? Я человек незначительный, но этого не оставлю. Я не позволю, чтобы мою невесту взял кто-то другой. Наш век славится справедливостью, и я подам жалобу!

Он написал жалобу, чтобы подать её на расщеплённой палке[663].

Его сыновья, начиная со второго и младшего военачальников Личной охраны императора, переполошились. «Мы получили службу в императорском дворце и можем надеяться на продвижение только благодаря вам. Если вы совершите такое неподобающее дело, вас отправят в самые глухие деревни на границах провинций, а то и сошлют на дальние острова. Что? же будет с нами?» — уговаривали они его, потирая руки[664].

Но Масугэ, выхватив меч и размахивая им, кричал:

— Я сейчас всем вам срублю головы! Вы защищаете этого самого министра, который стал моим врагом.

Выгнав всех из дому, он надел шапку задом наперёд, надел задом наперёд штаны, сунув обе ноги в одну штанину, и надел верхнее летнее и нижнее зимнее платья. С колчаном на спине, держа ложку для риса как жезл, с одной ногой в башмаке, а с другой в соломенной сандалиии — обувь к тому же была надета задом наперёд — Масугэ прошёл по улицам столицы и дошёл до Южного дворца[665]. Там он остановился. По его седой бороде катились кровавые слёзы. Масугэ подал жалобу.

Император стал читать письмо. Оно было написано очень неискусно.

Император был изумлён и распорядился назначить самого Масугэ заместителем начальника провинции Идзу, младшего военачальника Личной императорской охраны Кадзумаса заместителем помощника начальника провинции Нагато; архивариуса, который в то же время был секретарём в Налоговом ведомстве, и других сыновей лишили места, наказали и выслали из столицы. Младший военачальник Личной императорской охраны плакал и сетовал на судьбу бесконечно.

* * *

Михару Такамото, узнав о том, что Атэмия живёт теперь у наследника престола, перестал пить воду и целыми днями проливал слёзы.

— Всю мою жизнь я не ел того, что мог бы есть, не носил того, что мог бы носить. Все в стране хулили меня, считали скрягой. Я копил сокровища, потому что думал, что с ними всегда — даже под угрозой смерти, даже в безвыходном положении — можно сделать всё, что хочешь. Теперь, когда я оставил пост министра, у меня была только одна цель: жениться на Атэмия. Но если я не могу достичь этого, то все мои сокровища мне уже ни к чему, — сказал он и поджёг все свои дома, начиная с усадьбы на Седьмом и Четвёртом проспектах. Всё сгорело в один миг.

Сам Такамото ушёл в горы и стал отшельником.

* * *

На следующее утро после того, как Атэмия отправилась из дворца в родительский дом, пришло письмо от наследника престола, присланное со старшим секретарём Ведомства двора:

«Всю ночь я провёл в мучениях, думая о тебе. О, если бы ты поскорее возвратилась!

Вечер настал,

Но из сада

Скрылся цветок.

И капли осенней росы

Тоскуют напрасно»[666].

Атэмия ответила:

«Среди роскошных

Цветов находясь,

Капли белой росы

Почему вспоминают

О скромных хаги листьях?»[667] —

и вручила посыльному, наградив его сиреневой накидкой с прорезами из узорчатого шёлка на зелёной подкладке и штанами.

В начале следующего месяца от наследника престола пришло письмо:

«За что же на тонкое
Платье сердиться,
Что преградой меж нами бывает?
Ведь месяцев сколько и дней
Мы проводим в разлуке!»

Атэмия ответила:

«Пусть между нами
Месяцы, годы,
Пусть ворох одежды,
Наши сердца разделить
Не может ничто!»

От наследника престола пришло ещё одно письмо:

«Оставив меня,
В деревне своей
Живёшь безмятежно,
А я жду тебя не дождусь,
И катится слёз водопад».

Атэмия ответила:

«Если сможешь
Дождаться того,
Чего жаждешь,
То знай, это всё потому,
Что корни в разлуке живут»[668].

* * *

Для Атэмия приготовили комнату для роженицы, и все служанки, взрослые и девочки, надели белые одежды[669]. Мать её находилась при ней неотлучно. Все с нетерпением ждали разрешения Атэмия от бремени.

Наконец первого дня десятого месяца родился мальчик. Между дворцом наследника престола и усадьбой Масаёри непрерывно сновали посыльные. К наследнику прибыла императрица, младшая сестра правого министра Тадамаса и правого генерала Канэмаса. Императрица и император были очень обрадованы счастливым известием. «Нашему сыну исполнилось двадцать лет, и уже давно ему стали служить дамы, но деток до сих пор не было. Мы уже стали беспокоиться об этом, но сейчас между ним и Атэмия воцарилось полное согласие, и вот родился ребёнок», — думали они.

На третью ночь[670] прибыли подарки от императрицы: двадцать ажурных серебряных шкатулок, десять полных нарядов для матери, десять

наборов пелёнок для младенца, на двадцати столиках из аквилярии были разложены палочки для еды, ложки и чашки — всё выполнено очень красиво. В коробки из сандалового дерева было положено сто связок по тысяче медных монет. Посыльным был помощник главы Ведомства двора императрицы. С ним императрица передала письмо второй жене Масаёри:

«То, что у Атэмия первой из многих дам родилось дитя, наполнило нас удовлетворением и радостью. Мы хотим такого же и для других дам, которые сейчас завидуют Вашей дочери, поэтому, пожалуйста, пусть она пришлёт им немного рису, что останется после её трапезы. Всё посылаемое предназначено тем, кто в течение нескольких ночей не спал, находясь возле Вашей дочери».

Помощнику главы Ведомства двора императрицы был вручён полный женский наряд, а тем, кто нёс подарки, — шёлк и полотно, в зависимости от их чина. Недоеденный Атэмия рис жена Масаёри положила в большой золотой сосуд и отправила императрице вместе с письмом:

«Очень благодарю Вас за письмо. То, что первый ребёнок будущего императора родился из чрева Атэмия, наполнило нас небывалой гордостью. Мне доставили особую радость Ваши слова одобрения. Посылаю Вам рис, но даже летом мы много едим[671], и осталось очень мало. Прошу прощения».

Императрица положила рис в четыре маленьких кувшина из лазурита, послала жёнам наследника престола и велела сказать: «Будьте на неё похожи».

Все, начиная с Пятой принцессы, съели этот рис. Они вручили посыльным подарки и поблагодарили императрицу письмом. Но Съедэн рис отшвырнула, разбушевавшись:

— Кто захочет есть рис, оставшийся от племянницы?[672] Она понесла от кого-то из своих многочисленных любовников, а теперь утверждает, что это сын наследника, и все ей верят и осыпают почестями!

Она кричала так громко, что, казалось, обрушатся стены, и отправила рис обратно, написав императрице: «И без этого риса я рожу много сыновей с большой головой!»

Императрица прочитала и засмеялась:

— Несчастная! Так вести себя недостойно!

На пятую ночь от императрицы-матери принесли такие же великолепные подарки, как от императрицы. С разных сторон поступали поздравления с прекрасными подношениями. Масаёри щедро одарял посыльных. Многие сановники и принцы наносили визиты и все полученные платья и пелёнки пошли на ответные им подарки.

На седьмую ночь от наследника престола пришли на редкость великолепные подарки и письмо, присланное с помощником заместителя начальника провинции. На это письмо ответила вторая жена Масаёри. Доставили подарки от генерала Канэмаса: двадцать сундуков из красного сандалового дерева, блюда для риса из аквилярии, чашки, выточенные на токарном станке, одежда и пелёнки — всё было приготовлено Превосходно и не уступало подаркам, которые делал сам Масаёри. Накатада прислал необычайно красивый серебряный кувшин с кашицей из семи трав; кувшин был поставлен в длинный короб из цезальпинии. Судзуси приготовил подарки совершенно особые, отличным от других образом.

Придворные, служившие у императора и наследника престола, явились все до одного с поздравлениями. Явились также сановники и принцы. Не хватит слов, чтобы описать угощение, которое выставили перед ними. Для ставок в играх были приготовлены и уложены в коробки двести пятьдесят связок по тысяче медных монет.

Пирующих было более двухсот. Высшим сановникам вручили по пять связок монет, придворным четвёртого и пятого рангов — по три и прочим — по одной связке. Всю ночь гости распевали песни и шумно веселились, и всем сановникам и принцам были вручены прекрасные одежды и пелёнки.

Обряд перерезания пуповины выполнила мать Атэмия, обряд первого кормления грудью — жена старшего сына генерала, Тададзуми. Первое купание младенца было поручено даме по прозванию Кура-но сукэ. Старший помощник главы Палаты обрядов читал благоприятные тексты[673]. Кормилиц было три, одна происходила из императорской семьи, две другие были дочерьми старшего управляющего генерал-губернатора на острове Цукуси. Жене старшего сына генерала были посланы подарки: зимняя и летняя одежда, прекрасный гладкий и узорчатый шёлк; всё было уложено в шкатулки. Помощнику главы Палаты обрядов вручили полный женский наряд, двух великолепных коней и двух волов.

* * *

Наследник престола требовал, чтобы Атэмия вернулась во дворец, но она покинула дом генерала только в двенадцатом месяце. Во втором или третьем месяце следующего года она опять забеременела и родила мальчика. Были выполнены такие же церемонии, как по поводу рождения первого сына. Через некоторое время после родов Атэмия возвратилась во дворец. Благоволение к ней наследника было безграничным.

Глава XI РАННЯЯ ОСЕНЬ

Как-то раз[674] в усадьбе генерала Масаёри собралось много господ: его сыновья, сановники и принцы. Хозяин выставил угощение, завязался оживлённый разговор. Правый генерал Канэмаса в этот день не должен был идти на службу в императорский дворец и целый день оставался у себя в усадьбе.

— Сегодня мне не нужно было во дворец, и я никуда не выходил. А когда я весь день сижу взаперти, на меня нападает хандра, — сказал он. — Не отправиться ли к левому генералу? Это будет куда лучше, чем дома сидеть. Ну-ка, Накатада, поедem на Третий проспект!

Они надели нарядные платья и сели в экипаж. Ехать было недалеко, и генерал не взял с собой большую свиту.

Канэмаса велел сыну первому выйти из экипажа и передать Масаёри: «Я сегодня не должен был идти на службу, дома же на меня напала скука, и мы решили приехать к вам».

— У меня тоже настроение плохое, и я сам хотел было отправиться к вам с визитом. Я очень рад, что вы пожаловали ко мне, — ответил тот и вместе с сыновьями и придворными направился навстречу гостю.

Канэмаса вышел из экипажа, и Масаёри повёл его в дом. Когда господа расположились, хозяин приказал внести угощение. Не стоит говорить, как изящны были подносы. На них стояло множество серебряных чашек, были красиво разложены фрукты и сушёные лакомства. Госпожа из северных Покоев приказала подать вино и закуску. Затем внесли сладкие лепёшки. Такое было подано угощение.

В ходе разговора хозяин спросил у Канэмаса:

— Прибыли уже в столицу ваши борцы? В моей команде ещё никого нет.

— Кажется, уже несколько человек прибыло, — ответил Канэмаса. — Обычно на соревнования приезжает много народу, но в этом году, похоже, я не смогу выставить большую команду. Среди тех, кто уже прибыл, есть несколько великолепных борцов. Они и внешне очень красивы, и находятся сейчас в самом расцвете сил. Да, в моей команде в этом году есть такие, за которых не нужно будет краснеть. Некоторые из тех, кто раньше приезжал на соревнования, уже умерли, другие хворают, но я доволен, что мне удалось-таки разыскать достойных борцов, которых я собираюсь представить.

— И в левой команде найдётся, вероятно, несколько стоящих противников, — сказал Масаёри. — Думаю, что в этом году придут превосходные борцы, сильные и красивые. Мы готовились к состязаниям усердно. Приехал известный Наминори из провинции Симоцукэ. Для нас большая удача, что он примет участие в соревнованиях.

— А я очень расстроен, что не приедет Юкицунэ, самый сильный борец из провинции Иё, — вздохнул Канэмаса.

— Недавно император сказал госпоже Дзидзюдэн: «Мне бы хотелось, чтобы в этом году праздник был интереснее, чем обычно, и чтобы на нём было что-то редкостное». По-моему, пусть в этом году на соревнованиях будет меньше борцов, но пусть они будут самые отборные. Мне хочется, чтобы эти соревнования доставили императору истинное наслаждение.

— И я бы желал сделать что-нибудь исключительное, но никак не могу придумать, что именно, — пожаловался Канэмаса.

— Вы, без сомнения, что-то уже придумали, да только не хотите говорить.

— Мог ли бы я не посвятить вас в свой замысел? — воскликнул Канэмаса. И каждый из них подумал: «Ах, как бы мне не оказаться хуже него!»

Чаши часто наполняли вином. Канэмаса произнёс:

— Раньше я стеснялся приходить к вам[675], но сейчас Я избавился от этого стеснения.

— Это, без сомнения, потому, что теперь в вашем доме проживает госпожа из северных покоев, — ответил Масаёри.

— Удивительно, что когда я бываю у вас, у меня появляется ощущение, будто я с давних пор живу здесь, — продолжал Канэмаса. —

Когда-то решил

Все связи порвать с этим домом.

Вновь сюда прихожу,

И наполнилось сердце

Старой тоской.

Хозяин ответил на это:

— Грустно было бы думать,

Что вы никогда

Сюда не придёте.

И днём, и ночью рады

Видеть вас эти стены.

Они заговорили о прошлом.

— В жизни есть много приятного, но нет ничего восхитительнее

безупречной женщины, — начал Масаёри, — и нет большего наслаждения, чем полный участия её разговор. Такая женщина озабочена только тем, чтобы угодить мужчине, и когда я вижу письмо, в которое она вложила душу, я всем своим существом ощущаю, как нежна такая заботливость. Я не видел никого предупредительней высочайшей наложницы, проживающей во дворце Одаривания ароматами, Сёкёдэн. То было удивительное человеческое сердце! Это было давно, в правление императора Сага. Я служил вторым военачальником Личной императорской охраны. Как-то раз этой даме поручили подготовку дворцового пира[676]. И вот во дворце Человеколюбия и Долголетия мне удалось увидеть её сквозь тонкую занавесь, и я потерял покой. Я днями и ночами думал, как бы дать ей знать о себе. Воспользовавшись каким-то случаем, я послал ей письмо и потом настойчиво твердил о своём чувстве, что, должно быть, ставило её в трудное положение. Я получал от неё письма, по которым можно предполагать, что она страдает. Её забота потрясала мне душу. Сейчас я уже стар и могу сказать, что за всю мою жизнь ничто не Приводило меня в такой восторг, как эти письма. Наши отношения так до самого конца и не стали близкими, но поскольку она не отвечала решительным отказом, я всё более и более предавался надеждам и впал уже в такое состояние, что не понимал, куда меня вело сердце. Думаю, что в наше время таких женщин больше нет.

— И сейчас в мире есть женщины с глубоким благородным сердцем, — возразил Канэмаса. — Например, высочайшая наложница Дзидзюдэн. Она нисколько не уступит даме из дворца Одаривания ароматами, о которой вы рассказали. Конечно, не хочется говорить о нынешних временах, это с моей стороны было бы нескромно, но всё-таки... Раньше я посылал ей письма, и она моих чувств не отвергала и писала: «Пожалуйста, доверяйте мне». Я совершал множество лёгкое мысленных поступков, и она не укоряла меня. Такого отношения я больше никогда не видел. И сейчас я время от времени пишу ей письма, и она ведёт себя, как прежде. Она и теперь далека от меня, но сердце её совершенно не изменилось, и на моё дурное поведение она продолжает смотреть снисходительно.

— Это о какой же даме Дзидзюдэн идёт речь? — спросил Масаёри. — Неужели кто-то из моих дочерей обладает подобным сердцем? Вот у дамы Сёкёдэн была совершенно исключительная, превосходная душа.

— В таком случае сделаем вот что, — предложил Канэмаса. — Храните ли вы письма от дамы Сёкёдэн? Письма от госпожи Дзидзюдэн находятся у меня дома.

— Безусловно, у меня хранятся её письма. Когда мне бывает очень трудно, я перечитываю их и тогда забываю об этом мире.

Канэмаса послал Накатада в свою усадьбу на Третий проспект за письмами от Дзидзюдэн, а хозяин велел Цурэдзуми принести письма от дамы Сёкёдэн.

— Но прежде, чем сравнивать наши письма, надо решить, что мы поставим в этом споре, — начал Канэмаса.

— Что же мне предложить?.. Я ставлю свою дочь. А вы что ставите? — спросил Масаёри.

— А я — своего сына, Накатада, — ответил тот[677].

Оба поставили в споре своих детей и вручили друг другу письма, выбрав для сравнения самые замечательные. Послания Канэмаса хранились в ажурной серебряной шкатулке необычайной красоты и были завернуты в редкую ткань. Масаёри же хранил свои письма в резной шкатулке из светлой аквиларии, тронутой червями, и в резной коробке с узорами, изображающими так называемую «китайскую траву» и птиц. Письма обеих дам не уступали друг другу ни с точки зрения каллиграфии, ни с точки зрения изысканности выражений. Трудно было решить, кому отдать первенство.

— Письма Дзидзюдэн изумительны, — сказал Масаёри. — Конечно, дама Сёкёдэн останется для последующих поколений символом совершенной женщины эпохи императора Сага. Но почерк у Дзидзюдэн столь же великолепен... Из писем, которые я получаю, ни одно нельзя сравнить с её посланиями.

— Скажем, что стиль писем Дзидзюдэн более отвечает требованиям моды. Ничья, — предложил Канэмаса.

И Масаёри получил Накатада, а противник — его дочь, на которых они ставили.

Началось исполнение музыки, гармонично зазвучали разные инструменты. Накатада сказал:

— Много раз мне приходилось слышать дивное исполнение на цитре, но как-то посчастливилось играть с Фудзицубо, госпожой из Павильона глициний[678]. Ничего прекраснее её игры я не слыхивал. Когда же я услышал её лютню, то понял, что никто в нашем мире не может играть так, как она. Несколько раз мне случалось играть вместе с Юкимаса, который ныне считается лучшим исполнителем на лютне, но госпожа Фудзицубо замечательно играла такие трудные пьесы, что и Юкимаса не под силу. И удивительно: пьесы, которые в ансамбле с другими инструментами играть трудно, она исполняла с неподражаемой лёгкостью. Свой талант она

скрывает. Но когда Фудзицубо играла вместе со мной, не таким уж мастером, мне стало ясно, что сравнить с ней некого. Звучание её лютни было превосходно, и она исполняла те произведения, которые я обычно играю только в самых торжественных случаях в императорском дворце.

— Не знаю, говорите ли вы серьёзно или шутите, — ответил Масаёри, — но и я отметил, что лютня совершенно гармонировала с цитрой, на которой вы играли. Надо, однако, заметить, что когда женщина играет на лютне, она выглядит не очень красивой. Моя дочь как будто специально не училась играть на этом инструменте. Каким же образом она смогла играть так хорошо? Кстати, в тот день у вас из-за пазухи виднелось письмо, написанное на тонкой бумаге. Вы ни за что не хотели показать его. От кого оно было? Ничего не хотел бы я так увидеть, как это письмо. Кто же вам прислал?

— Это было самое обычное письмо, которое мне прислали из дома, — ответил Накатада.

— Ах, ах, не надо лгать так беззастенчиво! — засмеялся Масаёри. — С чего бы из дома стали писать вам такие изящные письма? Оно было похоже на утончённые послания, которые пишут с особыми намерениями. Это было очевидно.

— Вы судите по бумаге, — ответил молодой человек. — Взяли первую, что попала под руку. Я отроду не лгал.

— По первому шагу видно, что вы этому неплохо научились, — не сдавался Масаёри. Но Накатада так ничего и не рассказал.

Господа продолжали музицировать.

Перед домом поставили конские ясли и стали кормить лошадей. Хозяину очень хотелось подарить лошадей Канэмаса, и он приказал начать соревнования по стрельбе из лука. Все приготовились. В это время на пятиигольчатую сосну, которая росла на острове посреди пруда, села скопа. Она держала в клюве карася длиной всего лишь в три сун, которого только что выловила в пруду.

— Тому, кто попадёт в эту птицу, я бы подарил и десять лошадей из западных конюшен, — объявил Масаёри.

— Пусть все стреляют. Я тоже буду стрелять, — сказал Канэмаса.

— Подождите, — остановил его Масаёри. — Надо стрелять так, чтобы птица не почувствовала приближения стрелы, в противном случае стреляющий проигрывает. Если птица вспорхнёт, вся прелесть соревнования пропадёт. Не разрешите ли выстрелить сначала старому ветерану, скромному стражнику Императорской охраны?

Таким образом, первым стрелял Масаёри. Он поставил двух

знаменитых лошадей из западных конюшен, о которых особенно заботились: одну каурюю в пять сяку высотой, другую вороную в четыре сяку и девять сун. Канэмаса же поставил двух знаменитых соколов в клетках. Масаёри затеял это соревнование, чтобы преподнести лошадей в дар Канэмаса, поэтому совсем не метил в цель и заботился только о том, чтобы не спугнуть птицу. Итак, он промахнулся. Канэмаса с достоинством поднялся, побежал и выстрелил на бегу. Стрела пронзила и птицу, и рыбу в её клюве; скопа упала в пруд. Все присутствовавшие были восхищены. Масаёри прошёл в конюшню за лошадьми и преподнёс их Канэмаса. Двое управляющих конюшни, бэто и адзукари, вывели лошадей и показали их гостям.

Было уже очень поздно. Канэмаса собрался покинуть Масаёри и должен был взять с собой лошадей. Накатада и управляющие с конюхами, служившие у Канэмаса, исполнив благодарственный танец, приняли лошадей от конюших Масаёри, которых Канэмаса приказал угостить на славу. Накатада поднёс им чаши и много раз наливал в них вина. Во дворце Масаёри до рассвета распевали песню «Этот конь», а когда рассвело, гостям вручили подарки: полные женские наряды, охотничьи костюмы из белой накрахмаленной ткани, штаны на подкладке. Набросив на себя полученные одежды, гости возвратились домой.

Канэмаса велел своему сокольничему посадить в клетки двух соколов и отправить Масаёри с возвращающимися конюшими. Масаёри отослал подарок обратно со словами: «Когда вы в следующий раз пожалуете ко мне, мы снова устроим соревнование, и если я попаду в скопу, я приму этих соколов». Но Канэмаса опять послал ему птиц и велел передать: «Я попал в скопу только потому, что вы выстрелили в сторону, и теперь вы должны принять этих соколов».

— Это безжалостно! Он вынуждает меня принять этот подарок! — воскликнул Масаёри и велел своему сокольничему исполнить корейский танец и принять соколов.

Сукэдзуми стал щедро угощать сокольничего Канэмаса, и наконец того отпустили, вручив полную женскую одежду и накидку с прорезами.

— Он действительно понимает толк в вещах, — сказал Канэмаса и стал подробно рассказывать госпоже из северных покоев о своём визите к Масаёри.

* * *

Тем временем в усадьбу левого генерала прибыло множество борцов для участия в соревнованиях в левой команде. Масаёри велел вынести стул на веранду и, усевшись, обратился к собравшимся:

— Нынче генерал Канэмаса говорит, что хочет подготовить соревнования особенно тщательно, потому и вы готовьтесь к ним очень усердно. Если прибудет Наминори, состязания обещают быть много интереснее, чем раньше. И генерал Канэмаса говорил мне: «Хорошо бы обязательно приехал Наминори». Что касается правой команды, то Юкицунэ из провинции Иё, который уже встречался с Наминори, пока не прибыл, но генерал обещал, что он приедет непременно. Кроме него в правой команде есть, вероятно, много борцов совершенно великолепных. К сожалению, борцы так стараются принести победу своей команде, что всегда безжалостно мнут друг друга. Тут сначала лучше выпустить подростков, а в конце — самых сильных борцов.

В домашней управе начали готовиться к соревнованиям очень серьёзно.

В свою очередь, Канэмаса сказал госпоже из северных покоев:

— Ты прекрасно знаешь, что всегда после соревнований генерал победившей стороны приглашает подчинённых на пир. Если мы подготовимся, а команда наша проиграет, и к нам никто не придёт, никакого стыда в этом не будет. Гораздо хуже, когда известие о победе застанет хозяев врасплох. Пожалуйста, начинай готовиться сейчас с особым тщанием. Надо запастись большим количеством платья для наград.

Кроме того, он распорядился, чтобы в домашней управе приготовили для пиршества много столиков и красивые скатерти.

— Я хочу поручить исполнение музыки на состязаниях вторым военачальникам Правой императорской охраны. Что касается наград, то об этом мы поговорим после того, как выберем музыкантов и борцов, — сказал он.

Оба генерала не хотели ударить в грязь лицом и всем сердцем радели о пире.

Госпожа из северных покоев в усадьбе Канэмаса на Третьем проспекте решила для этих соревнований сделать мужу и сыну роскошные одежды. Она велела доставить много узорчатого шёлка и сшить из него платья.

* * *

Как-то раз Накатада пришёл к отцу и сказал ему:

— Я давно хочу нанести визит наследнику престола, но мне никак не удаётся.

— Если бы я мог пойти туда и поговорить с Фудзицубо, я бы, может, избавился от сердечной тоски, — вздохнул Канэмаса.

— С Фудзицубо вам нужно беседовать с большой осмотрительностью, — ответил ему сын. — Люди, страдая, часто говорят

глупости, которых потом стыдятся.

— Ты достаточно ловок, чтобы вручать ей письмо и получать от неё ответ, — заметил Канэмаса.

— Вы забываете, что я совсем не могу приблизиться к ней. <...> — возразил Накатада.

* * *

<...> Канэмаса продолжал заниматься подготовкой к состязаниям, и когда узнал, что Юкицунэ, самый сильный борец правой команды, прибыл из провинции Иё, он беспрдельно обрадовался.

— Что было бы, если бы в этом году Наминори из левой команды прибыл, а Юкицунэ из правой — нет! <...> — восклицал он. — Ведь уже давно решено, что они будут бороться друг с другом. Было бы жаль, если бы они не приехали, но, к счастью, оба уже здесь!

В то время генералы и военачальникилевой и Правой личной императорской охраны ничем другим, кроме подготовки к состязаниям, не занимались. Чем ближе был праздник, тем больше всяческих волнений. В конце концов всё было готово. Ответственность за проведение торжеств возложили на второго военачальника Правой личной императорской охраны Сукэдзуми. Младшими военачальниками в Правой императорской охране служили Тайра Корэкагэ, Тайра Мотосукэ, старший сын второго советника министра Масаакира, и Фудзивара Накамаса. Там же служило множество молодых людей, славящихся своей красотой. Влевой императорской охране вторыми военачальниками были Накатада и Судзуси, одновременно занимавшие должности советников сайсё, а младшими военачальниками — Юкимаса, Наакиё, третий сын левого министра, и Мураката, столь же знаменитые, как и правые военачальники.

* * *

В первый день седьмого месяца император прошёл в покои Дзидзюдэн и сказал ей:

— Вчера вечером я посылал к тебе архивариуса, но ответа от тебя не было. Что случилось? Странно, в последнее время ты несколько раз возвращала моих посыльных без ответа. Значит ли это, что ты на меня сердита? Как это неприятно!

— За что мне на вас сердиться? — воскликнула она. — Все эти дни стоит страшная духота, я плохо себя чувствую, потому и не ответила вам.

— В таком случае пойдём ко мне. Ты сразу же почувствуешь себя лучше. Но что с тобой? Не в положении ли ты? — спросил император.

— Вы вводите меня в смущение, — ответила госпожа. — Нет, на этот раз что-то другое.

— Значит, не то... — Разве не говорят: летние насекомые?[679] — промолвила она.

— Что ж, в тебя многие влюблены, — сказал император. — Ты приводишь в восхищение даже тех, кто тебя по-настоящему не знает. Зная об этом, я терзаюсь муками.

— О ком вы говорите? Я вас совсем не понимаю. Неужели вы думаете, что кто-то...

— А отвратительные воры, которые сговариваются между собой?[680] — остановил её государь.

— Я совершенно не понимаю вас, — повторила она. — Скажите прямо, кого вы имеете в виду.

— Неужели ты на самом деле не понимаешь? — стал допытываться он. — Не будь со мной так безжалостна. Поскольку уж об этом зашёл разговор, я скажу: я подозреваю генерала Канэмаса.

— Тут и говорить не о чем. Ваши подозрения насчёт генерала совершенно необоснованны.

— Канэмаса, конечно, повеса, но это человек очень тонкий в обхождении, у него множество достоинств. Поэтому я его и подозреваю. Но разве трудно назвать других? — продолжал он. — Как сказано, «зная об этом, я сердцем готов заблуждаться»[681]. Увы, мне есть кого терпеть. Возьмём принца Хёбукё. Это мой брат, и мне бы расхваливать его не следовало. Но как он хорош собой! Лишь посмотришь на него, сразу начинаешь думать: «Ах, если бы он был женщиной! Как бы я хотел обладать им!» — потом вздыхаешь, что это невозможно, и хочешь отдать ему в жёны свою дочь. А если он начнёт ухаживать за какой-нибудь женщиной, у которой не вовсе чёрствое сердце, то так или иначе он обязательно добьётся своего. Но я не собираюсь никого сурово порицать. И хотя время от времени мне что-то кажется подозрительным, я стараюсь оставаться спокойным — не на всё надо обращать внимание. Например, я не буду особенно упрекать тебя за твоё дружеское расположение к Канэмаса. Я склонен думать, что такие отношения вполне допустимы. Но вот принц Хёбукё доставляет мне много страданий. Если он вознамерится, то может соблазнить не только любую женщину, но и богиню счастья Китидзётэн[682]. Ты лучше других, однако принц пока не старался возбудить в тебе глубокого чувства. Но вот что будет потом?..

— Ах, как этот разговор неприятен! — вздохнула она. — Неужели вам кажется, что у меня могут быть подобные намерения? Да и принц влюблён не в меня. Если уж вы заговорили об этом, я не могу не ответить вам. В ваших словах есть доля истины, его письма действительно необычайно

изысканны, и я была восхищена ими.

— Это всё звучит неубедительно, — произнёс император. — Я по-прежнему подозреваю вас.

— Почему же это неубедительно? — переспросила госпожа.

— Время от времени принц посылал тебе письма. А что сейчас?

— Оснований подозревать меня в нежных чувствах к принцу нет никаких. Когда Фудзицубо, которая сейчас служит во дворце наследника престола, находилась ещё в отчем доме, я догадывалась, что принц влюблён в неё.

— Так, видно, и было. В каком из миров нашёлся мужчина, который не подпал бы под чары Фудзицубо? Говорят, что даже бесчувственный к женской красоте бывший министр Такамото был среди её обожателей. Меня очень удивило, что он так безумно влюбился. Я слышал, что многие домогались её очень настойчиво. Нет ни одной женщины, даже самых редких достоинств, которая не уступила бы Накатада, если бы он сделал хоть шаг к этому. Фудзицубо же совершенно не собиралась отвечать на его чувства. И я всё больше и больше восхищался ею и считал девицей совершенно удивительной. Похоже, что и сейчас она не изменилась.

— Похоже, что так, — согласилась Дзидзюдэн. — Но кажется, что Накатада сумел-таки привлечь её сердце, и она ему отвечала чаще, чем другим. А Накатада, заметив это, посылал ей множество подарков, которые могли привести её в восхищение. Однако отношения их так ни к чему и не привели.

— Печально!.. — вздохнул император. — Их письма, вероятно, были исполнены редкостного очарования. Как бы мне хотелось взглянуть на них! Когда молодые люди ездили на побережье Фукиагэ к придворному Судзуси, Накатада играл на кото совершенно изумительно, и я велел генералу отдать Фудзицубо ему в жёны[683]. Накатада был в восторге, и я предполагал, что так и будет, но Масаёри распорядился иначе. Что думает об этом Накатада? Наверное, он считает, что мир изменился с тех пор, когда Сын Неба не бросал слов на ветер. Мне горько, что такой тонкий человек, как Накатада, перед которым я стыжусь себя самого, теперь уверен, что мои слова ничего не значат. Не отдать ли ему в жёны Имамия? Во всей Поднебесной нет человека лучше Накатада. Удивительно, что стоит лишь взглянуть на него, как чувствуешь какое-то умиротворение и забываешь печаль нашего непрочного мира. И даже Судзуси не может с ним сравниться. У Судзуси есть свои достоинства, но Накатада — поистине человек необычайный.

— У него ещё низкий ранг и нет устойчивого положения, —

промолвила госпожа.

— Об этом не волнуйся. Если сделать так, как я говорю, все будут довольны, — стал уговаривать её император.

— Как я могу возражать вам? Я во всём с вами согласна, — ответила она.

— Вот и прекрасно! — Я одно скажу. Если вы так решите, то я не думаю, что кто-то будет против, но Накатада пока в чине невысоком, и мне кажется, ещё некоторое время можно подождать с его женитьбой.

— А если так и пройдет расцвет её красоты? — возразил император. — Пока у девицы нет хорошего мужа, её жизнь уныла. Да и можно ли не хотеть выйти замуж за Накатада? Не беспокойся о его ранге. Накатада ещё молод. Невысокий ранг в его возрасте не грех, с годами выдвинется и другим не уступит. Ничего оскорбительного в таком браке нет.

— При всех ваших словах я всё же определённо решить не могу, — колебалась она.

— Не потому ли, что ты не забываешь о его жизни в дупле? Вот уж вздор! Вряд ли кто-нибудь упрекнёт его за это. Подумай о том, как их поженить. Я ему присвою особый чин. Если он, при своём врождённом таланте, при превосходном сердце и красоте, получит ещё и чин, ты обязательно изменишь своё мнение.

— Я должна хорошенько подумать. Если дома не будут возражать... — не соглашалась госпожа.

— Вряд ли в семье генерала кто-нибудь будет против. Я твёрдо надеюсь, — заключил император.

Перед ними поставили четыре столика, и император принялся за трапезу[684].

* * *

Сановники и принцы отправились во дворец Человеколюбия и Долголетия. Там собралась вся знать. Масаёри распорядился доставить из своей усадьбы на Третьем проспекте фрукты и вино, и все сановники и принцы, бывшие во дворце, принялись пить вино. Пошли разговоры.

— Давненько во дворце не устраивалось интересных развлечений, — обратился государь к наследнику престола. — Сейчас ветер начинает постепенно свежеть и устанавливается прекрасная погода. В такую осень хочется совершенно позабыть о наших суетных заботах и заняться чем-то, что приносит глубокое удовлетворение. Пусть каждый постарается быть изобретательным. Нам отпущена короткая жизнь, и пока я жив, мне хотелось бы увидеть что-то необычайное.

— Если говорить о ежегодных праздниках и церемониях, то в эпоху вашего царствования они столь великолепны, что их будут вспоминать и в последующих поколениях, — ответил наследник. — В прошлом году праздник девятого дня девятого месяца, который устраивался в Фукиагэ, был особенно хорош. Можно и теперь устроить что-то подобное. Но какой из ежегодных праздников мы выберем?

— Все праздники года по-своему замечательны, — вступил в разговор Масаёри. — Очень интересно утреннее приветствие в первый день первого месяца, столь же интересен и исполнен тонкого вкуса дворцовый праздник. Праздник в третьем месяце, когда распускаются цветы, особенно очарователен. В пятом месяце кроме ирисов нет других ярких цветов, но праздник пятого дня удивителен и восхищает сердце. В недолгие ночи, на ясной и короткой заре слышится голос кукушки, ранним утром пойдёт тёплый дождь, там и сям цветут ирисы с их тонким ароматом — всё это полно прелести неизъяснимой. В то время фрукты ещё не поспели, мандарины уже отцвели, но на ветвях остаются кое-какие цветы, и это особенно чарует. Может быть, из годовых праздников это самый лучший. Праздник седьмого дня седьмого месяца прекрасен, но нет в нём ничего, что может поразить воображение[685]. Впрочем, и здесь всё зависит от того, как его устроить. Что касается девятого дня девятого месяца, то тут сразу же вспоминается пиршество прошлого года в Фукиагэ — оно действительно было изумительным. И всё-таки остальные праздники не так хороши, как праздник пятого дня пятого месяца.

— Генерал рассудил очень хорошо, — охотно согласился император. — Я и сам так думаю. Как начинаешь сравнивать годовые праздники, то убеждаешься, что ничего нет лучше, чем праздник пятого дня пятого месяца. На ветках цитрусовых ещё остаются цветы, хотя время цветения уже прошло, — и это сообщает празднику ещё большее, несравненное очарование. Кроме того, ничто не сравнится с великолепным зрелищем стрельбы из лука с коня и скачки, которые устраиваются в этот день.

Такие велись разговоры.

Это был десятый день седьмого месяца, и вечер стоял очень душный, безветренный. «Хорошо бы подул хоть слабый прохладный ветерок, — вздыхали собравшиеся. — Ведь сейчас начало осени. Пусть же дохнет на нас осенней прохладой!» Вечерние тени сгущались, и неожиданно подул ветер. Император в это время сложил:

— Веет прохладой...

Неожиданно

Ветер подул.
Спешит сообщить, что сегодня
Осень настала.
Дзидзюдэн ответила из-за занавеси:
— Действительно, сегодня больше, чем обычно, чувствуется, что
наступает осень.

Лишь осень наступит,

Виден её

На всём отпечаток.

Сегодня ветра прохлады

Особенно в грудь проникает.

Император насмешливо ответил ей:

— Но пока ветер дует снаружи и ещё не проник во внутренние покои.

Разве проник уже

Ветер с известьем,

Что осень пришла,

За шёлк занавесок

Дальних покоев?

Нет ли там ветра, который говорит тебе об этом?

Масаёри сказал:

— Возможно ли такое?

Вряд ли кто-то

Приблизился с просьбой

К этим покоем.

Осень едва наступила

И вот уж проходит[686].

Наступил вечер.

Император объявил, что он возвращается в свои покои и сказал
Дзидзюдэн:

— Приди ко мне хотя бы нынче ночью. Всё время я посылаю за тобой,
но посыльный возвращается без ответа. Пойдём-ка вместе...

Он поднялся, а Дзидзюдэн улыбнулась:

— Даже этого посыльного могу отослать без ответа. — Но тут же
добавила: — Это я говорю в шутку.

Часто шелка одежд

Летом нас разделяли.

За что же теперь

Сердиться

На ветер осенний?[687]

Не это ли имеют в виду, когда говорят, что я равнодушна?

— Я никогда так не говорил, — стал уверять её император. — Приходи скорей.

— Я тотчас же поднимусь в ваши покои, — ответила госпожа.

— Не отсылай же посыльного, как раньше. А если ты его отошлешь, я сам приду за тобой. — С этими словами император удалился.

Все сановники со своей свитой покинули дворец. Вскоре из императорских покоев прибыл архивариус, и Дзидзюдэн отправилась к государю.

* * *

Генерал Канэмаса возвратился домой вместе с Накатада. Некоторые из сановников были назначены на ночное дежурство во дворце, а другие ушли к себе.

Отправился домой и Масаёри. Его зятя и сыновья проводили его в северные покои и разбрелись по разным помещениям.

<...>

— <...> Пока так шёл разговор, государь отправился во дворец Человеколюбия и Долголетия, объявил, что желает пребывать там, и велел сделать необходимые приготовления. Все придворные перешли в этот дворец, стали беседовать, и никто не заметил, как пролетело время, — рассказывал Масаёри второй жене.

— Как там живётся Фудзицубо? — спросила она.

— Она всё время находится в покоях наследника трона. Кажется, у неё всё идёт гладко, занимается по своему обыкновению музыкой. Я слышал, как Накатада играл на цитре, а Фудзицубо из-за занавеси вторила ему на лютне. Она стала играть ещё лучше, чем когда жила здесь. Фудзицубо играла так же великолепно, как сам Накатада, и совершенно не волновалась.

— Что ты думаешь, как относится к ней Накатада? — спросила госпожа.

— Я и на это обратил внимание. Может быть, это только игра моего воображения, но он был немного взволнован.

— У Накатада благородная душа. Он глубоко любит Фудзицубо, но никогда не требовал к себе сочувствия. Высказав то, что у него на сердце, он посылал потом письма, казалось, совершенно безмятежные, их кому угодно можно показывать, но в то же время глубокие и волнующие. И если почему-то от него долго не было писем, даже я начинала ждать их с нетерпением.

— Кажется, их переписка продолжается и сейчас, — заметил

Масаёри. — Я сегодня был свидетелем вот чему. Накатада находился подле государя[688], и за пазухой у него виднелась тонкая бумага, исписанная изумительным почерком. Я в шутку попросил, чтобы он показал, он засмеялся, но письма не вытащил. По-видимому, это было от неё. И наследник престола знает, что Накатада сейчас, как и раньше, любит Фудзицубо, и если Фудзицубо напишет ему ответ, наследник, наверное, особенно её укорять не станет. Он считает, что всё тут в порядке вещей, а для Накатада это очень удобно.

— Как бы я хотела, чтобы он породнился с нами, — вздохнула госпожа. — Может быть, отдать за него Имамия?

— Я бы не возражал, но отрёкшийся от престола государь уже распорядился: «Надо женить Судзуси на Имамия. Насчёт же Накатада у меня есть кое-какие соображения. Я хочу, чтобы Судзуси женился на Имамия, потому что он принадлежит к роду Минамото. А Накатада я хочу женить на её сестре»[689]. Так он изволил несколько раз повторить на празднике девятого дня девятого месяца в Фукиагэ.

— Но Судзуси всё-таки в чём-то уступает Накатада. Или они во всём равны друг другу? — спросила госпожа.

— Судзуси богаче кого бы то ни было, но Накатада он-таки уступает, — ответил Масаёри. — В смысле личных качеств они оба без упрёка, но Накатада всё же превосходит в красоте, которая заставляет всех стыдиться собственного убожества, а также в талантах. Это моё мнение. Если из тех, кто был влюблён в Фудзицубо, принц Хёбукё и правый генерал посватаются к Имамия, а мы отдадим её Судзуси, они скажут, что я польстился на богатство, и это будет мне неприятно. Я богатства совершенно не добиваюсь. В нашем мире вряд ли можно кого-либо сравнить с Накатада и Судзуси по внешности и обаянию. Я действительно хотел бы отдать дочь одному из них. Но император уже выразил своё желание в отношении Накатада.

— На ком всё-таки государь хочет женить Накатада? — спросила госпожа.

— Вот и я об этом размышляю. Поскольку император сказал, что у него есть какие-то соображения, думаю, что он имеет в виду какую-то из своих дочерей. Очень мне жалко. Таких, как Накатада, среди обычных людей нет, он единственный сын процветающего вельможи, и во всех делах он чувствует себя совершенно уверенно. Это само совершенство. <...> Судзуси очень красив, кроме того, он из рода Минамото, после него о других думать не хочется. Вообще-то молодые люди часто хотят посредством женитьбы поправить свои дела, и если семья жены помогает

им преуспеть в жизни, им это по душе. А если помощи нет, они считают, что родственники жены ведут себя недостойно, и восторга не проявляют. Что же касается Судзуси и Накатада, тут другое дело. Оба они — прекрасная партия. Когда я на них смотрю, я жалею что у меня не пять или шесть глаз.

— Я хотела бы, чтобы Накатада вошёл в нашу семью, но если император сказал и другим о своих намерениях... — промолвила госпожа.

— Если император изволил сообщить другим об этом, нам говорить поздно.

— Что же делать? — вздохнула госпожа. — Сейчас все хотят жениться на Имамия вместо Фудзицубо. Прямо не знаю, как быть! Я же с детства воспитывала Имамия, чтобы отдать её в жёны Накатада.

— А что мы будем делать с Содэмия и Кэсумия? — спросил Масаёри.

— Их я хотела бы отдать в жёны принцу Хёбукё и правому генералу. Но в доме у правого генерала живёт госпожа из северных покоев, мать Накатада, которую он необычайно любит. Поэтому я не знаю, как поступить.

— Так что же нам с ними делать? — повторил Масаёри.

— Пожалуй, Содэмия могла бы быть для Канэмаса хорошей женой, а Кэсумия отдадим принцу Хёбукё.

— Ты совершенно права. Действительно, у Содэмия такая внешность и такой характер, что её как будто специально создали для правого генерала, а Кэсумия блестяща и, кажется, более интересна.

— Они обе хороши, но их достоинства в глаза не бросаются. Среди моих дочерей Имамия выросла девушкой прекрасной, она только чуть-чуть уступает Фудзицубо. Фудзицубо же несравненна, она совершенно безупречна, у неё ни в чём нет ни малейшего изъяна, — сказала госпожа.

* * *

Приближались соревнования борцов. В императорском дворце готовились к этому празднику с особой тщательностью. Наложницы, получившие повеление прислуживать императору, были очень искусно нагримированы. В день соревнований пир состоялся во дворце Человеколюбия и Долголетия. Утром прислуживать императору была назначена госпожа Дзидзюдэн, днём — госпожа Сёкёдэн, вечером — дочь главы Палаты обрядов, все три в окружении юных служанок. Кроме того, при императоре должны были находиться десять наложниц в одеждах с узорами, соответствующих их рангу. Все придворные дамы были в парадных одеждах с самыми удивительными узорами. В этот период расцвета правления даже придворные дамы низших рангов были дочерьми

важных сановников, а исполнительницы танца «Пяти мановений» и дамы, выполняющие различные поручения, никому не уступали ни личными достоинствами, ни своим положением. В парадных одеждах и с высокими причёсками четырнадцать дам низших рангов, семь исполнительниц танца, семнадцать исполняющих различные поручения являли великолепное зрелище. Очень красивы были три дамы пятого ранга, имеющие доступ в императорские покои, и дамы из Отделения дворцовых прислужниц, такого доступа не имеющие.

С утра в день соревнований дамы были готовы. Во дворец прибыло множество придворных, начиная с генералов Левой и Правой императорской охраны. Музыканты из Императорской охраны стояли в стройном порядке. Восхищению не было конца.

В тот день борцы в роскошных костюмах, с причёсками, украшенными искусственными цветами тыквы[690], являли удивительную картину. Стражники Личной императорской охраны разбили шатры и ожидали начала праздника. Очарование красивых лиц подчёркивалось прекрасными одеждами. Все, и мужчины и женщины, были в одеждах тёмно-фиолетового цвета, так называемой двойной окраски.

Высочайшие наложницы государя — старшая дочь генерала Масаёри, госпожа Дзидзюдэн, и дочь главы Палаты обрядов должны были лично прислуживать ему. В то время эти дамы пользовались наибольшей благосклонностью императора. Дзидзюдэн прислуживала государю утром. Её красота затмевала красоту всех других дам. Она была в платье из шёлка с цветочным узором, в китайском платье из узорчатого шёлка, в платье со шлейфом, окрашенном травами, в нижнем платье из лощёного шёлка, в красном платье и в китайском платье двойной окраски. Во дворце не было ей равных.

Даже в тот день император не мог забыть, что Канэмаса влюблён в Дзидзюдэн, и думая: «Что же будет дальше?» — переводил глаза с наложницы, которая находилась за занавесью, на генерала, стоящего снаружи. Оба были великолепны, невозможно было найти в них ни одного изъяна.

«Если бы они жили вместе, это была бы изумительная пара, — думал император. — Поселились бы в каком-нибудь дивном месте, с душистыми травами и красивыми деревьями, и весной, когда цветут вишни, или осенью, когда покрываются багрянцем клёны, в полные прелести сумерки обменивались бы уверениями в вечной верности, в глубокой любви и рассказывали бы друг другу о своих чувствах, — ах, какая это была бы исполненная тонкой гармонии, прекрасная картина! Все, кто бы мог их

видеть и слышать, были бы очарованы таким сродством душ. Как бы все любовались ими, будь они мужем и женой!» Думая так, он наблюдал за ними и отметил изысканную утончённость госпожи, заметную в любой мелочи приготовленной ею трапезы, а также глубокий вкус генерала, проявившийся в устройстве соревнований. «Удивительно, как похожи их характеры!» — подумал император, и сочинив стихотворение, прикрепил его к особенно красивому цветку патринии и послал придворным, в группе которых находился Канэмаса:

«Красой очарован,
Оминаэси цветы полевые
В саду у себя посадил.
Разве случайно их лепестки
Усыпали капли росы?»[691]

— Сможет ли кто-нибудь объяснить смысл этих стихов? — спросил император.

Первым стихотворение прочитал принц Хёбукё, но смысла понять не мог. Однако поскольку в своём сердце он питал любовь к госпоже Сёкёдэн, он, стараясь не выдать себя, написал:

«Ждёт с нетерпением
В поле трава,
Когда возвратится
Оминаэси
Из изгороди цветочной»[692] —
и передал Канэмаса.

В глубине души Канэмаса продолжал питать глубокие чувства к Дзидзюдэн, но не догадывался, что император подозревает об этом, и раздумывая, какой смысл вложил государь в своё стихотворение, он написал:

«Если на бедное поле
Оминаэси цветы
Пересадят,
Полынь как царицу
Будет их почитать» —
и передал генералу Масаёри.

«Странно! — подумал тот. — Сейчас императору прислуживает моя дочь, Дзидзюдэн. И если государь именно в это время пишет такое стихотворение, это, по-видимому, неспроста».

«Никогда не хотел,
Чтобы этот прекрасный цветок

В диком поле терялся.
Пусть вечно он украшает
Роскошную изгородь!» —
написал он и передал Накатада.

Накатада, прочитав, сразу же понял, о чём тревожился Масаёри, и написал:

«Как радуется
Оминаэси цветок,
Что самой прекрасной
Гвоздикой украсил
Ароматов собрание!»[693]

Стихотворения поднесли императору. Прочитав их, он проник в смысл каждого стихотворения. Было ясно, что принц Хёбукё имел в виду Сёкёдэн. Прочитав стихотворение Канэмаса, император подумал: «Как удивительно, что он написал всё так, как я и предполагал», а прочитав стихотворение Накатада, он начал неудержимо смеяться.

— Почему ты так понял то, что я написал? — спросил он у молодого человека.

— Я не очень хорошо проник в смысл вашего стихотворения, — ответил тот. — Но неужели я совершенно ошибся, написав ответ?

— Ты всегда ловко прикидываешься, что ничего не понимаешь, — сказал император и никак не мог перестать смеяться.

Тем временем начались соревнования. Борцы левой и правой команд выглядели великолепно. До двенадцатого тура счёт был одинаковым. «До сих пор ни та, ни другая команда не добилась победы. Сейчас нужно провести ещё один, решающий тур», — сочли распорядители.

Для участия в соревнованиях в левой команде из провинции Симоцукэ прибыл знаменитый Наминори. <...> Он приезжал в столицу уже три раза и в какой-то год выступил один раз в соревнованиях, а потом соперников у него не оказалось, и ему пришлось возвратиться ни с чем. Это был самый сильный борец во всей стране. Масаёри думал: «Во всей левой команде нет никого, кто бы мог выступить против Наминори. На этот раз исход соревнования определён. Но борьба между соперниками будет упорной <...>».

Левая сторона надеялась на Наминори, правая — на Юкицунэ, с обеих сторон горячо молили богов о победе <...>, но никто из борцов не мог быстро одержать победу.

Солнце ещё стояло высоко. За столом императору теперь прислуживала госпожа Сёкёдэн. Приближалось время вечерней трапезы, во

время которой подле государя должна была находиться дочь главы Палаты обрядов, но она, обратившись к Сёкёдэн, сказала:

— Пожалуйста, прислуживайте государю и сейчас. Я сменю вас попозже. — И Сёкёдэн оставалась подле императора до самого захода солнца.

Соревнования были очень напряжёнными, участники из правой и левой команд выходили бороться под звуки беспрерывно исполнявшейся музыки. Император не отрываясь смотрел на это захватывающее зрелище и не обращал внимания на Сёкёдэн, прислуживавшую ему за столом. Он не замечал ни её блистательной внешности, ни её великолепных одежд. Но наконец в перерыве между схватками, когда борцы удалились со сцены, он взглянул на неё. В лучах заходящего солнца всё красивое выглядит ещё лучше — и Сёкёдэн показалась ему привлекательнее, чем обычно. Император перевёл глаза с неё на принца Хёбукё, которым в то время восхищалась вся столица, и подумал: «Нет людей, сумевших бы в подобных обстоятельствах пройти один мимо другого, ничем себя не выдав. Они видятся друг с другом, но не забываются в моём присутствии. Сразу видно, что и он, и она — люди прекрасно воспитанные. Они никак не обнаруживают перед другими своих чувств, но какими клятвами они обмениваются наедине? Они, наверное, говорят друг другу слова, достойные того, чтобы о них знал мир. Как бы я хотел посмотреть на них в то время и послушать их признания». Глядя то на наложницу, то на принца, император подумал: «А что если попросить её сказать что-нибудь принцу?» Окончив трапезу, император обратился к госпоже:

— Ты должна всех угостить вином. Особенно мне бы хотелось, чтобы ты при этом сложила стихотворение.

— Я должна прислуживать за столом вам... Мне ли подносить гостям вино? — ответила та.

Принц Хёбукё не пропустил мимо ушей её слов и воскликнул:

— По случаю нынешнего праздника всем нужно поднести рюмочку!

— Думаю, что упившись, многие сегодня не смогут подняться, — засмеялся император.

— Тот, кто упадёт, может быть, победит в будущем[694], — ответил на это принц.

Император заметил, что принц не может скрыть своих чувств, и с искренним участием подумал: «Как он страдает! Они прямо созданы друг для друга. Некого попросить поднести вино Сёкёдэн. Что если попробовать самому?» — решил он про себя и, взяв чашу, обратился к наложнице:

— Как больно мне знать,

Что воин суровый
Образ милый в сердце хранит!
Но две стрелы рядом увидел —
И глаз не могу оторвать...[695]
Поэтому я никого не упрекаю.
Он передал чашу Сёкёдэн.
Госпожа, получив чашу, ответила:
— Любят судачить
Попусту люди.
Нелепые слухи
Негодованьем
Сердце мне наполняют —
и послала чашу наследнику престола.
Он взял чашу и, в свою очередь, произнёс:
— Ночью осенней
Шуму крыльев
Бекасов,
Лёжа вместе,
Стрелы внимают...[696]
В таком случае было бы хорошо, если бы двое могли соединиться!
Наследник передал чашу Хёбукё. Принц сложил так:
— На ложе стрела
Грустит одиноко.
Иней пушистый
Её оперенье
Покрыл...
Ничего другого не надо иметь в мыслях!
Он передал чашу принцу Тадаясу. Тот сложил так:
— Ночь холодна,
И иней, покрывший
Те перья,
Которые скрыть невозможно,
Ещё не растаял...[697]
Нехорошо, что об этом заговорили с самого начала.
Масаёри принял от него чашу и произнёс:
— Даже летом
Иней, землю покрывший,
Не тает.
Как холодно, видно,

Было зимой![698]

Он передал чашу Канэмаса, который сказал:

— Осень приходит,

И дивный цветок

Тронут морозом.

Что ж! — в поле на травы другие

Свой взор обрати[699].

Пусты все уверенья в постоянстве!

Канэмаса преподнёс чашу принцу Хёбукё. Принц сложил:

— Увидя цветы,

Что ковром

Осеннее поле покрыли,

Повеса беспечный

Их рвёт без разбора...[700]

На празднике присутствовало множество придворных. Много раз подносили вино. В час обезьяны[701] должны были провести ещё один тур, но ни из левой, ни из правой команды борцы не показывались. Все собравшиеся, начиная с самого императора, предполагали, что эта схватка будет особенно интересной и что от неё зависит победа в соревновании, поэтому появления борцов ждали с нетерпением. Наконец с левой стороны показался Наминори, а с правой — Юкицунэ, силач из провинции Иё. «Ни один из них не одолеет другого! Разве можно решить, кто сильнее, Наминори или Юкицунэ?» — зашумели все.

— Они оба великолепны! — сказал император. — <...>

Левая и правая команды боролись долго, и наконец левые победили. Сорок танцовщиков из левой команды вышли вперёд <...>. Множество музыкантов замечательно исполняли перед собравшимися различные произведения. Генерал Масаёри преподнёс Наминори чашу с вином и накидку со своего плеча. Во время исполнения музыки император сказал:

— В последнее время — и в годы правления отрёкшегося императора Сага, и после того, как я вступил на престол, — в нашей стране ничего примечательного не было. Но сегодня и правый, и левый генералы приготовили состязания с необычайным тщанием, гораздо лучше, чем делается обычно. Этот удивительный праздник, по-видимому, можно сравнить с пиршеством девятого дня девятого месяца прошлого года. Я бы хотел, чтобы в будущем говорили, что нынешние состязания во дворце Человеколюбия и Долголетия не уступали пиру девятого дня девятого месяца в Фукиагэ.

— Да, что ни говори, такого великолепного зрелища никто не мог

устроить, кроме левого и правого генералов, — подхватил наследник престола. — Кажется, мы сегодня полностью насладились самым превосходным из того, что можно найти в Поднебесной, но если бы Судзуси, Накатада и Накаёри[702] согласились, мы бы могли услышать нечто ещё более удивительное.

— Они все так несговорчивы, — заметил император. — Но надо попытаться.

Он подозвал к себе Судзуси, и когда молодой человек, одетый в роскошные одежды, приблизился, обратился к нему:

— Разговоры о сегодняшнем празднике быстро не затихнут. Но чтобы его вспоминали далёкие потомки, чего-то недостаёт. Я вспомнил о прошлых пирах. Мечтая о чём-то из ряда вон выходящем, я подумал о тебе и ещё кое о ком. Пир в Фукиагэ девятого дня девятого месяца, когда ты принимал гостей из столицы, остался в памяти как нечто изумительное, чего не бывало и в Танском государстве. Пусть и сегодняшний праздник будет таким же. Поиграй на кото, на котором ты играл тогда.

— Я решил никогда больше не прикасаться к тому кото. Я отказался от своих планов и забросил музыку, так и не дойдя до вершин мастерства, и сейчас не помню ни одной пьесы, — ответил Судзуси.

— Не надо говорить мне подобных вещей, — остановил его император. — Накатада иногда отказывается играть, но я не попустительствую ему. «...» Вы совершенно похожи на нелюдимов, которые живут в горах.

В смущении Судзуси обратился к находившимся рядом придворным:

— Если бы я хоть немножечко мог вспомнить, то хорошо ли, плохо ли, но сыграл бы что-нибудь, однако я настолько отдалился от музыки...

Император, услышав эти слова, сказал:

— Если я сейчас разрешу тебе не играть, я вряд ли потом смогу упрекать Накатада.

Он снова и снова пытался уговорить Судзуси, но тот, в крайнем смущении, всё-таки играть не начинал.

— Ты говоришь, что всё забыл и боишься играть, — продолжал император, — но при твоём огромном таланте стоит тебе только сесть за кото и коснуться струн, все пьесы сами собой всплывут в твоей памяти. Вряд ли ты так забывчив, как хочешь это представить; что-нибудь да помнишь. Не вынуждай меня быть невежливым. Знаменитые виртуозы иногда играют против своего желания, однако и тогда игра их свидетельствует о высоком мастерстве. Но когда они начинают играть по собственному побуждению, вкладывая в исполнение всю душу, очарование

усиливается во много раз и захватывает слушателей. Я очень хочу услышать тебя сегодня, и упрямитесь тебе не следует. — Император настроил стоявшее перед ним кото в лад произведения «Варварская свирель» и сказал: — Мне бы хотелось, чтобы потом тебе аккомпанировали на флейте. Но то произведение, которому тебя обучил Ияюки, сыграй без всякого сопровождения.

— Совсем не могу ничего вспомнить, — продолжал отнекиваться Судзуси. — И даже «Варварскую свирель» не помню. Не лучше ли перестроить кото в прежний лад и попросить играть Накатада? <...> Если бы Накатада начал играть, то и я бы, может статься, что-нибудь вспомнил. <...>

— Когда ты начнёшь играть, я скажу ему: «Твой соперник уже играет, сыграй-ка вместе с ним». Но уж коль ты, который обычно не отнекивается, играть не хочешь, то где мне упросить этого строптивца? Однако попробую! — И он громко позвал к себе Накатада.

Накатада в это время играл вместе с другими на флейте в шатре, где сидели чинылевой императорской охраны и исполняли музыку, торжествуя победу в соревновании. Когда молодой человек услышал, что его зовут, он отложил флейту и куда-то убежал. Желая отыскать место, где его не найдут, он укрылся в покоях Фудзицубо, дочери генерала Масаёри, которая служила во дворце наследника престола. Увидев его, прислуживающие дамы со смехом стали спрашивать, от кого он прячется.

— Прямо не знаю, что мне делать, — ответил Накатада. — Покинуть дворец я не могу и ищу, где бы спрятаться. Только у вас я чувствую себя в безопасности.

— Ах, в какое затруднительное положение вы нас ставите! — сказала Хёэ. — Разве можно укрывать злоумышленника? Ведь потом нас будут обвинять.

— Я не совершил ничего предосудительного, — ответил он. — А вот вы, наверное, совершаете множество проступков.

— Как злодей не увиливает, а дел своих не скроет? — продолжала своё Хёэ.

— Но должны же здесь быть и серьёзные люди, у которых можно попросить защиты, — сказал Накатада.

Он проник в передние покои, за занавесь. Накатада был совсем близко от Фудзицубо, их разделяла только переносная занавеска. Молодой человек обратился к Фудзицубо: — вы не явились сегодня на праздник во дворец Человеколюбия и Долголетия, и это прямо-таки преступление. Вряд ли можно ещё где-нибудь увидеть такое великолепие, а вы глядеть не

пожелали. Право же, это был удивительный праздник...

Фудзицубо велела Хёэ передать молодому человеку: «Почему вы пришли сюда? Я не должна была бы разрешить вам скрываться в моих покоях».

— Ты время от времени прислуживаешь здесь, вот и я решил подражать тебе, — в шутку ответил Накатада девушке и прибавил: — Но по правде говоря, очень жаль, что вы не видели такого замечательного зрелища...

— Госпожа последнее время нездорова и никуда не выходит, — объяснила Хёэ. — А какая команда победила?

— Что за глупый вопрос! — засмеялся Накатада. — Конечно же, победила левая команда. Разве я не военачальниклевой императорской охраны?

— Именно поэтому я и думала, что левые не победят, — отпарировала Хёэ.

— Языком-то легко молотъ, — поддразнил её молодой человек. — Нет-нет, на тебя я никогда не сержусь. Право, жаль, что вы не присутствовали на празднике. Я-то надеялся, что твоя госпожа обязательно придёт. Танцы исполнялись те же самые, что всегда, но танцевали особенно виртуозно. Однако госпожа твоя не глядела, а это всё равно что расстилать ночью парчу.

— А не поиграете ли вы здесь немножко? — спросила Хёэ.

— Нет, ни за что. Вот разве что вместе с твоей госпожой.

Так они говорили о том о сём, и Фудзицубо отвечала через Хёэ.

— Когда приезжают иностранцы, например из Когурё, нужен толмач, но со мной-то к чему разговаривать через толмача? Разве это не странно? — спросил Накатада.

— Вы так искусны в корейской музыке[703], что вас принимаете за иностранца, — ответила Фудзицубо.

Наступил вечер. Повеял прохладный осенний ветер.

— Ветер осенний

Дышит прохладой.

Белое платье надев... —

пропел задумчиво Накатада и заиграл на кото, стоявшем перед ним[704].

— Если вы так поёте, значит, где-то есть женщина, которая вам доверилась, — заметила Хёэ.

— Только здесь могла бы быть такая женщина, — вздохнул он.

— Но ведь говорят: и в полях, и в горах... — продолжала девушка.

— Это о буре в человеческом сердце!
— А когда говорят: попутный ветер?
— Он уже превратился в холодный ветер осени, — ответил молодой человек.

— Впрочем, в небесах раздаются звуки.
— А что если выйти наружу? — продолжал Накатада.
— Прошла весна, и в поле не слышится больше шума работ. Ну, что? — не сдавалась та.
— Что же можно услышать, если осенний туман всю землю окутал?
— Никак не рассеется густой туман, и ничего различить не могу я, — произнесла она.

— Никак не иссякнет в сердце любовь, и живу я в печали, — вздохнул Накатада.

— Но многие были бы рады принять вас в своё жилище, — промолвила она.

«...»

— Ведь говорят: среди облаков жилище он ищет, — продолжала девушка.

— И видно только луне, как бродит он среди облаков.

— Но ведь это только белые облака! — воскликнула Хёэ.

— Я хочу сказать серьёзно, — изменил тон Накатада. — Луна и солнце «...». Почему время проходит, а всё так и остаётся нерешённым? И в конце концов обо мне, по-видимому, даже не вспомнят.

— Луна не светит, что же я могу разобрать? Ведь сегодня последний день месяца, — уклонилась от ответа Хёэ.

— «...» Странно, что как только заведёшь серьёзный разговор, все от него уклоняются. Нет, не тебя я имею в виду. Бессердечно сажать человека всегда у изгороди. Нет ничего печальнее на свете, чем одинокая жизнь, — продолжал Накатада. — О, моя милая! Напрасно я жду от вас участия! Руки устали, но сам собой распускается узел[705]. Сейчас уже что говорить...

Услышав это, Фудзицубо решила ответить молодому человеку:

— Разве не развязывают шнурка у вьюнка «утренний лик»[706].

— Если уж поднялся ветер, то пусть он принесёт пользу, — сказал Накатада. —

О, дующий вечером

Осени ветер!

Капли росы унеси

С ложа из трав,

На которое путник ложится[707].

И нет рассвета, чтобы слёзы не лились на моё одинокое ложе.

Фудзицубо ответила:

— Вымокло всё изголовье

Бездушного кавалера

От капель росы.

А ветер осенний

Все их несёт и несёт[708].

Кто будет утверждать, что нет таких, кто не забывает своих клятв?

— Наговор! — воскликнул Накатада. —

Не устаёт ветер осенний

Листвой деревьев играть

В этом саду.

Напрасно его

Непостоянным считают.

Кажется, нет никаких доказательств — в чём же моё непостоянство?

Фудзицубо на это ответила:

— Стоит осеннему

Ветру подуть,

Как листья хаги желтеют.

Как же не звать

Этот ветер непостоянным?

Какое уж тут доверие!

— Разве это всё не из-за вас? — ответил Накатада. —

Как только дохнет

На листья хаги

Ветер осенний,

Забьётся сердце у девы,

Что милого ждёт с нетерпением.

Фудзицубо засмеялась:

— Ветер вокруг

Изгороди цветочной

Напрасно шумит.

Ни один из цветов

Ему не ответит.

— Ах, как это досадно! — вздохнул молодой человек. —

Листья хаги

К ветра порывам

Равнодушны остались.

Но нет ли живой души,
Чтоб тайно его призывала?

* * *

В то время слуги, посланные из дворца Человеколюбия и Долголетия, повсюду искали Накатада, но найти не могли. «Неужели он ушёл?» — негодовал император. Слуги отправились в караульную Императорской охраны, Накатада там не было, но сопровождающие его сидели на месте.

Император требовал найти молодого человека:

— Только что из шатра Левой охраны слышались несравненные звуки цитры, Накатада не мог уйти далеко. Но если он ушёл домой, непременно пошлите за ним. Все поиски были тщетными.

— Я во что бы то ни стало хочу видеть Накатада. Неужели никто не может его найти? Знаешь ли ты, где он скрывается? — обратился император к Канэмаса.

— Он только что был здесь. Разве уже ушёл? Да, его тут не видно, — ответил тот.

— Если он ушёл, пошлите за ним, — приказал император.

— Не похоже, чтобы он ушёл. Это было бы странно, — сказал Канэмаса. — Вот и военачальник Судзуси здесь. Может быть, вы велели, чтобы он поиграл на кото? Тогда он сбежал, услышав об этом. Поистине, он странный человек. Как только речь заходит о кото — скрывается бесследно. Не приказать ли вам для видимости унести инструмент и не отпустить ли придворного Судзуси? А то он чего доброго и вправду уйдёт домой, — сказал Канэмаса.

— Я согласен, — сказал Судзуси, встал и отошёл немного от императорского сиденья. Увидев Ёридзуми, он сказал: — Я ухожу. Если меня будет звать государь, скажите, пожалуйста, что я играл на лютне <...>. — Он говорил не настолько громко, чтобы Накатада мог его услышать.

Судзуси отправился во дворец, где проживала Фудзицубо.

— Кто там? — спросил Накатада.

— Это Судзуси, — был ответ. — Государь очень сердится, что ты исчез. Со мной ты поступаешь так, что кстати вспомнить об осеннем ветре[709]. Ты взял и спрятался. Император требует разыскать тебя во что бы то ни стало.

— Тише, тише, молчи! — сказал Накатада.

— Твой отец по приказу императора повсюду тебя разыскивает. Нехорошо так относиться к родному отцу! — продолжал Судзуси.

— В такой день, как сегодня, никто не признает ни отцов, ни детей.

— Государь велел мне поиграть на кото и так настаивал, что я не знал,

как быть. Всё это по твоей милости, — пожурил друга Судзуси.

— По моей милости на тебя сыпалась бы только благодать, — ответил Накатада.

Тем временем из дворца вынесли закуску на подносах из светлой аквилярии.

— Нынешний день принёс мне одну досаду, — сказал Судзуси.

— Какую? — поинтересовался Накатада.

— Я думал, что сегодня тебя обязательно призовут к государю, — начал объяснять Судзуси.

— И что же тебя огорчило? — удивился Накатада.

— Ты бы мог доставить императору удовольствие в десять раз большее, чем Наминори из левой команды своей победой. И я, предполагая, что ты будешь во дворце, приготовил кое-что со своей стороны. <...> Государь на моё сожаление не обратил никакого внимания; и я думаю, это потому, что он не расположен ко мне.

— И мне так показалось. Когда я играл на органчике, я думал: если бы Судзуси был рядом! — сказал Накатада.

— А не поиграете ли вы сейчас оба немножко для меня? — раздался в это время голос Фудзицубо.

Пока Судзуси и Накатада разговаривали о том о сём, чины Правой императорской охраны были посланы в дом Канэмаса, а Накаёри вместе с несколькими младшими военачальниками в поисках Накатада обходил все дворцовые строения. Сам Канэmasa в сопровождении прислуживающего мальчика отправился в караульные помещения и велел спросить у стражников, не покидал ли дворец Накатада и стоит ли ещё у ворот его экипаж. Ему ответили, что никто не видел, чтобы он ушёл, а экипаж с сопровождающими так и стоит на месте. Тогда Канэmasa обошёл все дворцовые помещения, начиная с покоев императрицы, затем караульные помещения, павильоны наложниц императора. Приблизившись к покоям Фудзицубо, он услышал, как Накатада играет на цитре, а Судзуси — на лютне. Поскольку оба были очень знамениты, они изменили свою обычную манеру игры, чтобы их не могли узнать, но у Канэмаса был тонкий слух, и он решительно направился к молодым людям. Накатада хотел было скрыться, но Канэmasa остановил его:

— Тебя призывает император, почему же ты сидишь здесь? Ступай к государю!

— Скажите, что я ушёл домой. Я сейчас очень расстроен, ручаюсь ужасно и не могу появиться перед государем, — начал было Накатада.

— Ты непонятлив, — возразил отец. — Если я скажу, что ты дома,

государь велит послать за тобой. Ему уже доложили, что и сопровождающие, и экипаж на месте, как же я скажу, что ты ушёл? Он же подумает, что я тебя прячу... Это возмутительно! Когда ты появляешься во дворце, у меня одни только неприятности. В нашем мире нельзя отказывать <...>. Мы все находимся во власти государя, и нет никого, кто бы противился его приказу. Государь изволит тебя призывать и разыскивать. Не дай повод думать, что ты, служа во дворце, никогда не подчиняешься воле государя. Поспешь же туда!

— Но пусть хотя бы сегодня он простит меня, — не сдавался Накатада.

— Если я тебе уступлю, то потом буду страшно ругать себя. <...> Неслыханное дело ослушаться государя! Ты уже огорчил его, и он во что бы то ни стало приказал тебя привести.

Говоря это, Канэмаса не переставая подталкивал сына. Они оба скрылись в направлении дворца Человеколюбия и Долголетия. На Судзуси генерал не обратил никакого внимания.

* * *

Наследник престола вошёл в покои, отведённые для прислуживающих ему дам, и спросил:

— Почему госпожа Фудзицубо не присутствовала на празднике?

— Когда Фудзицубо не видно, всем очень скучно, — сказала Пятая принцесса. — Если же она появляется, то это зрелище более захватывающее, чем сегодняшние состязания.

— Ей не надо говорить: «Своего облика стыжусь»[710], — сказал наследник престола и, взяв камешки и раковины со свежими морскими водорослями на них, послал их Фудзицубо вместе с письмом:

«Почему тебя не было сегодня на празднике? Во дворце Человеколюбия и Долголетия присутствовали все, но

Нырнув глубоко

За дивными водорослями,

Рыбачка из Сума

Никак не хочет

Подняться наверх[711].

Мне это показалось очень странным. Приходи сегодня в мои покои».

Она на это ответила:

«Чтобы никто

Её видеть не мог,

Хотела б рыбачка

Скрыться

На дне морском.

Я робела посторонних взглядов».

Наследник показал ответ Пятой принцессе:

— Погляди! Совершенно не к чему придраться!

После этого он отправился к императору.

* * *

Итак, к вечеру Накатада снова появился во дворце Человеколюбия и Долголетия, придя из покоев Фудзицубо. По сравнению с тем временем, когда Накатада служил императорским сопровождающим, он стал гораздо красивее. Отец его был известный красавец, и когда они вместе появились во дворце, никто не сказал бы, что это отец и сын, скорее братья с разницей в один-два года.

— Какой у Накатада великолепный сопровождающий! Однако где это видано, чтобы вторых военачальников сопровождали генералы? — пошутил, увидев их, Масаёри и продолжал: — Правый генерал не может заменить стражников и Правой, илевой охраны. Мне не подобает сидеть без дела.

Он стал рядом с Канэмаса, и они, следуя за Накатада, направились к императору. Младшие военачальники и низшие чины Правой илевой императорской охраны, перебрасываясь шутками, двинулись вслед за ними. Среди них не было только Судзуси. Накатада, освещённый лучами вечернего солнца, был великолепнее всех. Блистательная внешность, полная достоинства поступь, мечтательный вид — всё придавало его облику очарование и утончённость и отличало от кругов придворных. Когда император увидел его идущим в сопровождении двух генералов, гнев его утих, и он произнёс с добродушным видом:

— Ну, наконец-то его отыскали!

Принц Тадаясу, который в числе прочих придворных находился подле императора, спустился с лестницы и начал танцевать. Накатада, приблизившись, стал танцевать вместе с ним. Хёбукё, молодые принцы и сановники поднялись навстречу Накатада.

— Находясь на службе, почему ты не подошёл ко мне, когда я позвал тебя? — спросил его император.

— В шатрелевой охраны левый генерал угощал Накатада вином, сын мой ни одной чашки не пропустил, выпил слишком много, сильно опьянел и скрылся в зарослях хмеля. Я услышал, как кто-то играет на флейте, начал искать в траве и обнаружил сына, — пустился в объяснения Канэмаса.

— Даже лёжа в траве, он играл на флейте, — улыбнулся император.

— Муницировал втайне от всех, — поддакнул Канэмаса.

Император велел поднести Накатада чашку с вином и сказал:
— Вот это мастерство, что не забывается и в опьянении!
Государеву службу
Не ставя ни в грош,
С дамой
В заросли хмеля
Отправился юный придворный.
Неужели и вправду с тобой никого там не было?
Накатада на это ответил:
— Ни единой души
Не зная в высоких чертогах,
В заросли хмеля
Отправился спать
Сверчок неприметный —
и преподнёс чашу наследнику престола.
Наследник сказал:
— Ну что ж, вообразим, что ты действительно был в зарослях хмеля.
В зарослях хмеля,
Где невзрачный сверчок
Пристал на ночлег,
Роса до сих пор
От грёз очнуться не может[712].
Накатада на это ответил:
— Если бы было дано
Сверчку обрести приют на равнине,
Куда стремилась душа,
Осенью он не блуждал бы
В зарослях хмеля[713].
Наследник престола велел поднести чашу генералу Масаёри. Тот её
принял и сложил так:
— Если б сверчок
Нашёл приют на равнине,
Ветер осенний
Сейчас бы принёс аромат
Раскрывшегося цветка[714].
Затем он передал чашу принцу Тадаясу, который взял её и сказал:
— Вы, наверное, хотели пошутить и поэтому вспомнили обо мне.
Каждую осень
Видя, как дальнее поле

Цветы покрывают,
В одиноких скитаньях
Дни проводит сверчок[715].

Я хотел только сказать, что мне очень грустно...

Император тем временем думал: «Как же заставить Накатада показать свой талант?» Накатада был в некотором отдалении от него, государь подозвал его к себе и приказал принести доску для шашек. Они сели за игру.

— На что же станем играть? — спросил император. — Не будем ставить что-то слишком большое. Пообещай исполнить моё желание.

Они условились сыграть три партии. Император прекрасно играл во все игры, но в шашки особенно мастерски. К тому же он решил победить Накатада во что бы то ни стало. Накатада же, не догадываясь о замысле императора, вспоминал свой разговор с Фудзицубо, мысли его витали возле её покоев, и он совсем не думал об исходе игры. В первой партии выиграл император, а во второй Накатада. В последней партии он совершил только одну ошибку и проиграл императору всего одно очко.

«Прекрасно!» — подумал про себя император и сказал Накатада:

— Ну, а теперь без промедления выполняй моё желание!

— Что же я должен сделать? — спросил молодой человек.

— То, что я попрошу. В этот осенний вечер, исполненный глубокого очарования, и желание моё не будет обыкновенным.

«Как жаль, что я проиграл! Надо было поднапрячься и выиграть. Что же он мне прикажет?» — подумал Накатада и сказал:

— Пожалуйста, объявите мне сразу о вашем желании. Всё, что будет в моих силах, я его выполню, но если будет выше моих возможностей, я так и скажу.

— Есть ли что-нибудь в мире, чего ты не сможешь сделать? То, о чём я попрошу, будет в твоих возможностях, и не вздумай отнекиваться, — предупредил император.

— Я смогу ответить только тогда, когда узнаю, о чём идёт речь.

Император настроил кото под названием «сэйхин» в лад инструмента, на котором он велел играть Судзуси, и сказал:

— Проиграв в шашки, ты должен сегодня поиграть на этом кото. Не перестраивай его. Я не хочу слушать пьес в другом ладу. Сыграй в этом ладу все произведения, которые ты знаешь.

— Никакое другое ваше желание меня бы не устрасило, — начал Накатада. — Если бы вы меня послали на гору Хорай за эликсиром бессмертия или в страну злых духов за цветами удонгэ[716], я бы не жалея

сил отправился туда. Но то, о чём вы попросили, труднее, чем подобные путешествия.

— Это был бы никуда не годный приказ! К чему сейчас посылать на гору Хорай за эликсиром бессмертия? Вспомни о мальчиках и девочках, которые отправились туда и состарились, плавая по морям[717]. Они видели в плавании много островов, но Хорай так и не нашли. Как они, вероятно, горевали, бедные! Сюй Ши не достиг горы Хорай, хотя он был очень умен и сообразителен. А ты готов отправиться за эликсиром бессмертия, не зная дороги, — такая опрометчивость меня тревожит. Вряд ли ты смог бы найти эту гору. Думаю, что ты измучился бы так же, как измучились те мальчики и девочки. Кроме того, боюсь, как бы во время странствий ты не попал к очаровательным девицам[718]. Да, это невыполнимый приказ. Путешествие же за цветами удонгэ в страну злых духов тоже не из лёгких. Как-то за ними отправился из южной Индии Конго-дайси[719]. Царица, правившая в то время, задумала погубить Конго-дайси, и посулив ему благожелательный приём в соседних странах, отправила его в путешествие. Покинув южную Индию, Конго-дайси долгое время скитался. И как он горько-горько рыдал, когда думал, что все близкие его уже умерли и он никогда больше их не увидит? Подумай сам, разве наша государыня питает к тебе злобу, чтобы отправить в такой путь? Кроме того, разве ей нужен этот эликсир? Если же ты, ни с того ни с сего бросив родителей, пустился б в путь, ты показал бы себя человеком безрассудным, не понимающим, что такое сыновний долг. Да и выдержал ли бы ты путешествие? Я не предлагаю тебе подобных злоключений. Не проще ли поиграть вот на этом кото, которое уже настроено? Если ты, не пускаясь ни в какие опасные странствия, сыграешь на этом инструменте всего одну пьесу, я буду столь же доволен, как если бы ты добыл эликсир бессмертия или цветы удонгэ. Выпивший эликсир бессмертия будет жить десять тысяч лет, и китайский император, поручив своим подданным столь трудное дело, добивался долголетия, а искавшие цветы удонгэ надеялись, что спасутся от смерти. И то, и другое ищут сожалеющие о быстротечности жизни. Могу ли я послать тебя в страну злых духов или на гору Хорай только потому, что сегодня ты проиграл в шашки? <...> Я так привык видеть тебя рядом с собой. Если бы я отправил тебя в дальние страны с таким страшным поручением, как бы я впоследствии жалел об этом! Родители, воспитавшие тебя, ещё живы, — как бы потом я мог смотреть на их скорбь? А если бы за время, когда ты стремился бы к горе Хорай в поисках эликсира бессмертия, случилось мне умереть, к чему тогда этот эликсир?

— И всё-таки найти Хорай было не так уж трудно. Только эликсир бессмертия весь улетучился, — сказал Накатада.

— Однако сегодняшним вечером мне кажется, что я нахожусь во дворце Сиванму[720], — возразил император.

— И дворец охраняют маленькие мальчики и девочки[721], — продолжал Накатада.

— Море беспредельно, ветер силен — к чему пускаться в такой путь?

Накатада, изложив в стихах свой отказ играть на кото, преподнёс стихи императору.

«Ничего не поделаешь! — подумал император. — Как жаль, что мне приходится ему уступить! О чём же мне попросить его вместо игры на кото?» Он с давних пор мечтал встретиться с матерью Накатада. Когда-то он писал ей письма, надеясь получить ответ. Потом он вспоминал о ней с грустью, он не знал, жива ли она. Теперь же ему было известно, что она жива и что, как ему рассказывали, обладает редким талантом и по-прежнему красива. И вот император решил воспользоваться своим выигрышем, чтобы послать ей письмо.

— Так ты решительно отказываешься играть? — спросил он у Накатада. — Если сам не можешь играть, укажи кого-нибудь, кто играет на кото так, как ты.

— Только Мацуката владеет традицией, которая сохраняется в нашей семье.

— Его я время от времени могу слышать. И никого другого нет? — допытывался император.

— Никого.

— Подумай хорошенько! Так уж и нет? — настаивал император.

— Никто не приходит мне на ум.

— А среди женщин? Может быть, есть кто-нибудь среди женщин?

— И среди женщин нет никого, — сказал Накатада. Его стали тревожить вопросы государя. — В нашей семье и со стороны отца, и со стороны матери женщин мало, — продолжал он. — Женщины вовсе не знают музыкальной традиции, да и мужчины не знают, если не считать Мацуката. Среди же родственников матери кто-то, кажется, перенимал у моего деда секреты мастерства, но этот человек особыми талантами не блистал...

— Хорошо, оставим их, — произнёс император. — Но неужели твой замечательный дед никому не передал своё искусство? Вряд ли такое возможно. Поскольку ты обязан исполнить моё желание, приведи-ка сюда этого человека! Поспеши! Если ты и этого не сделаешь, ты меня очень

огорчишь.

— Меня в своё время обучили этой традиции, но я всё забыл, ничего уже не помню. Полагаю, что моя мать, которая меня учила, также всё забыла, — сказал Накатада.

— Твоя мать, наверное, считает, что я не помню её, но это не так, — признался император. — Я был бы тебе очень признателен, если бы ты, не поднимая лишнего шума, доставил её во дворец.

— Я думаю, что моя мать действительно всё забыла, — продолжал Накатада. — К тому же она догадается, что вы хотите послушать её игру, и ни за что не поедет со мной.

— Не медли! Если ты не привезёшь сюда свою мать, я тебе никогда этого не прощу, — сурово произнёс император.

«Делать нечего. Придётся подчиниться», — подумал про себя молодой человек и, не говоря ни слова, повернулся и пошёл к выходу.

Канэмаса, заметив это, окликнул его:

— Государь так хотел тебя видеть, почему же ты уходишь? Куда ты направляешься? Что за странности, ты вечно в каком-то возбуждении. Да веди же себя прилично, успокойся.

— Я должен выполнить приказ государя! — ответил тот.

— Ну, тогда я молчу.

Накатада вышел в вороталевой императорской охраны[722]. В тот день отец его прибыл во дворец в особенно красивом экипаже, который ждал у ворот, и Накатада, сев не в свой, а в этот экипаж, отправился домой в сопровождении свиты отца.

* * *

Итак, Накатада покинул императорский дворец и прибыл в усадьбу на Третьем проспекте. Мать его была в домашнем платье. Она только что вымыла волосы и когда Накатада поднялся на веранду, как раз сушила их.

— Ну как? — спросила она. — Кто победил в соревнованиях?

— Левые выиграли, — ответил сын.

— Как жаль! — вздохнула госпожа. — Я надеялась, что победит правая команда, и здесь соберётся много гостей. Очень жаль, что выиграли левые.

— Ты меня обижаешь, — упрекнул её Накатада. — Ты должна была бы радоваться, что победила команда той стороны, в которой служу я. Ты любишь меня меньше, чем отца.

— По правде говоря, я очень рада тому, что победила твоя сторона, — засмеялась госпожа. — Но я старалась устроить пир, а теперь мне грустно, что к нам никто не придёт.

— Все чинылевой императорской охраны, начиная с самого генерала, собрались во дворце <...>, — принялся рассказывать Накатада. — Нынешний праздник во дворце замечателен, несравненен. Левая охрана победила и сейчас затеяла небывалое, Правая охрана, как всегда, в ударе, обе команды-соперницы очень своеобразны. Левая команда-победительница превзошла самое себя в изобретении развлечений. Во дворце собрались все знаменитые танцовщики и музыканты-виртуозы из Музыкальной палаты исполняют различные пьесы. Я, глядя на всё это, пожалел, что наслаждаюсь один, и вот приехал за тобой!

— Как же я увижу то, что исполняется перед императором? — удивилась его мать.

— Я всё устрою так, что ты сможешь всё хорошо видеть, — стал уверять её Накатада. — Думаю, что такая музыка звучит только в раю Чистой земли. Мне очень хочется, чтобы ты любовалась этим зрелищем. Поедем, собирайся побыстрее!

— Мне кажется, что это всё-таки неразумно, — колебалась она. — Потом, я в нерешительности: что подумает об этом твой отец?

— Мы об этом никому не скажем. Ни о чём не беспокойся. Поехали скорее, — торопил её Накатада.

— Как это ни безрассудно, после твоих рассказов мне захотелось взглянуть на праздник.

— Почему ты мне не доверяешь? Разве я стал бы подбивать тебя на какое-нибудь сумасбродство? Право, досадно. Уж настолько-то я разбираюсь в жизни. Поспешите же! Выбери красивое платье, оденься так, чтобы все изумились, увидев тебя.

— Если хорошенько поискать, то платье, какое тебе хочется, я найду. А где же мне взять другое лицо? И не помню, куда это я его заложила, — пошутила госпожа.

— У нас есть время, чтобы хорошенько поискать. Что ж, на поиски!

— Займёмся приготовлениями... — говорила госпожа и спешно сушила волосы. — Ты, кажется, чем-то озабочен, но не говоришь...

— Мне жаль, что соревнования окончились таким образом. Меня самого поражение правой команды радует, но для отца ничего радостного в этом нет, и больше всего ему обидно, что правая команда проиграла всего одно очко. Потом мне стало досадно, что ты не видишь праздника. Возьми с собой дам, которые помогали тебе в приготовлении пира на случай победы правой стороны. Садитесь все в экипажи, а я поеду верхом.

Кроме экипажа генерала, украшенного листьями пальмы арека, Накатада велел приготовить ещё три экипажа для сопровождающих дам и

сказал Кунитоки, помощнику главного конюшего:

— Выбери в конюшне самую лучшую лошадь, вели её оседлать и выведи во двор.

— Говорят, что существуют так называемые кони-драконы, но для вас я приготовлю лошадь, которая ни в чём им не уступит. Таких лошадей найдёшь только в императорских конюшнях, — сказал тот.

— Ты сам пас коней в поле <...> — сказал Накатада.

— Приближается время осмотра лошадей, для конюшен нужно будет отбирать из тех, которые пасутся на пастбищах в провинциях, — ответил Кунитоки.

— Бывает, что лошадей слишком много... — заметил Накатада.

<...>

— На этой лошади я и поеду, — решил Накатада. — Приготовь её.

— Похоже, что вы так и остались непостоянным в душе, — усмехнулся тот. —

Вижу на вас

Тонкое летнее платье.

Осень пришла,

И пора бы

Другую одежду надеть[723].

Подул ветер, и Накатада, собираясь возвратиться в дом, произнёс:

— Осень настала.

Ночью прохладной

Пускаюсь я в путь.

А одежда для смены

Так же тонка, как и раньше[724].

— Но если говорить серьёзно, как мне снарядить для вас лошадь? — спросил Кунитоки.

— Возьми седло уцуси. Прочее снаряжение не соответствовало бы случаю[725].

— В свите все едут без седла уцуси. Если на вашей лошади будет это седло и вы поскачете быстро, за вами трудно будет поспеть, — заметил конюший.

— Для сопровождающих сойдут обычные сёдла, — велел Накатада. — Я хоть человек незаурядный, но этого ещё не признают, поэтому веду себя осмотрительно <...>.

В конюшне у Кунитоки было тридцать с лишним лошадей, но ни одна из них не могла сравниться с лошадью, подаренной Накатада в Фукиагэ. Кунитоки взял седло уцуси, оседлал эту лошадь и вывел её.

Тем временем госпожа высушила волосы и расчесала их гребёнкой, надела платье из узорчатого шёлка с цветочным рисунком, белое платье со шлейфом с тёмно-синими узорами и парадное китайское платье. Поскольку было прохладно, она надела кроме того накидку из узорчатого лощёного шёлка, красное платье и тёмно-фиолетовое платье. Наряд её был великолепен. «Никаких роскошных платьев не нашла, пришлось одеться вот во что», — сказала она. В сопровождении шести дам, четырёх юных служанок и двух низших прислужниц она появилась на коленях на веранде.

Когда Накатада увидел мать при свете факелов, горящих во дворе, он был ослеплён её красотой. Волосы её немного курчавились и были такие длинные, что когда она стояла во весь рост, они стелились по полу на два саяку. Только что вымытые и расчёсанные, они покрывали всю спину. Госпожа была хорошего роста и на редкость стройна, никто в этом мире не мог сравниться с ней. О красоте лица говорить не приходится. Накатада показалось, что перед ним Фудзицубо, и забыв, что это его мать, он думал: «Это небожительница какая-то, которая спустилась на землю!»

— Пусть подадут экипаж, — приказала госпожа.

— Как жаль, что отец сейчас не видит тебя, — сказал ей Накатада, и повернувшись к слугам, велел подавать экипаж, а сам поставил переносные занавески.

Вместе с госпожой в экипаж сели две дамы. В два других экипажа сели остальные дамы и служанки. Все тронулись со двора. Сам Накатада ехал верхом рядом с экипажем матери. Их сопровождало около восьмидесяти человек четвёртого, пятого и шестого рангов, обычно составляющих свиту Канэмаса.

Экипажи въехали в крепость и остановились у северных ворот императорского дворца. «Подождите меня здесь. Пусть свита не отходит у экипажей, а я пойду один», — распорядился Накатада и направился во дворец. Слуги зажгли факелы и стояли большой толпой. Накатада вошёл во дворец Человеколюбия и Долголетия и приблизился к императору.

— Ну что, выполнил обещание? — спросил, увидев его, государь.

— Экипаж с моей матерью ожидает у ворот.

Император довольно улыбнулся и сказал:

— Таким образом, ты со мной расквитался.

Накатада почтительно поклонился и отошёл. Сводная сестра Накатада служила в покоях наследника престола, и мать её, Третья принцесса, жила вместе с дочерью. Раньше Канэмаса был с ней в превосходных отношениях, но с тех пор, как у него поселилась мать Накатада, он и близко не подходил к покоям Третьей принцессы. Она очень страдала из-за

этого, а когда её дочь начала служить у наследника престола, тоже переехала во дворец.

Накатада вошёл в её покои и через занавесь обратился к ней:

— Не могу ли я попросить вас кое о чём?

— Кто это? — спросила принцесса.

— Это Накатада, — назвался он. — Не могу ли попросить у вас переносные занавески, которыми пользуются при выходе из экипажа? У меня совсем нет времени, чтобы поехать за ними домой...

— Мои занавески очень грязны, но если хочешь, возьми, — ответила госпожа. — Насицубо ещё молода и совсем одна. Беспокоясь о ней, я переселилась сюда. Никто к нам не заглядывает, тут уж ничего не поделаешь, но и ты меня не навещаешь, совсем от меня отдалился...

— Ах, мне так стыдно! — ответил Накатада. — Я иногда являюсь во дворец наследника престола, но мне было невдомёк, что вы живёте здесь. <...> Я справлялся о вас в срединном дворце, но мне ответили, что вы пребываете во дворце отрёкшегося от престола императора Сага. А оказывается, вы живёте здесь. Я, конечно, человек незначительный, но всё же сестре не посторонний, и если бы она, находясь на службе у наследника престола и зная о моей никчёмности, всё-таки полагалась на меня, я был бы счастлив.

— Мне очень приятно это слышать, — поблагодарила госпожа. — Насицубо теперь живёт у наследника престола, но родной отец совсем её забыл, и она чувствует себя совершенно заброшенной. Других братьев у неё нет. Не забывай же, что она беззащитна, и утешай её время от времени.

— Да-да, обязательно, — промолвил молодой человек. — Если бы между нами не было родственных уз, тогда другой разговор, но о сестре я должен заботиться и без каких бы то ни было напоминаний. О многом мне хотелось бы подробнее поговорить с вами, но сейчас у меня срочное дело. — С этими словами он поспешно удалился.

В покоях принцессы он взял две переносные занавески из узорчатого шёлка с цветочным рисунком высотой в три сяку и принёс их к экипажу матери. Император же приказал приготовить в западной стороне южных внешних покоев дворца Человеколюбия и Долголетия помещение для приёма гостей и поставить там переносные занавески. «Пусть придворные некоторое время побудут в другой части», — велел он, и сановники перешли в восточную часть, а император остался в западной.

Накатада сказал Сукэдзуми:

— Пойдём со мной. Я привёз во дворец человека, которого император обязательно хотел видеть сегодня, помоги мне провести его тайком в

императорские покои.

— А кто это? — поинтересовался тот.

— Неважно, кто, — уклонился от ответа Накатада. — Идём же со мной.

Он попросил Сукэдзуми, который был его близким другом, держать переносные занавески, приказал слугам принести туфли, в которых Канэмаса посещал дворец, и сказал матери:

— Выходи из экипажа.

— Ничего не понимаю. — удивилась она. — Куда это я должна идти?

— Не спрашивай, — ответил сын. — Разве я поведу тебя туда, куда тебе было бы нельзя?

— Как это неприятно! — воскликнула госпожа. — Какой странный визит во дворец! Я и представить не могла ничего подобного. Попала я с тобой в беду.

Но с давних пор привыкнув во всём слушаться сына, она вышла из экипажа.

Четыре служаночки держали переносные занавески, возле них стояли взрослые служанки. Накатада велел служанкам обуть мать, надеть на неё шлейф, а сам поправил ей причёску. Зрелище было удивительное: госпожа блистала красотой, Накатада, одетый в великолепные одежды, держал вместе с другими переносные занавески, между которыми его мать шла во дворец.

Император в сопровождении придворных вышел навстречу госте. Лампы во дворце потушили, факелы во дворе погасили. Госпожу провели в дворцовые помещения, и там её встретил император.

— Я провожу вас... Пожалуйте вот в эту комнату, — говорил он, и они вошли в приготовленные покои.

Накатада как ни в чём не бывало присоединился к придворным, а Канэмаса ни сном ни духом не догадывался, что во дворец прибыла его жена.

Император уселся на подушки, разложенные возле переносной занавески, и начал с госпожой разговор.

— Дело в том, что этой ночью Накатада проиграл мне в шашки, но сказал, что сам не может выполнить моего желания, и предложил кого-нибудь взамен. Я подумал: «Кто же сможет его заменить?» — и вот таким образом исполнилась моя давнишняя мечта.

— Мне всё это показалось странным и необычным. Накатада явился неожиданно и так спешил, что даже не присел. Я отправилась во дворец, ничего не понимая, и чувствую себя очень смущённой, — ответила гостья.

— Что же вас смущает? Я всегда этого ждал. Особенно в полные очарования вечера мне хотелось, чтобы вы приехали сюда и мы могли бы беседовать, но я думал, что это совершенно невозможно, и очень переживал, — признался император.

Он заговорил о прошлом

— В то время, когда был ещё жив придворный Тосикагэ, мне очень хотелось услышать, как вы играете на кото, и я всё время мечтал, что вы въедете во дворец. Вы жили в удивительном доме, устроенном на старинный лад, и отец ваш совсем не хотел расстаться с вами. Как-то раз я сказал ему: «Пусть ваша дочь поступит на службу во дворец», но он мне не внял. После этого вы исчезли, и хотя часто вспоминал, дать вам знать о своих настроениях не мог. Так время и прошло...

— Долгие годы я провела далеко, в совершенно ином, как мне казалось, мире. А сейчас вновь живу в мире, который знала в дни моей юности.

— Где же вы были? — спросил император. — Если бы мы с давних пор могли видеться постоянно, мои чувства к вам не были бы столь глубокими, как сейчас, когда мы встретились после столь долгой разлуки. Когда люди слишком часто видятся друг с другом, они становятся всё более и более равнодушными, а встретившись после длительной разлуки, испытывают прилив сильных чувств.

— О чём вы говорите? — спросила госпожа. — Я, право, теряюсь в догадках.

— Разве вы сами не чувствуете? Мне кажется, что вы понимаете меня и без слов. Если я начну говорить, о чём я мечтаю, то моим разговорам и вашему слушанию пределов не будет. Прежде всего, поскольку сегодня вы прибыли сюда, чтобы вместо Накатада выполнить моё желание, поиграйте на кото, которое в своё время преподнёс нам ваш батюшка. Не медлите же...

— Меня никто ни о чём не просил... — возразила она.

— Ах, нет, нет! — воскликнул император. — Не начинайте и вы отнекиваться! Играйте же... Не мешкайте.

— О чём вы изволите говорить? — недоумевала госпожа. — Мне никто ничего не объяснил.

— Разве Накатада вам не рассказал?

— Он совершенно ни о чём не рассказал. Накатада пригласил меня полюбоваться на праздник из шатра Личной охраны. Он даже не намекнул на то, что я должна буду предстать перед вами, а мне и в голову это не пришло, и я сразу же отправилась в том, в чём была, даже не

переодевшись. В воротах он мне сказал: «Можно будет всё хорошенько рассмотреть, укрывшись в зарослях хмеля рядом с местами у изгороди. Выходи из экипажа!» Он никогда не обманывает, я и на этот раз ему поверила и таким образом поднялась до нефритового престола.

— В других местах распускаются цветы, и сюда не стоит приходить[726], — рассмеялся император. — Вы искали заросли хмеля, а попали сюда.

— Пусть заросли хмеля теперь скроют ворота мои[727], — ответила госпожа.

— Да, на некоторых людей нельзя полагаться, — промолвил император. — Но неужели и вправду Накатада ничего не объяснил? Тогда придётся мне самому. Не будет ли это рассказом старику?[728] Сегодня вечером Накатада проиграл мне в шашки и должен был исполнить моё желание. Я просил его поиграть на кото, но он сказал: «Я сам всё позабыл, но приведу искусного исполнителя». Он имел в виду, конечно, вас. Поэтому я прошу вас поиграть. — И настроив инструмент, который он предлагал Накатада, в лад произведения «Варварская свирель», император продолжал: — За проигрыш я велел ему поиграть на этом инструменте, но он мне ответил, что попросит вас. Не надо перестраивать кото. Сыграйте пьесу полностью в этом ладу. Из множества произведений для этого кото я больше всего люблю «Варварскую свирель».

— Вы меня с кем-то путаете. Я само слово «кото» слышу впервые. Если я даже не знаю названия инструмента, как же я буду играть на нём?

— Досадно, что вы продолжаете упорствовать в своём нежелании, — пожурил её император. — Разве не лучше оставить подобные отговорки? Разве вы не можете перебороть своё нежелание? Ведь всем с давних пор известно, что в вашей семье замечательные музыканты.

— Зачем стала бы я отказываться? То, что называется «кото», я и в глаза не видела. Возможно, когда-то давно... Но все последние годы мне подходить к нему не приходилось. Поверьте мне, я совсем не знаю, что это. И уж ни малейшего представления не имею о «Варварской свирели». Простите меня, но Накатада играет лучше знаменитых музыкантов древности, — говорила она и к инструменту не прикасалась.

— Мне очень грустно слушать вас. Разве можно совершенно забыть то, чему выучился в молодости? Музыкальный талант проявляется в человеке в ранние годы, и сколько бы лет ни прошло, не исчезает. Накатада хотел, чтобы вместо него играли вы, более искусная в музыке. Если вы действительно всё забыли, как это печально! Но есть вещи, отказаться от которых, несмотря на всё упорство, невозможно, и лучше сразу уступить.

В своё время Тосикагэ был первым музыкантом в нашей стране, и только вам он передал своё искусство. Получив от него этот редкий дар, вы иногда должны играть перед другими. Очень горько слышать, как вы всё время отказываетесь, — настойчиво уговаривал император.

Так они беседовали, и наконец император произнёс:

— Разве не говорят: «И слышно, как кто-то играет на кото»? [729]

Очень это горько...

Видно, сегодня

Мне не услышать

Музыки дивной.

Ночь проходит напрасно.

Хоть плачь от обиды...

Я мог бы сказать «от вашей жестокости».

— Когда играют в осеннем ладу... — промолвила госпожа. —

В осеннем ладу

Ветер в соснах

Шумит.

Это на кото

Тацута-дева играет [730].

Неужели вы считаете меня богиней Тацута?

— Нет никого, кто бы мог поиграть на этом инструменте! Каким толстым слоем пыли он покрылся! — вздохнул император. —

Ничьих следов

Не видно в горах.

Тропинки

Травой зарастают,

И речки мелеют.

Думал, что судьба предназначила это кото только для вас.

— Разве кому-нибудь дано знать судьбу? — возразила госпожа. —

По мелкому дну,

Где виден песок,

Воды струятся.

Звуками лада осеннего

Я тишину не нарушу.

— Ну хоть попробуйте, — настаивал император. —

Лишь коснётся

Лопатой земли

Ищущий воду,

Мощной струёй

Дивный источник забьёт.

Чувства мои глубже, чем этот источник. Смотрите сами. Вы упорно отказываетесь, но вам не удастся покинуть дворец, не поиграв. Не медлите же! — увещал проникновенно император.

Видя, что желание его непоколебимо, мать Накатада в конце концов сыграла одну пьесу.

— Ещё, ещё! — стал уговаривать её император. — Ваша игра так будоражит душу, что я только прихожу в отчаяние. Сыграйте ещё одно или два таких же прекрасных произведения!

Она продолжала играть так же великолепно. Инструмент ни в чём не уступал древнему кото наньё[731], звучание его было полно необыкновенного очарования, и хотя госпожа играла против воли, она была столь прекрасной исполнительницей <...>. Стояла осенняя ночь. В деревьях Сосновой рощи[732] шумел ветер. Госпожа играла, сливая звуки музыки с этим шумом — исполнение было несказанно чарующим и глубоким. После того, как её и сына в горах отыскал генерал и перевёз в столицу, госпожа ни разу к кото не прикасалась. Она никогда не играла на нём перед Канэмаса. Накатада же, бывало, играл на этом инструменте, например, когда он был в провинции Ки, но мать его, переселившись в столицу, уже не играла. Она и сейчас бы не притронулась к инструменту, если бы не настойчивые просьбы государя. Как только госпожа коснулась струн, она вспомнила многое из того, о чём, отвлечённая повседневными делами, редко вспоминала, и это наполнило её сердце беспредельной печалью. Она вспомнила, как обучала в горах сына тайным произведениям, которые узнала от отца, как она играла на нан-фу перед возвращением с Канэмаса в столицу. Она становилась всё печальнее и, сама взволнованная красотой исполняемой музыки, заиграла наконец в полную силу. Все, кто в тот день находился в крепости, — и высшая знать, и средние чины, и слуги, и исполнители из Музыкальной палаты, и знаменитые виртуозы, владеющие различными инструментами, — забыв обо всём, внимали этим звукам. «Как удивительно! Кто же это прибыл к государю? В нашем мире среди самых лучших музыкантов нет ни одного, кто бы мог так играть на кото. Кто бы это был? — гадали присутствующие. — Пожалуй, только Накатада мог бы извлечь подобные звуки, но он-то здесь. Непостижимо!»

Это могла бы быть Фудзицубо, но в то время она во дворце не присутствовала.

«Может быть, это жена Канэмаса?» — предположил кто-то. Сам Канэмаса, глядя на общее изумление, подумал: «Неужели это она?», но Накатада при этом сидел как ни в чём не бывало и делал вид, что он никак

не может догадаться, кто играет, что страшно этим раздражён, и то и дело восклицал: «Как дивно звучит кото! Кто бы это мог быть?» «Если бы играла жена Канэмаса, её сын знал бы о том», — думали собравшиеся. Канэмаса тоже так думал.

Время шло. Звучание кото становилось всё более чарующим. Дочь Тосикагэ играла «Варварскую свирель» всё великолепнее и великолепнее, и император чувствовал, как сердце его привязывается к госпоже. Слыша с давних пор разговоры о ней, император часто предавался мечтам, но только сейчас ощутил к ней глубокое чувство. Открыв свиток с нотами, он обратился к своей гостье: «Сыграйте из этой тетради пьесу, которая вам понравится, а я велю Судзуси и Накатада отбивать ритм, а Накаёри и Юкимаса красиво петь». Госпожа начала играть пьесы из свитка, звучание инструмента проникало в самое сердце, император, глядя в ноты, говорил, что в этом свитке есть такие-то и такие-то пьесы, и ему хотелось, чтобы она их сыграла. В конце концов госпожа сыграла все пьесы из свитка, даже тайные произведения, которые там были записаны. <...>

— Об этой пьесе, «Мэкутати», рассказывают вот что, — начал император. — В древности император Танского государства[733] не мог победить своих врагов, ему на помощь пришёл военачальник варваров и разбил противников. Радости императора не было пределов, и он предложил союзнику из семи своих супругов выбрать одну в жёны. Он приказал нарисовать портреты семи дам и показать их полководцу, чтобы он мог выбрать. Среди них одна супруга, по имени Ван Чжаоцзюнь, была редкой красоты. Из семи своих жён император особенно любил её, и она полагалась на милость государя. «Я лучше всех остальных жён и наложниц императора. Что бы ни случилось, меня вряд ли отдадут полководцу», — говорила она. Художнику, писавшему портреты, шесть дам дали по тысяче рё золота, но эта тысяча рё золота, но эта супруга, много красивее всех, была настолько уверена в своей участи, что ничего ему не дала. Шесть дам, не столь красивых, художник изобразил хуже, чем они были на самом деле, а её, превосходившую всех красотой, нарисовал ещё лучше. Когда портреты показали полководцу варваров, он сразу же сказал: «Вот эту!» Сын Неба от слов своих никогда не отрекается, и император отказать варвару не мог — эту супругу передали полководцу. Когда ей объявили, что она должна ехать к варварам, она горько зарыдала. И даже лошадь, на которой она уезжала из столицы при звуках дудок варваров, была охвачена скорбью. Но слушая это произведение, и не подумаешь, что оно передаёт крик животного <...>

Потом госпожа стала играть «Эту равнину». <...>

Слушая произведение, император произнёс:

— В исполнении этой пьесы вы ни в чём не уступаете вашему отцу. Игра на кото Накатада завораживает и заставляет забыть обо всём прочем. Ваша же игра заставляет почувствовать очарование множества вещей, заставляет вспоминать игру знаменитых музыкантов прошлого, будит в душе глубокие стремления. Ваша игра пробуждает тонкое ощущение очарования вещей. Слушая вас, хочется сказать: «То, о чём лучше забыть... в зарослях тростник...»[734]. Сыграйте же пьесу, которую мне давно хочется услышать!

Он перестроил инструмент, и госпожа заиграла вновь, поражая приёмами мастерства, уже известными или такими, каких ещё никто никогда не слышал. Душа государя была полна глубокими чувствами к госпоже.

Когда же она вновь заиграла «Эту равнину», Накаёри и Юкимаса стали подпевать ей, а Судзуси и Накатада читать китайские стихи. Таким образом новый стиль четырёх мастеров сочетался со старой традицией, идущей от выдающегося Тосикагэ, и это соединение старого и нового было исполнено беспредельного очарования.

— Недаром «Эта равнина» печальна и пробуждает в душе скорбь, — произнёс император. — Ведь произведение было создано супругой китайского императора, Ван Чжаоцзюнь, когда она пересекла границу между своей родиной и варварской страной и очень горевала. И действительно, стоит подумать, как уныло должно было быть на сердце у прекрасной супруги государя, первой императрицы, которая стала добычей воинов в их краю, сразу становится грустно, а ваша игра ещё более усиливает печаль. Эта пьеса так красива и так волнует, что нельзя и выразить словами. Но страж на границе неумолим[735], и мне кажется, я тоскую гораздо более, чем тосковала прекрасная императрица, сочиняя «Эту равнину». Но может быть, императрица, безвозвратно уехав в варварские степи, презирала государя, который дал ей уехать?

— Какой же страж сможет противостоять государю? — промолвила госпожа.

— А если это стражник из Императорской охраны? — спросил император.

До этого госпожа играла пьесу еле слышно, но теперь она заиграла в полную силу, и все, кто слышал музыку, мужчины и женщины, заливались слезами и ощущали в душе глубокую скорбь.

— Чем же мне вознаградить вас за сегодняшний вечер? — спросил император госпожу. — Я никак не могу придумать, что было бы достойно

сегодняшнего исполнения. До сих пор я не вознаградил ни Судзуси, ни Накатада за игру девятого дня девятого месяца в провинции Ки[736]. В начале восьмого месяца я напому Масаёри, чтобы он не медлил с наградой. Но вас как мне отблагодарить за сегодняшнюю игру? И Судзуси, и Накатада <...>. Не возьмёте ли вы в награду меня самого? Ведь Накатада получил в награду в провинции Ки мою дочь...

Взяв служебную табличку придворных[737], он собственноручно вывел на ней звание главной распорядительницы Отделения придворных прислужниц. Написав стихотворение:

«Слышу шум ветра
В кронах деревьев,
Что в саду предо мною растут
Это какой-то волшебник
Струн дивных коснулся», —
он передал сановникам с приказом подписать назначение.

Левый министр, прочитав, подумал: «Совершенно не понимаю, кто бы это был», но поскольку указ был написан самим императором, ему ничего не оставалось делать, как подписать его. Подписавшись полностью: «Придворный второго ранга, левый министр Минамото Суэакира» и приписав сбоку:

«Вместе со всеми
Шуму ветра в ветвях
Восхищённо внимаю.
Но невдомёк мне,
Кто этот волшебник», —
передал правому министру Фудзивара Тадамаса.

«Непостижимо! Я совершенно не приложу ума, кто бы так великолепно играл в наше время на кото! Кого назначают главной распорядительницей? Госпожа, должно быть, происходит из потомственной семьи музыкантов», — подумал он и, подписавшись: «Придворный второго ранга, правый министр Фудзивара Тадамаса», приписал стихотворение:

«Рядом с высокой сосной
На холме Такэкума
Сосёнку вижу.
О, если бы ветер осенний
Заиграл в их вершинах!»[738].

Он передал указ левому генералу, и пока Масаёри читал, а все придворные старались понять, о ком идёт речь, Тадамаса шепнул Масаёри:

— Я точно не знаю, но мне сдаётся, что это мать Накатада. Что вы об этом думаете?

— По правде говоря, мне это в голову не приходило. Но, пожалуй, вы угадали, — ответил тот и, подписавшись: «Придворный третьего ранга, старший советник министра, генераллевой личной императорской охраны, инспектор провинций Муцу и Дэва Минамото Масаёри» и приписав стихотворение:

«В вершине сосны
Ветер холодный шумит.
Но и в тени
Сосёнки юной
Прохладно», —
отослал правому генералу.

— Всё это очень странно! Мне совершенно непонятно, о ком идёт речь, — сказал тот.

— Ничего странного в этом указе нет, — заметил император. — Подписывай скорее, даже если тебе и невдомёк.

— «...» Хоть и непонятно, но пожалуйста, — ответил Канэмаса.

— Доискивайся не доискивайся, всё равно не догадаешься. Подписывай, не медли, — сказал император.

Канэмаса написал: «Придворный третьего ранга, старший советник министра, генерал Правой личной императорской охраны, глава Ведомства двора наследника престола Фудзивара Канэмаса» и приписал:

«Всё сильнее
Ветер в соснах
Шумит.
Слёзы бегут по щекам
Непрерывным потоком».

Он передал указ Санэмаса. Тот, подписав: «Придворный третьего ранга, заместитель старшего советника министра, глава Налогового ведомства Минамото Санэмаса», сложил:

«Нет ветра сильнее,
Чем тот,
Что в ветвях
Сосны в Такасаго
Шумит»[739].

Он передал указ военачальникулевой дворцовой охраны, который подписал: «Придворный третьего ранга, второй советник министра, военачальниклевой дворцовой охраны Фудзивара Масанака», и сложив:

«Давно засохла
Сосна в Сумиёси.
Но шум ветра
В её могучих ветвях
Я забыть не могу», —

передал советнику Масаакира. Тот, подписав: «Придворный третьего ранга, второй советник министра Тайра Масаакира», сложил:

«Слушаю кото звуки.
Кажется мне, что внимаю
Шуму ветра
В вершине сосны,
Что растёт в Анэва»[740], —

и передал главе Ведомства двора императрицы, который, подписав: «Придворный третьего ранга, второй советник министра, глава Ведомства двора императрицы Минамото Фумимаса», в задумчивости сложил:

«В шуме ветра
В вершине сосны
Старую песнь различаю.
Не потому ли, что он прилетел
С восьмидесяти островов?»[741], —
после чего удалился.

Госпожа исполнила «Варварскую свирель» со всеми вариациями. Император хотел слушать ещё и ещё и подумал, что не получит полного удовольствия, если она не поиграет и в других ладах.

— Мне хотелось услышать «Варварскую свирель», и вы это произведение полностью, как мне кажется, сыграли. А сейчас настройте инструмент в другой лад и сыграйте на этом пире ещё одну пьесу. Больше я вас просить не буду, — сказал он.

Госпожа, настроив кото в лад рицу, сыграла «Нанкаку».

— Мне остаётся только горевать о том, что на протяжении столь долгого времени я вас не слышал, — сказал император. — Но отныне всякий раз, как я буду устраивать праздник, приходите сыграть одну пьесу. И без праздников, в то время, когда распускаются весенние и осенние цветы, когда так прекрасны деревья, в полные очарования вечера дайте мне слушать великолепную музыку. И пусть вы будете играть на каждом празднике в течение тысячи лет, вы не сможете сыграть всего, что знаете, — вот что приводит меня в восхищение! Жизнь человеческая ограничена, и то, что я должен буду умереть, так и не услышав всего, что вы умеете, что не истощится и за тысячу лет, — это наполняет мне сердце

сожалением. Ах, если бы мы оба могли жить тысячу лет!

Кто будет
Шуму ветра
В вершине
Тысячелетней сосны
Вечно внимать?
Госпожа ответила:
— Хочется мне,
Чтобы этого ветра прохладой
Долго ты наслаждался
После того,
Как засохнет сосна.
Кому, кроме вас, могу я такое пожелать?

— Печально только то, что человеческая жизнь лишена постоянства, — вздохнул император. — Если бы вы были деревом, я бы всегда мог слышать звуки вашего кота в шорохе листвы, и в щебетании птиц, которые сидели бы на ветвях этого дерева, и в звоне цикад. Если бы вы были горой, я постоянно слушал бы кота в шуме ветра, если морем или рекой — в рокоте вздымающихся волн. Ян Гуйфэй и император в седьмой день седьмого месяца во дворце Вечной жизни клялись друг другу в верности за гробом[742], мы же поклянемся сейчас во дворце Человеколюбия и Долголетия. Не думайте, что наша клятва будет менее прочной, чем та, которая была произнесена во дворце Вечной жизни. — И говоря о печали нашего существования, император произнёс:

— Тысячу лет суждено
Сосёнкам юным
Врозь простоять.
Не лучше ль в речке водой
Вместе струиться?
Думайте и вы так, как я...

— Внимаю вашим словам, но поверить им не могу[743], — ответила она. —

Вряд ли возможно,
Чтоб обмелело глубокое дно
Или мель превратилась в пучину...
Но стали же заводью
Асука быстрые воды.

Только это меня и беспокоит. Как бы я желала, чтобы глубокими оказались эти клятвы!

— Удостоверьтесь сами, мелки ли мои чувства, — сказал император.

—
Что если вместе
Струиться,
Как Сиракава поток?
Есть ли река
Её полноводней?

Тем временем был отдан приказ Службе императорских трапез, и в покои внесли прекрасно накрытые столики. Внесли сорок подносов из светлой аквилярии и поставили на столики, покрытые великолепными скатертями. Об утвари говорить нечего, так она была красива. Подали фрукты и сушёные лакомства, на вид обыкновенные, но вкус их был совершенно особый.

Император сказал Санэёри и военачальнику Императорского эскорта:

— Всё приготовлено превосходно, но сегодня моя гостья играла на кото так изумительно, что отправьтесь в Службу трапез и передайте, чтобы всё было приготовлено ещё изящнее. Пусть выберут самые лучшие плоды.

Господа отправились выполнять приказ, и никогда ещё столики не были накрыты великолепнее. Самые утончённые господа, придворные с большим опытом встали к кухонной доске, около тридцати-сорока знатоков этикета приготовили всё самым лучшим образом. Когда окончилось это небывалое исполнение музыки, на небе уже занялась заря. Сорок придворных дам и молоденьких служаночек в полной парадной форме, следуя друг за другом, поставили перед императором сорок подносов.

Узнав, что назначена новая главная распорядительница Отделения дворцовых прислужниц, придворные дамы переполошились, срочно послали за дворцовыми музыкантшами, и те, явившись во дворец Человеколюбия и Долголетия в парадных платьях и высоких причёсках, расставляли перед гостьей подносы с угощениями. Ей прислуживала одна из распорядительниц, дама в высшей степени достойная, прислуживавшая также и императору. Она была дочерью принца, получившего фамилию Минамото, и была из рода Минамото[744]. Угостили на славу и всех дам, и юных служаночек, сопровождавших дочь Тосикагэ.

Генерал Канэмаса наконец догадался, что это его жена. «Странно! Когда же она прибыла во дворец?» — думал он. В том, что госпожа стала служить во дворце, ничего постыдного для него не было. Теперь все, начиная с самой императрицы, поймут, что имея такую жену, Канэмаса всё более и более очаровывался ею и будут думать: «Да разве он может при

такой жене обратить внимание на другую женщину?» И действительно, увидев несравненную красоту главной распорядительницы, убедившись в её таланте, который она сегодня проявила, глядя на её сына, Накатада, все уверятся, что в нашем мире таких женщин больше нет, — и для Канэмаса, конечно, это будет большой честью. Но когда генерал вспоминал, что император в своё время был страстно влюблён в неё, постоянно посылал ей письма и ныне от своих намерений, конечно, не отказался; что госпожа, прибыв во дворец, находилась рядом с государем и, уж конечно, он ей говорил о своих чувствах, — от таких дум на сердце у генерала становилось тревожно.

Канэmasa позвал к себе Татибана Мотоюки, главу Управления левой половины столицы[745], который служил главой домашней управы в его усадьбе на Хорикава и в тот день сопровождал госпожу во дворец, и сказал ему:

— Надо срочно устроить пир по случаю получения чина госпожой, поэтому сейчас же возвращайся на Третий проспект и сделай необходимые приготовления. Без сомнения, с ней приедет много сопровождающих, так что у нас будет большое сборище. Приготовь всё наилучшим образом — и места для придворных дам, которые с ней приедут, и места у изгороди.

— Мы убрали помещения для приёма гостей, надеясь, что наша команда победит в соревнованиях. Приготовлено и великолепное угощение, так что вам беспокоиться не о чём! — ответил Мотоюки.

— Это делалось для пира по случаю соревнований, но поскольку император неожиданно пожаловал чин госпоже, пир будет давать она, и всё должно быть особенно красиво. Приготовь угощение с особым тщанием. Тем более, что сейчас она стала главной распорядительницей, её положение среди придворных дам очень высокое, и надо всё устроить отменным образом. Я хотел было поручить это Накатада, но нельзя, чтобы он отсутствовал, когда госпожа будет возвращаться домой.

Дав самые подробные указания Мотоюки, генерал отправил его в усадьбу на Хорикава.

Император, решив сделать госпоже особенный подарок, сказал левому министру:

— Когда главная распорядительница будет покидать дворец, я хочу преподнести ей необыкновенно изящный подарок, но заранее я об этом не подумал, а дело срочное, и сейчас мне ничего не приходит на ум. Мне очень досадно. Не пойдёшь ли ты в Императорский архив и в Дворцовую сокровищницу и не выберешь ли что-нибудь, что было бы модным и очень изысканным? Позаботься об этом. Вся их семья — люди тонкого вкуса, не

похожие на других. Выбери же с особым тщанием!

Императрица и Дзидзюдэн тоже хотели преподнести главной распорядительнице что-то исключительное. Тем временем император говорил дочери Тосикагэ:

— Среди тех, кто прислуживал вам сегодня вечером, не было ли дамы, которая могла бы служить распорядительницей? В настоящее время место одной распорядительницы свободно. Выберите себе помощницу, которая разбирается в делах. Пусть она помогает вам, когда вы будете посещать императорский дворец. В делах я даю вам полную свободу. Ах, если бы вы поступили на службу раньше, вы сейчас были бы императрицей, а мои сыновья похожи на Накатада! Отныне в моём сердце вы — единственная государыня. Приезжайте же время от времени во дворец. Если вы захотите, я передам вам даже дворец Чистоты и Прохлады, а сам, живя где-нибудь поблизости, буду исполнять все ваши желания. Не беспокойтесь о том, что приезжая ко мне во дворец, вы дадите повод для сплетен. Я опасаясь только, что генерал воспротивится вашим отлучкам. Не слушайте его, вряд ли из-за этого что-нибудь стрясётся. И не думаю, что Канэмаса станет ревновать вас. Не беспокойтесь. <...>

— На свете нет никого, кто бы мог запретить мне посещать ваш дворец, — ответила она. — Если бы я на свой страх и риск решила прибыть к вам, Канэмаса, возможно, и не согласился бы, но если на то будет ваша воля...

— Вы будете на службе, и вам никто не сможет ставить препоны, — сказал император. — А посторонних взглядов надо бояться, когда хочешь что-то скрыть. Мои чувства к вам сейчас глубже, чем раньше, не знаю с чем и сравнить их, я люблю вас всё сильнее, но сейчас уже не следует мечтать о невозможном. Как бы ни было сильно моё желание видеть вас, навещать вас в вашем доме я не могу, поэтому вам следует приезжать сюда. Я хочу видеть вас вновь как можно скорее, но в этом месяце у меня множество разных неотложных дел. Приезжайте вечером пятнадцатого дня. Запомните, обязательно пятнадцатого дня вечером, не нарушайте же обещания, не перестраивайте этого кота в другой лад.

— В ночь пятнадцатого дня и принцесса Кагуяхимэ прибудет к вам[746].

— Сюда и Ткачиха прибудет, — поддержал император.

— Да и за целебной раковинкой из гнезда ласточки[747] не надо будет ехать далеко, — промолвила она.

Императору хотелось видеть госпожу, но было бы невежливо приказать зажечь лампы и смотреть на неё при свете. Он раздумывал, как

ему поступить, и заметил перед собой мерцающих светлячков. «При свете, исходящем от них, пожалуй, можно будет разглядеть», — подумал император. Он поднялся, побежал, поймал несколько светлячков и посадил их в рукав. «Если бы их было побольше!» — подумал он, глядя на слабый свет.

— Нет ли поблизости кого-нибудь из прислуживающих мальчиков? Пусть поймают светлячков! Вспомним ту известную историю![748] — сказал он.

Мальчики принялись исполнять его желание. Накатада, услышав слова императора, догадался о его намерении и в зарослях травы около пруда поймал множество светлячков. Он принёс их в рукаве в покои и, став в тени и не выпуская насекомых, стал тихо напевать. Император сразу же заметил его и пересадил жуков в рукав своего верхнего платья. Прильнув к полотнищам переносной занавески, которая стояла между ним и госпожой, он продолжал разговаривать с ней. Затем, сделав вид, что он задумался, император стал что-то бормотать и как бы ненароком вытянул руку со светлячками в рукаве по направлению к матери Накатада. Рукав этот был из полупрозрачной ткани, и в свете, исходящем от множества светлячков, император мог ясно увидеть госпожу.

— Что это задумал мой государь? — улыбнулась она и произнесла:

— Сквозь прозрачный рукав

Льётся таинственный свет.

Чем может прельстить

Жилище бедной рыбачки,

Вечно в мокрой одежде?

Нечего и говорить, что император пришёл от этих слов в восхищение. Госпожа была женщиной тонкой, обладающей поразительным талантом, внешностью безупречна, и в этом слабом свете, придающем ей особое очарование, показалась государю ослепительной красавицей. Он весь погрузился в созерцание и наконец ответил:

— В этом сиянии представилось мне то, о чём я так долго мечтал!

В моём рукаве,

На который долгие годы

Слёзы я лил,

Свет слабый зажёгся.

Как радостно сердце забилося!

Они продолжали полную очарования беседу на разные темы. Стало светать, запели птицы, и император сказал:

— Редкая ночь, когда встречаются звёзды...

Если можно было бы спать,
Как птенцы на насесте,
Рядом друг с другом
И не слышать
Гомона птиц на заре!
Госпожа ответила:
— Очнувшись от грёз,
Из яйца
Появится птенец
И издали смотрит
На высокий помост[749].

Становилось всё светлее, и она заторопилась домой. Вот показалось солнце, и госпожа было поднялась, но государь удержал её:

— Разве уже рассвет? Это только его провозвестники! — И он обратился к Канэмаса:

— Генерал, сейчас ночь или утро?

— Трудно ответить. Петухи возглашают, что день настал, но как на самом деле, пока не разобраться.

В Суминоэ
Темны ещё облака
На востоке.
И неизвестно, с чего
Петухи всполошились.

Поэтому никак нельзя ответить определённо. Император рассмеялся и обратился к госпоже:

— Послушайте же, что говорит генерал. При этих словах я ещё больше укрепился в своём мнении.

Если заслышишь
Издали крик
Петушиный,
Знай, что Застава встреч
Уж близка[750].

Госпожа на это ответила:

— Слышу название заставы,
И радостью сердце забилося.

Но ведь если
Нет на то разрешенья,
Даже здесь встретиться не дано.

Увы, всё не так, как вы изволите говорить.

— Ах, не стоит об этом! — воскликнул император. —

Сердце стремится к тебе.

Но чувства твои

Столь непрочны...

Удастся ли вычерпать чистую воду

На Заставе свиданий?[751]

Вы не испытываете ко мне таких чувств, какие я испытываю к вам.

Наконец госпожа покинула дворец.

По приказанию левого министра из Императорской сокровищницы доставили двадцать сундуков для платья, украшенных золотой росписью по лаку, — излишне говорить, как красивы были покрывала на подставках для них и шесты, на которых их несли. В сокровищнице нашлись китайские сундуки, сработанные знаменитыми искусниками из императорских мастерских, в них было положено множество превосходных вещей, а также двадцать шкатулок, украшенных тонким узором, с покрывалами, для которых в течение нескольких лет подбирали красивую парчу. Отобрав в сокровищнице самые пышные шелка и парчу из тканей, привозимых на обмен купцами из Танского государства, министр велел сложить всё в эти сундуки, а в другие положить редкие благовония. Кроме того, в Императорской сокровищнице было приготовлено десять сундуков для подарков самым важным лицам, и министр приказал взять их для дочери Тосикагэ. В сундуки положили редкие вещи, каких больше нигде не найдёшь. Мог ли представиться более подходящий случай? Ведь речь шла о дочери Тосикагэ, жене знаменитого правого генерала, исполнявшей в тот день на кото тайные произведения, которым обучил её отец! Где ещё в мире можно было отыскать более достойное лицо? Министр решил поднести всё это госпоже. «В данном случае скупиться не следует», — подумал министр, приказывая взять эти десять сундуков и десять других сундуков для платья. В Императорском архиве он выбрал пятьсот штук самого лучшего шёлка, пятьсот свёртков ваты шириной в пять сяку, белой, как только что выпавший снег, и велел всё положить в сундуки. Там же он выбрал десять сундуков и приказал наполнить их узорчатым шёлком, парчой с цветочным рисунком и различными благовониями: мускусом, аквилярией, гвоздикой; и мускус, и аквилярия были привезены из Танского государства. Об изукрашенных шестах и покрывалах на этих сундуках говорить не приходится, всё было сделано самым лучшим образом.

Императрица тоже поручила левому министру приготовить подарки для главной распорядительницы. В пять сундуков с золотой росписью,

сработанных знаменитым мастером Сидзукава Накацунэ, было положено множество изумительных нарядов для разных времён года: для лета, осени, зимы. Рисунки на платьях были самых разнообразных оттенков и изображали деревья. О китайских платьях и верхних платьях с широкими рукавами нечего и говорить — они были затканы удивительными узорами. Эти платья тоже были заготовлены для подарков на особый случай. Одежду уложили в шкатулки, а те, в свою очередь, в мешки, сшитые из красивой зелёной ткани с морским орнаментом. Всё это было привезено из Танского государства.

Из многочисленных наложниц императора одна Дзидзюдэн сделала подарки госпоже. Другие дамы, думая: «Что мы можем поднести при таком великолепии?» — ничего не приготовили. Даже самые влиятельные господа не смогли бы в ту ночь преподнести дочери Тосикагэ достойных подарков, но Дзидзюдэн, любимая дочь такого высокопоставленного вельможи, как генерал Масаёри, сумела кое-что приготовить. Это были ажурные шкатулки, украшенные серебром. На одной из них была изображена гора в осеннюю пору, на равнине около неё — травы и цветы, над которыми порхают бабочки, летают пичужки, на самой горе — деревья, в их ветвях — разные птицы; всё было сработано удивительным образом. На другой, выполненной столь же тонко, была представлена гора в летнюю пору: растут пышные деревья, вокруг летают птицы; гора, река, утки, бабочки в ветвях деревьев — всё было достойно восхищения; кроме того, здесь были изображены люди, живущие в горах. Третья шкатулка была с изображением острова, на котором цветут вишни, вокруг него плещется море, а по волнам плавают лодки. Ещё две шкатулки были выполнены столь же мастерски. Для подарка приготовили и высокие золотые чаши с ножками, украшенными изящным узором. Всё это вещи, которые редко увидишь в нашем мире. Об одежде же, приготовленной Дзидзюдэн, говорить не приходится — она была поистине великолепна. Зимние и летние платья уложили в ажурные шкатулки; мешки для шкатулок, покрывала, даже завязки — всё было тщательно продумано и пленяло тонким вкусом. В шкатулках лежало всё необходимое для причёски: великолепные парики, украшенные драгоценными камнями золотые шпильки, а также заколки для волос, шёлковые ленты, самые разнообразные гребни. Ещё были преподнесены чаши на высоких ножках.

Холодович А. А. На грани мифологии и литературы// Восток: Сб. 1. Литература Китая и Японии. М., 1935. С. 53.
(обратно)

Мы следуем японскому порядку написания имён: сначала фамилия, затем имя. Мы опускаем частицу — но, которая часто ставится между фамилией и именем.
(обратно)

Коно Тама, редактор и комментатор текста романа, в предисловии к его изданию утверждает, что музыкальная тема является главной, а линия Атэмия и влюблённых в неё занимает подчинённое положение. — Уцухо-моногатари (Повесть о дупле) / Под ред. Коно Тама. В 3 т. (Нихон котэн бунгаку тайкэй. Т. 10–12. Токио, 1961–1962). Т.Д. С 8. (Далее — Уцухо-моногатари.) Исикава Тору утверждает, что главным героем произведения является Накатада, а не Атэмия. — Исикава Тору. Уцухо-моногатари кохан-но косо-ни цуитэ (Концепция второй части «Повести о дупле») // Хэйантё моногатари. Т. 2: Уцухо-моногатари (Моногатари эпохи Хэйан. Т. 2: Повесть о дупле). Токио: Нихон бунгаку кэнкю сирё сосё, 1979. С. 190. По мнению Такэхара Такао, история Атэмия является в романе центральной. — Такэхара Такао. Уцухо-моно-гатари-но кихон косо (Основная концепция «Повести о дупле») // Хэйантё моногатари. Т. 2. С. 95–103.
(обратно)

Уцухо-моногтари. Т. 1. С. 8.
(обратно)

Уцухо-моногатари. Т. 3. С. 528.
(обратно)

Уцухо-моногатари. Т. 3. С. 394–395.
(обратно)

Уцухо-моногтари. Т. 3. С. 514.
(обратно)

Уцухо-моногтари. Т. 3. С. 515.
(обратно)

The Sacred Books of the East / Ed. by F. Max Muller. Vol. XLIX. P. 2.
Oxford, 1894. P. 30, 44, 50, 95–97.
(обратно)

Хоккэкё (Лотосовая сутра) / Под ред. Сакамото Юкио и Ивамото Югака. В 3 т. Токио: Иванами сётэн, 1990. Т. 1. С. 116, 320; Т. 2. С. 18, 142, 154.
(обратно)

Лицзи (Книга установлений). Гл. 18. — Li Ki. Memoire sur les bienséances et les ceremonies / Texte chinois avec une double traduction en francais et en latin par S. Couvreur, deuxieme ed. Ho Kien Fou, imprimerie de la mission catholique. 1913. Т. 2. Р. 190.
(обратно)

Лицзи. Гл. 28. — Li Ki. Т. 2. Р. 400–402.
(обратно)

Ле-цзы ши ши (Ле-цзы с комментариями). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1985. С. 175. Далее: Ле-цзы.
(обратно)

Сыма Цянь. Ши цзи (Записки историка). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1972. Т. 1. С. 43. Далее: Сыма Цянь.
(обратно)

Сыма Цянь. Т. 1. С. 82.
(обратно)

Бань Гу. Хань шу (История династии Хань). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1975. Т. 4. С. 1039. Далее: Хань шу.
(обратно)

Название первой ступени пентатонической гаммы и первой струны
инструмента цинь.
(обратно)

Ин Шао. Фэн су тун и (О нравах и обычаях). Тяньшин, 1980. С. 225.
Далее: Фэн су тун и.
(обратно)

Название ступени люй люй, соответствующей восьмому месяцу.
(обратно)

Название ступени люй люй, соответствующей второму месяцу.
(обратно)

21

Название второй ступени пентатонической гаммы и второй струны
цинъ.
(обратно)

Название третьей ступени пентатонической гаммы и третьей струны
цинъ.
(обратно)

Название ступени люй люй, соответствующей одиннадцатому месяцу.
(обратно)

Название пятой ступени пентатонической гаммы и пятой струны цинь.
(обратно)

Название ступени люй люй, соответствующей пятому месяцу.
(обратно)

Название четвёртой ступени пентатонической гаммы и четвёртой струны цинь.
(обратно)

Ле-цзы. С. 175–177.
(обратно)

Хань шу. Т. 4. С 1039.
(обратно)

Перевод А. Е. Глускиной в кн.: Конрад Н. И. Японская литература в образцах и очерках. Л., 1927. С. 94.
(обратно)

Рёдзин хисё (Собрание песен, красота которых поднимает пыль с балок) / Под ред. Кавагути Хигао // Нихон котэн бунгаку тайкэй. Т. 73. Токио, 1965. С. 440.
(обратно)

Гэндзи-моногатари (Повесть о Гэндзи) / Под ред. Ямагиси Токухэй // Нихон котэн бунгаку тайкэй. Т. 14–18. Токио, 1958. Т. 3. С. 351.
(обратно)

Уцухо-моногатари. Т. 1, С. 379–380.
(обратно)

Уцухо-моногтари. Т. 2. С. 267–268.
(обратно)

Уцухо-моногатари. Т. 3. С, 513–514.
(обратно)

Уцухо-моногтари. Т. 2. С. 268–269.
(обратно)

Уцухо-моногтари. Т. 3. С. 479–480.
(обратно)

Уцухо-моногатари. Т. 3. С. 518–520.
(обратно)

Упоминание кото в древних японских памятниках свидетельствует, на наш взгляд, не о его национальном происхождении, но о более раннем, по сравнению с прочими китайскими музыкальными инструментами, периоде его проникновения из Китая в Японию. См. об этом: Sissaouri V. *Cosmos, magie et politique (la musique ancienne de la Chine et du Japon)*. Paris: Editions de la Maison des sciences de l'homme, 1992. P. 77–83.

(обратно)

Фудзивара Ёсинобу (995-1065) был государственным советником с 1021 г.
(обратно)

Церемония, выполняемая с первого дня первого месяца в течение трёх, пяти или семи дней для обеспечения спокойствия и благополучия государства.
(обратно)

Племянник Ёсинобу, был офицером Личной императорской охраны в 1035–1036 гг.
(обратно)

Император Хорикава правил с 1086 по 1107 гг.
(обратно)

Второй год Кадзё соответствует 1107 году.
(обратно)

По-видимому, имя Мунзёси употреблено ошибочно, вместо него должно быть Садаёси.
(обратно)

Тайра Киёмори (1118–1181) — глава дома Тайра, ставший первым министром и захвативший власть в стране. Тяжело заболев, он принял монашество.
(обратно)

Синтоистский храм Ицукусима в провинции Аки был родовым храмом Тайра.
(обратно)

Семья Оно была семьёй профессиональных музыкантов. Дед Ёсиката, Оно Сукэтада (1046–1110), был убит своим родственником Ямамура Масасукэ, так как отказался передать ему произведения тайной традиции. Сын Сукэтада, Тикаката, по этой причине не мог узнать все тайные произведения, до того времени хранившиеся в роду, и некоторые из них ему передал император Хорикава. Ёсиката, сын Тикаката, всю свою жизнь стремился восстановить утерянную традицию.
(обратно)

Конон тёмондзю (Собрание старых и новых известных историй) / Под ред. Накадзуми Ясуаки и Симада Исао // Нихон котэн бунгаку тайкэй. Т. 84. Токио, 1966. С. 202–203.
(обратно)

Уцухо-моногатари. Т. 1. С. 380; Т. 2. С. 204; Т. 3. С. 524; Гэндзи-моногатари. Т. 1. С. 273–274.
(обратно)

Уцухо-моногатари. Т. 2. С. 31–36.
(обратно)

Китайцы считали, что в возрасте тысячи лет журавли становятся серыми, а в возрасте трёх тысяч лет — чёрными.
(обратно)

Мифический император древности.
(обратно)

Божество огня и пожаров.
(обратно)

Мифический князь и волшебник, воевавший против Хуан-ди и превращавшийся в туман над озером.
(обратно)

«Князь ветров», божество ветра.
(обратно)

Бог дождя.
(обратно)

Находится в современной провинции Шаньдун. С древних времён принадлежит к числу самых почитаемых священных гор.
(обратно)

Поднос и ваза для жертвоприношений.
(обратно)

Фэн су тун и. С. 230–231.
(обратно)

Плутарх. Избранные жизнеописания: В 2 т. / Пер. В. Алексеева. Т. 1.
М, 1987. С. 150.
(обратно)

Уцухо-моногатари. Т. 2. С. 225–226.
(обратно)

Н. А. Невский писал о языке норито: «Здесь мы видим массу риторических украшений, метафор, параллелизмов, повторов и других приёмов, рассчитанных на то, чтобы усилить впечатление и придать молитвословию возвышенный характер. Примером песен с теми же поэтическими приёмами, тем же последовательным развитием содержания и теми же закативательными целями могут в настоящее время служить некоторые ритуальные песни японских шаманок-знахарок в северо-восточных провинциях главного острова, моления рюкюских жриц и, наконец многое народные песни мелких островов рюкюского архипелага». — Невский Н. А. Культовая поэзия древней Японии (VI–VIII вв.) // Восток. Сб. 1: Литература Китая и Японии. С. 18. Л. М. Ермакова отмечает такие особенности языка норито, как «клишированность, повторы, архаизмы, громоздкий синтаксис». — Норито. Сэммё // Пер. со старояп., исслед. и коммент. Л. М. Ермаковой. М.: Наука, 1991. С. 200 (Памятники письменности Востока. XCVII). (обратно)

Анализ стиля «Повести» вызывает особые затруднения, так как при многочисленных изменениях, внесённых в текст переписчиками, невозможно установить к какому времени относится тот или иной эпизод в той форме, в которой он дошёл до нашего времени.
(обратно)

Конрад Н. И. Японская литература. От «Кодзики» до Токутоми. М., 1974. С. 212, 230.
(обратно)

Ямато-мологатари / Пер. с яп., исслед. и коммент. Л. М. Ермаковой.
М.: Наука, 1982. С. 93 (Памятники письменности Востока. LXX).
(обратно)

Аналогичный эпизод присутствует и в композиции «Повести о Гэндзи», но здесь его использование абсолютно формально. В 12-й и 13-й главах Мурасаки-сикибу описывает пребывание Гэндзи в ссылке, что соответствует отшельничеству. Как и в «Повести о дупле», пребывание героя в ссылке предшествует его возвышению, но это возвышение обусловлено чисто внешними причинами, и ни о каком перерождении Гэндзи в течение этого периода в романе нет и речи. Так в романе Мурасаки-сикибу мотив отшельничества отходит от своих мифологических истоков и превращается в чисто структурный элемент композиции.

(обратно)

Махабхарата. Книга третья, Лесная (Араньякапарва) / Пер. с санскр., предисл. и коммент. Я. В. Василькова и С. Л. Невеловой. М.: Наука, 1987. С. 360–361 (Памятники письменности Востока. LXXX).
(обратно)

Le Mahabharata / Extraits traduits du Sanscrit par Jean-Michel Peterfalvi.
Introduction et commentaires par Madeleine Biardeau (deux vol.). Paris:
Flammarion, 1985. Vol. 2. P. 133.
(обратно)

Le Ramavana de Valmiki / Trad, en francais par Alfred Roussel. 3 vol.
Paris: A. Maisonneuve, 1979. Vol. 3. P. 418 (BibliothSque orientale. VI–VIII).
(обратно)

Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 52–111.
(обратно)

Обычно будда Амида изображается в сопровождении бодхисаттв Канной и Сэйси (санскр. Авалокитешвара и Махаштхамапрапта), но не Мондзю (Мапджушри), как в «Повести».
(обратно)

Пропп В. Я. Указ. соч. С. 103–106.
(обратно)

Там же. С. 46–47.
(обратно)

Там же. С. 207–210.
(обратно)

Горегляд В. Н. Дневники и эссе в японской литературе X–XIII вв. М: Наука, 1975.
(обратно)

Лихачёв Д. С. Развитие русской литературы X–XVIII вв. // Избранные работы в трех томах. Т. 1. Л., 1987. С. 179.
(обратно)

Мията Ваитиро. Вступительная статья // Уцухо-моногатари: В 5 т. (сер. Нихон котэн дзэнсё). Токио: Асахи-симбун, 1954–1965. Т. 1. С. 4–5. (обратно)

Уцухо-моногатари. Т. 3. С. 402.
(обратно)

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 161.
(обратно)

Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 2. М.; Пг., 1923. С. 314–315.
(обратно)

Масуда Кацуми. Моногатари-но сэйтёки (Период развития моногатари) // Хэйантё моногатари. Т. 2. С. 290–294. (обратно)

Ямато-моногатари. С. 187–189.
(обратно)

Манъёсю (Собрание мириад листьев): В 3 т. / Пер. с яп., вступ. ст. и коммент. А. Е. Глускиной. М., 1971–1972. Т. 1. С. 437. Кн. 7, стихотворение 1068.
(обратно)

Прим.1 гл.1:

Родоначальником рода Киёвара является принц Тонэри (677–735), сын императора Тэмму. Первые пять поколений Киёвара носили титул оокими (в нашем переводе «князь»). Действие «Повести» происходит в столице Хэйан (ныне Киото), куда императорский двор переехал в 794 г., и начало её не может относиться к периоду ранее IX в. Живущий в это время Киёвара должен принадлежать к пятому поколению потомков принца. Сын его, Тосикагэ, оокими уже не называется, Действие «Повести» развёртывается в период царствования трёх вымышленных императоров: Сага, Судзаку (императоры получили эти имена при отречении от престола) и третьего, который остаётся безымённым, так как продолжает царствовать до конца повествования. Начало первой главы относится к правлению императора Сага.
(обратно)

Прим.2 гл.1:

В эпоху Хэйан административный аппарат, службы сторожевой охраны (Личная императорская охрана, Императорский эскорт и Дворцовая стража) делились на две секции: Левую (более высокую по положению) и Правую. Японские аристократы занимали, как правило, две, а в некоторых случаях и три должности. О структуре правительственного аппарата, а также о многих вопросах жизни в эпоху Хэйан см.: Мурасаки Сикибу. Повесть о Гэндзи (Гэндзи-моноготари) / Пер. с яп. Т. Соколовой-Делюсиной: В 5 кн. М.: Наука, 1991–1993. (Т. 5: прил.).
(обратно)

Прим.3 гл.1:

Когурё — одно из корейских царств.
(обратно)

Прим.4 гл.1:

Система экзаменов была заимствована из Китая. Образование ставило целью формирование чиновничьего аппарата и обеспечивало человеку желаемое положение в обществе и материальный достаток. Молодые люди получали образование обычно в университете (Дайгакурё) с четырьмя факультетами, из которых главным считался литературный, где изучались китайские классические тексты и исторические сочинения. Кроме университета существовало несколько школ, основанных влиятельными родами. По окончании обучения молодые люди должны были выдержать экзамены на степень сюнси (кандидата) и сюсай (доктора), которые проводила Палата обрядов. Образование было долгим, и обычно степень сюсай можно было получить только к сорока годам. Получение героем «Повести» этой степени в четырнадцать-шестнадцать лет, без предварительной учёбы в университете, является совершенно беспримерным.
(обратно)

Прим.5 гл.1:

Речь идёт об обряде совершеннолетия, когда подростку, обычно в возрасте от одиннадцати до шестнадцати лет, давали новое имя, впервые делали мужскую причёску и надевали на него головной убор взрослых.
(обратно)

Прим.6 гл.1:

Мы сохраняем в переводе японский порядок написания имён: на первом месте стоит фамилия, на втором — имя.
(обратно)

Прим.7 гл.1:

Танское государство — Китай (по названию династии Тан, правившей с 618 по 907 гг.).
(обратно)

Прим.8 гл.1:

Обычно экзамены начинались рано утром и длились до вечера. В данном случае экзамен специально начали поздно, чтобы сократить время написания сочинения.

(обратно)

Прим.9 гл.1:

Посольства, отправляемые в Китай, кроме чисто дипломатических, преследовали и другие цели. В составе посольств на континент отправляли молодых людей, которые должны были овладеть там науками, ремёслами и искусствами. Последнее, пятнадцатое, посольство в Китай было отправлено в 838 г. В 894 г. японцы начали готовить шестнадцатое посольство, которое, однако, не было отправлено. Таким образом, начало «Повести» относится ко времени не позднее 838 г. Точных хронологических рамок автор «Повести», однако, не придерживается. (обратно)

Прим.10 гл.1:

Японские исследователи считают, что название Персия (Хасикоку) употреблено здесь ошибочно и что речь должна идти о Юго-Восточной Азии. Эта точка зрения основана на представлении, что рай Чистой земли, в преддверии которого Будда является Тосикагэ, находится в Индии. Нам кажется, что возможно другое объяснение. Автор «Повести» располагает рай Чистой земли (по буддийской космологии, лежащий на западе) не только на запад от Китая, но и вообще от всех известных государств. Он мог совершенно сознательно выбрать одну из западных стран тогдашней географии, Персию, как начальную точку путешествия героя на запад. В последних главах, где вновь упоминается о путешествии Тосикагэ, говорится не о Персии, а о землях, лежащих между Китаем и Индией. Это, однако, не единственное противоречие между первой и второй частями произведения.
(обратно)

Прим.11 гл.1:

Бодхисаттва — существо, достигшее прозрения и получившее таким образом возможность стать буддой. Но вместо того, чтобы погрузиться в нирвану, бодхисаттва остаётся в земном мире и помогает другим живым существам. Каннон (санскр. — Авалокитешвара) — олицетворение милосердия, один из самых популярных бодхисаттв в Китае и Японии.
(обратно)

Прим.12 гл.1:

Кото — 1) общее название струнного инструмента, 2) струнный инструмент, отчасти напоминающий цитру. Пяти- или семиструнная разновидность этого инструмента называется кии (кит. — цинь). В оригинале «Повести» этот инструмент называется и кото, и кин, в переводе мы везде пользуемся первым обозначением. О китайском цинь см. во вступительной статье.
(обратно)

Прим.13 гл.1:

Здесь в оригинале следует: «Подпись к рисунку: сидят три человека и играют на кото». Предполагается, что первоначально свитки «Повести» были украшены иллюстрациями, подписи к которым сохранились в дошедших до нашего времени текстах. Мы исключили их при переводе. (обратно)

Прим.14 гл.1:

Дзё — мера длины, равная 3,03 м.
(обратно)

Прим.15 гл.1:

В древнеиндийской мифологии асуры — могущественные демоны, противники богов. В буддизме злые демоны асуры образуют особую категорию существ, которые стоят выше человека и не смешиваются с обитателями ада, самым низким разрядом живых существ.
(обратно)

Прим.16 гл.1:

Калпа — время существования видимого мира от его появления до уничтожения. В данном случае это слово имеет значение очень длительного промежутка времени, и «десять тысяч» надо понимать не буквально, но как некое очень большое число.
(обратно)

Прим.17 гл.1:

«Сутра Великой Мудрости» или, более точно, «Великая сутра о праджня-парамите» (яп. «Дай хання харамитта кё», санскр. «Махапраджня-парамита-сутра») представляет собой огромный свод в шестистах главах, состоящий из шестнадцати самостоятельных произведений. Речь в них идёт о параштк, способности достижения просветления (нирваны). Праджня-парамита является важнейшей из шести парамит. Переписка сутр верующими с душеспасительной целью была очень распространена. (обратно)

Прим.18 гл.1:

Это место можно понимать следующим образом: родители умерли, завершили круг превращений. По мнению Коно Тама, это место в оригинале неясно.
(обратно)

Прим.19 гл.1:

Небо Торитэн — одно из шести небес (второе снизу) буддийской космологии, рай бога Индры.
(обратно)

Прим.20 гл.1:

Ткачиха (Танабата) — название звезды Вега.
(обратно)

Прим.21 гл.1:

Час лошади — время суток с одиннадцати часов утра до одного часу дня. В старой Японии сутки делились на двенадцать равных промежутков (в русских переводах условно — «час»), которые именовались по названиям циклических знаков.

(обратно)

Прим.22 гл.1:

Рай Чистой земли (яп. Дзёдо, санскр. Сукхавати) — рай будды Амитабхи (яп. Амида), который по достижении состояния будды не вошёл в нирвану, но стал бодхисаттвой, дав обет не погружаться в нирвану до тех пор, пока все верующие в него не возродятся в раю Чистой земли.
(обратно)

Прим.23 гл.1: Названия этих кото, как и некоторых других, о которых говорится ниже, переводимы: нан-фу означает «южный ветер», хаси-фу — «ветер Персии». «Южный ветер» — название стихотворения, которое приписывается китайскому легендарному императору Шуню; в нём воспевается южный ветер, символ доброты и справедливости правителя или заботы родителей о детях.
(обратно)

Прим.24 гл.1:

Бодхисаттва Мондзю (санскр. Манджушри) — воплощение высшей мудрости.
(обратно)

Прим.25 гл.1:

Небо Тосоцу — четвертое снизу небо буддийской космологии, где жил Будда Шакьямуни до своего рождения среди людей и где живёт бодхисаттва Мироку (санскр. Майтрейя), Будда будущих времён.
(обратно)

Прим.26 гл.1:

Карма — совокупность добрых и злых деяний живых существ, которая определяет их последующее (более высокое или более низкое) перерождение.
(обратно)

Прим.27 гл.1:

Это место неясно. Здесь, по мнению Коно Тама, или ошибка переписчика, или автор употребляет буддийские термины, значение которых утрачено.
(обратно)

Прим.28 гл.1:

Будешь лицезреть Будду и внимать Закону — то есть достигнешь нирваны и возродишься в раю Чистой земли.
(обратно)

Прим.29 гл.1:

Носить трёхлетний траур по родителям предписывали конфуцианцы.
В Японии в эпоху Хэйан траур по родителям длился один год.
(обратно)

Прим.30 гл.1:

Из дальнейшего ясно, однако, что Тосикагэ ничего не рассказал ни о кото, ни о музыке рая Чистой земли.
(обратно)

Прим.31 гл.1:

Дом Минамото состоял из нескольких родов, восходящих к различным
принцам, получившим одну и ту же фамилию.
(обратно)

Прим.32 гл.1:

Левый и правый министры — второй и третий по значению чиновники Государственного совета, возглавляемого первым министром.
(обратно)

Прим.33 гл.1:

В тексте ничего не говорится о седьмом кото.
(обратно)

Прим.34 гл.1:

Музыкальные произведения эпохи Хэйан делились на «большие», «средние» и «малые». Предполагается, что эта классификация основана на количестве составляющих их частей.
(обратно)

Прим.35 гл.1:

О чудесах, связанных с игрой на цине, описанных в китайских источниках см. вступительную статью.
(обратно)

Прим.36 гл.1:

Речь идёт о присвоении одного из трёх высших рангов. Представителям самой высшей знати разрешалось являться в императорский дворец в повседневном верхнем платье, кафтане (наоси или носи)
(обратно)

Прим.37 гл.1:

Во второй половине произведения (гл. XIII, XIX, XX) говорится, что на этом месте располагалась родовая усадьба семьи Тосикагэ.
(обратно)

Прим.38 гл.1:

Обучение музыке требовало много времени, и то, что героиня в один день могла выучить несколько крупных произведений, является совершенно беспрецедентным.
(обратно)

Прим.39 гл.1:

Мать страны (кокубо) — государыня, мать императора. Высочайшая наложница (нёго) — одно из высших званий императорских наложниц.
(обратно)

Прим.40 гл.1:

Управление хозяйством сановников находилось в руках чиновников мандокоро (Или мадокоро, Домашняя управа), специального аппарата, обязанностью которого была административная помощь семьям высшей знати. Их деятельность, особенно в удалённых поместьях, была бесконтрольной. Если сановник терял своё положение при дворе и не мог более заботиться о своих управляющих, их материальном положении, продвижении по службе и т. д., чиновники переставали выполнять свои обязанности перед ним и присваивали себе доход с имений.
(обратно)

Прим.41 гл.1:

В тексте употреблено слово кати (тёмно-синий). По мнению Коно Тама, это слово употреблено здесь в значении токати — ткани из хлопчатобумажной пряжи с добавлением ниток, ссученных из заячьей шерсти.

(обратно)

Прим.42 гл.1:

Хэйаньских аристократок редко называли по именам, которые заменялись различными прозвищами или наименованиями чина. Табу было более сильным в отношении женщин, не игравших большой роли в социальной жизни. Обычно им давали прозвища, но в ряде случаев не сохранилось даже такового. Так, героиня «Повести» не имеет ни имени, ни прозвища.
(обратно)

Прим.43 гл.1:

Храм Камо — один из наиболее почитаемых синтоистских храмов в Японии, посвящённый богам-покровителям императорского дома и защитникам столицы. Два святилища храма (Нижнее и Верхнее) находились к северу от столицы, на реке Камо, которая далее протекала недалеко от той части города, где стоял дом Тосикагэ.
(обратно)

Прим.44 гл.1:

Кагура — синтоистская церемония; песни и пляски, которые исполнялись в храме.
(обратно)

Прим.45 гл.1:

Причёску унаи (волосы, связанные на затылке) носили подростки в возрасте 13–14 лет.
(обратно)

Прим.46 гл.1:

Герой цитирует начало стихотворения Аривара Нарихара «Исэ-монотогари», № 81:

Не успели ещё

налюбоваться тобой, о, луна,

а ты уже прятаться хочешь...

О, гребни тех гор, если бы вы,

её не приняв, убежали!

Пер. Н. И. Конрада.

См.: Исэ-монотогари. М, 1979. С. 102.

(обратно)

Прим.47 гл.1:

Ключевым словом этого стихотворения является кагэро, имеющее два значения: подёнка, насекомое, живущее всего один день, и воздух, струящийся от жары. В литературе (как и в данном стихотворении) кагэро часто сопровождается выражением «то ли есть, то ли нет» (ару ка наки ка) и отражает идею эфемерности жизни.
(обратно)

Прим.48 гл.1:

В эпоху Хэйан существовала форма брака цумадои, когда муж либо входил в семью жены, либо только по ночам навещал жену, которая продолжала жить с родителями. Молодой господин спрашивает, не замужем ли дочь Тосикагэ.
(обратно)

Прим.49 гл.1:

Таким косвенным образом автор сообщает о беременности героини.
(обратно)

Прим.50 гл.1:

Образ заимствован, по-видимому, из стихотворения Фудзивара Тосиюки, включённого в «Собрание старых и новых японских песен» (Кокин вака сю, № 558): засыпая, поэт сразу же видит дорогу, которая ведёт его к любимой.
(обратно)

Прим.51 гл.1:

Образ стихотворения основан на обычае влюблённых связывать при расставании друг другу шнуры нижнего белья (в стихотворении дочери Тосикагэ — рукава), давая при этом клятву не развязывать их до следующего свидания.
(обратно)

Прим.52 гл.1:

Мусимицу — по-видимому, детское имя мальчика.
(обратно)

Прим.53 гл.1:

То — мера ёмкости, равная 18 л, масу — 1,8 л.
(обратно)

Прим.54 гл.1:

Этот эпизод, по мнению Коно Тама, навеян историей Ван Сяна из царства Цзин — одной из двадцати четырёх образцов сыновней добродетели. Ван Сян лёг на лёд, растопил его теплом своего тела и достал из реки рыбу для мачехи. Несмотря на ярко выраженный конфуцианский оттенок трёх эпизодов, повествующих о сыновней добродетели героя (см. текст ниже), их общее содержание носит, безусловно, религиозный характер. Конфуцианские истории призваны иллюстрировать исключительно моральные качества героев, в них действие разворачивается без какого-либо участия высших сил. В японской же «Повести» малолетний герой получает от будд вознаграждение за свою святость. Создавая эти отрывки, автор должен был вдохновляться подобными эпизодами из агиографической литературы. (обратно)

Прим.55 гл.1:

По-видимому, аналогия с историей Мэн Цзуна из царства У, который разыскал в снегу побеги бамбука для больной матери.
(обратно)

Прим.56 гл.1:

Третья аналогия с образцами сыновьей добродетели. Ян Сян из царства Лу бросился в пасть тигру, собиравшемуся сожрать его отца, Тигр был тронут и оставил обоим жизнь. См. Об этом эпизоде вступительную статью.

(обратно)

Прим.57 гл.1:

Тё — мера площади, равняется приблизительно одному гектару.
(обратно)

Прим.58 гл.1:

Речь идёт об императоре Судзаку. В первой главе «Повести» за время пребывания героев в лесу прежний император отрёкся от престола, получив имя Сага.
(обратно)

Прим.59 гл.1:

Дамудоку (или Дандоку, санскр. Дандака) — гора, на которой жил Шакьямуни, предаваясь аскезе.
(обратно)

Прим.60 гл.1:

Уход в лес в «Повести» имеет значение ухода в монастырь. Дочь Тосикагэ имеет в виду, что, уйдя в монастырь (лес), ей было бы стыдно его покинуть.
(обратно)

Прим.61 гл.1:

Многожёнство было в порядке вещей в древней Японии.
(обратно)

Прим.62 гл.1:

Штаны отличались от шаровар тем, что последние завязывались у щиколоток.
(обратно)

Прим.63 гл.1:

Окраска тканей в древней Японии осуществлялась следующим образом: разложив на гладком камне траву и цветы, расстилали на них ткань и проводили по ней камнем — сок раздавленных растений, пропитывая ткань, окрашивал её.
(обратно)

Прим.64 гл.1:

Этой истории посвящена вторая глава «Повести», «Тадакосо».
(обратно)

Прим.65 гл.1:

Под кото в этом предложении имеется в виду пяти- или семиструнный инструмент, который более точно называется кии (см. примеч. 12). Цитра со (кит. чжэн) является тринадцатиструнным инструментом того же рода. Яматогото (японская цитра), шестиструнный инструмент, несмотря на своё название, был, по-видимому, китайского происхождения и попал в Японию до массового заимствования континентальной музыки и инструментария. (обратно)

Прим.66 гл.1:

В Восточном (или Весеннем) дворце проживал наследный принц до
восшествия на престол.
(обратно)

Прим.67 гл.1:

Речь идёт о тайных произведениях, хотя Канэмаса и не мог ничего знать о музыке рая Чистой земли (см. вступительную статью).
(обратно)

Прим.68 гл.1:

Накаёри обучал наследника престола игре на флейте, Юкимаса — на лютне бива. Персонажи романа, которые славятся своим музыкальным искусством. О них подробно рассказывается в III и IV главах.
(обратно)

Прим.69 гл.1:

«Пять мановений» (Госэти) — древний японский танец. Исполнялся на пиршестве, следовавшем после «церемонии вкушения риса», ритуального праздника нового урожая. Поначалу его исполняли дамы-аристократки, затем — профессиональные танцовщики. По преданию, император Тэмму (годы правления 673–686), находясь в загородном дворце в горах Ёсино, играл однажды на кото. Перед ним появилась фея, которая начала танцевать. Во время танца она взмахнула пять раз рукавами. Её танец и явился прообразом «Пяти мановений».

(обратно)

Прим.70 гл.1:

«Варварская свирель» (Кока) — произведение для кото, несколько раз упомянутое в «Повести», а также в «Повести о Гэндзи». В некоторых списках название записано иероглифами, обозначающими «Пять напевов». Пьеса, по-видимому, была заимствована из Китая, и можно предположить, что первоначально она представляла собой песню. Варварская свирель — один из образов, часто встречающихся в китайских стихах, рассказывающих о тоске отправленных на северные заставы воинов, которые, слыша грубые звуки музыки варваров, вспоминают свой дом. В XI главе пьеса упоминается в связи с историей Ван Чжаоцзюнь.
(обратно)

Прим.71 гл.1:

Состязания в борьбе (сумаи-но сэтиэ) проводились в императорском дворце в конце седьмого месяца и продолжались несколько дней. В соревнованиях участвовали две команды:левой и Правой личной императорской охраны. Для этих соревнований по всей стране собирали самых сильных борцов. После состязаний генерал той стороны Личной императорской охраны, чья команда победила, устраивал пир в своём доме. (обратно)

Прим.72 гл.1:

В северной части дома проживала главная (или единственная) жена хозяина. Госпожа из северных покоев — обычное обозначение хозяйки. (обратно)

Прим.73 гл.1:

Не очень понятно, какие именно службы имеются в виду, может быть — Правый и Левый императорский эскорт и Правая и Левая дворцовая стража.
(обратно)

Прим.74 гл.1:

Сяку — мера длины, равная 30,3 см.
(обратно)

Прим.75 гл.1:

Женское платье в эпоху Хэйань состояло из накидки, верхнего платья, штанов и нескольких нижних платьев. К талии поверх платьев привязывался шлейф мо. В костюме аристократок число нижних платьев могло доходить до двенадцати. В дома с аристократов во время празднеств такое парадное платье носили и прислужницы.
(обратно)

Прим.76 гл.1:

Тёмно-фиолетовые, так называемой двойной окраски — для получения такой ткани её красили сначала в синий, а затем в красный цвет. (обратно)

Прим.77 гл.1:

Лютня бива — музыкальный инструмент персидского происхождения, проник в Японию через Китай.
(обратно)

Прим.78 гл.1:

Штука шёлка, хики (или бики) — мера длины для тканей, равная 21,2 м.
(обратно)

Прим.79 гл.1:

Места у изгороди — места, на которых во время пиров сидели менее важные гости, окружающие (составляющие изгородь) наиболее уважаемых персон.
(обратно)

Прим.80 гл.1:

«Многие лета» («Мандзаираку») — произведение церемониальной музыки гагаку, заимствованное в Китае и, по преданию, созданное императрицей У-хоу (годы правления 684–705).
(обратно)

Прим.81 гл.1:

Под алыми листьями клёна подразумеваются подарки, преподнесённые гостям, под сосной — Накатада.
(обратно)

Прим.82 гл.1:

«Танец с приседанием» («Ракусон») — танец гагаку.
(обратно)

Прим.83 гл.1:

Японские дома строились на сваях-столбах, пол был выше уровня почвы. В помещение входили по деревянной лестнице через веранду. Во время пиров гости сидели в передних покоях и на веранде и для исполнения танцев должны были спускаться по лестнице во двор.
(обратно)

Прим.84 гл.1:

Намёк на стихотворение из антологии «Собрание японских песен, не вошедших в прежние антологии» («Сюи вакасю», конец X в.).

Я болен,

потому что люблю ту,

которую не вижу.

И нет для меня лекарства,

кроме встречи с ней.

(свиток 12, автор неизвестен).

(обратно)

Прим.85 гл.1:

Накадзуми имеет в виду свою безнадежную любовь к сестре.
(обратно)

Прим.86 гл.1:

Мачеха Накатада приходится Накадзуми тёткой со стороны матери.
(обратно)

Прим.87 гл.1:

Женщины не должны были показываться перед посторонними мужчинами и, даже устраивая пиршества в своём доме, могли видеть приглашённых только через просветы между занавесями.
(обратно)

Прим.88 гл.1:

Благодарственный танец — ритуальный танец, исполняемый в знак благодарности за подарки или обещание перед императором или какой-либо важной персоной.
(обратно)

Прим.1 гл.2:

Глава «Тадакосо» возвращает нас к периоду правления императора Сага, что соответствует началу первой главы.
(обратно)

Прим.2 гл.2:

Род Татибана ведёт своё происхождение от принца Кацураги, потомка императора Бидэцу (годы правления 572–585) в шестом колене, которому император Сёму (годы правления 724–749) пожаловал фамилию Татибана. (обратно)

Прим.3 гл.2:

Повышение по службе получали обычно один раз в год.
(обратно)

Прим.4 гл.2:

Тадакосо — детское имя, которым автор называет героя и в дальнейшем.
(обратно)

Прим.5 гл.2:

Хорай (кит. Пэнлай) — в даосской мифологии священная гора (или остров) в Восточном море, на которой живут небожители, обладающие эликсиром бессмертия. В древнем Китае некоторые императоры снаряжали экспедиции на поиски этой горы.
(обратно)

Прим.6 гл.2:

Имеются в виду прежде всего гора Хиэй, находящаяся недалеко от столицы, на которой было много монастырей, а также другие горы, где были монастыри.

(обратно)

Прим.7 гл. II:

Буддийская церемония чтения «Лотосовой сутры» («Саддхарма пундарика сутра», яп. «Хоккэ-кё») длилась по четыре дня, по два чтения ежедневно, утром и вечером.
(обратно)

Прим. 8 гл. II:

В японской поэзии «деревня Фусими» является постоянным эпитетом слова «забывать». В данном стихотворении образ осложнён тем, что «селенье Фусими» в свою очередь снабжено постоянным эпитетом «поле Суга».

(обратно)

Прим. 9 гл. II:

Смысл этого стихотворения: «кроме Вас, я не знаю других женщин, и мне больно, что Вы пребываете в тоске».
(обратно)

Прим.10 гл. II:

В древней Японии существовала сложная система запретов перемещений в пространстве, связанная с верой в Срединного бога (Накагами или Тэнъитидзин), который проводит сорок четыре дня на земле, перемещаясь по направлениям восьми стран света, и шестнадцать дней на небе. Считалось опасным для людей двигаться в том направлении, где находился бог, поэтому в такие дни предписывалось или вовсе не покидать дома, или для изменения направления изобретали разнообразные кружные пути с ночёвкой в чужих домах. Является ли день благоприятным для путешествий или нет, определялось гадалщиками по системе взаимодействия космических сил инь-ян (см. примеч. 27 к данной главе). (обратно)

Прим.11 гл. II:

Герой цитирует начало стихотворения Ки Цураюки из «Шести тетрадей старых и новых японских песен» («Кокин вака рокудзё», составлен во второй половине X в.): «К чему мне нефритовая башня? С тобой я бы с радостью спал даже в зарослях хмеля» (6 свиток).
(обратно)

Прим.12 гл. II:

Здесь мы следуем тексту «Нихон котэн дзэнсё» и комментариям Мията Ваитиро. Относительно текста, опубликованного в «Нихон котэн бунгаку тайкэй», Конно Тама отмечает, что он не поддаётся расшифровке. (обратно)

Прим.13 гл. II:

Праздник пятого дня пятого месяца — танго, один из сезонных праздников. Назывался также «праздником ириса». По поверьям, аромат ириса (аямэ) и полыни отгонял злых духов, поэтому в начале пятого месяца императорские дворцы и частные дома украшались этими растениями, а в день праздника царили друг другу мешочки кусудама, наполненные ароматическими составами из этих растений.
(обратно)

Прим.14 гл. II:

Вдова намекает на свою неразделённую любовь к молодому человеку.
(обратно)

Прим.15 гл. II:

В ответном стихотворении образы переосмыслены: под ирисами подразумевается вдова, к которой стремится множество мужчин (волны).
(обратно)

Прим.16 гл. II:

Речь идёт о принадлежности парадного костюма — поясе, богато украшенном драгоценными камнями.
(обратно)

Прим.17 гл. II:

Великое вкушение риса — первый после восшествия императора на престол праздник вкушения риса.
(обратно)

Прим.18 гл. II:

Около двадцатого дня первого месяца во дворце Дзидзюдэн проводился дворцовый пир (найэн), на котором женщинами исполнялась музыка и устраивался поэтический турнир. Пирь найэн известны с начала IX в.

(обратно)

Прим.19 гл. II:

Императорский архив (Куродо-докоро) был учреждён в начале IX в. Первоначально в ведении архивариусов находились ценные рукописи и императорские рескрипты, но вскоре они стали ведать всеми дворцовыми делами, гардеробом и столом императора.
(обратно)

Прим.20 гл. II:

Медные монеты с отверстием посередине нанизывались на соломенную бечёвку. 1000 монет равнялись 1 кан (ок. 3,75 кг).
(обратно)

Прим.21 гл. II:

Потирая руки — жест, означающий просьбу.
(обратно)

Прим.22 гл. II:

Служащие во дворце дамы назывались по наименованию помещений, в которых они проживали, Умэцубо — «Павильон сливы» и прозвище дам, которые жили в нём.

(обратно)

Прим.23 гл. II:

На горе Курама находился монастырь, носивший то же название
(Курамадзи).
(обратно)

Прим.24 гл. II:

Тысячерукий Каннон — одна из ипостасей бодхисаттвы: Каннон тысячеокий — чтобы видеть всех, кто нуждается в помощи, и тысячерукий — чтобы им помогать.
(обратно)

Прим.25 гл. II:

Стихотворение построено на двух значениях слова уцусэми — «сброшенная кожа цикады», и «наше смертное тело», «наше бренное существование».

(обратно)

Прим.26 гл. II:

Возможно, это цитата из какого-то стихотворения.
(обратно)

Прим.27 гл. II:

Имеются в виду чиновники Ведомства космических начал инь-ян (яп. онъё), которые занимались астрологией, изучением календаря, гаданием. В основе их деятельности лежало китайское учение о взаимодействии космических сил инь и ни (тёмное и светлое, женское и мужское).
(обратно)

Прим.28 гл. II:

Стихотворение построено на использовании омонимов: фуми — «ступать ногами» (имеется в виду «по отмелям») и фуми — «письмо». Под отмелью понимаются неглубокие чувства вдовы, под глубоким омутом — сердце самого Тикагэ, полное печали.
(обратно)

Прим.29 гл. II:

Таго — бухта в провинции Суруга, из неё открывается самый красивый вид на гору Фудзи. В этом и в следующих двух стихотворениях названный топоним имеет не столько отношение к реальному месту, сколько употреблён потому, что для написания второго слога его названия используется иероглиф «ребёнок», и таким образом он связан с общим содержанием. «Белые волны моют песок» — постоянный эпитет к бухте Таго. Кто такие персонажи, сочинившие два следующих стихотворения, — неизвестно.
(обратно)

Прим.30 гл. II:

Возможно, это цитата из какого-то стихотворения.
(обратно)

Прим.31 гл. II:

Под осенним ветром понимается Тикагэ. Стихотворение построено на игре слов: араси — «буря» и арадзи — отрицание от глагола «быть». То есть вдова имеет ввиду, что Тикагэ не бывает у неё.
(обратно)

Прим.32 гл. II:

Стихотворение содержит намёк на возраст вдовы. Построено на омонимах: аки — «осень» и аки — «пресыщаться». Под ветром понимается мужское сердце, под цветами — вдова.
(обратно)

Прим.33 гл. II:

Хаги — леспедеца двуцветная, самый характерный образ осени в японской поэзии. Под осенним хаги имеется в виду Тикагэ, под багрянником — вдова.
(обратно)

Прим.34 гл. II:
Ёмоги значит «попынь».
(обратно)

Прим.35 гл. II:

Коку — мера ёмкости сыпучих тел, равная 180,39 л.
(обратно)

Прим.36 гл. II:

Пагода генетически восходит к индийской ступе, священному хранилищу останков Будды. О Бодхисаттве несметных сокровищ рассказывается в «Лотосовой сутре». Бодхисаттва Прабхутаратна (яп. Тохобосацу, «Бодхисаттва несметных сокровищ»), достигнув нирваны, построил ступу, в которую положил своё тело, и дал клятву, что ступа с мощами появится перед тем, кто правильно объяснит Смысл цветка закона (иначе — «Лотосовую сутру»). Ступа появилась из-под земли перед Буддой Шакьямуни, когда он проповедовал на горе Гридхракута (Орлиный пик).
(обратно)

Прим.1 гл. III:

Содержание третьей главы охватывает большой промежуток времени: от рождения главного героя главы, Масаёри, до осени того года, когда ему исполнилось 49 лет. В начале этой главы император Сага находится на троне, а Судзаку является наследником престола. Отречение Сага и восшествие на престол Судзаку произошло несколько лет спустя после смерти Тосикагэ и Тикагэ, во время жизни Накатада с матерью в лесу. Масаёри в это время было 36 лет, Канэмаса — 21 год, Накатада — 6 лет. Главу открывает зачин мукаси (давным-давно), который используется в «Повести» ещё только один раз — в первой главе. Это может свидетельствовать, что обе главы создавались как самостоятельные произведения.

(обратно)

Прим.2 гл. III:

По-видимому, героя прозвали Господин Фудзивара потому, что мать его была из рода Фудзивара, о чём сказано в начале пятой главы.
(обратно)

Прим.3 гл. III:

Судзаку здесь назван царствующим императором, а Сага — отрёкшимся от престола, хотя во время женитьбы Масаёри Сага ещё находился на троне.

(обратно)

Прим.4 гл. III:

Заключение брака в древней Японии не носило официального характера. После обмена письмами, получив согласие невесты, жених навещал её в течение трёх ночей в доме её родителей. Отец и братья невесты в первую и вторую ночь делали вид, что ни о чём не догадываются, а на третью ночь устраивали пиршество, что и являлось единственной церемонией бракосочетания.
(обратно)

Прим.5 гл. III:

Под двумя соснами подразумеваются Масаёри и его вторая жена. Чертог в небесах (кумон — «обитель в облаках») — принятое обозначение императорского дворца.
(обратно)

Прим.6 гл. III:

Под сосной Масаёри подразумевает свою вторую жену, под тенистым лесом — их будущее потомство.
(обратно)

Прим.7 гл. III:

Татибана Тикагэ — персонаж второй главы, отец Тадакосо.
(обратно)

Прим.8 гл. III:

В Японии журавль является символом долголетия. В стихотворении под журавлём подразумевается вторая жена Масаёри, под изумрудным мхом на скале — его дом.

(обратно)

Прим.9 гл. III:

Тадацунэ — муж героини второй главы.
(обратно)

Прим.10 гл. III:

В оригинале говорится о времени, необходимом для того, чтобы из песка сложилась гора. Стихотворение является, таким образом, пожеланием долголетия.
(обратно)

Прим.11 гл. III:

Столица, созданная по плану китайской Чанъани, имела вид прямоугольника, вытянувшегося с севера на юг. В северной части находилась крепость, в которой располагались различные ведомства и собственно императорский дворец. От южных ворот крепости до южных ворот столицы шёл проспект Красной птицы, Судзаку, который делил столицу на две части, восточную и западную. Территория, о которой идёт речь, находилась у самых южных ворот императорского дворца.
(обратно)

Прим.12 гл. III:

Девочки проходили обряд совершеннолетия в возрасте от 12 до 14 лет.
(обратно)

Прим.13 гл. III:

Накацукасаке (глава ведомства дворцовых служб) — название должности, является в данном случае эквивалентом имени персонажа, которое в романе не упомянуто, и поэтому не переводится.
(обратно)

Прим.14 гл. III:

Мимбукё — также название должности персонажа. Он был главой Налогового ведомства, которое занималось регистрацией налогоплательщиков и всеми вопросами, связанными с взиманием налогов и доставкой их в столицу. Для этого в ведомстве велись подворные списки, записи о трудовой повинности, собирались сведения о топографии и т. д. (обратно)

Прим.15 гл. III:

Ма (или кэн) — расстояние между столбами в японском доме, которое обычно равнялось 182 см. Длинный дом (нагая) — дом особой конструкции, длинный и узкий.
(обратно)

Прим.16 гл. III:

Здесь ничего не говорится о первой жене Масаёри. В следующем за этим отрывком объяснении к иллюстрации сказано, что она занимала южный дом и жила в северной его части. В западной части жила вторая, а в восточной — третья дочь Масаёри.
(обратно)

Прим.17 гл. III:

Здесь Санэмаса обозначен как мимбукё, что, по-видимому, представляет собой ошибку. Санэмаса является мужем третьей дочери Масаёри, а брат его, Санёри, — мужем четвертой дочери. Мимбукё же был мужем пятой дочери Масаёри, он являлся младшим братом императора Судзаку. В дальнейшем Санэмаса часто обозначается как мимбукё.

(обратно)

Прим.18 гл. III:

Хёэ является не именем, а прозвищем дамы. Её отец или брат, по-видимому, служили в императорском эскорте (хёэфу), отчего и могло происходить это прозвище.
(обратно)

Прим.19 гл. III:

Стихотворение построено на омонимах: каэри — «возвращаться домой» и каэри — «вылупляться из яйца». Под гусёнком, который не хочет вылупляться из яйца, подразумевается сам Сатэнада, который не хочет возвращаться к себе домой. В оригинале речь идёт только о птенце. (обратно)

Прим.20 гл. III:

См. примеч. 11 к гл. II.
(обратно)

Прим.21 гл. III:

Под волнами подразумеваются страдания самого Масаакира, под птицами — Атэмия.
(обратно)

Прим.22 гл. III:

«Падающий снег» — по-видимому, цитата из какого-то стихотворения. Вероятно, Санэтада хочет сказать, что подобных писем (не от Атэмия) он получает много.
(обратно)

Прим.23 гл. III:

«От огня сокровенных дум» — образ, заимствованный из поэзии.
(обратно)

Прим.24 гл. III:

Стихотворение построено на омонимах: хитори — «курильница» и хитори — «один».
(обратно)

Прим.25 гл. III:

См. примеч. 10 к гл. II.
(обратно)

Прим.26 гл. III:

Касуга — синтоистский храм, расположенный у горы Микаса к востоку от старой столицы Нара. Родовой храм Фудзивара.
(обратно)

Прим.27 гл. III:

Под горой Микаса имеется в виду Атэмия.
(обратно)

Прим.28 гл. III:

Молитвы богам обычно сопровождались подношениями, в частности ветки сакаки (клейера японская), священного синтоистского дерева. Сакаки является вечнозелёным деревом, и в данном стихотворении под ним подразумевается Атэмия, которая никак не отреагировала на письмо (так же, как листья сакаки никогда не меняются).
(обратно)

Прим.29 гл. III:

Декоративные столики посылались в подарок. На них сооружалась структурная группа, изображавшая пейзаж, в композиции которого могли использоваться различные символы (например, сосна — символ долголетия). Иногда для сооружения использовались ценные ароматические вещества, предназначавшиеся в подарок адресату. (обратно)

Прим.30 гл. III:

Стихотворение построено на омонимах фуми — «письмо» и фуми — «топтать». Под следами птиц имеются в виду письменные знаки.
(обратно)

Прим.31 гл. III:

Из дальнейшего понятно, что Атэмия хочет ответить молодому человеку от имени Хёэ.
(обратно)

Прим.32 гл. III:

«Преодолеть восемь рядов скал» имеет здесь значение: «получить тебя в жёны».
(обратно)

Прим.33 гл. III:

Хёбукё является не именем, но должностью, занимаемой принцем (глава Военного ведомства). См. примеч. 13 к данной главе. (обратно)

Прим.34 гл. III:

«Жёлтые источники» — древнекитайское обозначение подземного царства мёртвых.
(обратно)

Прим.35 гл. III:

Под мотыльком подразумевается Атэмия, под цикадами — другие женщины. Принц хочет сказать, что у него нет жён, что он не дал у себя в доме приюта ни одной женщине.
(обратно)

Прим.36 гл. III:

Под соловьём (и в следующем стихотворении под сосной) Санэтада подразумевает себя.
(обратно)

Прим.37 гл. III:

Суэномацу — гора, которая якобы находится на северо-востоке Японии. Символизирует в японской поэзии измену и непостоянство. (обратно)

Прим.38 гл. III:

Нио — водоплавающая болотная птица, поганка.
(обратно)

Прим.39 гл. III:

Под птицами Накадзуми подразумевает самого себя. Слово «жемчуга» (или «жемчужины») в словосочетании «водоросли-жемчуга» имеет значение «прекрасный».
(обратно)

Прим.40 гл. III:

Браки между сводными братом и сестрой допускались, но между родными братом и сестрой были запрещены.
(обратно)

Прим.41 гл. III:

Камуцукэ (или Кодзукэ) — название провинции, в которой принц был правителем, отчего оно и стало его прозвищем. Настоящее имя принца — Ёриакира.
(обратно)

Прим.42 гл. III:

Силла и Когурё — корейские царства.
(обратно)

Прим.43 гл. III:

В храме Содзиин молились о здравии императора. Его основал выдающийся деятель японского буддизма Эннин в 851 г. Десять учителей медитации (дзэндзи) — монахи высших рангов, которые находились постоянно в императорском дворце, они служили во внутреннем храме. Им поручалась, в частности, декламация «Сутры золотого блеска» (санскр. — «Суварнапрабхаса-сутра», яп. — «Конкомё-кё»), которая должна была ограждать государство от опасности.
(обратно)

Прим.44 гл. III:

Энрякудзи — храмовой комплекс, основанный в 788 г. (т. е. в годы правления Энряку, отчего происходит его название) Сайте, основоположником секты Тэндай в Японии. Храм стал центром этой секты.

(обратно)

Прим.45 гл. III:

Великий Сострадающий — бодхисаттва Каннон. В буддийском храме Хасэ, недалеко от старой столицы Нара, находилось изображение бодхисаттвы с одиннадцатью ликами, особенно почитаемое паломниками. (обратно)

Прим.46 гл. III:

На горе Рюмон (Врата дракона), в провинции Ямато, в верхнем течении реки Ёсино находился храм Рюмон, основанный Гиэн (ум. 728 г.), одним из крупнейших буддийских деятелей эпохи Нара (710–784). Сакамото — местность у восточного подножия горы Хиэй, где находился буддийский храм Сайкё, храм Западного учения. Цубосака — местность в провинции Ямато, где находился храм Хоккэ, храм Цветка Закона, основанный, по преданию, в 702 г. Великий восточный храм (Тодайдзи; полное название — Конкомё ситэнно гококу-но тэра, храм Защиты страны золотым блеском и четырьмя небесными правителями), — один из крупнейших буддийских храмов, основанный в столице Нара императором Сёму (годы правления 724–749).
(обратно)

Прим.47 гл. III:

Митэгура — вотивные подношения в виде бумажных полосок (символ рисовых колосьев) или шёлковых лоскутков.
(обратно)

Прим.48 гл. III:

Го — мера ёмкости, равная 0,18 л.
(обратно)

Прим.49 гл. III:

Неясное место: на горе Хиэй нет такого большого количества монастырей.
(обратно)

Прим.50 гл. III:

Коно Тама указывает, что фраза непонятна.
(обратно)

Прим.51 гл. III:

См. примеч. 11 к данной главе.
(обратно)

Прим.52 гл. III:

Во время религиозных праздников кроме непосредственно богослужений часто устраивались зрелища, которые не имели религиозного характера.
(обратно)

Прим.53 гл. III:

Цитата из «Дао-дэ Дзина» Лао-цзы: «Отплатите добром за зло» (гл. 63).
(обратно)

Прим.54 гл. III:

В позолоченных и покрытых листьями пальмы экипажах разрешалось ездить принцам и сановникам 1-4-го рангов.
(обратно)

Прим.55 гл. III:

Вся сцена в том виде, в каком она дошла до нас, вызывает большие сомнения в сохранности текста. Роль священника в заговоре непонятна. Вряд ли можно допустить, — что он принимал в нём участие.
(обратно)

Прим.56 гл. III:

Служить без жалованья — служить для того, чтобы получить рекомендацию министра.
(обратно)

Прим.57 гл. III:

Щёлкнуть пальцами — жест недовольства или отвращения.
(обратно)

Прим.58 гл. III:

Мискантом крыли бедные дома.
(обратно)

Прим.59 гл. III:

Может быть, это пословица того времени. Смысл неясен.
(обратно)

Прим.60 гл. III:

Рис разбрасывался для успокоения злых духов.
(обратно)

Прим.61 гл. III:

Сун — мера длины, равная 3,03 см.
(обратно)

Прим.62 гл. III:

Мелия японская (яп. ооти, совр. сэндан).
(обратно)

Прим.63 гл. III:

Намёк на стихотворение Ки Цураюки:

Ах, захотел притечь я ночью, летом.

Но голос плачущей кукушки услышал,

И вот...

Уже сменилась ночь рассветом,

Заря зажглась, пока я ей внимал.

(«Собрание старых и новых японских песен», № 156. Пер А. Е. Глускиной. См.: Японская литература в образцах и очерках. Л., 1927. С. 146).

(обратно)

Прим.64 гл. III:

Накадзуми подразумевает под кукушкой самого себя, а под востоком — Атэмия, которая никак не откликается на его слова.
(обратно)

Прим.65 гл. III:

Стихотворение очень сложное. Слова употреблены в двух значениях и образуют два ряда, один из которых складывается в смысл, данный в переводе, а второй связан с преподнесённой веткой сосны: иэ — «корень» и «спать», мацу — «сосна», и мацу (от матери) — «ждать», сирацую — «белая роса» уподобляется сирадзу — «не знать», и — «нить (паутина)» и «спать».

(обратно)

Прим.66 гл. III:

храм Сига — один из важнейших буддийских храмов, находился на горной дороге, ведущей из провинции Сига в столицу Хэйан. Основан в 668 г. императором Тэнти.

(обратно)

Прим.67 гл. III:

Под Итои подразумевается Атэмия, под водопадом — любовь самого принца. Итои (название реки) имеет значение «не любить».
(обратно)

Прим.68 гл. III:

Принц был третьим сыном императора и часто называется третьим принцем. Он служил в Цензурной палате (Дандзёдай) и поэтому называется также принцем Дандзё.
(обратно)

Прим.69 гл. III:

Стихотворение принца может быть перефразировано следующим образом: «Если бы я не жил столь близко от Атэмия, я бы, может быть, получал от неё письма».
(обратно)

Прим.70 гл. III:

Ханадзоно — детское имя, впоследствии персонаж зовётся Юкимаса.
(обратно)

Прим.71 гл. III:

Цукуси — старое название острова Кюсю.
(обратно)

Прим.72 гл. III:

Неясно кого Масаёри имеет в виду. Речь могла бы идти о его одиннадцатом сыне (названном в начале главы Тикадзуми), но ему в это время всего шесть-семь лет, и учить его стихосложению ещё рано. (обратно)

Прим.73 гл. III:

Шёлк и одежда часто являлись эквивалентом денег. Одежда, преподносимая в подарок, представляла собой определённую абстрактную стоимость. Полный женский наряд с большим числом надеваемых друг на друга платьев был одеждой очень дорогой.
(обратно)

Прим.74 гл. III:

Стихотворение содержит намёк на пребывание Юкимаса в Китае («Во многих морях...») (обратно)

Прим.75 гл. III:

Кадзумаса — сын Масугэ, который служит у Масаёри. Это ему было поручено получить места в храме Дорюдзи.
(обратно)

Прим.76 гл. III:

«В мире он первый» — может быть, поговорка того времени.
(обратно)

Прим.77 гл. III:

«Посажу тебя на свою седую голову» — выражение особой благодарности.
(обратно)

Прим.78 гл. III:

«Гора из пылинки» — цитата из предисловия Ки Цураюки к «Собранию старых и новых японских песен»: «Как высокая гора, что начинается с пылинки подножья и простирается ввысь до тропы небесных облаков, — такова эта песня» (пер. А. Е. Глускиной. См.: Японская литература в образцах и очерках. С. 95). Ки Цураюки использует образ, созданный Бо Цзюйи (772–846), великим китайским поэтом, творчество которого было чрезвычайно популярно в Японии.
(обратно)

Прим.79 гл. III:

Атаго пишется иероглифами, один из которых имеет значение «любовь», именно поэтому Санэтада и употребляет в стихотворении этот топоним, чтобы таким образом опять сказать о своих чувствах.
(обратно)

Прим.80 гл. III:

Платья эти предназначаются в подарок и, конечно же, совершенно новые, а с прорехами, как можно было бы предположить, исходя из стихотворения.

(обратно)

Прим.81 гл. III:

Под червяком принц подразумевает себя, под капельками росы —
ответ Атэмия.
(обратно)

Прим.82 гл. III:

Стихотворение основано на омонимах фуми — «ступить» и фуми — «письмо». «Хочу ступить» имеет значение «хочу увидеть письмо». (обратно)

Прим.83 гл. III:

Под путником в стихотворении имеется в виду письмо. Масаакира хочет сказать, что, может быть, письмо затерялось. Мива — священные горы в провинции Ямато.
(обратно)

Прим.84 гл. III:

Принц имеет в виду, что у него нет жены.
(обратно)

Прим.85 гл. III:

Под дровосеком Юкимаса имеет в виду себя самого, под луной —
Атэмия.
(обратно)

Прим.86 гл. III:

Пятый месяц считался неблагоприятным для бракосочетания. Об этом упоминается и в «Повести о Гэндзи» (гл. «Светлячки»).
(обратно)

Прим.87 гл. III:

На ночь седьмого дня седьмого месяца приходится праздник встречи звёзд танабата. В основе его лежит китайская легенда о любви двух звёзд, Волопаса (Альтаир) и Ткачихи (Вега), которые должны жить по разным сторонам от Небесной реки (Млечный путь) и которым разрешено встречаться лишь раз в году, в ночь танабата.
(обратно)

Прим.88 гл. III:

В стихотворении имеется в виду, что все деревья, становясь красными, взрослеют, но сосёнка (то есть Атэмия), которая всегда остаётся зелёной, никак не станет взрослой.

(обратно)

Прим.89 гл. III:

Стихотворение содержит намёк на древний обычай. Во время смуты на четырёх заставах, окружавших столицу, совершались жертвоприношения петухов, к которым привязывались пучки волокон (вотивные приношения). Кроме того, «прикреплять пучки волокон» в данном случае означает «писать письма».
(обратно)

Прим.90 гл. III:

Оминаэси — патриния, одна из семи осенних трав (или осенних цветов), наиболее часто упоминаемых в стихотворениях, посвящённых осени. Под этой травой подразумевается Атэмия, под росой, которая пала на траву, — выбор, якобы уже сделанный Атэмия.
(обратно)

Прим.91 гл. III:

Как и в письме принца, под оминаэси Атэмия имеет в виду самое себя,
а под сенью деревьев — дом родителей.
(обратно)

Прим.92 гл. III:

В этом и следующем стихотворениях Атэмия нарочито воспринимает всё сказанное буквально, разрушая таким образом систему поэтических образов.

(обратно)

Прим.93 гл. III:

Стихотворение основано на игре омонимов: фуми — «ступать» и фуми — «письмо». Таким образом, «вступаю в воду» имеет значение «посылаю письмо». Под пучинами и мелями подразумевается сердце Атэмия.

(обратно)

Прим.94 гл. III:

Под пузырьём подразумевается легкомысленный Масаакира.
(обратно)

Прим.95 гл. III:

Юкимаса хочет сказать, что он, человек, обладающий душой, должен обладать и большей силой убеждения, чем бездушный дым. По-видимому, в древности существовал обычай связывать при клятвах траву, на который и намекает стихотворение. Каяриби — ароматическое курение против moskitov.

(обратно)

Прим.1 гл. IV:

Речь идёт о пире, описанном в конце первой главы. Четвёртая глава охватывает события около полутора лет, от осени года, когда Накатада исполнилось 19 лет, до весны, когда ему был 21 год.
(обратно)

Прим.2 гл. IV:

Цилинь — мифический единорог, появление которого, по китайским поверьям, предсказывает рождение мудреца.
(обратно)

Прим.3 гл. IV:

Роса ассоциируется со слезами. Стихотворение имеет смысл: «Глядя на белую росу, лежащую на нижних ветках хаги, я при мысли о том, что они скоро пожелтеют, не могу сдержать слёз».
(обратно)

Прим.4 гл. IV:

Стихотворение содержит упрёк, что принц сравнил Атэмия с осенним ветром.
(обратно)

Прим.5 гл. IV:

В провинции Исэ находились синтоистские храмы, посвящённые богине Солнца Аматэрасу. Верховной жрицей в них была принцесса, сестра царствующего императора.
(обратно)

Прим.6 гл. IV:

Цитата из «Повести об Исэ»:

Так и оставлю,
никому не сказав,
свои думы!

Ведь нет никого,
кто был бы со мною

(Пер. Н. И. Конрада. См.: Исэ моногатари. С. 128).
(обратно)

Прим.7 гл. IV:

Тигомия прибегает к образу стихотворения неизвестного автора из «Собрания старых и новых японских песен» (№ 539): «Нет таких гор, чтоб не ответило эхо на мой тоскующий зов». Однако она употребляет его в смысле, отличном от смысла оригинала.

(обратно)

Прим.8 гл. IV:

Мураго — специальная краска для неравномерной окраски тканей.
(обратно)

Прим.9 гл. IV:
Мужья пятой и шестой сестёр.
(обратно)

Прим.10 гл. IV:

Хитирики — род гобоя, который через Китай проник в Японию из стран Ближнего Востока. Происходит от греческого авлоса. Резкий звук хипшрики вызывал часто отрицательную реакцию у слушателей, но к концу эпохи Хэйан инструмент стал очень популярным.
(обратно)

Прим.11 гл. IV:

Под хризантемой подразумевается Атэмия.
(обратно)

Прим.12 гл. IV:

Стихотворение построено на омонимах: оки — «падать» (о росе) и оки — «оставлять без внимания», «игнорировать».
(обратно)

Прим.13 гл. IV:

Китайские уставные стихи в восемь строк по пять или семь слов в каждой, с четырьмя рифмами.
(обратно)

Прим.14 гл. IV:

Принц имеет в виду, что, если даже Масаёри скончается, Масаакира, будучи всего лишь советником, не сможет получить его места.
(обратно)

Прим.15 гл. IV:

Может быть, это пословица того времени.
(обратно)

Прим.16 гл. IV:

Имеются в виду, по-видимому, мужа пятой и седьмой дочерей
Масаёри.
(обратно)

Прим.17 гл. IV:

Под мискантом понимается сам Накадзуми, под отсутствием колосьев — невозможность выразить свои чувства.
(обратно)

Прим.18 гл. IV:

Под мискантом, который растёт вместе с другими, понимается опять же Накадзуми, который всегда был в окружении своих братьев и сестёр. (обратно)

Прим.19 гл. IV:

Стихотворение построено на омонимах: Нагасу — название побережья и нагасу (от нагаси) — «бросать что-то в воду», «дать унести течением». (обратно)

Прим.20 гл. IV:

То есть белое платье было надето на красное, от слёз краска нижнего
рукам проступила на верхнем.
(обратно)

Прим.21 гл. IV:

Под путником подразумевается Санэтада, который переправился через реку, то есть переехал жить в дом Масаёри.
(обратно)

Прим.22 гл. IV:

Стихотворение построено на омонимах: мацу — «сосна» и мацу (от матери) — «ждать». Сумиёси — местность в провинции Сэтцу. Там находится храм, посвящённый богу Сумиёси, покровителю плавающих и путешествующих. Возле храма растёт сосна, неоднократно воспетая в японской поэзии.

(обратно)

Прим.23 гл. IV:

Мията Ваитиро считает, что здесь вместо «Фудзивара Накатада»
нужно читать «Накаёри».
(обратно)

Прим.24 гл. IV:

«В зарослях хмеля, среди сора и соломы» — поэтический образ бедности.
(обратно)

Прим.25 гл. IV:

Музыкальная палата (Гакусю) ведала исполнением музыки в императорском дворце. Подобные организации были и в старой столице Нара, и в некоторых крупных храмах.
(обратно)

Прим.26 гл. IV:

Гора Суэномацу — символизирует в японской поэзии измену и непостоянство.
(обратно)

Прим.27 гл. IV:

Под ветром, которому приписывается столь непоследовательное поведение, подразумевается сам Накаёри.
(обратно)

Прим.28 гл. IV:

Смысл в оригинале неясен.
(обратно)

Прим.29 гл. IV:

В седьмой день первого месяца в императорском дворце устраивался «праздник молодых трав»: из семи свежих трав варили похлёбку, которая, по поверьям, отгоняла злых духов, насылающих болезни, и подносили императору. В данном отрывке, однако, речь идёт о подобной церемонии, которая проводилась во второй день крысы во дворце отрёкшегося от престола императора Сага.
(обратно)

Прим.30 гл. IV:

Фраза построена на омонимах: Масаго — имя мальчика и масаго — «мелкий песок». Героиня имеет в виду, что забытый отцом мальчик безмерно страдает.
(обратно)

Прим.31 гл. IV:

По-видимому, число «семь» употреблено ошибочно вместо «сорока девяти».
(обратно)

Прим.32 гл. IV:

Возможно, речь идёт о втором сыне Масаёри, Мородзуми, который получил повышение.
(обратно)

Прим.33 гл. IV:

Нижеследующее стихотворение представляет собой редкий в поэзии X в. пример «длинной песни» (нагаута). Уже в первой поэтической антологии «Собрание мириад листьев», составленной в VIII в., нагаута занимает гораздо более скромное место, чем тапка (стихотворение, состоящее из 31 слога).

(обратно)

Прим.34 гл. IV:

В этой части стихотворения соседствуют два образа моря, отличающиеся по своему происхождению и значению. Море кровавых слёз встречалось в тексте произведения неоднократно. Второй же образ моря происходит от буддийского символа потусторонней жизни как «другого берега». Повернувшись спиной к берегу, где прибой набегает на песок (символ настоящей жизни), Масаго переправляется через бурные волны на другой берег (потусторонняя жизнь). Здесь же использован образ жёлтых источников, древнекитайского символа смерти.
(обратно)

Прим.35 гл. IV:

Эпитет «жемчужный» имеет здесь значение «красивый».
(обратно)

Прим.36 гл. IV:

См. примеч.69 к гл. I.
(обратно)

Прим.37 гл. IV:

Во время первого вкушения риса проводилась церемония очищения
Главное лицо в этой церемонии называлось оми и во время очищения было
одето в очень простую одежду.
(обратно)

Прим.38 гл. IV:

О повышении Накатада в чине рассказывается только в восьмой главе.
(обратно)

Прим.39 гл. IV:

Так называемый внеурочный праздник в синтоистском храме Камо проводился в одиннадцатом месяце в третий день курицы.
(обратно)

Прим.40 гл. IV:

Сакаки — см. примеч. 28 к гл. III.
(обратно)

Прим.41 гл. IV:

Один из главных героев романа. Автор знакомите ним читателя в шестой главе.
(обратно)

Прим.42 гл. IV:

О нём подробно рассказывается в восьмой главе.
(обратно)

Прим.43 гл. IV:

Чиновники шестого ранга носили зелёные одежды, пятого — бледно-алые. Повышение Суэфуса произошло благодаря успеху в сочинении стихов на пире.
(обратно)

Прим.44 гл. IV:

Святой отец (адзарн) — почётный титул монаха высокого ранга. О том как Тадакосо случайно увидел и полюбил Атэмия, рассказано в пятой главе.

(обратно)

Прим.45 гл. IV:

Атэмия испугалась, так как получила любовное письмо от монаха.
(обратно)

Прим.1 гл. V:

Непонятно, почему здесь говорится об отречении от престола императора Сага. Посещение храма Касуга (родового храма Фудзивара в старой столице Нара) относится к году, когда Накатада исполнилось 20 лет, таким образом, отречение произошло за четырнадцать лет до этого. Действие этой главы возвращает читателя назад, к событиям, описанным в середине предыдущей главы. В некоторых списках глава называется «Поездка в храм Касуга».
(обратно)

Прим.2 гл. V:

См. примеч. 26 к гл. III.
(обратно)

Прим.3 гл. V:

«Не имели права носить определённых цветов» — речь идёт о слугах, которые не имели рангов.
(обратно)

Прим.4 гл. V:

Речь идёт о профессиональных музыкантах низших рангов (бэйдзю), которые принимали участие в исполнении священных песен и плясок кагура.
(обратно)

Прим.5 гл. V:

В синтоистских храмах устраивались скачки, имевшие ритуальный характер. Вообще коней, которые были, по древним представлениям, носителями божественного духа, часто жертвовали в синтоистские храмы. (обратно)

Прим.6 гл. V:

Причёску бидзура делали следующим образом: расчесав волосы на пробор, связывали их затем кольцом.
(обратно)

Прим.7 гл. V:

Проспект Омия, параллельный проспекту Судзаку (см. примеч. 11 к гл. III), шёл от дворца Масаёри к южным воротам столицы.
(обратно)

Прим.8 гл. V:

Час дракона — время суток от семи до девяти часов утра; час обезьяны — от трёх до пяти дня.
(обратно)

Прим.9 гл. V:

Под печальным путником принц подразумевает себя самого, под шапкой цветов — Атэмия, под росой — собственные слёзы. Образ этого стихотворения использован в названии главы.
(обратно)

Прим.10 гл. V:

Миномуси — бабочка-мешочница. Первая часть слова, мино, значит «соломенный плащ от дождя». Использование этого слова может быть истолковано как совет укрыться от росы под плащом.
(обратно)

Прим.11 гл. V:

Название горы Микаса переводится как «три шляпы». Шляпа (каса) на кукле, которую Атэмия посылает принцу, ассоциируется с названием горы. Стихотворение же имеет смысл: путник вымок от дождя, а не от слёз. (обратно)

Прим.12 гл. V:

Накаёри объединяет здесь две темы, которые при сочинении стихов обособляются друг от друга.
(обратно)

Прим.13 гл. V:

Тема этого стихотворения представляет собой особое название луны в ночь девятнадцатого дня по лунному календарю: нэматидзуки (луна, которую ожидают, лёжа в постели). В эту ночь луна показывается поздно, и ею любуются, уже лёжа в постели.
(обратно)

Прим.14 гл. V:

Автор выражает желание, чтобы соловей не оставался в горах, но прилетел поскорее в поле, то есть к автору.
(обратно)

Прим.15 гл. V:

Прилетая осенью в Японию из Сибири, гуси весной возвращаются назад.
(обратно)

Прим.16 гл. V:

Течение реки и движение птиц, плывущих к берегу, уподобляются в этом стихотворении нитям основы и утка ткущегося шёлка.
(обратно)

Прим.17 гл. V:

Название глицинии (фудзи) входит в фамилию Фудзивара. Глицинии, повисшие на соснах, символизируют в этом стихотворении прибытие Фудзивара в данную местность.
(обратно)

Прим.18 гл. V:

В древности для получения лиловой краски использовали пепел растения цубаки (камелия японская), который подмешивали к краске, получаемой из корня многолетней травы мурасаки (воробейник аптечный). Богиня весны — Саохимэ, упоминаемая и в последующих стихотворениях. Коно Тама отмечает, что смысл данного стихотворения в целом непонятен. (обратно)

Прим.19 гл. V:

Таэ — ткань из волокон бумажного дерева (кадзиноки).
(обратно)

Прим.20 гл. V:

Имеются в виду семь трав, которые употребляются на празднике молодых трав седьмого дня первого месяца.
(обратно)

Прим.21 гл. V:

Стихотворение построено на омонимах: моэ — «гореть» и моэ — «распускаться (о почках), пускать ростки». Для передачи срочных сообщений в столицу применяли сигнальные огни («летающий огонь»). В поле Касуга был установлен пост в первом месяце 712 г., и место стало называться полем сигнальных огней. Кроме того, поле Касуга было знаменито как место сбора молодых трав в первый месяц года.
(обратно)

Прим.22 гл. V:

Поля ограждали верёвками в знак запрета ступать на них посторонним и приставляли к ним стража. Данное стихотворение очень близко к стихотворению неизвестного автора из «Собрания старых и новых японских песен» (№ 18): «Страж в Касуга-поле, поле сигнальных огней, посмотри: через сколько дней можно будет рвать молодые травы?». (обратно)

Прим.23 гл. V:

Стихотворение построено на омонимах: моэ — «гореть» и моэ — «распускаться (о почках)».
(обратно)

Прим.24 гл. V:

Новый год в Японии начинался весной. Вишни могли зацвести до наступления следующего года, то есть дважды в одном календарном году. (обратно)

Прим.25 гл. V:

Неядовитый омежник (сэри) употреблялся в пищу, но когда созревали весенние травы, его никто уже не ел и не шёл собирать.
(обратно)

Прим.26 гл. V:

Вдова левого министра Минамото Тадацунэ, героиня второй главы.
(обратно)

Прим.27 гл. V:

В Кумано (совр. префектура Вакаяма) находились древнейшие синтоистские храмы. В X в. там проповедовали и буддийские монахи, так как ещё в VIII в. под влиянием буддизма возникла теория, по которой синтоистские боги стали считаться проявлением будд и бодхисаттв. (обратно)

Прим.28 гл. V:

Слуги хотят прогнать Тадакосо, поскольку Касуга — синтоистский храм, он же буддийский монах.
(обратно)

Прим.29 гл. V:

Под человеком, которому «открылась» тайна, в стихотворении понимается тот, кто глубоко проник в тайны музыкального искусства. (обратно)

Прим.30 гл. V:

Масаёри скромно принижает своё положение.
(обратно)

Прим.31 гл. V:

Под ветром подразумевается Тадакосо. «Задержать лепестки» — т. е. сохранить их путём окраски одежды. Сочетание цветов в одежде, подаренной Масаёри, — белое с розовым — называлось «цвет вишни». (обратно)

Прим.32 гл. V:

Час овна — время суток от одного до трёх часов дня.
(обратно)

Прим.33 гл. V:

Под ивой подразумевается Атэмия, под пышными цветами — супруга принца.
(обратно)

Прим.34 гл. V:

Атэмия имеет в виду, что у принца есть жена.
(обратно)

Прим.35 гл. V:

Этот причудливый образ вызван обычной для хэйанской поэзии игрой на омонимах: фуми — «письмо» и фуми — «топтать».
(обратно)

Прим.36 гл. V:

Возможно, имеется в виду место, где находится мавзолей императора Сэйва в провинции Ямасиро.
(обратно)

Прим.37 гл. V:

Стихотворение имеет следующий смысл: «Сосны растут везде и на них везде висят глицинии». Атэмия хочет сказать этим, что сердце Накатада привязано ко многим женщинам.
(обратно)

Прим.38 гл. V:

По-видимому, двенадцатый сын Масаёри, названный в начале третьей главы Юкидзуми.
(обратно)

Прим.39 гл. V:

В стихотворении используются омонимы «письмо» и «топтать». «Не ступать ногой» (в переводе — «не прилетать») имеет значение «нет письма».

(обратно)

Прим.40 гл. V:

Стихотворение построено на омонимах: кацура — багряник и Кацура — название реки, на которой стоит дом Канэмаса. По древнему китайскому преданию, на луне растёт дерево кацура.
(обратно)

Прим.41 гл. V:

Под облаком подразумевается мать Накатада, под луной — сам император, под глубокой долиной — дом Канэмаса.
(обратно)

Прим.42 гл. V:

Накадзуми не упомянут в числе молодых людей, отправившихся с
Накаёри.
(обратно)

Прим.43 гл. V:

Под каплями белой росы подразумеваются милости императора. Луна и глубокая долина имеют то же значение, что и в письме императора. (обратно)

Прим.44 гл. V:

См. примеч. 73 к гл. III.
(обратно)

Прим.1 гл. VI:

Ки (или Кии) — провинция на побережье южной части острова Хонсю, на территории, занимаемой современной провинцией Вакаяма.
(обратно)

Прим.2 гл. VI:

Действие главы относится к тому же году, что и действие предыдущей, и охватывает период с конца второго месяца до четвёртого. (обратно)

Прим.3 гл. VI:

Это место неясно: не зная о рождении сына, император не мог присвоить ему фамилию Минамото.
(обратно)

Прим.4 гл. VI:

Тё — мера длины, равная 109,09 м.
(обратно)

Прим.5 гл. VI:

Раковина тридакна — раковина моллюска гигантская тридакна, одно из семи сокровищ упоминаемых в буддийских сочинениях. Отполированная, раковина становится белой и ярко блестит. (обратно)

Прим.6 гл. VI:

Весенняя гора — холм к востоку от усадьбы, на котором высаживают деревья вишни и сливы, цветущие весной.
(обратно)

Прим.7 гл. VI:

Осенняя роща — роща клёнов, красными листьями которых любуются осенью.
(обратно)

Прим.8 гл. VI:

Рё — мера веса, равная 37,5 г.
(обратно)

Прим.9 гл. VI:

Принц Вакамия — младший брат императора.
(обратно)

Прим.10 гл. VI:

Мацу ката намекает на любовные похождения Накаёри.
(обратно)

Прим.11 гл. VI:

Дороги в эпоху Хэйан были опасны, путешественники могли подвергнуться нападению разбойников.
(обратно)

Прим.12 гл. VI:

По-видимому, это ошибка переписчика или самого автора, так как в первой главе сказано, что это кото было взято дочерью Тосикагэ в лес.
(обратно)

Прим.13 гл. VI:

Храм Когава — храм секты Тэндай, находящийся в провинции Вакаяма, уезде Нака, на горе Когава, откуда и происходит его название.
(обратно)

Прим.14 гл. VI:

Праздник третьего дня третьего месяца — один из дворцовых праздников (го-кусуй-но эн). В императорском дворце в этот день устраивалось пиршество, во время которого придворные сочиняли стихи. Вниз по течению ручья пускали чашки с вином, и придворные должны были сочинить стихотворение до того момента, как чашка проплывёт мимо них, после чего они могли взять чашку и выпить вино.
(обратно)

Прим.15 гл. VI:

По-видимому, имеются в виду Накаёри, Юкимаса и Накатада. Что касается Мацуката, то он, будучи ниже их по положению, выступает здесь скорее как сопровождающий, а не почётный гость. Далее в тексте, однако, неоднократно говорится о четырёх гостях.
(обратно)

Прим.16 гл. VI:

Сумихиро — значение слова неизвестно. Из контекста ясно, что это название дерева.
(обратно)

Прим.17 гл. VI:

Унохана — белые цветы кустарника уцуги (дейция зубчатая). В японской поэзии один из образов лета.
(обратно)

Прим.18 гл. VI:

Во всех четырёх нижеследующих стихотворениях речь идёт об узорах на скатерти.
(обратно)

Прим.19 гл. VI:

Очарование вещей (моно-но аварэ) — эстетическая категория, обозначающая самое суть (обычно скрытую) вещей и явлений, которую человек с тонким вкусом чувствует и выражает, в частности, в стихах.
(обратно)

Прим.20 гл. VI:

Это напоминание о болезни (страсти к Атэмия) Накаёри попало сюда, по-видимому, случайно: оно никак не связано ни с предыдущим, ни с последующим текстом.
(обратно)

Прим.21 гл. VI:

Коно Тама находит все четыре стихотворения мало интересными. Стихотворение Накатада кажется особенно безыскусным, несмотря на использование омонимов: цуми — «взять» и цуми — «нагромождаться». (обратно)

Прим.22 гл. VI:

Под дождём и росой подразумеваются милости императора, под веткой — Судзуси.
(обратно)

Прим.23 гл. VI:

Под благоуханиями весны подразумевается императорский двор. Танэмацу хочет сказать, что если Судзуси не найдёт себе места при императоре, все его таланты и образование пропадут втуне. (обратно)

Прим.24 гл. VI:

Очищение в первый день змеи третьего месяца было одной из важных годовых церемоний. В этот день делали большие нуса (жезлы с нитями, служащие приношениям богам) и, выйдя на берег реки, проводили ими по телу и пускали по течению. Считалось, что эти уплывшие нуса, унося с собой скверну, защищали человека от угрожавших бед и болезней.
(обратно)

Прим.25 гл. VI:

Персонаж знаменитой поэмы китайского поэта Цюй Юаня (340–278 г. до н. э.) «Отец-рыбак».
(обратно)

Прим.26 гл. VI:

Канаты из коры бумажного дерева (такунава) употреблялись для привязывания лодок у берега и при нырянии рыбаков на дно. Канаты были очень длинными. Образ канатов часто употребляется в японской поэзии в качестве постоянного эпитета: «длинный, как канат такуюнава».
(обратно)

Прим.27 гл. VI:

Коно Тама отмечает, что стихотворение превосходно с технической точки зрения. Оно построено на омонимах: куру (от кури) — «тянуть» и куру (от ки) — «приходить». Таким образом, первая половина стихотворения имеет второй смысл: «Не знаю, что таится в сердце прибывшего сюда человека» — и намекает на Накаёри.
(обратно)

Прим.28 гл. VI:

Столичные птицы (мияко-дари) упоминаются в литературе эпохи Хэйан довольно часто, но остаётся неизвестным, какие именно птицы имеются в виду.

(обратно)

Прим.29 гл. VI:

Китайские ленты — ленты из нитей пяти цветов.
(обратно)

Прим.30 гл. VI:

Стихотворение построено на омонимах: тама — «жемчужина, драгоценность» и тама — «душа». (обратно)

Прим.31 гл. VI:

Под цветочными нитями во второй половине стихотворения подразумевается отражение цветов в воде, и Мацуката хочет сказать, что волнуя (черпая) воду, эти нити можно запутать.
(обратно)

Прим.32 гл. VI:

Под цветами, распустившимися на дне морском, подразумевается отражение глициний в воде.
(обратно)

Прим.33 гл. VI:

Тамацу значит «остров драгоценностей (жемчужин)», и это название обыгрывается в последующих стихотворениях.
(обратно)

Прим.34 гл. VI:

Стихотворение построено на омонимах: ёри — «приближаться» и ёри — «скрутить нить».
(обратно)

Прим.35 гл. VI:

Стихотворение говорит о наступлении лета: поющая кукушка в японской поэзии — один из образов этого времени года.
(обратно)

Прим.36 гл. VI:

Рандзё — небольшая музыкальная композиция, исполняемая, в частности, при вручении наград.
(обратно)

Прим.37 гл. VI:

Нуса — приношения богам, которые делались из пеньки или из коры бумажного дерева. Для этого волокна варили на пару, вымачивали в воде и, нарезав длинными полосами, делали из них как бы нити, которые прикреплялись к жезлу. Нуса особой формы (большие нуса) применялись при обрядах очищения. В данном случае нуса предназначаются для приношения богам, чтобы обеспечить безопасность путешествия.
(обратно)

Прим.38 гл. VI:

Неясно, почему здесь упомянут уголь.
(обратно)

Прим.39 гл. VI:

Кайко — раковина, имеющая своеобразный запах и использовавшаяся для приготовления ароматических веществ.
(обратно)

Прим.40 гл. VI:

Накаёри имеет в виду, что, думая о жене, которая беспокоится о нём, он не мог наслаждаться угощением.
(обратно)

Прим.41 гл. VI:

Стихотворение построено на омонимах: мэ — «почки» и мэ — «жена», канн — «раковина» и кан — «польза, толк». (обратно)

Прим.42 гл. VI:

Под цветущей веткой подразумевается жена Накаёри.
(обратно)

Прим.43 гл. VI:

Намёк на китайское предание о горах Ланькэ («горы, где истлело топорище») В древности (III–V вв.) некий Ван Чжи отправился в эти горы за дровами и увидел» пещере двух юношей, играющих в шашки. Ван Чжи следил за игрой, а когда собрался в обратный путь, обнаружил, что топорище его истлело. Он понял, что провёл в горах несколько сот лет. (обратно)

Прим.44 гл. VI:

«Большие страны и страны, рассыпанные, как рис» — выражение из буддийской литературы.
(обратно)

Прим.45 гл. VI:

Под играющими волнами подразумеваются женщины.
(обратно)

Прим.1 гл. VII:

Действие главы относится к тому же году, что и действие шестой главы.
(обратно)

Прим.2 гл. VII:

Неясно, кто имеется в виду — Масаёри или Канэмаса.
(обратно)

Прим.3 гл. VII:

Непонятно, какие государства имеются в виду. Мията Ваитиро объясняет это место как «шестнадцать провинций Японии».
(обратно)

Прим.4 гл. VII:

Император не мог покидать своего дворца. Его выезды за пределы крепости были чрезвычайно редкими. Это ограничение распространялось и на наследник» престола, и на отрёкшегося императора.
(обратно)

Прим.5 гл. VII:

Час обезьяны — время суток от трёх до пяти часов дня.
(обратно)

Прим.6 гл. VII:

Под сосной подразумевается отрёкшийся от престола император Сага, под веткой — Судзуси, под другими деревьями — принцы, прочие сыновья императора. В стихотворении выражается радость, что братья встретились друг с другом.
(обратно)

Прим.7 гл. VII:

Праздник девятого дня девятого месяца (тёё-но сэтиэ) — китайского происхождения, он устраивался с целью обеспечить долголетие и отвести опасности наступающей зимы. Символом праздника была хризантема. В императорском дворце в этот день устраивался пир, на котором сочиняли стихи на тему о хризантемах.

(обратно)

Прим.8 гл. VII:

Комментаторы обходят эту деталь молчанием. По-видимому, речь идёт о ритуальном и символическом счёте лепестков хризантемы, своего рода гадании об оставшихся годах жизни. Вероятно, что хризантема в качестве символа праздника была избрана не из эстетических соображений, но по той причине, что этот цветок имеет большое количество лепестков. В японском языке слово ха (так называемое китайское чтение — ё) имеет значение «листья, лепестки» и «века, поколения». Таким образом, хризантема с её лепестками символизировала многие лета.
(обратно)

Прим.9 гл. VII:

Под каплями росы подразумевается Судзуси.
(обратно)

Прим.10 гл. VII:

Автор представляет себе хризантему с её многочисленными лепестками как бы вместилищем веков.
(обратно)

Прим.11 гл. VII:

Под хризантемами подразумеваются сыновья императора Сага, которые собрались вместе.
(обратно)

Прим.12 гл. VII:

Под хризантемой подразумевается Судзуси, который долго дожидался визита своего отца.
(обратно)

Прим.13 гл. VII:

Обычно на пирах хозяин вручал награды (року) за исполнение музыки, сочинение стихов и т. д. гостям, стоящим ниже его по положению. В данном месте року, по-видимому, употреблено ошибочно: Судзуси не мог вручать награды императору.
(обратно)

Прим.14 гл. VII:

Тон — мера веса, равная 222 г.
(обратно)

Прим.15 гл. VII:

Смысл в оригинале не совсем понятен.
(обратно)

Прим.16 гл. VII:

«Павлиновая сутра» («Кудзяку-кё») — одна из книг буддийского канона, посвящённая бодхисаттве Кудзяку мёо (князь Павлинов), едущем верхом на павлине. Сутра содержит заклинания, которые первоначально (в Индии) должны были защитить от смерти при укусе ядовитых змей. В Японии особенно часто прибегали к чтению сутры во время засухи, болезней императора и родов императрицы. «Сутра о сути прозрения» («Ханья рисю-кё») посвящена одной из основных проблем буддизма (что отражено в названии) и является одним из основополагающих текстов секты Сингон.
(обратно)

Прим.17 гл. VII:

Под облаком подразумевается Тадакосо.
(обратно)

Прим.18 гл. VII:

Под облаком опять подразумевается Тадакосо, под небом — императорский дворец.
(обратно)

Прим.19 гл. VII:

Под облаком подразумевается отрёкшийся от престола император, который прибыл в тёмные горы, веря, что найдёт там Тадакосо.
(обратно)

Прим.20 гл. VII:

Под чёрной одеждой подразумевается одежда монаха. Стихотворение говорит о том, что Тадакосо ушёл в горы и стал монахом.
(обратно)

Прим.21 гл. VII:

Под облаком подразумевается Тадакосо, под небесным простором — императорский дворец.
(обратно)

Прим.22 гл. VII:

Выше сказано, что такой ранг уже был дан. Может быть, имеется в виду, что император Сага пообещал ранг и теперь просит оформить дело указом.

(обратно)

Прим.23 гл. VII:

Об обычае отсылать литераторов на остров, чтобы они в одиночестве сочинили стихотворение, говорится и в «Повести о Гэндзи» (глава «Юная дева»).

(обратно)

Прим.24 гл. VII:

Имеется в виду эпизод из истории Китая. Император династии Цинь Шихуанди отправил Сюй Фу на поиски священных гор, где якобы жили небожители, от которых он надеялся получить эликсир бессмертия. У Сыма Цяня об этом сказано: «Сюй Ши (Фу), уроженец княжества Ци, представил императору доклад, в котором сообщалось, что посреди моря есть горы, носящие названия Пэнлай, Фанчжан и Инчжоу и населённые небожителями. Он просил разрешить ему, очистив себя постом и взяв с собой мальчиков и девочек, отправиться на поиски этих гор. Император послал Сюй Ши (Фу) собрать несколько тысяч мальчиков и девочек и затем отправил их всех в море на поиски небожителей» (Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи) / Пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина. М.: Наука, 1975. Т. 2. С. 70).
(обратно)

Прим.25 гл. VII:

Под цикадой, не покидающей своего гнезда, подразумевается Накатада, который редко играет публично.
(обратно)

Прим.26 гл. VII:

Здесь под цикадой Накатада подразумевает не себя, а других придворных.
(обратно)

Прим.27 гл. VII:

Под сосной подразумевается Судзуси, под росой — звуки кото. О прохладе же говорится потому, что слово «прохлада» (судзуси) созвучно с именем героя.
(обратно)

Прим.28 гл. VII:

Под придворным подразумевается отрёкшийся император. Судзуси имеет в виду, что в его игре не может быть ничего интересного для императора.
(обратно)

Прим.29 гл. VII:

Под тенью сосен подразумевается игра на кото, под ветром — игра на лютне.
(обратно)

Прим.30 гл. VII:

Не очень понятное стихотворение представляет собой, без сомнения, отрицание своих достоинств.
(обратно)

Прим.31 гл. VII:

Под осенним ветром подразумевается игра на цитре.
(обратно)

Прим.32 гл. VII:

Стихотворение можно перефразировать следующим образом: «До мастерства других исполнителей моя игра (осенний ветер) не поднимается».
(обратно)

Прим.33 гл. VII:

Под прохладой подразумевается игра Накадзуми, под ветром в соснах — игра остальных музыкантов. Принц имеет в виду, что, заслушавшись Накадзуми, он не обратил никакого внимания на игру прочих исполнителей.

(обратно)

Прим.34 гл. VII:

Стихотворение содержит обычное противопоставление собственных скромных достоинств и выдающихся талантов других.
(обратно)

Прим.35 гл. VII:

По-видимому, в этом месте пропущен эпизод вручения подарков.
(обратно)

Прим.36 гл. VII:

Судзуси был сыном императора, то есть Минамото в первом поколении.
(обратно)

Прим.37 гл. VII:

Император имеет в виду свою дочь от наложницы Дзидзюдэн.
(обратно)

Прим.38 гл. VII:

Поскольку чиновники разных рангов носили верхнюю одежду определённых цветов, продвижение по службе выражалось, в частности, в смене одежды. Император в стихотворении хочет сказать: «Если ты будешь играть, то получишь повышение ещё раз».
(обратно)

Прим.39 гл. VII:

Накатада отвечает, что его достоинства слишком незначительны, чтобы он мог получить повышение.
(обратно)

Прим.40 гл. VII:

Мурасаки (воробейник аптечный) — растение, цветущее летом белыми цветами. Из его корней делали лиловую (пурпурную) краску, отчего император Сага и уподобляет мурасаки своего сына, получившего повышение. Под увядающими травами император подразумевает самого себя.

(обратно)

Прим.41 гл. VII:

Под росой подразумеваются милости императора.
(обратно)

Прим.42 гл. VII:

Тацута — гора, находящаяся на западе от столицы Нара, славилась красотой осенних алых клёнов. Воплощением этой горы была богиня Тацута (богиня осени).
(обратно)

Прим.43 гл. VII:

Сао — гора, находящаяся к востоку от столицы Нара. В японской поэзии является символом весны, который в данном стихотворении используется для противопоставления горе Тэцута. Под сосной на вершине горы подразумевается Судзуси. Танэмацу имеет в виду, что своим повышением он обязан внуку.

(обратно)

Прим.44 гл. VII:

Чиновники пятого ранга в некоторых случаях могли не иметь доступа в императорский дворец, поэтому Танэмацу, чиновнику этого ранга, подобное право присваивается особо.
(обратно)

Прим.45 гл. VII:

Деревянная дощечка, которую придворные держали в руке, была атрибутом парадного костюма. Первоначально служила для записи слов императора.
(обратно)

Прим.46 гл. VII:

Дождь и роса — то есть милости императора.
(обратно)

Прим.47 гл. VII:

Под сосной подразумевается Судзуси, под корнями её — сам Танэмацу, который хочет сказать, что получил продвижение по службе тогда, когда Судзуси обрёл место подле императора.
(обратно)

Прим.48 гл. VII:

Святой отец — см. примеч. 44 к гл. IV. Часовня Сингон — буддийская молельня в дворцовой крепости к юго-западу от императорского дворца. Была построена по типу подобной часовни во дворце Танских императоров в 829 г., после того, как о последней рассказал знаменитый деятель буддийской церкви Ку-кай (774–835).
(обратно)

Прим.49 гл. VII:

В другом мире — то есть после смерти.
(обратно)

Прим.50 гл. VII:

Сверчок, поющий лишь осенью, должен быть, по мысли Атэмия, так же непостоянен, как само время года, когда все листья меняют цвет.
(обратно)

Прим.51 гл. VII:

Судзумуси — японский сверчок.
(обратно)

Прим.52 гл. VII:

Стихотворение построено на омонимах: кикү — «хризантема» и кикү (от кики) — «слушать».
(обратно)

Прим.53 гл. VII:

Канэмаса имеет в виду, что теперь может отправить письмо, полное упрёков. Согласно поверьям, в девятый месяц запрещалось проявлять свою ревность.
(обратно)

Прим.54 гл. VII:

Бамбуковый забор (адзиро), употреблявшийся для ловли рыб хио («подлёдная рыба», род форелей), устанавливали на дне реки, и рыба, попав в него, не могла выплыть обратно. Её ловили зимой, в девятом и десятом месяцах, поэтому она называлась подлёдной.
(обратно)

Прим.55 гл. VII:

Всё стихотворение построено на игре слов: хи — «день» и хио — «подлёдная рыба», ёру — «ночь» и ёру (от ёри) — «приближаться».
(обратно)

Прим.56 гл. VII:

Судзуси намекает на императорский указ о его женитьбе на Атэмия. Последняя подразумевается под снежинкой, которая спускается (по указу императора) с небес на рукав Судзуси. Под её таяньем подразумевается бракосочетание.
(обратно)

Прим.57 гл. VII:

Императорский посланец на праздник — имеется в виду празднество святилища Камо, которое справлялось в последний день курицы одиннадцатого месяца (первое празднество справлялось в четвёртом месяце), на которое от императора посылали специально назначенных посланцев (подробнее см. примеч. 1 к гл. VIII).
(обратно)

Прим.58 гл. VII:

В разгар зимы — то есть в одиннадцатом месяце, когда проводился праздник Камо.
(обратно)

Прим.59 гл. VII:

Утки являются символом неразлучности.
(обратно)

Прим.60 гл. VII:

Автор, по-видимому, имеет в виду, что Суэфуса страдает от безнадёжной любви к Атэмия.
(обратно)

Прим.1 гл. VIII:

Во второй день лошади четвёртого месяца открывался праздник храма Камо, который продолжался три дня. Он начинался с церемонии очищения жрицы в реке Камо, ритуальных танцев перед императорским дворцом Чистоты и Прохлады, пышной процессии из дворца в Нижний, а затем в Верхний храмы Камо, где исполнялись священные песни и пляски кагура, подносились дары от императора, оглашались указы. Для участия в процессии и для подношения даров от членов императорской семьи во время этого и ему подобных праздников назначались посланцы от императора.

Действие главы относится к тому же году, что и действие предыдущей, с четвёртого по седьмой месяцы, и заполняет, таким образом, промежуток между шестой и седьмой главами.
(обратно)

Прим.2 гл. VIII:

Во время праздника Камо головные уборы участников и крыши карет украшались мальвой и багряником. Под этим последним в стихотворении подразумевается Сукэдзуми, а также само растение, ветка которого украшает шляпу. Стихотворение можно перефразировать следующим образом: «Казалось мне, что ты родился недавно, но вот уже вырос настолько, чтобы украсить шляпу (т. е. чтобы быть императорским посланцем в храм)».
(обратно)

Прим.3 гл. VIII:

Под стволом подразумевается Масаёри, под ветками — сам Сукэдзуми.
(обратно)

Прим.4 гл. VIII:

Канэмаса поздравляет Сукэдзуми с тем, что он избран посланцем императора.
(обратно)

Прим.5 гл. VIII:

Торимоно — предметы, употреблявшиеся при исполнении священных песен и поясок кагура.
(обратно)

Прим.6 гл. VIII:

Под мальвой подразумевается Атэмия.
(обратно)

Прим.7 гл. VIII:

Под кукушкой Санэтада подразумевает самого себя.
(обратно)

Прим.8 гл. VIII:

Стихотворение можно перефразировать следующим образом: «С наступлением лета вода в колодце теплеет. Хотя твоё сердце холодно, как вода на его дне, может быть, ты благосклонно примешь моё письмо».
(обратно)

Прим.9 гл. VIII:

В этом стихотворении Масаакira укоряет Атэмия, что она не отвечает на его письма.
(обратно)

Прим.10 гл. VIII:

Стихотворение построено на двух значениях слова уцусэми — «сброшенная кожа цикады» и «наше смертное тело, наше бренное существование».

(обратно)

Прим.11 гл. VIII:

Летние дожди — период дождей (самидарэ), долгие дожди пятого
месяца.
(обратно)

Прим.12 гл. VIII:

Стихотворение построено на омонимах: из — «корень» и из — «звук» (в широком значении, здесь — «плачущий голос»). Таким образом, длинный корень означает долгий плач.
(обратно)

Прим.13 гл. VIII:

Лекарственные шарики (кусудама) — смесь лекарственных и ароматических веществ, приготовленная в виде шариков. Шарики клали в парчовые мешочки, привязывали к ним искусственные цветы ириса или полыни и ленты пяти цветов. Согласно поверью, они удаляли нечистоту и отгоняли злых духов. Мешочки с шариками кусудама являлись своего рода пожеланием долголетия.
(обратно)

Прим.14 гл. VIII:

Имеются в виду соревнования в стрельбе из лука с коня.
(обратно)

Прим.15 гл. VIII:

Значение слова «Кадза» непонятно. В «Нихон котэн дзэнсё» в этом месте указан принц Накацукасакё.
(обратно)

Прим.16 гл. VIII:

Песни и пляски восточных провинций (адзу. ма асоби) — древние японские песни и пляски, которые исполнялись при синтоистских богослужениях, а также во время военных соревнований. В последнем случае исполнение их поручали певцам и музыкантам, служащим в Личной императорской охране.

(обратно)

Прим.17 гл. VIII:

Здесь мы следуем тексту «Нихон котэн дзэнсё». В тексте под редакцией Коно Тама вместо правого генерала (Канэмаса) стоит левый генерал (Масаёри), что нам кажется менее логичным.
(обратно)

Прим.18 гл. VIII:

Под белым нефритом подразумеваются слова (стихотворение)
императора.
(обратно)

Прим.19 гл. VIII:

Здесь, по-видимому, пропуск в тексте, так как описание правой группы должно быть идентично описанию левой.
(обратно)

Прим.20 гл. VIII:

По предположению комментаторов, имеется в виду табличка с именем всадника.
(обратно)

Прим.21 гл. VIII:

Пятый месяц считался неблагоприятным дня совершения браков.
(обратно)

Прим.22 гл. VIII:

Под кукушкой подразумевается Санэтада.
(обратно)

Прим.23 гл. VIII:

Под цветущим померанцем (татибана) подразумевается дом Санэтада, где живёт его жена. Масаёри намекает, что Санэтада женат, и тем мотивирует свой отказ.

(обратно)

Прим.24 гл. VIII:

Стихотворение построено на омонимах: из — «корень» и из — «звук»
(в смысле «плачущий голос»).
(обратно)

Прим.25 гл. VIII:

В стихотворении употреблено слово нагэки (стенания), последний слог которого трактуется как деревья (ки).
(обратно)

Прим.26 гл. VIII:

Ооти — старое название мелии японской. По старой орфографии писалось афути, первая часть афу имела значение «встречаться», отчего это растение и упомянуто в стихотворении.
(обратно)

Прим.27 гл. VIII:

Стихотворение основано на игре слов: уки — «плыть» и укимоно — «неискренний, непостоянный человек».
(обратно)

Прим.28 гл. VIII:

Под облаком Судзуси подразумевает самого себя, не имеющего возможности приблизиться (послать письмо) к Атэмия.
(обратно)

Прим.29 гл. VIII:

Накатада имеет в виду, что его надежды оказались тщетными, и сравнивает их с мандарином, который сгнил, не успев созреть. Далее он говорит, что ничто не может обрадовать его в предстоящем шестом месяце, хотя с наступлением его снимается запрет на совершение бракосочетаний. Летнее очищение (нагоси-но охараэ) — обряд очищения, который повсеместно проводился в конце шестого месяца.
(обратно)

Прим.30 гл. VIII:

Под мандарином Накаёри имеет в виду самого себя.
(обратно)

Прим.31 гл. VIII:

Под «листочком» подразумеваются «слова» (то есть письмо от Атэмия), так как иероглиф «ха» (лист) входит в сочетание, обозначающее «слово».

(обратно)

Прим.32 гл. VIII:

Стихотворение представляет собой приглашение пожаловать на остров в густую тень деревьев.
(обратно)

Прим.33 гл. VIII:

Под крошечной веткой подразумевается жена принца, пятая дочь Масаёри Стихотворение не является отказом от приглашения явиться на остров, но принц хочет сказать, что его жена ему дороже всего на свете. (обратно)

Прим.34 гл. VIII:

Стихотворение написано от лица зятьёв Масаёри. Под густой тенью подразумеваются их жёны (дочери генерала), а под сосной — сам Масаёри. (обратно)

Прим.35 гл. VIII:

В некоторых списках здесь стоит кара-но камэ (корейский кувшин).
Коно Тама предпочитает чтение куруми (орехи).
(обратно)

Прим.36 гл. VIII:

Имеются в виду Накатада, Накадзуми и, может быть, Юкимаса.
(обратно)

Прим.37 гл. VIII:

По предположению Коно Тама, Масаёри под водяными орехами имеет
в виду Атэмия.
(обратно)

Прим.38 гл. VIII:

Здесь использована игра слов: уки — «плыть» и укимоно — «непостоянный человек».
(обратно)

Прим.39 гл. VIII:

Река Камо, протекавшая на восточной окраине столицы, называлась восточной рекой, а Кацура, текущая к западу от города, — западной.
(обратно)

Прим.40 гл. VIII:

Цитата из стихотворения Ки Цураюки из «Собрания старых и новых японских песен» (№ 297): «Не видит никто, как в глухих горах осыпавшиеся кленовые листья сверкают в ночной темноте, как парча». Образ заимствован из седьмой главы «Исторических записок»: «Стать знатным, богатым и не вернуться в родные края — не равно что надеть узорчатые одежды и пойти в них гулять ночью — кто будет знать об этом?» (Исторические записки. Т. 2. С. 137).
(обратно)

Прим.41 гл. VIII:

Под ветвями подразумеваются господа, под корнями — сама жена
Масаёри.
(обратно)

Прим.42 гл. VIII:

Под оставленными корнями Масаёри подразумевает жену.
(обратно)

Прим.43 гл. VIII:

Жрицы (мико или мико-но ко, дети богов) — танцовщицы,
исполнявшие в храмах священные пляски кагура.
(обратно)

Прим.44 гл. VIII:

Песни возниц (сайбара) — песни на народные тексты, к которым, приблизительно в X в., была создана музыка в стиле заимствованной церемониальной музыки. Название неясно. Предполагается, что эти песни исполнялись возницами, привозившими в столицу подать.
(обратно)

Прим.45 гл. VIII:

Японские лодки управлялись шестами. Масаёри хочет сказать, что Канэмаса должен запастись терпением, чтобы получить в жёны Атэмия. Дополнительный оттенок привнесён тем, что стихотворение исполняется на мотив песни «Наш дом», в которой говорится о встрече жениха.
(обратно)

Прим.46 гл. VIII:

Под корабельщиком Канэмаса подразумевает себя самого, под шестом, не достигающем дна, — Атэмия, которая не отвечает ему.
(обратно)

Прим.47 гл. VIII:

Вотивные приношения нуса использовали при выполнении обряда очищения: ими вытирали тело и затем бросали в воду. Здесь с нуса, уплывающей по течению, сравнивается непостоянный человек.
(обратно)

Прим.48 гл. VIII:

См. примеч. 73 к гл. III.

(обратно)

Прим.49 гл. VIII:

 Подробно об этом см. примеч. 14 к гл. IX.
(обратно)

Прим.50 гл. VIII:

Стихотворение построено на игре слов: токонацу — «гвоздика» и токо — «постель», и на омонимах: ори — «быть дома» и ори — «срывать». Стихотворение можно перефразировать следующим образом: «У меня всё время тяжело на душе, потому что я живу один». (обратно)

Прим.51 гл. VIII:

Под гвоздикой подразумевается принц, под каплями белой росы — придворные дамы, которые каждый вечер сменяют друг друга в покоях принца.

(обратно)

Прим.52 гл. VIII:

Атэмия имеет в виду, что Санэтада посещает многих женщин.
(обратно)

Прим.53 гл. VIII:

Стихотворение построено на игре слов: миру — «зелёная водоросль»,
мирумэ — «женщина, которую я вижу».
(обратно)

Прим.54 гл. VIII:

Атэмия хочет сказать, что ко всему этому не имеет ни малейшего отношения.
(обратно)

Прим.55 гл. VIII:

Трава забвения от любви из стихотворения Накатада интерпретируется здесь как трава, с помощью которой Накатада якобы хочет забыть о своих многочисленных возлюбленных.
(обратно)

Прим.56 гл. VIII:

Месяц летнего очищения — шестой месяц, в конце которого производили обряд очищения.
(обратно)

Прим.57 гл. VIII:

Будет вам опорой — то есть станет вашей мачехой.
(обратно)

Прим.58 гл. VIII:

Университет Поощрения учёности — учебное заведение, основанное в 821 г. Фудзивара Фуюцугу для представителей рода Фудзивара.
(обратно)

Прим.59 гл. VIII:

Суэфуса подражает Чэ Иню, учёному времён династии Цзинь (265–420), который, не имея денег, чтобы купить масла для светильника, занимался ночью при свете светляков.
(обратно)

Прим.60 гл. VIII:

Здесь автор явно вспоминает Сунь Кана, учёного династии Цзинь, который был столь беден, что ему приходилось читать при блеске снега.
(обратно)

Прим.61 гл. VIII:

Высокая задняя часть головного убора (кодзи), в которую помещались волосы, завязанные узлом.
(обратно)

Прим.62 гл. VIII:

Это, по-видимому, ошибка, так как китайские уставные стихи были на четыре рифмы в восемь строк.
(обратно)

Прим.63 гл. VIII:

Смысл речи Масаёри не очень ясен.
(обратно)

Прим.64 гл. VIII:

Под соснами, которые не меняют цвета хвои, подразумеваются
обычные студенты университета, под веткой глицинии — Суэфуса.
(обратно)

Прим.65 гл. VIII:

Отрывок, по-видимому, повествует о чувствах Суэфуса к Атэмия и попал сюда из другого места.
(обратно)

Прим.66 гл. VIII:

В тексте упомянуто вечнозелёное дерево маки — подокарп крупнолистный. Атэмия намекает, что всё это время принц не забывал о развлечениях.
(обратно)

Прим.67 гл. VIII:

В начале десятого месяца происходила смена летних одежд на зимние. Отбить одежду — приготовить тёплую одежду (образ, заимствованный из китайской поэзии). В последних двух строчках стихотворения принц жалуется на то, что у него нет жены, которая приготовила бы ему зимнюю одежду.

(обратно)

Прим.68 гл. VIII:

Гора Атаго находится на северо-западе от столицы. Название её созвучно слову атагото (пустые слова).
(обратно)

Прим.69 гл. VIII:

Под мелким течением Накатада имеет в виду холодное сердце Атэмия,
под плотовщиком — самого себя.
(обратно)

Прим.70 гл. VIII:

Карпы упоминаются в стихотворении, потому что слово «каrp» (кои)
омонимично со словом «любовь».
(обратно)

Прим.71 гл. VIII:

Смысл этого стихотворения: «Твоя любовь не более чем тень,
отражение в воде».
(обратно)

Прим.72 гл. VIII:

Стихотворение построено на игре слов Нагуса и нагусамэ (утешать).
(обратно)

Прим.73 гл. VIII:

Бдение в ночь обезьяны (косин-мати) — бдение в ночь косин, ночь шестидесятидневного цикла, для обозначения которого пользовались комбинацией десяти циклических знаков и двенадцати знаков зодиака. Ночь, обозначенная соединением седьмого знака десятиричного цикла и знака обезьяны, считалась для человека зловещей. По даосским представлениям, если в эту ночь человек спит, то три червя, обитающие в его теле, поднимаются к Небесному владыке и докладывают ему о прегрешениях человека, отчего этот последний умирает. В такие ночи, чтобы не мать, устраивали различные развлечения.
(обратно)

Прим.74 гл. VIII:

Мидзугуки — буквально: «водяные стебли», восходит к слову мидзукуки, которое встречается в «Собрании мириад листьев» («Манъёсю») и означает приблизительно «затопленная водой крепость». Было неправильно понято в эпоху Хэйан и стало обозначать кисть для письма. Санэтада в стихотворении спрашивает, что станет с его письмами. (обратно)

Прим.1 гл. IX:

Действие главы охватывает шесть-семь месяцев: три последних того года, о котором рассказывалось в седьмой главе, и четыре месяца следующего года, в котором Накатада исполнился 21 год, Атэмия — 15 лет.

(обратно)

Прим.2 гл. IX:

После праздника хризантем девятого дня девятого месяца в десятом месяце устраивался пир по поводу любования последними хризантемами. Хотя глава называется «Кику-но эн» («Праздник хризантем девятого месяца»), речь идёт о втором пире.
(обратно)

Прим.3 гл. IX:

Непонятное место: два сына министра, Санэмаса и Санэёри, были женаты соответственно на третьей и четвёртой дочерях Масаёри.
(обратно)

Прим.4 гл. IX:

Церемония смены одежд — в десятом месяце проводилась церемония смены летних одежд на зимние.
(обратно)

Прим.5 гл. IX: Связанные параллельные строки — жанр китайской поэзии. Выбрав общую Рифму для всех строк, собравшиеся участники по очереди сочиняли по одной или по несколько строк на заданную тему, в результате чего должно было получиться стихотворение.
(обратно)

Прим.6 гл. IX:

Образ из стихотворения Ки Цураюки. См. примеч. 40 к гл. VIII.
(обратно)

Прим.7 гл. IX:

Таким косвенным образом мать спрашивает, не беременна ли
Дзидзюдэн.
(обратно)

Прим.8 гл. IX:

Четвёртая принцесса — дочь императора Сага, сестра жены Масаёри.
(обратно)

Прим. 9 гл. IX:

Далее в тексте следует фраза: «Наследник престола был младшим братом госпожи», выпадающая из контекста и довольно тёмная, так как непонятно, кто имеется в виду под госпожой.
(обратно)

Прим.10 гл. IX:

Коно Тама отмечает, что такое сочетание должностей было совершенно необычным.
(обратно)

Прим.11 гл. IX:

Тан — мера измерения тканей, равная 10,6 м.
(обратно)

Прим.12 гл. IX:

Принц Накацукасаке — муж второй дочери Масаёри, младший брат императора Сага.
(обратно)

Прим.13 гл. IX:

Яхирадэ — атрибут синтоистских обрядов, несколько листьев дуба сии, которые протыкали бамбуковой щепкой и использовали в древней Японии как тарелочку. Яхирадэ употребляли для приношения богам.
(обратно)

Прим.14 гл. IX:

Насколько можно судить по сохранившимся текстам, игра «называние талантов» следовала за священными плясками кагура. Первоначально вопросы «талантливым мужам» (дзаэ-но оноко, название певцов кагура, от которого, как предполагается, и происходит название игры) задавал главный исполнитель священных песен и плясок (старейшина). Ответы певцов, часто абсурдные, должны были рассмешить присутствующих. (обратно)

Прим.15 гл. IX:

Ответ Накатада представляет собой неточную цитату старинного стихотворения, сочинённого якобы в эпоху императора Нинтоку (313–399) учёным Вани; с этого стихотворения начиналось обучение каллиграфии. (обратно)

Прим.16 гл. IX:

«Боги прощают» — может быть, поговорка того времени. Следующие слова Накатада можно понимать в том смысле, что он узнал о решении Масаёри отдать Атэмия наследнику престола. Это, однако, не согласуется с упоминанием Судзуси, которому Накатада завидует, потому что по указу императора он должен взять в жёны Атэмия.
(обратно)

Прим.17 гл. IX:

«Бык, который уснул» — поговорка о сильном человеке, который внезапно теряет свои силы. Здесь и далее в романе (например, диалог между Накатада и Хёэ в гл. XI) мы имеем дело с образцом словесной игры — диалогами, в которых участники цитируют фрагменты пословиц или стихов, чтобы продемонстрировать свою образованность и остроумие. Возможно, что это род абсурдного диалога типа «называния талантов». (обратно)

Прим.18 гл. IX:

См. примеч. 11 к гл. II.
(обратно)

Прим.19 гл. IX:

Поговорка о завистливом человеке.
(обратно)

Прим.20 гл. IX:

Фраза неясна, может быть, это поговорка того времени.
(обратно)

Прим.21 гл. IX:
Фраза неясна.
(обратно)

Прим.22 гл. IX:

Чествование императрицы, по-видимому, было назначено на день
церемонии подношения свежих трав.
(обратно)

Прим.23 гл. IX:

«Танец князя Лин-вана» (яп. Рёо) — танец китайского князя периода Весны и Осени (Чуньцю, 770–476 гг. до н. э.), который был настолько красив, что не мог устрашить врагов своей внешностью и во время боя надевал страшную маску. Танец исполнялся одним танцором в маске. (обратно)

Прим.24 гл. IX:

Обычно такую клятву произносили мужчина и женщина, дававшие обет вечной любви.
(обратно)

Прим.25 гл. IX:

«Сбор тутовых листьев» («Сайсоро») — танец исполнялся одним актёром, изображавшим старика.
(обратно)

Прим.26 гл. IX:

«Фусо» (кит. Фусан) — в китайской мифологии название священного дерева, из-за которого поднималось солнце. Страна Фусо — название Японии. Хореография танца не сохранилась.
(обратно)

Прим.27 гл. IX:

«Танец Великого мира» («Тайхэйраку») — танец китайского происхождения, исполнялся четырьмя танцовщиками в воинских костюмах, с мечами и копьями.
(обратно)

Прим.28 гл. IX:

«Долина Хуанчжун» («Одзё») — название долины в Китае, где погиб Ван Сяоцзе, министр императора Чжун-цзуна (705–710), разгромивший западных жунов. Согласно преданию, танец был создан по велению императора для увековечения памяти министра.
(обратно)

Прим.29 гл. IX:

Церемония провозглашения имён будд — обычно выполнялась в императорском дворце и домах аристократов в течение трёх дней, начиная с девятнадцати дня двенадцатого месяца. Во время церемонии молились за очищение души. В императорском дворце перед участниками церемонии ставились статуя будды и ширмы с изображением буддийского ада. (обратно)

Прим.30 гл. IX:

Терпенья трава (синобугуса) — давалля.
(обратно)

Прим.31 гл. IX:

На ширмах были изображены двенадцать месяцев года. Поскольку сочинение стихов происходит в день рождения императрицы, почти во всех стихотворениях содержится намёк на какой-то долгий период времени, что является пожеланием долголетия.
(обратно)

Прим.32 гл. IX:

На ширме изображена ночь полнолуния. В восьмом месяце гуси возвращаются на зиму в Японию.
(обратно)

Прим.33 гл. IX:

Час дракона — время суток от 7 до 9 часов утра.
(обратно)

Прим.34 гл. IX:

Речь, вероятно, идёт о декоративном столике. Текст, по-видимому, сильно испорчен. Неясно также, кем написано ответное стихотворение.
(обратно)

Прим.35 гл. IX:

Цитры, отметим, никогда не делали из древесины сосны.
(обратно)

Прим.36 гл. IX:

Госпожа выражает опасение, что Атэмия затеряется среди благородных дам. «Счастлива мышь проникнуть туда, где нет колонков» — пословица того времени.
(обратно)

Прим.37 гл. IX:

Стихотворение построено на омонимах: нэ — «день крысы» и нэ — «спать» (в значении — с жёнами). Мацу (от маши — «ожидать») из предыдущего стихотворения здесь интерпретируется как «сосна».
(обратно)

Прим.38 гл. IX:

Равнина Тикума находилась в провинции Синано.
(обратно)

Прим.39 гл. IX:

Под горой Черепахи (Камэяма) подразумевается гора Хорай или горы близ столицы Хэйан. Черепаха и сосна являлись символами долголетия. (обратно)

Прим.40 гл. IX:

Эта часть диалога не очень понятна. Коно Тама считает, что здесь идёт своеобразная игра, вроде «называния талантов» (см. примеч. 14).
(обратно)

Прим.41 гл. IX:

Последняя фраза письма построена на омонимах: мацу — «сосна» и мацу (от матери) — «ждать». Кавасима (остров на реке) не имеет определённой локализации.
(обратно)

Прим.42 гл. IX:

Золотой пик (Кимбусэн) — самая высокая вершина гор Ёсино в провинции Ямато, на ней находится храм секты Тэндай, называющийся так же, как гора. Предполагается, что храм был основан в середине VIII в. (обратно)

Прим.43 гл. IX:

Белая гора (Сираяма) — старое название горы Хакусан в провинции Ката. На ней находился синтоистский храм Сираяма-химэ, богини горы.
(обратно)

Прим.44 гл. IX:

Святылище Уса (Уса дзингу или Уса Хатиман дзингу) — находилось в местечке Уса в провинции Будзэн. Было посвящено императору Одзин, императрице Дзингу и богу Яхата (Хатиман).
(обратно)

Прим.45 гл. IX:

Цитата из стихотворения Осикоти Мицунэ, одного из Тридцати шести гениев японской поэзии: «Не успел подумать: „Сегодня наступила весна”, — как уже грустно на сердце при виде опадающих цветов» («Собрание старых и новых японских песен». № 134).
(обратно)

Прим.46 гл. IX:

Реплика Атэмия представляет собой ответ на цитату из стихотворения
Мицунэ.
(обратно)

Прим.47 гл. IX:

В стихотворении использована игра слов: последний слог слова нагэки (стенания) трактован как «дерево».
(обратно)

Прим.48 гл. IX:

Радостный Будда (Содэн, санскрит. Мандикешвара) — изображение совокупляющихся мужского и женского божеств, символ воплощения двух начал в Будде.
(обратно)

Прим.49 гл. IX:

Церемония очищения в третьем месяце происходила обычно в первый день змеи, но из данного отрывка видно, что она могла иметь место и на второй день змеи. Церемония выполнялась не только императорской семьёй, но и частными лицами.
(обратно)

Прим.50 гл. IX:

Как сообщает Коно Тама, в старых текстах, например в «Сюи вакасю» («Собрание, составленное из забытых японских песен», конец X — начало XI в.), встречаются упоминания об «иве в короне» (кобури-янаги), которая росла на пути из столицы в Нанива, на берегу реки Ёдогава. Почему она так называлась, — неизвестно.
(обратно)

Прим.51 гл. IX:

Стихотворение основано на двух значениях слова кобури: «головной убор» и «чиновник пятого ранга» (который носит бледно-алые одежды). Содержание стихотворения может быть резюмировано следующим образом: «Ива носит шапку чиновника (корону, см. предыдущее примеч.), но не может одеться в его алые одежды». (обратно)

Прим.52 гл. IX:

Нагасу — находится в провинции Сэтцу.
(обратно)

Прим.53 гл. IX:

Бухта Мицу была многократно воспета в японской поэзии, в частности в стихотворениях из «Собрания мириад листьев».
(обратно)

Прим.54 гл. IX:

Стихотворение основано на игре слов: сиракумо (белое облако) уподобляется сирадзу (не знаю), а название бухты созвучно форме прошедшего времени глагола мицу (видеть).
(обратно)

Прим.55 гл. IX:

Смысл этого высказывания остаётся неясным.
(обратно)

Прим.56 гл. IX:

Кинай — пять провинций вокруг столицы Хэйан: Ямасиро, Ямато, Коти, Идзуми, Сэтцу.
(обратно)

Прим.57 гл. IX:

Санъё и Нанкай — две из восьми главных дорог древней Японии.
(обратно)

Прим.58 гл. IX:

Молитвословие — имеется в виду древнейшая синтоистская молитва
(норито).
(обратно)

Прим.59 гл. IX:

Смысл стихотворения неясен.
(обратно)

Прим.60 гл. IX:

Под соснами подразумеваются будущие зятя Масаёри, Накатада и Судзуси. Санэтада говорит о не принёсшем результата обряде, который он совершал с целью забыть Атэмия.
(обратно)

Прим.61 гл. IX:

Атэмия в своём стихотворении хочет сказать, что Санэтада вообще совершил ошибку, полюбив её.
(обратно)

Прим.62 гл. IX:

Сосны в Сумиёси — имеются в виду две сосны, растущие рядом, которые были символом супружеской верности.
(обратно)

Прим.63 гл. IX:

«Вместе до самого Танского царства» — по-видимому, слова популярной в то время песни.
(обратно)

Прим.64 гл. IX:

Целью Канэмаса, о которой он прямо не говорит, было похищение Атэмия, и он уговаривает её брата помочь ему в этом.
(обратно)

Прим.65 гл. IX:

Во время важных государственных событий, например, восшествия на престол императора, в святилище в Уса направляли посланца для подношения богам нуса. Первый раз посланец был направлен туда в 731 г., а с 898 г. начали направлять посланцев регулярно, один раз в три года. (обратно)

Прим.66 гл. IX:

Стихотворение основано на близких по звучанию словах: коги — «грести» и когарэ — «сгорать от любви».
(обратно)

Прим.67 гл. IX:

Смысл стихотворения непонятен.
(обратно)

Прим.68 гл. IX:

Наследник намекает на поиски Сюй Ши священных гор (см. примеч. 24 к гл. VII).
(обратно)

Прим.69 гл. IX:

Намёк на китайскую легенду о горе Учан в северном Китае. Женщина, провожая мужа в дальний поход, поднялась на гору и превратилась в камень. В Японии существовала аналогичная легенда о горе Развевающегося Шарфа в уезде Мацура. Отомо Садэхико был послан в страну Мимана, его возлюбленная Мацура Саёхимэ поднялась на вершину высокой горы и провожала взглядом удаляющийся корабль, в последний момент она сняла с себя белый шарф и стала махать им. Существует вариант легенды, по которому, размахивая шарфом, Саёхимэ превратилась в камень.

(обратно)

Прим.70 гл. IX:

Стихотворение основано на игре слов: уки — «плыть» и укимоно — «непостоянный человек». Таким образом Атэмия укоряет плачущего Санэтада в непостоянстве.
(обратно)

Прим.71 гл. IX:

Храм Такао — храм секты Сингон в столице Хэйан.
(обратно)

Прим.72 гл. IX:

Цветы дракона — под так называемым деревом цветов дракона должен проповедовать Майтрейя, Будда будущих времён.
(обратно)

Прим.73 гл. IX:

«Ворота моей любимой» («Има-га кадо») — песня сайбара (см. примеч. 44 к гл. VIII).
(обратно)

Прим.74 гл. IX:

По-видимому, здесь цитируется какое-то стихотворение, но смысл остаётся неясным.
(обратно)

Прим.1 гл. X:

Въезд Атэмия во дворец наследника престола происходит в десятом месяце того года, о котором рассказывается в предыдущей главе, Атэмия — 15 лет.
(обратно)

Прим.2 гл. X:

Мията Ваитиро, который, кстати, относит все слова госпожи к речи Масаёри, толкует это место как упоминание об эпидемии.
(обратно)

Прим.3 гл. X:

Вероятно, ароматические шарики имели вид какой-то еды, а потому к ним были приложены палочки.
(обратно)

Прим.4 гл. X:

«Коробка с китайским гребнем» (кара-кусигэ), по-видимому, представляет собой постоянный эпитет к слову акуру (светло).
(обратно)

Прим.5 гл. X:

По воззрениям древних японцев, соприкосновение со смертью считалось скверной, и после погребения родственники покойного должны были соблюдать строгое воздержание, не выходя из дому и никого не принимая. Кроме того, родственники покойного должны были носить траур, в частности, по брату срок траура был установлен в три месяца. Таким образом, Масаёри, в случае смерти Накадзуми, должен был бы отложить замужество дочери.
(обратно)

Прим.6 гл. X:

Пятая принцесса — в предыдущей главе она называлась Четвёртой принцессой. В тексте под редакцией Мията Ваитиро везде «Четвёртая принцесса».
(обратно)

Прим.7 гл. X:

По-видимому, принц имеет в виду миф об уходе в Небесный грот богини Солнца Аматэрасу, в результате чего мир погрузился во мрак. (обратно)

Прим.8 гл. X:

См. примеч. 73 к гл. VIII.
(обратно)

Прим.9 гл. X:

В этом стихотворении Весенний (Восточный) дворец, то есть дворец наследника престола, ассоциируется с весной, когда гуси покидают Японию и летят в Сибирь.
(обратно)

Прим.10 гл. X:

В этом стихотворении гребень горы (ха) ассоциируется с крылом (ха).
(обратно)

Прим.11 гл. X:

Небесные перья — одежда небесной феи.
(обратно)

Прим.12 гл. X:

Автор прибегает к образу, использовавшемуся в поэзии: последний слог слова нагэки («стенания») понимался как «дерево».
(обратно)

Прим.13 гл. X:

«Но морской травы не вижу...» — здесь миру — «зелёная водоросль»,
«кодиум» ассоциируется с мирумэ — «женщина, которую я вижу».
(обратно)

Прим.14 гл. X:

Непонятно, кто имеется в виду.
(обратно)

Прим.15 гл. X:

Стихотворение построено на омонимах: ии — «жёлоб» и ии — «говорить». Под водой, которая умчалась из пруда, подразумевается Атэмия, покинувшая отчий дом, под пеной — письма Накадзуми. Молодой человек хочет сказать, что не надо было писать их.
(обратно)

Прим.16 гл. X:

Под росинками подразумеваются братья Атэмия.
(обратно)

Прим.17 гл. X:

Наследник престола разрешает не носить полного траура, ограничившись трауром во время пребывания в доме отца.
(обратно)

Прим.18 гл. X:

Непонятно, почему автор упоминает об этой должности.
(обратно)

Прим.19 гл. X:

Прощение не передавали из рук в руки, для этого пользовались длинной палкой, к концу которой и прикреплялась бумага.
(обратно)

Прим.20 гл. X:

Потирая руки — жест, означающий просьбу.
(обратно)

Прим.21 гл. X:

Южный дворец (Надэн, или Дворец пурпурных покоев, Сисиндэн) —
главное строение императорского дворца.
(обратно)

Прим.22 гл. X:

Под цветком подразумевается Атэмия, под каплями росы — сам наследник престола.
(обратно)

Прим.23 гл. X:

Под листьями хаги Атэмия имеет в виду себя самое, под цветами — других наложниц императора.
(обратно)

Прим.24 гл. X:

Мы следуем интерпретации Коно Тама. Мията Ваитиро считает, что текст испорчен.
(обратно)

Прим.25 гл. X:

За несколько дней до родов роженицу одевали в белое платье. Все прислуживающие дамы надевали такие же одежды, а кроме того, в покаях вешали белые занавеси.

(обратно)

Прим.26 гл. X:

По обычаю, поздравления с рождением ребёнка посылались на третью, пятую седьмую и девятую ночи.
(обратно)

Прим.27 гл. X:

Это место не очень понятно.
(обратно)

Прим.28 гл. X:

В шестнадцатой главе сказано, что Масаёри является младшим братом Суэакира; таким образом, Атэмия приходится Сёёдэн не племянницей, а двоюродной сестрой.
(обратно)

Прим.29 гл. X:

Во время обрядов, связанных с рождением ребёнка, читались благоприятные отрывки из китайских классических книг.
(обратно)

Прим.1 гл. XI:

Глава описывает события, происшедшие в период с пятого по седьмой месяцы года, после въезда Атэмия (далее Фудзицубо) во дворец. В конце седьмого месяца в восточном саду дворца Человеколюбия и Долголетия проводились состязания в борьбе, описание которых составляет основную часть главы. Накатада в этом году — 22 года, Атэмия — 16 лет.

В тексте главы очень много противоречий, лакун и трудных для понимания мест. Ещё раз обратим внимание читателей на то, что вторая половина моногатари изобилует ошибками, лакунами (порой значительными по объёму, и по смыслу), очень трудна для толкования, на чём мы подробно останавливались во вступительной статье «„Повесть о дупле“, литературный памятник X века».

В различных списках эта глава называется по-разному: «Состязания в борьбе», «Главная распорядительница Отделения дворцовых прислужниц» и «Краткое мгновение полной луны». Последнее название восходит, по-видимому, к отрывку, который в дошедшем до нас тексте не сохранился. (обратно)

Прим.2 гл. XI:

Канэмаса имеет в виду период до въезда Атэмия во дворец.
(обратно)

Прим.3 гл. XI:

Дворцовый пир проводился около двадцатого дня первого месяца.
(обратно)

Прим.4 гл. XI:

Непонятно, что означают подобные ставки. Комментаторы оставляют это место без объяснений.
(обратно)

Прим.5 гл. XI:

Фудзицубо. — Атэмия, въехав в императорский дворец, стала зваться по наименованию Павильона глициний (Фудзицубо), в который её поселили.
(обратно)

Прим.6 гл. XI:

Смысл реплики неясен. По-видимому, цитируется какое-то стихотворение, но источник остаётся неизвестным.
(обратно)

Прим.7 гл. XI:

Смысл этого намёка заключается в том, что, по мнению императора, Дзидзюдэн и Канэмаса тайно встречаются.
(обратно)

Прим.8 гл. XI:

Цитата из стихотворения Фудзивара Окикадзэ, одного из Тридцати шести гениев японской поэзии, из «Собрания старых и новых японских песен» (№ 1053): «Как прискорбно, когда начинают судачить о любви. Но и зная об этом, я сердцем готов заблуждаться. Да разве я один?» (обратно)

Прим.9 гл. XI:

Китидзётэн (санскр. Шри) — одно из имён Лакшми, богини красоты и счастья, супруги бога Вишну.
(обратно)

Прим.10 гл. XI:

Одно из противоречий этой главы. Чудесное исполнение Накатада имело место в Саду божественного источника (гл. VII), а не в Фукиагэ. Кроме того, император не ездил в Фукиагэ, и наконец, Фудзицубо была обещана в жёны не Накатада, а Судзуси.
(обратно)

Прим.11 гл. XI:

Далее в оригинале следуют три строки, не имеющие никакого отношения к содержанию главы и неизвестно откуда попавшие в текст.
(обратно)

Прим.12 гл. XI:

В седьмой день седьмого месяца во дворце Чистоты и Прохлады проводилась церемония, которая должна была оградить людей от малярии. Церемония эта не имела отношения к празднику Танабата. По китайской легенде, в этот день умер малолетний ребёнок мифического императора Ди-ку (или Ку) и его душа, превратившаяся в злого духа, насылала на мир эту болезнь. Во дворе дворца ставили столы с приношениями духу — лепёшками сакубэй (или мугинава), которые любил ребёнок при жизни. Вместе с тем во двор выносили чаны с водой, в которой должна была отразиться встреча звёзд Пастуха и Ткачихи.
(обратно)

Прим.13 гл. XI:

Смысл этого стихотворения неясен. Масаёри, вероятно, хочет отвести от дочери подозрения императора, выраженные в предшествующем стихотворении.

(обратно)

Прим.14 гл. XI:

Стихотворение построено на омонимах: аки — «осень» и аки — «быть пресыщенным». Его можно перефразировать следующим образом: «Мы и летом спали отдельно (нас разделяла одежда), так почему же с приходом осени сердиться на то, что я не являюсь к вам в опочивальню?» Последующая реплика представляет собой, по-видимому, цитату, но источник её не установлен.
(обратно)

Прим.15 гл. XI:

Непонятно, идёт ли здесь речь об императоре или наследнике престола. В данном отрывке Масаёри рассказывает об эпизоде с письмом как имевшем место в тот же день, в то время как ранее в разговоре с Накатада речь шла о прошлом.
(обратно)

Прим.16 гл. XI:

Речь идёт о дочери Масаёри от второй жены (дочери императора Сага). Это место неясно, так как в сохранившемся тексте подобных слов императора нет.
(обратно)

Прим.17 гл. XI:

Цветы тыквы — по-видимому, эмблема правой команды.
(обратно)

Прим.18 гл. XI:

Под цветами оминаэси (патриния, *Patrinia*, род семейства валериановых) подразумевается Дзидзюдэн, под каплями росы — Канэмаса.
(обратно)

Прим.19 гл. XI:

Под цветами оминаэси здесь подразумевается Сёкёдэн, под полем — сам принц.
(обратно)

Прим.20 гл. XI:

Под цветком оминаэси подразумевается Масаёри, под гвоздикой — его дочь, Дзидзюдэн.
(обратно)

Прим.21 гл. XI:

Возможно, что таким образом принц выражает надежду рано или поздно получить Сёкёдэн в жёны.
(обратно)

Прим.22 гл. XI:

Под воином подразумевается принц, бывший главой Военного ведомства, под двумя стрелами — принц и Сёкёдэн.
(обратно)

Прим.23 гл. XI:

Здесь использован образ стихотворения неизвестного автора из «Собрания старых и новых японских песен» (№ 761): «На рассвете слышится шум крыльев бекасов. Но ещё громче скрипит моё ложе, когда я один, без тебя, ворочаюсь на нём».

(обратно)

Прим.24 гл. XI:

Стихотворение можно перефразировать следующим образом: «Тебе не удалось скрыть свою любовь от посторонних взглядов, и об этом судачат до сих пор».
(обратно)

Прим.25 гл. XI:

Под влиянием предыдущего стихотворения здесь использован образ
иней, но в целом содержание неясно.
(обратно)

Прим.26 гл. XI:

Стихотворение основано на омонимах: аки — «осень» и аки — «быть пресыщенным». Под цветком подразумевается Сёкёдэн, которая якобы стала равнодушной.
(обратно)

Прим.27 гл. XI:

Под повесой, очевидно, подразумевается Канэмаса, которого принц укоряет в легкомыслии и непостоянстве. Но можно допустить, что под повесой принц подразумевает самого себя.
(обратно)

Прим.28 гл. XI:

Час обезьяны — время суток с 3 до 5 часов дня.
(обратно)

Прим.29 гл. XI:

Одно из противоречий данной главы, так как Накаёри уже удалился в горы и принял монашество.
(обратно)

Прим.30 гл. XI:

Репертуар церемониальной музыки гагаку делился на китайскую и корейскую в зависимости оттого, из какой страны были заимствованы те или иные пьесы.

(обратно)

Прим.31 гл. XI:

О диалоге Накатада с Хёэ (см. примеч. 19 к гл. IX).
(обратно)

Прим.32 гл. XI:

Цитата из стихотворения неизвестного автора из «Собрания старых и новых японских песен» (№ 507): «Люблю и тоскую... Когда же мы встретимся? Устали руки завязывать шнур исподнего платья, но сам собой распускается узел». Развязывающийся сам собой узел предвещает свидание.

(обратно)

Прим.33 гл. XI:

Фудзицубо укоряет Накатада за то, что он встречается с другими женщинами. Под выюнком «утренний лик» подразумеваются легкомысленные женщины. Фудзицубо использует образ стихотворения из «Повести об Исэ» (Исэ-моногатари, с.68):

Если ты не со мной, —
не развязывай нижней шнуровки,
хоть и будь ты выюнком, —
цветочком, не ждущим
вечерних теней.

(Перевод Н. И. Конрада)
(обратно)

Прим.34 гл. XI:

Стихотворение построено на омонимах: химою (гурэ) — «вечером» и химою (от химоюи) — «завязать узел» (т. е. спать одному).
(обратно)

Прим.35 гл. XI:

Под каплями росы подразумеваются слёзы женщин, страдающих от непостоянства Накатада.
(обратно)

Прим.36 гл. XI:

Фраза содержит игру слов: аки — «осень» и аки — «быть пресыщенным». Судзуси имеет в виду, что Накатада увлекает и бросает его.

(обратно)

Прим.37 гл. XI:

По утверждению Коно Тама, это цитата из стихотворения поэтессы Исэ, включённого в «Собрание старых и новых японских песен» (№ 681): «Я бы не хотела, чтобы даже во сне мой любимый увидел меня. Так подурнело от страданий лицо, которое я вижу утром в зеркале, что мне самой становится стыдно».

(обратно)

Прим.38 гл. XI:

Стихотворение построено на омонимах: миру (от ми) — «смотреть» и миру — «водоросли».
(обратно)

Прим.39 гл. XI:

Стихотворение основано на образах стихотворения неизвестного автора из «Собрания старых и новых японских песен» (№ 201): «Заблудился я в поле осеннем. Настал вечер. Не заночевать ли мне там, где слышится голос сверчка, который ждёт кого-то?».

(обратно)

Прим.40 гл. XI:

Ответ Накатада можно перефразировать следующим образом: «Если бы я получил в жёны Фудзицубо, мне не нужно было бы посещать других женщин». Согласно японским комментаторам, Накатада этими словами хочет рассеять подозрения принца.
(обратно)

Прим.41 гл. XI:

Под распустившимся цветком подразумевается ребёнок, который мог бы родиться от брака Накатада и Фудзицубо.
(обратно)

Прим.42 гл. XI:

Под сверчком принц имеет в виду себя самого.
(обратно)

Прим.43 гл. XI:

Удоигэ (санскр. удумбара) — цветы фантастического дерева, которое растёт в Индии и цветёт якобы один раз в три тысячи лет. Цветение его предвещает появление в мире Будды.
(обратно)

Прим.44 гл. XI:

См. примеч. 24 к гл. VII.
(обратно)

Прим.45 гл. XI:

По-видимому, это намёк на какую-то легенду о небожителях.
(обратно)

Прим.46 гл. XI:

Конго-дайси — Коно Тама предполагает, что здесь должно стоять Конго-додзи. В эзотерическом буддизме Конго-додзи — одно из божеств, прислуживающих защитникам Закона; изображается в виде ребёнка с гневным выражением лица, стоит на лотосе, левая нога поднята, в левой руке держит ваджру.
(обратно)

Прим.47 гл. XI:

Сиванму — повелительница Запада, богиня всех фей и небожительниц. Живёт на сказочной горе Куньлунь, на далёком Западе, в Нефритовом дворце, стоящем у Нефритового пруда, возле которого растёт персиковое дерево, дающее плоды бессмертия. Император хочет сказать, что все его желания должны быть выполнены.
(обратно)

Прим.48 гл. XI:

Имеются в виду дети, сопровождавшие Сюй Ши.
(обратно)

Прим.49 гл. XI:

Ворота Левой императорской охраны — ворота Ёмэймон (ворота Солнечного света), находившиеся в восточной стене дворцовой крепости. (обратно)

Прим.50 гл. XI:

Стихотворение построено на омонимах: суки — «тонкий» и суки — «повеса», аки — «осень» и аки — «быть пресыщенным», курэ (от ки) — «приходить» и курэ — «клониться к закату». В стихотворении Кунитоки намекает на любовь Накатада к Фудзицубо.
(обратно)

Прим.51 гл. XI:

Стихотворение построено на тех же образах и омонимах, что и предыдущее, а кроме того, использует омонимы: тати — «отправляться в путь» и тати — «кроить одежду».
(обратно)

Прим.52 гл. XI:

Не совсем ясно, что значит уцуси; по-видимому, связано с уцусима (сменные лошади, которых давали чиновникам во время служебных поездок). Предполагается, что седло уцуси — либо седло на этой лошади, либо седло, сделанное по китайскому образцу.
(обратно)

Прим.53 гл. XI:

По мнению Коно Тама, здесь содержится намёк на стихотворение Киёвара Фукаябу, одного из Тридцати шести гениев японской поэзии, из «Собрания старых и новых японских песен» (№ 967): «В других местах распускаются весенние цветы, и в этой долине, куда не доходит солнечный свет, их нет, и не надо сожалеть, что они быстро увянут».
(обратно)

Прим.54 гл. XI:

Госпожа цитирует стихотворение неизвестного автора из того же «Собрания» (№ 975): «Уже не надеюсь, что кто-то меня навестит. Пусть заросли хмеля скроют ворота мои».
(обратно)

Прим.55 гл. XI:

Может быть, это значит: рассказывать то, что собеседник знает сам.
(обратно)

Прим.56 гл. XI:

Цитата из стихотворения Мибу Тадаминэ, одного из тридцати шести гениев японской поэзии, из «Собрания старых и новых японских песен» (№ 586): «Когда дует осенний ветер и слышится, как кто-то играет на кото, невольно пробуждается в сердце любовь».
(обратно)

Прим.57 гл. XI:

Тацута-дева или богиня Тацута — богиня осени.
(обратно)

Прим.58 гл. XI:

Нанъё — возможно, здесь должно стоять нан-фу.
(обратно)

Прим.59 гл. XI:

Сосновая роща (Эн-но мацубара) — территория в крепости недалеко от императорского дворца, на которой росли сосны.
(обратно)

Прим.60 гл. XI:

Речь идёт о китайском императоре династии Хань Юань-ди (на троне: 48–32 гг. до н. э.). Император рассказывает историю знаменитой красавицы Ван Чжаоцзюнь, отданной императором Юань-ди варварам. Содержание рассказа отличается от распространённой в Китае версии. Китайский император избранных для него жён приближает к себе по портретам. Чжаоцзюнь была столь прекрасна и горда, что не пожелала подкупить портретиста (что обычно делали другие наложницы), и он изобразил её дурнушкой, в результате чего император ни разу не призвал её в свои покои и с лёгким сердцем отдал в жёны варварскому хану. Когда же она пришла проститься, государь был поражён её красотой и горько каялся. Что именно значит «Мэкутати» — непонятно.
(обратно)

Прим.61 гл. XI:

Цитата из стихотворения из «Шести тетрадей старых и новых японских песен»: «Слыша в зарослях тростника печальное щебетанье, опять вспоминаю то, о чём лучше было бы забыть». Под пением птиц в тростниках подразумеваются звуки кото.
(обратно)

Прим.62 гл. XI:

Под стражем на далёкой заставе подразумевается Канэмаса.
(обратно)

Прим.63 гл. XI:

Провинция Ки упомянута ошибочно вместо Сада божественного источника.
(обратно)

Прим.64 гл. XI:

Служебная табличка придворных — табличка для записи имени и даты службы во дворце Чистоты и Прохлады.
(обратно)

Прим.65 гл. XI:

Несмотря на то, что Тадамаса не догадывается, кто играет перед императором, в его стихотворении, как следует из комментариев, под сосной подразумевается дочь Тосикагэ, под сосёнкой — Накатада, и выражено желание, чтобы они играли вместе.
(обратно)

Прим.66 гл. XI:

Смысл стихотворения непонятен.
(обратно)

Прим.67 гл. XI: Сосна, что растёт в Анэва — реминисценция из «Повести из Исэ» (Исэ-моноготари, с. 51):

Если б сосна в Анэва
на равнине Курихара
человеком стала, —
сказал бы ей: пойдём со мной,
как вещь редкая, в столицу.

(Перевод Н. И. Конрада)

(обратно)

Прим.68 гл. XI:

Стихотворение основано на песне неизвестного автора из «Собрания
мириад листьев» (№ 3651):

Месяц, плывущий ночами,
Что черны, словно ягода тута,
Пусть скорее покажется в небе вечернем,
Чтоб за множеством дальних морских островов
Среди моря равнины широкой
Я увидел места, где живёт дорогая жена!
(Перевод А. Е. Глускиной)

(обратно)

Прим.69 гл. XI:

Император намекает на поэму китайского поэта Бо Цзюйи (772–846) «Песня о бесконечной тоске», которая рассказывает о всепоглощающей любви китайского императора Сюань-цзуна и его наложницы Ян Гуйфэй. (обратно)

Прим.70 гл. XI:

Намёк на песню из «Собрания мириад листьев» (№ 776):

О, сказанные только что слова,

Кем сказаны, чьи были те слова?

Ведь словно на полях средь гор вода,

Где поднялась рассада риса,

Стоишь на месте ты и не спешишь сюда!

(Перевод А. Е. Глускиной)

В этом стихотворении дама укоряет кавалера, приславшего ей письмо с уверениями в любви, в том, что, несмотря на все слова, он не спешит навестить её.

(обратно)

Прим.71 гл. XI:

«...и была из рода Минамото» — явное повторение, возможно, это замечание переписчика.
(обратно)

Прим.72 гл. XI:

О разделении столицы на две половины см. примеч. 11 к гл. III.
(обратно)

Прим.73 гл. XI:

Кагуяхимэ — Лунная дева, которая за какие-то прегрешения должна провести некоторое время на земле. Героиня «Такэтори-моногатари» («Повесть о Такэтори»).

(обратно)

Прим.74 гл. XI:

В «Повести о Такэтори» Кагуяхимэ соглашается выйти замуж за того, кто привезёт назначенные ею сказочные предметы, среди них целебная раковинка из гнезда ласточки, якобы дарующая лёгкие роды. Задания её, конечно, заведомо невыполнимы.

(обратно)

Прим.75 гл. XI:

Намёк на историю учёного Чэ Иня, который, не имея денег на масло для светильников, занимался ночью при свете светлячков.
(обратно)

Прим.76 гл. XI:

Стихотворение использует омонимы: каэри — «возвращаться домой» и каэри — «вылупляться из яйца». Под высоким помостом подразумеваются императорские покои.
(обратно)

Прим.77 гл. XI:

В стихотворении используются образы стихотворения придворной дамы Канъин из «Собрания старых и новых японских песен» (№ 740): «Если бы я была петухом на Заставе встреч, в слезах смотрела бы я, как ты проходишь заставу, направляясь на службу в провинцию».
(обратно)

Прим.78 гл. XI:

Стихотворение построено на омонимах: мусуби — «черпать воду» и мусуби — «связать»; выражение «вычерпать чистую воду» имеет смысл «связать клятвой». Стихотворение можно перефразировать так: «Наконец сбылись мои желания, но отношения между нами столь непрочны, что вряд ли удастся связать их клятвой».

(обратно)

/9j/4AAQSkZJRgABAQEASABIAAD/4QEaRXhpZgAASUkqAAgAAAAIABI